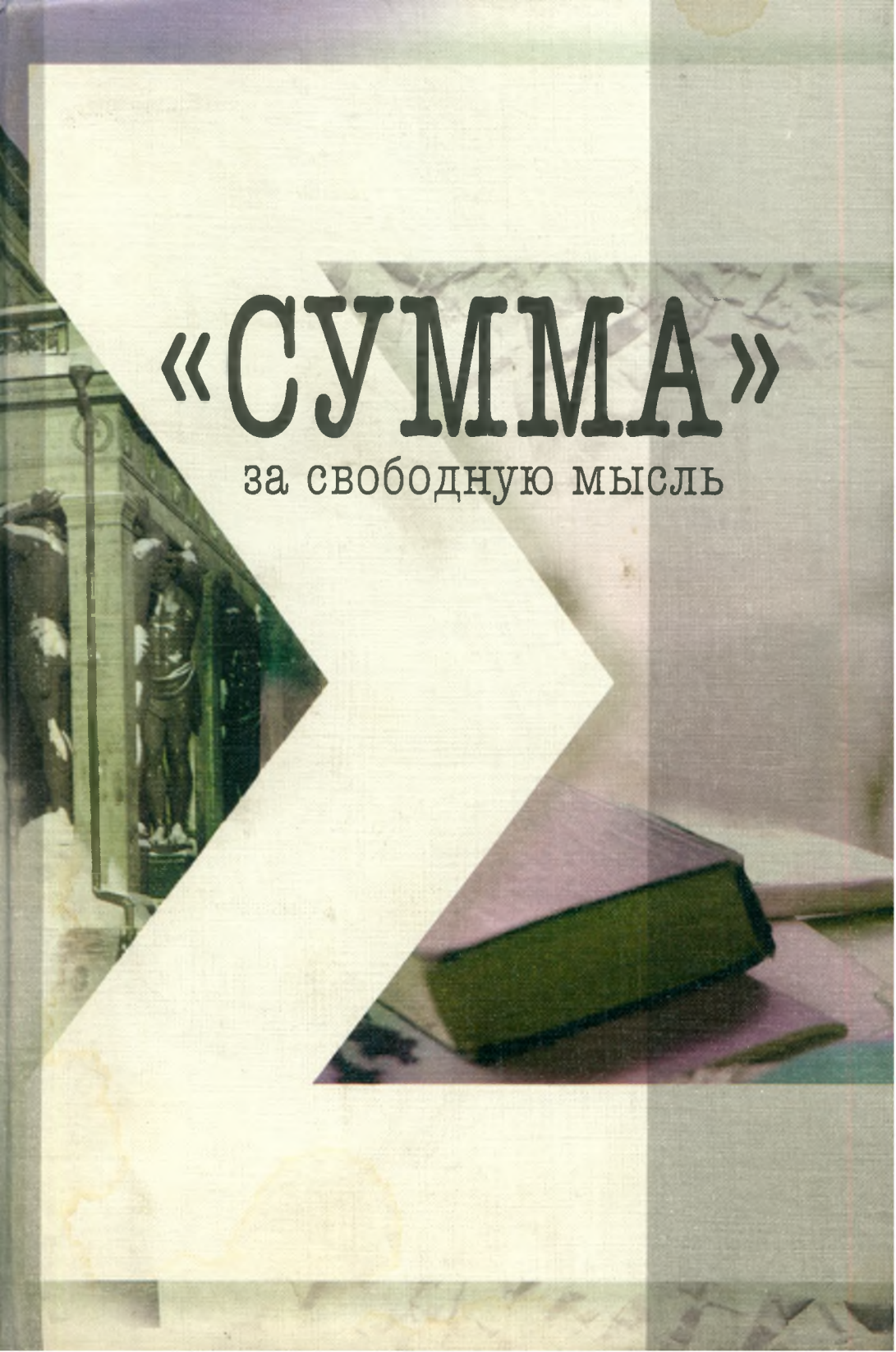

«СУММА»

за свободную мысль

Издание осуществлено при частичной финансовой поддержке ряда частных лиц, а также "Открытого Общества Архивов Центрально-Европейского Университета"(Будапешт) (Open Society Archives (OSA) at Central European University ("CEU")). Мнения, выраженные в издании, не обязательно совпадают со взглядами OSA/CEU. В подготовке издания принял участие НИЦ "Мемориал"(С-Петербург).

Редактор и руководитель проекта А.Вершик

«СУММА»

за свободную мысль

Издательство журнала «ЗВЕЗДА»
Санкт-Петербург
2002

Подпольный машинописный журнал «Сумма», выходявший в 1979-1982 годах в Ленинграде, выпускался группой интеллектуалов, организатором которой был математик С.Ю. Маслов (1939-1982). Журнал способствовал распространению в стране свободной мысли, правдивой информации, неангажированных точек зрения.

На страницах «Суммы» воспроизводились и обсуждались статьи из самиздатских журналов, неподцензурных сборников, книг и журналов, выходявшие на Западе, посвященные положению в СССР и в странах Восточного блока, актуальным событиям в стране; дискутировался широкий круг вопросов, волновавших думающих людей в те годы.

Читатель найдет здесь изложение и обсуждение текстов, определявших настроения оппозиционной интеллигенции, многие из которых до их пор не публиковались.

Для сегодняшнего читателя журнал представляется фрагментарным репортажем о подлинной культурной и политической жизни тех лет, свидетельством существования в стране подпольно свободной и оппозиционной мысли, развивающейся и пробивающейся вопреки всем усилиям тоталитарной машины.

В настоящем издании почти целиком воспроизведены без всяких изменений все восемь (5-6 и 7-8 номера соединены) выпусков журнала.

Издание снабжено небольшим справочным материалом.

Книга предназначена всем тем, кто интересуется развитием и историей свободной мысли в России.

«Сумма» – за свободную мысль

Анатолий Вершик

Машинописный реферативный журнал «Сумма» выходил в Ленинграде с начала 1979-го до конца 1982 года; вышло 8 номеров из которых два – сдвоенных. Задуман он был в середине 70-х как издание для рецензирования и популяризации сам- и тамиздатской неподцензурной литературы, распространявшейся широким потоком в узких кругах интеллигенции. Идея была новой: среди многочисленных подпольных и полуподпольных изданий 70-х годов реферативного журнала до того не было. Люди, занимающиеся наукой, постоянно пользуются подобными журналами, чтобы ознакомиться с кратким, иногда критическим, обзором той или иной книги или статьи по специальности. Цели журнала «Сумы» были значительно шире.

Огромная часть вышедших в последнее десятилетие исторических, публицистических, литературных произведений ранее «вышла» в шестидесятых - семидесятых годах в самиздате и распространялась среди заинтересованных и жаждущих правдивого слова и свободной мысли людей. Самиздат новой эпохи возник вскоре после смерти «вождя народов», в середине пятидесятых годов и начинался со стенограмм фрондистских выступлений писателей и режиссеров на своих профессиональных собраниях (вспоминаются выступления К.Паустовского, О.Берггольц, Н.Акимова и др.). Затем пошла волна мемуаров (Евгения Гинзбург, В.Шаламов и др.), книги Солженицына, диссидентская литература. В шестидесятых стали издаваться первые самиздатские журналы политического, религиозного, национального и литературного характера, в 68-м году появилась знаменитая «Хроника текущих событий». Постепенно этот поток объединился с «тамиздатом», в который входила уже и эмигрантская старая и новая литература, и многие самиздатские книги и статьи. Весь этот поток обрушился в 60-70-х годах на головы тех, кто раньше слушал

лишь лживую и унылую советскую пропаганду и знал то, что знать запрещалось. В разной степени влияние самиздата ощущалось в повседневной жизни интеллигенции и даже в подцензурных изданиях; он менял сознание людей, постепенно подготавливая (тех, кто хотел) к переменам, которых многие ждали, но не верили в их скорый приход. И долгожданное освобождение от политической и иной цензуры было едва ли не главным и, может быть, единственным реальным изменением во внутрисоциальном климате страны в начале 90-х годов.

Но тогда, в 70-х годах, у многих из нас возникало естественное желание *поделиться* всем этим новым знанием, рассказать обо всем тем, кто не имеет прямого доступа к неподцензурной литературе, поспорить с некоторыми авторами самиздата, высказать свое мнение и т. п. Думалось, что такой реферативный журнал дойдет до многих. Конечно естественно, мы не переоценивали просветительские возможности этого издания. Наконец, очень существенная и невысказываемая вслух мотивация подобной деятельности – желание *что-то делать* для освобождения общественной мысли от советских стереотипов лжи, а не только бесконечно обсуждать и держать известную комбинацию в кармане.

Читатель прочтет эпиграф «Суммы», напечатанный полностью на обложке 1-го номера – своеобразное кредо редакторов:

«Всему свое время. Сегодня время насаждать и врачевать, время собирать камни... Скромная цель этого издания – способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная – искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление и составляет главный содержательный принцип журнала... Важный технический принцип журнала – лаконичность...»

И далее о технических деталях:

«Редакция заинтересована в авторефератах и других подходящих материалах. Если при чтении какого-либо произведения вам захотелось откликнуться, поспорить, сделать выписку – сделайте, напишите и передайте нам. Допускаются любые псевдонимы, отсутствие подписи рассматривается как разрешение свободной обработки текста». «Раздел А – близок к научным реферативным журналам, раздел Б – «Точки зрения» – гораздо более свободен по жанру. Редакция будет стремиться по возможности к оперативности и полноте охвата Самиздата (хотя бы на уровне названий и оглавлений, что составляет раздел В) ... Периодичность – 4 номера в год».

Главными лицами в издании «Суммы» были математики Сергей Маслов и его жена Нина. Об этих замечательных людях я еще напишу далее. Мы с Сергеем начали развивать идею такого журнала в 76-77-м. Он обсуждал ее также с участниками своего знаменитого семинара, о котором следовало бы написать особо (см. статью В.Долинина). Договорились, что ни он, ни я не будем людям, с которыми мы захотим обсуждать эту идею, называть фамилии друг друга. То же должно было относиться и ко всем другим лицам, участвующим в издании – писавшим тексты, собиравшим источники, печатавшим копии и др. Это соглашение не удалось выдержать полностью, но факт остается фактом – никто из имевших отношение к «Сумме» фатально не проболтался. Более того, некоторые из тех, кто так или иначе имел отношение к журналу, так и не узнали о том, что занимались одним делом до самого последнего времени, хотя были знакомы между собой. Известно, что ГБ знали об этом издании и искали авторов – несколько экземпляров в Ленинграде и Москве попало в их руки. Так до сих пор и неясно, что было известно о «Сумме» органам, но очевидные признаки их «внимания» к нам, и в первую очередь к Сергею, имелись, хотя их причиной могли быть и иные обстоятельства.

Нина и Сережа взяли на себя весь практический труд по изданию «Суммы». Они собирали материал и были, пожалуй, единственными, кто знали многих (но не всех!) авторов – ведь основная часть статей была подписана псевдонимами, и это правило было обязательным, чтобы не были раскрыты другие, кто не хотел этого. Масловы печатали первые закладки (на папиросной бумаге по 7-8 копий) и выполняли всю техническую работу по оформлению и брошюровке выпусков. Многие участники его семинара также были вовлечены в эту работу. Среди них С.Левин, В.Долинин, В.Крейнович и др.

Первый выпуск задержался, он был готов уже в 78-м, но вышел в середине 79-го. Дальнейшие шли уже легче. Как только стала ясна реальность нашего проекта, я попросил своих московских друзей, в первую очередь Николая Каверина, принять участие в нашей «Сумме». Он и его товарищ (В.Ляшенко) немедленно откликнулись и написали несколько рефератов. Но главное, они нашли машинистку – Д.Г.Эльгорт, которая и до этого активно распространяла самиздат; она стала регулярно печатать «московские» копии «Суммы», начиная с первого выпуска. Последний номер (7/8), рукопись которого Сережа передал мне незадолго до катастрофы, печатался только в Москве (1982), и тираж был привезен в Ленинград вскоре после гибели Сережи. На

самом деле часть того материала, который был приготовлен для 7/8 номера, Сережа отдал вместе с другими документами, лежавшими у него дома, для сохранения С.Левину, поскольку опасался обыска. Но оказалось, что это место само было в очень опасной зоне, что было связано с проходившим тогда следствием по делу солженицынского фонда в Ленинграде, материалы которого тоже хранил С.Левин. Благодаря его твердости документы так и не попали в руки КГБ и оставались там до более либеральных времен. А для 7/8-го номера были использованы другие тексты. Мы старались распространять выпуски так, чтобы их прочло как можно больше народу – в Ленинграде, Москве и других городах, куда мы по разным поводам ездили. Сколь успешно было распространение – сказать трудно. Но реакция читателей была в целом единообразной – нескрываемый интерес и творческое обсуждение материалов. В условиях беспроблемной скуки и лжи тогдашней официальной прессы и средств информации такая реакция вполне естественна.

Издавать реферативный диссидентский журнал можно было лишь имея достаточный доступ к соответствующей литературе. И он был. Литература шла из нескольких источников (каждый из которых мы не открывали даже друг другу). Один из главных путей для Сергея был связан с его контактами с Л.З.Копелевым, а также со знакомством с А.Д.Сахаровым, Е.Г.Боннэр и их ленинградской знакомой Н.В.Гессе. Я пользовался московскими писательскими источниками, некоторыми контактами с евреями-отказниками, которые имели свои собственные каналы и свой самиздат, а многое шло самотеком. Так или иначе, читатель, просмотревший на перечень (см. приложение) упоминаемых в «Сумме» изданий и книг, сможет оценить представительность списка изданий, рецензировавшихся в журнале. Здесь «Континент», «Хроника», «Русское возрождение», «Евреи в СССР», сборники «Память» (не путать с одноименным обществом), «Община», «Время и мы», «Часы», «Поиски» и многое другое. Попадались отдельные иногда диковинные документы из самиздата, были рецензии на материалы, печатавшиеся в советских изданиях, в том числе научных, и т. п. Рецензии и простые рефераты перемежались с критикой, популяризацией, попытками серьезного анализа. Отдельный интерес представляла информация о происходящем: сахаровская эпопея, обсуждении новой конституции и множество других тем, волновавших диссидентски настроенную интеллигенцию. Прокомментировать эти события, как и их освещение в

«Сумме», – большой и серьезный труд для историков, филологов, социологов, обществоведов. И нужно надеяться, что настоящее полное издание послужит поводом для такого изучения.

Особый разговор о тамиздатских книгах. Надо понимать, сколь извилистым был путь проникновения их в страну, как опасно было провозить их и сколько «таможенных» историй связано с этим. Не знаю, можно ли сейчас восстановить имена людей, которые со значительным риском перевозили литературу в страну. Вообще странно, что до сих пор, насколько я знаю, история распространения сам- и тамиздатов и их маршрутов серьезно не исследовалась. Многие тамиздатские книги были малоизвестны даже в диссидентских кругах, это отчасти зависело от издательств, в которых они выходили, и от того, как заботились издатели об их попадании в Союз. За перемещениями некоторых книг была слежка («В белые ночи» М.Бегина, «И возвращается ветер» В.Буковского или замечательная и достаточно известная книга Р.Конквиста «Большой террор», экземпляр которой достался мне от Кавериных). А уж за такие журналы, как «Континент», можно было «получить» несколько лет. Достаточно вспомнить дело М.Климовой (1982-83) и другие процессы за распространение и хранение литературы. Здесь, кстати, стоит вспомнить одно из самых первых «литературных» дел – дело талантливого ленинградского физика Ю.Меклера (1958), осужденного на 7 лет за то, что у него была вырезка из «Доктора Живаго»... То, что в Ленинграде книги, теперь известные всем, встречались единицами, подтвердилось позже; например, когда журнал «Нева» в 1990 году получил разрешение на опубликование книги Р.Конквиста, то был использован именно тот экземпляр, о котором я упомянул – других не нашлось... Книги для рецензий давались иногда на одну ночь, поскольку очередь желающих читать была огромной. О многих книгах хочется вспомнить сейчас. Например, каким-то образом мне досталась интересная и разоблачительная книга Баррона «КГБ» (совсем не та, выхолощенная, которая была издана уже в перестройку), и я успел лишь переписать для «Суммы» ее оглавление и несколько замечаний – она должна была попасть в 7-й выпуск, но не попала, о чем я упоминал выше. В приложении читатель найдет перечень некоторых из прореферированных в «Сумме» книг.

Итак, перед читателем полный текст самиздатского реферативного журнала «Сумма» или, как иногда мы его называли по математическому символу знака суммы, начертанному на обложке, – «Сигма». Вряд ли стоит здесь пересказывать, комментировать

обширный и разнообразный материал и выделять те или иные тексты. Читатель может просматривать наше издание, как обычно просматривают журналы, задерживаясь на том, что интересно ему. Для исследователя того времени здесь также большие возможности для выбора. Конечно, не все в нем равноценно, есть второстепенные и даже слабые материалы, как и во всяком журнале. Тем не менее я считал и считаю, что опубликовать его следует целиком. Стиль рефератов и рецензий в «Сумме» очень разнообразен: от телеграфного изложения содержания книги или документа, до спокойного размышления на тему публикации; от легкой критики, до гневного неприятия и т. д. Следует также помнить, в каких условиях (скрытности и спешки) писались рефераты и статьи для журнала.

Но чем он может быть интересен современному читателю, в особенности тому, кто не знал или не помнит о тех временах, когда он издавался? Чтобы ответить на этот вопрос, мне хочется отойти от основной темы и сначала сказать о том, как я понимаю мотивы общественного поведения лучших, по моему мнению, представителей поколения людей, которым сейчас уже 60-70 лет. Это уместно и в связи с историей самой «Суммы» и ее авторов, но еще и в связи с ответом на поставленный выше вопрос, – что же важного можно сказать сегодня, через двадцать лет после «Суммы», анализируя ее материалы, какие выводы можно было бы сделать, глядя из сегодняшнего дня на тогдашнюю самиздатскую и, шире, – диссидентскую деятельность? Что остается во времени и чему можно научиться?

Если усреднить эволюцию мировоззрения интеллигента нашего поколения, то она выглядит так. Детство и юность – безусловное доверие к тому, что считалось коммунистической системой взглядов, быть может (в зависимости от среды и от уровня критичности мышления) с некоторым небольшим недоверием к трактовке второстепенных вопросов. Здесь очень важна была система нашего воспитания – домашнего и общественного, провоцировавшая определенный романтизм восприятия действительности, личную бескорыстность и в целом доверие к пропаганде. Но именно эти обстоятельства и сделали возможным превращение нас в резких оппонентов системы впоследствии. Романтизм основывался на двух вещах: на идеалистической природе всякой (в том числе и коммунистической) легенды о будущем как о царстве справедливости, единственно ради которой и стоит жить; это подкреплялось также крепкой настойкой великой русской литературы, которую мы все постоянно пили. А с другой стороны, – на превратном представлении о том, что происходит в стране, на

нашем незнании истинной действительности и того, какова была история страны и партии на самом деле, что тщательно скрывала вся система пропаганды и воспитания. Мы в разной степени догадывались и о том, что происходило в 37-м, и о том, что такое «ленинградское дело», тронувшее некоторых из нас (меня в том числе) слишком близко, но это знание не переходило трудноопределимую границу, отделяющую веру от неверия.

Излечение проходило у разных людей по-разному и в разные моменты. Для меня и некоторых моих друзей поворотным моментом стала смерть Сталина и последующее обнаружение полной лживости и несостоятельности всей идеологии и практики правящей системы. Доклад Хрущева 1956 года был последним пунктом, после которого мои пути с этой системой разошлись навсегда. Свой окончательный разрыв с системой я отметил организацией с друзьями в марте 1956 года ночного рейда к зданию биржи, с фронтона которого мы скovyрнули мраморную мемориальную доску о каком-то сталинском выступлении в 1917 году.

Было много поворотных моментов и постоянно действующих факторов и позже, которые могли встряхнуть думающего человека, небезразличного к окружающему: из внешних событий – Венгрия (1956), позже – Чехословакия (1968), Афганистан (1980), из внутренних – появление самиздатских произведений и информации из неподцензурной литературы, официальная ложь и мерзость пропаганды, антисемитизм и многое, что уже нельзя было скрывать, как это было при Сталине. На мой взгляд, для «прозрения» тех, кому в середине пятидесятых было под двадцать или больше, событий того времени (53-56 годы) было более чем достаточно. Но для некоторых этот переломный момент наступил позже или вообще не наступил. Чем позже это происходило, тем тяжелее давалось освобождение от слепоты, а с другой стороны, тем труднее верилось в искренность перемены взглядов этих людей.

В связи с этим замечу, что и термин «шестидесятники», возникший уже в 80-х, кажется мне сомнительным: им объединяют людей, созревавших в 50-60-е годы и ставших оппозиционными в той или иной степени. Но нелепо относить в одну категорию и называть одним именем тех, кто после всех сделанных открытий 50-х годов о стране и мире свел свои отношения с властью к минимуму, который еще позволял заниматься своим выбранным и осмысленным делом, или кто вообще ушел в открытую оппозицию, – с теми, кто после тех же открытий решил исправлять ошибки партии «изнутри», вступая в ее ряды и делая карьеру в рядах тех, кто губил страну десятилетиями. Для нас такие ком-

промиссы перестали быть простительными. Возможно, этот ригоризм был сродни романтизму, о котором я уже упоминал. Правильнее было бы называть первых «пятидесятниками», если этот термин не был бы уже давно занят, а вторым оставить термин «шестидесятники». Правда, правильная и игнорируемая этимология слов «шестидесятые годы» как раз и означает, что это годы с 1951-го по 1960-й, так же как XX век – это век 1901-2000 годов, но никто этой этимологии не следует.

Цинизм, с которым в брежневские годы шли или пытались идти во власть и в партию сотни тысяч людей, в том числе и вполне понимавшие суть происходящего интеллигенты, свидетельствовал об окончательном растлении общественного сознания. Грустно и смешно было слушать (об этом до сих пор повторяют бывшие партбоссы, ставшие «либералами» и желающие оправдать свое прошлое), что лучшая часть интеллигенции шла в партию. Видимо, они и считают лучшими тех, кто все годы до перестройки «улучшали» социализм, найдя свой, пусть с оговорками, контакт с партией, научившись не замечать ее ложь, прощать ее подлости и фактически используя данные ею возможности для удовлетворения своих амбиций. Они мало что знали и не хотели знать о самиздате, диссидентстве и вообще о том, что выходит за пределы советской системы ценностей и знание о чем мешает им спокойно жить. Но как это бывает в истории, именно они при первых звуках перестройки быстро усвоили новую лексику, заняли первые места в рядах «либералов» и сделали вид, что они и есть представители демократии. Их «свободолюбия» хватило ненадолго, как мы видим, советские традиции и привычки, а главное – нежелание до конца распрощаться с тяжелым грузом прошлого, стали препятствием для дальнейшего развития страны и объединили их с откровенными наследниками коммунистического прошлого. Но была и есть другая интеллигенция.

Кажется особенно существенным для всей нашей истории и для объяснения происходящего сейчас то обстоятельство, что в целом наше общество до сих пор не осознало ту глубочайшую трагедию, которая называется советским периодом нашей истории. Тот шок, который должен был бы испытать любой человек и испытали мы, узнав правду и увидев все новыми глазами, не пережит или пережит очень поверхностно большей частью нашего общества – и теми, кто долгие годы жил при советской власти, и 20-30-летней молодежью. Огромная часть общества, включая значительную часть интеллигенции, так и не увидела ту чудовищную для страны роль, которую сыграли Ленин-Сталин, социализм советского образца, советские институты и идеология

и т. д., растлившие страну и сознание миллионов людей и оторвавшие страну от остального мира. Никакие разговоры о том, что «не все было плохо», что «люди же жили и честно работали», что «мы не виноваты» и «все-таки мы победили в войне» и прочие бесспорные и несомненные тривиальности, не могут скрыть главную и печальную истину: навязывавшиеся нам в течение 70 лет и обязательные к исполнению жизненные принципы и политико-идеологические установки были ложными, само устройство всего общества противоестественным. И результат – неисчислимы человеческие и общественные трагедии, к которым все это привело, и разорение страны. И сейчас, как показывают события, большей частью общества так и не осознано, что страна, вместо того чтобы развиваться хотя бы и по-своему, но в согласии с цивилизованным миром, шла, ведомая «своей вождей» в течение 70 лет прямой дорогой к пропасти, а ее «супердержавность» была липовой. Но значит ли это, что жизнь большинства живших и живущих прожита зря и т. п.? Тоже нет. Надежда на будущее всегда есть. Но реализоваться она может только после осознания всего, о чем шла речь выше. А до тех пор – нет!

Какое отношение все это имеет к нашей «Сумме»? Самое прямое. Содержание журнала и реферируемые материалы представляют мозаичную картину той части общественной жизни страны, которая не попадала на страницы подцензурной прессы. Анализируя ее, любой объективный читатель должен согласиться, сколь неблагоприятно тогдашнее советское общество, сколь глубоки его тяжелые проблемы, насколько фальсифицированы основные факты его истории и др. В то же время свободный от предрассудков анализ и непредвзятый подход авторов к проблемам мог бы служить пищей для размышления читателя тех времен и, думаю, сегодняшнего читателя не в меньшей мере.

Читая «Сумму» можно, разумеется, увидеть и недостатки позиции либерального инакомыслия, которому так или иначе следовали все авторы «Суммы». Неизбежные преувеличения и некоторая сиюминутность суждений, а иногда – поверхностная критика. И наверное, главный недостаток – малое внимание к тому, в те времена очень проблематичному варианту развития событий: а как же быть «потом», когда советская власть наконец исчезнет. Как готовиться к этому, как функционирует экономика, которая не сможет (не смогла) мгновенно измениться и т. д. Вряд ли можно это поставить авторам самиздата и диссидентам в вину. Кто мог предположить столь быстрый и неизбежный ход событий, однако действительно перемены в значительной степени застали врасплох тех, кто так желал их, и влияние и роль этих людей

в последующих событиях оказались несравнимо меньшими, чем хотелось бы.

Тем не менее эмоциональный и интеллектуальный заряд, содержащийся в этих текстах и в том куске жизни, который они представляют, должен, по-моему, быть полезным и молодому, и опытному читателю, небезразличному к нашему прошлому и будущему. Теперь (2001 год), более чем двадцать лет спустя, мы видим, сколь изменилось наше общество, но и сколь важно не переоценивать эти перемены. . .

В заключительной части моей статьи я хочу чуть подробнее сказать о некоторых людях «Суммы». Прежде всего о Сергее и Нине Масловых. О них пишет также их дочь Елена Маслова в этом томе. Отец Сергея Юрий Сергеевич был известным лингвистом, заведующим кафедрой общего языкознания ЛГУ. Мать, Сара Семеновна Лашанская, работала на кафедре скандинавских языков и была первой специалисткой факультета по шведскому языку. Поскольку Ю.С. занимался германистикой, то во время войны он работал в отделе контрпропаганды, где и познакомился с другим германистом Л.З.Копелевым. Впоследствии он всеми силами старался выручить Л.З., когда того посадили. Это знакомство имело, по-видимому, большое влияние на взгляды Сережи. В диссидентские времена роль Копелева известна, и постоянный контакт Сережи с ним был важен во многих отношениях; в частности, это был источник информации и литературы, очень близкий к ведущим инакомыслящим страны. Я познакомился с Сережей, когда пятикурсником вел математический кружок для десятиклассников на матмехе ЛГУ в 1956 году. (Сережа моложе меня на пять с половиной лет.) Уже тогда проявились его несомненные способности к математике, но очевидны были и его гуманитарные наклонности. В дальнейшем он поступил на матмех, занимался математической логикой у Н.А.Шанина и стал одним из лидеров в группе молодых логиков в Ленинградском отделении математического института АН (ЛОМИ). Ему принадлежат несколько важных идей и результатов в области поиска логического вывода и позже – в теории сложности. Я издали следил за его успехами – математическая логика тогда в Ленинграде была несколько отдалена от других математических наук. Но помню, что я приглашал его уже как специалиста делать доклады на заседании математического общества и на свой семинар. Я знал и о его общественной активности – о его семинаре на общенаучные темы, о котором уже писал выше.

Вскоре после защиты докторской диссертации случилось странное событие – на Совете в МИАНе не утвердили тему, которой занимался Сережа, и его перевели на часть ставки. Странность была в том, что в те годы в ЛОМИ АН было очень трудно попасть, но способных и активных людей в институте обычно сохраняли. Видимо, дело было в МИАНе. Вряд ли причина в неудачном докладе или в отдаленности темы занятий Маслова от тематики членов Совета МИАНа, этого известного своими анкетными предпочтениями Математического института. Можно смело предположить, что досье и анкета Сергея были доступны некоторым членам Совета. Он ушел на преподавательскую работу из ЛОМИ, продолжая интенсивную научную работу.

Я возобновил близкое знакомство с ним позже – в начале 70-х годов, и мы поняли, что о многом судим одинаково. В Сергее был какой-то ген нонконформизма и острое чувство справедливости. В некоторых суждениях он был скорее эмоционален, чем логичен, недаром одна из его программных статей называлась «Сочувствие». В ней он писал: «Догматизм мышления, нетерпимость к инакомыслию – застарелая болезнь нашей родины. Лекарство одно – научиться понимать друг друга, научиться вести диалог». Сережа (в отличие от меня) не относился строго к любительству в науках, предпочитая его иногда профессионализму, именно это позволяло ему заниматься разными вещами – от архитектуры до поэзии. Впрочем, архитектуру он знал профессионально, а русскую поэзию, как свидетельствует Л.Копелев, – лучше многих профессоров-филологов. Он и сам писал стихи. Широта интересов и общая гуманитарная культура позволила ему собрать «междисциплинарный» семинар (1968-1982), на который приглашались многие видные ученые разных специальностей и который с энтузиазмом посещала молодежь. Я не пишу здесь многого, что хочется сказать о нем и его редких качествах, а добавлю к сказанному выше несколько отзывов о Сереже.

«... всегда помню о Сереже и Нине Масловых – прекрасных и очень чистых людях. Не часто в те времена судьба посылала радость общения с такими людьми, как они». (Из письма Е.Г.Боннэр, 30 мая 2001 года)

«Он был наделен поразительно острым чувством своей ответственности и за ближних, и за дальних, за все, что происходило вокруг него и в стране. Он требовал от себя неизмеримо больше и строже, чем с кого-либо другого. Впрочем, он вообще редко требовал от других. Если кто-либо из друзей попадал в беду, он бросался на помощь, не ожидая

просьб. И у нас в самые трудные дни он внезапно оказывался рядом и помогал неумоимо и почти незаметно. А потом еще часто корил себя: мол, сделал недостаточно» – это из главы «Русский интеллигент», посвященной С.Маслову, в книге Л.Копелева и Р.Орловой «Мы жили в Москве».

А вот отрывок из письма (октябрь 2001 года) Вяч.Вс.Иванова:

«С Сережей Масловым связывается прежде всего ощущение легкости. Во всем – в том, как он вел заседание кружка, где говорили о самых разных, но всегда увлекательных вещах, как горячо убеждал в правоте своих взглядов на конструктивную математику или асимметрию мозга, как вспрыгивал на верхнюю полку железнодорожного вагона или бесшабашно вел машину (его отец Юрий Сергеевич в этой бесшабашности и видел причину автомобильной катастрофы, Нина думала и о вероятном полицейском преступлении). В нем не было ничего научно тяжеловесного и занудного, хотя диапазон серьезных занятий и знаний был велик. Другим, что объединяло его с Ниной, была страсть к просветительству. Я еще застал их кружок на ленинградском матмехе, потом много раз бывал на этих встречах у них дома, куда кружок вынужден был переселиться. Он – как и основной пафос интересов Сережи и Нины, отраженный и в «Сигме», – не был по преимуществу политическим. Политика, а точнее – неприятие всего чудовищного в режиме и увлечение светлыми людьми, как Сахаров, была нам всем навязана действительностью. Но Сережа прежде всего стремился к рационалистическому пониманию общества, природы, человека. А понятное тут же хотел передать и объяснить другим. С этим духом просветительского понимания и обращения к возможно более широкой аудитории был связан и замысел «Сигмы». Журнал остается и памятником времени, и свидетельством выгоды души Сергея Маслова».

За две-три недели до своей гибели Сережа Маслов с Ниной приезжали к нам на дачу в Усть-Нарву на своей машине. Мы долго разговаривали о ситуации: это было тревожное время – возвышение Андропова и усиление всяческой гэбэшной и антидиссидентской активности. Мы обсуждали различные планы и, в частности, этот (7/8-й) выпуск «Суммы». Сергей был возбужден: шли следствия по делам нескольких его знакомых, он был озабочен своей работой. В начале 1980 года мы втроем с Ниной и Сергеем направили генпрокурору письма в защиту А.Д.Сахарова, избитого в феврале в Горьком. Через несколько дней в институте

Сергея вызвал директор, у которого на столе лежал подлинник нашего письма, и предложил Маслову уйти из института. После этого Сергей работал явно в неподходящем для него месте, хотя и там он находил достойные его научные задачи. Еще за несколько лет до этого райком сначала отказал в переводе его с позиции временно исполняющего обязанности заведующего кафедрой на должность заведующего кафедрой – причины были очевидно политическими, так как его научная и преподавательская деятельность была вполне успешной. Сергей несколько раз рассказывал мне о подозрительных попытках приехавшего откуда-то бывшего его сокурсника напроситься в дом и сблизиться с ним. В конце концов этот человек туманно намекнул, что это не его инициатива. Масловы пробыли в Усть-Нарве два дня и уехали в Ленинград, а оттуда – в путешествие на машине по средней России. Больше я Сережу не видел, я ушел в конце июля в байдарочный поход, а когда вернулся и позвонил Масловым, то Лена (дочь) ответила фразой, сразившей меня: «Папа погиб». Его гибель в автомобильной катастрофе 29 июля 1982 года потрясла нас всех; она остается загадочной, и настоящего расследования так и не было. Нина, получившая в катастрофе тяжелую травму, говорила мне позже, что обычно она всегда неукоснительно следила за дорогой во время их путешествий, но в этот раз случилось невероятное – и она, и, видимо, Сергей задремали, и машина на почти пустом шоссе днем выехала на встречную полосу и столкнулась с грузовиком. Р.Пименов уверенно выстраивал сценарий гибели Сережи, который мог быть разработан заранее. Узнаем ли правду когда-нибудь? Вряд ли. Во всяком случае, не сейчас, когда среди наших «руководителей» много тех, кто в те годы допрашивал диссидентов. Позже Нина, человек сильной воли и упорства, с успехом защитила докторскую диссертацию в Москве, активно занималась наукой, преподавала в университете. Умерла она в 1993 году от тяжелой болезни, которую переносила с присущим ей мужеством.

Револьт Пименов – личность, о которой писать можно долго. Он был, если можно так выразиться, профессиональным нонконформистом, бесстрашным выразителем идей, иногда предельно спорных, но чаще всего бесспорных. Биография его известна. Кончил математико-механический факультет ЛГУ и своим непокорным поведением уже тогда обратил на себя внимание органов. Он прославился своей острой речью на знаменитом университетском обсуждении книги Дудинцева «Не хлебом единым», за что его

научный руководитель ректор А.Д.Александров резко осудил его (позже А.Д. посещает в лагере другого диссидента – В.Делоне; согласимся, что для ректоров университетов это не очень характерно). Затем Р.Пименов организывает небольшую группу молодых людей, которая практически ничего, кроме свободного обсуждения текущих событий, не делала, но которую бдительные органы «раскрывают» с помощью доносчика, а после венгерских событий дают всем несусветные сроки – Р.Пименову – наибольший. Заступничество ученых (у Револьта было несколько отосланных в печать математических работ) освобождает его в 1962 году, и его даже принимают в Ленинградское отделение Математического института АН. Здесь Сергей Маслов знакомится с ним, а Револьт, продолжая свою литературную и самиздатскую деятельность, пишет историю своего процесса, подготавливает и защищает докторскую диссертацию, но утвердить ее ВАК не успевает – его снова арестовывают в 1970 году. Родившееся в середине 60-х движение легального сопротивления, позже названное борьбой за гражданские права (одним из тех, кто сформулировал ее принципы, был математик Есенин-Вольпин), было также для многих знаком того, что наше общество постепенно меняется. Р.Пименов становится одним из самых активных участников этого движения. На суд поддержать его приезжают Е.Г.Боннэр и А.Д.Сахаров. Револьта приговаривают к ссылке в республике Коми и через некоторое время он надолго оседает в Сыктывкаре с серьезными ограничениями в передвижениях, оставаясь под неусыпным надзором. Время от времени он приезжает в Ленинград. Прожил в Коми до конца 80-х, едва не арестованный в третий раз в 1982 (почему-то это не удалось сделать, но в качестве мести его сына выгоняют по анекдотическому поводу из ЛГУ, отправляют в армию, после чего он попадает в психлечебницу). С началом перестройки Р.Пименов получает давно заслуженное признание как действующий политик; он становится одним из самых заметных деятелей Верховного Совета РСФСР, побеждая на выборах в республике Коми соперников из обкома партии. Человек, несомненно, большой политической одаренности, со всеми вытекающими отсюда следствиями, Пименов мог бы стать профессиональным парламентским деятелем, но преждевременная смерть в 1990 году помешала этому. Литературная деятельность Пименова обширна, и здесь он проявил себя неординарно. Он написал развернутую историю своего первого процесса («Об одном политическом процессе»), под псевдонимом Спекторский в самиздате фигурировал его большой исторический труд. Упомяну еще не очень известный озорной и яркий очерк «Как я искал Сид-

нея Рейли», где высказывается гипотеза о том, что Рейли был на самом деле агентом ГПУ, а не Интелледжен сервис. Эта версия позже независимо и всерьез рассматривалась на Западе, но, видимо, не оправдалась. Другие его эссе тоже содержали много догадок и фантастических версий, но были так же увлекательны и свидетельствовали об эрудиции и историческом чутье. Главная его тема, конечно, истинная история КПСС, которую он знал блестяще. Его участие в «Сумме» легко было предвидеть, – он написал много рецензий под разными псевдонимами – см. Указатель. Со свойственной ему систематичностью он составил подробный указатель первых трех номеров (это большая часть четвертого номера).

Николай Каверин – сын писателя В.А.Каверина – мой друг со школьных лет. Очень многие политические и околополитические темы мы обсуждали с ним на протяжении десятилетий, и наши мнения в основном были близки. Наши политические эволюции шли по пути, описанному выше, при этом роль его родителей, настоящих русских интеллигентов, в нашем политическом развитии была очень важной, хотя и непрямой. Он окончил московский Первый медицинский институт и вскоре стал известным вирусологом, а позже член-корреспондентом АМН. В 1956 году он с товарищами затеял рискованное дело – распространение листовок о происходящем в Венгрии. Е.Чуковская (Люша) связала его с А.И.Солженицыным, который, кстати, в 60-х годах активно общался со старшим Кавериныным по писательским делам, и Коля с друзьями долго и тайно от всех хранил большую часть солженицынского архива. Вот что пишет А.И. в книге «Бодался теленок с дубом» (издание 1997 года) о Коле. «Коля вырос в поколении уже не ослабленном, но понимающем, что только своими руками и добьешься свободы. Он лично был тверд, точен в поведении, надежен в осуществлении... Он был “стартом” для многих моих самиздатских выпусков... я передал ему – заблаговременно, на один из стартов в день моего ареста – «Жить не по лжи». Он дышал отважной готовностью помогать в чем угодно и не глядя на опасности».

Все же говорить обо всем нашем поколении как о «не ослабленном» будет преувеличением, но сказать, что некоторая его часть была менее запуганной, чем поколение наших родителей, несомненно, можно. Здесь стоит отметить, что не меньше, чем солженицынские книги первой волны, начиная от «Одного дня ...» до «Круга», который мы перепечатывали по несколько

раз, на всех нас произвела неизгладимое впечатление его борьба 67-68 годов с ГБ и Союзом писателей, которую он в конечном счете выиграл в одиночку; она и показала, что умелая и смелая тактика имеет шанс на успех или хотя бы на моральный успех в обществе даже в те времена.

Если судить по составу авторов «Суммы», то математики – наиболее активная часть внутренней оппозиции (см. Указатель). Можно в пользу этого привести и другие факты. Наиболее известный – письмо 99 математиков в марте 1968-го в защиту математика А.С.Есенина-Вольпина, насильственно помещенного в психиатрическую лечебницу по очевидному немедицинскому поводу. Письмо, довольно нейтрального содержания, подписанное цветом советской математики, вызвало небывалый гнев политбюро и цепочку дозированных репрессий к подписантам. Есть различные резоны, объясняющие, почему уровень неконформизма среди математиков выше среднеинтеллигентского, хотя в случае «Суммы» преобладание математиков есть скорее следствие личных связей организаторов, но и здесь действуют общие причины, например привычка к доказательности утверждений и критичность мышления.

Серьезный анализ профессионального, возрастного, национального и т. п. состава оппозиционно настроенной интеллигенции в 50-80 годы на этом и других примерах проведет историк будущего. Он не должен пройти мимо того, что в советские времена такие немногочисленные издания, как «Сумма», были свидетельствами неумиряющей и неподавляемой воли к свободе мысли, стремления к установлению нормальных отношений между интеллигенцией и остальным обществом, свидетельством истинной ответственности за происходящее в стране. Может быть, именно поэтому через столько лет есть смысл новому читателю перечитать скромное подпольное издание конца семидесятых годов. Многие события, описанные там, уже известны и освещены с разных точек зрения. Другие уже не столь важны и имеют разве лишь исторический интерес. То же относится и к некоторым лицам, о которых идет речь. Однако трудно отрицать, что не только историкам, но всякому, кого волнует, какое будущее откроется перед нами, полезно знать об этом.

Я уже не помню, обсуждалась ли очевидная ассоциация: названия нашей «Суммы» и знаменитых произведений Фомы Аквинского «Сумма против язычников» и «Сумма богословия». Да

простят нас за дерзкую аналогию, но название этого предисловия в точности выражает то, зачем издавалась наша «Сумма».

Наконец необходимо сказать еще о следующем: как всегда в реферативном журнале цитируются со ссылками произведения различных авторов, но наш случай – особый. Референты и редакторы не всегда могли дать точную ссылку на самиздатский текст или получить одобрение автора (не всегда даже известного референту) на цитирование или воспроизведение документа. Поэтому я надеюсь, в таких случаях нас не обвинят в нарушении авторских прав.

В нескольких случаях (они оговорены) опущена часть текста рецензии или чтатья, где цитируются стихи, опубликованные позже в других изданиях. Очевидные опечатки (менявшиеся, кстати, от одной копии «Суммы» к другой) исправлены без пояснений, но в целом мы старались сохранить текст в неприкосновенности. За исключением нескольких мест редакторские примечания, сноски и т.п. – отсутствуют. Хотя необходимость таких комментариев очевидна, систематическая реализация этой идеи потребовала бы огромной работы и дополнительного времени, что не входило в наши планы. Эти тексты можно воспринимать как материал для серьезной исследовательской работы, равно как и журнальное чтение.

Полный комплект оригинальных распечаток «Суммы» имеется в библиотеках московского и петербургского отделений НИЦ "Мемориал", в русском фонде Bancroft Library Калифорнийского Университета в Беркли; отдельные номера - в архиве Центрально-Европейского Университета Будапешта (в прошлом архив радио "Свобода") и архиве Университета в Бремене (Германия).

Это издание смогло появиться лишь благодаря финансовой поддержке друзей, немедленно откликнувшихся на мою просьбу об этом: А.Бейлинсон, М.Гельфонд, Н.Каверин, В.Крейнович, В.Лифшиц, Е.Маслова, Г.Минц, С.Ротфельд, И.Симовский, А.Таратута, Б.Фейгин, С.Фомин, Д.Фукс, С.Юзвинский. Некоторые

из них сотрудничали в «Сумме», распространяли или читали ее в те годы.

Живой интерес к изданию проявили Е.Боннэр, К.Гарадос, Я.Гордин, А.Даниэль, Н.Занегина, Вяч.Вс.Иванов, В.Иофе, М.Орлова, Б.Пустынцев, И.Рева, А.Рогинский, И.Сикос, Г.Суперфин.

Большую работу по подготовке издания проделали В.Долинин, занявшийся расшифровкой псевдонимов и написавший комментарий, Е.Маслова, которая написала воспоминания о родителях, подготовила оригинал-макет и сделала несколько примечаний к тексту, работу над которым завершил М.Горбульский, а также Б.Маслов, сверивший тексты и составивший указатели.

Наконец я приношу благодарность Открытому обществу архивов Центрально-европейского университета (OSA CEU), которое выделило грант на издание этой книги, исходя из уверенности в том, что история независимой мысли в условиях тоталитарного государства остается актуальной и сейчас.

*Декабрь, 2001
Петербург*

«Сумма» в контексте самиздата

Вячеслав Долинин

1970-е – начало 80-х годов – период глубоких необратимых перемен в советском обществе. В то время как коммунистическая система дряхлела, приближаясь к неизбежному краху, в обществе (в его неконформистской части) рождались новые инициативы, постепенно набирала силу открытая оппозиция режиму, росло ее идеологическое и нравственное влияние. Все большее число граждан страны явочным порядком осуществляли право на свободу получения и распространения информации, свободу собраний и ассоциаций. Самиздат прочно утвердился в читательской среде. В стране складывались элементы гражданского общества. Процессы развития свободной мысли и культуры, активизации идеологической оппозиции, расширения религиозного движения протекали глубоко в толще общества и до сих пор остаются малоизученными.

В этот период в Ленинграде оживились общественно-политические, культурные, религиозные процессы, не подконтрольные власти. Оппозиционная деятельность проявлялась как в формах уже существовавших в предшествующие годы, так и в качественно новых. Как и прежде, находились люди, вступавшие на «тропу войны» с режимом в одиночку. Среди них были те, кто распространял листовки, кто писал «антисоветские» письма в различные инстанции и т. д. По-прежнему возникали подпольные кружки и группы, порой имевшие контакты с единомышленниками из других городов. Идеологический спектр подполья простирался от идей НТС до еврокоммунизма. Тысячи ленинградцев занимались тиражированием и распространением самиздата.

Новым в общественно-политической жизни Ленинграда этих лет стало появление организованного правозащитного движения, образование независимых общественных ассоциаций, заявивших о себе открыто и вышедших из глубокого подполья (правда, прак-

тическая деятельность этих ассоциаций в значительной степени оставалась подпольной), проведение первых не санкционированных властями демонстраций.

Правозащитное движение в Ленинграде было тесно связано с московским. Ленинградские правозащитники участвовали в Инициативной группе защиты прав человека в СССР, входили в Московскую группу Международной Амнистии, сотрудничали с «Хроникой текущих событий» и Рабочей комиссией по расследованию использования психиатрии в политических целях. В нашем городе было создано отделение солженицынского Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям.

Первой независимой общественно-политической организацией, заявившей о себе открыто, стал профсоюз Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ). Профсоюз был создан в 1978-м группой москвичей и ленинградцев и в том же году начал выпускать Информационный бюллетень (ИБ СМОТа). Осенью 1979-го в Ленинграде возникло феминистическое движение, участники которого выпустили в самиздате альманах «Женщина и Россия». В марте 1980-го феминистки образовали клуб «Мария», издававший журнал под тем же названием.

Объединения, возникшие в эти годы, не демонстрировали явно свою оппозиционность режиму, однако никто не питал иллюзий относительно действительных идеологических расхождений и перспектив мирного сосуществования между независимой общественностью и властью.

С середины 70-х в городе начали проводиться, в основном под правозащитными лозунгами, не санкционированные властями демонстрации. Первая такая демонстрация прошла на Сенатской площади 14 декабря 1975-го, в 150-ю годовщину восстания декабристов. В дальнейшем демонстрации проводились у стен Петропавловской крепости, у Казанского собора и в других местах.

В эти же годы развивается религиозное движение, в среде интеллигенции возникают религиозно-философские семинары. С начала 70-х активизируется борьба за право на эмиграцию.

Существенным элементом общественной жизни Ленинграда становится неофициальное культурное движение. В него вливаются художники, писатели, поэты, критики, творчество которых не уместается в границы социалистического реализма. В городе проводятся квартирные выставки и чтения, идет борьба за выход свободной культуры к широкому читателю и зрителю. Большое значение для укрепления единства и роста самосознания независимого культурного движения в масштабах всей страны имели две конференции по неофициальной культуре, прошедшие в

Ленинграде в 1979-м. На конференциях (вторая была междугородней и проходила конспиративно) анализировались успехи и неудачи культурного движения, рассматривались его проблемы и перспективы.

Все общественно-политические и культурные процессы пронизывал самиздат. В самиздат уходила вся многообразная литература, не востребованная тоталитарным государством, но востребованная обществом. Основную массу свободной печати 1970-х составлял литературно-художественный самиздат. Он включал в себя произведения классиков русской литературы XX века – А.Ахматовой, М.Булгакова, Н.Гумилева, О.Мандельштама, Б.Пастернака, М.Цветаевой и др. Размножались в самиздате и отдельные произведения членов Союза советских писателей, которые из-за цензуры не могли попасть в официальную печать, а также сочинения литераторов-эмигрантов. Большое влияние на общество оказывала ходившая в самиздате проза и публицистика А.Солженицына.

Наряду с литературно-художественным, существовал религиозно-философский, научный, правозащитный, политический самиздат. Благодаря свободной печати читателю становились доступны лагерные воспоминания Е.Гинзбург и А.Марченко, произведения советских правозащитников А.Амальрика, П.Григоренко, В.Турчина, А.Сахарова, книги А.Авторханова, М.Джиласа, Р.Конквеста и другая литература, размывавшая идеологические устои режима.

Наиболее высокоорганизованной формой неподцензурной печати были самиздатские периодические издания – бюллетени, журналы, альманахи. Самиздатская периодика могла зародиться лишь в устойчивой неконформистской творческой среде. Обычно выпускала такое издание группа из нескольких энтузиастов. В отличие от печати официальной, самиздат непосредственно свидетельствует о реально существовавших в обществе настроениях, художественных поисках, политических и философских взглядах, о реальных общественных процессах. Свободная печать играла важную роль в консолидации неконформистской части общества. Самиздатская периодика 70-х отличалась разнообразием. Преобладали литературно-художественные издания. Журнал «Часы» (1976-90) печатал поэзию, прозу, переводы, критику, хронику неофициальной культурной жизни. За четырнадцать лет вышло 80 номеров журнала по 250-300 машинописных страниц каждый, а также 22 тома литературных приложений к нему. В журнале были напечатаны произведения свыше 400 авторов. Такого масштаба издательская деятельность является уникальной – за всю исто-

рию независимой журналистики СССР подобного издания не было. В журнале «37» (1976-81), наряду с разделами поэзии, прозы, критики важное место занимал религиозно-философский раздел. Выходили журнал критики и полемики «Диалог» (1979-81), журнал «Северная почта» (1979-81), целиком посвященный поэзии. Альманах «Архив» (1976-78) печатал главным образом материалы о неофициальном изобразительном искусстве. В 1978-м вышло 10 номеров поэтического сборника «Голос». Журнал «Метродор» (1978-82) помещал литературно-критические и литературоведческие статьи. В сборниках «Память» (1976-81) печатались материалы по истории нашей страны, которые остались «не замеченными» официальной исторической наукой. Это материалы по истории политических репрессий в СССР, по истории движения сопротивления большевизму и т.п. Выход «Памяти» прекратился после ареста ее редактора А.Рогинского. Социальные и политические проблемы рассматривались в альманахе «Женщина и Россия», в ИБ СМОТа и др. Такие издания подвергались особо жестким преследованиям со стороны КГБ. Следует отметить, что под нажимом КГБ прекратился выход и ряда чисто литературных изданий. Однако, несмотря на репрессии, независимая печать продолжала развиваться. В начале 80-х появляются новые журналы – «Обводный канал», «Грааль», «Предлог» и др.

Постепенно налаживались связи между авторами, живущими в Ленинграде, и зарубежными издательствами и журналами. Этому способствовала, в частности, эмиграция «третьей волны». Самиздат активно перепечатывался в тамиздате.

В 70-е в Ленинграде действовали несколько квартирных семинаров. Большинство из них были религиозно-философскими. К их числу относятся семинар во главе с Т.Горичевой (в кругу его участников зародился журнал «37»), междугородний кружок В.Пореша-А.Огородникова (выпустивший журнал «Община») и др. В 1979-81-м работал еврейский исторический и религиозно-философский семинар, после разгона которого его участники стали издавать «Ленинградский еврейский альманах» (1982-89). Действовали семинары культурно-исторической и научной направленности. Среди них выделялся Семинар по общей теории систем, который был создан Сергеем Юрьевичем Масловым в 1968-м и первоначально собирался в аудиториях математико-механического факультета ЛГУ. С 1972-го его заседания проходили в квартире Маслова на улице Салтыкова-Щедрина (ныне Кировная), 18. Круг рассматриваемых на семинаре тем был широк – от становления цивилизации Междуречья до почвенничества Достоевского, от теории эволюции Дарвина до рас-

становки сил в Политбюро ЦК КПСС 70-х. Обсуждались проблемы литературы, искусства, философии, религии и многое другое. Запретных тем не было. Выступавшие говорили без оглядки на политическую цензуру, не прибегая к эзопову языку, на котором нередко изъяснялась в те годы интеллигенция. В работе семинара принимали участие в основном математики – Н.Маслова, Р.Баранцев, Ю.Варламов, М.Гельфонд, Б.Гройс, И. и Г. Давыдовы, В.Крейнович, В.Лифшиц, Г.Минц, Б.Останин, Р.Пименов и др. Наряду с математиками с самого начала в работе семинара участвовали специалисты во многих других областях знания – историки, философы, филологи, психологи, биологи и т.д. Среди них были Р.Берг, Б.Вахтин, Я.Виньковецкий, А.Волохонский, Л.Гинзбург, Т.Горичева, А.Любищев, Е.Эткинд и др. Обычно собиравались 20-30 человек, иногда больше. Выступали с докладами и гости семинара, приезжавшие из других городов, – о. Сергей Желудков из Пскова, А.Толпыго из Киева, Р.Пименов из Сыктывкара, москвичи Вяч.Вс.Иванов, Л.Копелев, Р.Орлова, Г. Померанц. Состав участников с годами менялся. Наряду с учеными из академических институтов с докладами выступали и исследователи, не работавшие по специальности, занимавшие должности кочегаров, сторожей, лифтеров – уход интеллигенции на социальную периферию был характерен для того времени.

Участники семинара не стояли в стороне от общественного движения. Некоторые из них занимались правозащитной деятельностью. Так, С.Маслов передавал информацию в «Хронику текущих событий», Э.Орловский входил в Московскую группу Международной Амнистии, С.Левин сотрудничал с Фондом Солженицына, с 1960-х участником правозащитного движения был Р.Пименов. Многие подписывали письма протеста против политических репрессий.

Читателями и распространителями самиздата были все участники семинара. Некоторые из них сами являлись редакторами и авторами неподцензурных изданий. Среди них Б.Иванов и Б.Останин, выпускавшие журнал «Часы», Т.Горичева и Б.Гройс, редактировавшие «37», В.Долинин – соредактор ИБ СМОТа – и др. Помимо ленинградского, среди участников семинара распространялся и самиздат из других городов, а также тамиздат, проникавший в СССР нелегально. В докладах, читавшихся на семинаре, нередко использовались материалы сам- и тамиздата.

Развитие свободной общественной мысли и неподцензурной печати в середине 1970-х подтолкнуло участников семинара к идее выпуска собственного журнала, который предполагалось сделать площадкой для высказывания по всем общественно зна-

чимым проблемам с различных точек зрения, трибуной для диалога. Идея обсуждалась с 1977-го. При этом на собраниях семинара о журнале ничего не говорилось. К инициаторам нового издания присоединились несколько человек не посещавших семинар. В обсуждении участвовали С.Маслов, Р.Гордеев, С.Дедюлин, Г.Давыдов и др. Планы издания С.Маслов обсуждал и с А.Вершиком, не принимавшим участия в семинаре. Дедюлин в дальнейшем подвергся нескольким обыскам в связи со своим участием в сборниках «Память», и от работы по подготовке к выпуску нового журнала ему пришлось отказаться. После долгих прений было решено выпускать реферативный журнал самиздата, по форме близкий к специализированным научным изданиям ВИНТИ. Рассматривались различные варианты названия нового издания – «Резюме», «Время собирать» и пр. Маслов предложил название «Сумма», которое и было принято. Материалы к первому номеру журнала начали подбираться в 1978-м.

Источники поступления сам- и тамиздата для реферирования и рецензирования были многообразны. В среде участников семинара нелегальная литература распространялась постоянно. Ленинградский самиздат, например, предоставляли те участники семинара, которые были редакторами и авторами неподцензурных изданий. Л.Копелев привозил Маслову из Москвы номера журнала «Поиски» и другой самиздат, а также немало тамиздата, который доставляли из ФРГ его немецкие знакомые. Были и другие каналы поступления литературы.

В «Сумме» реферировались и рецензировались как отдельные ходившие в самиздате статьи и сборники, так и самиздатская периодика. Помещались обзоры некоторых изданий. Среди самиздатских периодических изданий, материалы которых рассматривались на страницах «Суммы», – ленинградские «Часы», «37», «Северная почта», ИБ СМОТа и др., московские «Поиски», «Хроника текущих событий», «Евреи в СССР» и пр. – всего более 20 периодических изданий.

Кроме того, реферировались некоторые книги и журналы, выходившие в тамиздате. Из эмигрантских журналов в круг авторов «Суммы» попадали «Континент», «Вестник РХД», «Время и мы», «Синтаксис», «Посев» и т. д. Рецензировались книги А.Авторханова, А.Московита (И.Ефимова), Н.Хрущева и мн. др. авторов. Следует отметить, что редакция не всегда разделяла мнения референтов, не говоря уже о мнениях реферируемых авторов. Реферировались и отдельные издания, выходившие на иностранных языках.

Выпуск такого журнала, как «Сумма», естественно, требовал от его издателей соблюдения правил конспирации. Все публикуемые рецензии и рефераты помещались либо под псевдонимами, либо без подписи. Некоторые авторы (С.Маслов, Р.Пименов, А.Вершик, В.Крейнович и др.) имели по несколько псевдонимов. Материалы к номерам накапливались у Маслова и Левина, причем они поступали к ним уже подписанные псевдонимами. Авторы, непосредственно связанные с редакторами, привлекали к сотрудничеству с журналом своих знакомых и передавали для «Суммы» их тексты, также подписанные псевдонимами, не раскрывая при этом подписи. В результате редакторы «Суммы» не знали настоящих имен всех авторов журнала. Следует отметить, что диссидентская этика запрещала задавать «лишние» вопросы. Эта конспирация затруднила работу не только КГБ, но и последующим историкам самиздата. Большинство авторов журнала были участниками масловского семинара.

Первый номер «Суммы» вышел в 1979-м. В предисловии от редакции изложены основные цели и принципы журнала. Тираж отпечатали С.Маслов и Н.Маслова на пишущей машинке «Ундервуд». Точно так же были подготовлены второй и третий номера. Четвертый готовил Р.Пименов. Он же составил именной указатель к четырем первым номерам.

Пятый и шестой номера (первый и второй за 1980-й) были сдвоены. Они вышли в начале 1981-го. Седьмой и восьмой номера также были сдвоены и датированы 1980-81-м. Тираж был подготовлен в Москве в 1982-м и распространялся после гибели С.Маслова. По инициативе А.Вершика, привлечшего к реферированию своих московских друзей, «Сумма» стала тиражироваться и в Москве. Этим занималась Д.Эльгорт, перепечатававшая все номера по мере их выхода.

«Сумму» читали не только в Ленинграде и Москве. Р.Пименов отвозил экземпляры реферативного журнала в Сыктывкар. Номера «Суммы» получал А.Сахаров в Горьком. В период его высылки журнал из Москвы привозила Е.Боннэр. Краткие обзоры журнала печатались в «Хронике текущих событий» (номера 53, 56, 61 и 63).

После гибели Сергея Юрьевича Маслова была предпринята попытка издать девятый номер «Суммы», посвященный его памяти. Однако номер так и не вышел. Время для этого было неподходящим – андроповское руководство резко ужесточило внутриполитический курс. В Ленинграде шли обыски и аресты. Репрессиям подверглись и некоторые из авторов «Суммы», но эти репрессии не были непосредственно связаны с их участием в жур-

нале. Несколько экземпляров реферативного журнала были изъяты КГБ на обысках, однако прямых попыток пресечь выпуск «Суммы» органы госбезопасности не предпринимали. Возможно, между гибелью Маслова и этим «безразличием» КГБ есть связь. Спустя пять лет отдельные материалы, предназначавшиеся для девятого номера, были помещены в журнале «Часы» (67, май-июнь 1987). Материалы подготовила Н.Маслова, предисловие к публикации написал Р.Пименов.

В конце 80-х возникли сотни новых самиздатских журналов. Начали выходить дайджесты и справочники по свободной печати. Однако издания, аналогичного «Сумме», не появилось. Несколько авторов «Суммы» в эти годы обсуждали идею возобновления выпуска журнала на новом материале, но не смогли этого сделать. «Сумма» осталась единственным реферативным изданием в истории самиздата. В последние годы о ней можно было прочесть в статьях А.Вершика «Потаенный дайджест эпохи застоя» («Звезда», 11, 1991) и «Наука и тоталитаризм» («Звезда», 8, 1998), а также в статье С.Левина «Сумма» с позиции «слагаемого» (Сборник «Самиздат», СПб: НИЦ «Мемориал», 1993).

Журнал свидетельствует о том, что тоталитарному режиму, опиравшемуся на ангажированные науку, литературу, искусство, средства массовой информации не удалось построить общество всеобщего единомыслия.

Сейчас «Сумма» стала доступна читателю. Журнал является бесценным источником для изучения общественных процессов 1970-нач. 80-х, представляет срез свободной мысли этого периода во всем ее многообразии, отображает спектр проблем, волновавших неконформистскую часть общества. Журнал представляет не только исторический интерес – многие идеи и проблемы, привлекавшие внимание его авторов, сохраняют свое значение и сегодня.

О Сергее и Нине Масловых (Не говори: «Забыл он осторожность»...)

Елена Маслова

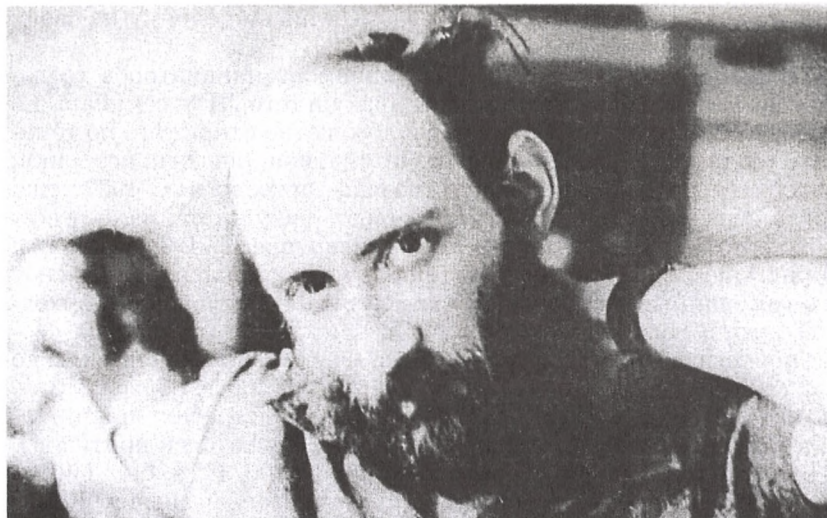
СЕРГЕЙ МАСЛОВ родился 10 июня 1939 года в Ленинграде, в семье филологов, в то время – аспирантов филологического факультета Ленинградского университета. Его отец, Юрий Сергеевич Маслов, – один из самых замечательных русских лингвистов, специалист по славистике и общему языкознанию, человек широкого образования, точного и пытливого ума, безупречной порядочности. Мать, Сара Семеновна Лашанская, – первый в Советском Союзе специалист по шведскому языку, человек бесконечно аккуратный и педантичный, с обостренным чувством ответственности за все свои поступки. Таким образом, по рождению С.М. принадлежал к тому слою общества, для которого основным содержанием и смыслом жизни является Мысль, – к тому слою, который принято называть интеллигенцией.

Нельзя сказать, что стремление и, более того, привычка к свободному, независимому от давления существовавшей в стране политической системы размышлению о явлениях общественной жизни и, шире, о любых явлениях и концепциях, – то, что в значительной степени определяло личность С.М. и его роль в развитии независимой духовной жизни страны – были «унаследованы» им от родителей. Они не избежали участи многих людей этого поколения – соблазн идей равенства и справедливости, «комсомольская романтика», шоры, надетые всепроникающим страхом на глаза и мысли. И все-таки они сохранили в себе и сумели передать сыну главное – стержневые «аксиомы» нравственности и порядочности, независимые от времени представления о добре и зле, которые и в самые страшные годы нашей истории руководили их действиями и поступками. Достаточно сказать, что в сороко-

вые годы Ю.С.Маслов написал несколько писем в защиту Льва Копелева, – и станет понятно, что и он был не задавленным системой представителем «образованщины», а настоящим русским интеллигентом, что С.М. было чему учиться у своего отца. Возникшая во время войны и продолжавшаяся до смерти Юрия Маслова в 1990 году дружба с Львом Копелевым стала потом важной частью жизни С.М. – и сам Лев Копелев, и его жена, Раиса Давыдовна Орлова, стали его близкими друзьями, а в студенческие годы – важным источником новой информации о стране и мире. «Не можем вспомнить, – писали они уже после его гибели, – когда мы начали воспринимать его уже не как сына, а как младшего брата и очень близкого друга».

В 1956 году С.М. поступил на математико-механический факультет Ленинградского университета; таким образом, он относится к поколению, чьи студенческие годы пришлось на хрущевскую «оттепель», и это, несомненно, оказало важное влияние на всю его жизнь – возможность относительно свободных дискуссий, новые и заново открытые имена в поэзии, разоблачение веры в непогрешимость власти, «реабилитация» кибернетики и генетики (С.М. учился на только что открывшемся «вычислительном» отделении факультета, возникновение которого было связано имен с признанием кибернетики). Его специальностью стала математическая логика, теория поиска вывода, т. е. его собственно научная деятельность была непосредственно связана с центральной в его жизни проблемой человеческой мысли, размышления, рассуждения.

В 1961 году, после окончания университета, С.М. начал работать в Ленинградском отделении Математического института под руководством Н.А.Шанина, в группе под сокращенным названием ТРЭПЛО (Теоретические разработки эвристического поиска логических обоснований). В 60-х годах он принимал участие в создании программы для ЭВМ, в которой впервые в мире была сделана попытка смоделировать человеческие особенности при поиске доказательств утверждений, к середине 60-х годов он создал эффективный метод поиска доказательств, известный сейчас как «обратный метод Маслова». В целом это время максимального увлечения и взлета его собственно математической деятельности. В 1965 году он защищает кандидатскую, в 1972 году – докторскую диссертацию. К концу 60-х годов его интересы сосредоточились в области общей теории дедуктивных систем; он искал все новые и новые приложения этой теории, расширяя круг своей научной деятельности – биология, экономика, история архитектуры, политическая история, моделирование творческой деятельности.

Ничто из этого нельзя назвать «хобби» – узкие проблемы математической логики и общие проблемы развития человечества одинаково становились предметом напряженного и точного научного размышления, материалом для создания общей картины мира. Один простой пример: в книге «Теория дедуктивных систем и ее применения», рассчитанной на широкий круг читателей и изданной уже после гибели автора, рассматривается, в частности, применение понятия дедуктивной системы к моделированию экономических систем; начиная с простых дедуктивных систем, моделирующих, по выражению автора, «игрушечную экономику», и действуя строго математическими методами, автор приходит к выводам, формулируемым в терминах *отказа от стабильности и увеличения свободы выбора*. . . Общий качественный вывод из математического рассмотрения «игрушечной экономики» становится одним из стержневых компонентов системы мира в целом: «Чем в большей степени наши духовные потребности будут превышать материальные, тем ближе мы окажемся к переходу в “царство свободы”... Следует всеми силами развивать духовно-творческий потенциал общества...». Это, может быть, самая важная черта С.М. – его собственно научная работа не была отделена от «актуальных» проблем жизни, от картины мира: их объединял общий подход – свободное размышление, мысль.

«Больше всего на свете, – писал С.М. в письме одному из своих друзей, – я люблю думать».

В конце 60-х годов С.М. был одним из инициаторов создания на математико-механическом факультете ЛГУ семинара по «общей теории систем», семинара, абсолютно открытого по тематике – в нем принимали участие математики, биологи, историки, литераторы, философы, искусствоведы, археологи. С 1972 года, когда существование семинара в стенах факультета стало невозможным, он продолжал работать в квартире С.М. и его жены, Нины Масловой. Многие участники этого семинара вспоминают его как один из центров независимой интеллектуальной и духовной жизни города, как источник возрождения и развития свободной мысли. Лев Копелев и Раиса Орлова, которые несколько раз выступали на этом семинаре, пишут: «И нигде больше мы не встречали таких взыскательных, беспощадно строгих, придирчивых и вместе с тем дружелюбных, умных слушателей-критиков». Центральной задачей, стержнем семинара для С.М. был синтез разных точек зрения и концепций, дружелюбный диалог, интеллектуальное сочувствие и сопереживание. Это было и стержнем его жизни и размышлений. Одним из самых трудных переживаний оказался новый раскол между «западниками» и «почвенниками»; попыткой найти путь к преодолению этого раскола стала статья «Сочувствие (диалоги православного и либерала)» и участие в сборнике «Христианство и атеизм (личная переписка)». «Один раз наша страна уже пережила процесс поляризации идеологических сил, – писал он в этой статье. – Доколе можно множить ошибки, нетерпимость, ненависть? Догматизм мышления и нетерпимость к инакомыслию – застарелая болезнь нашей родины. А лекарство одно – научиться понимать друг друга, научиться вести диалог». И – в обращении к другу, с которым его разделил этот раскол общественного сознания:

Спаси нас Бог от явленных пророков,
От страшных лет возврата на круги,
Страна не помнит горестных уроков,
И снова братья станут, как враги. . .

Сейчас понятно, что опасность, о которой предупреждают эти строки, оказалась страшнее многих, казавшихся тогда почти всем важнее и непреодолимее. . .

Стержнем духовного противостояния системе была для С.М. скорее интеллектуальная свобода, независимость мысли, а не практические действия. Он почти никогда не оказывался в цен-

тре политических событий, связанных с правозащитным движением. Но всегда, когда кому-нибудь нужна была помощь, он не ждал просьб и не думал о возможных последствиях для себя – например, именно он поехал в Москву, чтобы сообщить А.И.Солженицыну о том, что КГБ нашел хранившийся в Ленинграде экземпляр «Архипелага ГУЛАГ»; он с женой навещал в ссылке Р.И.Пименова; во время суда над Ю.Орловым он послал телеграмму протеста Брежневу, требуя его немедленного освобождения – что осталось, кажется, неизвестным даже самому Ю.Орлову. Будучи скрупулезно аккуратным в том, чтобы никого не подставить под удар своими высказываниями, он никогда не считал нужным скрывать свои мысли – практически в любых ситуациях, в общении с любыми людьми он считал нужным и возможным попытаться высказать и объяснить свою точку зрения и никогда не боялся этого делать, сколь бы «запрещенной» ни была тема. Это был его способ жизни, и за это он готов был рисковать.

Постепенно этот способ жизни делал его положение в системе все более шатким. В начале 1975 года, после того как ученый совет Математического института не утвердил его в должности и отверг план работы группы, ему пришлось уйти из этого института, и он начал преподавать математику в Финансово-экономическом институте. В 1980 году, после подписания письма в защиту Сахарова, он был (решением райкома КПСС) уволен и с этой работы. Несколько месяцев казалось, что работу по специальности найти не удастся, но в конце концов его взяли на работу в Институт электронного приборостроения – это было весьма далеко от специальности, но это все-таки была научная работа.

В 1982 году Сергей Маслов погиб в автомобильной катастрофе, обстоятельства которой остались невыясненными, так что, наверное, мы никогда не узнаем, была ли эта катастрофа случайностью или убийством. В это время ему только что исполнилось 43 года. Его работа в математической логике хорошо известна специалистам и широко признана, но многие из его работ, связанные с моделированием творческой деятельности и исторического развития, остались неопубликованными и мало кому известны. Его способ жизни – отношение к людям, стремление понимать и сочувствовать, напряженное стремление к мысли и добру остались в тех, с кем сталкивала его жизнь; «лично мне гипотеза Воскресения, – писал он, – представляется недостатком мужества, неумением найти подлинный смысл жизни, непониманием, что улыбка обрадованного тобой ребенка, что каждый достойно прожитый день, что каждый попавшийся тебе на глаза солнечный зайчик –

это великолепно и осмысленно, независимо от грядущих Смертей и Абсурдов с Большой Буквы. И, ради Бога, не стоит меня жалеть или опасаться, что в случае, если доводов за личное бессмертие будет недостаточно, я впаду в отчаяние».

НИНА МАСЛОВА родилась 30 мая 1939 года в Пензе. Ее родители были преподавателями Пензенского педагогического института. В 1956 году она уехала учиться в Ленинград и поступила на математико-механический факультет ЛГУ, на отделение механики. После окончания университета Н.М. поступила в аспирантуру и в 1966 году защитила кандидатскую диссертацию и начала преподавать на математико-механическом факультете. Она работала в университете до 1982 года, когда она перешла на работу в Институт океанологии.

В 1961 году, незадолго до окончания университета, она вышла замуж за Сергея Маслова, и с этого времени ее жизнь была связана с его жизнью так тесно, как это редко бывает даже в самых счастливых браках. Она была его основным собеседником и другом; интеллектуальное сопереживание, со-размышление – одна из самых дорогих для Сергея Маслова идей – была на высочайшем уровне реализована в этом браке. Это встречается так редко, что почти невозможно точно описать – речь не идет о столь частом для женщин и столь любимом мужчинами «внимательном выслушивании» и поддакивании. Фраза «Какой ты умный, Юрочка!» из «Доктора Живаго» – символ такого разговора – была для нее в то же время и символом бессмысленности. Это было действительно со-размышление, разговор, в котором мысли приобретают новый смысл и яркость, находятся слова и формулировки, идет совместный поиск истины. Роль этого общения в жизни и деятельности Сергея Маслова невозможно переоценить. Он писал:

Но – слушая, сердясь, твою насмешку,
Стараясь и софизмами греша,
Я сознаю, как сложен мир кромешно,
Неясен смысл, все правды вперемешку,
Вопросы просят, льнут ко мне – решай. . .

Н.М. была одним из постоянных и самых активных участников семинара по общей теории систем, а после того как в 1972 году он был перенесен в их квартиру, его существование стало вообще невозможным без ее участия и поддержки. Она принимала активное участие и в реферативном журнале «Сумма» – ею написаны многие рефераты, но, может быть, еще большее значение имели ее поддержка и помощь.

В 1982 году она вместе с Сергеем Масловым попала в автомобильную катастрофу, в которой он погиб, а она получила тяжелые переломы. Его гибель была для нее тяжелейшим и непоправимым ударом. Тем не менее в 1983 году она защитила докторскую диссертацию – защита была назначена до катастрофы – и в дальнейшем продолжала активно работать в математике и океанологии. Но центральной задачей одиннадцати оставшихся лет ее жизни стало сохранение и публикация наследия Сергея Маслова: с ее помощью и при ее непосредственном участии была опубликована его книга «Теория дедуктивных систем и ее применение» и ее перевод на английский язык, она сделала несколько докладов на конференциях о его работах; было сделано и сохранено в разных архивах несколько копий всех номеров журнала «Сумма» и появилась публикация о нем в журнале «Звезда».

Она не пыталась заменить его, но пыталась и во многом смогла сохранить его способ жизни, и общение с ней, ее сильный ум, умение слушать и сопереживать, ее беспредельное мужество стало важной частью жизни для многих людей даже тогда, когда ей казалось, что ее настоящая жизнь уже кончена. Она умерла от сердечного приступа в 1993 году в Ницце, куда поехала работать на месяц.

11 октября 1995 года, Петербург

СУММА

рж

№ 1 1979

Всему свое время. Сегодня – время насаждать и врачевать, время собирать камни... Скромная цель этого издания – способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная – искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление и составляет главный содержательный принцип журнала.

Раздел А по замыслу максимально близок к обычным научным реферативным журналам, раздел В – «Точки зрения» – гораздо более свободен по жанру. Редакция будет по возможности стремиться к оперативности и полноте охвата Самиздата (хотя бы на уровне названий и оглавлений в разделе В), отчасти имеется в виду реферирование тамиздата, помещение информации о нетривиальной подцензурной литературе, постепенное обсуждение наиболее интересных публикаций предыдущих лет. Возможны перепечатки соответствующих материалов других изданий. Периодичность журнала – 4 номера в год.

Важный технический принцип журнала – лаконичность: редакция разрешает себе производить сокращения (отмечая их знаком<...>). Редакция заинтересована в рефератах и других подходящих материалах. Если при чтении какого-нибудь произведения вам захотелось откликнуться, поспорить, сделать небольшую выписку – не полнитесь, сделайте, передайте нам. Допускаются любые псевдонимы, отсутствие подписи рассматривается как разрешение свободной обработки поступившего текста.

Подпись редакции –

Р.

Вместо оглавления

По техническим причинам порядок расположения материалов внутри разделов сравнительно случаен. По тематике материалы можно условно распределить следующим образом:

Тема Ф (философия, история философии) — А1–3, А10, А19, А25–26, А33, А16, Б3, Б5, Б10

Тема И (история и современность) — А2, А9, А15, А20, А26, А35, А36, А38, Б7, Б10

Тема О (общественные проблемы) — А4–8, А11, А13, А18, А20–24, А39, А40–41, Б1, Б4–9

Тема Л (литература) — А3, А12, А16, А23, А27–31, А33, А37–38, Б2, Б3, Б5

Тема Ж (живопись, изобразительное искусство) — А3, А34, А36, Б2

Тема С (справки об изданиях) — А12, А14, А17, А29, А32, Б1, весь раздел В

Памяти ушедших — А37–41

В частности:

Обсуждение Конституции — А4–8, А18

Из истории русской церкви — А9, А15 (отчасти А2, А36)

Проблемы национально-религиозного возрождения — Б6, А16, А25

Проблемы Демократического движения — Б4, А21, А4

О советско-китайских отношениях — Б7 (отчасти Б8)

О шовинизме и национальном угнетении — Б8, Б9, А23, А7–8, А11, А40.

История советской технической интеллигенции — А35

По поводу:

публицистики А.Солженицына — Б5

«Обращения русского освободительного движения» — Б8

книги А.Московита «Метаполитика» — Б10

книги В.Турчина «Инерция страха» — А10

Реферируемые издания:

- «Вокруг проекта Конституции» — А4–8
- «Вестник русского христианского движения» — А1–3, А26
- «Евреи в СССР» — А40, Б9, В7
- «Континент» — А10–11
- «Община» — А32–34, В2
- «Поиски» — А17–24, А27–29, А37–39, А41, Б1, Б3–5, В3–4
- «Русское возрождение» — А14–16, Б7
- «Синтаксис» — А12–13
- «Тарбут — Культура» — А25
- «Хроника текущих событий» — Б1, В8
- «Часы» — А30–31, Б2

А. Рефераты и выписки

1А1. К 30-летию со дня смерти Н.А.Бердяева. *Вестник русского христианского движения*, 124, 1-1978, 89-124

Философский раздел ВРХД целиком посвящен одному из крупнейших мыслителей XX века. Раздел содержит компактный и весьма содержательный обзор философии Бердяева, который написан Н.Лосским с большим сочувствием и минимальным числом критических замечаний, а также выдержки из записной книжки, писем и автобиографии Бердяева. Заключение обзора: «Есть лица, желающие быть более православными, чем само Православие, и потому считающие творчество Бердяева вредным для церкви. <...> Выражая существенные истины христианства новым языком и в своеобразных понятиях, отличных от стиля традиционно-богословия, такие философы, как Бердяев, пробуждают вновь интерес к христианству в умах множества лиц, отвернувшихся от него, и могут привлечь их к Церкви. Сохранение и дальнейшее развитие культуры, защищающей абсолютное достоинство личности, получает мощную поддержку, благодаря творчеству таких философов».

Несколько выписок из публикуемых текстов Бердяева:

«Либерализм понял свободу не как тяготу и бремя, не как долг совершеннолетних, а как право, как легкость, как освобождение от стеснений.

Религиозные черты марксизма: догматичность системы, разделение на ортодоксию и ересь, Ленинизм-Сталинизм – Священное Писание, разделение мира на верующих и инако верующих, иерархическая организация, подобно церкви с папой во главе. Свобода по Марксу есть результат необходимости. Это отрицание свободы, которая связана с духовным началом. Противоречия марксизма отчасти связаны с тем, что марксизм есть не только борьба с капитализмом, но и его жертва.

Суверенитет государства, демократии, общества, народа –

ложная идея. Неотъемлемые права человека – более глубокий и основополагающий принцип, чем суверенитет народа, и тем более класса.

Для перехода к новой эпохе в христианстве нужен не уход от процессов мира и гордое возвышение над ними, а вхождение в эти процессы, активное изживание судеб мира и человека при внутренней свободе от этих процессов, недопущение рабства миру. Преодоление понимания христианства как религии личного спасения, и понимание христианства как социального и космического преображения, Царства Божьего.

Одно сохранение прошлого есть претензия оторвать прошлое от господства над ним духа вечности, один соблазн творчества есть претензия оторвать будущее от господства над ним вечности.

Путь творчества есть религиозный опыт. В творческом экстазе еще большая отрешенность, чем в смирении, большая дума о Боге, чем о себе.

Не во имя свое творчество. Творчество жертвенно. Творчество, не проходящее через жертву – пустота.

Свободный акт духа и значит, что человек не соглашается зависеть от космических или человеческих сил. Вся моя религиозная жизнь связана с тем, что я не соглашаюсь ни от чего и ни от кого зависеть. Бог и есть эта моя независимость». («Записная книжка»)

«В литературных кружках отсутствие реализма и органичности, мистификация. <...> Мне кажется ошибочным видеть религиозное действие в образовании и укреплении общины, в организации; я бы сказал в религиозном корыстолюбии и властолюбии. <...> Нужно идти в мир не зараженным кружковщиной, литературной или революционной». (Письмо к З.Гиппиус, 1906-1907)

«Если со стороны отца в меня вошло органическое славянофильство, то со стороны матери вошло органическое западничество с преданиями рыцарства. <...> у меня с двух сторон были бабки монахини. <...> Мне представляли читать все, что я хотел, и никто мною не руководил. Детство проводил без сверстников и товарищей. <...> Я был религиозен, но религиозность моя была не бытовая и не ортодоксальная. <...> В ранней юности мне пришлось столкнуться с оккультизмом типа Блаватской и жизненная реакция против духа Индии и восточной мистики толкнула меня в сторону западничества. Я пошел искать правды в кантианстве, марксизме и нищезанстве. <...> После 1905 года мое духовное развитие совершалось уже внутри христианства». («Автобиография», 1913)

1А2. ПРОТ. И. МЕЙЕНДОРФ. Церковь, общество, культура в православном церковном предании. Вестник русского христианского движения, 124, 1-1978, 21-37

Сравниваются три эсхатологии: 1) Царство Божие будет явлено внезапно и в близком будущем – в силу Божественного всемогущества. «Такая эсхатология не дает основания ни для какой христианской миссии по отношению к обществу или культуре». Христиане освобождены от «сороботничества», от ответственности за мир. 2) Противоположная крайность, пелагианизированная и оптимистическая идеология основана на вере в прогресс, настаивает на достоинстве человеческих достижений в истории, определяет основную задачу христиан в мирских категориях и смешивает социальный прогресс с «новым творением». 3) Человек сам должен решить, будет ли грядущее Царство Божие страшным судом или брачным пиром. Подлинная эсхатология утверждает одновременно власть Бога над историей и задачи человека, вырастающие из подлинно реальной свободы.

Историки утверждают, что византийская система была «цезарепапистской», т. е. получается, что Церковь приняла второй тип эсхатологии. Автор доказывает, что византийское христианство не присваивало императору власти в вопросах веры и этики и избежало цезарепапизма отнесением всей власти непосредственно к Богу (а не противопоставлением императору священства). Положительно наследие Византии в идее неразделимости божественного и человеческого, как в личной, так и в общественной жизни.

Византийская идея «гармонии» между Церковью и обществом сейчас неприменима как образец политического строя, да и в самом Византийском идеале крылся духовный изъян: «гармония» считалась осуществленной, по отношению к врагам и диссидентам Византийское царство вело себя так, как будто было Царством Божиим, обладало конечным правом судить и истреблять. Византийская империя так и не разрешила двусмысленность своих притязаний; с этим связан один из основных импульсов монашества.

Возобладавшие на Руси политические и социальные идеалы оказались идеалами западного светского государства, византийские формулы использовались для оправдания самодержавия как такового, без церковного и канонического корректива, неотъемлемого в Византии. Стяжатели явились защитниками византийского теократического идеала, но ходом истории оправданы побежденные нестяжатели: именно их последователям удалось стать подлинными свидетелями христианского опыта. Нил Сорский

оказался прав, не полагаясь на будущее «святой Руси», отстаивая независимость церкви.

В ходе освобождения Балкан от турецкого ига Церковь не смогла овладеть ситуацией и увидеть опасность секуляризованного национализма, «соблазн религиозного национализма остается одной из самых основных слабостей современного православия».

«Христианское решение социальных проблем никогда не может быть ни абсолютным, ни совершенным, пока не пришел Последний День <...> христиане умеют жить в мире несовершенном, хотя всегда стремятся это несовершенство, хотя бы отчасти, преодолеть. <...> Империя представляла собою соблазн, национализм является в настоящее время другим и весьма очевидным соблазном. Но все это — исторические и духовные ошибки», и таковыми их и признает церковь.

Т.Юрьев

1А3. Г.ЧЕСТЕРТОН. Башня. Дорога к звездам. Вестник русского христианского движения, 124, 1-1978, 256-260

«Странная, дикая сила присуща всякому искусству — но больше всего присуща она искусству христианскому. Именно это имеют в виду, когда говорят, что христианство — это варварство, и возникло оно во тьме невежества. Исторически это не так; христианство возникло в одну из самых просвещенных эпох.

Однако в нем действительно есть что-то, взрывающее привычные каноны красоты. <...> Христианство — дикое, в том смысле, что оно — первородно, почти как негритянский гимн. <...> Когда уличные мальчишки кричали слишком громко “Осанна!”, кое-кто из учеников повоспитанней стал, во имя хорошего вкуса, призывать к порядку. “Если они не умолкнут, — сказал Иисус, — то камни возопяют”. Этой фразой он вызвал к жизни всю мощь христианского искусства. Этой фразой Он основал готическую архитектуру. В городе типа Брюгге, который плодит готику, как дерево плодит листья, любой кирпич, любая плита могут показаться разверстым в крике ртом. <...> Если спросят: “Почему граждане Брюгге жертвовали даже красотой во имя головокружительной, поистине небесной высоты?”, — отвечайте — “Потому что природа их этому не учила”. <...>

Крутая торжественность, резкая и решительная сила — неотъемлемые качества всякого истинного города. <...> Когда мы сетуем, что город уродлив или скучен по сравнению с природой, мы судим очень поверхностно, основываясь на самых плохих, совсем не типичных примерах. Косматая чаща лучше некоторых

городов; но ведь и косматая обезьяна лучше, чем памятник общественному деятелю. <...> Есть города — воплощение победы; те, кто их строил, твердо и прочно добились своего. Они, как прекрасная статуя, говорят нам о божественной силе человека, которая много выше дикой природы, грубых гор и заурядных звезд. <...> Современные города уродливы не потому, что они города, потому что они в высшей степени похожи на дикую природу. <...> Холм кажется решительным и гордым, памятник — таков и есть. Если я поднимусь на вершину холма (не думайте, я не собираюсь), я увижу нечеткие глыбы земли и пятна травы — словом, все то, что мои современники зовут эволюцией, а я — пустотой и развалом. Но если я вскарабкаюсь на памятник, я увижу линии скульптуры и резьбы, которые были задуманы как четкие и четкими стали. Словом, я увижу твердость, веру, догму, доступные только человеку; отнимите их и вряд ли мы останемся людьми. Все наше дело в мире — отрицать расползание, ставить границы, обводить пером неназванные действия <...> Быть может, именно так надо понимать текст об Адаме, нарекающем имена».

P.

1А4. З.Филлипов. *Необходимый минимум*. Вокруг проекта Конституции, 1, 1977, 4 стр.

В жанре обсуждения Конституции автор четко и кратко формулирует программу либерализации-демократизации. Кроме общепринятых требований, автор включает в свой минимум: гласность правительственных отчетов и проектов, обязательную судебную защиту равноправия национальностей и этнических групп, учреждение независимого от правительства конституционного суда (который гарантирует выполнение Конституции правительством и его организациями), экономическую гарантию на право выхода из колхоза (наделение землей, введение аренды инвентаря и т.д.). Предлагается переход к экономике югославского типа. Требуется немедленно приступить к уравниванию населения в снабжении продуктами. Следует узаконить существование политических меньшинств, в том числе — некоммунистических партий.

С.Ободов

1А5. Л.БОГОРАЗ, А.МАРЧЕНКО. *Письмо в газету*. Вокруг проекта Конституции, 1, 1977, 63 стр.

На материале многочисленных примеров из собственной жизни авторы пишут «о явлении, по советским меркам, почти безобид-

ном и безопасном – об обысках, слежке, прослушивании», которые делают жизнь непереносимой. Формально обыски происходят по какому-нибудь делу, но вещей, «имеющих отношение», не обнаруживается, изымаются собственные бумаги и книги авторов. «Ни разу нас не привлекли к ответственности за хранение “криминальных” материалов. И ни разу не вернули ни клочка из изъятых бумаг. <...> Невозможно помешать грабежу под эгидой закона и власти. Кроме отчаяния, описанная ситуация вызывает у нас чувство бесконечного унижения. <...>

Нашему сыну четыре года, за свою жизнь он пережил четыре обыска. В последний раз он нам сказал: “Я хотел вам напомнить, чтобы вы спрятали мои книжки...” Книжки спрятать! — не мы, а советский закон приучает к этому нашего ребенка: полгода назад такой вот “дядя Коля” хотел отнять его книгу, Евангелие в переложении для детей. Сын кричал на весь вагон: “Мама, не отдавай мою книжку!”; в поезде при обыске было много пассажиров и книга уцелела». (25 мая 1977, поселок Чуна)

Р.

1А6. В.Бахмин, Т.Великанова, З. и П.Григоренко, О.Квачевский, А.Лавут, Р.Лерт, В.Турчин, Г.Якунин, Л.Полуэктова, И.Каплун, Р.Галецкий. **Письмо двенадцати в Политбюро ЦК КПСС** (12 стр.) С.Каллистратова. **Замечания юриста** (7 стр.) Г.Якунин, В.Хайбулин, В.Капитанчук. **Письмо верующих Л.И.Брежневу** (2 стр.) *Вокруг проекта Конституции, 2, 1977.*

Предлагаются меры по совершенствованию проекта Конституции СССР и перечисляется ряд недостатков теперь уже принятого проекта. В числе этих недостатков: 1) Агитационный характер проекта, смешение конституции с партийной программой. 2) Неясность, запутанность формулировок, исключаящая единообразное толкование. 3) «[В]опиющее, ничем не прикрытое противоречие» между ст. 1 и ст. 2, провозглашающими СССР общенародным государством, и ст. 6, объявляющей КПСС ядром политической системы. 4) Проектом конституции «демократия не расширяется, а ущемляется, даже по сравнению с ранее действовавшей Конституцией» («если за свободное слово, даже за свободную мысль законом гарантируется тюрьма и ссылка, если меру соответствия слова и мысли интересам общества и государства определяет не свободное общественное мнение, а карательные органы государства, то все “свободы” и “права”, декларированные в Конституции, превращаются в фикцию»). 5) Преамбула

и ст. 6 превращают советское государство в правовом отношении в идеократически-тоталитарное, что ставит перед верующими «мучительный вопрос: могут ли они без ущерба для их религиозной совести оставаться гражданами советского государства?»

Выдвинуто требование «полностью, без остатка ликвидировать внутреннюю тайную полицию в стране, ликвидировать КГБ, который, как явствует из самого текста проекта, не выполняет ни одной положительной конструктивной функции». Предлагается внести в текст Конституции «тезис о принципиальной возможности религии при коммунизме и исключить из устава правящей партии положение, обязывающее вести борьбу с религиозными пережитками».

С.С.Р.

1А7. «Вокруг проекта Конституции», 3, 1977, 55 стр.

Бюллетень 3 дополняет материалы других выпусков «Вокруг проекта Конституции» (см. 1А6). Смысл ряда статей ясен из заглавий: *Не хватает последовательности и логичности* (О.КВАЧЕВСКИЙ), *Делового обсуждения нет* (Ю.ГРИММ), *Отменить бесправие верующих* (выдержки из письма Совета Церквей евангельских христиан-баптистов).

«Не будучи членом партии, я не имею ни возможности, ни права влиять на ее решения. Но теперь, по брежневскому проекту, я обязана раз и навсегда принять ее руководство, колебаться вместе с ее генеральной линией, и ее постановления принимают для меня силу закона; не подчиняясь КПСС, я перестаю быть законопослушным гражданином. Пусть мне не нравится программа партии (которую я и знать не обязана), пусть мне претит ее прошлый путь – я поставлена перед выбором – жить против совести или жить против Конституции». (Л.БОГОРАЗ, *Статья 6-я. Жить против совести*)

В статье Л.ТЕРНОВСКОГО «*О гражданстве СССР и о праве на эмиграцию*» изложены главные принципы, которые следует положить в основание закона о гражданстве и эмиграции (добровольность гражданства, невозможность насильственного лишения гражданства, отказы в разрешении покинуть СССР возможны лишь по перечисленным в законе причинам и на указанный в нем срок, право возвращения для эмигрантов).

Евангельские христиане-баптисты критикуют ст. 52, вновь закрепляющую превосходство неверующих над верующими. <...> «Отчего атеизм перед объективами, а Церковь – с закрытым ртом? Отчего за сравнительно короткое время только в одном

нашем братстве было заключено под стражу свыше тысячи верующих? Отчего многие тысячи экземпляров конфискованной литературы?» Требуется отменить дискриминационное законодательство о культах и распустить антирелигиозные комиссии. В обзоре писем верующих цитируются слова Ленина: «Каждый должен иметь свободу не только держаться какой угодно веры, но и распространять любую веру или менять веру. Ни один чиновник не имеет права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести». Предлагается: освобождение верующих от воинской повинности, если таковая противоречит их совести; право приоритета родителей в выборе воспитания.

В приложении напечатаны выдержки из письма осужденной на два года лагерей ленинградской поэтессы Ю.ВОЗНЕСЕНСКОЙ (републикация в журнале «Поиски», 3). Описана жестокая расправа, учиненная надзирателями Новосибирской тюрьмы над этапирруемыми в колонию девушками: «стали поливать девочек сильным напором холодной струи, они гоняли их по камере. Многие были раздеты. Девушек пропустили сквозь строй около 24-х человек. Били их кулаками, шлангами, ключами <...> Девочки бежали полуголые, босые. Больные вместе со здоровыми. <...> Их во второй раз пропустили сквозь строй. Всех заперли в бокс на 4 человека – 21 девушку».

C.C.P.

1А8. «Вокруг проекта Конституции», 4, 1977, 54 стр.

В дополнение к информации из 1А6 и 1А7: 1) Проект Конституции пропитан тенденциями к усилению власти государства и органов репрессий (Ю.СЕРГЕЕВ). 2) Необходимо создать печатный орган, уполномоченный «защищать интересы трудящихся в их спорах и тяжбах с властью имущими» (М.ЗОТОВ). 3) Следует «специально указать на возможность выдвижения нескольких кандидатов на одно место», рассмотреть «возможность введения системы суда присяжных», «амнистировать всех осужденных в связи с критическими выступлениями» (Б.АЛЬТШУЛЛЕР). 4) Должно быть гарантировано право объединяться в религиозные общества (Г.ВИНС).

В приложении Э.АМЕТОВ излагает факты дискриминации крымско-татарского народа; обращение верующей молодежи ЕХБ Волинской обл. к Брежневу описывает, как представители местной власти во главе с начальником КГБ пытались сорвать христианский обряд бракосочетания в селе Глухи Старовыжевского

района; Л.ЛУКЪЯНЕНКО, отбывший 15 лет в лагере строгого режима за желание поставить вопрос о мирном выходе Украины из СССР, описывает свои мучения и просит позволить ему выехать из Союза.

С.С.Р.

1А9. Л.РЕГЕЛЬСОН. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945.
УМКА-Press. 1977. 625 стр.

Книга посвящена преимущественно истории русского епископата в послереволюционный период. Узловыми моментами русской церковной истории, определяющими все формы нынешнего существования Церкви, автор считает установление Поместного Собора 1917-1918 годов, патриаршество, чрезвычайное положение о местоблюстительстве, принцип свободы политической деятельности членов Церкви, – указ Патриарха Тихона, допускаявшего временное самоуправление епархий в случае разобщения с патриаршим центром. В этом указе автор видит возврат к древнему церковному принципу: «Где Епископ – там и церковь»; он считает ошибкой Местоблюстителя митр. Сергия, что Сергий не последовал указу 1920 года, а избрал путь сотрудничества с властями ради сохранения патриаршеского центра. Сохранение Церкви в советских условиях было возможно только путем легализации Церкви, т. е. путем допущения контроля властей над деятельностью такого центра. Рассказывается о нескольких попытках установить временные «автокефалии» в соответствии с указом 1920 г. Наиболее значительными среди иерархов, предпринявших такие попытки, были митрополиты Ярославский Агафангел и Казанский Кирилл. Больше место в книге уделяется личности и деятельности митр. Сергия (Страгородского), причем последняя автором решительно отвергается. Власть «местоблюстителя» Сергия была, с одной стороны, лишена канонической законности, а с другой – представляла недопустимый сервиллизм по отношению к властям. Особенно остро осуждается та легкость, с которой Сергиевский Синод смещал, перемещал и запрещал оппозиционно настроенных епископов. Основной лейтмотив книги – протест против сведения всей церковности и каноничности к идее «подчинения». Без возможности судить о смысле и справедливости «указов высшей власти» не существует православной соборности, но, с другой стороны, «оставление за собой права суждения о действиях церковной власти не должно означать канонического и молитвенного разрыва с ней».

В научно-историческом приложении к книге даны: «История русской Церкви в датах и документах», «Изменение состава русского епископата по годам», «Биографические сведения о епископах, находившихся в церковной оппозиции к митр. Сергию».

Р.Г.

1А10. Два письма о Высшей Цели и Великой Эволюции (Вокруг книги В.Турчина «Инерция страха»). Письмо И.Гоманькова В.Турчину и ответ последнего. *Континент*, 15, 1978, 237-255.

Распространенное мнение о предельной бездуховности кибернетического взгляда на мир чрезвычайно поверхностно – кибернетика, напротив, является удачным путем к современному синтезу естественно-научного мировоззрения с теологическими и религиозными взглядами. Известный математик и общественный деятель В.Турчин предложил вполне разработанную картину атеистического (или пантеистического) по сути мировоззрения, которое естественно считать богостроительством с Великой Эволюцией в роли Бога. Представляется показателем удачности турчинского синтеза тот факт, что автор 1-го письма, христианин, признает «Инерцию страха» очень близкой ему по духу книгой. Ощущая все же недостаточную трансцендентность концепции Турчина, Гоманьков предполагает, что дело в недостатке апофатизма. Апофатическое отрицание – «Бог не есть...» – как раз утверждает: «Бог превышает жизнь, любовь, эволюцию и все остальное». Апофатизм есть основа и критического подхода, и нравственности. «Все самые отвратительные извращения религий: догматизм, изуверство, различные суеверия – происходят именно от притупления "апофатического меча" при наличии достаточно развитого религиозного чувства». Даже в следовании верным (вроде бы) убеждениям заключается некая безнравственность – не так важно точно знать, какова нравственная реальность, «важнее не уставать испытывать эту реальность критически». Возникает впечатление, что Высшая цель Турчина оказывается все тем же идолом Необходимости.

Турчин отвечает, что апофатизм лежит в основе его системы: «поскольку наше понимание Плана Эволюции всегда было и будет ограниченным и несовершенным, мы прежде всего должны позаботиться о том, чтобы своими руками не закрывать Путь Эволюции <...> Ваш Бог – это мой План Эволюции. Ваш принцип апофатизма – это мой принцип не-ограничения Эволюции». Турчин, «вторгаясь со своим научным мировоззрением в сферу

религии», не хочет брать за основу «старые» понятия, считает современный понятийный аппарат более совершенным: «движение входит в нашу систему мышления гораздо более непосредственно и естественно, чем несколько веков назад». При статическом подходе мы говорим: нельзя познать все, при динамическом — всегда можно узнать что-то новое. То, что при первом подходе апофатизм, при втором — принцип эволюции. «Христианская теология только оставляет место для эволюции. Современное научное мышление приступает к делу...»

Примечание референта. Вероятно, ответ не успокоит апофатизма Гоманькова, но в теологических рассуждениях Турчин всегда окажется прав (ему удастся пересказать в своих терминах любую теологическую конструкцию). Различие между истинным верующим и атеистом типа Турчина сводится к приятию или неприятию личной связи с Высшим Существом (по Паскалю: «Бог Авраама, Исаака, Иакова — не Бог книжников и фарисеев»). Удивляет некоторая неблагодарность Турчина по отношению к активно используемому в его собственной концепции аппарату религий. Вся его чрезвычайно интересная система освещена («освящена») светом, исходящим от священных книг.

Т.Юрьев

1А11. Н.МЕЙМАН. Монумент у Бабьего Яра. *Континент*, 15, 1978, 179-184

«29 и 30 сентября 1941 года в Бабий Яр было согнано и в течение двух дней замучено и уничтожено все еврейское население Киева. Точное число жертв неизвестно — по мнению старых киевлян — около 80-90 тысяч. <...> Немцы позднее использовали Бабий Яр как место расстрела всех сопротивлявшихся и просто неугодных им лиц. Мы чтим их светлую память, но их убийство — это уже другое преступление, а в юриспруденции и судебной практике не следует смешивать разные преступления. <...>

В отличие от всех стран, устроивших правдивые, производящие глубокое впечатление мемориалы на местах массовых убийств, в Советском Союзе никак не могли решиться хоть как-то отметить событие в Бабьем Яру, расправились быстро и решительно. Бульдозером <...> без оповещения населения.

<...> В конце 50-х годов местные власти решили было на месте Б.Я. устроить стадион и увеселительные аттракционы. В.Некрасов спас тогда Советский Союз от такого позора, выступив со страстной статьей в «Литгазете» (1959). Статья оказала некоторое действие: вместо открытия стадионов Б.Я. затопили.

Этот своеобразный способ почтения памяти погибших обернулся трагедией. В 1961 году после сильных ливней вода прорвала запруду и многометровый илистый вал обрушился на районы новостроек. По слухам, погибли сотни людей».

Лишь в 1976 году далеко от Б.Я. был установлен монумент с украинской надписью: «Тут в 1941-1943 годах немецко-фашистскими захватчиками было расстреляно более ста тысяч граждан города Киева и военнопленных». Реальное место гибели фактически засекречено, скрыт предельно расистский характер преступления 29-30 сентября 1941 г. Нет надписей на русском, идиш и иврите. С 1966 г. евреи отмечают скорбную годовщину; поминальная молитва приводит в милицию, а то и в тюрьму. Повесть «Бабий Яр» А.Кузнецова изъята из библиотек, стихотворение Е.Евтушенко не переиздается, 13-я симфония Шостаковича на тему Бабьего Яра снята с исполнения.

Р.

1А12. Н.РУВИНШТЕЙН. Когда труба трубила о походе...
Синтаксис, 1, 1978, 3-7

Когда петля переплеталась с плетью,
Когда труба трубила о походе,
А лира о пощаде умоляла...

Л.Мартынов

Труба уже всю трубила о походе, и назначены и определены были многие маршруты, по которым предстояло в близком будущем пройти многим из участников поэтических вечеров. <...> Вот тогда и появился «Синтаксис». Три тонких сборничка, в размер полулиста, по десять поэтов в каждом. Две книжки московские, одна — ленинградская. Составитель — Александр Гинзбург. <...> «Синтаксис» не боролся с советской властью, но советская власть немедленно стала бороться с «Синтаксисом» <...> Здесь всего важнее, всего дороже был жест освобождения, неожиданное открытие того простого факта, что поэзия, существующая без разрешения, может быть без разрешения напечатана. Так начинался самиздат <...> А.Гинзбург — судьба его известна — от поэтических сборников «Синтаксис» перешел к составлению и изданию «Белой книги». Самиздат пророс «Хроникой». Но начинался он со стихов».

Р.

1А13. Л.КОПЕЛЕВ. О смертной казни. Синтаксис, 1, 1978, 23-30

Целесообразна ли смертная казнь, обеспечивает ли она предотвращение преступлений? Обязательна ли заповедь «не убий» для властей и общества? Может ли общество, не рискуя своим здоровьем, позволить себе «вешать нелюдь»? Автор — страстный и категорический противник смертной казни — обсуждает различные ответы на эти вопросы. Утверждается необходимость принятия в ООН международного закона о запрещении смертной казни (хотя бы в тех процессах, когда подсудимые неповинны в убийстве).

Н.Гордон

1А14. Русское возрождение. Задачи журнала. Русское возрождение, 1, 1978, 3-4

«Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории. Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли. <...> Журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию. <...> Мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше *русское возрождение*».

Подзаголовок журнала — «*Независимый русский православный национальный орган*»; периодичность — 4 номера в год.

Р.

1А15. Свящ. ГЛЕБ ЯКУНИН. Московская патриархия и «культ личности» Сталина (часть 1). Русское возрождение, 1, 1978, 101-137

Рассматривается история участия Московской Патриархии в служении «культу личности», апофеозом которого явился Адрес к 50-летию Сталина. По мнению автора, Адрес является самым позорным документом за всю историю христианской Церкви. Отправной точкой «эскалации лжи, предела которой не видно и поныне», автор считает послание Тихона от 18.6 (1.7) 1925 г., в котором патриарх «признается» в антисоветской деятельности. Так впервые был применен «принцип лжи во имя спасения Церкви». В 1930 г., во время тяжелых гонений на Церковь, митр. Сергей дает интервью, в котором категорически отрицает факты закрытия храмов и преследований верующих и выступает против кампании Запада в защиту РПЦ. Именно с этого времени, считает

автор, обман и лжесвидетельство стали постоянными компонентами всех выступлений официальных представителей РПЦ. В качестве примеров приводятся: статья митр. Николая (Ярушевича) по поводу убийства в Катынском лесу 4,5 тысяч польских офицеров, заявление Патриарха и Синода, вносящее вклад в кампанию против «сбрасывания с американских самолетов зараженных насекомых».

Рассматриваются духовные критерии отношения церкви и государства. Автор указывает, что РПЦ оказалась неподготовленной к крушению христианского государства, что «руководство РПЦ продолжало жаждать “симфонии”, в то время как мир, по-видимому, окончательно дехристианизировался, а “симфоническая” эпоха безвозвратно миновала <...> Положение Церкви в мире стало весьма похожим на положение в первые времена христианства». Вехами на пути духовного сближения Церкви и Государства стали «Завещание» Тихона и Декларация от 29.7.1927 о легализации РПЦ. Такая политика привела бы к полному уничтожению легальной церкви (к 1937 году на свободе оставалось 4 епископа, действовало около ста храмов), если бы не начавшийся в середине 30-х годов постепенный поворот Сталина к «имперско-националистическому курсу» (введение офицерских званий, восстановление воскресенья и т. п.) Этот процесс бурно активизировался в войну (обращение Сталина: «Братья и сестры!» – типичное начало проповеди) и достиг апогея в последние годы жизни Сталина. «Лошадь великого князя (Долгорукого) своим могучим крупом загородила здание Марксизма-Ленинизма (похожее на крематорий) и сиротливо сжавшуюся фигуру Ленина перед ним». Возникший на площади Моссовета «архитектурный ансамбль» стал прекрасным символическим памятником радикальной политической переориентации страны.

Психологическую предпосылку пассивности и фатализма восточного православия автор видит в подмене понятия Божьего пощения понятием Божьего соизволения.

Р.Г.

1А16. Свящ. Дмитрий Дудко. Стихи о России. Русское возрождение, 1, 1978, 100-101

Стихи входят в состав печатаемого в журнале отрывка из книги (рукописи) «Преодоление соблазнов». Могут служить хорошей иллюстрацией к изложению взглядов «возрожденцев» по Дэнлопу (см. 1Б6).

«В Россию плюют, –
А Россия мучается.
Россия истекает кровью,
Россия изболелась всеми болями.

В чем она виновата?
В том, что ее судьба такая?
Нет, не брошу камень в Россию!
Приду и распнусь вместе с нею,
Здесь Христос! <...>

... У вас все хорошо,
У вас нет разбойников,
Но у вас есть мертвецы,
Давно разложились и смердят.

Из России придет Христос,
Чтоб воскресить ваших мертвецов».

P.

1A17. Поиски. Приглашение. *Поиски*, 1/2, 1978, 2 стр.

В 1978 году начал выходить «Свободный московский журнал»; в «Приглашении» написано: «Нашему замыслу соответствовало бы название, слишком длинное для журнала – *поиски взаимопонимания*. Нисколько не урезав замысел, мы сократили лишь название. <...> Мы пережили с 1953 года целую полосу надежд и крушений, избывания старых и новых иллюзий. Надо полагать, это время дало многое, и не нам одним. Но теперь виднее, что оно, преломившись в 1968-м, пришло к концу. <...> Глядя на собственные наши тупики, вложив персты в наши язвы – кто рискнет сказать с полной уверенностью в правоте – я знаю лечение, я вижу выход?! <...> Взаимная уступчивость и терпимость – превосходные качества. Право оставаться собой – великое право». У превосходных намерений редакции есть один настораживающий аспект: «мы приглашаем к дискуссии без ограничивающего регламента». Действительно, почти единственным недостатком журнала является многословность.

P.

1А18. П. ПРЫЖОВ. Третья сила (симптоматика новой Конституции). *Поиски*, 1/2, 1978, 61 стр.

«Трудно признать случайностью десятки “обмолвок”, все до единой в общем духе: СССР — не страна, населенная людьми, не народ граждан, не трудовое общество, а монолитный и безлюдный организм, сверхчеловеческое Государство, живущее отдельно от своих граждан и дарующее им “от себя” право жить и работать. <...> Четвертой конституцией собираются провозгласить *суверенитет государства над обществом и народом*. <...>

Пункты партийного устава отныне включены в конституцию государства. Теперь они даже формально перестают быть некими “общими убеждениями единомышленников” — это параграфы закона, обязательного для всех. Граждане СССР оказываются как бы членами КПСС — с обязанностями перед уставом партии, но без права голоса во внутривнутрипартийных — *они же государственные!* — делах. <...> 6-я статья, в силу своего антиконституционного характера, рассматривается нами как чрезвычайный закон: “руководящая роль партии” приравнена к гос. безопасности.

62-я статья об измене Родине содержит обязанность “способствовать укреплению могущества и авторитета государства”, нарушитель ее считается виновным не перед законом, а “перед народом”, т. е. врагом народа, человеком вне закона. По сути, эта статья говорит: “Измена Родине, нанесение ущерба интересам государства, его могуществу и Авторитету — карается как тягчайшее преступление перед народом”. Т. е. *налицо исключительный закон против личности*, требующий отказа от права суждения.

То, что гарантирует человеку долю вещей и уверенности в завтрашнем дне, соединено с ускользанием суверенитета в размещенную “тут же”, но далекую и недоступную сферу власти. Если бы попытаться возвести эти основы в Основной закон, мир увидел бы, наверное, самую сумасшедшую “правовую” конституцию. *Невозможно нормализовать жизнь советского общества, признав нормой и как-то “упорядочив” — его сегодняшний день.*

Нашего расщепления на бессильные человекоединицы, вынужденные искать покровительства или противопоставлять себя “всему и вся”, добивается *третья* (не официальная и не “инакомыслящая”) сила, “остро нуждающаяся в норме чрезвычайного положения”. <...> 3-я сила — не народ, не общество, не партия, даже не Госбезопасность, хотя проникла она всюду. В ее авангарде — организованный сброд. <...> В каждом разговоре виновниками выступают какие-то *они*. <...> Всюду, где власть — там “они”; но где завелись “они”, там власть всегда парализована, захвачена и работает на чей-то негласный интерес, который

тебе нельзя знать, — обращена в источник дополнительного престижа и закулисных выгод. <...> Управление — вдоль и поперек законности, “участие граждан” только через частное воздействие престижем, связями, средствами. <...> “мафизация” страны — догнала, перегнала и подчинила себе бюрократизацию гос<ударст>ва, достигнув той точки, когда начинает нуждаться в соответствующем новом “политическом строе”.

В этом — ключ к тексту четвертой конституции, которая оказывается системой легальных паролей для организованного сброда, все более входящего в силу повсюду в стране.

Получая 4-ю конституцию, страна лишается всякой <...> Меньше всего мы хотим провозгласить воззванием — отчаяние <...> Сегодня отчаяние работает вместе с другими безрассудными реакциями — на 3-ю силу <...> Нам не приходится говорить о виновниках где-то далеко от себя <...> Они — это мы».

С.С.

1А19. Б.-А.ЛЕВИ. Варварство с человеческим лицом. Поиски, 1/2, 1978, 27 стр.

Перевод с французского отрывков из книги видного представителя «новой философии», которая прошла путь налево до конца — до невозможности быть «левым». Цель книги — продумать до конца пессимизм в истории.

«Идеи хорошего общества — абсурдная мечта; идея публичного Блага — <...> идея мечтателей, быстро становящихся убийцами. <...> Власть — это демиург, без которого общество ничто. Что делает власть? Она беспрестанно делает общество существующим. Что делает государь? То, благодаря чему лишь отделившись от Блага объединяются люди. <...> Нет естественного состояния, природа не существует, нет ничего, что предшествовало бы власти (ключевое утверждение последовательного пессимизма) <...> Освободить можно лишь нечто, онтологическое укорененное, но у человека нет такой укорененности, поскольку онтологично лишь государство. <...> Социализм — не просто одна из версий оптимизма, это самая опасная и грубая его карикатура, сумма и энциклопедия его лжи». По Марксу — ни один класс не испытывает потребности в универсальном освобождении, такой класс необходимо сконструировать. Выработать это понятие вопреки истории было бы величественной попыткой, но Маркс попросту вылепил его по модели буржуазии. Власть пролетариата — «восстановление угнетения в интересах нового Государя, взошедшего на навозе обманутых надежд. <...> Социальный кризис —

не что иное, как гомеостаз общественных выделений. И поэтому хватит кричать о победе каждый раз, когда дрожит земля: система, которая носит в себе смерть и размещает ее в самом центре, — такая система бессмертна. Социализм у власти — это не только модальность Капитала, это его варварская модальность, которой не страшно никакое короткое замыкание истории на пути к стерильности, обещанной обществу Капиталом. Техника, вождение, социализм — вот три типовых облика современной трагедии. Вот три угрозы, нависшие над судьбами Запада. <...> Сталинизм и фашизм — не отклонения от маршрута, это планетарные перегонные аппараты, где уже 50 лет экспериментируются новые формы власти. <...> Тоталитарное государство — это <...> государство, которое обмирщает религию и делает верования профаническими <...> каждый раз, когда Религия из неба политики превращается в ее земную подпорку, — и варварство, и мертвящий бред близки. <...> Солженицын — это Шекспир нашего времени, единственный, кто умеет показать чудовищ, заставить узреть ужас, пристально всмотреться в зло. <...>

Антимарксизм — не что иное и не может быть ничем иным как современной формой сопротивления политике <...> Никогда больше мы не будем советниками Государей, никогда больше мы не возьмем власть и не нацелимся на нее <...>, никогда не поставим себя «на службу» восставшим. <...>

Да, мы знаем, что мир склоняется перед диктатом Господина, и мы не верим, что этот закон уступит когда-нибудь нашим желаниям, — но мы будем продолжать мыслить без веры, осмысляя невозможную идею идею — Мира, избавленного от Господства».

С.С.

1А20. Н.Б. Письма в Гоморру (1976). Поиски, 1/2, 1978, 17 с.

Письма из Вены недавнего эмигранта. Описываются впечатления от русской эмиграции. «Уехавшие как бы консервируются. Глядя на них, можно представить, какой была страна». Старичок, похвалив за смелость демонстрантов 25 августа в Москве: — «Нашли, кого защищать — чехов! Да они ж нашего Колчака выдали большевикам!» В эмиграции долго считалось дурным тоном «устраиваться». Закончив обучение, люди ждали — России понадобятся инженеры, врачи. Нищенствовали. Любовь к России (часто — придуманной) сохраняется. Во время войны многие (включая Деникина) хотели идти в Красную Армию. Вторая эмиграция сохранила «партийность» 40-х, только с обратным знаком. Низкий

уровень культуры — 800 экз. Бердяева лежали годами. Шагал, Кандинский — не воспринимаются. Общий любимец — Глазунов.

Впечатления о западных людях. «Нам не о чем намекать западному человеку, надо говорить все то, что нам тысячу раз известно». Люди избалованы информацией, не воспринимают сухие сообщения. «Хронику» в Вене не найти даже в национальной библиотеке. Существенна журналистская форма и беллетристическая сторона публикации: биография, интересные эпизоды, интересный отрывок из письма (не обязательно политический), фотографии (но не с документов, где все выглядят одинаково и похожи на уголовников).

Многое, публикуемое на Западе, становится ложью из-за неверных ассоциаций (так, внешнюю мощь советских профсоюзов воспринимают как признак защищенности прав рабочих).

Случалось автору приходиться в бешенство: «Как же нас сумели так переломать, что невыносимая жизнь кажется нормой. Вот же — хорошо, естественно организованная жизнь — возможна». Иностранцы говорят: «В рабстве вы жили всегда и жить будете, потому что это ваша национальная черта». «Крыть нечем перед лицом сложного механизма со множеством клапанов, спускающих лишний пар, умеющих перестраиваться».

Содержится краткая информация о зарубежных изданиях и людях в редакциях.

Н.Гордон

1А21. Фарс в Люблино (к «суду» над Ю. Орловым). Поиски, 1/2, 1978, 25 стр.

За подписью П.Е. приводится информация о «якобы судебной» расправе над Ю. Орловым. «Юрий Орлов, мужественный поборник прав человека, выбыл ненадолго. Основанная им правозащитная Хельсинская группа сделала многое. Она не должна умереть, она не умрет! Сейчас в демократическое движение приходят новые люди, приходит молодежь. Они свободны от старых предрасудков, они стараются жить не по лжи, не боятся трудностей; это люди вдумчивые, серьезные. Демократическое движение вступит в новый этап».

Напечатаны «Мои открытые показания» известной правозащитницы М.Ланды с изложением позиции автора в связи с процессами над А.Щаранским, А.Гинзбургом и Ю.Орловым (преследование «лучших представителей рода человеческого» — преступление). М.Ланда описывает гуманистические и либеральные

взгляды Орлова и живые черты его облика, их совместную работу в составе Хельсинкской группы. «Ю.О. был душой группы. Он никогда не проявлял себя как диктатор, лидер или наставник: никогда не диктовал, не навязывал своих мнений или решений. В то же время каждый из нас высоко уважает и ценит его ум, его терпимость, такт, его бережное отношение к друзьям. Это человек, встречи, общение, совместная работа с которым доставляла много радости».

Ряд материалов связан с обстановкой вокруг процесса и у здания суда в Люблино. В этой же связи публикуется «Предложение правительствам СССР и США» П.АБОВИН-ЕГИДЕСА. Предлагается заключить *Пакт о взаимном контроле* за соблюдением прав человека с примерными пунктами: «1) Создать в СССР и США юридические комиссии взаимного контроля за выполнением прав человека, оговоренных в Хельсинкских соглашениях <...> 2) Юридические комиссии могут потребовать срочного пересмотра того или иного судебного «дела» <...> 3) В ближайший год должны быть пересмотрены все «дела» всех тех заключенных, которых юридические комиссии сочтут осужденными за убеждения. <...> 4) Юридические комиссии должны на совместных заседаниях разработать совместные принципы <...> кодексов, а также единые правила содержания заключенных <...> 5) Создать в СССР и США комиссии психиатров для взаимного контроля за принудительным помещением граждан в психбольницы».

C.C.P.

1А22. К.ПОДРАБИНЕК. Несчастные. *Поиски*, 1/2, 1978, 22 стр.

«В казарме строгая иерархия по годам и призывам службы. Солдаты 1-го года службы — без всяких прав, 2-го — вершители судеб первых. <...> Воровство в казарме повальное. Крадут старослужащие у всех, молодые — друг у друга. Всякий старается запрячь свои вещи в боевой машине, в радиостанции, <...> даже закопать в укромном уголке.

<...> Тут мы сталкиваемся с новой пыткой, с пыткой голодом. <...> Между гарнизонным продовольственным складом и солдатским столом имеется два промежуточно-осадочных пункта — склад части и кухня. Вечерком можно заметить прапорщиков, идущих домой с большими сумками, а на кухне повара задают пиры своим дружкам старослужащим. Результаты для солдатского рациона ясны. <...>

Любопытный материал для наблюдения казарма. Правда, наблюдать лучше со стороны. Это наше общество в миниатюре. Конечно, картина казармы выдержана в резких тонах, скорее написана углем, чем акварелью. Противоречия обострены, побуждения обнажены и доведены до логического конца. Но суть та же. Одна часть общества живет за счет другой. <...> Отношения между группами и в самих группах регулируются насилием. Стержень всех взаимоотношений — страх. <...> Трудно говорить о защите прав молодых солдат в армии, настолько они бесправны. <...> Это и отсутствие дем. свобод и принудительный труд. <...> Но все меркнет перед картиной почти узаконенного унижения и истязания молодых солдат».

С.С.

1А23. Р.ЛЕРТ. **Высказанное и недосказанное (комментарий к дискуссии).** *Поиски*, 3, 1978. 23 стр.

Запись дискуссии «Классики и мы», состоявшейся 21.12.67 в ЦДЛ, широко ходила в Самиздате («Часы», 11; «Поиски», 3). Смысл ее сводился к тому, что талантливо построенным авангардистским и заметно шовинистическим выступлениям П.Палиевского и С.Куняева были противопоставлены лишь мало-выразительные выступления защитников свободы художественного творчества и интернационализма. Лерт ярко и убедительно вмешивается в полемику. По мнению Лерт, выводы Палиевского основаны на прямой лжи, представляют попытку реабилитировать сталинизм и направлены на уничтожение слабых проявлений разномыслия в нашем обществе. Лерт считает ложью тезис о непосредственной связи искусства авангарда с революцией — ведь Белый, Ремизов, Маяковский, Цветаева, Малевич, Кандинский, Шагал и др. (не говоря уже о символистах) выступили до 17-го года. Столь же ложно утверждение о «повороте к классике» в 30-40-е годы (замечу, что сама периодизация Палиевского представляется верной — но с другой оценкой периодов). Особенно бросается в глаза антисемитский характер выступления Куняева; ради отлучения Багрицкого от русской поэзии он занимался передергиванием, отказывался понимать простейшие поэтические символы.

Если бы «почвенники» говорили открытым текстом, — пишет автор, — они сказали бы: «искусство 20-х годов полярно враждебно русской классике и русскому народу, ибо полярно враждебна им революция и влившиеся с ней в русскую культуру инородцы». Но «инстанции» пока что не позволяют сказать так, хотя

в глубине души и возлагают больше надежд на «русскую идею», чем на пропаганду «зрелого социализма». У «инстанций» есть соблазн — отвести подспудно накопившийся гнев в русло национализма, для этого и нужны инородцы и евреи. Вот и объявляется взаимная амнистия: «инстанции» пропускают выпады против Октября, почвенники амнистируют Сталина и 30-е годы. Дискуссия в ЦДЛ была пробой сил заключенного союза (Ф.Кузнецов проболтался, что дискуссия представляла собой разрешенный эксперимент). По существу, решили учесть «Письмо вождям» Солженицына, перетянуть оппозицию справа от диссидентства к официозу, оставить в оппозиции лишь «инородцев».

Далее автор показывает жалкое поведение оппонентов Палиевского и заключает: «любой идейный союз с тоталитаризмом, пусть движимый самыми искренними стремлениями — спасти ли национальную самобытность или выторговать «улучшения» и «реформы», — приводит к углублению пустоты и бездуховности».

С.Ободов

1А24. Навстречу выборам (из записок пенсионера М.) Поиски, 3, 1978, 9 стр.

Два взгляда на выборы в Верховный Совет СССР. Первый — изнутри избирательного участка. Демонстрируется, каким способом достигается 99,9% («пихнешь в урну чистую пачку и айда...»). Второй — взгляд автора на логику формирования состава «народных избранников». Принцип гениально прост. С одной стороны, чем более человек уважаем и любим и способен представлять интересы народа, тем выше занимаемая им ступенька в партийной, военной, писательской, научной и прочих иерархиях. С другой стороны, необходимо соблюсти ограничения на средний возраст, процент беспартийности, процент женщин, классовый состав. Поэтому спускаемся сверху вниз по всем иерархиям до определенного уровня (учитывая эквивалентность типа: 2-й секретарь обкома — командующий военным округом) и получаем наиболее устойчивую часть Верховного Совета — мужчин, партийных, солидного возраста, не рабочих и не крестьян. Автор составляет полный список этой части депутатов («А потом сравню, кого угадал, а с кем промашка»). Полученный список следует разбавить прочими кандидатами, чтобы уложиться в ограничения. Из этого простого принципа вытекает, что очень большая нагрузка ложится на женщину-депутатку (устойчивая часть стареет — женская

должна молодеть и обеспечивать переменность состава и прочие процентные нормы).

Лоза

1А25. Есть ли у евреев история? Тарбут – Культура, 11, март 1978

Раздел журнала, включающий три публикации и объединяющую статью.

В «Выступлениях» Х.ХАЗАЗА в беллетризованной форме излагается следующее: 1) После рассеяния иудаизм призвал ждать Мессию и ничего не предпринимать. 2) Поэтому история евреев — это история их преследований, которую писали не они. 3) Они научились получать мазохистское удовольствие от вечных страданий своего народа, гордиться ими. Да, они ждут Мессию, но из-за природного скептицизма не верят в его приход. 4) Сейчас иудаизм одряхлел; новые поколения преодолели этот мазохизм (так, дети не любят читать книги по еврейской истории). 5) Идеи страдания настолько глубоко проникли в культуру, что отказавшееся от них поколение — по существу уже новый народ, который хочет сам делать свою историю (израильтяне не хотят говорить на идиш, носить фамилии вроде Хаимович и др.).

Из номера 1 журнала «Время и мы» (1975) перепечатывается статья А.ШТЕЙНЗАЛЦА «Кто мы: трагические актеры или самобытная нация?» Основные черты евреев — способность к мимикрии и стремление к самобытности. Евреи становятся внешне похожими на народы, среди которых живут; впитывают их культуру и сами начинают творить в ней (эту черту можно объяснить естественным отбором). Но периодически появляется зов к самобытности (иначе евреи давно бы растворились). Культура Израиля — подражание уже не отдельной культуре, но «средней» мировой. Израильтяне научились сражаться, обладать физической силой, но потеряли еврейские черты: гибкость ума, самокритичность, обширные знания. Задается вопрос: могут ли евреи только подражать кому-то или чисто еврейская культура возможна?

Примечания референта. 1) Мимикрия сильно преувеличена (чем герои Шолом Алейхема похожи на русских?) 2) Стремление к созданию независимого от других еврейского государства понятно, но это приводит к напрасной трате сил, когда (как в известном романе «Исход») балерина и художник доят коров. 3) Подобно интеграции в экономике, произошел в XIX-XX веках переход к единой человеческой культуре, евреи нашли в ней свое место: в рамках других культур они вносят

свое — дух скептицизма, критики (как французы — остроумие и легкость). В этом их главный, самобытный вклад в мировую культуру, такой же весомый, как вклад других. Возвращение к самобытности — это путь назад, к «натуральному хозяйству». Недостаточная развитость культуры на иврите — не повод для паники.

Приводятся также выдержки из интервью бывшего атеиста раввина Д.БИГОНА с рядом обычных аргументов в пользу веры. Утверждается, что все проблемы управления современным государством можно решить в рамках религиозного законодательства. И что основное зло — смешанные браки, так как они ставят под угрозу существование народа.

Референт думает, что угрозы от смешанных браков нет ни евреям, ни любому другому народу, а запрет их вызвал бы крайне отрицательную реакцию у всего мира. Важна духовная общность — в этом смысле многие полуевреи чувствуют себя евреями. Если бы действительно удалось, привлекая идеи иудаизма, дать решение какой-нибудь нерешенной социальной проблемы — это было бы сильным аргументом.

«... *На размышления*» Э.НЕХЕМЬЕВА отстаивают тезис: отказ от иудаизма ведет в конечном счете к отказу от еврейства. Аргументы:

1) Отказавшись от Бога, евреи не стали свободны, но поклонились чужим божкам (материализм, европеизм). 2) Отказ от иудаизма приводит к стремлению пересмотреть традицию и культуру народа, от многого отказаться. 3) В Израиле большинство атеистов считает себя в первую очередь израильянами, и лишь затем — евреями, большинство верующих — наоборот. 4) Большинство верующих против смешанных браков, атеисты к ним безразличны и т. п.

Примечание референта. Тезис и стиль похожи на славянофильские, только те пишут «Бог», а эти «Б-г». Написано очень эмоционально, но... Приобщение к мировой культуре (=европеизм) сомнительно приравнивать к поклонению змею и тельцу. Все народы отказываются от многих традиций; были ли, по автору, евреями Эйнштейн, Спиноза? Что конкретно означает (3) и в каких ситуациях, кроме (4), проявляется это различие — неясно (воюют верующие не хуже атеистов). Имеется передергивание: от утверждения «менее 25% израильян считает себя преимущественно евреями, а не израильянами» автор переходит к утверждению «менее 25% израильян считают себя евреями».

1А26. П. СТРУВЕ. **Изнутри.** Вестник русского христианского движения, 124, 1-1978, 75-88

Написанная в 1924 году положительная рецензия на переиздаваемую сейчас в УМКА-Press книгу «Россия и евреи». По Струве, традиционный гуманизм не видит ни проблемы, ни трагедии евреев. Изложению проблемы евреев и посвящена книга. Основные ее тезисы, приведенные в рецензии: 1) Евреи (особенно русские) все события рассматривают лишь с точки зрения полезности для них, поддерживают лучше относящиеся к ним политические силы, несмотря иногда на то, что эти силы губительны для других народов. 2) Эта поддержка вызывает естественный антисемитизм. 3) Евреи, поддерживая чуждые им разрушительные силы европейской цивилизации, идут на компромисс (например, отказ от религии в России). Это приводит к гибели их культуры. 4) Применительно к России. Евреям при царе жилось не так уж плохо, постепенно им дали бы равноправие, нужно было не бороться, а ждать. Евреи России — преимущественно мелкие буржуа, поддержка ими социализма — извращение. 5) Выход из кризиса, избавление от антисемитизма — иудаизм и любовь к стране местоживания.

Примечание референта. В тезисе (1) что-то есть (хотя и попахивает антисемитизмом); он соответствует ряду фактов и библейской и современной истории. Этим безразличием к другим народам можно объяснить: 1) необычный для этноса долгий срок существования; 2) накопленную мудрость (в лавировании); 3) скептицизм (при искренней вере в каую-то доктрину от нее трудно отказаться); 4) происхождение религии всеобщей любви («несть элина и иудея») именно от евреев — им легче понять, что их безразличие к другим — основная причина их ненавистности. С безразличием легко согласовывается этническая замкнутость. Иудаизм (в противовес тезису (5)) не препятствует этому безразличию и, следовательно, антисемитизму (другое дело, что верующие при всех компромиссах сохраняют что-то, а готовность неверующих отказаться от всего приводит к краху культуры). Более содержательным выходом является стремление учитывать интересы страны проживания, наличие этого стремления у евреев тоже можно убедительно проследить до наших дней. Любовь к стране проживания естественная при демократическом режиме, но требовать покорной преданности русскому царю — гм... Тезис (4) крайне сомнителен.

1А27. В.Гершуни. Суперэпус. Москва, 1976

Эта книга вводит нас в мир, где грань между обычным и зеркальным стирается, и мы, споткнувшись на первой строчке, не сможем пойти дальше, пока волей-неволей не прочитаем ее еще раз наоборот.

Море. Ром. (Отель и лето) А тела у туалета. <...> «Суперэпус» — сборник перевертышей, и я не погрешу против истины, назвав его уникальным; Где-нибудь вам еще встречалась поэма из шестисот строк-перевертышей? Добавлю, что поэма «Тать» из «Суперэпуса» интересна и сама по себе, безотносительно к завораживающей симметричности.

«Сочинитель перевертышей, — пишет В.Гершуни в предисловии, — независимо от собственного желания, не ведет за собой слово, а сам идет за словом, как за сказочным клубком . . . Работая в этом жанре, автор почти никогда не знает, куда катится клубок». В период триумфального шествия нашей политпсихиатрии (1969-1974) автор убедился, что для здорового человека, надолго помещенного в желтый дом, составление перевертней — лучший способ спастись от сумасшествия. «Там постепенно исчезает желание и готовность к чтению, адского напряжения ума требует даже написание коротких писем. Деформируется восприятие реального, и сюрреалистическое, кафкианское делается доступным и близким. . . Мировосприятие, порожаемое желтой тюрьмой, обрекает на модернизм. Я все это рассказал, чтобы объяснить, в какой творческой атмосфере проходили мои занятия перевертнями: . . . Занятия перевертнями помогли мне сохранить мышление».

Несколько выдержек из «Суперэпуса»:

1. Мадам!
 Угодила ли догу?
 Роди мопса с помидор!

2. Народ чохом охоч до ран
 он сир присно
 и серее ереси.
 Неодолим он, но мило доен
 нечесан, а сечен
 надзору роздан
 надолго оглодан,
 натупо опутан
 утоп в поту
 и ох. . . под оплеухой!

1А28. В.ГЕРШУНИ. Словосвязь. Сверлибр. Поиски, 3, 1978, 8 стр.

Предлагаются образцы двух экспериментальных жанров. Словосвязь — это «полусказы-полураешники, целиком смонтированные из поговорок, поговорок, прибауток, присловий, частоговорок, речений, загадок из кладовой Даля». Связь «кирпичиков» в текст осуществляется лишь при помощи пунктуации, автор запретил себе какое-либо искажение или дробление кирпичиков. Пример:

На то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет, когда на море камень всплывет, да камень травой прорастет, а на траве цветы расцветут; когда солнышко взойдет от заката, когда на сосне груши будут, когда волк будет овцой, медведь стадоводником, свинья огородником; когда песок по камню взойдет, когда черт помрет, — а он еще и не хворал; когда восток с западом сойдется — после дождичка, в четверг — что-нибудь да будет!

Сверлибром автор называет попытку конструирования текстов, состоящих в весьма значительной степени из слов-новообразований, возникающих по типу «народных этимологий», оговорок, каламбуров. Эти новообразования автор предлагает называть пародизмами или эстетизмами. Пример:

Досиденты репетируют арестанцы.
 Диссидеточки играют в тюремнок <...>
 Не балуйтесь вы столь компрометчиво,
 исполняя свои увертюрьмы:
 за рискованной этой скакофонией
 будет долгая скукофония <...>
 Не спешите с барачными узами
 и не стройте из себя компрометеев! <...>
 Лучше камерная скукофония,
 чем спасительная хилософия, <...>
 хвасторг и флаголепие
 и бравурные уратории — крикатуры на сотруничество
 гегемонстров и клоакеров
 трибунного портвейн геноссе.

1А29. По страницам «Голоса». Поиски, 3, 1978. 10 стр.

Перепечатываются стихи Н.Лесниченко, Е.Г., В.Сосноры, Е.Рейна, Г.Алексеева, Р.Мандельштама и Ю.Вознесенской из ленинградского поэтического сборника «Голос» (выходит с января 1978 года ежемесячно). Отрывок из предисловия к подборке:

«Четыре из пяти уже вышедших номеров имеют сходную структуру: в каждом выпуске «Голоса» помещены подборки стихов семи поэтов, из них одна подборка — переводы, и одну можно отнести к литературному наследию (М.Петровых, Б.Пастернак, Р.Мандельштам, Н.Олейников). Один выпуск (3) посвящен А.Ахматовой. В нем представлены стихи различных поэтов (О.Мандельштам, М.Цветаева, Б.Пастернак, Н.Гумилев, Ф.Сологуб, И.Северянин, А.Блок, И.Бродский, В.Пяст, А.Тиняков, Вс.Рожественский, Е.Евтушенко, Е.Рейн, Д.Самойлов, Н.Асеев), посвященные поэтессе, «Реквием» и малоизвестные стихи Ахматовой. Сборник «Голос» имеет постоянных читателей (подписчиков) в Ленинграде, выпуски сборника регулярно появляются в Москве». См. также 1Б3.

Р.

1А30. Присуждение премии Андрея Белого. Часы, 15, 1978.

Решение о присуждении литературной премии журнала «Часы» было принято, исходя из убеждения, что «вторая культура» все более становится «просто культурой». Выбор имени А.Белого был мотивирован новаторским духом его творчества и свободой от ангажированности. Премии должны вручаться ежегодно поэтам, прозаикам, критикам, произведения которых являются ощутимым вкладом в развитие гуманитарии (лауреатом необязательно должен быть автор журнала). 13.12.1978 премии — диплом и символический рубль — были вручены поэту В.Кривулину, стихи которого «получили широкое признание и являются наиболее классическим развитием петербургско-ленинградской поэтической традиции», прозаику А.Драгомощенко за роман «Расположение в домах и деревьях», Б.Гройсу — автору статей о московских живописцах, о концептуальном искусстве, которые выдвинули его «в число наиболее глубоких и проницательных исследователей современного отечественного авангарда». Из выступлений лауреатов:

А.Д.: «Возможно, что никому нет дела ни до литературы, ни до <...> произведений, отмеченных премией. Но бессмыслен-

ность эта, мне кажется, отзвук эха того высокого порядка, который носит название Абсурда, порядка, исходя из которого Сократ не был отравлен, а поэты никогда не изгонялись из государства».

Б.Г.: «Жить в европейской культуре — это значит разделять ее общий контекст и быть свободным в жизненных направлениях. Неофициальная культура развивается не так — здесь связи между людьми на высших уровнях отсутствуют, но люди сохраняют более общее в своих человеческих проявлениях... Когда я впервые осознал это, я понял, что живу в неевропейском мире. Вместе с тем я понял, что дорогой для меня мир европейской культуры утратил свой общий контекст. <...> Сегодняшний мир представляет тягостную картину, но Россия в разобщении живет сотни лет. Мне кажется, этим надо воспользоваться и подумать о том, как существуют другие. <...> то, что мы не понимая друг друга умеем существовать — это урок, который следует понять и передать другим».

В.К.: «Нет двух культур, культура — одна, и наш вечер, возможно, ближе к ее сущности, чем широко обставленные действия. В этом будущее наших собраний. Каждая отмеченность абсурдна. Но выбираем между закрытостью и отмеченностью, мы выбираем второе. Очевидно, это игра: несерьезность, как жизненность...»

Б.И.

1А31. Послесловие Ю.Новикова к стихам В.Нестеровского. Часы, 14, 1978.

Это не филологическое и не социальное исследование. Литературоведческие наблюдения и социальный анализ использованы Новиковым как вспомогательные средства для выражения общественного мнения (которое содержит в себе, помимо оценки, общий идеал; этот идеал остается наиболее традиционным: нравственное лицо русского литератора).

Биографические сведения рисуют довольно обычную для авторов-нонконформистов судьбу: отказ от «работы по специальности», частые перемены занятий, попытки публиковаться, чаще всего — неудачные, наконец, социальная периферия — работа исключительно для заработка и социального иммунитета. Нестеровский становится поэтом социального дна. «Кем же населен мир

поэзии Нестеровского? Если бы можно было населить героями его поэзии жизнь, то это было бы катастрофой для любой цивилизации. Улицы заполнились бы сотнями люмпенов, проституток, ханыг, деревенских идиотов, присяжных циников, прямолинейных прагматиков, садистов, теми, кто жаждет мщениия, — сонмом жертв одномерного мира, его одичания и духовного потребительства. <...> Речь, в которой явственно ощущаются характерные для этого дна вульгаризмы, острая образность. Поэзию Нестеровского можно ставить в ряд с «Цветами зла» и «Столбцами» по выявлению образности в языковой стихии социального низа.

Шумные выступления поэта, пьяные скандалы — не случайные конфликты, а «имидж» — образ жизни и позиция, тотальный эпатаж культуры как таковой, — осмысленной, интеллектуальной, формотворческой и конструктивной работы. Стоит обратить внимание на высказывания Нестеровского: «Считаю поэтами Вийона, Рембо, Верлена, Блока, Есенина. Пушкин и Гете — явления культуры, духа, но не поэзии». Или:

Я принимаю форму сосуда.
 Я — воплощение чести и блуда.
 Надо — задайте головомойку,
 Лейте меня в котлован и помойку,
 В вазу, в чернильницу, колбу, чекушку,
 В неприхотливую потаскушку,
 — Я принимаю форму сосуда!

Героев у Нестеровского два — «герой массы» и «я». Первый обычно лишен связи с миром, традиций, лишен возможностей, экстраполяции в будущее, «заклучен в Сегодня, как в тюремную камеру», находится в распаде или идет к нему.

Со средю разорваны связи.
 Бесполезно закладывать душу.
 Я заранее знаю: в экстазе
 Все законы морали нарушу.

Противопоставление «я» «человеку массы» оказывается у Нестеровского бессодержательным. «Стремление “упорядочить хаос” “солнцем” творчества оборачивается по существу попыткой противопоставить слепому хаосу — хаос эгоцентрического толка, в духе дурно понятого нищепанства. Но можно ли в таком слу-

чае говорить о продолжении линии Вийона, Бодлера и Верлена?» Есенина, Блока? Эти поэты преодолевают хаос, во всяком случае всем им присуще сострадание. Отношение к миру как к хаосу снижает и внимание Нестеровского к форме. И все же поэт вызывает понимание и уважение, «вдруг получает возможность слышать “музыку сфер”», чувство поэта может привести его на «путь от сомнения до Бога».

Б.И.

1А32. «Община». Журнал христианского семинара по проблемам религиозного возрождения. 2. Москва – Ленинград, 1978, июнь. 300 стр.

Ответственный редактор – АЛЕКСАНДР ОГОРОДНИКОВ (указан адрес ответственного редактора; однако вскоре после выхода номера редактор был арестован, см. «Хроника текущих событий», 51).

Характер журнала и представление составителей о том, каким они хотели бы его видеть, ясно выражено в редакционном вступлении и обращении к читателям:

«В нашем журнале мы стремимся откликнуться на те проблемы, которые ставит жизнь перед современным христианским сознанием. Русская Православная церковь обнаруживает перед нашим духовным взором огромную творческую энергию, но, к сожалению, она не во всех случаях находит себе воплощение. Журнал издается мирянами, самыми свободными людьми в Церкви.

С горечью мы обнаружили, что в нашей громадной стране, несообразно ее величию, так мало храмов открыто для совершения богослужения, нет ни одной начальной духовной школы, а также журналов, сотрудничая в которых молодежь могла бы участвовать в общем христианском деле. Все это вынудило нас создать в 1974 году религиозно-философский семинар, результаты работы которого и призван отражать наш журнал.

Мы хотим выразить на страницах журнала опыт большого молодого поколения, пришедшего в церковь лечить свои раны. <...> Наше поколение — уже не только протестанты, но стремится к положительному деланию. <...> Мы сознаем все слабости этого журнала. Русская классическая традиция назначила нам очень высокий уровень духовной и культурной силы. Нынешнее униженное состояние нестерпимо для людей, любящих и ценящих свое прошлое. Мы обращаемся ко всем, кому дорого дело духовного возрождения России, с просьбой о помощи и содействии».

Содержание журнала см. в 1В2. В литературном отделе привлекает весомая публикация стихов О.ОХАПКИНА (который, впрочем, обозначен как редактор этого отдела); см. также 1А33 и 1А34. Издание начато сразу с номера 2, поскольку подготовленный номер был изъят у редактора во время пребывания последнего в больнице. Приводим выдержки из Информационного сообщения, опубликованного в номере 2: «Они не взяли деньги и документы, но захватили лежащий у меня под матрасом готовый макет “Бюллетеня религиозно-философского семинара – 1” (Москва, июнь 1977). Этот журнал был посвящен: 1) Истории становления семинара, религиозным исканиям среди молодежи; 2) Гонениям со стороны органов КГБ на участников семинара: заключению в психиатричку Федотова, допросам, избиваниям и другим репрессивным актам КГБ, ряду петиций и заявлений нашей защиты; 3) Публикациям в “Лит.газете” — статьи с нападками на деятелей религиозного движения о.Дм.Дудко, о.Гл.Якунина, Л.Регельсона и А.Огородникова и содержал все ответы на статью затронутых в ней людей; 4) В нем заключалось несколько статей членов семинара о природе нашего семинара — о его деятельности и других духовных событиях; 5) Раздел о создании и деятельности Хр-го комитета защиты прав верующих в СССР; 6) Пасхальный призыв нашего духовного отца Дмитрия к христианам мира, его заявление в нашу защиту, опубликованное в западной прессе и ВРХД; 7) содержал важнейшую хронологию семинара; 8) Хронику текущей жизни; 9) В нем был призыв к сотрудничеству всех молодых сил Церкви. <...> Еще неизвестные захватили материалы к редакционной статье 2-го подготавливаемого номера Бюллетеня!

P.S. “Бюллетень не предназначен для распространения” — это было написано на титульном листе “Бюллетеня”. Поскольку органы КГБ захватили макет первого номера, не предназначенного для распространения, то нам остается только сделать наш журнал известным среди независимой русской общечеловечности. Мы осознаем тот важный факт, что вынужденным информированием общественного мнения о новой акции КГБ против нашего журнала мы переступаем за пределы ограниченных целей журнала быть только рабочим органом семинара, предназначенным для семинаристов. Все это призывает нас к еще большей ответственности за слово и дело».

1А33. Д. Андреев. **Ленинградский апокалипсис.** *Община*, 2, июнь 1978, 26 стр. (сопровождается справкой «О Данииле Андрееве» и двумя небольшими отрывками из неопубликованной книги «Роза мира»)

Поэт-мистик Д. Л. Андреев (1906-1959), сын писателя Леонида Андреева. Публикуемую поэму (отрывок из сочинения «Русские боги») и книгу «Роза мира» написал во Владимирском центре.

Опубликован лишь один сборник стихов — посмертный («Раннюю заревою». Москва, 1975), искаженный редакторской правкой. Под названием «Ладога» в этот сборник вошли и куски из «Ленинградского Апокалипсиса». «Роза мира» является «загадочным свидетельством о небесных иерархиях, о единстве земного и небесного, об особых судьбах России, ее истории и метаистории». (Из справки)

Несмотря на определенную старомодность и наивность технических приемов и рифм, поэма производит большое впечатление жизненной силой и достоверностью прозреваемых духов русской истории. Это Стрибог:

Он помогал нам той же мерою
И к тем же страшным гнал победам,
Каким явился нашим дедам
В бессмертный год Бородина ...
Кто опровергнет это? Верю,
Что страстная судьба народа
С безумной музыкой природы
Всечасно переплетена. <...>
Нефть замерзала. Карты спутались.
Сорвался натиск темных армий ...
Над свитками народной кармы
Лишь он маячил — дух снегов!

Это и гений петербургского «зодчества, паривший некогда над Римом». Это Петр — дух-марионетка, придавленный невыносимой тяжестью государства:

Я видел снизу угол челюсти,
Ноздрей раздувшиеся крылья,
Печать безумного усилья
На искажающемся лбу. <...>
В нем было все, чем зачарована
России страшная дорога:
Гордыня Человеко-Бога
И каменная слепота ...

Это и центральный образ — демон великодержавия, *уицраор*, сражающийся с еще более звериным чудищем чадного Запада; и автор — стрелок 196-й дивизии, идущей в осажденный Ленинград, — молит благословения для уицраора России. Пусть даже представший духовному взору автора имперский демон невыносимо ужасен («В нем чудилось шуршанье миллионов жизней, как черви в рыбной головизне, кишевших меж волокон тьмы... Господь, неужто это чудище с врагом боролось нашей ратью?»), пусть «оросили стремнины крови трон ему», пусть он готов оземь швырнуть миллионы русских. Метафизический ужас автора разрешается спасительным вмешательством Архангела Отечества, духа, которым были тверды староверцы и славные древние князья; сознание восстанавливается в палате госпиталя.

Эта поэма — «Медный всадник», написанный Евгением.

Годы ее написания — 1949-53; звучит она очень актуально (см., например, «Эссе» Г.Померанца, 1Б5).

Немного тех, кто явь военную
 Вот так воспринял, видел, понял;
 Как в тучах ржут Петровы кони,
 Не слышал, может быть, никто;
 Но сладко новую вселенную
 Прозреть у фронтового края,
 И если был один вчера я —
 Теперь нас — десять, завтра — сто.

П.Арендс

1А34. В.П.Чекрыгин. О намечающемся новом этапе обще-европейского искусства. *Община*, 2, июнь 1978, 7 стр. (перепечатка из журнала «Маковец», 2, Москва 1922, стр.10-14)

«Искусственно разграничивая, можно указать три ступеньки живописи: 1) Изображение образов, уже отложенных творческой силой природы (житейски говоря — натурализм); 2) Предвосхищение идеальных образов, “лежащих у природы на пути намерения” (слова Гете), что является в сущности реализмом; и 3) Окончательная и завершительная ступень — осуществление в самой действительности подлинного синтеза живых искусств, оживотворяющее и одухотворяющее не только живущее, но и жившее в созданном образе. Последнее состояние искусства — величайшее и таинственное; первые же два лежат как дело художника сегодня.

Так можно назвать дело современного несовершенного художника и его ближайших преемников лишь — “Предварительным действием” Великого Синтеза. <...>

Теургическая деятельность искусства явится как единственно реальная деятельность — восстановление силами воскресающих искусств живого завершительного предварения. Это высшее возможное состояние человека — деятеля.

Таким представляется нам путь, слабо определяющийся на новом этапе развития общеевропейского искусства, последовавший после импрессионизма, символизма, кубизма, футуризма <...> Этой статьей нам хочется увидеть современный реализм предвестником будущего теургического искусства».

P.

1А35. К.Е.Бейлз. Технология и общество при Ленине и Сталине (происхождение советской технической интеллигенции 1917-1941). Изд. Принстонского университета. 1978. 472 стр.

По мнению автора, после 1917 года русская техническая интеллигенция (т.и.) ощутила себя небольшой замкнутой группой, погруженной во враждебное море рабочих и крестьян. Как и компартия, т.и. представляла собой незначительное меньшинство и была озабочена проблемой, как вновь организовать эффективную работу. Так же как и компартия, она испытывала кризис легитимности и должна была приобрести авторитет в глазах населения. Несмотря на различие во взглядах на частную собственность, социализм, либерализм и на правильный способ индустриализации, обе группы уже в 1918 году начали налаживать рабочую связь, хрупкую, отмеченную подозрениями и враждебностью. Альянс удерживался взаимной необходимостью выживания и частичным совпадением ценностей — обе группы разделяли веру в пользу сознательного увеличения производительных сил и оперирования природой ради улучшения условий жизни. Основным сторонником привлечения т.и. был Ленин, проводниками его политики были Горбунов и Красин, позднее Дзержинский, Рыков и Куйбышев.

Поворотом в отношении к т.и. явился XII съезд РКП(б); Сталин добился того, чтобы 1800 наиболее важных постов в промышленности заполнялись УЧраспредотделом ЦК, находившимся в его руках. К 1928 году среди директоров основных предприятий центрального района дипломированные специалисты стали составлять лишь 7% (в 1922 году — 73%), зато количество партийных

выросло до 80%. Влияние ВКП(б) среди старых специалистов было невелико: к 1928 году из 47 000 дипломированных инженеров в стране — 138 партийных.

Зимой 1927-28-го советское руководство было вовлечено в острый кризис, связанный с сокращением поставок зерна крестьянами, что вызвало организацию реквизиций. Кризис вызвал появление оппозиции среди руководства (Рыков) и, по-видимому, имел отношение к Шахтинскому делу, послужившему основой для дискредитации противников Сталина. Кульминацией террора по отношению к старой т.и. явилось дело Промпартии. Его причины: 1) Главные обвиняемые были носителями технократических взглядов, весьма популярных у русского инженерства; 2) Они в силу профессионального подхода возражали против различных аспектов сталинской версии 5-летнего плана (Рамзин выступал против гигантских ГЭС за мелкие ТЭЦ); 3) Их прошлое и оппозиция Сталину предполагали связь с «правой оппозицией», также выступавшей против завышенных темпов пятилетки. Процессы должны были покончить с претензиями т.и. играть политическую роль и найти козлов отпущения для хозяйственных неудач. Процессы привели к резкому снижению авторитета т.и., к разрушению технического руководства, к стремлению инженеров избегать ответственности (этим объясняется широкое привлечение иностранных специалистов в эти годы). Резко ускорился процесс вовлечения т.и. в партию (в 1930 г. было принято 3500 чел.) и ее политизация (различные кампании с целью демонстрации лояльности). С этого периода т.и. могла продолжать оказывать влияние лишь изнутри партаппарата.

11.1930 главой ВСНХ вместо Куйбышева стал Орджоникидзе, который был вынужден занять позицию за прекращение террора. 6.1931 пленум ЦК издал секретный документ, предлагавший руководителям предприятий принять меры к повышению авторитета и улучшению условий жизни ИТР. Органам НКВД и прокуратуры было запрещено вмешиваться в производство и проводить расследования без санкции хоз. руководителей. Тогда же с осуждением травли специалистов впервые выступил Сталин. Положение т.и. стало улучшаться.

Начал складываться влиятельный и потенциально опасный для Сталина альянс промышленных и умеренных партийных руководителей (Орджоникидзе, Киров), сумевший остановить плановую эскалацию во 2-м 5-летнем плане. Именно конфликт в вопросах планирования и явился, по мнению автора, основной причиной чисток 37-38 годов, направленных против Орджоникидзе и его сторонников. Процессы 28-30 и 37-38 годов служили для

доминирования политической машины Сталина над хозяйственной бюрократией.

После устранения Кирова и Орджоникидзе 3-й план был снова завышен Сталиным. Мощный Наркомтяжпром был разбит на десяток мелких наркоматов, количество «практиков» в руководстве предприятий стало снова возрастать (1928 – 75,8%, 1936 – 57,5%, 1941 – 66%). Стремление к установлению нереалистических планов может быть объяснено желанием разрушить замедленные стереотипы работы и вскрыть резервы. С другой стороны, невыполнение плана, приравненного к закону, немедленно отдавало т.и. в руки сталинского аппарата. Результатом чисток явилось еще большее проникновение инженеров в партийный и полицейский аппарат. К 1937 году в ВКП(б) состояло 47 000 инженеров. В 1939-41 годах 70% новых членов партии пришло из администрации и т.и. В целом же т.и. оказалась наименее пострадавшей группой. Дело в том, что после 1931 года партия стала использовать технические достижения для легитимизации своей власти (и для притязаний лично Сталина – например, достижения в авиации). Авторитет и статус т.и. (к тому времени уже обновленной) был поднят, власть ее над рабочим классом упрочена, сама она была объявлена моделью будущего общества. К 1941 году т.и. значительно увеличилась в объеме и находилась в состоянии увеличивающейся интеграции и кооперации с властью, ее молодое пополнение уже стало основным источником, откуда компартия черпала свои руководящие кадры.

В соответствии с той же схемой развивалась политика в области образования. К 1917 году в России сложилась система технического образования по типу германской, с ориентацией на политехническое обучение. В 20-х годах преобладали тенденции «соц.гуманизма», насаждаемые Луначарским (всестороннее развитие, а не узкая специализация). Эти идеи вошли в противоречие с основным тезисом Сталина «Техника в период реконструкции решает все». На Пленуме ЦК 4.1928 Сталин предложил передать контроль за ВТУЗами от Наркомпрос – ВСНХ. Предложение было отвергнуто, но уже к 1930 году все ВТУЗы были переданы экономическим органам. В 1929 году Луначарский был вынужден уйти в отставку. Передача ВТУЗов сопровождалась улучшением их финансового положения и материального положения студентов. (До 1929 года 92% студентов МВТУ учились вместо 5 лет – 7 из-за плохого материального положения. Были введены процентные квоты для рабочих, сужена специализация, сокращены программы, увеличены часы практических занятий. Прием увеличился, качество обучения резко упало (из-за увеличения

количества студентов, нападков парт. студентов на профессиуру и снижения дисциплины, из-за сокращения программы, из-за экспериментов в обучении).

Но уже в 1931 году началось обратное течение, проводником его стал Комитет Высших Технических школ во главе с Кржижановским (создан в 1932 году). Облегчено попадание в ВУЗ не рабочих, уменьшено число часов на полит. дисциплины, эксперименты прекращены, с митингами покончено. Но в 1935 году создан отдел ЦК по высшей школе, направление движения снова изменилось. В 1936 году отстранен Кржижановский, но полного возврата к прошлому не произошло. Число студентов на одного преподавателя менялось так: 1914 – 18,9; 1927/28 – 10,6; 1932/33 – 39,5; 1937/38 – 17,9; 1940/41 – 14,3. Количество студентов со стипендией выросло с 6% в 1928-м до 90% в 1938 году.

Отдельно рассмотрен вопрос о научно-технических достижениях СССР. Сеть НИИ и проектно-конструкторских институтов развивалась в СССР опережающими темпами по сравнению с Западом (по-видимому, из соображений технического национализма), и отвлекала большое число спецов, эффективность работы была явно недостаточной. Было разработано и внедрено лишь два крупных новшества: прямоточный котел Рамзина и синтетический каучук Лебедева. Внедрялось от 2 до 4 процентов всех изобретений, количество изобретений в годы террора сократилось. Причины неэффективности: 1) Противоречие между стремлением быстро перенять иностранный опыт и стремлением развивать собственные работы; 2) Отсутствие конкуренции и давления плана; 3) Террор и боязнь риска; 4) Противоречие между профессиональным и полит. руководством, стремившимся развязать массовое движение за техническое творчество; 5) Преобладание ручного труда, не готового к высокому уровню новшеств; 6) Сильная традиция развития чистой науки и более высокий ее статус; 7) Организационное разделение исследования, проектирования и производства; 8) Недооценка экономических критериев в технических разработках. В качестве примеров рассмотрены два парадоксальных случая. Будучи пионером в области синтетического каучука, СССР уже в годы войны был вынужден закупить в США оборудование для трех заводов по его изготовлению. Обладая в 30-х годах всеми рекордами в области авиации и создав в стране культ авиации (связанный с культом Сталина), СССР в первые же дни войны потерял почти весь свой воздушный флот.

1А36. В.ТЕТЕРЯТНИКОВ. Старообрядцы – создатели русского народного искусства. Новый журнал, 1926. Март 1977, 128-145

В первой части статьи содержится резюме исследований истории русских народных промыслов. Основные положения: 1) Практически все промыслы, ориентирующиеся на древнерусское искусство, получили широкое распространение лишь в конце XVIII века. 2) Промыслы сосредоточены в торговых поселениях, близких к промышленным городам. Создатели культуры русского художественного промысла – не крестьяне, а мещане маленьких городов, никогда не занимавшиеся крестьянским трудом. 3) В течение XIX века происходит архаизация, русификация промыслов, предназначенных сначала для имитации западных образцов (и часто на основе завезенной технологии). Обращение к древнерусским традициям происходит вопреки теоретической приверженности мещан к городам – прозелитам Запада. 4) Географическое расположение промыслов совпадает с размещением старообрядческого населения. Эти утверждения демонстрируются на примерах гжельской керамики, нижегородской резьбы по дереву, Хохломы, жостовских подносов. Серьезно аргументирован основной вывод автора: «только старообрядцы сохранили русские былины, иконы, рукописи, национальные обычаи <...> и обряды. И они ничего не утаили – отдали все, что смогли утаить от России сегодняшней, России будущей».

Во второй части кратко описана история старообрядцев. «Никого и никогда правительство и церковь не преследовали с таким ожесточением». Преследования почти прекратились при Екатерине II. Старообрядцы, сохранившие цельную идеологию и единство, в это время заняли прочные позиции в промышленности и положили начало художественному промыслу. Они сохранили эти позиции, несмотря на николаевские репрессии. (В частности, центр старообрядческого движения – Выгорецкая обитель – была разгромлена в XIX веке царскими войсками.)

Н.К-а

Памяти ушедших

1А37. Юрий Домбровский. *Поиски*, 1/2, 1978

«29 мая 1978 г. скончался талантливый русский писатель Юрий Осипович Домбровский, автор романов “Хранитель древностей”, “Факультет ненужных вещей”, стихотворений, рассказов. <...> Юрий Осипович — бывший узник сталинских лагерей смерти. Трагична его писательская судьба: лучшие произведения Ю. Домбровского опубликованы на Западе, но здесь, у нас, в нашей стране, эти произведения остались недоступными для миллионов его соотечественников <...> смерть подвела черту под этим последним приговором (скольким художникам России был вынесен этот приговор!): при жизни быть заживо погребенным.

До последнего дня, несмотря на тяжелую болезнь, он продолжал работать...»

Редколлегия журнала «Поиски»

1А38. Ю. Домбровский. Из эпилога к роману «Факультет ненужных вещей», *Поиски*, 3, 1978. 1 стр.

И я ходил по тропкам торным,
далеким от добра и зла,
по тем местам, где кровью черной
земля заблевана была.

И я, забыв всех бед причину,
весной, в багровой тесноте,
нес синеусую скотину
на раззолоченном шесте.

Но счастлив я, что к изголовью
твоих, о ненависть, могил
со всепрощающей любовью
я никогда не подходил!

Что все приняв, все понимая
и отрешенный от всего,
я не просил у Бога рая,
помимо ада моего!

Здесь все – от строчки и до строчки, –
что розно пережили мы:
я – в желтом мраке одиночки,
ты – в светлом празднестве чумы!

Был пепел жирен, дым был черен.
И дым и дождь который год.
Но неужель из этих зерен
уже ничто не прорастет?

1А39. Памяти Миши Байтальского (подпись – близкие друзья). Понски, 3, 1978. 3 стр.

Михаил Давидович Байтальский (родился 8.12.1903 в местечке Черново Одесской области, умер 18.8. 1978 в Москве) – журналист, литератор, публицист. Печатался с 1930 года в «Гудке», «Вечерней Москве», «Известиях». Принадлежал к троцкистской оппозиции, арестован в мае 1936 года. Сидел до 1957 года с 3-летним перерывом, в который воевал с фашизмом. По возвращении начал писать мемуары, участвовал в демократическом движении, печатался в Самиздате и за рубежом.

«Покойный М.Д.Байтальский по праву может считаться одним из наиболее талантливых публицистов нонконформистской отечественной литературы.

Читатели узнают теперь, что “М.Д.”, “Домальский”, “Красиков”, “Аронович” – все это псевдонимы Михаила Давыдовича Байтальского. Что это он написал “Тетради для внуков”, “Близкое и далекое”, “Товар номер один”, “Вчера и сегодня советских евреев”, “Технология ненависти” – и много других блестящих статей, памфлетов и эссе».

1А40. М. Домальский. Рыцари полуправды. Евреи в СССР, 14, 1977. 14 стр.

Опровергаются официальные доводы официальной пропаганды об отсутствии притеснения евреев: 1) Среди жителей еврейской автономной обл. евреев меньше 7%, что составляет 0,5% всех евреев СССР. 2) До войны существовали еврейские школы, два еврейских института (в Белорусской и Украинской АН), еврейский театр в Москве и более 10 еврейских трупп в других городах, сейчас этого нет. 3) Хотя на идиш книги издаются, но 3 книги в год (идиш считается родным 381 тыс. человек), а на языке бурятов (315 тыс.), например, большинство из которых тоже знают русский, – 62 книги в год. Приведена аналогичная статистика и

по другим малым народам. 4) Число студентов-евреев с 1969/70 до 1972/73 уменьшилось почти на 20% (при общем увеличении или почти неуменьшении у других народов). 5) В статьях о национальной политике СССР не указывают, что в 1952 году были расстреляны крупнейшие еврейские писатели. По поводу отношения сионистов к СССР: некоторые сионисты, действительно, были против социализма, но левые сионисты в 1919/20 годах влились в ВКП(б).

Статья написана с должным ехидством.

М.Ц.

1А41. М.БАЙТАЛЬСКИЙ. Отцы, дети и, вероятно, внуки. Поиски, 3, 1978. 10 стр.

Эссе является откликом на роман Ю.Трифонова «Старик», в котором (в беллетризованной и отчасти искаженной форме и под другой фамилией) выведен действительно существовавший исключительно своеобразный человек – Ф.К.Миронов («сыгравший немалую роль в революции в первые ее годы и затем намертво вычеркнутый из ее истории»). Главная мысль эссе: сегодняшние парт. и гос. функционеры — прямые духовные продолжатели тех, кто создавал советское государство; основное, что их роднит, — концентрация всей своей энергии на подчинение всего и всех своей системе и подавление всего, что ей не подчиняется. Духовное развитие состоит в том, что нынешние — большую часть энергии направляют на достижение своих корыстных целей, которые тем не менее удивительно хорошо согласуются с интересами системы.

Лоза

Б. Точки зрения. Рецензии

1Б1. Десять лет «Хронике текущих событий». Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, документ номер 48, 27 апреля 1978. Печатается по журналу «Поиски», 1-2. 1978

Движение за права человека в СССР сформировалось более десяти лет назад под влиянием и в непосредственной связи с важнейшими и внутренними и внешними событиями того времени. Одним из важнейших факторов в формировании этого движения стало основание информационного издания «Хроника текущих событий». Первый номер вышел 30 апреля 1968 года. На титульном листе его, так же как и во всех последующих номерах, так же как и теперь, — текст статьи 19 Всеобщей Декларации Прав Человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Десять лет существования «Хроники текущих событий» — это десять лет борьбы за гласность, с нетерпимостью и несправедливостью нашего общества, борьбы за его открытость, демократизацию и общую гуманизацию. Все эти годы и по сей день публикации «Хроники» являются наиболее объективным, полным и точным отражением фактов нарушения прав человека в СССР. Они широко используются как в СССР, так и за рубежом при защите прав человека. В частности, «Amnesty International» регулярно публикует «Хронику текущих событий» на английском и других языках и широко использует ее материалы в своей деятельности по защите политических заключенных.

Все эти годы «Хроника» героически противостоит репрессиям и провокациям властей, неся тяжелейшие потери, — преследуются редакторы, издатели, те, кто собирает материал для «Хроники»,

те, кто ее распространяет, и ее читатели. Одни из них сегодня в лагерях, другие были вынуждены эмигрировать, третьи продолжают свой самоотверженный труд. И невозможно переоценить благородное воспитывающее значение «Хроники текущих событий» для всех участников правозащитного движения и бесчисленных читателей в СССР и за рубежом.

*Е.Боннэр, С.Каллистратова, М.Ланда,
Н.Мейман, В.Некипелов, Т.Осипова, В.Слепак*

1Б2. Резюме. Накануне 79-го. Передовая журнала «Часы», номер 15, 1978

Три года назад вышел первый номер неофициального легального журнала «37», позднее появился альманах «Часы». В этих изданиях ленинградское культурное движение прояснило себя как явление и осознало свою собственную проблематику. Очевидно, что оба издания исходили из предпосылки культурной значимости по крайней мере части того, что создано неконформистскими поэтами, прозаиками, переводчиками, критиками — свободной отечественной гумнитарией. Эта предпосылка основывалась, в частности, на уверенности, отсылающей к тысячным толпам на выставках свободных художников в ДК Газа и «Невский», к существованию сотен перепечаток произведений таких ленинградских поэтов, как Бобышев, Охалкин, Кривулин, Шварц, Стратоновский, Драгомощенко — суду высказанного таким образом общественного эстетического запроса и мнения. <...>

Ответы художников на вопросы относительно перспектив культурного движения, данные ими сразу после сенсационной выставки в ДК «Невском», поражали тем, что значительная их часть крайне скептически оценивала эти перспективы. Успех выставки и скептицизм как ее следствие обескураживали. Парадокс объяснялся тем, что художник, переживая, с одной стороны, солидарность с коллегами, выставившими свои работы вместе с ним, был поставлен, с другой стороны, перед фактом, что его творчество теряется среди остальных работ, что его художественную манеру, его представления о подлинном искусстве никто или почти никто не разделяет. С индивидуальной точки зрения неконформистское искусство предстало перед ним как хаос, как коллективное заблуждение, однако с точки зрения культурного движения важно было одно: бросит ли переживший это разочарование художник свою кисть или нет. Он не бросил... <...>

Вульгарные представления, хронически смешивающие культуру и политику, творческий акт и социальное действие, и толку-

ющие любое произведение, любой текст, любую картину не иначе, как если бы все усилия автора сводились к прямой или зашифрованной декларации своего политического кредо, были опровергнуты уже не теоретически, а на опыте.

Эти же следствия можно проследить в практике создания поэтического сборника «Лепта» и неофициальных легальных изданий «37» и «Часы», которые знакомят читателей с произведениями авторов, не причисляющих себя к каким-либо организациям (и в этом смысле неконформистских).

При преимущественно нейтральном отношении официальных учреждений к неконформизму, при отсутствии с их стороны как поддержки, так и критики, культурное движение обнаружило свой *органистический характер* и незаметно для себя пережило процесс *секуляризации*, особенность которого заключается в том, что отделение произошло не в плоскости оппозиции, а на другом уровне; культурное движение существует в неадекватном для официального творчества измерении. Неофициальные издания сыграли в этом определенную роль, поскольку отбор текстов по профессиональному принципу и культурному значению отбраковывал произведения тех авторов, которые сознательно или несознательно усматривали в культурном творчестве только служебную функцию. Издания создали особый контекст свободы мысли, свободы индивидуальности — такое сочетание текстов, которое позволило увидеть чрезвычайно широкий спектр творческих направлений и нашей общей реальности.

Радикально изменилась психологическая атмосфера в культурной среде — произошло *общественное узаконение* ее как явления. Неофициальность и незаконность перестали быть синонимами, и вновь открылась та простая истина, что человек может быть гражданином и патриотом именно потому, что он творчески свободен. Этот патриотизм и чувство гражданственности скажется, по-видимому, в том, что эмиграция среди свободной творческой интеллигенции в ближайшее время сократится. <...>

Культурное движение выдвигает свой идеал человека, воспринимающего себя в русле культурных и национальных традиций и исторического опыта, противостоящего соблазнам обывательского и утилитарного расчета. Оно понимает, что свобода «неокультурного» человека — это варварство и разрушение.

Между творческими возможностями отдельного человека и реальными возможностями эпохи всегда существует определенный разрыв, который лишь романтический иллюзионизм может объявить несущественным. Ни один призыв, ни одна мысль, ни один образ, ни одна схема, какими бы блистательными они ни

1Б4. В.Озолис. Вопросы и ответы.

Предварение. В глубоком конфликте и соответствии с приведенными стихами находится следующий материал. Он вышел в Самиздат в 1973 году, но не потерял своей актуальности, так как излагает редкую в нашей свободной публицистике точку зрения.

1. Как продолжать? Начало было хорошим. Если сравнить нынешнюю ситуацию с началом 60-х годов, успехи были несомненны. Кто думал тогда о «Демократическом движении»?

Но сейчас оно исчерпало себя, оно распадается. И неудивительно. Интеллигенция дала максимум того, что могла: «Демократическое движение» втянуло добрую четверть настоящей интеллигенции при активном сочувствии и скрытом содействии прочих. Но «прочих» насчитывается — по всей стране — максимум 20-30 тысяч. Остальные — труха, люди с высшим образованием, — псевдоинтеллигенция. 20-30 тысяч — более чем достаточно, чтобы дать знать о себе миру и погибнуть с честью. Но чтобы сделать что-нибудь — маловато. Надо искать союзников.

Самый естественный наш союзник — псевдоинтеллигенция. Можно и, вероятно, нужно поискать контакты с рабочими и крестьянами; следует поразмыслить насчет возможностей и перспектив тактического союза с такой мощной силой (которую Самиздат по неизвестным причинам полностью игнорирует), как торговля и сфера обслуживания. Но все это задачи гораздо более трудные... <...>

Но как перетащить трусов на свою сторону? <...>

2. Власть — это сила? Всему остальному уже никто не верит. Но в это верят незыблемо рабочие, псевдоинтеллигенция, интеллигенты. Почему?

Мне немедленно приведут аргументы: многомиллионная армия с ядерным оружием, которым можно взорвать весь земной шар, многомиллионным КГБ с лагерями, куда можно упрятать весь Советский Союз. Партия, неусыпно контролирующая каждый чих. Практически полная власть в экономике. Большой или меньший контроль над десятками стран с населением порядка миллиарда человек...

Охотно соглашусь с этими аргументами. Охотно, потому что они доказывают не силу, а *слабость* властей. Смотрите: <...> С другой стороны — 5–10 тысяч человек, занимающихся Самиздатом. Самиздат существует и не собирается погибать, крепнет, ширится. Как же так?

На этот вопрос авторитетно ответил А.Кузнецов под аплодисменты трусов и примкнувших к ним: просто КГБ играет с Самиз-

датом как кошка с мышью. Эта теория не объясняет ничего, так как противоречит и психологии коммунизма, и фактам. <...>

Власти не уничтожают Самиздат и «Демократическое движение» не потому что не хотят, а потому что *не могут*. И, значит, в огромной скорлупе армии и КГБ ничего нет – за внешним могуществом кроется страшное внутреннее бессилие. Вы, прославляющие могущество властей – подумайте, до какой степени дошло внутреннее бессилие, если оно уравнивает *такое могущество?*

3. Почему бессильны власти? Это трудный вопрос. Вообще, главной целью этой статьи было не ответить на этот вопрос, а задать его. <...>

Возможно, что власти просто скованы старческим параличом. <...> безусловно рефлексы «Левиафана» еще действуют, но головной мозг уже отключен.

Другое допустимое объяснение состоит в том, что партия опасается проводить крупные операции, в которых первую скрипку играла бы госбезопасность – опасается, вспоминая Незабвенного.

Могут быть и другие объяснения, ведь мы очень хорошо знаем внутреннюю механику этой системы. Конечно, необходимо считаться и с возможностями, что завтра неизвестные нам факторы, удерживающие КГБ от проведения крупной операции против «Движения» и Самиздата, по неизвестным причинам перестанут действовать. Тогда «Движение» с честью погибнет, а Самиздат резко сократится (полностью уничтожить Самиздат, как известно, не удалось даже Сталину). Но нет ни малейших оснований считать это неизбежным. Нет даже оснований считать это вероятным: раз за 8 лет не произошло существенных изменений, почему бы им вдруг произойти сейчас? Это возможно, но не более того.

Здесь я наталкиваюсь на очередное стандартное возражение: «Демократическое движение» идет на убыль и вообще с каждым годом происходят изменения – становится хуже. Так ли это?

4. Становится все хуже? И в этом вопросе согласны все. Правда, люди, внимательно читающие литературу, знают, что так говорилось всегда. Но выводов из этого не делают.

А я попробую провести здесь аналогию с историческими событиями. В качестве примера возьму Великую Французскую революцию: <...> до 89 года нарастал дефицит, с 89-го по 94 год усиливался террор, с 94-го до 99-го росла коррупция, с 99-го до 1812 усиливался бонапартизм. Таким образом, с 1789-го до 1812 года положение ухудшалось то в одном, то в другом смысле, но – и в этом все дело – одновременно улучшалось в других отношениях.

Вот почему за четверть века прогресс получился во всех отношениях. И вот почему, если бы в любой момент революции спросили бы интеллигентного француза умеренных взглядов — в какую сторону изменилось положение за последние пять лет, — вы узнали бы, что положение ухудшилось.

То же и у нас. <...> Сравните 73-й год с 56-м. Тогда власти флиртовали либеральными идеями — сегодня они до смерти напуганы ими и преследуют призрак либерализма, как могут. А прогресс — огромный: тогда предел мечтаний состоял в том, чтобы улучшить коммунистическую систему; большее даже не приходило в голову; никто не знал о Цветаевой, Мандельштаме, Волошине, Бабеле, Замятине, Пильняке; каждая переводная книга снабжалась предисловием, приносившим извинения... <...>

5. Что же мы проиграли и что выиграли за прошедшие годы? Чего же добилась реакция за 8 лет? Попытка устроить открытый процесс над Даниэлем и Синявским дала такой эффект, что «мы» больше *никогда* и *никого* не рискуем судить открыто (следующий открытый процесс произойдет уже тогда, когда МЫ заставим власти создать открытый суд). «Возрождение сталинизма» достигло следующих успехов: на Красной площади место трупа Сталина занял его бюст, в фильмах разрешено показывать Сталина.

Я не хочу сказать, что это не опасно: напротив, я считаю это гораздо более серьезной опасностью, чем прямая реабилитация. Здесь я возвращаюсь к теме, с которой начал: псевдоинтеллигенция по своим моральным качествам вполне способна, не веря больше в светлые деяния Сталина, восхищаться им как хозяином. <...> Гораздо легче разоблачить Сталина как негодяя, чем доказать, что он не был силой; в отличие от нынешних бездарей, он ею был, хотя и не столь значительной, как принято считать. Все свое правление он отступал и терял <...> (Вообще 60 лет нашей истории представляют поучительную картину того, как движение сомнительной чистоты, но огромной силы постепенно из мощного потока превращается — через предательство Малиновского, Брестский мир, нэп, союз сначала с Гитлером, затем с Объединенными нациями, отступление перед югославами, 56 год с разоблачением «культа личности», 64 год с отказом от этого разоблачения — в стоячее болото.)

Каковы же успехи реакции? Борьба с «Демократическим движением» достигла некоторых результатов. <...> «Нам» удалось удержать в своей сфере влияния Чехословакию (а ведь чехам никто не помогал: Запад повторил на бис мюнхенское предательство). Удалось закрыть «Новый мир». «Наши» успехи на этом кончаются. А каковы *наши* успехи?

Можно было 8 лет назад представить себе, чтобы человека угоривали уехать за границу? <...> Можно ли было представить себе отъезд тысяч евреев? Комитет защиты прав человека?

6. Почему же считается, что реакция наступает? Потому что мы прогрессируем. Сегодня мы возмущаемся тем, что вынуждены были проглатывать раньше. И считаем это наступлением реакции. <...> Есть и другая причина, почему мы говорим о реакции. Мы наступаем — правительство защищается, применяя реакционные средства. Оно бы применило их и раньше, окажись оно в такой ситуации; но мы помним только то, что раньше оно их не применяло.

7. Ну а сами вы верите в то, что говорите? В основном верю. Кое-где полемически заострял свою мысль. Но в основные тезисы я верю:

1) Что нам нужно перетягивать на свою сторону псевдоинтеллигенцию; 2) Что если властям нужно 10 лет для победы над «Демократическим движением», то говорить об их всеилии смешно; <...> 5) Что Самиздату нужно наладить службу информации. 6) Что коммунисты уничтожают все, что им противостоит — всегда, когда могут это сделать; если не делают, значит, не могут; 7) Что уничтожить Самиздат невозможно (разве лишь ликвидацией цензуры; и то неясно, исчезнет ли Самиздат — ведь он во многом лучше свободной прессы Запада). 8) Что положение, ухудшаясь в одном отношении, одновременно улучшается во многих других; 9) Что необходимо составить *список* важнейших фактов и изменений за 56-72 годы; 10) Что история нашего государства являет собой картину эрозии и гибели мощной силы, которая могла бы изменить, быть может обновить наш мир, но променяла первородство на чечевицу, на царства земные и не принесла ничего, кроме зла. <...>

1Б5. Г. ПОМЕРАНЦ. Сон о справедливом возмездии. Поиски, 3, 1978. 67 стр.

Предварение. Слишком ярок и яростен гений Солженицына, чтобы можно было рассчитывать на беспристрастную и «объективную» рецензию его публицистики. Однако нам, современникам, не уйти от этого диалога и полемики.

<...> Две философии зла. Александра Исаевича увлекает задача борьбы с возмужавшим, окрепшим злом. Я смотрю на такое зло глазами Лао-цзы: твердое, крепкое — завтра будет мертвым. Мне страшно другое: младенчество зла, первый поворот добра к злу, первые его робкие, прелестно нетвердые шажки. <...>

«Вот концентрируется мировое зло огромной ненависти и силы. Оно растекается по Земле и надо встать против него...» (речь в Вашингтоне 13 июня 1975 года). Если Мировое зло — риторическая фигура, то ладно. Но если концепция, то всякое противодействие абсолютному, мировому злу есть благо. В том числе и Гитлер? В том числе резня 1965 года, остановившая распространение коммунизма в Индонезии?

Концепция Мирового зла предполагает единство зла в синхронном (геополитическом плане) и стабильность в плане диахронном (историческом) Опыт этого не подтверждает. Мао-Цзедун, Брежнев, Дубчек вовсе не прикидывались, что у них есть разногласия. Они действительно во многом не согласны, и я не думаю, что Прага в январе-августе 1968 года была просто разновидностью мирового зла, а ввод русских танков в Прагу — отчасти даже благо, прекратившее явный соблазн и дьявольскую прелесть. <...> Я не думаю, что все коммунисты на одно лицо. Я не думаю, что по двум-трем мировым стандартам можно отличить добро от зла, зло от добра. Мировое Зло предполагает Мировое Добро, но где оно?

<...> Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро и истину, за справедливость, — и так шаг за шагом, до геенны огненной и Колымы. Все, что из плоти, рассыпается в прах: и люди, и системы. Но дух вечен, и страшен дух ненависти в борьбе за правое дело.

<...> На дне бытия нет зла. Есть разные виды добра, сталкивающиеся и уравнивающие друг друга. Откуда же берется зло, в котором тонет мир? От остервенения в борьбе за свое частное добро. <...>

Зачем (у страха глаза велики) рисовать грандиозный облик мирового Зла. Зачем терять чувство справедливости к тем, кто сегодня — наши противники. Они тоже начинали с борьбы за добро. И мы, начав с борьбы за добро, можем — как и они — прийти к злу.

И в нынешнем мире добро и зло не так просто разделились, как в уме Александра Исаевича. Мой великий оппонент хотел бы Мирового Добра в образе жандарма, в любую минуту готового пресечь мировое Зло. Это очень популярный образ доброго правления; но Франция уступила Алжиру и Штаты — Северному Вьетнаму, хотя имели техническую возможность раздавить своего противника. Надо было всего лишь внутренне перестроиться, встать на позиции пролетарского гуманизма (если враг не сдастся, его уничтожают). Запад на это оказался неспособен.

Что же делать, — спросит меня читатель. Не знаю. Может

быть, выхода и вовсе нет. То, что предлагает Александр Исаевич министрам Запада и (несколько раньше) вождям Советского Союза — только иллюзия выхода.

Наше поколение пережило несколько попыток окончательной ликвидации зла; и все они привели к новому, большему злу. Это не могло не оставить глубокий, неизгладимый след, по крайней мере, в некоторых умах.

* * *

Тао-Юань-мин говорил о горьком выборе между «стыдом службы» и «стыдом нищенства» (буддийского или даосского монаха). В публицистике Александра Исаевича признается только один, первый стыд. Но разве жить за чужой счет нравственно? Разве такая жизнь не развратила Якира и Красина? И разве стремление прикрыться псевдонимом не вызвано иногда благородным страхом — «стыдом нищенства»? <...>

Не допускать никаких компромиссов — значит советовать врачу уходить из больницы, учительнице из школы, в которой вся ее жизнь. Я знаю одну такую. Она ушла — на пятидесятирублевую пенсию; по возрасту — еще работать надо; но не в деньгах дело, а в утрате призвания, смысла жизни. Это не жизнь не по лжи, это смерть не по лжи. <...> Можно оплакивать ее уход (дети были в отчаянии); но советовать?

Я знаю молодого человека, физически неспособного сдавать основы марксизма; он бросил институт. Ничего хорошего из этого не вышло. Можно понять его поступок; но советскую власть он не огорчил. <...>

Ум деятеля так устроен, что видит одновременно только одну идею, и ее он страстно осуществляет или высказывает, а потом поворачивается всем корпусом в другую сторону и с такой же страстью высказывает другую идею. Интуиция писателя подхватывает самые различные волны сдавленного невысказанного чувства, — и каждую высказывает с безудержной страстью. В «Архипелаге» Александр Исаевич сам обнажает древнерусские и фольклорные истоки нынешней системы, а в «Образованщине» и «Раскаянии» предаёт отлучению и проклятию всех, кто это делает (Горского, например). В «Архипелаге» он пораженец, в «Августе» — оборонец. . . И каждый раз «с пеной на губах», до совершенной невозможности понять нравственный смысл противоположной идеи, противоположной волны. <...>

Реактивное мышление возникает на том уровне, где целое утрачено разумом. Истина, добро и красота отделились друг от друга, перестали быть именами единого Бога. <...> В этом лож-

ном мире страстное стремление к полноте бытия принимает форму фанатизма: одна частная ценность утверждается как вся истина; и противоположная отрицается, как чистая ложь.

Реактивное мышление становится великой силой, когда человечество опасно приближается к Сцилле; и оно право, предупреждая, что дальнейшее движение к Сцилле ведет к смерти. В этот миг не до тонкостей, не до оттенков. В этот миг надо кричать во всю глотку, как гуси, спасшие Рим: назад! красный свет! Череп и две скрещенные кости! Таков голос Александра Исаевича в «Архипелаге». Но проходят годы, десятки лет, и вопль истины становится воплем лжи. Потому что напротив Сциллы — Харибда. Потому что непреклонный антикоммунизм так же опасен, как и непреклонный антифашизм; и национализм, к которому Александр Исаевич возвращается, ничуть не менее разрушителен, чем интернационализм. Первую мировую войну, с которой все началось, весь «настоящий XX век» развязали не интернационалисты... Современник войны, А.Дж.Тойнби, до последних своих дней утверждал, что национализм — причина гибели двух третей «цивилизации», что в наших условиях сохранение национализма означает «волю к смерти». <...>

Реактивное сознание отмечает, что официальные часы глут, выбрасывает их на помойку и взамен тащит другие с помойки, вышвырнутые вчера. Так Возрождение вышвырнуло веру, надежду, любовь и вытатило с помойки Эпикура. Так барокко рванулось в противоположную сторону. Просвещение — снова влево, романтизм — снова вправо. <...> И сегодня космополитический интеллигент Сахаров ищет рационального решения мировых проблем (найдет ли — не знаю, но ищет), а Солженицын надеется уйти от кризисов, к которым привело человечество рациональное мышление, забравшись на Северо-Восток и отдав глупым китайцам вместо Сибири — идеологию (совсем как в сказке про вершки и корешки). Пусть они на чисто идеологической территории разместят миллиард крестьян.

Вокруг «Раскаяния и самоограничения». <...> Попробуем понять психологию Александра Исаевича. Он любит Россию и не любит русской революции. Поэтому ему нужно доказать, что русская революция — не русская революция. В самом деле, почему бы не истолковать географию так, что русские вынуждены были принять на свои плечи большевизм, и только? Почему не отбросить в сторону Радищева, декабристов, Герцена, Чернышевского — весь полуторавековой процесс вызревания революции? Почему не предположить, что кучка иностранцев вдруг завладела огромной страной?

«Конечно, побеждая на русской почве, — пишет Солженицын, — как движению не привлечь русских сил, не приобрести русских черт! Но вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось — почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы? Когда аппарат ЧК изобиловал поляками, латышами, евреями, мадьярами, китайцами. Когда большевистская власть в острые периоды удерживалась на перевесе именно иностранных штыков, особенно латышских?» <...> Страстное чувство толкает Александра Исаевича к подмене одного термина другим. Латыши, евреи, поляки — не иностранцы, а «инородцы». Называя их иностранцами, Александр Исаевич одним махом превращает в интервенцию и агрессию то, что было участием граждан в своей собственной революции. <...>

Среди настоящих иностранцев, а не инородцев, хорошо бы отделить энтузиастов (вроде маркиза Лафайета) от интервентов. Тогда бросилось бы в глаза, что мадьяры и китайцы были подхвачены русским революционным энтузиазмом. А на стороне белых действовало несколько регулярных армий, но вяло, несогласованно, без всякого энтузиазма. <...> С точки зрения нынешних советских историков, русский народ победил три похода Антанты. С точки зрения Солженицына, русский народ православный был разбит сбродом латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. Мне кажется, вторая концепция не лучше ладится с фактами, чем первая; и даже не очень лестна для русского самолюбия... (Кстати, если латышские штыки иностранные, то как назвать сабли Дикой Дивизии, двинутой Корниловым на революционный Петроград? Или нагайки ингушей, охранявшие русские имения от русских крестьян?) <...>

Гражданская война давала много возможностей прогнать Ленина. Но тут мы сталкиваемся с еще одним примером большевистской партийности наизнанку: Александр Исаевич перечисляет только крестьянские восстания против красных? А против белых? Их вроде не было. Между тем большевики действительно не имели полной поддержки крестьянства; но на какую-то часть крестьян они сумели опереться. А белых крестьяне вовсе не поддерживали. <...>

Архипелаг ГУЛАГ как всесоюзная организация складывается к середине 30-х годов. Еще позже были приняты законы, приравнявшие вольнонаемных с расконвоированными, которых в любую минуту могут законвоировать (рабочего — за прогул, крестьян

нина — за нерадивость). Не только революция, даже индустриализация началась без этого. <...> Лагерное рабство достигло масштабов «уклада» или «способа производства» только еще в одной империи, не коммунистической: в Третьей империи Адольфа Гитлера. <...>

Существование Архипелага, вообще говоря, не доказывает тождества социализм=Архипелаг и невозможность демократического социализма, основанного на другом прочтении Фурье, Сен-Симона и Маркса. Развитие свободного капитализма тоже не обошлось без рабства. <...> И по масштабам — 3 млн. рабов! — американский Архипелаг сравним со сталинским. Читая книгу о Джоне Брауне (Р.Орлова, «Поднявший меч...», М., 1975), я невольно сравнивал ее героя с Солженицыным. Та же заикленность на своей освободительной идее. Та же ярость борьбы.

* * *

... идейные корни революции можно найти пораньше — в гностицизме, и еще раньше — в истоках иудео-христианской традиции. После Вебера принято считать, что само понятие истории как поступательного движения к светлому будущему зародилось в еврейском мессианстве. Христианство сделало эти идеи универсальными, а Просвещение только секуляризировало их. Таким образом, первородный грех совершили евреи. <...> Переход к монотеизму действительно был первой идеологической революцией, потрясшей человечество. Средой, в которой выросла и окрепла идея монотеизма, была диаспора. Человек диаспоры как бы стоит на одной ноге. Опустит вторую — попал в чужое. В настоящем ему не на чем держаться, и он рванул в будущее. В настоящем его со всех сторон окружают соблазны ассимиляции — и он, на краю геноцида, обороняется от соблазнов нетерпимостью и фанатизмом. Эти черты перешли во вселенские монотеистические религии. <...>

К концу XVIII века еврейский (по своему происхождению) мессианизм, секуляризованный на Западе, ставший религиозным фанатизмом, зажег Радищева; еще через 100 лет этот дух дошел до массы евреев, прозябавших в добровольной изоляции от истории в российском апартеиде. И тут старая заржавленная пружина ветхозаветного мессианства, подхваченная механизмом русской революции, неожиданно заработала. Возник революционный фанатизм в квадрате, придавший русской революции значительную долю ее размаха. Мистический страх Достоевского перед Дизраэли был, возможно, предчувствием неспособности русской политической системы переработать взрыв еврейской активности так легко и просто, как это сделала английская система. <...>

Решительные повороты в России и до 1917 г. требовали участия нерусской силы. <...> Интуитивно мне кажется очень важным, что талантливый русский тип — широкий, размашистый, разбросанный, — не выносит канцелярские рамки. Война — другое дело. <...> Завоевать империю так можно, управлять — не очень. Русский «гений», прикованный к чиновничьему столу, сойдет с ума или погибнет (китайские почему-то не гибли и Гофман был исправным чиновником). В приказах, в департаментах, в отделах кадров копошится дрянь: Молчалины, Русановы. С ними можно сохранить инерцию устоявшихся форм, но исторический поворот, создание нового русского государства никогда не обходилось одними русскими силами <...> управление русской империей то и дело попадало в руки инородцев (или младших родственников — украинцев).

<...> чем дальше разворачивалась революция, тем труднее было евреям вернуться от назначенного места в советских канцеляриях. Советская система построена так, что от ее нажима можно спастись только в ее же аппарате, укрепляя его. Несколько позже по тому же пути пошли дети крестьян, бежавших в город от раскулачивания... <...>

Возникает вопрос, который кажется мне абсолютно неразрешимым: до какой степени евреи, участвовавшие в создании и укреплении советской власти, были евреями? <...> Кто такой Врангель? Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель. Демьян Бедный, несмотря на интернационализм, глумился над мнимым коверканьем русского языка немцем Врангелем: «Их бин фон Врангель, херр Барон, я самый лучший, самы шестный ис кандидат на царский трон». Напротив, Троцкий в глазах красноармейцев был русским. Евреев они не любили. . .

Так же непросто выглядит дело, если взглянуть на него со стороны иностранца, ассимилирующегося в России. Фальконе, скорее всего, не считал себя русским. Но у себя на родине он был посредственным скульптором. Только русская почва дала размах его гению. И так же с другими способностями, менее привлекательными. Блюмкин, спяну составляющий список на расстрел, немислим в Израиле: там нет ни пьянства, ни расстрела. Марксизм — есть; социализм — есть; есть и коммуны (кибуцы). Но расстрелов нет, лагерей нет. Еврейское законничество не допустило их. Напротив, свобода от формальных ограничений, душевный размах — черты, которые в России развиваются и в инородцах. В искусстве этот размах поражает; в карательной политике — шокирует. <...> Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой; тот, кто ассимилирован русской поли-

тикой — вероятным палачом. С одной стороны Мандельштам, с другой — Блюмкин...

* * *

Александр Исаевич чувствует необходимость как-то поясней отделить свой патриотизм от официального и пишет: «Александру Невскому без креста подняться дали, но чему поближе — нет».

Я вынужден возразить: дали подняться и Суворову, и Кутузову, и Нахимову, и Брусилову (чего ближе). По части военно-патриотического воспитания использовано решительно все. Кресту действительно не дали подняться, но не потому, что он национальный; скорее наоборот: смутно чувствовалась несовместимость двух универсальных символов — креста и красной звезды. Впрочем, некоторые второстепенные фигуры постсталинского сталинизма были близки к тому, чтобы и крест поднять. Ну и что, если бы вожди вняли Письму вождям и подняли над Архипелагом православный крест, — хорошо бы было?

<...> Вот Александр Исаевич пишет: «Татарское иго навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды». Значит, можно объяснить вывоз осколков Орды из Крыма? <...> Покаяние дается Александру Исаевичу в том случае, если нет никаких взаимных счетов: он кается перед малыми народами Сибири, перед горцами Кавказа <...> Если же народный стереотип татарина несимпатичен, то и Солженицын — со своим народом. <...>

Где те весы, на которых можно взвесить страдания хотя бы одного человека? Я не знаю; а Солженицын думает, что ему открыта мера страдания целых народов.

Александр Исаевич осуждает поляков за то, что они подавили восстание под Уманью. Крестьянское, народное — значит, справедливое. Речь идет, видимо, о гайдамачине. Но во время этого восстания Гонта и Железняк, взяв город, вырезали подчистую все неправославное население. Гонта, есаул польской службы, перешедший на сторону восставших, убил свою жену-польку и свяченным ножом зарезал собственных детей, рожденных от конфессионального позора. (И нашелся же священник, освятивший этот нож!). Короленко, сын украинца и польки, прочитав мальчиком об этом подвиге, был так потрясен, что отступился от рода и племени. «Моим отечеством, — пишет он, — стала русская литература» (в то время мало захваченная националистическими страстями).

Еще одна подробность: восстание подавили русские войска. Гонту выдали полякам, те с него живьем содрали кожу; Железняк сослал в Сибирь. Кому же каяться? И в чем? Полякам, что не простили Гонту? (Солженицын простил бы?) Русским, что вмешались во внутренние дела Польши? Или восставшим крестьянам, — что вырезывали младенцев из чрева матерей и зашивали туда живых кошек? Пример, избранный самим Александром Исаевичем, показывает, как трудно быть Богом и как недоступна человеческому уму и совести задача Всеведущего судии. Боюсь, что о справедливой оценке прошлого даже труднее договориться, чем о Голанских высотах. И Александр Исаевич подсознательно это чувствует. В том случае, когда он действительно хочет мира, а не мести, то есть в русско-украинских отношениях, он решительно пресекает все счеты и наделяет оба народа равными мученическими венцами. <...>

Я думаю, что справедливых счетов между народами не может быть. Есть только сон о справедливом возмездии. И посылает этот сон дьявол.

Нельзя смешивать со счетами (кто больше, кто меньше виноват) чувство личной совинности. Оно ничего не подсчитывает и не взвешивает. Это чувство моей совинности, а не его, их совинности. <...> Это нельзя навязывать. Это обходит логику. Мне кажется чудовищным, что для Александра Исаевича Гюзель за Мамаю виновата (даже через 600 лет); хотя Матрена Васильевна за рязанского князя Олега (союзника Мамаю) не виновата.

Солженицын в Цюрихе. <...> «Из-за того, что четверть крови в тебе русская, из-за этой четвертушки крови привязала судьба к дрянной российской колымаге! Четвертушкой крови, но ни характером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родстве с этой разларистой, растяпистой, вечно пьяной страной ...» («Ленин в Цюрихе»). Мне кажется, что Ленин так не думал. Здесь снова (как иногда в «Круге») за героем вырисовывается автор, занявшийся (к нашему общему стыду) исчислением четвертинок. Коли на то пошло, русский престол занимали и с меньшими дробями. В последнем русском императоре достоверной русской крови была одна сто двадцать восьмая. <...>

Александр Исаевич настолько ненавидит Ленина, что никакие доводы не имеют цены. Ленин — не русский, и все тут. Он Россию не знает, Россию ненавидит, русский язык называет полутатарским и власть в России захватил с помощью иностранных штыков. <...> Он еще ничтожество, марионетка, которую держат за веревочку умный еврей Парвус. Таким образом, русское алиби доказывается дважды. <...>

Историческому деятелю победить — значит оставить на челе истории свой след. И Госпожа История не забывает своих страстных любовников, заносит их имена на свои скрижали. А что Ленин не был великим мыслителем, так он, кажется, и сам не претендовал. Ленинский этап в философии придуман уже Сталиным. Очень может быть, что Ленин как мыслитель, уступал и Парвусу. Не в этом суть. Суть в том, что имя Ленина нельзя выкинуть из русской истории — так же как не вычеркнуть из нее имя Солженицына. Никакими четвертинками (действительными или мнимыми) меня не убедишь. Четвертинки были важны в Америке, где дочерей президента Джефферсона, голубоглазых, белокурых квартеронков, продали в публичный дом, потому что в них была четвертинка черной крови; а законодательное собрание штата Джорджия не утвердило вольной покойной президента: это потрясло бы священные основы Архипелага. Четвертинки важны были в гитлеровской Европе. . . Важны не четвертинки, а то, что Ленин сам себя считал русским (Валентинов особо отмечает русский дух в доме Ленина). Инородец, с детства чувствовавший на себе косые взгляды шовинизма, не решился бы претендовать на всю полноту власти (некоторые меньшевики прямо объясняли этим свое поведение). <...>

А еще важнее то, что Ленин делал (потому что он прежде всего деятель); собирал Российскую империю, взорванную революцией, в Советский Союз. И когда злился на «шовинистическую шваль» (действительно, злился), то потому, что она мешала дело делать.

Невозможно представить себе единую и неделимую империю в мире, где одна за другой распадались все империи; а после ленинской реорганизации русская власть шагнула до Эльбы. <...> Славянофильская фантазия 1848 года (стихотворение Тютчева «Русская география») точно соответствует границам советско-русской сферы влияния 1976 года.

Мне кажется, что только Ленин был человеком, способным заложить основы этого. Именно потому, что он о единой и неделимой России не говорил и (словами) даже не думал. Именно потому, что его лозунгами были интернационализм, мировая революция и борьба с великодержавным шовинизмом. Без борьбы с великодержавным шовинизмом решительно невозможно было восстановить фактическую власть над Украиной и Грузией (можно вспомнить Брусилова, призывавшего офицеров идти воевать в Красную Армию за Украину).

Большевизм был (в зародыше) системой власти, способной укорениться в России, и Ленин знал это, когда говорил: «Есть

такая партия». Большевизм имел почву. Меньшевики, эсеры, кадеты и прочие почвы не имели. А без почвы можно философствовать (как я, например), но беспочвенная политика — сапоги всмятку...

Ленин в Цюрихе и Солженицын в Цюрихе внутренне подобны, как <...> ярость реформации и ярость контрреформации; как ярость Петра и ярость Аввакума. Такова история. Такова в особенности русская история.

Сквозь историю. <...> по-моему, все герои несколько неправильные. Я признаю, что они герои и красные и белые; и деды революционеры, и внуки-диссиденты. Но в мои рассуждения о них все время вплетается ирония, вплетается стремление выйти за рамки героических задач и характеров.

Александр Исаевичу кажется, что ирония ни к чему. Режьте правду напрямик, отбросьте страх — и вы на верном пути. По-моему, эта простота даже очень коварна. Стоило бы подумать, почему призывы к храбрости не всегда доходят до ушей. <...> стоит «образованцу» стать сионистом, как его словно подменили. Не только беседой с парторгом, расстрелом нельзя напугать. На риск многие готовы. А вот преобразовать Россию... Тут одной храбрости мало. И главное, — неизвестно, к чему она приведет, эта храбрость.

Нет, без иронии никак нельзя. <...> Ирония — спутник демократии. <...> достаточно взглянуть на торжественно серьезное и возвышенное лицо лидера, глядящего на нас с первой страницы еженедельника, чтобы не задавать больше никаких вопросов. <...> И в нежелании Александра Исаевича понимать иронию мне чудятся традиции самодержавия... <...>

В языке Солженицына есть сила первооткрывателя, выстрадавшего свою неправильную правду. Когда Каренин сбивается и говорит «пелестрадал», то он высказывает гораздо больше, чем если бы не сделал ошибку. Логические ошибки Александра Исаевича говорят о том же: о живой боли. Всякое страдание, которое человек сумел вынести, выдержать, делает глубже, делает приемником каких-то новых волн. <...> Видимо, история нуждается в людях, которым шип, сидящий в мозгу, мешает спокойно жить. <...>

Солженицын, может быть, плохой историк, но вокруг него вьются духи Истории (деятель, по мнению подпольного человека, и не должен понимать. Духи не любят, чтобы их понимали; они любят, чтобы слушались). Среди этих духов некоторые принадлежат к мировой истории, некоторые — специфически русские. Один из них — дух Раскола. Имперский дух, ломающий

национальное существование России ради Третьего Рима, Третьего Интернационала и т.п., сталкивается с духом обособления от всемирной истории, даже от вселенского православия, духом замыкания в себе. . . Русская этнография восстает против истории, не хочет империи, не хочет завоеваний, от которых хиреют центральные области. Быть пусто месту сему (Петербургу)! Пусть оно достанется шведам.

Александр Солженицын верен этому духу, когда хочет отказаться от всех неправославных республик <...> Не может сверхдержава XX века забраться в берлогу и залечивать раны как Русь XVII века; не может сойти с перекрестка между Китаем и Европой. <...>

Гордый дух, ставший объектом художественной исповеди в «Архипелаге», поражает и захватывает. Как бы ни смотреть на дело с моральной точки и с религиозной точки зрения, эстетически Солженицын удивительно на месте и в своем шедевре. И не только потому, что без неизгладимой памяти на зло, без неспособности прощать — «Архипелаг» не был бы написан. Есть еще художественная необходимость: центральный характер Ада не может быть ангельским. Голубой мальчик, которого незаслуженно травят другие мальчишки (в «Круге»), фальшив. Мстительный дух, радующийся, что зад Крыленки не влезал под нары, — правдив и на свой лад прекрасен. Великолепный клубок воли, ярости, ненависти и порыв к добру. В этом тексте Солженицын должен быть таким.

Но «Архипелаг» написан. <...> Нужен другой подвиг — отказа от страстей, освобождения от инерции «Архипелага». Тогда возникла бы другая исповедь, нужная, как хлеб. Я убежден, что Солженицын может ее написать. Но я не уверен, что он ее напишет.

1975-1977

1Б6. Дж. ДЭНЛОП. **Национально-религиозное возрождение в современной России.** *Русское возрождение*, 1, 1978, 15-36

Настоящая статья посвящена рассмотрению интеллектуального и духовного движения, которое, как нам кажется, со временем придет на смену марксизму в России. Это есть форма современного русского национализма с двумя яркими отличительными чертами: 1) выделяется и подчеркивается значение русской православной Церкви и 2) будущее развитие России предвидится на пути, значительно отклоняющемся от пути Западной Европы

и Америки. Приверженцев этого движения я буду условно называть «возрожденцами». <...>

Все те, кто мечтает о национально-религиозном возрождении России — может быть, за исключением крайне правых, — не сомневаются, что Россия сейчас стоит на гибельном пути. Начиная с XIX века, утверждают они, Россию терзает дух нигилизма, который стремится искоренить ее национальную сущность, стереть ее национальное лицо. <...> Не только природа и памятники России находятся в опасности. Сам русский народ стоит на грани духовного вымирания. <...>

Слово, которое чаще всего встречается в откликах возрожденцев на тройное уничтожение русской земли, русской культуры и самих русских людей — боль. Один из основателей ВСХСОНа во время своего судебного процесса указывал именно на боль как на то чувство, которое побудило его стать революционером. <...> Но возрожденцы считают, что хотя настал уже последний срок — час одиннадцатый, — надежда еще не утрачена.

Кого же следует винить за ту заразу нигилизма, которая привела Россию к краю гибели? Большинство возрожденцев отвечают: космополита. Этого слова вы не встретите у либеральных возрожденцев вроде Солженицына и Максимова, несомненно из-за малоприятных исторических ассоциаций, связанных с этим термином, но такие писатели, как Осипов, Шиманов, Солоухин, пользуются им свободно. Как и в поздние годы сталинской эпохи «космополит» может означать еврея, но эпитет в такой же мере применяется к потерявшим национальное чувство русским — например, к Посохину, главному архитектору Москвы, который способствует разрушению памятников старины. Космополит — любой человек, который отвергает желательность и ценность самостоятельной духовной жизни для русской нации и русской культуры. <...> слово космополит намекает на коммунистов вообще, поскольку это учение зиждется на воинствующем интернационализме и антинационализме Маркса и Ленина.

Образ западного мира в освещении возрожденцев дается в чрезвычайно мрачных тонах. Запад лишен идеализма и вообще какой-либо ведущей идеи, он циничен, развратен, безбожен. Америка представляет собой предельное развитие этих тенденций — Америка, со своими кишачными преступностью и наркоманией городами, со своим атрофированным чувством национального сознания. Хотя встречаются отдельные оговорки к такому изображению Запада (в этом отношении особо хочется выделить Солженицына), общее отношение скорее всего следует охарактеризовать как отвращение.

Кроме того, возрожденцы всех толков сходятся в том, что западная форма демократии — не реальный путь для России. Как и в 1917 году, такая система лишь довела бы страну до кровавой разрухи <...> Большинство возрожденцев настроено против насильственного свержения советской власти. <...>

... только в либеральном крыле можно встретить резкую критику Московской Патриархии за недостаточную смелость и жертвенность в защите Церкви. Что касается отношения возрожденцев к западным конфессиям, то можно отметить определенную антипатию к протестантизму и экуменизму: они представляются равно безжизненными и рационалистическими. По отношению же к католицизму общего взгляда нет. <...>

Один недавний документ, исходящий из правых кругов движения, под названием «Слово нации» рассматривает вопрос о том, каким из теперешних советских республик можно позволить отделиться. Вывод следующий: вопрос отделения имеет некоторые основания для части Западной Украины, прибалтийских стран, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана. <...> По статистике видно, что азиатское население СССР должно увеличиться вдвое в течение следующих 30 лет, в то время как прирост населения великороссов будет в процентном отношении очень невелик. В процентном отношении великороссы скоро перестанут составлять абсолютное большинство.

За исключением либерального крыла движения, отношение к евреям среди возрожденцев довольно отрицательное. Многие считают, что евреи вместе с «денационализированными» русскими (которые якобы находились под влиянием евреев) ответственны за революцию. Следует отметить также довольно нелепую склонность винить в ранних преступлениях большевиков Троцкого, а не Ленина, или обвинять Кагановича, а не Сталина в разрушении Московской архитектуры. По понятным причинам возрожденцы обычно не имеют никаких претензий к сионистам, которые стремятся эмигрировать в Израиль... <...> просмотр полемики между националистами и евреями западниками поразит любого непредубежденного читателя. Оба лагеря совершенно не понимают друг друга и часто извращают до карикатурности взгляды своих оппонентов.

И Солженицын, и Осипов предписывают России «здоровый изоляционизм» <...> Единственной серьезной заботой остается охрана от Китая. Америка и Европа не представляют реальной угрозы для России. Восточную Европу следует освободить. Некоторые из сотрудников «Веча», впрочем, и еще В. Солоухин выявляют явную склонность к панславянству. <...>

Большинство возрожденцев считает, что Россия нуждается в гуманной, но авторитарной системе правления, главным образом оттого, что страна сейчас слишком деморализована и нестабильна для любого другого строя. Возрожденцы несогласны с мнением таких «западников», как Сахаров или Левитин-Краснов, что даже лучшая авторитарная система нуждается в предохранительных устройствах против несправедливости и самодурства. По мнению возрожденцев, такие требования отдают расчетом, минимализмом и даже цинизмом и неприемлемы для русского человека. Солженицын занимает половинчатую позицию: он явно требует всеобщей законности, но не объясняет, каким способом это можно было бы гарантировать при авторитарной системе.

В своих экономических воззрениях возрожденцы хотя и избегают крайностей и срывов как капитализма, так и коммунизма. Железные дороги, нефтяная и сталелитейная промышленность должны быть в руках государства, но частные коллективы и частная торговля не воспрещаются. Монополии устанавливаются вне закона и устанавливается предел богатству или имуществу, которым может владеть частное лицо. <...> И возрожденцы всех толков без исключения убеждены, что необходимо отменить советские колхозы.

Возрожденцы почти фанатичны в своем желании остановить отравление окружающей среды <...> положить конец уродству урбанизации. <...>

Нет сомнения, что коммунистическая партия — или во всяком случае часть партии — старается направить русские национальные чувства в национал-социалистическое русло. (Замечу в скобках, что биография Муссолини напоминает нам, что путь от коммунизма к фашизму не лишен внутренней логики.) Довольно жуткое письмо, направленное в «Вече», незадолго до закрытия журнала, призывает читателей именно к такой программе. Автор этого документа, который подписался просто словами «русский человек», но чье чувство власти и самоуверенный тон выдают его как члена довольно высоких кругов, <...> рекомендует журналу прекратить погоню за какой-то автократией царских времен, а главное — отказаться от православного христианства — от этого «предбанника иудейского рабства», религии, которая хочет упразднить все национальные отличия. Для удовлетворения религиозных импульсов он предлагает восстановить культ славянских языческих богов. И он предупреждает: «Расшатать легко! Ну а потом что? Ведь если скинуть большевиков, к власти придут сионисты, у них деньги и агентура плюс блестящая организованность, — у нас ничего, кроме большевистской партии, которая пусть плохо-бедно, но защищает нас».

<...> Будем надеяться, что более умеренное крыло этого течения останется ведущим. В этом отношении мы можем позволить себе долю оптимизма. Искренне-христианские убеждения, которые несомненно присущи большинству возрожденцев, должны уберечь их от подводных камней расизма и фашизма. И великое уважение, которое возрожденцы питают к трезвым взглядам Солженицына, тоже обнадеживающий знак.

1Б7. Л.КОПЕЛЕВ. Ложь победима только правдой. Отрывок, посвященный советско-китайским отношениям

Предварение. Публикуется отрывок из обработанного автором текста статьи, написанной в 1974 г. и содержащейся в сборнике «Что ждет Советский Союз? (по поводу «Письма вождям» А.Солженицына)», М., 1974. В связи с текущими событиями, вероятно, каждому из нас пришлось сталкиваться с самыми крайними, мифологизированными, подчас романтическими взглядами на проблему Китая. Содержащиеся в отрывке факты и точка зрения, надеемся, будут интересны многим. . .

Р.

...мы вырастили Мао-Дзе-Дуна вместо миролюбивого соседа Чан-Кай-ши («Письмо к вождям») <...>

Мао-Дзе-Дун возматерел не благодаря, а вопреки всей сталинской политике в Китае — и коминтерновской и военно-дипломатической.

Начиная с 1926-27 гг., еще вместе с Бухариным, требовали от китайской компартии подчиняться Чан-Кай-ши, и позднее, когда немногочисленные китайские сталинцы обвиняли Мао и его сторонников в «авантюризме» и «партизанщине», «национал-крестьянском» и прочих уклонах, и вплоть до 1947-48 гг., когда уже стал очевиден разгром гоминдановских армий и государства, — Сталин только мешал маоистам, не доверяя им, подозревая в троцкизме и национал-уклонизме. «Северный поход» армий Мао и Чжу Де был совершен в 1931-1933 гг. вопреки указаниям Коминтерна. Мао был избран председателем КПК в 1935 г. вместо забаллотированного кандидата Коминтерна Ван Мина, через которого Сталин добивался от китайских коммунистов, чтобы они включились в «единый антияпонский фронт под руководством генералиссимуса Чан-Кай-ши».

Начиная с 1931 г. и вплоть до 1945 г. Советский Союз всячески поддерживал именно «миролюбивого соседа Чан-Кай-ши»,

снабжал его оружием, стратегическими товарами, присылал военных советников и боевых летчиков, тогда как помощь «Особому району» и армиям коммунистов (4-й и 8-й) ограничивался приветствиями и посылкой нескольких врачей и нескольких «политических» представителей, которые были главным образом разведчиками-наблюдателями при руководстве КПК (см., например, изданные недавно воспоминания Владимирова, в них пробалтывается то, о чем писали раньше американские и немецкие свидетели). В 1945 г., когда советские войска заняли Манчжурию, они не впустили туда войска китайских коммунистов. А когда в 1946 г. Сталин по требованию англо-американцев велел стремительно эвакуировать Манчжурию, то Мао-Дзе-Дуна известили об этом уже после того, как несколько дивизий Чан-Кай-ши были переброшены туда на американских самолетах. Таким образом, армии Мао, расположенные значительно ближе, успели захватить лишь несколько складов старого японского вооружения, «великодушно оставленных советскими братьями» (которые зато весьма основательно демонтировали даже железные дороги вблизи районов, занятых «братскими» коммунистическими армиями). Вооружение этих армий в 1946-47 гг. было преимущественно трофейным. <...>

«После окончательной победы маоистов Сталин, под шум пропагандистской болтовни и приветственных фанфар, навязывал новому Китаю кабальные концессионные договоры, закреплялся на КВЖД, в военно-морских базах Порт-Артура, Дайпена, в Синьцзяне; с типично сталинским цинизмом он выдал Мао советского агента — члена Политбюро КПК Као Кана (см. «Воспоминания» Хрущева), надеясь таким великодушным пожертвованием завоевать доверие китайцев. Одновременно среди китайских студентов, любезно приглашенных в советские вузы, усиленно вербовали новых советских разведчиков, а во всех крупных соединениях и учреждениях китайской армии старались насаждать советских советников.

Корейская война была спровоцирована Сталиным прежде всего затем, чтобы втянуть Китай в локальную войну с США <...>

Попытки хрущевского правительства несколько улучшить отношения — отказ от КВЖД, от концессий и военных баз, уступки в Синьцзяне, планы усиленной экономической помощи и т.д. — были уже недостаточными с точки зрения быстро матеревших маоистских правителей. Китайские пропагандисты в пику Хрущеву славят Сталина — впрочем, только в массовой и главным образом «экспортной» демагогической пропаганде. А в «закрытых» и «полузакрытых» публикациях и в доверительных беседах

с компетентными иностранцами они не делают различий между Сталиным и всеми последующими «кремлевскими царями».

... Первая причина нависающей войны ... — ИДЕОЛОГИЯ («Письмо к вождям»). <...>

... в чем действительные причины этой опасной вражды? Неужели она возникла только теперь из-за идеологических разногласий и разночтений?

Великорусское государство уже с начальной поры его существования расширялось и на Западе, и на Востоке, и на Юге; необходимость отражать набеги и притязания воинственных соседей побуждала великих князей и царей самим наступать <...> Русским войскам иногда предшествовали и всегда сопутствовали отважные землепроходцы, истовые миссионеры, предприимчивые купцы, пытливые исследователи природы и этнографы, находчивые дипломаты... И где пулей, штыком, картечью, где звонким рублем, где красным товаром или красным словцом, а где и тем, и другим, и третьим вместе, — Российская держава одолевала сопротивление туземных князей, эмиров, беков... Одолевала не раз и китайских военачальников, мандаринов-губернаторов и мандаринов-дипломатов. Начав еще с XVII века, с завоеваний казаков Хабарова, закрепленных ловкостью посольских дьяков, завладев в середине XIX века заброшенными северо-восточными окраинами Китая, а к концу века проникнув в Манчжурию (КВЖД), русское государство в XX веке начало прибирать к рукам Внешнюю Монголию и китайский Туркестан. Начало при последних Романовых, продолжало при Ленине и Сталине.

Идеологические вывески за века менялись, но сущность отношений между государствами оставалась более или менее неизменной. <...>

Идеологическим знаменем тайпинов было христианство. Но капитаны английских и американских канонерок исправно расстреливали своих китайских единоверцев, защищая власть китайских язычников.

Китайские революционные националисты, руководимые в 1900 году «Союзом больших кулаков», а в 1911 году созданной Сун Ян-сеном партией Гоминдан, считали царскую Россию одним из опаснейших врагов Китая; в 1927 г. Чан-Кай-ши порвал с коммунистами, так как видел в них «агентуру Москвы», в 1929 г. Чжан Сюз-лян пытался отвоевать КВЖД. Существенной особенностью маоистской партии и армий было не столько более чем сомнительная приверженность марксизму (о котором у самого Мао

были весьма туманные представления, а у миллионов его сторонников и вовсе никаких) — сколько строго централизованная, прочная общенациональная структура, ядро кристаллизации новой великой империи. Поэтому и японцы, и Сталин предпочитали опираться на такие политические силы в Китае, которые были носителями центробежных деструктивных стремлений: японцы — на манчжурских сепаратистов и ванц-зинвувескую фракцию Гоминдана (ранее эта фракция ориентировалась на Москву), а Сталин — на Чан-Кай-ши и на «христианского маршала» Фын Юйсяна.

Вражда между правительствами Сталина, Хрущева, Брежнева с одной, и правительствами Мао, Чжоу, Х, У и т.д. — с другой стороны, была, есть и будет менее всего «идеологической». <...> Новое китайское государство противостоит Сов.Союзу как своему главному противнику вовсе не потому, что маоисты желают по-иному читать Маркса и Ленина, а потому, что после ухода американцев из Вьетнама и пока Япония остается разоруженной, наши войска и наши ракеты вдоль всей длинной сухопутной границы и наши военные корабли, стремительно размножающиеся на всех морях, омывающих китайские берега, представляют им главной и непосредственной угрозой. И претензии маоистского гос-ва <...> — сугубо «имперские», территориальные, национально и геополитические претензии. Некоторые из них обосновываются, напр., тем, что во «внутренней» Монголии, т. е. в границах Китая, живет втрое больше монголов, чем во «внешней» — в МНР, тем, что в Синьцзяне живет множество казахов и узбеков, уйгуров и киргизов, а советские агенты издавна настраивали их против «ханьских», то есть собственно китайских «старших братьев». Пресловутые идеологические споры, которым в «Письме» придается такое непомерное значение, возникли всего 15 лет назад, как пропагандистские следствия, а не как причины реальных междугосударственных противоречий. <...>

В последние годы наша полуофициальная, «шопотная» (и тем более действенная) пропаганда все настойчивее манипулирует китайской угрозой. Вслед за Евтушенко, Вознесенским и докладчиками «закрытых» собраний, — хотя и с несколько других, скорее «вечевских» националистических позиций — в эту пропаганду теперь включается «Письмо вождям» и кладет авторитет писателя — правдолюбца, героя и пророка — на ту же чашу весов, которую так ревностно отягощают журналисты АПН, казенные лекторы, стихотворцы и войсковые политработники. <...>

В действительности мировоззрение и мировосприятие значительной части руководящих и средних парт., гос. и научно-

технических деятелей Сов.Союза куда ближе тем взглядам, которые выражены в «Письме», чем тому, что написано в Программе КПСС или в учебниках марксизма-ленинизма. А идеи и идеалы значительного большинства китайских деятелей никогда и не приближались к этим учебникам. <...>

Претензии китайских националистов нельзя опровергнуть встречными националистическими претензиями на исконность и законность наших дальневосточных владений. Тут скорее помогло бы не возвращение к православию допетровской России, а опыт той откровенно самокритичной политики, которую пытался в подобных случаях вести Ленин. Это значило бы открыто заявить, как признавали в первые послереволюционные годы, что территории, приобретенные Россией у Китая за последние 300 лет, были отняты в силу завоевательной стратегии царской империи, на основе неравных договоров. Но с тех пор прошло много времени, право живых выше права мертвых, и Владивосток, бесспорно, «город нашенький», и все эти края стали нашими. Признав это и признав, что сталинская политика геноцида привела на Дальнем Востоке в 1936-37 гг. к поголовному выселению — и даже частичному истреблению — живших там китайцев, корейцев, что эта политика была преступной, мы лишили бы ветра главные паруса маоистской пропаганды. А ссылки на действительные принципы той именно идеологии, которую так демонстрирует (и мифологизирует) «Письмо...», могли бы облегчить поиски реальных компромиссов, основанных на демилитаризации границ, на облегчении связей между монголами в МНР и КНР, на конкретных долговременных соглашениях об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, об охране среды, о совместной борьбе против отравления воздуха и вод, против голода, болезней, стихийных бедствий. . . Сегодня и такая программа представляется, увы, утопичной. Но в этой утопии есть живые зерна, способные прорасти при благоприятных условиях... <...>

Май 1974

1Б8. С.ШАГИН. **Уважаемые товарищи по крови!**

«Уважаемые товарищи! Дорогие собратья по крови и православной вере!»

Именно так начинается совершенно уникальный документ, вышедший в Самиздат, судя по дате, — 23.02.1979 г. <...> впервые руководство нашей страны, правда, — отставное, обращается к народу за помощью в задулистой борьбе. Анонимно и через Самиздат. Не шутите! В непосредственной близости к этим документам по крайней мере три экс-члена Политбюро. *Обращение Русского Освободительного Движения (РОД) к русскому и украинскому народам.* Вот его суть.

Члены организованного в Москве в 1977 г. РОД задумались и на основе «глубокого анализа информации» и «многолетних личных наблюдений» обнаружили безответственные действия Брежнева, рост инфляции, процветание коррупции, бесчестность руководителей, моральное разложение и рост тунеядства. «РОД пришел к выводу, что в Кремле действует сионистская группировка: Ю.В.Андропов, Л.И.Брежнев, А.Д.Кунаев, В.В.Кузнецов, А.Я.Пельше, Б.Н.Пономарев, Д.Ф.Устинов, К.У.Черненко и др.».

Аргументов навалом: 1) «Верный сын русского народа Н.С.Хрущев был свергнут в результате сионистского наговора, невольными участниками которого стали тогда в силу неосведомленности и некоторые русские и украинцы ...» (похоже, авторы признаются и раскаиваются). Хрущев был злейшим врагом сионистов. РОД приводит список известных хрущевских мероприятий (сокращение рабочей недели, повышение зарплат и пенсий, жил.строительства, сокращение срока службы в армии, разоблачение преступлений Сталина), называя их антисионистскими. Список этот многозначителен как в своих неожиданных прогнозах (антисионистским мероприятием оказывается организация СО АН СССР), так и в умолчаниях (не названо «мирное сосуществование», возможность свободной смены работы и др. аспекты политики Хрущева, которые РОД, видимо, не включает в свою «освободительную программу»).

2) Брежнев, назначив сионистов А.А.Гречко и Ю.В.Андропова, узурпировал власть Подгорного и Косыгина. Перечисляются зарубежные сионисты, помогавшие в этом Брежневу: Помпиду, Жискара д'Эстен, Брандт, Шмидт, Шеель, Вильсо, Моро, Никсон, Дж.Форд, Трюдо, И.Ганди, Свобода, Гусак, Кадар, Живков, Герек.

3) После отмены на XXII съезде диктатуры пролетариата сионисты поняли, «что пути возврата к их безраздельному господству в СССР отрезаны навсегда. Поэтому они решили развалить

экономику, доказав тем самым ее нежизнеспособность, и перейти к смешанной экономике, включающей государственные и частные предприятия. О целесообразности такой экономики для СССР говорил сионист академик А.Д.Сахаров... , а о необходимости введения частного предпринимательства — Брежнев на сессии Верховного Совета СССР, защищая ст.17 Конституции. Евреям такая экономика позволила бы пустить в оборот нажитые нечестным путем огромные капиталы...» Изложен ряд других претензий к ведению экономики. Разработанная Косыгиным реформа «была сионистами сначала выхолощена, а после ее внедрения дискредитирована».

4) Взяв под контроль армию и КГБ, сионисты начали изгонять с ключевых постов русских и украинцев. Примеры: Брежнев довел в своем кабинете Фурцеву до инфаркта. «Шелест был сражен испытанным сионистским оружием — обвинен в национализме <...> и вскоре отправлен на пенсию, несмотря на крепкое здоровье. Для дискредитации верного сына русского народа, выдающегося государственного и общественного деятеля А.Н.Шелепина, сионисты Кремля инспирировали в Англии, где он находился с делегацией, еврейские демонстрации протеста». По прибытию он «был выведен из состава Политбюро как позорящий партию (!). После этого А.Н.Шелепину и многим его единомышленникам стало ясно, что в Кремле засели сионисты. (Вот он — подлинный момент возникновения РОД!) Полянский стал козлом отпущения... Подгорный был негоден сионистам, так как выступал против исключения из паспорта графы «национальность» и ввел налог на образование для уезжающих евреев (да и его пост понадобился сионистам). <...>

5) Исключение графы «национальность» сорвалось из-за решительных возражений Подгорного, Косыгина, Суслова, Романова, Шелеста.

6) «С полного согласия и тайной поддержки сионистов Кремля возникло движение еврейской интеллигенции за так называемые «права человека», а в последнее время и мизерной прослойки еврейских рабочих за пресловутый независимый профсоюз. С целью придания этому движению законности и оказания ему международной поддержки сионисты совместно с сионистами Запада организовали Хельс.Совещание...» Его Заключительный Акт не имеет юридической силы, а лишь позволяет вмешиваться в дела СССР. «После того как в Москве в 1977 г. борцы за права человека организовали ряд террористических акций, сионисты Кремля были вынуждены провести ряд показательных процессов над членами еврейского движения в СССР».

7) Сионисты «решили возродить культ личности Брежнева с тем, чтобы как и при Сталине жестоко расправиться с русским и украинским народами». <...> Брежнев шантажирует Суслова и Косыгина, "грозя отправить их на пенсию, если они не включатся в кампанию по восхвалению его мнимых заслуг. . . заготовленную хвалебную речь заставили произнести М.А.Суслова, которому впервые (!) пришлось произносить лживую речь. Позднее такая же участь постигла А.Н.Косыгина».

8) Выполняя решение всемирной сионистской организации, желающей обострить отношения СССР с Китаем, Брежнев и Устинов провели провокационные военные учения на границе с Китаем. Мао и банда 4-х — сионисты, Дэн Сяо-пин — истинный китаец, Хуа Го-фен, видимо (тут РОД не вполне уверен), — сионист. «Президент США англичанин Картер, разгадав коварные замыслы сионистов», устанавливает дипломатические отношения с Китаем. Сионисты поняли, что этим сведена на нет возможность нападения СССР на Китай, и дают указания Вьетнаму (где у власти опять же сионисты) провоцировать Китай и Камбоджу <...>

Далее РОД объясняет, как опознавать законспирированных сионистов, что особенно трудно «в случае сионистов от смешанных браков. (!) . . . эксперты РОД раскрыли секрет кода для взаимного опознавания сионистов по фамилии, имени и отчеству». Суть кода проста: русские фамилии происходят исключительно от русских слов, в основном это полные мужские имена и существительные или сочетания существительных с прилагательными. Аналогично — украинские фамилии. Однако нужна осторожность — русские фамилии из украинских слов и наоборот — уже сионистские, равно как и фамилии от сокращенных или женских имен, глаголов, числительных, прилагательных, содержащих частицу «не» и др. (Ковалев, Пономаренко, Гришин, Черненко, Брежнев, Первухин, Китаев, Михайловский, Вознесенский, Ненашев, Машеров, Устинов и т.п.). Есть, конечно, и внешние признаки: взгляд разбегающийся, нос внушительных размеров, лоб сильно скошен назад, уши оттопырены, руки покрыты волосами, походка утиная и др. «Опыт, приобретенный Вами в результате систематического наблюдения за сионистами, позволит Вам почти безошибочно опознавать их. При этом следует помнить, что сионистом может быть голубоглазый блондин».

«РОД с великой надеждой будет молить Бога за то (!), чтобы проснулись Вы от кошмарного сионистского гипноза и ясно осознали свой гражданский долг и ответственность за судьбы своих народов, которые сионисты Кремля хотят превратить в пушечное мясо в подготавливаемой войне с Китаем. Наши верные сыны

(!) Косыгин, Суслов, Романов, Кириленко находятся в сионистских тисках и не в состоянии без Вашей помощи изменить ход событий». Требуется: распространять «Обращение» (военнослужащим, сотрудникам МВД и КГБ и студентам — разослать по почте); вычеркивать на выборах сионистов («не входя в кабину, на ходу»); провести в Верх. Совет Шелепина (вместо Демичева) и Подгорного с Шелестом <...>, отмежеваться от избирательной кампании сиониста Медведева.

Итак, в предчувствии близящейся смены руководства мы получаем относительно достоверную раскладку сил в Кремле. За это — спасибо РОД <...> не вполне ясны позиции Суслова, Косыгина, Романова и Кириленко. Они могут быть единомышленниками РОД, но, возможно, принадлежат «центру». Текст производит впечатление скорее льстивого заманивания первых двух в свой лагерь. Нежелание при этом подолниться к Романову и Кириленко вероятнее всего служит дополнительным доказательством того, что авторы привыкли смотреть на последних «сверху вниз». Отсутствие упоминаний о Кулакове и Мазурове позволяет предположить, что те принадлежали к «сионистскому» лагерю). <...>

Принципиальное значение имеет полное отсутствие мотива нападения Китая на нас. Это подтверждает известное мнение, что сегодняшний страх перед «желтой опасностью» — принадлежность недостаточно информированных кругов и раздувается намеренно.

Полное умолчание о диссидентах русофильского толка оставляет простор для размышлений о роли «Письма вождям» в духовном развитии РОД. Не надеется ли РОД противопоставить «единому фронту» от Сахарова до Брежнева столь же «единый» фронт от Солженицына до Суслова?

<...> документ хорошо демонстрирует нравственный и интеллектуальный уровень нашего руководства; этим он, конечно, не разглашает великой государственной тайны.

21 марта 1979 г.

1Б9. Г.А.ФРЕЙМАН. Оказывается, я еврей (два фрагмента).
Евреи в СССР, 18, июнь 1978 г., 74 стр.

Трудности высшего образования. <...> С ситуацией в одной области — в математике я знаком детально. В МГУ мой выпуск — 1949 года. Евреев на нашем курсе было не менее четверти. В дальнейшем, в 50-60 гг. доля эта едва опускалась до одной пятой. На днях я просматривал в МГУ список студентов, перешедших на

2-й курс мехмата. Я не нашел там ни одной еврейской фамилии. Два года назад на матмехе Ленинградского университета в списке принятых на несколько сот человек я обнаружил не более двух-трех еврейских фамилий. <...> Факты эти имеют общее значение, ибо МГУ, ЛГУ и Новосибирский университет, где также избивают евреев, дают львиную долю общего числа творчески работающих математиков <...> Возьмите журнал «Квант», там из номера в номер печатают фамилии школьников, которые решают задачи лучше всех <...> Проследите судьбу этих ребят. Сколько из них, из тех, кто мог бы составить славу нашей науки, будут конструировать типовые детали в отраслевых КБ? И не потеряет ли наша страна, если, отчаявшись, кто-то из этих юношей ее покинет? А наука, что станется с математикой? <...>

Механизм отклонения. <...> В. сдал оба экзамена по математике на 5, по физике, при очень придирчивом экзамене, — на 4. По сочинению, написанному без ошибок, получил 2. Резолюция: «Вы раскрыли тему патриотизма, а не тему Родины» <...> 3. получил первую премию на всесоюзной математической олимпиаде и двойку на конкурсном экзамене по математике. Почему такое сочетание маловероятно? Победитель такой олимпиады — первый среди миллионов. Задачи там трудные, что отнюдь не каждый профессор их решит... <...> Этим занимались специальные люди, принимавшие экзамены в группах, где и были сосредоточены абитуриенты-евреи <...> Экзамен проходит внешне нормально, все очень просто — предлагаются задачи, на порядок более трудные, чем обычные. (Автор приводит убедительные примеры задач различных степеней трудности.) Задача совершенно нестандартная. На всю страну найдется, вероятно, несколько десятков школьников, которые ее решат. Я справился с ней тремя приемами за несколько дней. Мой коллега, доцент-геометр, работал над ней три дня, и когда решил, специально позвонил из Калинина. <...> Предлагать такую задачу на вступительных экзаменах могут только очень недобросовестные люди, а она в этом году предлагалась. В особых случаях. Задача 5 невероятной трудности, ее ни на каких олимпиадах предлагать нельзя. <...> Эту задачу получил на прошлогодних экзаменах Саша Новодворский, сводный брат которого уехал недавно в Израиль. <...>

Итак, существует особый экзамен: «трудные задачи — евреям». В особых случаях, как правило, результаты устного экзамена были ниже, чем письменного, и ни разу более высокими, а в общем случае — наоборот.

<...> Контроль можно было проводить только по звучанию имен и фамилий. Я сделал выписки <...> 36 человек из моего

списка распределились следующим образом: по одному человеку в группе — 8 групп, по 2 — 6 групп, в 3 группах было по 3, по 6 и по 7 чел. соответственно. Если 36 чел. распределить по 60 группам случайным образом, то в группе, как правило, встретится не более одного человека из нашего списка, скопления по 2 и больше — явления маловероятные <...> Я вспомнил, что я математик, и оценил вероятность. Оказалось, что она не превышает 10^{-19} .

Можно ли три раза угадать 5 чисел из 36 в игре спортлото? Итак, оказалось, что мои 36 человек скомпонованы по группам отнюдь не случайно. А вот итог. Из моего списка прошло по конкурсу трое. Вероятность этого события — одна стотысячная — прошел один еврей из двенадцати, тогда как в среднем — каждый второй человек.

Письмо Президенту Академии наук

Товарищ Президент! Вы недавно заняли свой высокий пост. Вам предстоит совершить дело восстановления справедливости. Речь идет об уничтожении воинствующего антисемитизма в математике. <...>

Речь не идет, как обычно в таких случаях, о чем-то бесформенном и неуловимом. Конкретные адреса: Математический ин-т АН СССР, Экспертный совет по математике и механике ВАКа. Конкретные люди. Я назову лишь некоторых из них, наиболее активных. Акад. И.М.Виноградов, чл.-корреспонденты АН СССР А.Н.Ширшов, Ю.Л.Ершов, С.В.Яблонский, доктора физ.-мат. наук А.А.Карацуба и П.Л.Ульянов. То, что они делают, — это преступление против науки, не говоря уже о мотивах, которые не только аморальны, но и наказуемы по советской конституции и законодательству.

Они сознательно и целеустремленно в массовом порядке отклоняют через Экспертный Совет ВАКа хорошие диссертации, авторы которых — евреи <...> Дело зашло так далеко, что не пытаются соблюсти и видимость благопристойности: среди вызываемых на Экзекуцию на заседание Экспертного совета две трети, три четверти, а есть случаи и все сто (!) процентов — евреи.

Когда Вы начнете разбираться в сути дела, <...> Вам откроется клоака научной беспринципности. Отрицательные отзывы, заведомо ложные, чисто вкусовые, игнорирующие всякие формы научной критики, откровенно безграмотные. Заседания, в 15–20 минут отклоняющие работы, подводящие итог многолетнему сложному труду, имеющие положительную оценку многих специалистов, международное признание <...> Амбиция, заставляя-

ющая настаивать на одиозных решениях, вызвавших всеобщее возмущение <...>

Я обвиняю И.М.Виноградова в том, что он является главным организатором и вдохновителем антисемитизма в нашей математике. Пусть на склоне лет задумается он, кого увидит, глядясь в зеркало истории: выдающегося творца или отравителя духа справедливого научного исследования. Я обвиняю А.А.Карацубу в том, что он, в противовес практически всеобщему мнению специалистов, шельмовал и проваливал хорошие и даже выдающиеся работы по теории чисел, руководствуясь лишь национальными антипатиями <...> Я обвиняю Ю.Л.Ершова и А.И.Ширшова в том, что они создали нетерпимое положение в алгебраической науке <...> Я обвиняю П.Л.Ульянова, который при приеме в МГУ нарушал нормы справедливого отбора, способствовал провалу хороших диссертаций в МГУ и в экспертном совете. Я обвиняю С.В.Яблонского в проведении расовой политики в математической кибернетике. Я обвиняю Эксп. Совет ВАКа по мат-ке и мех-ке в нарушении своего служебного долга <...> Я обвиняю Математический ин-т АН в том, что там царит дух антисемитизма и нетерпимости, отравляющий математическую жизнь <...>

Нужно: Полностью сменить состав Эксп. совета. Виноградова срочно отправить на пенсию. Широко открыть все форточки в Стекловском ин-те — там пахнет трупом. <...> Так выполните же свой долг!

Примите, товарищ Президент, уверения в моем глубочайшем уважении к Вам.

Гр.Фрейман, проф., доктор физ.-мат. наук.

1Б10. В.Л. Что такое «введение»? — и другие вопросы.

<...> Книга АНДРЕЯ МОСКОВИТА «Метаполитика» скорее является не дискуссией, а размышлением и вызывает желание не спорить с автором, а попытаться дорисовать, уточнить созданную им сложную, по-своему стройную, немного абстрактную картину Мира в ретроспекции и перспективе. <...>

Главный вопрос книги — чем обеспечивается возможность прихода демократического режима в той или иной стране, и вместе с ним — расцвет экономики государства и подъема всех творческих сил населяющего ее народа. Этот вопрос рассмотрен на примере различных стран и народов на разных этапах развития человеческого общества. «Приход демократического режима, его становление обуславливается духовной зрелостью народа,

нации», — отвечает автор, а мера этой духовной зрелости, ее выражение есть «ведение» каждого гражданина или большинства из них. Пытаясь подтвердить важную роль отдельного человека в движениях народов и гос-в, которые мы привыкли считать стихийными, А.Московит говорит скорее не о том, «что делать», а о том, что следует нести в душе. Несите в душе «ведение» — это рекомендация очень серьезная, не менее универсальная, чем «Тринк!» оракула-бутылки у Рабле: «Пейте! Прильните к источнику знания! Ведайте!» <...>

Ведение включает в себя известный уровень компетентности, умение сопоставить себя с другими гражданами, решимость непрерывно помнить об общественных интересах — «жить не по лжи», хотя не в таком прямом смысле, как это предлагал А.И.Солженицын. Скорее речь идет о том, чтобы «не лгать себе», а не об отстранении от внешней «лжи» или сопротивлении ей. <...> В интерпретации Московита «ведение» приобретает и некоторый религиозный оттенок, в нем появляется подвижничество, самоотречение. В разделе о связи «ведения» с экзистенциализмом этот оттенок особенно выражен.

При конкретном приложении понятия «ведение» ответ на вопрос «Что же нам нести в душе?» оказывается не столь уж ясным. <...> «Ведение» по определению (как мера зрелости народа или нации) тяготеет к ограничению пределами данной страны. В наше время (о котором и для которого написана «Метаполитика») вопрос относительно локальной морали, морали для «внутреннего употребления» оказывается чрезвычайно важным. Сейчас сложная внутривосточная жизнь развитых стран утратила свой автономный характер <...> устойчивость демократической страны в военном отношении, которую А.Московит приводит в качестве критерия «ведения» в Венецианской республике, в применении к современным государствам, таким критерием больше не кажется. Гонка вооружений в стране, принадлежащей к ядерному пулу, приводит к быстрому росту антидемократических организаций, что изменяет подвижное равновесие внутривосточной жизни в сторону «неведения». <...>

Объем моральных устремлений «ведающего гражданина» развитой страны вряд ли может быть ограничен в наше время пределами одного государства <...> Появилось нечто вроде корпоративной морали, действующей в пределах блока нескольких стран. Но подобная корпоративная мораль может оказаться недостаточной. . .

Современный мир отличается несомненным, открытым единством. Он един в экономическом отношении, он един экологиче-

ски, мир един в военном отношении. <...> Предполагать, что, например, США уцелеют в условиях термоядерной войны между Китаем и СССР — это примерно то же самое, что надеяться на сохранение здоровой головы при нелечении гангрены ног. «Ведение», сводящееся к обеспечению благополучия или даже свободы в одной стране, не кажется более достаточным, потому что наше знание уже охватило весь мир. <...>

Осознание того, что всему миру угрожает реальная гибель, уже стало достоянием многих, поэтому распространение надгосударственной общечеловеческой степени «ведения» постепенно становится возможным. <...> По стремлению предупредить вооруженные конфликты между странами и защитить граждан разных стран от притеснений, чинимых гос. аппаратом, можно определить группы «наиболее ведающих» в современном мире. К ним отнесется, в первую очередь, прогрессивная интеллигенция на Западе и оппозиционная правительству интеллигенция на Востоке.

В историко-социологическом анализе Московита содержатся соображения, «приподнятые» над современной политической схваткой. Главное из них — утверждение неслучайности, закономерности возникновения олигархических и даже тиранических форм государственной власти. Автор показывает их невыгодность, аморальность, характерное для них «неведение» в гос-ве, но он далек от того, чтобы приписывать их возникновение злощастному стечению обстоятельств или злой воле отдельных лиц. Превознося демократию, автор не забывает упомянуть об относительной краткости существования, характерной для демократических режимов. Хотя анализ причин падения демократии проведен, «пожалуй», недостаточно подробно, не возникает сомнений в том, что смена «ведения» демократическим обществом «неведением» тоталитарного режима вполне закономерна. В представленной автором картине нет, таким образом, места беспочвенным мечтам об «окончательной победе» пролетариата, сил прогресса, сил демократии и т.п., а значит — есть предпосылки к терпимости в отношениях между государствами с различным типом общественного устройства. Подобная терпимость весьма нехарактерна для повседневной пропаганды, звучащей из Пекина, Москвы, Нью-Йорка или иной столицы. <...>

Одна из центральных мыслей «Метаполитики» заключается в том, что «ведение» и «ведающие» граждане являются опорой демократических режимов и непрременной жертвой режимов тиранических или олигархических.

Что же могут предпринять «ведающие» в стране, отличаю-

щейся высоким уровнем «неведения», напр., в СССР? Прямого ответа на этот вопрос в книге нет, он не соответствовал бы теоретическому характеру произведения. Однако направленность косвенных рекомендаций не вызывает сомнений: терпите муки «ведения» в условиях «неведения», стремитесь к повышению уровня зрелости всего народа — только это и является условием перехода к демократическому правлению, избегайте соблазнов террора и вооруженной борьбы против гос. власти. Эта позиция характерна для советских «диссидентов», пораженных теми ужасами, которыми России пришлось заплатить за достижение Нового строя (напр. за всеобщую грамотность, индустриализацию, повышение боеспособности страны, создание сети мед. обслуживания и т.п.).

Нелегко возражать, когда аргументом против революции служат многие миллионы граждан, погибшие в концлагерях и на войне. Однако осмелюсь высказать мнение, что и эта наша ужасная Российская революция произошла не по злему умыслу или случайности. Как и все действительные революции (не завезенные извне), она не могла не произойти, так как Российское государство к 1917 г. действительно находилось в тупике, из которого, видимо, не было «постепенного» выхода <...> «Ведали» или «не ведали» свершители революции? Они «не ведали» ее последствий, представляли их в идеализированном виде, но «ведали» тот факт, что сословная монархия не может более управлять, фактически — не управляет страной, и что она доказала свою неспособность к политическим компромиссам. Можно с достаточной уверенностью сказать, что и в дальнейшем при возникновении аналогичных ситуаций в той или иной стране будет появляться реальная возможность вооруженной борьбы за власть — со всеми ее ужасающими последствиями. Пожалуй, если наиболее мыслящая часть общества («ведающие») априори откажутся от участия в борьбе за власть, то она принесет стране еще больше разрушений, нелепостей и крови. <...>

Одно — очень тонкое — замечание автора заключается в том, что «ведающие» граждане знают, в общем, все то же, что остальные (подразумевается — образованные) люди. Однако «ведающие» не пренебрегают своими знаниями, не отмахиваются от них с циничным «а, все одно...»; знания становятся для них моральным фактором, мотивом жизнедеятельности. Словом, они принимают это знание всерьез... Что ж в этом смысле — да здравствует «ведение»!

Примечание. Отклик В.Л. не отражает некоторых важных аспектов книги А.Московита «Метаполитика» (1978, Strathcona Publishing Co.). В частности, не отражена абсолютная система понятий, позволяющая

дедуктивно извлекать некоторые утверждения про исторический процесс, выполняющиеся с неплохой (если принять во внимание сложность моделируемого явления) точностью. Схема Московита представляет несомненный интерес в связи с вопросом о принципиальной возможности теоретической истории.

Р.

В. Содержание свежих номеров

1В1. Калуга. Июль 1978. Сборник

Сборник целиком посвящен процессу над Александром Гинзбургом. В него входят комментированная запись судебного заседания (10-13.07.1978, Калужский областной суд) и тексты заявлений и обращений по этому поводу в следующей последовательности:

Запись первого дня суда с пересказом обвинительного заключения. — Обращение И.Жолковской (жена А.Гинзбурга) к мировой общественности по поводу здоровья мужа. — Заявление для печати С.Поликанова по поводу состояния здоровья Гинзбурга. — Заявление з/к Владимирской тюрьмы и Пермского лагеря 36 в Калужскую прокуратуру с просьбой о вызове в качестве свидетелей. — Заявление с просьбой допущения в суд от В.Помазова, В.Лашковой, С.Ходоровича. — Заявление о необходимости главного суда (16 подписей). — Ф.Светов. «Первый день». Очерк о происходящем у здания суда. — Запись второго дня с заявлением И.Жолковской по поводу ее удаления из зала суда. — Заявление для печати И.Жолковской по поводу лживых показаний свидетеля Градобоева. — М.Ланда. «Против клеветы на А.Гинзбурга». Заявление по поводу использования судом показаний лжесвидетелей Градобоева, Иванова, Хвощева, Левашова и др. — Заявление для печати С.Поликанова по поводу закрытого характера суда. — Заявление по поводу клеветнических показаний Градобоева о «диссидентах» (45 подписей). — Запись 3-го дня с пересказом речи государственного обвинителя. — Заявление для печати И.Жолковской по поводу отказа в разрешении присутствовать на суде. — Телеграммы И.Жолковской Брежневу и Андропову. — Запись 4-го дня с пересказом защитительной речи А.Гинзбурга и текста приговора. — М.Ланда. «Возле здания суда над А.Гинзбургом». — Н.Федорова-Бузырева. «Мои свидетельские показания». — В.Владимов. «Лик моего народа». — И.Жолковская. «Вместо

эпилога». — А.Бабенышев. «Вокруг и около, или в стане литературных героев». — В.Помазов. «После суда». — Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Документ 56 по поводу процессов над А.Щаранским, В.Пяткусом, и А.Гинзбургом. 15.07.1978. — Письмо той же группы президенту МОК лорду Килланину, призывающее потребовать освобождения узников совести в СССР. — Из газеты «Знамя» Калужского обкома — А.Щеглов. «Низость души». — Обращение представителей общественности по поводу судебных процессов 1978 г. (119 подписей) — Телеграмма и письма от Е.Давыдова, В.Черновола, Л.Исаковой, В.Некипелова, Ж.Клансье (французский ПЕН-клуб), Н.Строкатовой, Ю.Белова, Е.Пашнина и др. — Кассационная жалоба А.Гинзбурга. — И.Жолковская. «Моя благодарность» — всем тем, кто помог ей собрать 1,5 тыс. рублей судебных издержек и спасти от конфискации дом Гинзбурга (13 кв.м.) в Тарусе.

1В2-3. «Поиски», 1/2, 1978

КУЛЬТУРА: Нравственное значение неофициальной культуры в России (материалы конференции в Ленинграде). — Т.Томищ. Осторожнее — дети. — Т.Палехова. Доживем до следующего слета (репортаж с 21-го слета КСП — клуба самодеятельной песни). — Дж.Хейфер. Переводы с русского (Рецензии на книги Р.Кайзера и Х.Смита «Россия», «Русские», пер. с английского; послесловие переводчика Р.В.)

ВРЕМЯ В ПИСЬМАХ: А.Марченко. Письмо американским рабочим. — Н.Б. Письма в Гоморру (см.1А20).

ВОСКРЕШЕНИЕ: Открытое письмо заключенных в Московской губернской тюрьме (Таганка) по делу «Рабочего съезда» ко всем гражданам (с предварением «23 июля 1918 года...», В.Абрамкин).

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: Читая цензурную прессу (о ст. «Школьные джунгли», Правда, 18.4.1978). — Десять лет ХТС (см.1Б1). — Показательный процесс над йогой. — День смеха в Одессе. — Арест Александра Подрабиника. — Письмо из Тольятти. — Некролог (Юрий Домбровский, см.1А37).

Редколлегия: П.Абовин-Егидес, В.Абрамкин, Р.Лерт, П.Пыжов.

1В4. «Поиски», 3, 1978. 375 стр.

Г.Померанц. Сон о справедливом возмездии (см.1Б5) — П.Абовин-Егидес. Панперсонализм как философия и образ жизни.

ПЕРЕКРЕСТОК: В.Сокирко. Переписка с Парижем.

СТИХИ И ПРОЗА: В.Гершуни. Не стало Толи Яacobсона. — Ю.Домбровский. Ручка, ножка, огуречик... (рассказ). Стихи разных лет (см.1A38). — Г.Безгласный. Крот истории или революции в республике. — По страницам «Голоса» (стихи) (см.1A29). — Памяти М.Байтальского (см.1A39). — М.Байтальский. Отцы, дети, и вероятно, внуки (см.1A41). — В.Гершуни. Словосвязь, Сверлибр. (см.1A28).

ПОВЕГ: Фрагмент «Психическая атака» из поэмы узника Владимирской тюрьмы. — Стихи П.О., заученные наизусть в ин-те им.Сербского другом автора. — Выдержки из письма Ю.Вознесенской (опубликовано ранее в ВПК-3, см.1A7). — Письмо П.А.Подрабинека.

СОПРОТИВЛЕНИЕ: Расправа в Калуге. Публикуются материалы из сб. Калуга (см.1B1): Ф.Светов. «Первый день», В.Владимов. (с измененным названием) «Лик всего народа?» и И.Жолковская. «Вместо эпилога», а также композиция (стихи и публицистика) В.Абрамкина «Есть ли что-нибудь на земле?...»

КУЛЬТУРА: Дискуссия с дискуссией (материалы дискуссии «Классика и мы» и комментарий Р.Лерт) (см.1A23).

ВОСКРЕШЕНИЕ: М.Волошин. Поэзия и революция (Александр Блок и Илья Эренбург).

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: Навстречу выборам (из записок пенсионера М.) (см.1A24).

ПРИЛОЖЕНИЕ: По поводу письма Р.Медведева. От редакции. — Пропагандистская кампания дискредитации правозащитного движения в СССР (из документа номер 62 Московской группы содействия вып. Хельс. согл. от 18.10.1978).

1B5. «Часы», 15. 1978. 253 стр.

Резюме. Накануне 79-го. (см. 1B2).

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: Е.Барбан. Черная музыка, белая свобода. (продолж. из номера 14)

ПОЭЗИЯ: В.Алейников. Стихотворения. — А.Драгомощенко. Упражнения в постоянстве. — Б.Ванталов. Из книги «Болотное серебро».

ПРОЗА: Б.Дышленко. Пять углов (повесть). — М.Мартынов. Последняя часть первая. Ладья темных странствий.

КРИТИКА: Р.Скиф. «Черные доски» Владимира Овчинникова.

ПЕРЕВОДЫ: М.Бубер. Диалог.

ХРОНИКА: На семинаре «Религия и культура» — Б.Иванов. Экспериментальная поэма Льва Рубинштейна. — Присуждение премий имени Андрея Белого (см. 1А30). — Выставки (информация о нескольких квартирных выставках в Ленинграде).

1В6. «37» (без даты, но не ранее июня 1978)

МОСКОВСКИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА):

М.Шейкнер. Предисловие. — Лев Рубинштейн. Из «Программы работ» (1974-1976). «Это все» (1976) — Б.Г. Московский романтический концептуализм.

ПОЭЗИЯ: Всеволод Некрасов (16 стр. экспериментального текста без названия).

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: В.Азарян. Стихи и жизнь М.Светлова.
ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ: Т.Горичева, Б.Иноземцев. Феноменологическая переписка.

ХРИСТИАНСТВО И ИСКУССТВО: Интервью с ленинградским художником А. Васильевым. — Е.Шифферс. Приглашение на паперту.

ПЕРЕВОДЫ: Ж.К.Маркадзе. Икона как зеркало трисолнечного света православия.

ХРОНИКА: Религиозно-философский семинар. (Информация о докладах В.Долинина «Николай Ильин и Лесное Братство», Г.Н. «Об антропософии как об основании для создания современной христианской культуры» и Е.Пазухина «Православие и культура») — Выставки (В.Филимонов о выставках в июне — в мастерских бывшей церкви Кирилла и Мефодия в Сестрорецке). — О выставке Л.Борисова в ДК им. Крупской в Ленинграде.

1В7. «Евреи в СССР», 18. Июнь 1978. 294 стр.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.БУБЕРА (1878-1965):

Ю.Гофман. Кратко о Бубере. — М.Фрицман. Философия Мартина Бубера (1964 г., пер. с англ.)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: М.Элкинс. Закаленные яростью (оконч., нач. в номерах 9-17).

РЕЛИГИЯ: М.Бубер. Возникновение хасидизма. Место хасидизма в религиозной истории. (Две главы из книги «Происхождение и сущность хасидизма», пер. с англ.)

ПРОЗА: Л.Левитин. Выездной. С чем это кушают. — М.Нагель. Служебные неприятности. — Ю.Штейнгауз. Воздушный китаец. — Неизвестный автор. По кругу... По спирали...

Поэзия: М.Царнис. Стихи.

ЭССЕ, СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ: Г.Фрейман. Оказывается, я еврей (см. 1В9) - М.Домальский (см.1А39) Новый, но вечно старый навет. — М.Бубер. Сказание и история (главы из книги «Моисей», пер. с англ.).

ПУБЛИКАЦИИ: От составителей. — Л.Лунц. Родина. Обезьяны идут (пьеса). Об идеологии и публицистике. (Перепечатка из изданий: «Еврейский альманах» (1923), «Веселый альманах» (1923), газета «Новости», номер 3, 1922.)

1В8. «Хроника текущих событий», 50. 1978. 109 стр.

Суд над Орловым (см.1А21) — Суд над Гамсахурдиа — Суд над Гинзбургом (см.1В1) — Суд над Щаранским — Суд над Пяткусом — суд над Лукьяненко — Суд над А.Подрабинеком. — Суды над еврейскими активистами: Демонстрации. — Суд над И.Нудель. — Суд над В.Слепаком. — Суд над М.Слепак. — Суд над И.Бегуном.

СУММА

рж

№ 2 1979

*Всему свое время. Сегодня – время насаждать и
врачевать, время собирать камни. . .*

*Скромная цель этого издания – способствовать
ориентации в бурной и противоречивой духовной
жизни нашей страны, нескромная – искать пути
к СИНТЕЗУ.*

Вместо оглавления

Порядок расположения материалов внутри разделов сравнительно случаен. Условно материалы можно распределить по тематике:

Ф (философия, философия истории) — 2А5, 2А7–9, 2А25–28, 2Б1, 2Б5

И (история и современность) — 2А1, 2А3–13, 2А19–21, 2А23, 2А30, 2Б2–9, 2Б6 Г

О (общественные проблемы) — 2А1–4, 2А14–19а, 2А22–24, 2А31, 2Б1, 2Б8, 2Б9

Л (литература) — 2А10–12, 2А21, 2А27–33, 2Б4–6

Ж (живопись, изобразительное искусство) — 2А26, 2А28, 2А31, 2А34, 2Б5

С (справки об изданиях) — 2А32–33, раздел В, 2Г1–3

К годовщине процесса над Юрием Орловым — 2Б1

В частности:

Продолжение спора «западников» и «славянофилов» — 2А4–9, 2А26

Что есть либерализм? — 2А1, 2А7, 2А26–27, 2Б1

Социализм и еврокоммунизм — 2А3, 2А16, 2А18–19а, 2Б1

Что есть культура? — 2А27–28, 2Б5

Наука и общество — 2А2, 2А13, 2А24–25, 2Б1, 2Б8

Искусство и общество — 2А26, 2А31, 2Б5–6

Что делать сегодня нам? — 2А6, 2А14–15, 2А31, 2Б9

что Западу? — 2А1–4, 2А19а, 2А24, 2Б1

Из истории революции и Гражданской войны — 2А10–12, 2Б7

Восстание в Венгрии — 2А19

Кубинский кризис — 2А20

Реферируемые издания:

«Вестник русского христианского движения» — 2А4-5

«22» — 2А8, 2А21, 2А22а, 2Б3

«Евреи в СССР» — 2В8

«Континент» — 2А2, 2А3, 2А16, 2А18-19а

«Метрополь» — 2А25, 2Б4-5, 2В2, 2А32

«Память» — 2А10-13, Г (см. В2-3)

«Поиски» — 2А14, 2А17, 2А31, 2Б2-3, 2Б9, 2В1

«Синтаксис» — 2А6, 2А9, 2А22

«37» — 2А7, 2А27, 2А34, 2Б6, 2В6-7

«Часы» — 2А26, 2А28-30, 2В3-5

А. Рефераты и выписки

2А1. А.САХАРОВ. Тревога и надежда (Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова). «Хроника», Нью-Йорк, 1978, 198 стр.

Составленная Е.ЯНКЕЛЕВИЧЕМ подборка документов содержит две статьи (см.2А2), обращения в защиту конкретных лиц, послания к различным государственным деятелям и общественным организациям и собраниям, 9 интервью, переписку с Дж.Картером и другие материалы, относящиеся к периоду VI.76-XI.77. Сборник, конечно, показывает удручающую картину жестокого давления властей на движение инакомыслящих и на самого А.Д.Сахарова (последнее в значительной мере осуществляется путем разнообразных преследований членов его семьи). На некоторых документах лежит печать большой усталости. Но в целом сборник совершенно не выглядит пессимистически. Это связано не с тем, что в некотором проценте случаев борьба Сахарова и мировой общественности за облегчение участи тех или иных лиц сопровождается успехами. Гораздо важнее возникающее при чтении сборника ощущение ясного и трезвого понимания проблем и путей возможного развития «страны и мира», ощущение твердой веры в то, что «не все пути Добра закрыты».

Одно из главных мест занимает проблема Запада как силы, способной (несмотря на ряд обсуждаемых трудностей – своекорыстие, рост экстремизма, непоследовательность, отсутствие единства, связанное с европейским предрассудком антиамериканизма, и т. п.) устоять в развивающемся глобальном наступлении тоталитарно-социалистической системы и даже оказать существенное благотворное воздействие на внутреннюю политику стран социалистического лагеря. Приветствуется постановка вопроса о правах человека администрацией Картера и категорически отрицается гипотеза об увеличении репрессий в СССР как следствии такой постановки:

«Непоследовательность в защите прав человека, слабость, даже намек на слабость, податливость шантажу могут привести к трагическим последствиям. Решительное и все нарастающее спокойное давление общественности и официальных инстанций Запада <...> – могут иметь только положительное значение». (95) «Последняя волна репрессий началась до вступления Картера в должность. Конечно, Картер, сделав публичные заявления о правах человека, принял на себя ответственность. Если после общих заявлений не последуют конкретные действия, если общественность США и других стран Запада <...> не поддержит эти заявления и выраженные в них принципы, – <...> то может произойти и дальнейшее расширение репрессий». (108) «В качестве средств давления я считаю допустимыми, например, частичный бойкот научных и культурных контактов или частичное прекращение поставок некоторых видов техники. Я не считаю правильными, однако, такие меры, как полный отказ от предоставления кредитов, отказ в торговле зерном, отказ от переговоров о разоружении. Не следует забывать, что только разрядка создала возможность хотя бы минимального влияния на внутреннюю и внешнюю политику социалистических стран» (94-95). Напоминая, что термин «разрядка» появился в связи с предвоенной политикой уступок Гитлеру, Сахаров пишет: разрядка – «сложное, многостороннее противоборство двух систем, в основе которого лежит противоречие между тоталитаризмом и демократией, между нарушением прав человека и их соблюдением, между стремлением к закрытости общества и его открытости. От исхода этого противоборства зависит конвергенция наших обществ – альтернатива распаду цивилизации и всеобщей гибели» (145).

В качестве решающего средства воздействия на процессы в СССР неоднократно указывается гласность и увеличение свободы информационного обмена. «Закрытость» советского общества обеспечивает его мобилизационные возможности, что наглядно проявилось во время вторжения в Чехословакию в 1968 году, когда большинству советского населения очень легко удалось внушить пропагандистские выдумки о реставрации капитализма в ЧССР, об угрозе со стороны немецких реваншистов и т. п.» (10). «Закрытость общества сама по себе является нарушением прав человека и в то же время создает условия для нарушения международной безопасности» (27).

Этим определяется международное значение Движения за права человека в СССР. Начало Движения Сахаров датирует появлением «Хроники текущих событий» (см. 1Б1) и созданием Инициативной Группы по защите прав человека (в 1969 году; осо-

бо подчеркивается роль Г.Подъяпольского и С.Ковалева). Общее число политзаключенных оценивается в 2000-2500 человек. Перспективы Движения не следует оценивать в прагматических терминах: «Просто мы не можем иначе. Но я считаю, что открытые выступления в защиту прав человека, которые становятся широко известными миллионам людей благодаря передачам зарубежного радио, – создают психологические предпосылки для внутреннего раскрепощения людей и тем самым – для крайне необходимых демократических изменений в стране в будущем» (113).

Наряду с многочисленными нарушениями прав и законности в СССР, особую озабоченность вызывают участившиеся случаи, в которых возникают основания подозревать уголовные действия КГБ, включая политические убийства. Речь идет о нерасследованной гибели баптистов И.В.Билбенко, Н.Н.Дейнеги, Я.И.Шкрабы, литовских католиков М.Тамониса и С.Лукшайте, поэта-переводчика К.Богатырева, юриста Е.В.Врунова, погибшего через несколько часов после встречи с Сахаровым (описан также аналогичный случай с А.В.Яковлевым, факт смерти которого, правда, не документирован), об избиениях (в частности, – академика Д.С.Лихачева), о взрыве в московском метро, о многочисленных письменных и телефонных угрозах.

Сборник снабжен обширными (но все равно иногда недостаточными) и хорошо написанными комментариями составителя. Помимо многочисленных сведений об упомянутых событиях и лицах привлекает внимание следующая формула отказа от показаний: «не считаю для себя возможным принимать участие в деле, направленном на ущемление свободы информационного обмена». Интересны также публикуемые отрывки из речи вице-президента США У.Мондейла (195-197): «Мы будем продолжать настаивать на выполнении странами, подписавшими Хельсинкские соглашения, своих обязательств. Наши усилия по защите прав человека не принесут нам успеха завтра, и мы не утверждаем, что они всегда будут успешны. Но прогресс тем не менее уже виден. Более 12 правительств освободили своих политзаключенных в последние месяцы. Другие отменили военное положение...сократили необоснованные аресты...и приостановили пытки. Некоторые правительства впервые разрешили таким группам, как «Международная Амнистия» и другие, инспектировать положение в их странах. И несколько стран ослабили ограничения на эмиграцию и воссоединение семей <...> В этом направлении важен любой отдельный шаг, но еще более важно то, что сегодня весь мир говорит о правах человека».

Мондейл напоминает еврейскую легенду о 36 праведниках:

«в каждом веке существует 36 личностей, которые совершают божественную работу с таким терпением и праведностью, что Бог разрешает миру продолжать свое существование. Я не знаю, правдива ли эта легенда. Но если это так – Андрей Сахаров один из этих людей . . . ».

С.Ободов

2А2. А.САХАРОВ. Ядерная энергетика и свобода Запада. Континент, 16, 1978, 189-194 (см. также 2А1, 137-141)

Естественная озабоченность современного человека вопросами сохранения окружающей среды нередко приводит в странах Запада к появлению «антиядерных» настроений, к кампаниям протеста против развития ядерной энергетике. В действительности биологический ущерб от электростанции, работающей на угле или нефти, во много раз больше, чем от ядерной электростанции или бридерного реактора. Положение в ядерной энергетике в смысле безопасности и влияния на среду обитания относительно благополучное и ясны пути его дальнейшего улучшения. Возможность похищения делящихся материалов и их использования для производства «самодельных» атомных бомб может быть сведена к минимуму. Вместе с тем ядерная энергетика – это единственная экономически равноценная и реальная в ближайшие десятилетия замена нефти (которая, по большинству оценок, уже к концу столетия станет малодоступной). Поэтому развитие ядерной энергетике — жизненная необходимость. Если экономика США, Западной Европы и Японии будет и дальше в сколько-нибудь существенной степени зависеть от поставок нефти и газа из СССР и находящихся под его влиянием стран, это приведет к унижительной политической зависимости Запада от СССР.

«Инспирирует ли СССР <...> нынешние кампании против развития ядерной энергетике? Мне неизвестны какие-либо достоверные факты этого рода. Если да, то при широко распространенных антиядерных предубеждениях и непонимании неизбежности ядерной эры достаточно незначительных и незаметных усилий, чтобы существенно повлиять на размах этих кампаний. <...> Речь идет не только о комфорте, не только о сохранении так называемого “качества жизни”. Речь идет о более кардинальном вопросе – об экономической и политической независимости, о сохранении свободы для ваших детей и внуков. Я уверен, что правильное решение будет достигнуто».

Статья датирована ноябрем 1977 года; за истекшее время антиядерное движение значительно усилилось, одержав, в частно-

сти, победы на референдумах в Швеции и Австрии. Можно полагать, что недавняя авария близ Гаррисберга в США послужит новым стимулом для расширения этого движения. Все это еще повышает актуальность статьи.

В.О.

2А3. А.САХАРОВ. Интервью итальянскому журналу «Грацше» 31.1.78. Континент, 16, 1978, приложение 12-15.

Наиболее важны ответы на вопросы: «Почему на Западе обращают большое внимание на фашистский тоталитаризм, а почти никакого внимания не обращают на дело несвободы в СССР?» и «Верите ли Вы в социализм как в политико-экономическое учение? Возможен ли социализм с человеческим лицом?» Ответы:

«Я надеюсь, что на Западе все больше и больше начинают понимать, что страна, убившая десятки миллионов своих граждан, не осудившая до конца этих преступлений, закрытая страна несвободы, одновременно обладающая такой огромной мощью и влиянием, – это главная опасность нашего времени для всего человечества». <...>

«Я не теоретик в политико-экономической области – не это главное и четко определенное в моих книгах и выступлениях. Я против тоталитаризма, против нарушений прав человека, против несвободы. Я вижу – да и все это видят, кто хочет смотреть открытыми глазами, – что социализм советского типа, реальный социализм всюду, где он смог выявить свои возможности, неминуемо приводил к партийно-государственной монополии, столь же неминуемо к преступлениям и несвободе. Я за плюрализм власти, за конвергенцию, за экономику смешанного типа, за “человеческое лицо общества”, а как оно будет называться, – не столь для меня важно».

Э.О.

2А4. А.Солженицын. Речь на ассамблее выпускников Гарвардского университета 8.VI.1978. Вестник русского христианского движения, 125, 11-1978, 275-291

Мир расколот, и, если раскол сохранится, ни военное равновесие, ни дипломатия не спасут его от гибели. Конвергенция – иллюзия. Нет третьего мира – это много разных миров. Равновесие с ними не достигнуто, и, возможно, Западу придется отдать им все достояние.

Политическая система Запада формировалась, когда большинство населения придерживалось религиозных моральных норм. Сейчас основная беда и Запада, и Востока – отсутствие моральных норм. Теперь отсутствие ограничений парализует борьбу с аморальностью и преступлениями. Отсутствие моральных норм ведет к эгоцентризму – основной тенденцией стало сохранение *статус-кво*, нежелание перемен и жертв: во внешней политике – чреватое гибелью нежелание бороться со злом, а если бороться – то привлекая другое зло (в XX веке «западная демократия самостоятельно не выиграла ни одной большой войны», сейчас хотели бы загородиться от СССР Китаем), во внутренней – трудность проведения крупных созидательных дел («все время одергивает пресса и парламент», «человек великий, с необычными неожиданными мерками проявиться вообще не может»). Пришла пора отстаивать не столько права людей, сколько их обязанности. Злоупотребляет свободой и пресса, ее характеризует поспешность реакции, поверхностность; публикация идей, существенно отличных от стереотипных, затруднена (аплодисменты вызывает фраза: «Все имеют право все знать» – ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей не знать, не забивать своей божественной души <...> праздною чепухой»). «Совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом». Все это следствие не каких-то ошибок, но ложности исходных идей рационалистического гуманизма-антропоцентризма.

Была теория что [общество] западного типа – конечная цель развития любой страны. Сейчас – «западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой». Для России такой путь был бы во многом путем назад («расслабление человеческих харктеров на Западе и укрепление их на Востоке», «центр вашей демократии и культуры на несколько часов остается без электричества – всего-то, – и сразу же целые толпы американцев бросаются грабить и насиловать»). Со своей стороны, социализм ведет ко всеобщему уничтожению духовной сущности человека (ссылка на «Социализм» И.Шафаревича). Нужен новый тип общества, в котором учитывалась бы духовная природа человека («не будет, как в Средние века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная»).

Примечания референта. Критика Запада в основном правильна, хотя неоригинальна, часто полемически преувеличена и не очень конструктивна. Неизвестных фактов автор не приводит, а близкой гибелью пугали Запад и Маркс, и Шпенглер, теперь – Римский клуб. Хочется верить, что гибкость западной системы делает ее долговечной.

Конкретные замечания: 1) По поводу «мировой, хорошо продуманной стратегии коммунизма» – у Китая и СССР стратегии разные, да есть ли единая стратегия у СССР (скорее это сиюминутная тактика). 2) Вмешательство прессы в личную жизнь относится больше к США, а стремление к *статус-кво* скорее характерно для Европы, которая, действительно, в соответствии с последней стадией этноса по Гумилеву, часто интересуется лишь равновесием с окружающей средой. 3) Автор предлагает в качестве рецепта привычные ему неформальные структуры, но для западного человека, видимо, естественнее менять законы (что и делается). 4) Некоторые критикуемые Солженицыным элементы политики Запада можно, напротив, рассматривать как проявление его силы и морального превосходства – например, элементы непротivления злу насилием.

Л. Ч.

2А5. И. ДУБРОВСКИЙ. «Новые интеллигенты» о Московском Царстве. В. БОРИСОВ. В поисках пропавшей истории. Вестник русского христианского движения, 125, 11-1978, 178-159

Статьи представляют собой полемику с авторами известного сборника «Самосознание» (издательство «Хроника», Нью-Йорк, 1976), в первую очередь с их взглядами на русскую историю. Справедливо указывается определенная субъективность либерально-западнического взгляда на Россию, сугубо подчеркивающего наследственную преемственность многих черт советского режима. Высказывается правдоподобная гипотеза, что западники подразумевают под культурой во многом «лишь сумму известных представлений, отложившихся в сознании образованных слоев русского общества в результате заимствования из западноевропейской культурной традиции» и недооценивают мировоззренческую цельность «допетровского русского мышления» (включая «симфоническую» концепцию власти - см. 1А2 – и представление о самодержавии как о понятии не правовом, а вероучительном). Отмечается несколько прямых ошибок (или оговорок) в критикуемых материалах. Убедительно выглядит критика утверждения Г. Померанца о том, что «русская душа иногда упивалась жестокостью», основанное на бытовании на Руси «Повести о Дракуле» (эта легенда была гораздо более популярна на Западе; разнообразная и весьма значительная книгописная деятельность первого переписчика «Повести» Ефросина не согласуется с образом садиста).

Но в целом полемика выглядит странно. Когда мимоходом А. Копелев пишет, что Петр содействовал расцвету России, а

И.Меерсон-Аксенов считает, что за советской псевдодемократией стоит крепостничество и отсутствие правовых традиций, то речь идет всего лишь о привязке взглядов к общеизвестным (правильным или неправильным – другое дело) точкам зрения. Затевать в этом месте спор с таким видом, будто некоторое уважение к Петру является личным «заскоком» Копелева, по меньшей мере неразумно. Опять спорить с пресловутой аналогией Третий Рим – Третий Интернационал, забывая не только о Бердяеве (как это сделано в сборнике «Из-под глыб»), но и о Горском (вокруг статьи которого и возродилась эта полемика), тоже странно. По каждому из таких вопросов имеет смысл или писать специальное длинное исследование (и то – вряд ли оно окажется общеубедительным), или честно заявить о существовании конкурирующих точек зрения, не записывая противоположные взгляды в «скороспелые и безответственные». В результате высказывания реферируемых статей часто выглядят еще более субъективно, чем в «Самосознании» (например, когда они начинают доказывать, что Грозный был явлением чужеродным и заимствованным – мол, подпал под влияние иностранцев).

Т.Юрьев

2А6. Л.Ладов. Несколько мыслей о России, спровоцированных современными «славянофилами». *Синтаксис*, 2, 1978, 19-35.

Автор вносит свой вклад в обсуждение проблемы: кто имеет и кто не имеет права писать о России и на кого следует рассчитывать в деле ее духовного возрождения – на «святых», готовых пожертвовать собой, или на интеллигенцию, «вращенную в библиотеках». Прежде всего, автор отмечает, что русская общественная мысль начинает проявлять опасную склонность к нетерпимости и ругани. Как пример приводится полемика Бородина с рядом авторов «Вестника РХД», опубликованная в «Гранях» (номер 96). Автор дает свою оценку итогам диссидентского движения за последнее десятилетие: движение носило исключительно западнический характер, что привело постепенно к потере почвы под ногами и «к повальному отрицанию всего советского, а далее – всего русского вообще». Что касается собственно Бородина, то его критику можно переадресовать (это мнение подкреплено цитатами) чтимому самим Бородиным Бердяеву, у которого можно найти все идеи, приписываемые авторам «Вестника» (русский национал-мессианизм, связь его с русским марксизмом, грех народопоклонства и другие; ср. 2А5). Что же касается духовного возрождения

России, то прежде чем пускаться на рискованные социальные эксперименты, следует ответить на целый ряд вопросов: «Как сделать, чтобы менее разрушительными были русская агрессивность и недостаток любви к ближнему своему? Какие институты должны заменить собой <...> правовые учреждения? Какими реформами семьи и детского воспитания победить неистребимый русский инфантилизм? И надо ли его побеждать?» Здесь необходима большая познавательная работа, на которую способна только «устойчивая культуротворная интеллигентская “серединка”, педантично работающая в области национального самопознания».

Р.Г.

2А7. Два письма о либерализме. «37», 16, 1978, 18 стр.

Из предварения к публикации: «Аморфность русского языкового сознания в наши дни достигла крайней степени. Должна быть создана история “отдельных слов”, имевших такую притягательную силу для наших предков <...> Это нужно, чтобы мы обрели устойчивость в современном мире».

Письмо в защиту либерализма констатирует отрицательный ореол этого слова в русском языке (в отличие, например, от английского) и задается вопросом о правомерности такого ореола. Ведь либерализм – это защита прав человека, веротерпимость, идея свободы личности от государства и других общественных институтов (краткое письмо не выявляет мировоззренческой цельности либерального сознания). Вслед за Бердяевым автор решительно настаивает на принципиальном различии либеральной и демократической идей (суверенитет личности – суверенитет большинства).

Пафос либерализма – пафос формального начала, почему он и чужд русскому сознанию. Отсутствие чувства формы – недостаток России. Солженицын, критикуя Запад, исходит из отсутствия там общего принципа, единого идеала (см. 2А4). В действительности общие идеи у Запада есть, но они формальны. (Идеи свободы и личности автор считает чисто формальными; представляется, что при запрашивающемся содержательном понимании этих идей в духе персонализма либерализм, не теряя ни одной существенной черты, выявляет свои метафизические корни и глубину.)

Автор письма против либерализма склонен возводить отрицательное отношение в России к слову «либерал» уже к декабристским временам («Модных бредней дурачок / корчит либерала» – эта цитата из Д.Давыдова не слишком убеждает). Далее либерализм рассматривается как мировое явление, дух либерализма

трактуются (наряду с марксизмом и анархизмом) как разновидность «универсальной духовной болезни» – нигилизма (в смысле Ницше). Свои обвинения автор основывает отчасти на фактах, отчасти на натяжках («отказавшись от практического приложения всех своих идей, он в XX веке <...> переживает второе рождение, но уже в чисто интеллектуальной словесной сфере»). «Свобода личности или религиозно санкционируется, или завоевывается» и, справедливо отмечает автор, наивно выводить ее из «естественного состояния». Провозгласив политическое равенство, либерализм внушил преувеличенное представление о человеке, что свидетельствует о «глубокой безответственности перед силами религии и истории»: политическое равенство, дескать, «должно привести к борьбе за равенство социальное и экономическое, т. е. к цепи войн и революций, к войне всех против всех» (автор не понимает, что механизмы согласования интересов, составляющие главное практическое содержание либерального движения, как раз направлены на смягчение социальных конфликтов). Убедительно апеллируя к отрицательным чертам французской и других революций, автор почти игнорирует положительный опыт либерализма.

Подчеркивается тесная связь либерализма с идеей прогресса, однако: «человеческое общество в массе своей неуклонно регрессирует, тогда как либералов <...> становится все больше и больше». Объяснение: сейчас либералами становятся под влиянием страха перед зловещей реальностью и нежелания серьезно думать об альтернативе». В этой мрачной картине остается место для нескольких добрых слов: «верность перед лицом иррациональной и агрессивной действительности принципам, имеющим формально-нравственный характер, придает либерализму черты стоической мужественности». «Одним из признаков духовного освежения либерализма может служить стремление к философскому осмыслению своих религиозных и политических предпосылок, что <...> сближает его с современным персонализмом. <...> я не рискую углубляться в разговор о современном либерализме, хотя бы из-за недостатка информации».

Напоследок забавное наблюдение автора писем: «аллюзионизм в поэзии – верный признак либерального сознания».

Т.Юрьев

2А8. А. Янов. Судьба русской идеи. «22», 1, 1978. Н.ПРАТ.
Еще раз по поводу «русской идеи». «22», 3, 1978

Автор – крупный специалист в истории русской социальной мысли (см. его «Третий путь», «Из истории русской консервативной мысли в XVI–XIX столетиях», 2А9 и другие работы), искренне любящий Россию в лице ее творческого и мыслящего элемента. С этих любовных позиций следует воспринимать его полемику с Солженицыным. Он напуган тем, что Солженицын вступил на тропу национальной идеи, последствия чего Янов прогнозирует, опираясь на уже завершившийся цикл развития славянофильской идеи от Аксакова (1840) до Шарапова (1901): «Ведомо ли им (авторам сборника «Из-под глыб». – Л.П.Н.), что все, что возвещают они современному миру как самоновейшую весть о спасении, *уже было* возвещено в России столетие назад? Более того, не только возвещено, но в значительной степени и реализовано? Что все это было проверено в гигантском историческом эксперименте и – окончилось катастрофой?» По мнению референта, убедительно доказано в статье лишь первое из этих высказываний. Второе остается правдоподобным, а третье представляется ошибочным.

Автор – компаративист и всегда стремится сравнивать аналогичные (хотя бы и враждебные) течения, возникавшие в разных странах. В частности, славянофильство он выводит не из русского духа, но из немецких романтиков и сближает его со структурально гомологичным ему тевтонофильством. Этот тезис, похоже, верен: К.Аксаков наверняка лучше знал Фихте, Гримма, Шиллера и Шлейермахера, нежели русские былины, не говоря уж о российских нравах и бытовых подробностях, выше которых (подробностей) он, бесспорно, стоял духом.

К.Аксаков избран как представитель «славянофилов первого призыва». Обуреваемый непримиримой ненавистью к николаевской деспотии (как Солженицын – к сталинской), он жаждет свободы духа, усматривая ее фундамент в вере, нравственной целостности и национализме. Николай, это омерзительное воплощение нерусского чиновного Петербурга, т. е. западного влияния, конечно, будет сметен истинно русским духом, а заимствовать у Запада нам, слава Богу, больше и нечего, от многого лишнего впору бы отказаться. Во всяком случае, не заимствовать же «партии» и «продажные политические свободы». Из-за такой платформы славянофилы не желали единения с западниками. В 1855 году и те и другие противостояли деспотизму с воплем: «Свобода!», но западники начали более активную борьбу с властью, а не желавшие с ними контактов славянофилы тем самым вынуждены были от борьбы-то с деспотизмом отказаться! И поначалу вроде бы

ничтожное различие привело к неизбежной эволюции – представитель второго призыва славянофилов Данилевский исключил из фундамента славянофильства нравственный фактор, заменив его биологически-политическим предназначением. От Аксакова было взято лишь учение о самобытности и предназначении России. Данилевский учил, что «славянство исполнит свое историческое предназначение лишь преобразившись в гигантскую сверхдержаву под водительством России», причем «для всякого славянина <...> после Бога и святой церкви идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага». Филиппики против Запада остаются, приобретая специальный оттенок направленности против «образованщины»: «Гнилой Запад – да, гнилой – так и брызжет, так и смердит отовсюду, где только интеллигенция наша пробовала воцаряться», — писал К.Леонтьев, впрочем, предпочитавший жить не в России, а в жизнеобильной Элладе.

Славянофилы третьего-четвертого призыва (Скобелев, Шараров) произвели в «гнилом Западе» различие между Францией (уже умершей и не опасной) и Германией («позднее дитя латино-германского мира <...>, не имеющее никаких идеалов, кроме заимствованных у еврейства, не может не ненавидеть новую культуру, новый свет мира (сиречь Россию в 1900)»). Шараров мечтает: «Персия представляет нашу провинцию, такую же как Хива, Бухара и Афганистан, Западная граница у Данцига, вся Восточная Пруссия, далее Австрия, Чехия с Моравией <...> Царство польское, Венгрия с Будапештом, Сербо-Хорватия, Румыния с Бухарестом, Болгария с Софией и Адрианополем, Греция с Афинами». Такова идеальная Русская империя в 1951 году (сравните, сколько похожа шараровская греза на реальную империю). Единственная беда в этой империи такая: «Речь шла о непомерном размножении в Москве еврейского и иностранного элемента». В утопии Шарарова проблема разрешается благополучно: на Западе своих евреев хватало, «из Палестины их усердно гнали арабы», и волчий капкан вокруг евреев сомкнулся, погибель их была предрешена, причем гуманными средствами – не брали ни на какую работу, кроме черной. Эти красочные прогнозы воспринимаются сегодня очень эффектно – особенно после писаний Емельянова, после сочинения «Христианская чума» или Манифеста РОД (1Б8). И хотя они убеждают в том, что национальная позиция может породить соблазн и искушение, но они не доказывают неизбежности впадения в сей соблазн. Ведь Солженицын избежал ошибки Аксакова – не отрекся от борьбы против деспотизма. Что касается утверждения об экспериментальной проверке славянофильства, то неясно, что

собственно автор имеет в виду – то ли поражение черносотенства, то ли победу имперской идеи, то ли что еще.

В статье Н.Прат совершенно справедливо напоминает, что славянофильство не сводится исключительно к своему политическому содержанию, что как всякий национальный мессианизм оно богато философскими и религиозными идеями и т.п. Однако эти соображения кажутся мне нерелевантными при рассмотрении статьи Янова: ведь он намеренно ограничился именно вопросом об эволюции политических идей славянофильства.

Л.П.Нестор

2А9. А.Янов. Идеальное государство Геннадия Шиманова. Синтаксис, 1, 1978, 31-56.

Очень богатое удачно выбранными цитатами изложение взглядов Шиманова по вопросам судеб России, хотя, впрочем, придающее этому смехотворному и маловлиятельному автору некое величественное и роковое значение. Повторяя свои идеи (см. 2А8) о развитии идеи национализма (так называемой «Диссидентской Правой»), автор приписывает Шиманову роль идеолога второй ступени (гомологичного роли К.Леонтьева) и с ужасом предрекает близкое появление «новой тоталитарной и имперской доктрины» – т. е. третьей стадии.

Л.П.Нестор

Примечание. Яновская теория «Диссидентской Правой», основанная на глубоких структурных параллелях со славянофильством, явно обладает прогностической силой. Подобие Леонтьева и Шиманова убедительно вне зависимости от оценки личных способностей последнего (кстати, кажется, заниженных рецензентом).

Р.

2А10. В.Г.КОРОЛЕНКО. Из дневников 1917-1921 гг. Память, 2, 374-421.

В 1917-1919 власть в Полтаве менялась с головокружительной быстротой (австро-германские части, войска Скоропадского, петлюровцы, денкиинцы, большевики, махновцы и т.д.). В это страшное время В.Г. был с теми немногими, кто считал в равной мере пагубным и красный и белый террор, кто делал все возможное и невозможное, чтобы защитить жертвы любого насилия и произвола. Дневники – яркое свидетельство неравной борьбы В.Г.

Составители отмечают, что полное представление о дневниках можно получить, только читая параллельно книгу С.В.Короленко («Книга об отце», Ижевск, 1968) и публикуемый текст: «Только в этом случае тенденции обеих публикаций (одна – выделяющая противостояние В.Г.Короленко белым, другая – большевикам) дополнят друг друга». Далее выписки:

<...> Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. <...> Мне сообщили, что в совете можно говорить все, что угодно, не советовали только употреблять слово «родина». Большевики уже так нашколили ту темную массу на «интернациональный» лад, что слово «родина» действует на нее как красное сукно на быка.

<...> Да, русская душа – какая-то бесскелетная. У души тоже должен быть свой скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии. Этим скелетом души должна быть вера <...> или религиозная в прямом смысле, или «убежденная», но такая, за которую стоят «даже до смерти», которая не поддается софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку свое «не могу». И не потому не могу, что то или другое полезно или вредно практически, а потому, что есть во мне нечто, не гнущееся в эту сторону.

<...> И этому народу, не умеющему пустить поезда, внушили, что он способен пустить всю европейскую жизнь по социалистическим рельсам. Идиотство... Кровавое и безумное. <...> Вообще теперь на русской почве стоят лицом к лицу две утопии. Одна желает вернуть старое со всем его гнусным содержанием <...> Утопии реакционной противостоит другая утопия – большевистского максимализма. Они сразу водворяют будущий строй на место капиталистического. Они объявили «власть пролетариата и крестьянства», но это, конечно, только номинально. Фальсифицируя и насилуя выборы, они стремятся сделать все декретами и приказами, то есть приемами мертво бюрократическими. Лозунг привлекает к ним массы, которые склонны в общем признавать «власть советов». Но явные неудачи в созидательной работе раздражают большевиков, и они роковым образом переходят к мерам подавления и насилия. Им приходится вводить социализм без свободы. Они повторяют формулу самодержавия: сначала успокоение, потом свобода. Они задавили печать и самоуправление (деникинцы признавали и то и другое в большей степени), они чувствуют, что и рабочая среда теперь далеко не за них, и им

роковым образом приходится брести все глубже и глубже в заливающих их движение волнах насилия и себялюбия. Воровство в их учреждениях страшное.

<...> Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы – большевиков. Большевики – добровольцев. . . Но озверение проникло всюду. <...> Всякая перемена власти ведет за собой новую вспышку доносительства.

<...> В повстанческом движении заметна ненависть к коммунизму и юдофобство. – «Мы теперь под властью жидов». Они не видят, что масса еврейская разных классов сама стонет под давлением преследования, реквизиций и произвола <...> Смотришь кругом – и не видишь, откуда придет спасение несчастной страны. Добровольцы <...> отметили свое господство, а особенно отступление, сплошной резней еврейского населения <...> Вообще в этой «партии порядка» – порядка оказалось гораздо меньше, чем при большевиках.

О разговоре с председателем ЧК Долгополовым. «Ах, знаете, отец Короленко! Когда я рассказывал о коммунизме в одном собрании. . . А там был священник. То он встал и крикнул: если вам это удастся сделать, то я брошу священство и пойду к вам . . . »

На лице Долгополова лежит отпечаток какого-то умиления. Я вспоминаю, что чрезвычайка уже при нем расстреливала и покушалась расстреливать без всякого суда. . .

<...> Свойство всякой «охранки» – неизбежно плодить безответственно глупые дела. Революционная охранка ничем не отличается от жандармской. <...> Революция чрезвычайек сразу подвинула нас на столетия назад в отношении отправления правосудия. <...> новый строй достиг при обысках «почти жандармского» совершенства. Но затем – жандармы не имели права расстреливать, а Ч.К. делает это, не стеснясь никакой судебной процедурой.

<...> Одно из непосредственных последствий большевизма – обеднение России интеллигенцией. Одни погибают как инакомыслящие, другие – как прямые противники, третьи – просто как «буржуи», четвертые потому, что выбиты из колеи. Эту зиму не переживут очень многие.

<...> Русский народ якобы религиозен. Но теперь религии нигде не чувствуется. Ничто «не грех». Это в народе. То же и в интеллигенции. <...> Для нас «нет греха» в участии в любой преуспевающей в это время лжи.

По поводу «лопатников»: Мне противна телячья покорность, с которой крестьянская среда стала подчиняться подлым насилиям разбойников, которых все знают наперечет. <...> Американцы давно устроили бы суд Линча. И это достойнее человека.

Нескончаемая цепь насилий и попыток В.Г. им противостоять (успешных и безуспешных) – отражена в дневниках и не отражена в выписках.

Н.К-а

2А11. Два письма В.Г.КОРОЛЕНКО А.М.Горькому. Память, 2, 422-428.

1. 19.5.1920. Рекомендательное письмо о деле З.М.Шнеерсона, который с помощью Горького надеялся отстоять еврейскую школу в Любавиче.

Школа «существует уже 30 лет и очевидно имеет какие-то корни в бытовой и умственной жизни еврейства. Большевики распорядились с нею так, как вообще распоряжаются со многими сложными явлениями: они решили изгнать ее, а здание отдать молодым скаутам. <...> Себя далеко не могу считать человеком религиозным. Но у меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры».

2. 9.8.1921. Ответ на предложение Горького написать обращение к Европе о помощи голодающей России (закончить работу над обращением В.Г. не успел, в архиве сохранились черновики воззвания «К честным людям за границей»).

«Я прочел то, что писал Уэльс, и меня поразило, как этот англичанин мог так верно понять положение России. Правда, мне хотелось не однажды бросить книгу из-за ее презрения к нашему отечеству. <...> Но наконец я понял Уэльса и примирился с ним. Дело в том, что всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет, пока, конечно, не свергнет его. Россия свергла царизм. Но значит ли это, что она шагнула так, что опередила всю Европу <...>, эти чудеса случаются только на митингах. Россия свергла только царизм, который и то терпела слишком долго. История сыграла над Россией очень скверную шутку. Россия слишком долго допускала у себя бездарное правительство и подчинялась ему. Это правительство держало страну вне всякой политической самостоятельности. Прежний режим был слеп и не замечал со своей «диктатурой дворянства», что он растит только слепую вражду. <...> Лишенный политического смысла народ

тотчас же подчинился первому, кто взял палку. Это были коммунисты. Они удовлетворили долго назревавшей вражде и этим овладели настроением народа. <...>

Наше правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть населения, отняли у нее землю, и теперь земля лежит впусте. <...> Опять повторяю: нужно вернуться к свободе. Многие уже испорчено, но если что может нас вернуть к подобию прежнего благосостояния, то только возвращение к свободе. Прежде всего к свободе торговли. Затем к свободе печати, свободе мнения <...> русский народ заслужил своим долготерпением большевиков. Они довели народ на край пропасти. Но мы видели деникинцев и Врангеля. Они слишком тяготели к помещикам и царизму. А это еще хуже. <...> Если возможен выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе».

Р.

2А12. Неопубликованное интервью В.Г.Короленко. Память, 2, 429-431

Из интервью, данного писателем корреспонденту РОСТА 26.6.1919:

«Основная ошибка Советской власти – это попытка ввести социализм без свободы. <...>

Знаю, что вся жизнь проникнута теперь каким-то озверением. К представителям всех сменяющих друг друга режимов я обращаюсь с призывом к человечности и с выражением уверенности, что знаменем партии, которой суждена победа в настоящей свалке, будет обращение к человеческим приемам борьбы. Мужество в открытом бою за свои идеи и человечность в отношении к побежденному противнику – такова формула человеческой борьбы, если она неизбежна. <...> считаю проявления красного террора проявлением не силы, а слабости и страха».

Н.К-а

2А13. М.Поповский. Дело Вавилова. Память, 2, 263-371

Публикуются три главы из книги, посвященной последним 15 годам жизни академика Н.И.Вавилова. На основании архивных документов и неопубликованных воспоминаний описывается следствие над академиком и смерть Вавилова в тюрьме. Также прослеживаются судьбы его института и сотрудников в то время. Автор является, по-видимому, единственным исследователем, кото-

рому удалось проникнуть в архивы НКВД; приводятся многочисленные материалы доносов и фамилии доносчиков. Следователь по делу – А.Г.Хват («хотя прокурор признал “дело” Вавилова грубой фальсификацией, Хват <...> и сегодня живет в центре Москвы, в добротном ведомственном доме, и получает свою полковничью пенсию...»).

В предпосланном публикации интервью – обстоятельства двадцатилетней работы автора над книгой и очерк борьбы вокруг посмертной судьбы Вавилова в советском обществе. Описано, как в период «растерянности чиновников всех рангов» после крушения Хрущева возникла неожиданная полуторалетняя политика открытых дверей в архивах; тогда (IV.65) автору и удалось на полторы недели получить доступ к «Следственному делу 1500». Описана атмосфера публичных выступлений автора в 1960-х годах, во время которых читались, в частности, доносы присутствующих в зале администраторов и профессоров. «Я считаю, что те подлинные человеческие чувства, которые удавалось вызывать, читая засекреченные бумаги, имели для моих слушателей оздоравливающий характер». Существенное место в интервью занимает тема трагической вины Вавилова, шедшего в интересах науки на нравственные компромиссы (фотографирование крепостей во время экспедиции на индо-афганской границе – «пустили только под этим условием»; апологетические лекции на Западе в годы развала сельского хозяйства и арестов многих биологов; «выращивание» из тактических соображений собственного будущего «убийцы» Лысенко). На примерах В.Хавкина, Вавилова и В.Ф.Войно-Ясенецкого автор анализировал варианты поведения советского ученого. «Всего было три типа: люди, которые уехали; затем большая часть – те, кто остался и пытался как-то с властью солидаризоваться, вместе с властью работать; и, наконец, те, кто сопротивлялся в пределах собственной судьбы, оставаясь лояльным к власти в целом. Эти третьи пытались сохранить здесь свою личность (что и приводило их к конфронтации с властями). Из трех вариантов, по моему мнению, оптимальным является последний».

Р.

2А14. П.РАСТИН. **Неполитические письма.** *Поиски*, 4, 1978, 29 стр.

Автор пишет Алексею – своему другу. Алексей – это каждый из нас. Письма острые, иногда беспощадные: «мы никакая не “интеллигенция”, а запутанное лицемерное мещанство. С нашего ведома,

при нашем молчаливом соучастии, а то и нашими руками творятся преступления. . . » «Тем, кому не нравится это государство, нужно учиться жить, обходясь без него. Кто устал стоять на четвереньках, нужно подниматься на ноги. Одни это делают рывком, сразу. . . ». В письме много резких и справедливых слов о людях, стране. Оно проникнуто уважением к ее истинным героям. А что делать не герою?

Автор кое-что предлагает: «создание устойчивых объединений без вмешательства и контроля государства». Например: создание библиотек на общественных началах подцензурных книг типа «Нового мира» времен Твардовского; детских групп, где бы воспитывали не по известным стандартам; частных научных обществ для независимого изучения некоторых проблем; обществ материальной взаимопомощи. Далее эта мысль развивается и аргументируется; зачатки таких обществ автор видит (не без оснований) у шабашников, у некоторых диссидентов. Однако между этими полюсами почти ничего не видно.

«Основой общества должен стать отказ от неэкономических связей с государством и формирование новых социальных связей <...> Содержанием может быть негосударственное воспитание детей, помощь семьям, преследуемым по политическим мотивам», и т.д. Формой объединения могла бы быть церковь, но «надежда на трансформацию церкви столь же иллюзорна, как надежды марксиста Медведева на трансформацию госаппарата».

Пылкое и энергичное письмо. Интересно, что ответит или делает Алексей.

А.Кр.

2А15. Информация о свободном Межпрофессиональном Объединении Трудящихся (СМОТ)

В Заявлении Совета Представителей СМОТ от 26.10.78 сообщается об организации в СССР СМОТ, ставящего своей целью «защиту своих членов в случае нарушения их прав в различных сферах их жизнедеятельности <...> всеми доступными ему способами в рамках действующей Конституции и международных соглашений, ратифицированных советским правительством». При СМОТ организуется рабочая комиссия «для оказания посильной помощи трудящимся, не являющимся членами СМОТ». Выражается надежда на поддержку со стороны «трудящихся как внутри страны, так и вне ее».

В документе «Организационные основы СМОТ» от 28.10.1978 (2 стр.) сформулированы организационные принципы, регламен-

тирующие структуру СМОТ. Основой структуры «является демократическое представительство, децентрализация и отказ от сосредоточения руководящих функций в чьих бы то ни было руках. <...> СМОТ является Федерацией автономных групп, для координации действий которых группы выдвигают своих представителей, образующих СП (Совет Представителей). <...> Членом СМОТ может быть любой, признающий цели и принципы деятельности СМОТ, подчиняющийся уставу СМОТ и поддерживающий СМОТ материально. <...> Персональный состав группы известен только в пределах группы. <...> Порядок вступления в группу (и тем самым в СМОТ) как и порядок выдвижения представителей решаются группой автономно». СП: Л.Агапова, В.Борисов, Л.Волохонский, А.Иванченко, Е.Николаев, В.Новодворская, В.Сквирский, А.Якорева.

Рабочая Комиссия СМОТ по защите экономического, социальных, религиозных и политических прав трудящихся СССР издает «Информационный Бюллетень». В номере 1 (12.1978, Москва, 7 стр.) содержатся:

- 1) Обращение в защиту Владимира Сквирского и открытое письмо прокурору Москвы М.Г.Малькову – «это очередной арест активного участника независимого профсоюза, очередная попытка представить инакомыслящего уголовником, скрыть подлинные, политические мотивы ареста, очередная акция <...> по планомерной идеологической подготовке к Олимпиаде-80». Описаны детали обыска у Сквирского, противоречащие УПК и обвинению – «в присвоении книг из библиотек».
- 2) Обращение СП СМОТ в защиту ученого-математика Марка Морозова, арестованного на третий день после проведения на его квартире пресс-конференции с объявлением о создании СМОТ – «лишены свободы Гинзбург, Орлов, Щаранский; и главное преступление Морозова – выступление в их защиту».
- 3) Обращение СП СМОТ в защиту Валерии Новодворской, вторично насильственно заключенной в психбольницу, – Валерия является одним из основателей СМОТ <...> Она вела возникший в рамках СМОТ кружок рабочих (около 40 человек), где читала лекции по литературе, философии и русской истории. <...> Беседы врачей-психиатров сводятся к регулярным допросам: «Кто организатор СМОТ? Есть ли связи с рабочими?» – и в конце знаменательная фраза: «Тебя только могила исправит!»

- 4) Обращение в защиту Михаила Кукобаки, рабочего-грузчика из Бобруйска, бывшего политзаключенного, автора разоблачительных заметок о Сычевской спецпсихбольнице, в четвертый раз арестованного в конце октября 1978 г. 5) Информация о противоправных обысках, допросах и пр.

В Информационном бюллетене номер 2 (1.1979, Москва, 10 стр.) содержатся:

- 1) Письмо семи (М.Ланда и другие) международным комитетам по борьбе со злоупотреблениями психиатрией с благодарностью – «ваше деятельное участие в судьбе В.Новодворской – не безрезультатно <...> Телеграммы, направленные в 15-ю психбольницу, <...> по-видимому, заставили задуматься врачей <...> о совести врача, которая и в самых тяжелых условиях велит оставаться *врачом*, а не служащим государства. <...> Мы надеемся, что широкая гласность <...> будет способствовать тому, что большее число людей отважится на порядочность и человечность».
- 2) Выдержки из бесед с профессором Матвеевым, заведующим кафедрой психиатрии при ММСИ – «Мы прекрасно видим, что Вы вменяемы, но будем Вас лечить, ибо нам надо оправдать Вашу госпитализацию. Вас не спасет вмешательство Запада. Мы на Запад плевали. На нашей стороне сила и мы передадим вас всех раньше, чем вы думаете...».
- 3) Сообщение об освобождении 6.2.79 В.Новодворской из психбольницы.
- 4) Информация из 15-й психбольницы Москвы о положении «нормальных трудных подростков» (состоявших на учете в милиции) – девочек ничему не учат, за малейшее противоречие лечат аминазином, книг почти нет.
- 5) Информация о преследованиях граждан, пытающихся выехать из СССР (о политссыльном В.Коновалихине, члене СМОТ, и художнике Л.Сергееве).
- 6) Заявление Н.Лесниченко об отключении у нее телефона (он был отключен, когда она находилась на последних месяцах беременности и проживала в квартире одна – «Слава Богу, и с отключенным телефоном все кончилось благополучно и на вашей совести смертных грехов не прибавилось»). «Я прошу указать, каким именно образом было установлено нарушение мною ст. 74 – без прослушивания?»
- 7) Информация о принудительных госпитализациях, обысках, допросах, преследованиях.

2А16. Б.Вайль. **Оппозиция в СССР.** *Континент*, 16, 1978, приложение, 16-19

Письмо в копенгагенскую газету «Информасьон» с возражениями против статьи Н.Гурфинкеля (напечатанной в этой газете 11/12.2.1978). Гурфинкель упрекает «критиков системы» во главе с Сахаровым, что они идеализируют парламентскую демократию, игнорируют рабочую оппозицию; он утверждает, будто «консервативно-националистическая оппозиция получает покровительство КГБ». Вайль, считающий себя социалистом и не согласный со взглядами Солженицына, Шафаревича, Осипова, Огурцова), указывает, однако, на полную необоснованность последнего утверждения: «Осипов и Огурцов медленно умирают в советском концлагере», а если Гурфинкель имел в виду некоторые тенденции в правящем классе и среди писателей, то «это никак нельзя назвать оппозицией».

«Лучше идеализировать парламентскую демократию, чем тоталитаризм. Практика XX века показала, что третьего не дано». По поводу рабочей оппозиции Гурфинкель «перечисляет названия нескольких “партий”, существовавших в СССР, но неизвестных на Западе. Я мог бы дополнить список Гурфинкеля еще несколькими названиями, я сам состоял членом подобных групп». Но такие «партии» состояли из 2–3 человек, очень редко число их участников достигало 20–30, это всегда были не рабочие, а студенты. «Можно надеяться, что рабочее движение рано или поздно возникнет в СССР и Клебанов <...> может быть, будет его “первой ласточкой”». Однако господину Гурфинкелю трудно понять тот факт, что социалистическое рабочее движение в СССР в силу специфических условий может выступать как движение “либеральное”, что <...> весь комплекс недоступных пока нам свобод является необходимым условием рабочего движения».

Э.О.

2А17. В.Некипелов. **Мысли о гражданстве.** *Поиски*, 4, 1978

По поводу лишения П.Григоренко, М.Ростроповича и Г.Вишневской советского гражданства автор вспоминает предыдущие случаи (В.Тарсис, С.Аллилуева, В.Чалидзе, М.Медведев, А.Солженицын, В.Максимов) и настаивает: «Гражданство есть категория юридическая, а не политическая, общечеловеческая, но не партийная. <...> Добровольный выход из гражданства должен осуществляться беспрепятственно и безвозмездно. Недобровольное лишение не может иметь места ни при каких обстоятельствах».

В послесловии П.П. <нрзб.> законодательные новшества, которые «на фоне государственных репрессий почти не режут притерпевшийся глаз <...> К концу 1978 года, легальным и несколько не тайным законодательным порядком в руках государственной власти сосредоточился набор эффективных мер, ни одна из которых на сей раз не требует доводить дело до суда. Вы можете лишить всякого гражданина СССР: а) орденов – через Верховный Совет; б) телефонной связи – через Минсвязь, на то есть и инструкция; в) ученой степени – через ВАК, по новому положению; г) работы – <...> бесчисленными путями, в том числе лишением спецдопуска, объявив конкурс, переаттестацией и т.д. и т.п.; д) гражданства СССР – снова через Верховный Совет. <...> Чем кара менее символична, тем проще и ближе ходить за санкцией на нее, а жертве и негде выступить за себя. <...> Иному и одной такой «меры» достанет. А вот Александр Зиновьев прошел весь список от (а) до (д) – ни разу не соприкоснувшись, кажется, ни с одним представителем судебной власти. <...>

Не закончено и обобщение как отечественной, так и братской социалистической внесудебной практики. В братской Чехословакии, например, найдены оригинальные решения с отключением не одних телефонов, а и воды, электричества и центрального отопления в квартирах правозащитников. Последняя мера, принятая вовремя, скажем, в январе, на наших широтах избавляет и от нужды лишать гражданства. Зато распоряжение на этот счет отдает не Верховный Совет, а инстанция более низовая и легкодоступная суровому голосу общественности – ЖЭК по месту проживания.

Или другой пример, из опыта братской половины Германии. Здесь сложился обычай отнимать у родителей, ведущих антигосударственный образ жизни, их детей. Изъятых детей передают активным общественникам в порядке партийной дисциплины, а указание об этом дается примерно на уровне райкома партии. <...>

Принцип, согласно которому *с человеком, как гражданином государства, ничто не может быть сделано без государства, но государством может быть сделано все*, – уже не предлагается в виде парадокса, рассчитанного поугагать либералов. Он тут, присутствуя во всех законодательных и незаконных – равно! – новациях последних десятилетий, в качестве «естественного», очевидного постулата, допущения, без которого якобы немислим «закон и порядок». Такова последняя наша конституция, не отстывает от нее и новейший «закон о гражданстве»».

2А18. А.ФЕДОСЕЕВ. Почему вы не должны быть социалистом. Континент, 15, 1978

Определив социалистический строй как «общество, в котором основные средства производства обобществлены; – общество, которое управляется с помощью разумного национального планирования в интересах населения», автор кратко, ясно и иронично доказывает, что социалистическое планирование необходимо требует ликвидации частного сектора и независимых кооперативов, жесткой централизации, однопартийной системы, единства мнений и воли, закрытия границы и введения неконвертируемой валюты, не допускает профсоюзов и забастовок, подчиняет здравый смысл воле плана и истребляет или изолирует «носителей здравого смысла». «Все “злодейства” социализма – это вполне целесообразные, логические меры, <...> а отнюдь не результат простой жестокости или дьявольских свойств социалистов». Вскрыты внутренние неотъемлемые дефекты «совершенного общества». Предсказана победа сил социализма в Англии через подчинение профсоюзам. Предложены гарантии, которые позволили бы «в Новой России» избежать подобной ситуации (вроде лишения государства права быть крупным работодателем и печатать деньги без разрешения парламента).

С.С.

Примечание. Рассуждения автора чрезвычайно прямолинейны и сильно проигрывают в сравнении с тонкой аргументацией близкой по замыслу статьи Ю.Орлова (2Б1).

Р.

2А19. В.Ворошильский. Венгерский дневник. Континент, 16, 1978, 12-79.

Автор, известный польский писатель, бывший коммунист и главный редактор (в 1957-58) еженедельника «Нова культура», вел дневник во время пребывания в Венгрии в качестве корреспондента этого еженедельника с 30.10.56 по 11.11.56. Дневник печатался в Польше в неполном виде. Автор прибыл в Венгрию через неделю после начала восстания и первой советской интервенции. Он отмечает введенный повстанцами «сухой закон» и полное отсутствие грабежей, несмотря на разбитые витрины магазинов. Описан штурм здания Горкома 30.10, имевшие место 29.10 и 30.10 случаи линчевания, вывод советских войск из Будапешта 30.10,

создание 30-31.10 нескольких десятков партий, ни одна из которых не выступала за возврат прежнего строя, создание ВСРП на развалинах ВПТ 1.11, исчезновение Кадара сразу после создания партии, безрезультатные попытки правительства Надя добиться прекращения ввода новых советских войск и денонсация Венгрией Варшавского пакта 2.11, вторая советская интервенция 4.11 и последовавшие ожесточенные бои, призыв Ревкома студентов, повстанческого РВС и Союза венгерских писателей 11.11 о прекращении вооруженного сопротивления.

Приведены беседы автора с повстанцами – как коммунистами, так и некоммунистами, с министрами Г.Лошонци и Д.Лукачем, одним из руководителей повстанцев И.Дудашем, знаменитым писателем Т.Дери и другими. Содержатся размышления о перспективах: «Похоже, что мы увидим тут любопытный синтез основных достижений народной демократии (вся земля в руках крестьян, национализированные заводы и банки) с многопартийностью, свободой печати и другими атрибутами либеральной демократии. Будет ли такое устройство одним – быть может, очень долгим – из путей к социализму? Я не решился бы этого утверждать. Зато о пути, по которому вели страну люди типа Ракоши, я уж точно знаю, что он не приводит ни к чему, кроме падения и рабства».

В послесловии (май 1976) описана дальнейшая судьба упомянутых лиц и говорится: «В то время, как обожаемый в Октябре “вождь нации” Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей <...> зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи – ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализовал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией. Сейчас <...> не только материальный уровень жизни в Венгрии очевидно выше, чем в Польше, но и атмосфера, кажется, лучше, и культура не приведена в такой упадок, и убийственная советизация в различных областях не продвинулась в той степени, как у нас. <...> Или решающую роль сыграли черты характера и ума вождей? Или докоммунистическая Венгрия была более западной страной, чем Польша, с более укорененным европейским сознанием, и прививка советизма там еще более чужеродна и энергичней исторгается организмом? Или, наконец, именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки? Я <...> ответить не осмелюсь».

Э.О.

2А19а. Э.БЕТТИЦА. **Еврокоммунизм и Грамши.** *Континент*, 16, 1978.

«Главное в революционном предвидении Грамши – замена ленинской доктрины захвата государственной власти доктриной постепенного идеологического заражения общества. <...> Если в 1917 для штурма Зимнего были необходимы рабочие, солдаты и матросы, то сейчас на Западе оказываются необходимыми интеллигенты – чтобы завершить разрушение двух традиционных направлений европейской культуры, религиозного и либерального, и чтобы завоевать школу, радио, телевидение, печать. <...> Партия, ставшая абсолютным повелителем душ благодаря идеологической инфильтрации надстроек “гражданского общества” повторит чудо единства, достигнутое Церковью в Средние века. Реализация почти церковной целостности и тотальности, консервативная революция – вот конечная цель Грамши».

От Грамши Беттица переходит к его идейным наследникам – еврокоммунистам. Частичный отход от ленинизма в духе Грамши не сделал еврокоммунизм демократичным в общечеловеческом смысле этого слова. До сих пор не ясно, не разумеют ли под «плюрализмом» одну формальную «многопартийность» в духе ГДР или Польши. Структура европейских компартий и внутривнутрипартийная жизнь по-прежнему определяются принципом «демократического централизма», т. е. отнюдь не плюралистичны. <...> Построенный по военному принципу аппарат (где нет места ни оппозиции, ни критическим голосам) может служить <...> для создания тоталитарной модели <нрзб.> общества», которая после завоевания власти распространится на всю страну. <...> “Либеральные уступки” коммунистов – всегда обещания, а не действия». Придя к власти, еврокоммунисты окажутся в сфере влияния СССР и не смогут сохранить своей самостоятельности.

Сегодняшняя тактика еврокоммунистов «привела к деликатному повороту: компартии и профсоюзы принимают на себя часть ответственности в деле оздоровления и частичного восстановления той системы, расшатыванию которой они сами же и способствовали. <...> компартия у власти должна будет ввести серьезные ограничения и умерить требования профсоюзов, которые она же десятилетиями поощряла».

«Италия сегодня – это практически страна со смешанной экономикой, национализированная промышленность составляет 60% общего потенциала. <...> В Италии и так уже избыток как

государственно-экономической бюрократии <...>, так и бюрократической интеллигенции – в средствах массовой информации, особенно на радио и телевидении. Этот новый класс, выросший под сенью христианских демократов, сегодня готов сменить хозяина, лишь бы сохранить свою власть и кастовые привилегии. Коммунисты отлично знают, что в этом классе <...> найдут своих многочисленных и влиятельных союзников. И тут тоже Грамши многое предусмотрел».

ДР.

2A20. Р.КЕННЕДИ. 13 дней. Кубинский ракетный кризис.
McMllans Co, 1969, 190 p.

Неоконченные воспоминания (не окончен – анализ событий) с приложением официальных документов.

1. Несмотря на обещание СССР, что наступательное оружие не будет ввезено на Кубу, 16.10.1962 ЦРУ представило аэрофото-снимки строящихся ракетных установок, которые будут готовы через 2 недели. Варианты решения и доводы против: (1) военное нападение на установки – но: (а) все ракеты [первый] удар не уничтожит, (б) угроза нападения СССР на Берлин, (в) моральный урон США. (2) Блокада Кубы (Макнамара, Р.Кеннеди) – но: (а) ракеты уже на Кубе, (б) это нападение на советские корабли, конфронтация непосредственно с СССР, а не с Кубой. (3) В обмен на демонтаж установок вывод атомного оружия из Турции и Италии, так как военной нужды в нем нет – достаточно подлодок (Э. Стивенсон) – но: (а) сочтут за признак слабости, (б) турки не согласны. Дж.Кеннеди решил устроить блокаду. Экстренное заседание ОАГ приняло решение о блокаде, решение поддержали Франция, Великобритания, ФРГ. 22.10 – речь Кеннеди, в ответ начали маскировать установки. 23.10 блокада объявлена с 24.10. Варианты: (1) 500-мильный радиус – но тогда советские корабли быстро достигнут зоны блокады, у СССР мало времени на решение; (2) 300-мильный радиус – но тогда МИГи с Кубы могут нападать на блокирующие корабли. Дж.Кеннеди выбрал 500 миль. Одновременно, на всякий случай – подготовка к вторжению на Кубу и блокаде Берлина. Инструкции: останавливать суда, стрелять по винтам, избегать жертв и затоплений; в крайнем случае – abordаж и досмотр. Реакция СССР: (1) 23.10. советским кораблям, идущим к Кубе, переданы длинные шифровки (содержание до сих пор – 1967 – не известно), (2) к Кубе движутся подлодки, (3) Добрынин (посол в США) и Громыко отрицают наличие ракет на Кубе. 24.10 в 10 ч. 32 м. советские суда, дойдя

до зоны блокады, остановились или повернули обратно, на Кубу пошли лишь танкеры. У.Тан предложил, чтобы США сняли блокаду, а СССР обязался не ввозить новых ракет; СССР соглашается, США – нет. Официально опубликованы фотографии советских установок. 25.10 к зоне блокады подошло пассажирское судно ГДР. Варианты: (1) не останавливать – но оно может везти оружие, (2) останавливать – но велик риск жертв. Решение президента – не останавливать. 26.10 пришел ответ Хрущева: признал наличие установок, гарантировал их неприменение в наступательных операциях; если США снимут блокаду и обязуются не нападать на Кубу, СССР демонтирует установки. Тот же ответ, но в более категоричной форме, передан неофициально. 27.10 над Кубой сбит разведывательный самолет США, летчик погиб. Пришел второй ответ Хрущева, по стилю явно написанный не им, где предлагалось демонтировать установки в обмен на вывоз американских ракет из Турции. По предложению Р.Кеннеди принято решение игнорировать второе письмо и отвечать согласием на первое. Одновременно Добрынину заявлено, что после преодоления кризиса атомное оружие будет вывезено из Турции. 28.10 СССР соглашается, кризис преодолен.

2. Анализ. Причины удачных решений: рассматривалось много альтернатив, результаты просчитывались на много ходов. Военные хорошо выполняют приказы, но почти все (кроме Макнамары) не умеют самостоятельно принимать решения, не видят дальних последствий. Причины успеха – мгновенная поддержка союзниками (ОАГ, Западная Европа); Сенегал и Гвинея, проявляя нейтралитет, отказались заправлять горючим советские самолеты (после писем Кеннеди), чем предотвратили доставку ракет по воздуху.

М.Ц.

2А21. Ф.ДЮРРЕНМАТТ. Взаимосвязи. «22», 1, 1978, 3-28.

Главы из книги, в которых с высоким накалом страстей и в трогательных поэтических образах повествуется о неразрывном переплетении еврейских и арабских судеб. Оставляя поэзию и мистическую легенду в стороне, ограничимся логическим аспектом глав. Высказывается ряд ярких мыслей:

«За упреком, выдвигаемым марксистской стороной: Израиль – фашистское государство, а сионизм – буржуазное фашистское движение, скрывается тот факт, что марксистская идеология против своей воли попала в трудное положение – она сама же вынуждена сегодня обращаться к фашистским методам».

«Как ни оправданы ответные акции Израиля за его границами, быть может, было бы мудрее прекратить их и бороться с террором только в границах собственной страны и на контролируемых территориях. Не делать того, что ожидает противник, а попытаться выдвинуть альтернативу Арафату <...> У Израиля должны быть на вооружении лишь те два оружия, что оставила ему в подарок его тысячелетняя история: мудрость и терпение».

Автор провозглашает: «Терпимость – требование не эстетическое, а сущностное, которое каждый должен поставить в первую очередь перед самим собой». Однако на следующей же странице он обнаруживает крайнее своеобразие этого понимания терпимости: «Еврейский народ, как народ, избранный Богом, есть первое общее понятие, которому может подчиниться отдельный человек, первая попытка примирения Общего с Особенным. Только с позиции этой основной концепции я готов продолжать дискуссию». Рецензенту кажется, что трудно выбрать более нетерпимый тезис.

Чего нельзя было бы оправдать «богоизбранностью»?

Л.П.Нестор

2А22. О.ДМИТРИЕВ. Не называя имен. . . А.СИНЯВСКИЙ. Называя имена. . . Синтаксис, 2, 1978, 36-62.

В редакционном предварении сообщается, что интервьюируемый – преуспевающий советский литератор средних лет, рафинированный и остроумный, принадлежащий к числу глашатаев антисемитизма «снизу», в роли которых выступают сейчас уже некоторые интеллектуалы, передовые и даже либеральные, оснащенные научно и теоретически, подвижные заботами «национального возрождения». Аноним объясняет нынешнее «засилье евреев» в культуре и науке их способностью приспособливаться и «легко делать работу второго сорта». Для пущей убедительности он делает множество ссылок на русскую политическую и культурную историю, подкрепляет высказывания авторитетом Державина, Пушкина, Гоголя, Достоевского и т.д. Он обвиняет евреев, «переползших в матрас культуры» после сталинской попытки «национального оздоровления политических кадров», в «чудовищном загаживании» русского языка. «Оптимистически» глядя в будущее, интервьюируемый «очень светло» верит, что еврейство «либо рассосется, либо будет иметь возможность покинуть страну».

В комментарии Синявский с присущей ему убийственной иронией доводит до логического конца изложенные антисемитские

идеи. «Главное зло пришло на русскую землю с разделом Польши. Тогда нам они и достались <...> С какой жалостью сказано: и это “все, что удалось сделать России” – черту оседлости! Но и за чертой очертавшись, они прекрасно обосновались. Сами вина не пьют, гады, но спаивают и разоряют народ (ссылка на К.Маркса, подкрепленного Державиным) <...> Оказывается, и Польшу надо делить, и без вина какое ж веселье... Вот куда бы только деть этих евреев, чтобы нам не спиться, но Польшу, Польшу оставить при себе?» «Суть и цель схемы доказать уже заранее, что евреям проникли повсюду – всюду, где только можно, чтобы в случае чего иметь “своих” <...> будь то революция, большевики, меньшевики, чистое искусство, социалистический реализм, метафора, религия и даже антисемиты... Такова уж всепроникающая еврейская затея. Эту концепцию я бы назвал детективным пониманием истории и культуры. Сложные, органические процессы объясняются вмешательством “заговора”, “мафии”, “инородца” <...> Советская пресса все так и объясняет: “поджигатели войны”, “сионисты”, “диссиденты”, “мировой империализм”... И это, надо признать, находит известный отзвук в народном сознании. <...> Раньше были “сицилисты”, “масоны”, “скубенты”, а теперь – евреи. <...> На уровне идеологии, у наших интеллектуалов, все это становится уже не “темным царством” (имеющим свои положительные иррациональные корни), но – пощечиной и оскорблением, походя, русскому народу и собственной, русской истории».

«Речь, по моему убеждению, идет не просто о евреях, но о русском или советском фашизме, как растущей идейной тенденции, которая все смелее дает о себе знать, может быть и впрямь знаменуя наше светлое будущее. «Православный фашизм» наиболее опасен и само сочетание – Православия с тоталитарной властью под христианскими знаменами (или подмена Государства – Церковью, теократией), сулит надругательство, какое на Руси нам и не снилось». Синявский иллюстрирует доктрину «православного фашизма» своими лагерными диалогами с ее носителями.

Примечание. Интервьюируемый, видимо, находится под сильным влиянием известного антисемитского письма А.И.Куприна Ф.Д.Батюшкову.

C.C.P.

2A22a. А.Воронель. Трагическая бестактность. «22», 8, 1978, 242-246.

Интересная и на редкость искренняя книга М.Хейфица «Место и время» (издательство «Третья волна», Франция, 1978) вызыва-

ет резкую отповедь, слегка смягченную фразами вроде: «Я вижу его, как живого, и это можно назвать литературным успехом, ибо он сам виден в своих заметках со всеми своими обаятельными недостатками, из которых главный состоит в том, что он человек... незрелый». Попытка Хейфица проанализировать корни антисемитизма с большей полнотой, чем это распространено у еврейских публицистов, встречает лишь: «Есть в чем каяться! Но есть ли перед кем? <...> Нам нужно покаяться прежде всего перед своим народом за многолетнее пренебрежение его коренными интересами, за недостаток родственного чувства к своим, толкающий на заискивание перед другими, за отсутствие исторического такта, заставляющее вечно совать нос не в свои дела и танцевать на всех свадьбах. (В книге, например, приводится заявление М. Хейфица о вступлении в Армянскую национальную партию, – глядишь, лет через 20 придется каяться и перед армянами)». Эти не лишённые остроумия высказывания представляют в неверном свете одно из важнейших человеческих достоинств – умение сострадать, они выворачивают наизнанку традиционный и верный (хотя и искаженный антисемитами) тезис о повышенной внутриеврейской солидарности.

Без малейших аргументов отвергается не лишённая определенных оснований гипотеза Хейфица о том, что народный антисемитизм в СССР обратно пропорционален государственному.

Недоумение вызывает попытка введения цензуры – требование «не навязывать эту внутриеврейскую дискуссию русской эмигрантской прессе».

Т.Ю.

2А23. М. Домальский. **Русские евреи вчера и сегодня.** Изд. Библ. «Алия 20».

Автор – М. Байтальский (см. 1А39) – умело и аргументированно разносит в клочья антисемитские легенды, клевету; намечает этапы истории еврейских проблем в СССР и их отражения в сов. прессе – от трезвой книги Ларина (1928) до современных писак – Ю. Иванова, Евсеева и других. Позиция автора (в отличие от позиции автора предисловия) не только не националистична, но скорее соответствует позиции наиболее разумных партийцев 20-х годов (но без сочувствия ассимиляции). Книга написана живо и эмоционально. Позиция автора: еврейский вопрос в СССР «существует, но он создан искусственно. Создали его не сами евреи, а как раз те, кто утверждает, что еврейского вопроса нет». «Лишь

то общество подлинно свободно, в котором каждый защищает свободу других людей, а не только свою собственную. Свобода неделима».

А.Кр.

2A24. Ситуация в советской математике. (*The Situation in Soviet Mathematics.*) *Notices of American Mathematical Society*, 25, 7(189) XI, 1978.

Журнал «Заметки американского математического общества» – издание, освещающее самые различные аспекты математической жизни и пользующееся большой популярностью вне США. Предмет нашего внимания составляет раздел «Письма в редакцию». Хотя «Заметки» весьма специальный журнал, читать эти письма весьма поучительно. В них детально и профессионально обсуждаются серьезные проблемы организации и финансирования науки и т.п. Такой традиции широкой и свободной постановки вопросов на профессиональном (а не «литгазовском») уровне не существует в общественно-научной практике в СССР. Есть менее серьезные, юмористические, а то и пустяковые письма (женщина пишет о такой несправедливости: по научной статье, написанной женщиной, можно узнать, замужняя ли она; предлагается указывать семейное положение авторов-мужчин; в советском этикете и пол не всегда разберешь, нам бы Ваши заботы, милая юмористка).

Но вот по инициативе читателей на страницы «Заметок» врываються более острые темы: появляются письма в защиту отдельных математиков (в основном – из СССР). Как правило, отстаивается право того или иного человека на эмиграцию, в которой ему отказывают власти. Пишут о нелепости того, что конференция по трудам советского ученого (И.И.Пятецкого-Шапира) проходит без него. И.Р.Шафаревич (24-2, 1977) пишет об истории изгнания его семинара из МГУ: сначала И.Р. был лишен права читать лекции, потом ему не разрешили вести научный семинар с многолетней традицией, а затем был закрыт и семинар, посещавшийся им и возглавляемый его учеником А.Н.Тюриным. И.Р. вспоминает, что в сталинские времена он был изгнан из МГУ, но ни семинар, ни его ученики не пострадали. В этих публикациях мы видим проявление очень важной и новой для XX века тенденции: профессиональной солидарности, перешагивающей через все границы. Что-то вроде «математики всех стран, соединяйтесь!» (чем математики хуже пролетариев, они и есть в наше время пролетарии). Выдающийся интерес представляет письмо «Ситуация в советской математике» – документ, получивший большую известность во время Всемирного Математи-

ческого Конгресса в Хельсинки (VIII, 1978). Он подписан 16 (а в Хельсинкском варианте – 13) выдающимися математиками, но написан (как указано в предисловии к Хельсинкскому варианту) другими людьми – вполне компетентными и известными тем, кто поставил подпись, но боящимися причинить вред своим близким в СССР. В журнальном варианте, кроме того, сняты почти все фамилии притеснителей, кроме всемирно известных ветеранов типа И.М.Виноградова (и часть фамилий притесняемых). Быть может, эти изменения разумны, так как при столь широком охвате темы фамилии не слишком уместны – найдутся более конкретные поводы их назвать (ср. 1Б9, 2Б8). «Ситуация» состоит из 6 разделов.

- 1. Немного истории.** Положение математики в сталинские времена было чуть лучше, чем в других науках, но антисемитизм конца 40-х годов затронул ее в сильной мере.
- 2. Роль Академии наук.** До 50-х годов академиками по отделению математики были действительно крупные ученые, но с открытием Сибирского филиала и другими веяниями положение в корне изменилось. Ключевые позиции заняли люди с сомнительной репутацией. Математический институт превращен усилиями Виноградова в заведение, где нет неугодных ему и правящей группировке лиц, и, конечно, институт этот давно стал «юденфрай».
- 3. Публикации.** Здесь дискриминация евреев началась в последние годы. Приводятся данные о ряде журналов («Математический сборник», «Математическая энциклопедия» и другие), в работе которых отчетливо видна дискриминация.
- 4. Доступ в вузы.** Некоторые цифры (Украина, Москва) о снижении числа поступающих евреев. Несколько слов о методах отклонения неугодных.
- 5. Диссертации и степени.** Факты о работе ВАКа, весьма неполный список несправедливо отвергнутых диссертаций.
- 6. Что могут сделать западные математики.** Справедливо отмечается, что при любой политической точке зрения следует отличать честность от нечестности и поддерживать профессиональную этику. Важно, чтобы мировая математическая общественность отдавала себе отчет о поведении групп влиятельных математиков в СССР и чтобы последние ощущали неодобрение своих коллег. Поездки ученых за границу являются зачастую наградой за хорошее поведение; западные математики должны настаивать на реальном научном обмене, а не фиктивном. Не надо бояться того, что

гласность может причинить вред кому-нибудь из защищаемых. Опыт говорит об обратном. Приглашения советским ученым полезны даже тогда, когда они не реализуются. Следует приглашать советских ученых публиковать работы на Западе, ввиду сложностей с публикациями в Союзе.

Это выступление, возможно, первое в таком роде, поэтому позиции в ряде вопросов только нащупываются. Отметим одно – солидарность математиков должна проявляться далеко не только в защите евреев от дискриминации, хотя в данном случае это один из самых острых вопросов. Проблемы в советской математике в значительной степени определяются общей ситуацией в стране, но многие важные пункты зависят от собственно математических властей, а их действия особенно неприглядны. Группировку Виноградова отличает не только антисемитизм, но и просто научный обскурантизм, злостная некомпетентность в современной математике (ее-то они скрывают от общественности, а антисемитизмом почти открыто гордятся). Это замечание не означает, конечно, что предъявленный в документе счет недостаточно серьезен. Сказано многое, веско и, главное, для математиков всего мира.

А.Кр.

2А25. В.Тростников. **Страницы из дневника.** *Метрополь*, 1979, 17 стр.

Страницы, хотя и содержат мало нового, читаются с интересом; их пафос – обличение науки, как ее понимает автор (главной ложью современности является тезис бездуховности мира, пропагандируемый наукой; «наука находится в состоянии глубокого философски-методологического кризиса, и главная забота ученых состоит в том, чтобы скрыть это обстоятельство от общественности и, по возможности, от самих себя»; кризис можно преодолеть лишь «признанием нематериальной данности, управляющей материальными процессами, и т. п.). Подробно аргументируется очевидное утверждение, что наука не доказала отсутствие души. Современные научные данные интерпретируются как дополнительные подтверждения платонистской картины мира (кварки – чистейшие абстракции, подтверждающие первичность идей; теорема о скрытых параметрах показывает, что законы нельзя «встроить» в материю; семиотика – которую автор считает наукой для неудачников – приходит к «врожденности» смысла, и пр.).

Платонистски-христианскую онтологию автор расцветивает живыми красками. Ощущение ностальгии по неземной отчизне

дает прямое доказательство существования души. «Краевой эффект» приближения к смерти – «душа затосковала по своему дому, а я, как биологическое существо продолжаю ориентироваться на жизнь здесь». Другой «краевой эффект» – в детстве мы содрогаемся от омерзительности материи, притерпеться к которой помогает предощущение гармоничности мира. Автор вспоминает детское впечатление от Дюрера – не отталкивающая нагота как первый шаг к примирению с внутренними органами, физиологическими отправлениями, половой жизнью. Душа во сне путешествует туда, куда протоптала дорогу в детстве; любящие нас взрослые вкладывают в нас не любовь, а ее главную предпосылку – есть Некто, с кем хорошо. Долг надо возратить Ему (Он надеется иметь прирост с капитала). Любовь – универсальный стимулятор, подвигает нас на самоотречение и труд.

Убедительно? Не знаю. Но – красиво, ничего не скажешь...

Т.Юрьев

2А26. С.МАСЛОВ. О корреляции «состояние общества – художественный стиль». Часы, 16, 1979, 26 стр.

Статья представляет две главы из исследования, посвященного доказательству тезиса: «либерализм классичен, диктатура барочна» (в 1-й главе изложена методологическая схема, во второй, печатаемой с сокращениями, схема подтверждается материалом по западноевропейской архитектуре XVI-XVIII веков, 3-я и 4-я главы должны содержать русский материал). Проявления корреляции между политическим состоянием и художественными вкусами общества отмечались неоднократно. Предлагаемая автором система понятий позволяет говорить о корреляции в более точных терминах.

Важным является не вполне стандартное, но естественное деление стилей на классические и барочные. При выбранных определениях в классические стили попадают ренессанс и конструктивизм, в барочные – рококо, романтизм, модерн и стиль «вампир» (сталинско-гитлеровская архитектура). Для описания политического состояния общества вводятся понятия плюс- и минус-периодов. Первые включают времена, когда проводятся либеральные реформы или «нарастающая поляризация политических сил приводит к революционным преобразованиям». Вторые – времена стагнации или ужесточения режимов. Приводятся многочисленные факты, подтверждающие классичность плюс-периодов и барочность минус-периодов. Географический аспект этой же корреляции показывает адекватность деления Европы

на «Запад» и «Незапад» в смысле Г.Померанца (см. статью «Модернизация незападных стран» в сборнике «Самосознание»).

Автор претендует на прогностическую силу своей схемы.

Н.К-а

2А27. Т.ГОРИЧЕВА. Психоанализ и аскеза. «37», 17, Ленинград, 1979, 22 стр.

В России сегодня только христианство обладает мировоззрением, причем дифференциация между ортодоксальным и либеральным направлениями новохристианской мысли уже достаточно выражена. Либерализм исходит из предпосылки, что христианское мировоззрение может объять любой человеческий опыт, воспринять любую мысль и найти им место в структуре христианского понимания мира. Горичева стремится доказать, что «фрейдизм может быть полезным и тогда, когда он прячется под маской Антихриста, и тогда, когда взывает к неведомому Богу». По ее мнению, психоанализ может быть с оговорками использован на первой стадии духовного пути – при очищении «от страстей, помыслов» (две след.стадии, выделяемые православными подвижниками, – «просвещение духовным ведением» и «обожение, акт мистического соединения с Богом»). При очищении функции исповедника и психоаналитика совпадают – оба они «выводят вытесненные грехи из бессознательного в сознание», стремятся вернуть человеку целостность души и тела или – *Я* и *Оно*. Сопоставляя высказывания подвижников и Фрейда, автор показывает, что задолго до психоанализа была известна «жуткая поднаготная человеческого бытия» и те психологические механизмы, которые подменяют подлинные цели иллюзорными.

«Человек так и не может стать взрослым (по Фрейду – подняться вполне до стадии зрелого, генитального секса), он так и не обретает способность любить еще кого-нибудь, кроме самого себя». Нарциссизм – гордыня, замкнутость на себе – безлюбное отношение к другому, инфантильная сексуальность – телесные помыслы, – таковы корреляции между фрейдизмом и христианской духовной наукой. Как пишет Горичева – человек должен преодолеть себя, выйти к другому – к «Ты» и к трансцендентному – к Богу.

Автор не вполне правильно толкует понятия «Я» и «Сверх-Я», говорит о сублимации исключительно как о беспредметной игре воображения. В сублимации – реальный мир, но воспринятый через призму страстей и влечений. Это мешает автору заметить, что идеи Фрейда могут быть использованы и на уровне

сознания и трансцендентного. Но здесь вступают в действие мировоззренческие противоречия. Если задача психоанализа привести «принцип удовольствия» в соответствие с реальностью и высшими моральными требованиями, то автор противопоставляет ограниченному аскетизму фрейдизма радикальный аскетизм христианских писателей, отрицающих духовную значимость влечений как таковых. Важно слой за слоем очиститься от всех проникновений влечения, при этом чрезвычайно трудно избавиться от тщеславия. Горичева приходит к замечательной формулировке: «В религии столько фрейдизма, сколько в ней фарисейства».

Противоречие между ограниченным и неограниченным аскетизмом сводится к контраверзе покоя, созерцания с активностью. В православной традиции уже давно выделены два типа веры: активный соотносится с католичеством и протестанством, а созерцательный, медиативный, асоциальный – с православием. Контраверза Западу проходит через всю ст. с выпадами против Канта, Гуссерля, Хайдеггера, Барта и других. Гносеологическая проблема медиативного мышления – снятие противоречий общества и личности, отказ от культуры, желаний, морали и, в конце пути, – от слова. Это буддизм; и все же не буддизм, так как есть церковь, духовник, таинства – сверхавторитет. Человек вручает свою судьбу церкви, которая социально пассивна, некультурна в актуальном смысле и в то же время не настолько радикальна, чтобы требовать отказа от семейных радостей или бытовых забот. Радикальный аскетизм превращается в консерватизм – в идеализацию старых форм быта, соединенную с церковно-ритуальным функционированием церкви. Быт отделен от государства как Богово от кесарева. (Нетрудно заметить связь такого мировоззрения с первыми славянофилами.) Такое «слишком человеческое» мировоззрение слишком отдает историческим опытом, выводами по необходимости, а не по духу. В анализе этих исторических травм, подавленных устремлений человеческого духа психоанализ, думается, может сыграть большую роль.

Б.И.Р.

2А28. Б.ИВАНОВ. Каноническое и неканоническое искусство. (Из книги «Конфигурация динамической эстетики».) Часы, 16, 1979, 12 стр. (Автореферат)

Опыт эстетических переживаний известен всем. Но адекватное выражение этого опыта возможно лишь на языке искусства. Нет особого «естественного языка» – высказывания обыденной речи соотносятся с опытом, в том числе – с эстетическим. Невыра-

женный эстетический опыт образует запрос, индивидуальный или массовый. Встреча с произведением, удовлетворяющим этот запрос – эстетическое событие. Происходит обретение соответствия между переживанием и возможностью его выразить: человек цитирует, воспроизводит мелодии и т. п.

«Прекрасное» и «безобразное», «низкое» и «высокое» – понятия оценочные, тесно связанные с идеологией и нравами общества, находящиеся под контролем и цензурой. Поскольку социальные требования существуют и помимо искусства, постольку функция искусства – их демонстрировать. Совокупность этих требований и образует канон. Канон функционирует «за пределами чисто художественной образности» (А.Ф.Лосев). Канон указывает границы, в пределах которых текст воспринимается как эстетический. Поскольку канон лежит за пределами искусства, художник не обладает какими-либо преимуществами перед зрителем, слушателем, читателем; напротив, «выше» оказываются редактор, критик, цензор – хранители канона. Это и порождает тип канонической критики, с ее пресловутым разделением на «форму» и «содержание». Задача такого критика – выявить отношение «художественного содержания» с нехудожественного канона, «форма» рассматривается в аспекте ремесла. Искусству ничего не принадлежит, оно само принадлежит конгрегации, цеху, государству, партии. Каноническое искусство поэтому справедливо определяется как объективное, оно отражает, а не создает, служит, но не может претендовать на самоценность. Между искусством и эстетическим опытом образуется несоответствие, которое каноническая критика объясняет «болезненным восприятием», «тлетворными влияниями» и т. п.

В неканоническом искусстве ценно само эстетическое переживание, которое и стремится постичь и выразить художник. Ориентация на самоценное переживание дает критерий отсеивания неточного, неискреннего выражения. Разделение формы и содержания, поэтической и непоэтической действительности становится абсурдным, поскольку цель произведения как раз в том, чтобы эти различия снять. Не основываясь на каноне, произведение апеллирует к сфере субъективного опыта, а с другой стороны – указывает на свою принадлежность к знаковым системам как таковым. Экспонируемая шляпа – это знак, – но зритель свободен заявить, что это неискусство, так как не соотносится с его эстетическим опытом. Одна из задач неканонической критики – исследовать сферу искусства как особую знаковую систему, которая при всем своем разнообразии отвечает требованию – быть постигаемой.

Соцреализм – канон. В неканоническом неофициальном искусстве иное отношение авторов к произведению и к предметной сфере своей деятельности. Это различие глубоко, оно конституирует разные судьбы и выдвигает неидентичные исторические перспективы.

2А29. Н.ЕФИМОВА. Восьмерка Логоса (о поэзии Елены Шварц). Часы, 17, 1979, 35 стр.

Е.Шварц – одна из наиболее признанных поэтов Ленинграда. Ее творчеству посвящено уже несколько критических отзывов. Статья Ефимовой относится к числу научных исследований, которые редки в свободомыслящей гуманитарии.

«Поэзия Елены Шварц подлинна и необходима, потому что она религиозна. В ней все настоящее – и боль, и злоба <...> и жизнь, и смерть, и отношение к Богу <...> Е.Шварц – поэт не только религиозный, но и мистический. Ее мир не делится на поюсторонний и потусторонний», и этим ее поэзия отличается от поэзии символистов и акмеистов. “Свет” и “Тьма” – оппозиции ментального и астрального миров – здесь “оборотные стороны одной жизни”. Критик доказывает, что «Аполлон и Дионис выступают как мистические перерождения библейского Бога», и предлагает рассматривать всех персонажей и смысловые ряды произведений поэтессы с точки зрения “игры света и тьмы” <...> «Поэт находится и в центре, и в крайних точках этих превращений; он – и создатель, и Создатель своего мира, он и внутри его, и вне его».

Статья – это стремление расшифровать космос Шварц без выявления ее значимости на фоне других современных поэтов; также не ставится задачей исследование экзистенциальных и социальных мотивов ее творчества. Но смысловая и выразительная стороны творчества исследованы тщательно.

Б.И.

Вышло литературное приложение к журналу «Часы» – книга поэзии Е.ШВАРЦ. Книга составлена на основе двух сборников: «Войско, изгоняющее бесов» (Москва, 1976) и «Оркестр» (Москва, 1978).

2А30. Л.СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ. Записки. Часы, 17-18, 1979

«Бывают дни у человека, когда какие-то невидимые силы особенно сильно возвращают дух человека, заставляют оглянуться

назад <...> и тем тверже стать на найденном пути». Так начинаются записки поэта Леонида Дмитриевича Семенова-Тян-Шанского (1880-1917), внука известного ученого. Автор в студенческие годы знакомится с Волошиным, Блоком, Мережковским. Пишет стихи, посещает религиозно-философские собрания, публикует пьесу «Около тайны». Революция 1905 года резко меняет его судьбу – он становится социал-демократом, ведет революционно-пропагандистскую работу среди крестьян, выбран в I-ю Государственную Думу. Арест и избиение в жандармском участке завершают его сомнения в революционной деятельности. После встречи с Толстым работает на шахтах, батрачит, отвергает историческую церковь. Вторая часть Записок не закончена, писалась уже в новом настроении и с точки зрения признания православия. Автор никогда не удовлетворялся отысканием «верной теории», жить и действовать по правде было его правилом. Его жизненный опыт, представленный в живых картинах, – чрезвычайно ценный документ для изучения духовных поисков русской интеллигенции начала века. Убит бандитами.

Б.И.

2А31. Материалы конференции «Нравственное значение неофициальной культуры». Поиски, 1/2, 1978.

Конференция состоялась 12.XII.1977 в Ленинграде в музее современной живописи (на квартире писателя Вадима Нечаева).

Из доклада В.НЕЧАЕВА: «“Вторая культура” в России отличается тем, что она шире официальной даже по эстетическим принципам. Люди, родившиеся в духовном подполье, решились стать свободными. <...> В Ленинграде, в Москве и Прибалтике насчитываются сотни независимых художников, десятки поэтов, существуют религиозные семинары, открыто выпускаются журналы и альманахи». Истоки этого движения Нечаев возводит к Лионовской школе Кропивницкого в Москве, «Ордену нищенствующих художников» и кружку университетских поэтов в Ленинграде (т. е. к 50-м годам).

Математик МАРК ПЕККЕР говорил о трудностях, с которыми сталкивается ученый, не имеющий по идеологическим причинам возможности работать по специальности, о возникновении «второй» науки – о квартирных семинарах и попытке создать неофициальный научный журнал.

Скульптор ОЛЬГА ПЕККЕР (СЛУТКОВСКАЯ) рассказала о попытке группы ленинградской интеллигенции добиться осенью

1976 года разрешения на установку памятника жертвам сталинизма.

Из доклада О.Льва (Кони́на): «Я верю в особое историческое избрание России не как в факт богоизбранности, но потому, что здесь <...> складывается ситуация, разрешение которой может оказать решающее влияние на судьбы всего человечества. Одной из наиболее жизнеспособных и мощных сил, действующих в этой ситуации, мне представляется неохристианское движение».

Из выступления Татьяны Горичевой: «Культурное движение в Ленинграде и Москве немыслимо без религиозного. <...> В неофициальную культуру приходят люди, прошедшие определенный путь скептицизма и нигилизма. Им трудно соблазниться чем-то конечным и преходящим. Сама русская история, будучи очень идеологичной, представляет собой процесс последовательного развенчания всех идолов и идеалов. Среди тех, кто крестился сам, среди неохристиан, значительную часть составляют люди, пережившие этот общий нигилизм глубже других. Тем настойчивее их поиск Абсолюта, абсолютного образа Человека».

Большинство обратившихся художников, поэтов, мыслителей склонны выражать свою любовь к Богу через собственное творчество. Конечно, здесь возникает соблазн субъективизма, несерьезности, соблазн эстетизма. Это – пороки людей культуры, которые подчас остаются младенцами в духовном. Но есть и другая опасность, которая все более и более дает себя чувствовать (прежде всего в Москве) – отход современных верующих от культуры вообще, презрение ко всем «секуляризованным ценностям», сужение интеллектуального и эмоционального горизонта. И самое страшное – забвение заповеди любви – осуждение всех, кто не ортодоксален, кто не таков, как я, вспышки шовинизма, овнешвления религии, уход в быт. Это уже не религия света, а религия мглы. Поэтому так важна открытость христианства миру и культуре, без которой оно становится язычеством, наполняется духом тяжелой ненависти <...> Замечательно, что в Ленинграде все живое и новое появляется преимущественно в культурном движении».

ДР.

2А32. Метрополь. Литературный альманах. Москва, 1979

Составители – В.АКСЕНОВ, А.БИТОВ, ВИК.ЕРОФЕЕВ, Ф.ИСКАНДЕР, ЕВГ.ПОПОВ. «Метрополь» сообщает, что он представляет

всех авторов в равной степени. Все авторы представляют альманах в равной степени. Авторы – независимые (друг от друга) литераторы. «Единственное, что объединяет их под крышей, это сознание того, что только автор отвечает за свое произведение; право на такую ответственность представляется нам священным». См.2В1, 2А25, 2Б4, 2Б5.

Р.

2А33. Голос. Поэтический альманах. Ленинград

В дополнение к информации из 1А29: Вышло уже 10 выпусков; в каждом (кроме 3-го – как уже упоминалось – целиком ахматовского) помещаются стихи семи поэтов. Пятеро – наши современники, по большей части ленинградские неофициальные поэты. Среди них как уже давно известные по Самиздату авторы, так и поэты молодые и почти неизвестные. Приводятся также не публиковавшиеся стихи официальных авторов. Завершают каждый выпуск стихи одного из русских поэтов прошлого, чаще – не печатавшиеся в советских изданиях, и переводы зарубежных поэтов, многие из которых нигде не публиковались. В некоторых выпусках помещены биографические справки об авторах. Объем выпуска, чаще всего, 60-70 стр.

ДР.

2А34. Коллективные действия-постановки. «37», 16, 1978, 6 стр.

Подписанное А.МОНАСТЫРСКИМ, В.АЛЕКСЕЕВЫМ, Н.ПАНИТКОВЫМ и Г.КИЗЕВАЛЬТЕРОМ сообщение о проведенных в 1976-78 годах акциях, из которых типичны: 1) В центре Измайловского поля под снег был зарыт включенный электрический звонок, который остался звенеть после ухода приглашенных на акцию. 2) «12 картин-стилизаций размером 1м x 1м, написанные Н.Алексеевым, были сшиты в одно полотнище и в виде палатки установлены и оставлены в подмосковском лесу». 3) На краю леса в Фирсановке был повешен лозунг (10м x 1м):

«Я ни на что не жалею и мне все нравится, несмотря на то что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах».

4) Более года спустя под Звенигородом вывешено:

«Странно, зачем я лгал самому себе, что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах – ведь на самом деле здесь так же, как и везде – только еще острее это чувствуешь и глубже не понимаешь».

И т. п.

Р.

Б. Точки зрения. Рецензии

2Б1. К годовщине процесса над Юрием Орловым.
Ю.Орлов. Возможен ли социализм не тоталитарного типа? *Самосознание*, «Хроника», Нью-Йорк, 1976, 279-304.

1. Формула тоталитарного социализма. 1. Глобальная монополизация экономической инициативы. При этом – 2. Владение этой инициативой не является пожизненным и не передается по наследству. 3. Глобальная монополизация политической инициативы – с тем же примечанием. 4. Развитие тотального репрессивно-идеологического аппарата. 5. Наличие одной государственной идеи или мифа. 6. Компенсация экономической, политической и духовной несвободы специфическими правами и привилегиями.

Последние четыре пункта этой формулы характерны для тоталитарных режимов вообще. <...> Я намерен в этой статье показать, что первая пара признаков имеет исключительно сильную, хотя и не однозначную связь с остальными. Тоталитаризм, став социалистическим, сильно повышает свою устойчивость и степень необратимости. <...>

2. «Право на труд» в обмен на беспрекословную лояльность. На практике оно заключается в том, что гражданин освобождается от значительной доли ответственности за результативность своего труда. Это не значит, конечно, что таким правом стараются пользоваться все граждане. Но они им обладают, и средний уровень ответственности на своем рабочем месте здесь ниже, чем на Западе. Человек не может стать безработным в силу низкой квалификации, слабого чувства ответственности или хронической низкой продуктивности. Таким образом, здесь появляется новый, весьма специфический сорт внутренней свободы, которая даруется, однако, только лояльным гражданам.

Эта свобода есть безусловно завоевание социализма, причем именно социализма со сверхцентрализованной экономикой. Здесь

нет хозяина, кровно и конкретно заинтересованного в результативности труда каждого работника. И так как это соображение справедливо по отношению ко всем звеньям социалистической экономики, за исключением самой ее верхушки управления, то здесь возникает даже своеобразная круговая порука, взаимная снисходительность к безответственности в деловой сфере. <...>

Отсутствие хозяина – не единственная причина. Современный человек, гражданин индустриально развитой страны, не может не иметь уж совсем никаких прав. Лишенный возможности повышать свой жизненный уровень посредством таких честных и прямодушных действий, как забастовка, демонстрация, публичный протест в печати и т.п., он присваивает себе право работать хуже, чем он мог бы, прибегает к неосознанной и скрытой итальянской забастовке, к обманам и полуобманам. Все это так или иначе повышает его зарплату на единицу реально затраченного труда. В результате – чтобы вернуть его к более нормальной работе – повышают его абсолютную зарплату. Этот процесс можно было бы признать нормальным, если бы он не был связан с определенным уровнем деморализации общества. <...> некоторые думают, что деморализация в экономической сфере приведет к распаду этого общества, но это ошибка. Диктатуре полезно, если средний гражданин обладает некоторым комплексом вины и благодарности за снисхождение. Заработок населения все же повышается <...>, повышается и производительность труда – за счет всемирного технического прогресса (в большой степени за счет притока информации из развитых стран). В общем эта система работает.

Нетрудно усмотреть тесную связь этого пункта с пунктом 4 приведенных признаков тоталитарного социализма. Чтобы доля безответственности в деловой сфере была вам прощена, необходима идеологическая лояльность, за которой следит репрессивно-идеологический аппарат, а чтобы эта доля не стала слишком большой – за этим следит тот же вездесущий аппарат. Постоянное число отбывающих наказание в лагерях 1,5 (или по другим оценкам – 3) миллиона человек. Таков сегодня «естественный уровень деморализации».

3. О существовании дискретного набора общественных структур. Компактность тоталитарно-социалистической структуры, взаимозависимость ее свойств, говорит о ее исключительной устойчивости. Это само по себе является достаточным основанием, чтобы считать эту структуру ямой, в которую могут скапываться народы при неосторожном к ней приближении. Как мы знаем по своему опыту, в эту яму гораздо легче попасть, чем из

нее выбраться. Эта цивилизация исключает свободную духовную деятельность с таким многократным запасом, что кажется идеальной для консервирования на многие века. <...>

В яму тоталитарного социализма можно скатиться даже идя путями мягких, но безостановочных социальных преобразований. Не любые преобразования, в частности экономические, здесь допустимы, даже если их удастся проводить гуманными средствами и постепенно. Кроме того, мы должны быть уверены, что помимо указанной неприятной ямы существуют другие устойчивые общественные образования, так сказать, «мягкие ямы», более приемлемые для нас. Устойчивыми я называю такие структуры, которые способны существовать в течение многих поколений под руководством не гениальных, а вполне рядовых лидеров. <...>

Я стою на той точке зрения, что при данном уровне культуры всегда существует целый набор альтернативных вариантов общественных структур, более или менее устойчивых. Далее, кажется очевидным, что не всякие общества возможны. Из этих двух посылок вытекает, что допустимые общественные альтернативы образуют хотя и сильно расплывчатый, но все же дискретный набор. Политик-реалист должен изучать то, что можно назвать «формулами устойчивых альтернатив». <...>

Я утверждаю, что централизация в руках государства всей экономики с правом единого централизованного планирования несовместима, с точки зрения долговременной устойчивости, с демократическими и интеллектуальными свободами. <...> для сохранения «человеческого лица» необходимо держаться на почтительной дистанции от такой реформы, как полная национализация всех средств производства, – она слишком хорошо подходит к тоталитарной структуре: любая хорошая встряска приведет к образованию устойчивого симбиоза.

Попытаемся оценить устойчивые альтернативы тоталитарному социализму. <...> Современный западный капитализм характеризуется сравнительно децентрализованной экономической инициативой, еще более децентрализованным распределением собственности, сравнительно небольшой долей прибыли, идущей в личное потребление владельцев инициативы. Большая часть собственности передается по наследству, сохраняя инициативу внутри семьи. <...>

Современный социализм в СССР связан с максимальной монополизацией инициативы. Коллективный владелец этой инициативы – верхушка государственного аппарата – является владельцем временным, которому, так сказать, «доверено» право игры с собственностью. Формальным же владельцем собственно

сти является «общество в целом», оно же – единственный наследник. Это последнее обстоятельство могло бы ограничить свободу произвола истинных владельцев инициативы – но лишь при наличии политических свобод в полном объеме <...> Тогда это и был бы демократический социализм с централизованной экономикой, реальную возможность которого в долговременном плане я оспариваю.

В советском варианте доля прибыли, идущая в личное пользование коллективного владельца, может быть признана сравнительно небольшой, хотя тридцатикратное превышение доходов элиты над минимальным уровнем не вызывает сомнений. Действительно, огромные суммы расходуются на другое – на содержание всей иерархической пирамиды, в частности на содержание необъятного аппарата репрессий и идеологического воспитания.

Какова могла быть устойчивая структура промежуточного, мягко-социалистического типа? <...> искомая структура должна характеризоваться прежде всего определенной децентрализацией, демонопользацией ненаследуемой (т. е. временной) собственности и инициативы и регламентированной (и малой по величине) долей прибыли, идущей в личное потребление временных владельцев инициативы.

4. Бюрократизация сверхцентрализованной экономики и тоталитаризм. Всеобъемлющая бюрократизация служит хорошим фундаментом тоталитаризму. Но в чем, собственно, заключена связь этих двух явлений, каков ее механизм?

В обыденном понимании бюрократизацию связывают с бумажной волокитой, равнодушием к людям. Это верно – вся огромная машина управления <...> обладает слишком большим внутренним трением и работает часто на себя, имея дело с фикциями, создаваемыми ею самой. КПД таких машин зависит от размеров системы, и можно с уверенностью сказать, что национализированная экономика огромной страны слишком велика для современного оптимального размера. Тем не менее бюрократия выполняет – в этих заданных условиях – свою необходимую работу, она здесь не только неизбежна, но и необходима. Если бы мы имели дело только с этим морем служащих разного ранга, мы могли бы надеяться, что постепенное проникание культуры и постепенное улучшение нравов сведет к минимуму духовную несвободу. В сфере бюрократии этот процесс фактически происходит – не без влияния социально-этической пропаганды советских инакомыслящих. Но этот процесс наталкивается на исключительно упорное сопротивление партийной верхушки и, соответственно, репрессивно идеологического аппарата. Полновластные владель-

цы инициативы не желают терять свои права – но не только в этом дело! <...>

Несмотря на бюрократизацию, несмотря на большую долю безответственности на рабочих местах – экономика развивается сравнительно динамично, пожалуй, не уступая дореволюционным темпам роста, которые в 1885 года составляли в среднем 5,72% в год. Как это происходит?

Здесь и прослеживаются главные связи. Сверхцентрализация экономики автоматически сцеплена со сверхбюрократизацией, с известной вялостью известных руководителей. Это, однако, частично компенсируется наличием волевой диктатуры центрального владельца инициативы. Этот коллективный владелец, таким образом, <...> видит свою важную роль в этой системе, и видит правильно. Круг, следовательно, замыкается. Вот почему я уверен, что осуществить сочетание монополизированной в руках государства экономики с демократией бесконечно трудно. Сможет ли демократия, скажем, Советы, заменить существующий аппарат в его роли активного, инициативного руководителя и надзирателя? <...> Демократия либо примет разумное решение о децентрализации экономической инициативы, об отделении от себя сферы трудных научно-производственных вопросов, сохранив за собой лишь вопросы сохранения интересов трудящихся, либо вернется к централизованной диктатуре технократов <...>, к самоликвидации демократии. Но стоит ли идея централизованного планирования такой жертвы? Зачем нужно сохранять такую машину, которая по желудку только железному тоталитарному режиму?

Эти соображения менее справедливы в условиях малых стран.

5. Некоторые другие черты тоталитарно-социалистической системы. Социализация современной экономики в некоторых отношениях, особенно в плане психологическом, оказывается возвратом к феодальному абсолютизму. В совокупности со всей системой тоталитаризма это неприятно намекает на возможное начало поворота эволюции к обратному ходу, к деградации. Может быть, не случайно слаборазвитые страны, перескакивая через капитализм (вершину эволюции?), попадают прямо в социализм. Правда, в человеке заложено много еще не известных нам возможностей, и нужно надеяться, что западный капитализм – бесспорно «капитализм с человеческим лицом» – не есть абсолютная вершина человеческого развития.

Национализация частично ликвидирует то ощущение несправедливости, которое связано с существованием чужой собственности и власти денег. Взамен, правда, возникает власть как таковая,

чистая власть, но современное понимание справедливости легко справляется с этим обстоятельством. По-видимому, многие люди с трудом переносят бремя свободы, необходимости деловой конкуренции и личной ответственности за свою судьбу. Они хотели бы передать это бремя куда-нибудь наверх, не всегда понимая, сколь ужасна цена такой передачи. <...> Так как национализация притупляет до предела экономическую активность, то вместе с ней пропадает и интерес к политической активности. Массы предоставляют карт-бланш центральной власти, к которой рвутся немногие, но истинные игроки. Создаются благоприятные условия – не только материальные, но и психологические – для тоталитаризации всех сторон жизни. <...>

Западные интеллигенты нередко утешаются надеждой, что наиболее отрицательные свойства советского тоталитаризма не смогут привиться на европейской почве, что русский народ обладает якобы особенной привязанностью к тоталитарным формам жизни. Это опасная иллюзия. Когда тоталитаризм одерживает победу, он затем формирует себе нацию с нужными качествами <...>

Дореволюционная Россия не была ни тоталитарной, ни отсталой страной. Она занимала общее 5-е место в мире по промышленной продукции, быстро догоняя конкурентов, занимала 1-е место по темпам промышленного развития <...> Кровавый спуск революции и Гражданской войны довел экономику страны до уровня петровских времен. . . Дореволюционная фундаментальная наука дала открытия, не превзойденные советской наукой, и такие имена, как Лобачевский, Менделеев, Павлов, Мечников и др. <...> Центральный орган большевиков «Правда» издавался с 1912 г. в легальной российской типографии.

С другой стороны ясно, что в результате эгоизма, негибкости и недалковидности правящей верхушки социальное развитие искусственно задерживалось, так что проводившиеся после 1905 г. реформы уже не ослабляли, а развязывали накопившиеся силы ненависти. Чего действительно не умели и не умеют делать в России – это вовремя проводить реформы.

6. Миф «научного социализма». Большую роль в укреплении престижа тоталитарно-социалистической идеи играет распространение одного мифа, идущего со времен Маркса: что «научная» организация общества требует в качестве одного из важнейших предварительных условий передачи всех средств производства в руки государства – для организации «научного» планирования. <...> Здесь обнаруживается, во-первых, непонимание сущности науки. Наука сама в своих основах не поддается

научному планированию, ее фундаментальные открытия непредсказуемы. Внутри социалистического общества наука оказывается сферой частной инициативы! Социалистическому государству, в сущности, приходится бороться с этим пережитком буржуазных свобод. При сталинизме подвергались жестокому преследованию все кардинальные научные направления, не вытекающие из задач, поставленных «научным» планированием. <...>

Главная ошибка этого «научного» мифа заключается в том, что любое планирование предполагает предварительную формулировку целей и методов их осуществления – в соответствии с принятыми моральными принципами. Однако и цели, и методы, и мораль – это вещи, которые не поддаются научному обоснованию, они вообще находятся вне науки. Может, большинство народа голосованием определит и цели, и методы? Но тогда при чем здесь «научный социализм»? Это будет просто «буржуазная» демократия. <...>

Централизация экономики для ее «научного» планирования оборачивается прежде всего фантастической концентрацией возможностей полного произвола. Такое общество в принципе гораздо более волюнтаристично, чем общество с децентрализованными инициативами, где хотя бы частично действует закон усреднения сил.

7. Призрак тоталитаризации мира. Я считаю, что мир приближается к опасной черте полной тоталитаризации. На это имеются весьма общие и глубокие причины.

Прежде всего, нравственные требования в отношении насилия над духовной жизнью у подавляющего большинства народов очень невысоки и легко вытесняются другими интересами. У большинства современных людей тоталитаризм сам по себе не встречает серьезного протеста <...>

Далее, желание перемен, особенно перемен в социалистическом направлении, является буквально болезнью эпохи. Конечно, это желание часто опирается на справедливые эмоции в отношении эксплуатации и эгоизма богатых классов. Но кроме эмоций оно также опирается на общую ложную идею, что люди могут разрешить все свои проблемы с помощью социальных преобразований. <...>

Западная демократия, если она не укрепитя высоким нравственным потенциалом и более ясным пониманием своих целей, не сможет эффективно противостоять натиску тоталитарного социализма <...> На Западе немало людей, искренне думающих о счастье человечества. Хочется поскорее избавить людей от физических и даже нравственных страданий. То, что нравственные

страдания формируют личность, а ограниченные по величине физические трудности необходимы для развития, кажется, вообще перестает приниматься во внимание. Здесь что-то напутано и требует упорядочения.

8. Поиски выхода: этическое антитоталитарное движение.

Никакое насилие не сможет сейчас изменить к лучшему ту психологическую ситуацию, которую я описал выше, – только к худшему. В сегодняшнем мире сильные встряски могут только увеличить вероятность тоталитаризма <...> Необходимо пытаться, не рассчитывая на скорый успех, но и не считая эту программу утопичной, постепенно изменять общую нравственную атмосферу, очень остро поставив вопрос о насилии в сфере духовной жизни человека. <...> Я бы предложил всем, кто осуждает тоталитаризм, исходя из нравственных побуждений объединиться в единое этическое антитоталитарное движение. Такое движение выделило бы, может быть, один, но обладающий бесспорным приоритетом с точки зрения поставленной цели принцип. На мой взгляд, этот принцип должен гласить: *категорически осуждается и признается тяжким преступлением физическое насилие над людьми, невиновными в физическом насилии.*

9. Поиски выхода, вариант децентрализованного социализма с частной инициативой, но без частной собственности.

Современная психология руководства крупным хозяйством такова, что при соблюдении определенных границ, запрещающих сверхмонополизацию собственности, патриархальный стимул личной наживы и передачи собственности по наследству мог бы быть заменен стимулом интереса к игре. Это значит постепенное лишение крупных предпринимателей права передачи собственности по наследству, лишение их права изъятия капитала для целей личного потребления, перевод их на заработную плату, зависящую от прибыли, с полным сохранением всех остальных существующих прав свободной экономической игры, следовательно, с сохранением рыночной экономики. <...> Это частично удовлетворит современное чувство справедливости.

Несомненно, югославский вариант децентрализованного социализма удовлетворяет этому чувству больше; однако я считаю его недостаточно динамичным для современной экономики и, что хуже, недостаточно освобожденным от черт тоталитаризма. <...>

Аналогичная программа, но с движением в обратном направлении, т. е. от социализма тоталитарного к социализму децентрализованному, выдвигается частью советских инакомыслящих, в частности – А.Д.Сахаровым. Это есть программа передачи экономической и производственной инициативы в руки непосред-

ственных руководителей. <...> Определенная часть экономики в известных отраслях будет управляться по-прежнему непосредственно государством. Государственный сектор необходим уже хотя бы для того, чтобы демпфировать кризисные ситуации. Должны быть, кроме того, сняты всякие ограничения на собственность обычного типа, если ее хозяин не эксплуатирует наемных работников.

15 марта 1975

2Б2. Представляем сборники «Память». От редколлегии журнала «Поиски». Поиски, 4, Москва, 1978, 11 стр.

В апреле 1978 года вышел в свет в издательстве «Хроника» (Нью-Йорк) первый выпуск исторического сборника «Память» (Память, выпуск 1, Москва 1976, Нью-Йорк 1978). В редакционном предисловии основной задачей сборника объявляется «возрождение общественной памяти», борьба с мифологией, заполонившей историю нашей страны. Из этого предисловия:

«... главные наши исторические тайны – особого рода. В эти тайны посвящены миллионы людей. Можно тайно подготовить 1937 год, но осуществить его тайно представляется затруднительным. Миллионы свидетелей, и многие из них еще живы! <...> Всякий человек старше 70 лет может сообщить поразительные сведения, причем – никогда и нигде не фиксировавшиеся. Да и не в возрасте дело: ведь наше «позавчера» тоже зачастую передается забвению или фальсифицируется на наших глазах.

Первоочередной своей задачей редакция ставит сбор исторических свидетельств и последующую публикацию их. Нас интересуют:

- воспоминания, дневники, письма, устные свидетельства;
- официальные документы, стенограммы, протоколы собраний, съездов, процессов, справки, заявления, постановления, ходатайства, статистич. данные;
- неопубликованные рукописи, корректуры, сигнальные экземпляры невышедших книг, первоначальные тексты произведений, исковерканных цензурой;
- статьи, очерки, рецензии, библиографии;
- любые материалы, связанные с историей культуры, религии, науки, политики, общественной мысли.

Редакция считает своим долгом спасти от забвения все обреченные на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, затравленных, оклеветанных <...>, а также имена тех, кто казнил, шельмовал, доносил. <...>

Мы считаем, что наше начинание может иметь реальные шансы на успех только в том случае, если читатели будут доставлять нам новые материалы, уточнять и дополнять наши публикации, мы будем благодарны всем, кто примет участие в этой работе. Редакция готова принимать как материалы, подписанные авторами, так и псевдонимные и анонимные работы. Редакция берет на себя ответственность за судьбу рукописей...»

2Б2'. Гр.БАЙДА. Память и мы. Память, 2, Москва, Самиздат, 1977

Как и все живое, Самиздат подвержен возрастным переходам. Одни давались нам проще, например, от изначального сам-издата к смещению центра тяжести на там-издат. Другие – труднее. Из труднейших – переход от самовыражения (разоблачение, протест, оценка, декларация) – ко вниманию – узнаванию и заинтересованности в других (позициях, людях, стремлениях, <...> другом времени, <...> другом – внутри себя). <...>

Замысел сборников «Память» родился уже в ходе вторых пересмотров, обращенных «изнутри – вовнутрь», на себя; и даже если с точки зрения его издателей это не так – их ребенок свободен от многих семейных признаков самиздатской литературы.

<...> Даже логики и математики в Самиздате начинают страдать развязностью и кокетством. Но это неизбежно при изъяснении – наспех, в ожидании обыска – или в ответ на вчерашний арест. Горячка поведения, активность борьбы в свой разгар втягивает все внимание и мозг человека – все, что нужно в текущий момент, все, что полезно для дела. Да маятник не качается в одну только сторону. Злоба дня превращается в злобу вчерашнего дня, а вчерашняя злоба – уже не злость, а сомнение. Нет, она не «снята с повестки дня», а переросла себя и, повзрослев, попала в иную рубрику твоего отношения – в прошлое. Не «снятое», а – отстраненное от страсти, отпавшее в опыт, став – сомнением в себе, вниманием к деталям и особенно непритертым стыкам проекта и результата, идей и средств. Отпадающее не «к черту», а в былое, в этап.

«Память» тоже родилась на перекрестке сразу нескольких сдвигов и отстранений: от «эксцессов сталинизма» – к «Архипелагу ГУЛАГ», от ригористических «разоблачений прошло-

го» – к умственной озадаченности им, от перманентного «борьба... продолжается» – к основанному на неустрашимости Сопротивления поиску его среды, предтеч, совопросников и «почвы». Инициатива «Памяти» относится к попыткам учета и систематизации тех духовных пространств, которые высвобождены 20-летним опытом живого слова и 10-летним – личного неповиновения. <...>

Нет, что ни говори, отчаянные они ребята – редакторы «Памяти»! Чем они собираются обуздать эту многоголосую историческую пестрядь? Вот он второй выпуск, это гора бумаг. Около 900 стр. машинописного текста; 23 наименования разных материалов, размещенные по пяти рубрикам. А если считать примечания к ним – число удваивается.

Но дело-то не в массе! Послесталинская эпоха знала уже тысячелюстные мемуары, исчерпывающие толкования необъяснимых дел в десятках рукописных томов. Но сегодня их можно отрецензировать двумя-тремя страничками, а смысл, сводящийся к личной точке зрения автора на все и вся – сказать в трех словах. «Память» озадачивает противоположным – несводимостью всего в одно, в заведомый тезис; пусть даже тезис этот – «Архипелаг». Перед нами не отбор под заданным углом зрения, не подборка под тот или иной образ «славного», «черного» или «подзапретного» прошлого, а оно прошлое само; и оно не выстраивается в две шеренги по команде прапорщика: «От Октября – стр-р-ройсь!», «Пр-р-редательство!» или «Лагер-р-ря!» Пугающий факт – прошлое никак не оправдывает наши о нем сегодняшние представления. Оно не работает на тех или этих.

Конечно, на свой вкус и отсюда можно выбрать нечто одно. Например – «Лагерная тема в “Памяти”». Одного этого хватит на увесистую статью. Материал разнообразен – тюрьмы 20-х годов, кашкетинские расстрелы, судьба немецкого мальчика из Сарая, ставшего в 30-е годы советским гражданином и попавшего на сталинскую витрину героем детского оптимистического комикса «Губерт в стране чудес», – чтобы разделить вместе со Страной Чудес ее чудесный 37-й... Очерк «Светлой памяти одного чекиста» заставляет подозревать в названии горькую иронию, которой в нем нет: это краткий рассказ о краткой судьбе парня, которого революция привела в партию и ЧК, а совесть вывела оттуда, передав для расстрела тому же ЧК. <...> Отрывок из записок Д.Гринкевичюте «Литовские ссыльные в Сибири», как ни странно – история со счастливым концом, едва ли не самым страшным:

В середине февраля 1943 года стало очевидно, что погибнем все. Смертность достигла своего апогея <...> На нарах

лежали уже почти все скрючившись, с неподвижными от цинги суставами, и поносили от истощения и цинги. Испражнялись на нарах, кто посильней – с края нар – на снег пола. Наступал финал. И когда никакой надежды ни у кого уже не было, в Трофимовск прибыл Человек, который спас от смерти оставшихся в живых. Это был Врач по фамилии Самодуров, Лазарь Соломонович. Он пробирался в каждый барак; осмотрел больных, штабеля трупов и начал очень энергично действовать. <...> Уже назавтра получили по порции горячего горохового супа, по 1/2 кг мороженой рыбы на человека, которую, по совету доктора, кушали сырую, чтобы не пропали витамины. <...> Заработала баня, могильщики переквалифицировались в санитаров и теперь на себе возили живых в баню.

<...> Что, например, свидетельствует во славу христианского сопротивления ликвидации православной церкви письмо епископа Андрея (Ухтомского), человека с мятущейся душой, некоему предсовнаркома Молотову? К тому же вот как заканчивающееся:

Нет, наш русский социализм – это подлинная жизнь, воплощение слова Евангельского в дело христианское; этот социализм Евангельский живет уже 1900 лет, несмотря на гонения Неронов и несмотря на лжепокровительство Николаев Романовых. Он, этот социализм, несравненно научнее так называемого научного социализма, ибо захватывает всю жизнь, а не часть ее. <...> Недавно я шел по городской улице. Мне встретился молодой человек в форме ГПУ, высокий, красивый. Поравнявшись со мною, он снял свой головной убор и поклонился мне. Когда я от неожиданности остановился, то этот агент ГПУ быстро подошел ко мне и открыто, на улице, среди толпы поцеловал меня. . . Это меня глубоко поразило. И этот случай был последним толчком к тому, чтобы я стал писать это письмо, ибо душевная драма этого нового Савла, конечно, очень тяжела, как и многих русских людей.

Простите. Ваш покорный слуга в деле благоустройства нашей общей родины.

1933 г., мая 23

Еще одно странное отклонение? И – от чего на этот раз? От каких канонов? <...> И замечаешь, что отклонения-то и есть

сквозной мотив «Памяти», источник ее цельности – самое интересное в ней: отклонения от того канона сгнивших величин и сгнувших людей, что поместился в наших мозгах безвредно для логики и для совести. (Ведь и непомерительный ни во что «Архипелаг» – сюда, в наши квадратные черепа поместился – и ни гу-гу) Но поместится ли там без кавычек – память? Та, которая вся из сплошных случайностей, встреч, отклонений? <...>

Между прочим, комментарии и примечания «Памяти» едва ли не интереснее основного материала. Мало того, что «Память» собирает всякую всячину, она еще скрупулезно комментирует ее, удваивая объем сборника и удесятерив работу его составителям. Примечания, выполненные на самом профессиональном уровне, насколько это возможно при закрытии всех архивов, спецфондов, старых газет, сожжения источников и отсутствия почти всех живых свидетелей, – читаются как роман. Где еще, если не в примечании 42 к мемуарам Вацетиса, можно узнать:

Спиридонова Мария Александровна (1884-1941) – лидер Партии левых социалистов-революционеров. 6.07.1918 арестована в составе левозероградской фракции V съезда Советов. В течение года находилась под арестом на «санаторном» режиме в Кремле, откуда бежала при помощи охраны. Была амнистирована ВЦИК после побега, но через год снова арестована и вплоть до последнего побега в 1937 году непрерывно находилась в ссылках и в заключении. 8.02.1937 арестована в Уфе, где отбывала ссылку. Судилась 25.12.1937 выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Обвинялась в подготовке покушения на башкирское правительство, в создании центра, объединявшего все оппозиционные партии и группировки (от монархических до социалистических), в подготовке крестьянских восстаний и т.д. Во время следствия неоднократно объявляла голодовки. Приговорена к 25 годам тюремного заключения. Была переведена в Ярославский, затем во Владимирский и, наконец, в Орловский политизолятор, где, по неокончательно проверенным сведениям, расстреляна осенью 1941 при подходе немцев к городу.

<...> Прошлое не переучишь косноязычно лгать по бумажке, не выговаривая при этом тех именно слов, на которых в первом квартале текущего года велено запинаться. Ни опровергнуть, ни, упаси Боже, одобрить политику (текущего квартала) прошлое не может, именно потому, что оно *было*. Единственная самозащита, сопротивление прошлого – *память*. Ведь равно оболганы и

большевики и меньшевики, и монархисты и анархисты. Только об одних наврано в миллионе книг, захлебывающихся от восторга, о других наврано в тысяче брошюр, всхлипывающих от негодования. . . Немые полки исторических теней, послушных любому свистку. Они одобряют в с е: проекты «разоблачения» прошлого и расправы над ним у этих, у тех – расправу с разоблачителями, восстановление из-под глыб – «нового», еще более «славного» и «великого» прошлого; у кого-то – отказ от истории ввиду «разочарования» в ней.

И вся эта суэта не имеет никакого отношения к Прошлому, пока. . . пока она сама не уйдет в прошлое, и став им – будет помещена в той же *памяти*. С комментариями и примечаниями, которые читаются как роман.

Надеемся, что это время приблизилось.

Примечание. Содержание трех выпусков «Памяти» и аннотации первых двух помещены в *Приложении* к данному номеру РЖ. Стремясь к широкому охвату точек зрения, помещаем еще одну рецензию, взятость которой не нуждается в комментариях. Отметим лишь особо возмутительный характер обвинений предпоследнего абзаца и выразим надежду, что библиографический раздел 3-го номера журнала «22» будет представлять собой печальное исключение из правила (между прочим, см. 2А22а).

Р.

2Б3. Р.БЛЕХМАН. **Беспамятство. . .**, «22», 3, VIII, 1978, 249-253.

<...> Прошлое страны виднеется, как сквозь туман: какие-то князья, какие-то бояре, кто раньше жил – Петр Первый или Иван Грозный? – обрывки школьной истории, обрывки прочитанного. Культура? – кто знает, как сложить русскую печь, построить избу, выкопать колодец? В Ростове Великом умирает (если не умер уже) последний звонарь, в Суздали не могли найти человека, чтобы запустить музейную ветряную мельницу. На сцене Кремлевского дворца лихо пляшут заново выдуманные «народные пляски» и распевают сочиненные столичными евреями «русские народные песни». Религия? Лосский утверждает, что основная черта русского народа – религиозность. Я смею в этом сильно сомневаться. Видел, видел и я толпы вокруг Успенского собора во Владимире на Пасху, – да только верующих было там раз-два и обчелся. Солженицын (и вслед за ним) по традиции, пошедшей, наверное, еще от славянофилов, возлагает надежды на народ –

он-де «хранит». Что «хранит? Кто? Честное слово, порой кажется, что все эти милые и несомненно болеющие за Россию люди живут где-то в XIX веке. Всего треть России живет сегодня в «деревне», да и та наполовину – старики и старухи. «Народ» сегодня – в учреждениях и на заводах, а что он говорит – об этом можно узнать в винном отделе любого магазина, когда «народ» идет со смены.

Беспамятство с тупым упорством из века в век поражает Россию. <...> Но прежде хоть какая-то нить оставалась – оставался «народ», оставалась религия. 17 год оборвал и эти нити <...> Что помнят? Что «хранят»? «Капиталисты-эксплуататоры», «сионисты – империалисты», «вся история человечества есть история классово-борьбы», «шестая часть мира», «жиды во всем виноваты», «при Сталине хоть порядок был», «пили, пьем и пить будем», «чучмек косоглазый», «хрена мы китайцам Сибирь отдадим», «так этому Дубчеку и нужно», «мы всех кормим...» С таким идейным запасом неудивительно, что и Рой Медведев в теоретиках ходит. Нет, советская власть пророчна! Уж во всяком случае прочнее «религиозности» русского народа... <...>

За многое «Памяти» спасибо – и прежде всего за самого себя. Лучше начинаешь видеть, в какое время жил, что с тобой на самом деле было. Есть в сборнике потрясающие материалы (для меня во всяком случае): «Этап во время войны», «Дело “Колокола”», «Девочка в матроске», «Имена и судьбы»... Интересны многие документы, письма, новобретенные факты. Раздражает натужным «острячеством» «Судьба нищих сибаритов» <...> В целом все проглатывается с интересом.

Как всегда вопросы приходят потом. Что означает появление «Памяти»? Почему именно сейчас? <...> «Память», как она задумана и осуществлена, – это именно архив, склад сырья, пестрый сборник фактов, воспоминаний, документов – «всего». Огромная работа по добыванию, огромный риск, огромное значение – все верно. Нет одного – осмысления. <...>

Самиздат начинался с воспоминаний: Гинзбург, Олицкая, Солженицын, Gladkov, Мандельштам... Потом он поднялся до обобщения, до мысли (в худшем случае – до эпических обзоров: Медведев, Солженицын). Быстро вырос до «государства в государстве» – со своими учеными, юристами, политиками, художниками, музыкантами, журналистами, жуликами и стукачами. Все было, – кроме, разве что, «народа». Кажется, впервые в истории промелькнуло перед нами на миг государство «чистой интеллигенции». И – сошло на нет. Кого посадили, кого запугали, кто продал, кто предал, остальные уехали на Запад. Остался

один Сахаров, ну еще, пожалуй, с десятков активистов. Но это уже не «государство в государстве», это уже – люди против власти. Вдруг обнаружилось, что слой был безумно тонок, беден, скуден.

Самиздат сошел на нет – в беллетристике, в заумном «философствовании», во взаимных дразгах: кто герой, кто стукач? Вместо воспоминаний Н.Мандельштам – воспоминания Довлатова: чужие остроты и тайны собственных друзей. Протоптали, накатали дорожку: диссидент, Самиздат, скандал, Европа! А там «третья волна» вдруг обнаружила скудость духа и мысли, изолированность свою даже от того «народа», который еще есть. А тем, кто еще остался в России, почти всех лишившейся, – уже не до обобщений, не до программ, не до культуры, не до терпеливого строительства жизни, к которому когда-то призывали «Вехи». К ним, как к одинокому путнику в глухом лесу, уже подбирается бездонная, вязкая трясина – беспамятство. . . И никого вокруг. Только лес шумит. Тогда хватаются за «Память».

2Б4. И.Лиснянская. В Гегарде. Метрополь, Москва, 1979

Правду мою и неправду,
Все за собою влачу.
– В камне – во храме Гегарда
– Я зажигаю свечу.

Медленно пред образами
Словно свеча я горю:
Боже, чужими словами
Даже с тобой говорю!

В мире весенняя слякоть,
Туч и деревьев слои. . .
Плачу. Но стыдно мне плакать.
Слезы и те – не мои.

2Б5. Л.Баткин. Неуютность культуры. Метрополь, Москва, 1979, 7 стр.

Культура более или менее отождествляется с традицией. Она кристаллизуется в культурных нормах и образцах, будь то «нравственные заповеди» или (непреренно «высокие») «творения искусства». История – вынужденное, навязанное такой культуре

приключение При таком понимании все кризисы и муки – антикультурны, свидетельствуют лишь о том, что . . . нигилистические силы «чистой» природности и «чистой» социальности действуют небезуспешно. <...>

А ведь мы слышим обычно при этом немало слов о «трагизме культуры»! Но имеется в виду только то, что происходит вокруг да около культуры, только то, что с нею творится, а не как творит она, – короче, внекультурный трагизм обстоятельств, но не трагизм, как определение самой культуры, совпадающий с ее способом жить, не тот трагизм, который культура, вполне достойная этого названия, непременно должна вносить и вносит в мир. Ибо культура, взятая с творческой, порождающей, а не просто репродуцирующей стороны, как способности человека мысленно экспериментировать, воображать еще не существующее или даже не могущее существовать, видеть во всем наличном материал для изменения и тем самым менять прежде всего самого себя, становясь подлинным историческим субъектом, – такая культурная культура, конечно, отмечена высоким трагизмом. Всюду она стремится нарушить стереотипность, законченность, равновесие, отменяет привычный порядок, словом, создает проблемы, а не решает их. Притом культура касается вещей не второстепенных, а главных для мироздания, т. е. идет на смертельный риск. <...>

Из бунта против «культуры» (т. е. всегда против старой культуры, хотя по форме это нередко бунт против «культуры вообще» <...>), может не выйти ничего путного, иногда же что-то выходит, а именно – новая культура. Бог знает, получится ли что-нибудь из маленького дикаря Гекльберри, зато о Сиде это известно заранее. Из чего уж точно не получится никогда и ничего – так это из респекта к «нормам и образцам». Изложенное никоим образом не означает, что новое всегда право и симпатично или что плохо быть поборником старины, вообще не предрешает никакой конкретной позиции, однако означает, что спор остается подлинно культурным, лишь пока он длится; длится же он нескончаемо, когда идет не между отвлеченными, овнешненными идеями-результатами, а между субъектными и поэтому равноправными, никем и ничем не отменяемыми сознаниями, укорененными в историческом социуме культуры. В этом плане само противопоставление «нового» и «старого» как таковых снимается в споре, их принципиально синхронизирующем. Существенно не одобрение и не отвержение нового или традиционного, а диалогическая активность, т. е. понимание чужой, пусть и враждебной позиции, как реальной, незавершенной проблемы, как чужой правды, и, следовательно, точно такое же восприятие своей кров-

ной правды, как открытой, незавершенной. <...>

У Бахтина культура (как и личность) целиком размещается на собственной границе, т. е. на границе с другой культурой: «границы проходят всюду через каждый момент ее». «Пограничность», по Бахтину, это внутреннее определение культуры, не имеющей никакой «своей» замкнутой на себя территории; «культурный атом» существует только в диалоге и, «отвлеченный от границ», «становится пустым и заносчивым, вырождается и умирает».

Под культурой в тесном смысле уместно подразумевать не всякую семиотическую систему, но лишь такую, в которой на первый план выступает особая функция самообновления, а не функция стабилизации и репродуцирования самой системы и того, что может быть высказано в пределах наличной логики (назовем вторую функцию «цивилизацией»). <...> Культура, строго говоря, вообще не есть какое-либо семиотическое устройство, какая-либо готовая, нормативно действующая, наличная модель; культура – это трудноуловимый момент перехода от одного устройства к другому. Она подобна Богу в негативной теологии: центр ее всюду, а окружность – нигде. <...>

Для самосознания всех традиционалистских обществ, т. е. до XVI–XVII веков в Западной Европе заметной и системообразующей была только вторая функция, и в этом смысле культура – совсем недавнее открытие человечества, открытие в конечном счете XX века. До Нового и Новейшего времени культурная функция, конечно, осуществлялась, но, во-первых, в масштабе многовековых эпох, а не индивидуальной человеческой жизни; во-вторых, новизна, в той мере, как она обнаруживалась, толковалась и санкционировалась исключительно как поновление старины; в-третьих, каждая культура считала себя лучшей и последней, единственно возможной. Поэтому ее диалог с другими культурами (в том числе с собственным наследием) если не сводился к нулю отталкиванием или псевдоморфозом, был частичным, обедненным, заторможенным. (Так, например, включалась ближневосточная культура в греческую античную или античная в европейскую средневековую.) <...>

В традиционной оппозиции «культура – природа» творческий момент ступеньвался именно потому, что им равномерно окрашивалась вся упорядочивающая деятельность человека. Фермент, который дает окраску, не был выявлен, сгущен. Только в исторически новой оппозиции «культура – цивилизация», т. е. когда потребовались дальнейшие внутренние дифференциации понятия «культура», культура стала трудностью в отношении к себе. Проблема культуры возникла вместе со всемирностью, как с тем каче-

ством, которое тоже присутствовало раньше в мировой истории неполно и скрыто и тоже стало специфическим открытием XX века. Дело не только в том общеизвестном факте, что катастрофическая (для традиционного сознания) быстрота исторических перемен непоправимо нарушила, запутала «нормальное», плавное соотношение культурной и цивилизаторской функций, творчества и репродуцирования, заострила эти отношения до парадокса, подчас болезненно сказываясь на той и на другой функции. Важней всего то, что современная культура впервые перестала (или перестает) считать себя лучшей и последней, ощущает себя распахнутой во все стороны, обеспечивает место в себе для любой значимой и непривычной культурной конфигурации прошлого и настоящего, напряженно заглядывает в незнакомое будущее – и только на многоязыкости, на небывалой диалогической активности строит утверждение собственной уникальности <...> Европеоцентризм еще дает себя знать в последних попытках торжественно «возвысить» неевропейские культуры путем перенесения на них конкретно-европейских понятий вместо выяснения их равноправной специфичности, их «правды». Но этот наивный европеоцентризм изжит развитием именно европейского типа культуры, на почве которого только и стало возможным сознательно-диалогическое сопоставление культур. Европеизм, конечно, перестал быть географическим, региональным понятием (на «Востоке» возникает «западное», на «Западе» предостаточно «восточного»). Лишь на Западе, однако, и «Запад» и «Восток» впервые становятся самими собой. Дело идет от суммы национальных монологов ко всемирной многоголосице третьего тысячелетия, к «единству не как природному одному-единственному, а как диалогическому согласию неслиянных двух или нескольких» (Бахтин).

Культура не так уж хрупка и уязвима, у нее верблюжий желудок. «Цивилизация» (под которой, кстати, здесь не понимается ничего скверного, если только отношения цивилизации с культурой остаются нормально-драматическими, иначе говоря – культурными) – это или не втянутые в культуру инертно-традиционалистские элементы, или культура, выпавшая в осадок, остановленная и приспособленная. Но культура умеет придать современную остроту архаике и вторично утилизировать собственные осадки, окультуривая явления «массовой культуры», превращая их в голоса своей полифонии. В истинно-культурном контексте все идет в дело – частушки становятся «Двенадцатью», голливудские сантименты и трюки – фильмами Чаплина. Культура не только не противостоит цивилизации, но и жить без нее ни

минуты не могла бы, не отвечая ей, не пародируя, не переплавляя, не похватывая в ней все характерное. Цивилизация – дикий заказник культуры. Культуре все на пользу и на здоровье, был бы в этом какой-то живой смысл. Только с мертвыми вещами ей делать нечего.

Не будем защищать культуру. Постараемся лучше ей не мешать.

Примечание. Нетрудно заметить, что отношение к своей культуре как к лучшей из возможных, проявляется автором в форме повышенного уважения к обновлению и диалогической активности. Ср. некоторые мысли из 2А27, 2А28. Следующий материал может служить иллюстрацией к тезису «культуре все на пользу».

Р.

2Б6. Н.Малаховская. **Три песни.** «37», 16, Ленинград, 1978, 6 стр.

Бывают песенные времена, когда легко дышится и легко поется, когда песни не только праздник, но и исповедание веры, единственное, что непосредственно говорит о смысле жизни. <...>

... надо льдами и снегами льется песня, милая множеству людей и до сих пор:

*... Бури, ветры, ураганы,
Ты не страшен, океан,
Молодые капитаны
Поведут наш караван!..*

Во имя чего эта радость, это воодушевление, эта отвага? Почему такой восторг вызывали в те времена покорители Севера, воздуха, стратосферы? <...> Возможно, правомерна такая постановка вопроса: всякая вера нуждается в чудесах, в том числе и вера в человека (или – в Человека). Если отдельной личности для такой веры может быть достаточно тех чудес, которые видны только чистому сердцу, имеющему «дары духа», то народу, толпе для веры нужны чудеса зримые, вроде тех, какими дьявол искушал Христа в пустыне. Так не были ли «чудеса храбрости» и «чудеса науки», сверхчеловеческие подвиги, совершенные в крайних обстоятельствах, теми искомыми чудесами? <...> С этой точки зрения становится понятной идеализация героев того времени, которую можно сравнить разве что с идеализацией святых в житийной литературе. Тогда упала тень на это искусство, когда

ради правдоподобия стала требоваться «червоточинка» в характерах «положительного героя». В душе святого не может быть червоточинки, на то он и святой. <...> Тогда уж подавай реального человека с его трагическими безднами. Либо – либо. <...>

Искусство прославления «молодых капитанов» превратилось в искусство поделки и подделки. И тут всплыла песня, сочиненная еще в довоенные времена:

*Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза,
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...*

<...> Разве может быть делом случая, что «Бригантина» стала так широко популярна только в начале 60-х годов? <...> «Флибустьерское, дальнее, синее море», – это совсем не то «далекое море», которое штурмовали молодые капитаны. Эти два моря – попросту антиподы, ни на какой карте они не могут оказаться рядом. Море другое, корабль другой, да и капитан совсем не тот. <...> У героев «Бригантины» все неопределенно, как будто они и сами не могут себе уяснить, чего же им, собственно, хочется, куда и зачем стремятся их корабль. Все равно куда, лишь бы подальше от «усталых глаз» и «грошового уюта». <...>

Самым трагическим представляется мне следующий куплет:

*Так прощались с самой серебристой,
С самою заветною мечтой
Флибустьеры и авантюристы,
Братья по крови горячей и густой.*

С какой же мечтою прощаются герои песни? Не с тою ли самой, за которую так «отважно дрались» молодые капитаны? Пиратами и авантюристами называет их автор. Вряд ли им это к чести, хотя, возможно, эта оценка не так уж далека от реальности. И в конце концов, «с тех пор» как они опоздали на корабль и простились «с самой серебристой», что же им рекомендует автор? – «Только чуточку прикрой глаза».

Убедительно, в самом деле! Не этим ли мы, действительно, занимались столько лет? И эти слова в сопровождении суровой щемящей мелодии твердило целое поколение молодежи – не то как клятву, не то как молитву. Но наконец «надоело» не только «говорить и спорить», но и прикрывать глаза. Да и время повернулось – еще на один оборот. И унесло время «Бригантину», как-то неловко стало ее петь. Замолкли и ее последователи, богато оснащенные парусами, кострами, палатками и прочим

спортивным инвентарем. И тогда, в образовавшейся тишине люди расслышали другие песни – пришло их время. <...> Капитаны, корабли и моря начисто отсутствуют в этих песнях. Есть конь, который – притомился, остался и мотив подвига, – правда, в самом трагическом своем обличье:

*Мы в пух и прах наряжали тебя,
Мы тебе верно служили,
Громко в картонные трубы трубя,
Словно на подвиг спешили, –
Даже поверилось где-то на миг,
Знать, в простодушие сердечном, –
Женщины той очарованный лик
Слит с твоим празднеством вечным...*

Да, был бы праздник, слились бы с ним и человеческая любовь, сбылась бы мечта Шиллера, Бетховена и всех, как говорится, лучших людей человечества. Но праздник остался праздником, «время по-своему судит».

<...> В песнях Окуджавы нет и не может быть прямого призыва вроде «штурмовать далекое море» или «чутьочку прикрыть глаза». Разве что, – «не обращайтесь вниманья, маэстро» и «из грехов нашей родины вечной не сотворить бы кумира себе». Они могут только явить боль нашего времени, только констатировать тот очевидный факт, что «в суете тебя сняли с креста и воскресенья не будет».

Еще вчера эти песни были популярны, пока люди продолжали петь и очищаться трагизмом песни. Сегодня <...> петь не хочется.

2Б7. Л.П.НЕСТОР. Не читайте этой книги!

А читая – будьте все время начеку. Речь идет о сочинении АЛЕКСАНДРА РАВИНОВИЧА «**Большевики приходят к власти**» (*A.Rabinowitch. The Bolsheviks come to power. Norton Co, New-York, 1976*). <...>

Автор перебирает причины, по которым большевикам удалось прийти к власти, и находит новую, коя не снилась ни Троцкому, ни Керенскому, ни Милюкову, ни Чернову, да и никому из историков, по-видимому: «Я хотел бы подчеркнуть относительно демократическую, терпимую и децентрализованную внутреннюю структуру партии и такой же ее образ действий, равно как и ее по сути открытый и массовый характер». (Были ли другие партии менее демократичны и терпимы?) Достаточно задать такой

вопрос, чтобы понять, что к причинам победы большевиков названные приятные качества не имели никакого отношения. Но вся книга подводит к выводу, будто этими достоинствами большевики обладали-таки в июле-октябре 1917 года (Я согласен, что большевики не были монолитной и однородной группой единомышленников.) Но от признания такого факта до «терпимости» и «децентрализации» как причин победы – как раз шаг от великого до смешного.

Позицию автора можно было бы сформулировать так: посмотрите, т.т. Брежнев и Сулов! Вот я написал книгу, пользуясь только советскими источниками (а коли изредка цитирую антисоветчиков, то исключительно те их высказывания, где они других антисоветчиков поливают грязью), показываю, как ожесточенно спорили внутри большевистской партии, даже с Лениным не соглашались, поступали вопреки ему – а в результате взяли власть!! Поэтому введите в СССР такую же демократию, как тогда. Ну и книжку мою издайте в СССР. (Надеюсь, автор не стоит на такой позиции.)

Изложу-ка я вкратце содержание книги, как его понял. При этом ограничусь только «большевистской линией», ибо она главная в книге и потому еще, что небольшевиков (в особенности несоциалистов) автор трактует неприкрыто поверхностно. <...> В июле большевики неудачно восстали, хотя, с другой стороны, они и не восставали. Какой ущерб причинили мирным жителям Невского проспекта восставшие матросы, конечно, не упоминается, но зато трогательно расписывается судьба едва ли не каждого арестованного за восстание большевика. С некоторыми третьестепенными подробностями рассказывается, как протекала подготовка обвинения Ленина в «немецком шпионаже». Издавая книгу на Западе, автор понимает, что нельзя просто объявить сие гнусной клеветой. Поэтому:

<...> немцы израсходовали солидные суммы для подрыва внутренних дел России, и часть этих денег была канализована большевиками. Компетентные источники сообщают, однако, что большинство большевистских вождей, не говоря уже о партийной кассе, ничего не знали про эти субсидии. Хотя вроде бы Ленин и знал про немецкие деньги, нет никаких доказательств, чтобы они влияли на его политику.

<...> Много места отведено описанию выдачи ордера на арест Ленина, обыскам у Бонч-Бруевича и т.п. преследованиям оклеветанных большевиков. А вот поведать читателю, что за несколько часов до санкционирования ордера на арест и обыск Лени-

на тот самый помощник прокурора Республики, которому правительство поручило расследование, нелегально сообщил Бонч-Бруевичу про предстоящий ордер, – про это Рабинович ничего не говорит. Однако, сознайтесь, такой фактик вносит в тему «полицейских преследований» некий мотив фарса: бутафорское это было преследование!

Ну-с, Ленин с Зиновьевым сено косят в Разливе, Троцкий вышагивает в Крестах, полулегально собирается VI съезд. Автор ничего не хочет всерьез рассказать про объединение межрайонцев и большевиков, а <...> как раз тут неоднородность, немонолитность партии видны невооруженным глазом. Вместо того автор повествует про различные мнения, не совпадающие с мнениями «постороннего» Ленина (как он сам себя в ту пору именовал с обидой). В этом-то несовпадении мнений присутствующих с мнением отсутствующего автор и усматривает демократизм и терпимость.

Нельзя не похвалить автора. Он превосходно вчитывается в стенограммы, великолепно интерпретирует в них каждую фразу – произнесенную или умолчанную. Сам он, видимо, превосходно понимает тончайшие оттенки политических формулировок и живо улавливает их в терминологии партийных ораторов. Нудные протоколы оживают драматическим противостоянием платформ и позиций. Но в авторской истории *людей* нет. Есть политические фигуры, доктрины и резолюции. Зато то, что есть, препарировано блестяще. Да, стоит прочитать эти страницы.

Ленин слал статьи в «Рабочий путь», ЦК их не публиковал или же публиковал после того, как сам Ленин уже успевал сменить точку зрения на противоположную. Скрывал их от делегатов съезда и парт.работников. Расхождения все были на тему о формах и методах взятия власти: вся власть советам или прямо нам, большевикам? Примыкало к этому и расхождение в оценке правительства Керенского: Ленин считал, что оно бесповоротно встало на путь контрреволюции и разнуздывания репрессий, а жившие в Петрограде большевики ничего такого не замечали. Тут бы и порассуждать на тему: мерещилось ли это Ленину (и почему?) или же он предумышленно врал своим сотоварищам (опять же – с какой целью?), но автор такой альтернативы не замечает. У него вообще нет разницы в модальностях: «Ленин сказал» и «Ленин думал». <...>

Красочно реставрировано историческое заседание ЦК в квартире Суханова 10 октября. <...> Показано, что резолюция от 10.X. обернулась пшиком, что надежды превратить Съезд советов Северной области (где превалявали большевики – на съезде, а не в области, конечно) в орган восстания – лопнули;

что бурно рвавшиеся к восстанию в июле члены Военки теперь беспомощно разводили руками и ссылались на техническую неготовность; что непосредственно контактировавшие с рабочими слоями вожаки большевиков «выражали серьезное сомнение в возможности мобилизовать на восстание значимое число рабочих» (попросту – не шли рабочие за большевиками, но автор скорее руку себе отрежет, нежели признает такой вывод, хотя он следует из разбросанных по самой книге фактов). Рассказывается, что против курса на восстание возражали и левые с.-р. и часть большевиков (куда шире, нежели пресловутые Зиновьев-Каменев). <...> Троцкий (автор геройски не соглашается с советской историографией и отмежевывает его от трусливых Зиновьева-Каменева) игнорировал ленинские понукания (даже отсутствовал на заседании ЦК 16.X) немедленно брать власть в руки партии, а стремился, применяясь к обстоятельствам, передать власть в руки II съезда советов, свергнув Керенского. И он умело воспользовался тем, что в петроградском гарнизоне возникло резкое недовольство распоряжением правительства отправиться на фронт. Гарнизон стал ударной силой в планах Троцкого. И хотя отданный 22.X Троцким приказ всем частям гарнизона исполнять только те приказы, которые визированы комиссаром ВРК (юридически этим датируется начало восстания), пришлось отменить уже вечером 23.X, испугавшись решимости Керенского обвинить ВРК в государственной измене и вернуть Троцкого в тюрьму (он ведь был «выпущен на поруки», когда его избрали в Петроградский совет), тем не менее тактика Троцкого принесла свои плоды: он дождался, когда правительство перешло в наступление (ночь с 23-го на 24-е), закрыв две большевистские (и попутно – две черносотенные) газеты, а затем начал «обороняться». Отдал приказ Литовскому полку и VI инженерному батальону открыть запечатанные типографии (только большевистские, разумеется), мотивируя: «Совет не может смириться с подавлением свободного слова!» С сего-то и пошла развертываться Октябрьская революция... Но весь день 24-го вслух говорилось только о защите завоеваний революции, о том, что у большевиков в мыслях нет захватывать для себя власть и т.п., так что Ленин не выдержал и, в очередной раз нарушив партдисциплину, пришел в Смольный в ночь с 24-го на 25-е. Приказ морякам прибыть был уже послан в 8 часов вечера 24-го, а в ночь на 25-е действия большевиков активизировались. Правда, когда на II съезде советов Троцкий торжественно объявил о свержении Временного правительства, Зимний еще не был взят, еще и Керенский

его не покинул... Своим авторитетом Ленин перемог Троцкого и других не отдавать власть Советам, а оставить ее за большевиками.

Я резюмировал взгляд автора. Сам же я смотрю на ход событий иначе, хотя изложенные автором внешние факты переданы совершенно точно. Но налицо одно умолчание – полагаю, умышленное. Оно состоит в нежелании автора процитировать основополагающее высказывание Ленина: «Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение о необходимости вооруженного восстания, *обязывает* при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого». В свете же этого учения никаких разногласий между Лениным и Троцким не усматривается: последний все время был вынужден высказываться публично, вот он и отмежевывался от замыслов восставать (как-никак – уголовное преступление), от намерений присвоить власть своей партии (неблагообразно это, да и отпугнет колеблющихся социалистов). Но делал он – эффективно делал, надо признать, – то самое, о чем они договорились с Лениным: устранял тех, кто может помешать большевикам управлять страной и миром.

Тут надо остановиться, ибо это – принципиально важный момент. До сих пор еще идет спор: кем были большевики? Фанатиками-идеалистами, свято и неколебимо веровавшими в свои лозунги, – или властолюбцами, предвосхитившими девиз Муссолини: «Наша программа простая – мы хотим власти»? <...> Большевицким вождям, как многим другим русским государственным деятелям (Иван IV, Петр I) и многим нетерпеливым западным левым террористам, была неотъемлемо присуща одна естественная черта: они могли управлять только при отсутствии возражений, только «без чужих». Несогласных, «не наших», ни в правительстве, ни вообще вблизи себя они перенести не умели. Поэтому, хотя в душе они вовсе не жаждали власти самой по себе, а стремились осчастливить мир своими идеями, практически они могли это сделать лишь захватив власть, лишь подавив всякое инакомыслие и инакодействие. <...> Ядро большевицкого руководства в эти месяцы главнейшей своей целью полагало отстранить от политически влиятельных постов *всех* несоциалистов и умеренных социалистов. Для этого надлежало разогнать Предпарламент и старый ЦИК, не допустить функционирования Учредилки. Вслух такой цели провозгласить нельзя, поэтому предстояло посеять раздор в стенах Препарламента <...> Средства разрешались любые, в том числе притворные расхождения между большевиками, обещания – без намерения их исполнить,

энтристские вхождения в чужие партии, подтасовки с выборами делегатов на II Съезд советов и т.п. <...> В свете сказанного становятся смешными те упреки, которые бросает автор не пожелавшим найти компромисса с большевиками. Неужели же большевики «поддались бы на удочку переговоров»?! Разве им нужны были те или иные *акции* правительства, предпарламента или ЦИКа, а не решительное отстранение их всех? Большевикам, которые всего за несколько дней до переворота развернули было кампанию против правительства за то, что оно, дескать, ищет путей к *сепаратному миру* с Германией?! (К слову, и об этом автор умалчивает) <...> Ведь еще 10.X Ленин недвусмысленно сказал, что большевикам нельзя потерпеть созыва Учредительного собрания, ибо там «мы будем слабее», и что торопиться с восстанием следует как раз ради недопущения Учредилки. Но автор и сие игнорирует, как игнорирует вообще все *всамделишные* намерения большевиков, изображая их так, как они сами себя рисуют в выступлениях на публику.

Более гипотетично хочу я сказать об одной ошибке <...> Из всех историков один только С.СПЕКТОРСКИЙ («Происхождение современной власти», Ленинград, Самиздат, 1974, 2-я редакция – 1977) ее не совершает. <...> Я с ним согласен и думаю, что никаких «колебаний» Зиновьева-Каменева не было. А происходило умышленное публичное отмежевание («отмазывание», как говорят профессионалы-уголовники) части наиболее ценных партийных кадров от идущих на государственное преступление (восстание) большевиков, дабы в случае поражения эти двое остались бы незамешанными, нерепрессированными и смогли бы возродить партию (автор сам с изумлением констатирует, что Каменев утром 24-го руководил восстанием из Смольного!) <...> Согласен – гипотеза детективная. Но история КПСС – это история криминальная, и потому ее следует изучать методами Агаты Кристи и Жоржа Сименона. <...>

Другая ошибка, совершаемая автором на всем протяжении книги, – утверждения насчет настроений петроградских рабочих. (Доказательства берутся из опубликованного в СССР сборника резолюций, принятых разными советами и комитетами летом 1917-го.) Наивность, которой трудно подыскать название. Ведь здесь двойной подлог: в отборе в 1964-м сохранившихся в архивах СССР документов и в фальсификации самих «советов» и «комитетов» <...> Ничего не стоило созвать заседание без кворума (на стр.162 видно, что резолюция, собравшая 279 голосов из 2000, объявляется принятой, когда 1550 депутатов отсутствуют), огласить и проголосовать резолюцию, а *потом* дописать или

вычеркнуть фразу-другую. Это и за грех-то не почиталось никем (не одними большевиками). Более специфическим приемом было провозглашение какого-нибудь сборища - *настоящим* советом, если уже функционировавший совет оказывался недоступным для переубеждения. К этому приему большевики прибегали уже начиная с процедуры созыва II съезда РСДРП. <...> Кроме того, автор позволяет себе такие умозаключения: оратор большевик произнес речь с такими-то тезисами, и была принята резолюция с этими тезисами, *следовательно*, слушатели в большинстве разделяли эти тезисы. Да слушатели и слов-то не понимали, коими изъяснялись программно-тактические разногласия! Они голосовали за того, кто громче переорет другого, кто «завернет» оборот покруче, кто похлеще ругнет власть <...> Ошибка десятков историков в том, что они к октябрьскому перевороту относятся как к явлению в области программно-теоретических положений: люди с такой-то программой сменили людей с другой доктриной. А было это явление совсем иной природы: люди, которые нуждались во власти, устранили других людей, прибегнув к активной помощи неграмотной и озлобленной черни. <...> Не правы те, которые рисовали случившееся как «воцарение черни»: чернь была не царем, а «мавром, делавшим свое дело». Но еще более не правы те, кто (как рецензируемый автор) умалчивает о роли толпы и урок и даже звуком не обмолвливается о погромах, мародерствах и расстрелах в октябрьские дни. Джон Рид был честнее!

Итак, я думаю, понятно, почему я не рекомендую читать эту книгу <...> Но если читатель профессионально занимается этой эпохой, то ему, конечно, следует ознакомиться с мастерски сделанной интерпретацией стенограмм и протоколов, полистать и другие страницы, где он найдет третьестепенные подробности <...> Будет досадно, если своими картинками и типографским оформлением книга найдет себе широкого читателя.

2Б8. А.КРАТОВ. Давно известный математик

Автобиографию, скромно озаглавленную «*Краткое жизнеописание Л.С.Понтрягина, составленное им самим*» («Успехи математических наук», 6, 1978, 7-21) безусловно нужно относить к неподцензурной прессе. Только очень важное лицо, стоящее в иерархии выше всяких цензоров, может пропустить статью, в которой содержатся, скажем, такие слова: « <...> я не ощущал уверенности в нашей окончательной победе и это делало жизнь какой-то призрачной и бесперспективной». Кому же это позволено, хотя бы задним числом, печатно сомневаться в непобедимости нашей страны? <...>

Л.С.Понтрягин – математик, академик, автор ряда важных работ по топологии и топологической алгебре, сделанных в основном в 30-40-х годах; более известен как глава коллектива, занявшегося и разработавшего в 50-х годах основы так называемой математической теории оптимального управления. «В течение 30 лет я занимался только математикой» – за это время трудной и упорной работы (Л.С. ослеп в 13 лет) он приобрел научный авторитет и широкую известность. Его поступки были подчас независимы. Его окружали ученики, друзья. Позже (в 50-х годах), в связи с переходом к другой тематике или еще почему-либо, окружение его полностью сменилось.

«Начиная с 1969 года я стал принимать участие в организационной работе, ... очень сблизился с Виноградовым и стал одним из его ближайших соратников». Именно теперь к Л.С. придет подлинная известность, превышающая профессиональную («Жизнеописание» начинается с самопародийной фразы «... мне 70 лет, и я уже давно известный математик»). Но эта геро-стратова известность имеет косвенное отношение к математике. Л.С. стал одиозной фигурой, осуществляющей под руководством И.М.Виноградова и вместе с другими «соратниками» самый неприкрытый нажим на все живые математические силы страны. Этот нажим и гонения идут по всем направлениям (прохождение диссертаций, публикации в журналах, отбор делегатов на международные и всесоюзные конференции и съезды, издательская политика, переводы иностранных изданий – все это в руках узкой группы бывших математиков, среди которых Л.С. – один из главных; антисемитизм этой политики отражен в 1Б9, 2А24). Как водится, сам Л.С. давно отошел от науки, смутно представляет ее нынешние ландшафты и изолирован от тех, кто ею занимается.

Эту свою деятельность и ее результаты Л.С. высоко оценивает и пишет об этом в автобиографии насколько можно открыто. И вот признано, что его краткие, но выразительные мемуары хоть и слишком откровенны, но поучительны для общественности. И это правильно: пусть математическая общественность знает мысли и оценки своих лидеров.

Чего только нет в «Жизнеописании». «... я был избран академиком. Это важное для меня событие не было, однако, сопряжено ни с какими волнениями, так как я был как-то очень уверен в том, что меня выберут». Тут же, правда, нечаянно объясняется: «Это избрание было задумано и проведено И.М.Виноградовым» – вот в чем дело. Есть и неприятательного вкуса и уровня балаган: «... нижняя юбка с фрейлен Нетер начала постепенно спол-

зять...» (это – про выдающуюся немецкую алгебраистку, читавшую лекции в МГУ), есть мещанские житейские секреты: «Государственная премия, положенная на сберкнижке, оказалась в привилегированном положении» и т.п. Есть и живые детали из студенческих времен (поскольку высказаны они с разрешенной откровенностью, то читаешь их с интересом).

Но главное звучание этого произведения (если исключить небольшую математическую часть) состоит в запоздалом, иногда злобном сведении счетов со всеми, кто когда-либо не угодил в прошлом (такова большая часть упоминаний о П.С.Александрове, И.П.Петровском, В.Ф.Кагане, отчасти А.Н.Колмогорове и даже о первой жене) и в грозных намеках-полудоносах и предупреждениях тем, кто не сразу понимает серьезность намерений Л.С. в настоящем (Н.П.Боголюбов и др.). По дороге как бы выбалтываются закулисные ходы – про выборы в академию, про торговлю постом вице-президента Международного математического союза, на котором Л.С. приобрел уже международную пришибевскую известность.

<...> Словом, в «жизнеописании» есть все, что свойственно человеку не слишком высокой культуры, не бог весть какого ума, упоенного собой, когда он начинает перебирать прошлое, считать регалии, обиды и т.п.

<...> Ставя себе целью борьбу, как сейчас говорят, с сионизмом, Л.С. и его коллеги, конечно, догадываются, что в научной политике любой вненаучный критерий (напр., классовая, национальная или другая «чистота») приводит к полному обскурантизму. <...> Уже давно большая часть математической науки ушла от них и никак не отражена в стенах их института, в их комиссиях, делегациях, журналах. Эта влиятельная и немногочисленная группа переносит атмосферу 30-40-х годов в наши дни. Сами они в те годы по разным причинам не принимали или принимали незначительное участие в создании этой атмосферы <...> – может быть, потому тогда математика и спаслась. Но вот сейчас спохватились и стараются наверстать упущенное.

Чествуя Л.С., мы ясно видим три поколения руководителей советской математики. Великая Октябрьская социалистическая революция смела старую дворянско-буржуазную науку, но не совсем. <...> Из крупных математиков лишь единицы покончили с собой (А.Ляпунов, 1918), высланы за границу (Я.Тамаркин), стали невозвращенцами (Я.Успенский), тайно бежали (Безикович) и т.д. Более того, некоторые видные дореволюционные математики (Лузин, Стеклов, Смирнов) сделались лидерами научных школ после революции и стали первыми организаторами совет-

ской математики. Люди высокой культуры и талантов, не искавшие административных постов, они остались в нашей памяти людьми науки.

Их ученики 20-30-х годов – это зачастую талантливые люди <...>, сделавшие немало в науке. Но они уже хотели отличий, постов, их внеученные претензии были гораздо шире, а личные качества – ниже. Роли их, правда, не одинаковы. К ним и принадлежит Л.С., а также М.В.Келдыш, М.А.Лаврентьев, А.Н.Тихонов и И.М.Виноградов (хотя последний значительно старше). Упорной работой некоторые из них добились того, что их имена будут вспоминать не столько в связи с принципами, теоремами и методами, сколько в связи с притеснениями и интригами.

Но вот уже подготовилось к высшим постам в математике новое поколение. Оно относится к своим предшественникам так же, как Л.С. к своим учителям, им надо обязательно успеть; научный багаж еще меньше, жажды власти еще больше. Но это – другая тема <...>

Обязательно прочтите «Жизнеописание», благо оно есть в библиотеках. Правда имеется три (!) варианта журнала с разным объемом купюр – слишком многое хотел объяснить нам ученый о себе, о жизни, о проделках сионистов <...> – поэтому пришлось все же последовательно кое-что убрать из текста. Не все можно даже Л.С.

И при чтении перед вами возникнет грустная картина: свое нравный талантливый юноша; быстро прогрессирующий ученый; и на старости лет – недалекий, потерявший подлинные ориентиры человек, гонитель новых талантов, самодур; по чьему-то хитрому наущению «занявшийся международными отношениями» и другими столь же необходимыми и знакомыми математику вещами.

IV.79

2Б9. Б.Чичибабин. *Поиски*, 4, Москва, 1978

Печатается два (не лучших!) стихотворения из подборки, объединенных темой «отъезда».

Не веря кровному завету,
что так нельзя,
ушли бродить по белу свету
мои друзья.

Броня державного кордона
как решето.
Им светит Гарвард и Сорбонна,
а нам-то что?

Пусть будут счастливы, по мне хоть
в любой дали,
– но всем живым нельзя уехать
с живой земли.

С той, чья судьба еще не стерта
в ночах стыда,
а если с мертвой, то на черта
и жить тогда?..

Я верен тем, кто остается
под бранный треп
свое угрюмое сиротство
нести по гроб,

кому обещаны допросы
и лагеря,
но сквозь крещенские морозы
горит заря.

Пускай бегут под смех созвездий,
под шлеп дождей,
кляня в душе неверных бестий –
хмельных вождей.

В чужое зло метнула жизнь их,
с пути сведя,
и я им, дальним, не завистник
и не судья.

Нам не дано, склоняя плечи
под ложью дней,
гадать, кому придется легче,
кому трудней.

Пахни ж им снегом и сиренью
чужа-земля.
Не научили их смиренью
учителя.

Пошли им, Боже, легкой ноши,
прямых дорог,
и добрых снов на злое ложе
пошли им впрок.

Пускай опять обманет демон,
сгорит свеча,
– но только б знать, что выбор сделан
не сгоряча.

Благодарствую, други мои,
за правдивые лица.
Пусть светла от взаимной любви,
наша подлинность длится.

Будьте вечно такие, как есть,
– не борцы, не пророки,
просто люди, за совесть и честь
отсидевшие сроки. . .

Одного я всем сердцем боюсь,
как пугаются дети,
что одно скажет правнукам Русь:
как *не надо* на свете.

Видно, вправду, такие чаи,
уголовное время,
что все близкие люди мои –
поголовно евреи. . .

За молчанье разрозненных дней,
за жестокие версты
обнимите меня посильней,
мои братья и сестры.

Но и все же, не дай вам Господь,
уезжать из России.
Нам и надо лишь соли щепоть
на хлеба городские.

Нам и надо лишь судеб родство,
понимание взгляда.
А для бранных телес ничего
нам вовеки не надо.

Вместе будет нам в худшие дни
не темно и не тяжело.
Вы одни мне вместо родни,
павлопольская бражка.

Как бы ни были встречи тихи,
скоротечны мгновенья,
я еще напишу вам стихи
о святом нетерпеньи.

Я еще позову вас в бой,
только были бы вместе.
Благодарствую, други мои,
за приверженность чести.

Нашей жажде все чаши малы,
все, что есть, – вроде чуши.
Благодарствую, други мои,
за правдивые души.

В. Содержание свежих номеров

2В1. «Поиски», 4, 1978, Москва

Тридцать лет Всеобщей Декларации Прав Человека: В.Некипелов. Мысли о гражданстве. Послесловие П.П. – М.Байтальский. Религия государства. – М. Зотов. Затапанные родники.

СОМНЕНИЕ: П.Юлин. Минус прошлое. – П.Растин. Неполитические письма.

ЭКОНОМИКА: Адам Кузнецов. Бедность народов. – Экономическое интервью 1965 года. Послесловие: спустя 12 лет.

СТИХИ, ПРОЗА, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ: В.Некипелов. Стихи. – Г.Безгласный. Крот истории, или Революция в республике S=F (окончание). – Б.Чичибабин. Стихи. – Г.Рыбак. И примкнувший к ним Малофеев. – Л.Филонов. Из дневника читателя.

ПОВЕГ: Ф.Серебров. Стихи.

СОПРОТИВЛЕНИЕ: Г.Давыдов. Я против террора. – П.Абовин-Егидес. Паралогизмы полицейской психиатрии. – Представляем сборники «Память».

ВОСКРЕШЕНИЕ: А.Белинков. Побег (рассказ), послесловие В.Гершуни.

ИЗ ЗАПАСНИКОВ САМИЗДАТА: В.Гусаров. В защиту Фаддея Булгарина! – Н.Асеев. Октябрьская повесть. – А.Т. «Вы говорите – образа...»

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: М.Морская. И снова об очередях.

ФОРТОЧКА (журнал в журнале)

2В2. «Метрополь» (Литературный альманах). Москва, 1979

Поэтический эпиграф: В.Высоцкий, Г.Сапгир, Евг.Рейн, И.Лиснянская, С.Липкин, Ю.Каравчиевский, Ю.Кублановский, А.Вознесенский. Б.Ахмадулина. Много собак и собака. – П.Кожевников. Мелодии наших дневников. – Евг.Рейн. Стихи. – Евг.Попов. Чертова дюжина рассказов. – В.Высоцкий. Стихи и песни. – Фр.Горенштейн. Ступени. И.Лиснянская. Стихи. – С.Липкин. Стихи. – А.Битов. Прощальные деньки (*из книги «Воспоминание о реальности»*). Юз Алешковский. Три песни. А.Вознесенский. Стихи и графика. – Ф.Искандер. Маленький гигант большого секса. Возмездие. – Б.Вахтин. Дубленка. – Г.Сапгир. Стихи. – Арк.Арканов. И все раньше и раньше опускаются синие сумерки. И снится мне карнавал. – Ю.Каравчиевский. Осенняя хроника. Элегия. – Вик.Ерофеев. Рассказы и трехглавое детище. – Ю.Кублановский. Стихи. – Дж.Апдайк. Отрывок из неопубликованного романа «Переворот» (*на англ. и русск., пер. В.Аксенова*). – В.Аксенов. 4 темперамента (*комедия*). – М.Розовский. Театральные колечки, сложенные в спираль. – В.Ракитин. Через... – В.Н.Тростников. Страницы из дневника. – Л.Баткин. Неуютность культуры. – *Коротко об авторах.*

2В3. «Часы», 16, 1979, Ленинград.

ПРОЗА: Л.Богданов. 1974 год. – А.Бруевич. Из разговоров с Бончем. – Евг.Чернеховская. Письмо из желтого дома. Уйди, не снись, крысиный хвостик. Сны. Болезнь. Огонь небесный. Бабушка (*рассказы*). – Шерли Джексон. Лотерея (*пер. с англ. Е.Янушевича*).

ПОЭЗИЯ: С.Стратановский. Стихи 1975-1978 гг. – А.Ожиганов. Подобие биографии. Стихи. – С.Шефф. Стихи из книги «Ощущения».

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ: С.Маслов. О корреляции «состояние общества – художественный стиль» (*конспект исследования*). – Б.Иванов. Каноническое и неканоническое искусство.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: Е.Звягин. Смерть Турухтана.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: Иван Кронверский. Миллер. Снова в Петербурге (несколько штрихов к экспозиции графики М.Шемакина в окт. 1978) – Р.Скиф. От перемены мест...

ПЕРЕВОДЫ: С.Карлинский. Марина Цветаева (*главы из книги*) (*пер. с англ. с сокращ. Е.Янушевича*).

ХРОНИКА: У.И. Посвященная Филонову выставка художницы А.А.Лепорской. – Валерий Исаянц. Под сенью приземленных звезд. – Альберт Розин. Редкий художник.

2В4. «Часы», 17, 1979, Ленинград

ПУБЛИКАЦИИ: Леонид Семенов-Тян-Шанский. Дневник. Записки.

ПОЭЗИЯ: Виктор Кривулин. Аквариум, книга стихов. – Алексей Семенов. Стихи, посвященные осени. Призрак праздника (*одноактная поэма*). – Эдуард Лимонов. Золотой век, поэма.

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ: Марк Мартынов. Эверест (*мелодрама в пяти картинах*). – С.Мрожек. Сидор. Плот (*пер. с польского*).

КРИТИКА: Нина Ефимова. Восьмерка Логоса (о поэзии Елены Шварц). – А.Б. Блаженство и много нежных средств (несколько слов по поводу поэмы Е.Шварц «Хоррор Эротикус»).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: Полгода в Париже (интервью с художником Юрием Петрачковым, записал Ю.Новиков).

ПЕРЕВОДЫ: Карл Юнг. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых». – Махадеви. Вопросы несведущего собеседника о Махадеви и ответы переводчика. Стихи (*пер. с англ. Е.Бондаренко*).

ХРОНИКА: Р.Скиф. Выставка сидлинецв. – Январь, февраль, март (*обзор*).

2В5. «Часы», 18, 1979, Ленинград

ПУБЛИКАЦИИ: Записки поэта Леонида Семенова-Тян-Шанского (*окончание*).

ПОЭЗИЯ: Александра Сазонова. Стихи. – Юрий Галецкий. Фуга города (поэма). – Сергей Шагин. Стихи из книги «Я не могу иначе». – Николай Никитин. Стихи.

ПРОЗА: Борис Дышленко. На цыпочках (*рассказы*): Демаркационная линия. Кромка. Каскадер.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: Петр Каменев. Двенадцать апостолов (*статья о лириках*): Иннокентий Анненский.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: Анатолий Басин. Кальмитек (о художественных выставках 1974-1975 в ДК им. Газа и «Невском»). – В.Н.Благих. Салон-статья.

ХРОНИКИ, ЗАМЕТКИ, ПИСЬМА: У.И. Заметки на полях отсутствующих каталогов: Глеб Богомоллов, Анатолий Басин. – У.И. Русский скульптурный портрет начала XVIII – начала XX в. – Письма домой (Материалы к изучению культурной ассимиляции). Вып.1. Подготовил С.Осьмеркин. – И.Кронверский. К вопросу об экспозициях. – О.В.Покровский. Механизм одиночества.

ПЕРЕВОДЫ: П.Д.Успенский. В поисках чудесного (*отрывки из книги*). (Пер. с англ. Н.Б.).

2В6. «37», 16, 1978, Ленинград.

Поэзия: Фрадис. Стихи. – А.Семенов. Стихи и переводы из эстонских поэтов. – Анатолий Жигалов. Стихи из «Третьей подборки». – Геннадий Беззубов. Стихи.

ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА: Т. и М. Из частной переписки. – Юлия Вознесенская. Ответы на анкету. – Борис Гройс, Илья Кабаков. Искусство и религия (*дополнительный комментарий*).

ФИЛОСОФИЯ: И.Суицидов. Искусство в его отношении к истине. РЕЦЕНЗИИ: В.Азарян. Символ лжеца (По поводу одной коричневой книги).

ПУБЛИЦИСТИКА: Два письма о либерализме. – Наталья Малашовская. Три песни.

ХРОНИКА: Коллективные действия-постановки. – Праздник в Кучук- Кое. – Семинар, посвященный Л.Н.Толстому.

2В7. «37», 17, февраль 1979, Ленинград.

СТИХИ И О СТИХАХ: В.Г. Поэзия, культура и смерть в городе Москве (Всеволод Некрасов, Дмитрий Пригов). – Всеволод Некрасов. Стихи. – Дмитрий Пригов. Дабл-сборник (ч.1. Апофеоз милищанера, ч.2. Он). Из сборника «Стихи весны лета осени года жизни 1978». Из сборника «Стихи двадцати лет опыта».

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА: Виктор Дмитриев (Азарян). Живое или мертвое время в романах Достоевского, или Безумие против бесов. – Владимир Набоков. Наш господин Чичиков (*из книги «Николай Гоголь»*) (пер. с англ.) – С.Ведрухин. Заметки о прозе Андрея Платонова.

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ: Татьяна Горичева. Психоанализ и аскеза.

ПУБЛИЦИСТИКА: Сизифов камень.

ХРОНИКА: О журнале «Община». – Беседа с Владимиром Порешем. – Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения. – Информация о вечерах и выставках. – Интервью с представительницей англиканской церкви.

Редакция: Татьяна Михайловна Горичева, Виктор Борисович Кривулин, Евгений Александрович Пазухин. Секретарь редакции: Наталья Львовна Малаховская

2В8. «Евреи в СССР», 19, Москва, XI.1978

ПАМЯТИ МИХАИЛА ДАВИДОВИЧА ДОМАЛЬСКОГО:
(БАЙТАЛЬСКОГО): Памяти Михаила Байтальского. – М.Д.Домальский (Байтальский). Выдержки из тетрадок. Примечания 1976 г.

РЕЛИГИЯ: А.Дж.Гешель. Бог ищет человека: философия иудаизма.

ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ: Сол Беллоу. В Иерусалим и обратно (Главы из книги).

ПРОЗА: Исаак Башевис Зингер – лауреат Нобелевской премии по литературе 1978 года. – И.Б.Зингер. Маленькие сапожники (пер. с англ. Ю.Когана). – М.Ивановский. Кто последний в Израиль?

ЭССЕ, СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ: Даниил Фиш. Кто сеял со слезами – пожнет с радостью (Повесть о Элиазере Бен Иегуде и языке иврит). – Еф.Лешин. Владимир Соловьев против антисемитизма. – К. О Василии Васильевиче Розанове. – Советская пресса о сионизме.

ПУБЛИКАЦИИ: Як.Окунев. Сказание о Будде.

ПИСЬМА: Письма Андрея Окунева. – Из писем Л.Я.Дара его ленинградским друзьям. – Из писем М. и Л. Азбелей их московским друзьям.

Г. Приложение: «Память» (Исторический сборник)

2Г1. Выпуск 1. Москва, 1976 (Переиздание: Нью-Йорк, «Хроника», 1978)

ОТ РЕДАКЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ: М.Л.Шапиро. Харбин, 1945. Предисловие Л.Л. – О.И.Ясевич. Из воспоминаний. Предисловие и примечания С.Еленина. – М.Штейнберг. Эта во время войны. – М.Б.Шульман. Моя жизнь в письмах-новеллах. Предисловие М.И.¹

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: М.И-вич. «Молодежная террористическая организация» (1944-45 гг.). – Судьба «нищих сибаритов». – Н.Песков. Дело «Колокола». Примечания редакции. – Н.Попов. Памяти Анны Петровны Скрипниковой.

ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ: Вступительная заметка. – Письмо М.А.Волошина Каменеву. – Два письма Н.Я.Мандельштам. – Письмо Л.Ю.Брик Сталину.

VARIA: Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным. Сообщение О.Маркова. Послесловие и примечания А.Липинского. – Письма В.О.Левицкого из ссылки. Примечания и послесловие С.Еленина. – Н.П. Эпизод из истории Соловков. – Три письма старому революционеру. – Лагерь на острове Назино. Рассказ О.И. – Девочка в матроске: комментарий к фотографии. Сообщение Л.А.² – Победителей не судят. . . Два свидетельства. – Партийная реабилитация. Из рассказов Е.Осипова.

РЕЦЕНЗИИ: И.Вознесенский. Имена и судьбы (над юбилейным списком Академии наук). – Л.Надвоицкий. Недорисованный портрет или история пишется объективом. – Р.Пименов.

¹ В изданиях «Хроники» сопровождается послесловием автора (январь 1977).

² В изданиях «Хроники» опущены фотоиллюстрации.

Заметки о книге А.Шифрина «Четвертое измерение». Послесловие. От редакции.

ДОКУМЕНТЫ: Кассационная жалоба А.П.Бабича. – Заявление заключенного Р.И.Пименова. – Приговор по делу «Колокола». – Обращение А.П.Скрипниковой к XXIII съезду КПСС. – К статистике архипелага. Вступительная заметка А.М.

БИБЛИОГРАФИЯ: Н.Стогов. Тюремная печать 1921-1935 годов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АННОТАЦИИ (В изданиях «Хроники» опущены, с некоторыми изменениями см. 2Г4.)

2Г2. Выпуск 2. Москва, 1977 (Переиздание: Париж, YMCA-Press, 1979)

Воспоминания: И.И.Вацетис. Гражданская война. 1918 год. Предисловие и примечания С.Далинского. – В.В.Янов. Краткие воспоминания о пережитом. Предисловие и примечания И.Кривина. Приложение: Беседа группы толстовцев с антирелигиозником Ф.М.Путинцевым. – Р.И.Пименов. Воспоминания. Часть I. Один политический процесс (1956-1958).

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: Е.А.Гнедин. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией (Документы и комментарии). Послесловие. От редакции. Примечания Ф.Буркалова.¹ – М.А.Поповский. Дело Вавилова (Главы из книги). Вместо предисловия. Интервью с автором. Примечания И.Мдивани.

Из истории культуры: В.Г.Короленко. Из дневников 1917-1921 гг. Предисловие к публикации Т.Тилия. Примечания Т.Тилия и В.Рыжова. – Два письма В.Г.Короленко А.М.Горькому. Публикация А.В.Храбровицкого. – Неопубликованное интервью В.Г.Короленко. Публикация А.В.Храбровицкого. – К биографии О.Э.Мандельштама. Публикация И.Флаттерова. – Еще одна версия звонка Сталина Б.Л. Пастернаку. Сообщение Н.Селюцкого. – Несколько штрихов к портрету Б.Л.Пастернака. Сообщение У.Д-да. Приложение: Стихотворение Аллы Либединской. – На докладе Жданова. Рассказ Д.Д. Публикация В.Смирнова. – А.Булатов. О последних изданиях Ахма-

¹В издание «YMCA-Press» материал не включен. Без послесловия и примечания издан отдельной брошюрой: Е.Гнедин. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Документы и современные комментарии (В рукописи заголовок: Вклад в «Банк памяти»). Нью-Йорк: Хроника, 1977.

товой (заметки читателя). Приложение: К.И.Чуковский. Многообразие ликов.

Из ИСТОРИИ РЕЛИГИИ: Два портрета (По воспоминаниям В.Я.Василевской «Катакомбы XX века»). Сообщение В.Глазова. – Еп.Андрей (кн.А.А.Ухтомский) о путях пореволюционной церкви. Публикация М.Поповского. Послесловие Н.Лазарева.¹ – Из материалов к биографии В.Ф.Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки). Сообщение М.П.

VARIA: Светлой памяти одного чекиста. Из воспоминаний Дм.Т-ского. – Побег. Из воспоминаний И.Костюрина. – Кочмес, 1937. Устное сообщение А.О-вой. – Н.А. Губерт в стране чудес. – Из воспоминаний С.С.Маргулиса. – Д.Гринкевичюте. Литовские ссылыные в Якутии (Отрывок из автобиографических записок). Послесловие М.И. – И.А.Мельчук. Мои встречи с КГБ. Послесловие Ф.Шапиро.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
АННОТАЦИИ

2ГЗ. Выпуск 3. Москва, 1978

ВОСПОМИНАНИЯ: Р.И.Пименов. Воспоминания. Часть I. Один политический процесс (*Окончание*). Послесловие редакции. – Я.Мейеров. Из воспоминаний юности. Примечания Н.Берлина и В.Рыжова. – М.Велицкий. Шестьдесят дней в камере смертников.

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: Т.И.Тиль. Социал-демократическое движение молодежи 1920-х годов. Примечания Н.Берлина, под редакцией Т.Тили и И.Дернова.

Из ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ: Воспоминания Е.Шварца и Л.Пантелеева о К.И.Чуковском. Предисловие Р.Михайлова. Примечания В.Воронина.

Из ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. К.Лазарев. Александр Дмитриевич Самарин (1868-1932) в воспоминаниях его дочери Е.А. Самариной-Чернышевой.

VARIA: Вступительные заметки и примечания ко всем публикациям раздела М.Григорьева и Ю.Овчинникова – Г.Максимов. Суд над Я.Блюмкиным в 1919. Деньги для партии. – Из записок троцкиста Н.Н.Гаврилова. – В.Н. Фигнер и общество политкаторжан и ссыльнопереселенцев. Сообщение И.Гарелина. Приложение: Заявление старых революционеров в Президиум ЦИК СССР. – К падению Постыше-

¹ В издание «УМСА-Press» материал не включен.

ва. Из стенограммы пленума ЦК ВКП(б). – П.П.Кусков. История летчика Щ. – Мелочи (И.Т.Васильев. Воля народа. – Дм.Т-ский. Случай с Катаняном. – И.Бобрикова. Оpozнание. – Ю.Овчинников. О «Соловецком гимне». – Из истории отечественной авиации. Рассказ академика М.А.Стыриковича. – А. К. Зеленая лягушка. – И.Мотев. О Г.Э.Сорокине).

РЕЦЕНЗИИ: И.Вознесенский. Только востоковеды... – К десятилетию «Моих показаний» Анатолия Марченко: Несколько интервью (А.Д.Сахаров, К.А.Любарский, Н.А.). – З.З. Достоверное свидетельство. – В.Иофе. Из письма автору. – А.Марченко. Ответ. – Р.Пименов. Заметки о книге А.Марченко «Мои показания». – Анатолий Марченко. Живи как все (*Глава из новой книги*).

Дополнения, уточнения, письма в редакцию: Дм.Минин. Еще о политическом Красном Кресте. – Ю.А.Гастев. Письмо в редакцию.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
АННОТАЦИИ

2Г4. Аннотации к выпуску 1

От редакции – сообщаются цели и характер издания (см.2Б2). Зарубежным представителем редакции является Н.Е.Горбаневская. «Признавая исключительные заслуги в деле сбора и сохранения живых фактов прошлого и настоящего, редакция посвящает первый выпуск ГАБРИЭЛЮ ГАВРИЛОВИЧУ СУПЕРФИНУ и СЕРГЕЮ АДАМОВИЧУ КОВАЛЕВУ».

Публикуется фрагмент из воспоминаний М.Л.ШАПИРО – журналистки, жившей в эмиграции с 1918-го, а послевоенное десятилетие проведшей в советских лагерях. Излагаются обстоятельства ареста и всего этапа следствия – до приговора. В тексте встречаются имена харбинских журналистов Яворского, Савицкого, Кармиловой, заключенных Л.Старокотлицкой, Е.Шемшединовой, следователей Усатюка, Денисова, Петухова, Федоренко. (107 стр.)

О.И.ЯСЕВИЧ – ленинградская учительница, арестованная в 1929-м (поводом послужили ее знакомства и религиозные убеждения) и осужденная на 3 года Соловков. Публикуются главы из ее мемуаров: ДПЗ, Этап, Сыпняк. Среди упоминаемых лиц – А.А.Мейер, Н.В.Пигулевская, К.А.Половцева, А.П.Смирнов, Т.Н.Гиппиус. (70 стр.)

Записан рассказ социалистки М.ШТЕЙНБЕРГ о ее очередном

аресте – в начале войны на Украине, о положении заключенных в кировоградской тюрьме в первые военные дни и мучительном этапе в Усть-Каменогорск. Встречаются имена арестантов М.Ветчинкиной (Голицыной), Соколовской, Седого (И.Л.Соколовского). (32 стр.)

Записки бывшего партийного и административного работника М.Б.Шульмана касаются обстоятельств его мытарств в Москве после реабилитации в 1955-м, привлечения к партответственности его следователей Губанова и Павловича и переживаний героя в связи с этим. (32 стр.)

Статья М.И.Вича посвящена фабрикации следователями НКГБ в 1944-м дела 14 «террористов», в число которых были включены Е.А.Бубнова, В.Д.Сулимов, Ю.Т.Дунский, В.С.Фрид и др. Названы фамилии следователей Влодзимирского, Рацеса, Родоса, Букурова, Макарова, Рассыпинского, Шварцмана. Приводится полный текст распространенной лагерной песни («Песни пели, с песнями дружили все. . .») и история ее создания. (24 стр.)

Статья «Судьба нищих сибаритов» посвящена «делу» Н.Н.Вильямса, Ю.А.Гастева, Л.М.Малкина, Л.А.Медведского и Ю.С.Цизина в 1945-46-м и подробно повествует о судьбе семей Гастевых, Малкиных, Грабарей, Вильямсов в 1930-1940-е гг.; несет в себе богатый фактический материал. Тон юмористический. (40 стр.)

Очерк Н.ПЕСКОВА посвящен возникновению и деятельности подпольной ленинградской марксистской группы «Союз коммунаров» (В.Е.Ронкин, С.Д.Хахаев и др.) и суду над ее 9 членами в 1965-м. Прилагаются краткие биографические справки о всех подсудимых. (16 стр.) В качестве документального приложения публикуется приговор по делу «Колокола». (31 стр.)

В некрологе скончавшейся в 1974-м активной правозащитницы А.П.СКРИПНИКОВОЙ (ее биография стала известна из 4-й части «Архипелага ГУЛАГ») основное внимание уделяется ее общественной деятельности в последние годы жизни. Производится также попытка охарактеризовать элементы сложного мировоззрения Скрипниковой (11 стр., 1 илл.). В разделе «Документы» публикуется ее обращение к XXIII съезду КПСС, где она напоминает о делах А.А.Чеботарь-Ткач, В.С.Санагиной и А.А.Барковой, А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля, Н.Ф.Грюнвальд, Е.И.Усовой, А.Д.Копур, Г.Е.Голонд, А.А.Ванеевой, К.В.Князевой, Е.В.Чирковой и Л.Ф.Острякиной, П.П.Петровой, Н.И.Барбарчук, а также пишет о судьбе своего литературного наследства. (17 стр.)

Прошение М.А.ВОЛОШИНА Каменеву, датируемое 1924-м, излагает обстоятельства возникновения и злосключений его коктей-

бельского дома – прибежища людей искусства – и содержит обращение о заступничестве и шефстве (4 стр.). В письмах жены Осипа Мандельштама В.М.Молотову и секретарю Н.И.Бухарина Коротковой идет речь о безвыходном материальном положении писателя в 1930-м (6 стр.). Письмо Л.Ю.Брик посвящено смертной литературной судьбе В.Маяковского: по мнению автора, творчество поэта преследовалось и замалчивалось официальными советскими учреждениями. Именно благожелательная реакция Сталина (приводится его резолюция) привела к резкому изменению статуса имени Маяковского в СССР (3 стр.).

В очерке деятельности первой жены Горького Е.П.Пешковой в Политическом Красном Кресте (1924-1935) упоминаются Е.В.Тарле, А.Б.Шер, А.В.Васильева, О.У.Сандомирская, В.Н.Фигнер, А.А.Яблочкина, Б.П.Пильняк, М.Л.Винавер и др. Сообщение значительно дополняется сведениями, приведенными в источниковедческом послесловии (9+4 стр.). В отрывках из двух писем известного меньшевика В.О.Левицкого, посланных из сибирской ссылки летом 1926-го, сообщаются разнообразные оценки и факты о положении политссыльных в первой половине 1920-х гг. (3 стр.). Отрывок из воспоминаний старого соловчанина Н.П. посвящен фабрикации нового «дела» на заключенных и сотрудников Соловецкого лагеря в 1929-м. Приводятся подробности о судьбах и расстреле известных сотрудников Соловков Курилко, Трофимова, Брайна, Иваницкого, А.Шрейдера и др. (7 стр.). 3 письма из заключения, написанные в 1930-1931-м СЕМЕНОВЫМ, крестьянином по происхождению, обращены к одному из ветеранов революции. Растерянный автор не может понять, за что он оказался в тюрьме, как могла его «родная» власть бросить своего сторонника за решетку. Сохранен синтаксис подлинника (5 стр.). Публикуется драматическая история создания и гибели (голод, людоедство) лагеря на острове Назино на Оби летом 1933-го (2 стр.).

«Девочка в матроске» – рассказ о судьбе Э.А.Маркизовой, явившейся одним из символов счастливого детства советских детей (групповой портрет Сталина с нею был широко распространен в 1930-1940-е гг.). Изложены обстоятельства появления фотографии в 1936 г. и трагическая судьба родителей Маркизовой (2 стр., 2 илл.). «Победителей не судят...» представляет собой сообщение о репрессиях по отношению к советским воинам, вернувшимся в 1941-м из финского плена. Это отрывок из неопубликованных воспоминаний о недавних событиях Э.Э.Маргулиса и запись рассказа Е.О. (2 стр.). Свидетельство бывшего троцкиста Е.ОСИПОВА подтверждает сведения, что бывших оппозиционеров

не восстанавливали в партии после гражданской реабилитации в середине 1950-х гг. Автор приводит несколько случаев исключений из этого правила и высказывается об их причинах (4 стр.).

В рецензии И.ВОЗНЕСЕНСКОГО на двухтомник «Академия наук СССР, Персональный состав» (М.:Наука, 1974) обстоятельно показывается фальсифицированность и небрежность этого «научного» издания. Текст включает краткие биографические очерки акад. Г.Д.Меллера, В.И.Вернадского, П.Г.Виноградова, А. А.Ухтомского, Н.Н.Горбунова и др. (60 стр.). В рецензии-памфлете Л.НАДВОЙЦКОГО на «фундаментальное» собрание ленинских изображений («Ленин. Собрание фотографий и кинокадров». Т.1-2, М.: Искусство., 1970-1972) указаны основные искажения и ошибки издания (анализируются 28 снимков), подробно исследованы причины подтасовок с подлинными документами в руках (33 стр., 18 илл.). В размышлениях о книге А.ШИФРИНА («Посев», 1978) Р.ПИМЕНОВ делает многочисленные дополнения и исправления по собственным воспоминаниям (в том числе – и о встречах автора и рецензента в заключении); в послесловии изложено отношение редакции к некоторым аспектам рецензии и дана более широкая оценка книги и общая характеристика личности Шифрина (10+2 стр.).

В разделе «Документы» кроме упомянутых выше публикуются: жалоба 1947 г. от А.П.Бабича (его имя встречается в 1-й части «Архипелага ГУЛАГ»), в которой подробно повествуется о роковых обстоятельствах, приведших автора в лагерь (16 стр.). Две жалобы Р.И.Пименова (известного математика и автора Самиздата), касающиеся его первого лагерного срока, – о бесчеловечном содержании заключенных в 1959-м в сибирском лагере. Приведены фамилии сотрудников лагеря Комракова, Бурика, Евстигнеева; упомянуты заключенные В.Д.Лазуниц, В.Г.Игнатов, С.О.Караванский, Н.Р.Лунев, Г.А.Просвиряков, И.С. Харитонов, Г.Кравченко (5 стр.). Две статистические табл. из закрытого издания («Личный состав НКВД РСФСР на 1 октября 1925 года», вып.2. М., 1926), из которых следуют точные количества заключенных и мест заключения в РСФСР в 1925-м.

Библиография Н.Стогова содержит хронологически расположенные 176 названий тюремно-лагерной периодики и сопровождается обзорной статьей. В ней названо множество имен заключенных, приводится список 35 сотрудников мест заключения, включены статистические сведения и др. (3<нрзб.>-26 с.).

2Г5. Аннотации к выпуску 2

Два фрагмента из записок первого Главкома РСФСР И.И.ВАСИЦЕВИЧА посвящены разгрому выступления левых с.-р. в июле 1918-го в Москве и назначению автора на пост командующего Восточным фронтом. Публикуется нелицеприятный доклад Главкома Ленину о состоянии Красной армии в январе 1919-го.

Воспоминания В.В.ЯНОВА – один из редких в России образцов крестьянских мемуаров – повествуют о духовном становлении автора на путях толстовства. Действие разворачивается на дореволюционных заводах, на фронте, в с.-х. коммунах, в северных лагерях, в Крыму и Сибири (1900-1960-е гг.). В предисловии кратко изложены судьбы толстовства и толстовцев при советской власти. В приложении – беседа нескольких толстовцев с атеистом-репортером (1925).

Новая редакция автобиографического произведения Р.И.ПИМЕНОВА, первая версия которого имела ограниченное хождение в Самиздате в 1968-1970 гг., рассказывает о формировании взглядов автора в конце 1940-х – начале 1950-х, о неофициальной общественной жизни Ленинграда середины 1950-х гг., о политической деятельности автора в тот период. Окончание в вып.3.

Работа Е.А.ГНЕДИНА – одного из ближайших сотрудников наркоминдела М.М.Литвинова – состоит из трех разделов: реферат документов германского МИДа 1930-х гг.; тезисы автора о советско-германском договоре 1939-го, составленные им по поручению ЦК КПСС в 1962-м и 1965-м; полная стенограмма выступления автора на обсуждении книги А.М.НЕКРИЧА «22 июня 1941 года» в 1966-м. Среди комментариев автора – очерк о закулисной стороне советской внешней политики, главными героями которого выступают здесь К.Б.Радек и Молотов.

Материалы по «Делу Вавилова» и короленковские материалы см. 2А10-13.

Материал, относящийся к последним месяцам Мандельштама на свободе – к весне 1934-го состоит из двух частей: сочувственного письма 8 ленинградских писателей (М.Слонимский, В.Никитин, Н.Тихонов, А.Прокофьев и др.) А.Н.Толстому в связи получением им пощечины от Мандельштама и переписки поэта с В.Д.Бонч-Бруевичем о предполагавшемся приобретении последним архива Мандельштама для Лит.музея.

Запись рассказа З.Н.Пастернак – вдовы поэта – об известном телефонном разговоре со Сталиным, состоявшемся летом 1934-го, содержит следующую деталь: после известных слов «о жизни и смерти» Сталин не бросил трубку, а «как говорил мне Боря, ответил, что с удовольствием встретится и поговорит с ним, но только

не знает, как это сделать». Эта деталь, если не целиком выдуманна вдовой, возможно, содержит непонятую ею шутку Б.Л., свидетельствующую о сохранении поэтом чувства юмора по отношению к произошедшему разговору. У.Д.-Д. пересказывает по памяти открытку, полученную в заключении в 1944-м журналисткой А.А.Либединской от Пастернака: « <...> Пишу Вам из уважения к тому месту, в котором, судя по адресу, Вы находитесь. Многие из моих друзей в таком же положении, что и Вы, и только чистой случайностью можно объяснить, что я здесь, в Москве <...> » В приложении – лагерное стихотворение Либединской.

Публикуется свидетельство (по-видимому – первое известное) о выступлении Жданова перед ленинградскими писателями в 1946-м, явившемся сигналом к погромной кампании против Ахматовой, Зощенко и др.

Критический обзор А.БУЛАТОВА сводится к детальному анализу качества редактуры и истории выхода в свет двух сборников: «Избранное» (М., 1974) и «Стихи и проза» (Л., 1976) А.АХМАТОВОЙ. В приложении – фрагмент из предисловия Чуковского к невыведшему сборнику Ахматовой (Л., 1968), представляющий собой воспоминания об Ахматовой и Гумилеве.

Реферат записок В.Я.ВАСИЛЕВСКОЙ о «катакомбной церкви», посвященных психологическим портретам о.Серафима (С.М.Батюкова) и о.Петра (П.А.Шипкова), содержит в приложении письмо о.Серафима (1937) и письмо о.Петра (1949) к автору воспоминаний.

Публикация о еп.Андрее включает в себя биографический очерк и 3 произведения епископа: Письмо Молотову (1934, см.2Б2), Декларацию церковников-общинников (1927), и трактат О нравственных началах в государственной жизни (1932). В послесловии полемически освещается общественное значение еп.Андрея в истории религиозной мысли России. Наводит на определенные размышления факт отсутствия этих материалов в издании УМСА-Press – выброшены без мотивировки.

Материал об арх.Луке состоит из трех частей: краткий биографический очерк, заметка арх. «К истории сочинения “О духе, Душе и теле”», тексты двух его проповедей (1927 и 1951).

В разделе *Varia*. В воспоминаниях Дм.Т-СКОГО описывается камера в Таганской тюрьме (1929) и судьба А.Новикова, ушедшего из ЧК и обосновавшего свое решение в письме в «Социалистический вестник» (был тайно расстрелян). И.КОСТЮРИН вспоминает несколько историй о побегах из лагерей в конце 1930-х – начале 1950-х гг., т. е. в тот период, когда они случались крайне редко. Несколько эпизодов из истории Кашкетинских расстрелов

(Кочмес, 1937) представляют собой очерк доносительской деятельности з/к Немцовой. В заметке о подлинном герое одного из советских бестселлеров 1930-х гг. – Губерте Лосте, привезенном в СССР из Саара М.Е.Кольцовым и попавшим вслед за опекуном в сталинский лагерь, делается попытка проследить дальнейшую судьбу Губерта. Два отрывка из С.С.МАРГУЛИСА пронизывает убеждение автора, большевика образца 1920-х гг.: все зло коренится в бюрократизме и бездушии гос.аппарата по отношению к простым гражданам (под которыми автор неизменно подразумевает рядовых партийцев). О литовских ссыльных см.2Б2. Рассказывается о трех приглашениях И.А.Мельчука в КГБ: в 1957-м – с предложением следить за участниками фестиваля молодежи и студентов в Москве; в 1963-м – настойчивая попытка заняться провокациями в отношении зарубежных славистов; в 1968-м – с просьбой рассказать о положении в лингвистике (осталось непонятным – в каких целях).

СУММА

рж

№3 1979

Вместо оглавления

Порядок расположения материалов внутри разделов сравнительно случаен. Условно материалы можно распределить по тематике:

Ф (философия, философия истории) — 3А9-10, 3А18-19, 3А27-28, 3Б4, 3Б9

И (история и современность) — 3А2, 3А4, 3А9-14, 3А17, 3А22, 3Б4, 3Б10-11

О (общественные проблемы) — 3А1-3, 3А5-8, 3А15-17, 3А23-26, 3А30-32, 3Б1, 3Б3, 3Б5, 3Б9-11

Л (литература) — 3А5, 3А20-21, 3А28а-29а, 3Б5-9

Ж (живопись, изобразительное искусство) — 3А20,27,30-31

С (справки) — 3А6, 3А31, 3А33-34, раздел В, приложение Г.

Реферируемые издания

- «Вестник русского христианского движения» — 3А2
- «В защиту экономических свобод» — 3Б1, 3Г
- «Время и мы» — 3А11, 3А15, 3А23-25
- «22» — 3А21, 3Б10
- «Евреи в СССР» — 3А19, 3В5
- «Информационные бюллетени Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» — 3А6
- «Информационный бюллетень — Краткие новости» — 3А34
- «Ковчег» — 3А9, 3А26, 3Б6
- «Континент» — 3А5, 3А7, 3А10, 3А12, 3А16, 3А29
- «Поиски» — 3В1
- «Синтаксис» — 3А28
- «Третья волна» — 3А27
- «37» — 3Б7, 3В4
- «Хроника текущих событий» — 3А1, 3А3, 3В2
- «Часы» — 3А29а, 3А30-31, 3В3

А. Рефераты и выписки

ЗА1. А. САХАРОВ. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе – цели, значение, трудности. 8 ноября 1978 г., 12 стр. *Хроника текущих событий*, 51

Мысли статьи близки к высказывавшимся автором ранее и отраженным в ЗА1. «Сейчас та маленькая горстка инакомыслящих, которых я лично знаю, переживает трудный период. Арестованы многие прекрасные, мужественные люди. Усиливается кампания клеветы и провокаций, частично непосредственно исходящих от КГБ, а частично использующая или отражающая расслоение, брожение и разочарование среди многих диссидентов и им близких кругов, жизнь сложна. И в этих условиях обиды и амбиции толкают многих на весьма сомнительные действия и высказывания. По-видимому, число активных участников движения и в Москве, и в провинции заметно уменьшилось.

И все же я считаю, что нет никаких оснований говорить о поражении движения в защиту прав человека. Это тот вопрос, где арифметика имеет очень мало отношения к делу. За последние годы борьба за права человека в СССР и Восточной Европе кардинально изменила нравственный и политический климат во всем мире. Мир не только получил богатейшую информацию, но и поверил в нее. И это такой факт, который никакие репрессии и провокации КГБ уже не в силах изменить. Это историческая заслуга движения за права человека. Сейчас, как и раньше, единственное оружие этого движения – гласность, свободная, точная и объективная информация. Это оружие остается действенным. Совершенно очевидно также, что, пока не изменились условия и не отпали задачи борьбы за права человека, новые люди силой обстоятельств и душевных стремлений будут вливаться на место выбывших».

В статье рассматривается проблема взаимосвязи переговоров ОСВ и борьбы за права, вопрос бойкота (в частности, Московской

олимпиады), вопрос обмена политзаключенными. Автор заключает:

«Идеология защиты прав человека – по-видимому, единственная, которая может сочетаться с такими различными идеологиями, как коммунистическая, социал-демократическая, религиозная, технократическая, национально-“почвенная”; она может также составить основу позиции тем людям, которые не хотят себя связывать теоретическими тонкостями и догмами, устав от избытия идеологий, не принесших людям простого человеческого счастья. Защита прав человека – это ясный путь к объединению людей в нашем смятенном мире, путь к облегчению страданий».

ЗА2. А. Солженицын. Интервью с И.И. Сапиэтом, ВВС, февраль 1979. Вестник русского христианского движения, 127, 279-295

Беседа, приуроченная к пятилетию высылки.

О февральской революции. «Несчастный опыт февраля, его осознание – это и есть самое нужное сейчас нашему народу. Тут – клубок легенд. Одна из центральных – что февральская революция была явлением положительным <...> Поразительная история 17-го года – это история самопадения февраля <...> Февраль – нам надо знать и остерегаться, потому что повторение февраля было бы уже непоправимой катастрофой. И важно, чтобы это поняли все, прежде чем у нас начнутся когда-нибудь государственные изменения <...> Моя работа о феврале – она в 4-х томах – настолько опоздала, что уже снова стала актуальной <...> Осознание очень много значит! Внутренняя победа всегда предшествует внешней <...> Мы должны думать об опасностях будущего перехода. Это совсем новые виды опасностей, и чтобы против них устоять, надо по крайней мере хорошо знать наш прежний русский опыт».

Об эмиграции. Добровольный отъезд сильно уменьшает права уехавшего судить и влиять на судьбу покинутой страны. Уехал – так и сам отрезал, освободил себя от ответственности – так и от права <...> Третья эмиграция – не из-под пуль, как бойцы первой, не от петли, как бойцы второй. Она уехала в то время именно, когда на родине появились и возможности действовать, и силы наиболее нужны там <...> Я – не эмигрант. Я не принимал такого душевного решения – уехать с родины <...> Вся моя жизнь, и работа, и направление – как если бы меня и не выслали».

О будущей России. Главную победу над коммунизмом мы уже одержали: мы выстояли 60 лет и не заразились им <...> И это показывается процессом оживания всего общества. Я имею в виду сейчас не интеллектуальное и политическое оживание, не Самиздат, не письма-протесты, а изменение нравственной атмосферы вокруг гонимых <...> Мы освободились от коммунизма духовно. А вот – физически? <...> Но я никогда не призывал к физической всеобщей революции. Это – такое уничтожение народной жизни, которое, бывает, не стоит одержанной победы <...> У нас в стране я рассчитываю на ту степень просветления, которая уже разлилась в нашем народе и не могла не распространиться в сферах военных и административных, тоже. Ведь народ – это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты <...> Я верю в наш народ на всех уровнях, кто куда попал. И будущее России вижу в выздоровлении».

В.Т.

Примечание. «Повторение февраля было бы непоправимой катастрофой» – это заявление, видимо, следует понимать как полное отрицание либерально-демократической тенденции в нашей общественной мысли и общественных движениях. Эта позиция перестала удивлять, но продолжает огорчать. Огорчают также некоторые личные выпады в тексте интервью и фразы, которые можно воспринять как подталкивание страны к военному перевороту.

Р.

ЗА3. И.ШАФАРЕВИЧ. Интервью корреспонденту газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», май 1978, 8 стр. Хроника текущих событий, 51

Понятие «диссидент» очень расплывчато и, безусловно, нуждается в уточнении <...> В нашей стране все люди прежде всего разделяются на два типа. Первые – это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за ее будущее. Вторые – это все остальные. Я не хочу сказать, что первый тип и есть диссиденты <...> И все же основным представляется мне не факт столкновения с властями, прежде всего бросающийся в глаза, а *мотив* этого столкновения: не внешнее действие, а внутренняя его причина. Например, человека, вступающего в какой-нибудь «комитет» или «комиссию», чтобы тем самым заставить власти разрешить ему

эмигрировать – было бы неразумно относить к тому же социальному типу. Я не хочу никак квалифицировать такую позицию, но только обращаю внимание на то, что здесь мы имеем два принципиально различных явления, которые неразумно объединять в едином понятии. <...>

Среди диссидентов можно указать два течения, наиболее явно расходящихся в своих принципиальных установках – «западники» и «почвенники». Первые считают единственно здоровым путем развитие по западному образцу, вторые – что развитие должно определяться предшествующей историей. Автор разделяет взгляды «почвенников»: «В частности, я считаю, что начало нашей национальной истории <...> неразрывно связано с принятием православия <...> Я уверен, что если жизнь нашей страны еще не кончена, то возможна она лишь на пути православия и развития русской национальной традиции. <...>

Что нам нужно – это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних <...> Нужен возврат к Богу и своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны.

Я оптимист и уверен, что когда-то возобладает единственно разумная точка зрения: что с сообщаемыми фактами и высказываемыми взглядами надо бороться публикацией других фактов и опровержением взглядов, а не лагерем и ссылкой.

ЗА4. МАКСУДОВ. Динамика потерь населения СССР в первой половине XX века, 1979, 333 стр.

Методика расчета основана на восстановлении численности населения по поколениям передвижкой известной возрастной группировки, опираясь на имеющиеся сведения о рождаемости и задавая «естественным» уровнем смертности. Методика опробована для 8 относительно «мирных» периодов (1897-1913, 13-16, 23-26, 27-31, 39-40, 50-58, 59-76), для которых имеются достаточно достоверные оценки ЦСУ; получена близость рассчитанной численности к этим оценкам. Основной целью работы является расчет потерь населения за периоды демографических катастроф (1918-22, 30-38, 41-49). Фактическая численность в начале и конце каждого из этих периодов известна достаточно хорошо, расхождение между этой численностью и расчетной обнаруживает огромные нехватки населения.

1918-22: Нехватка – 11,5 млн. (с допусками – 9,9-14,6), из них 7,9 млн. мужчин и 3,6 млн. женщин. При этом 1-1,5 млн. –

фронтовые потери и потери от погромов и репрессий, 6-7 млн. погибло от болезней и 3-5 – от голода. Вместе с 2,5 млн. эмигрантов страна потеряла 14 млн. – 10% населения.

1930-38: Нехватка 9,1 млн. (8,8-11,0), 5,6 млн. мужчин и 3,5 женщин, из них 2,5 млн. детей. Из 6,6 млн. взрослых 5-6 млн. приходится на коллективизацию, большая часть – на Украине, Дону, Кубани (численность украинцев в 33-38 гг. упала с 31,2 до 28,1 млн.).

1941-49: Не считая 3 млн. эмигрантов нехватка 30 млн. (25,7-31,6), из них 22,2 млн. мужчин и 7,7 млн. женщин. Фронтовые потери (включая советских военнопленных и партизан) – 7,5 млн., гражданское население – 7,5-10 млн.; кроме того, 10-15 млн. погибло от репрессий.

Автор убедительно полемизирует с завышенными цифрами Конквеста, Курганова, Бернштама; в частности, он оценивает общие потери от лагерного уничтожения «всего» в 6 млн. человек. Еще убедительней аргументы автора против концепции Октября и Гражданской войны как инородческого «завоевания». Действительно, в стране было 10 млн. вооруженных мужчин, несколько тысяч активных (в том числе и «инородцев»-юнкеров) оспаривали власть на глазах 400-тысячного Петербургского гарнизона. Потом 300 матросов устранили все высшее руководство в Ставке, в окружении многомиллионной русской армии, в городе, где только число высших офицеров – несколько тысяч. Все это могло произойти только при сочувственном отношении армии и народа. В дальнейшем в Красной армии состоит 250 тысяч царских офицеров и унтер-офицеров (больше, чем коммунистов, и больше, чем рядовых у Колчака, Деникина, Юденича). Если сравнить национальный состав РККА 20 года с составом населения (последний берется по данным 26 года), то русских оказывается 79,5% (против 52,9% в стране), башкир и татар 4,1% (против 2,6%), а все остальные национальности имеют обратное соотношение: украинцы 5,9 (21,2), белорусы – 2,2 (3,2), евреи 1,4 (1,8), грузины и армяне 0,5 (3,0). Интересны цифры прироста за период 39-59 годов (в новых границах): литовцы 14,4% (за 100% берется 39 год), русские – 13,6%, украинцы 4,6% (вспомним убыль украинцев за 30-38), белорусы – -4,4%, эстонцы – -13,1%, латыши – -14,1%, евреи – -51,4% (т. е. число евреев уменьшилось более чем вдвое) и даже меньше затронутые войной калмыки – -20%. Приводятся данные об уменьшении численности малых народностей.

О.Ободов

ЗА5. В.Буковский. . . И возвращается ветер. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. 384 стр. (имеется издание на английском «Построить замок»), см. также «Континент», 17, 159-218.

Воспоминания В.Буковского – одного из самых активных участников и организаторов правозащитного демократического движения 1960-70 годов, о том, как «зарождалось то удивительное содружество, впоследствии названное “движением”, от первых поэтических выступлений (чтение стихов на “Маяке” – площади Маяковского), первых демонстраций в защиту арестованных до зрелого гражданского протеста, распространенного уже почти на все сферы советской жизни и основанного на глубокой уверенности в своей правоте и ценности делаемого». «А вот стоило ли все это двенадцати лет (12 лет – последний срок Буковского. – А.К.), вернее, всей жизни? Все это – не суд, не выступление, а вот тот самый процесс (духовного раскрепощения. – А.К.), который уже не остановится? Мне кажется, стоило. Во всяком случае я никогда не жалел о случившемся».

Книга написана одним залпом – в ней нет ни главок, ни частей и лишь курсивом выделены страницы (их около десяти), разбросанные по всей книге, – страницы о фантастическом спасении героя (последняя ночь во Владимире – на 6-м году 3-го срока, Лефортово, куда он попадал четырежды, военный аэродром под Москвой, куда его, не понимавшего, в чем дело, привезли в наручниках, и, наконец, Швейцария – обмен на Корвалана). Изложенный в хронологическом порядке основной текст – совсем не автобиография. Автор много и охотно пишет о других. Особо отметим страницы о Есенине-Вольпине – одном из инициаторов правозащитного движения, периода движения с полулегального положения на позицию конституционного, «законного», но бескомпромиссного протеста. Эта идея для Буковского и многих других была в середине 60-х годов нова и неожиданна: он не сразу ее принял, но приняв и оценив ее фундаментальность, он получил основу для своей позиции в суде, лагере, в практической правозащитной деятельности.

Как всегда с волнением читаешь о судьбах несчастных, с которыми встречался автор. Вот хотя бы судьба китайца Ма Хуна чего стоит. Или «психушные» истории, первым опубликованием которых и прогремел Буковский. Но особенно удался главный портрет – самого автора. Ото всей книги веет давно забытой в России удалью, отвагой, силой, даже бесшабашностью. И поскольку все эти качества проявляются в подлинном деле – отстаивании своей и чужой чести (и не в спорте или винной лавке), то испытываешь восхищение. Буковский выстоял по всем статьям. «Я знал, что

когда слабеет один, всем другим становится хуже во много раз», – пишет он о своем решении не снимать голодовку в особенно тяжелый момент. Или – о карцере, где 450 граммов хлеба в день, а сил почти нет: «в конце концов, ленинградцам в блокаду давали только по 200 граммов». У многих ли хватит убежденности, энергии, злости, бузотерства, чтобы в 20 лет так разговаривать в роскошном кабинете (описанном не без литературного блеска) генерала КГБ, как арестованный Буковский?

Видимо, эти качества от рождения, со школы и университета не давали ему смириться со всепоглощающей скукой и фальшью официальной действительности и привели к Движению – наиболее значительному явлению общественной жизни 60-70-х годов. Хорошо, что такие бойцы существуют.

А.Кр.

3А6. Информационные Бюллетени Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Москва, 1977-1979

Комиссия в составе Вячеслава Бахмина, Александра Подрабиника, Феликса Сереброва и Леонарда Терновского создана 5 января 1977 года при Московской группе «Хельсинки». Регулярно издается Информационный Бюллетень, в номере 14 (5.1.79) публикуется краткий отчет «Два года работы Комиссии». «Комиссия стремится облегчить участь узников психбольниц и сделать все возможное для прекращения практики психиатрических репрессий». За два года послано более 70 писем в психбольницы, органы здравоохранения и прокуратуры. Комиссия выступает с обращениями к общественности и различным психиатрическим ассоциациям, пытается встречаться с врачами и работниками Минздрава, в ряде случаев оказывает материальную помощь узникам психбольниц и родственникам. В Бюллетене помещены сведения о 66 лицах, подвергавшихся психиатрическим преследованиям по идеологическим мотивам, в разделе «Розыск» помещены имена еще 157 человек, сведения о которых недостаточны. «Большую помощь комиссии оказывает ее консультант, врач-психиатр А.Волошанович. Им проведено освидетельствование 33 лиц, подвергавшихся госпитализации или угрозе ее». Описаны многочисленные трудности в работе Комиссии, двое из ее

Прим. ред. 2001 г.В оригинале «Суммы», как и в самом Информационном Бюллетене, приводятся почтовые адреса членов Рабочей Комиссии (адрес Александра Подрабиника – в ссылке).

членов были осуждены по уголовным обвинениям. Давление распространяется и на тех, кто обращается за помощью. Тем не менее «к нам приходят, звонят или пишут люди, столкнувшиеся лицом к лицу с “карательной медициной”. И пока существуют ее жертвы, Рабочая Комиссия не может прекратить свою работу».

В Бюллетенях регулярно сообщается о насильственно госпитализированных, об узниках психиатрических репрессий прошлых лет. В приложениях публикуются тексты ряда юридических документов, обращений и писем.

В номерах 14-15 уделено место делу А.Подрабиника, приговоренного 15.8.78 к 5 годам ссылки за написания книги «Карательная медицина». Приложена запись подготовительной части судебного заседания по этому делу, наглядно иллюстрирующая предвзятость суда; приводятся тексты приговора, кассационной жалобы и ряда других документов. В номере 15 перепечатано письмо Генерального Секретаря Всемирной психиатрической ассоциации, информирующее ее членов об образовании Комитета по рассмотрению случаев злоупотребления психиатрией. В состав Комитета входит представитель Чехословакии, среди юристов-консультантов Комитета – представитель Польши. В номере 16 обращают на себя внимание Свидетельские показания В.НЕКИПЕЛОВА в защиту М.Кукобаки – кратко описывается судьба Кукобаки, содержание его статей и свидетельства его «ненормальности»: «вывешивание портретов Сахарова и Григоренко является ненормальным» (зав.отделением Могилевской психбольницы Н.М.Драбкина), «бред физкультуры» (Кукобака занимался физическими упражнениями в коридоре института им.Сербского), «бред реформаторства» и «бред иностранных языков» и т.п. В номере 17 (от 22.6.79) содержатся, в частности, материалы подробнейшего обследования Григоренко американскими психиатрами, не обнаружившими, конечно, никакого психического заблуждения в настоящем или прошлом (обследование проводили независимо друг от друга три специалиста по разной методике, беседы с Григоренко и видеозаписи отдельно изучали еще в отделе биометрических исследований Нью-Йоркского государственного психиатрического института).

С.С.Р.

ЗА7. П.ГРИГОРЕНКО. Интервью журналу «Континент».
Континент, 17, 1978, 395-417

Лишенный советскими властями права вернуться на Родину после лечения в США, П.Г.Григоренко вскрывает античеловеческую сущность как политики удаления из страны неугодных, так и политики препятствий для желающих уехать (ср. 2А17, 1А7). Григоренко намерен бороться за возвращение и готов в открытом судебном заседании доказать неправомерность указа о лишении его гражданства. Дважды судимый в СССР заочно как психически невменяемый и заочно же объявленный – в противоречие этому – опасным государственным преступником, он требует, чтобы ему наконец была предоставлена возможность «дать свои объяснения, опровергнуть вымысел, клевету, инсинуации».

Высоко оценивая в СССР деятельность Хельсинкских групп, восхищаясь личным мужеством их членов, Григоренко вслед за Солженицыным обвиняет Запад в «сдаче позиции»: «самый позорный акт этой сдачи, прямая измена делу правозащиты, состоялся в Белграде. Не желая «обидеть» Советский Союз, западные дипломаты отдали ему на расправу людей, которые ценой своей свободы и благополучия доставили материалы о серьезных нарушениях Хельсинкских соглашений и тем боролись против угрозы нарастания войны».

По поводу практикуемого на Западе подхода к советским правозащитникам с точки зрения идеологических подразделений Григоренко, «с трудом, мучительно, со многими ошибками» оторвавшийся от коммунизма, говорит: «Я не признаю никаких ярлыков, никаких кличек. Для меня нет ни “правых”, ни “левых”, ни “анархистов”, ни “коммунистов”. Есть люди. И с людьми, носящими на себе кличку или живущими без таковой, я готов вести дружественный диалог. <...> А если все же надо как-то называться, то на себя я согласен принять только звание *христианин*».

Высказывая мнение о «Континенте», Григоренко делает ряд критических замечаний: осуждает нетерпимость, проявившуюся в выпаде против Л.Плюща, жалеет об опубликовании «неприличной» рецензии Марамзина на книгу Копелева «Хранить вечно» («Не Марамзину, сломившемуся на первых же шагах, давать уроки морали многолетнему лагернику Льву Копелеву, который долгие годы, вплоть до сегодняшнего дня, мужественно несет тяжелейший крест правозащитника, которого знают и любят все, кто причастен к правозащитной борьбе»).

В заключение выражено пожелание журнала акцентировать свое внимание на борьбе против лжи и отводить больше места вопросам правозащиты и национальному вопросу.

С.Левин

ЗА8. Э.Орловский. Председателю Редакционной комиссии 7-й сессии Верховного Совета СССР тов. Л.И.Брежневу, 4.10.77, 6 стр. В редакцию газеты «Советская Россия». К проекту Конституции РСФСР, 29.03-2.04.78, 9 стр.

Автор, подписавшийся как «патентный инженер ВНИИ Метрологии (Ленинград), член Американского математического общества, член советской группы организации «Международная амнистия»», предлагает поправки к проектам Конституции СССР и РСФСР и рассматривает практику применения новой конституции. Часть мыслей пересекается с высказанными в сборниках «Вокруг проекта Конституции» (1А4, 1А6-8).

Автор приветствует закрепление в Конституции хельсинкских принципов взаимоотношений между государствами, принципа уважения прав человека и основных свобод (ст. 29), принципа использования экономических рычагов в управлении хозяйством. Подробно анализируется статья 6 – о руководящей роли КПСС: 1) Определяя роль партии, Конституция не определяет принципов ее построения и порядка принятия партийных решений, реальная роль партийных органов тщательно скрывается (например, избегают выдвижения кандидатов партией, хотя это соответствовало бы Конституции, а проводят «собрания по выдвижению», фиктивность которых ясна даже из советских газет). В результате реальная политическая деятельность в СССР оказывается никак не регламентированной Конституцией. 2) Положение о том, что КПСС является ядром всех общественных организаций, противоречит международным обязательствам СССР, в частности – Конвенции 87 Международной организации труда. 3) Имеются важные расхождения между Конституцией и действующей Программой КПСС (Программа предусматривает введение к 1970 году 35-часовой рабочей недели, предоставление к 1980 году отдельной квартиры каждой семье; с другой стороны, закрепление Конституцией хозрасчета несовместимо с демагогическими положениями Программы о бесплатности широкого круга товаров и услуг).

Приводится ряд фактов о том, что информация о деятельности органов государственной власти и принятых ими решениях труднодоступна не только для рядовых граждан, но даже для должностных лиц. Чтобы обеспечить декларированное участие граждан в управлении и расширение гласности, предлагается установить обязательную публикацию органами и должностными лицами описания своих функций, структуры, правил работы, обязать их предоставлять гражданам информацию (за естественными изъятиями типа секретности и запрета вторжения в част-

ную жизнь граждан). В качестве первого шага можно было бы запретить судам и другим государственным органам ссылаться на неопубликованные нормативные акты.

Перечислены систематически нарушаемые статьи прежней и новой Конституции. «Мелкие» нарушения касаются, например, установленного Конституцией порядка награждения орденами и медалями. Существеннее, что новая Конституция предоставила гражданам право на обжалование в суд действий должностных лиц и право возмещения ущерба, причиненного гражданам незаконными действиями государственных организаций и должностных лиц. Однако, как официально объявлено, этими правами граждане не смогут пользоваться по меньшей мере до 1981 года.

Заметим, что при утверждении Конституции СССР в некоторые ее статьи были внесены уточнения, частично совпадающие с несколькими, не изложенными в реферате, предложениями Орловского.

Кукушкин Э.Р.

ЗА9. А.ЛАСКОВ. По ту сторону марксизма. Ковчег, 1, 1978, 80-94

«Марксизм в его школьной форме мил и прост. <...> Пока машины развиваются, развиваемся и мы. Как только у них, у машин, начинаются неувязки, развитие замедляется, значит, у нас, у людей, нужно делать революцию. <...> Остается неясным: этот момент, когда мы начинаем мешать машинам развиваться, – как уловить его? Сам Маркс, как известно, едва открыв свою истину, принялся с горячностью утверждать, что этот момент только что вот наступил. Его непосредственные последователи (Каутский и прочие) считали, что нужно подождать». Автор уверен, что «никогда при капитализме производственные отношения не начинают мешать производительным силам». Маркс проглядел, что общество специально создает иерархию, чтобы человек выкладывался, «что безмятежный, счастливый человек просто никому не нужен, – если он и так счастлив, то куда ему еще стремиться». («Мы часто вздыхаем по поводу абсурдов общества потребления, не задумываясь о том, что стимулирование потребностей – это единственный демократический способ заставить человека работать».)

Автор спорит с Шафаревичем и другими, выводящими террор из теории социализма. В теории социализм вполне добродетелен, но на практике он не может работать. Коммунистический террор

возникает как реакция на развал общества – так как социалистические производств. отношения не могут соответствовать... из-за иерархии. Автор, поработавший неквалифицированным рабочим и здесь и на Западе, приводит много примеров одинаковости структур и тождественности советской и западной иерархий (из Буковского, встретившегося с важным лицом Госдепартамента: «Я вошел к нему и поразился: он был как две капли воды похож на начальника моей тюрьмы. Он знал без меня все: и то, что нужно американскому народу, и то, что нужно советскому <...>»). Излагается схема взаимодействия иерархии и идеологии в революции и после нее, близкая к схеме Озолиса (ЗБ?). «На брежневском этапе найденные формы закаменели. Олигархия не хочет ничего менять», она ничего и не может изменить, не жертвуя собой.

Угасание первичной коммунистической веры благоприятствует эволюции олигархии. А неблагоприятно то, что очевидным направлением эволюции является демократизация, а это-то и грозит иерархии потерей положения. Если бы партийная олигархия была более одаренной, то она начала бы сползать к демократии, так как исчез бы барьер страха вследствие собственной слабости. Автор задает вопрос, исключает ли путь неприятия советской системы, «который в той или иной степени избрала интеллигенция и который, естественно, ведет к понижению качественного уровня руководства, исключает ли этот путь возможность чехословацкого развития, которое требует достаточно уверенной в себе партии. Так или иначе, время работает против партии», так как неизбежно растет интеллигенция – соперница партии и опора диссидентского движения.

Т.Юрьев

ЗА10. В.Краснов. **Русский склад ума или западное состояние умов? О книге Р.Хингли «Русский склад ума»** *Континент*, 17, 1978, 243-257

Тезисы Хингли, с которыми Краснов в первом приближении согласен: русский национальный характер отличается излишеством во всем и тенденцией переходить из крайности в крайность; «ежовые рукавицы или полная анархия – вот выбор, перед которым русские подчиненные ставят любого человека, которому доверена ответственность за их коллективные усилия» (Хингли ссылается и на свой личный административный опыт); русский характер и авторитарный строй связаны «как курица с яйцом». Советскую власть Хингли рассматривает как разновидность авторитарной,

с чем (как легко предсказать для автора «Континента») Краснов решительно не согласен (из того, что национальный характер «лучше всего совместим с авторитарным строем, отнюдь не вытекает, что он также совместим с нынешним коммунистическим тоталитаризмом»). Столь же предсказуемо отвергается тезис о заражении Запада русским тоталитаризмом: последний, по Краснову, связан с западным секулярным типом мышления и «поскольку все другие страны, в том числе и Россия, следуют за Западом в том же направлении, коммунистический тоталитаризм – это недуг всего секуляризованного человечества». В заключение автор заявляет: «как рыба гниет с головы, так и современное человечество – с Запада» и рекомендует реставрацию монархий: или демократии докажут жизнеспособность посредством самоограничения своих свобод, или уступят место «авторитарным режимам, тысячелетняя история которых доказывает, что они <...> могут послужить наиболее надежным заслоном демократии против тоталитарной угрозы».

Примечания референта. Утверждение Хингли – «знакомство с Россией обычно приводит к русскому типу поведения даже среди самых невосприимчивых иностранцев» впечатляет. Но, судя по рецензии, оно направлено не против подчинения советским правилам игры, не против трусливого поведения, а – против заражения экстремизмом. Не знаю, чему способствуют книжки про русских анархистов, но знакомство с современной Россией, на мой взгляд, скорее способно охладить западного юнца, нежели поджечь.

Т.Юрьев

ЗА11. Л.НЕВРОЗОВ. Что знает западная разведка о России. Время и мы, 37, январь 1979, 117-143

Иллюстрируя свои доводы выдержками из ежегодных публичных показаний ЦРУ Конгрессу США, автор доказывает незнание американской разведкой советской экономики, непонимание советского режима. Ставится под сомнение способность ЦРУ дать собственную информацию (не зависящую от силы и направления «бюрократических ветров») о советской военной мощи, стратегических планах СССР. Оспаривается эффективность технической разведки в условиях закрытого общества. Приводятся анекдотические примеры некомпетентности руководителей и экспертов ЦРУ.

С.С.

ЗА12. Памятник в честь русских воинов. . . *Континент*, 17, 1978.

На последней странице обложки приводится фотография памятника «Российским офицерам и солдатам», поставленного в Западном Берлине в честь советских военнослужащих, «отказавшихся стрелять в немецких трудящихся в день восстания 17 июня 1953 года и за это расстрелянных советскими властями. <...> В связи с начавшейся политикой детанта западноберлинские власти распорядились этот памятник снести».

ЗА13. Ж.Л.Надь. Масонство в XX веке. Будапешт, 1977 (венгерск.)

В последние годы оживился интерес к слову «масоны». В советскую историографию эту тему ввел (посмертно) Н.Н.Яковлев. В советской беллетристике смачные картины масонов рисует В.Пикуль. В самиздате немало трудятся по обличению масонов Емельянов, М.Скуратов и др. Рецензируемая книга позволяет установить некоторые базисные факты (ее научная добропорядочность вне сомнения) относительно масонов.

Вот перечень упомянутых автором лиц, входивших в масонские ложи (упоминается также свыше 150 лиц венгерского происхождения): Э.Ади (поэт), Александр (король Югославии), Балческу, Бальзак, Барбюс, Бенеш, Бетховен, Л.Блюм, Боливар, Брехт (вышел из лож), Варга (тоже вышел), Виланд, Вольтер, Гайдн, Гамбетта, Гарибальди, Георг VI, Гете, Иосиф II, Карл XIII, Киплинг, Кишфалуди-Штробл, Косцюшко, Кошут, Лафайет, Линдберг (летчик), Линкольн, Лист, Марат, Масарик, Моцарт, Муссолини (вышел из лож), Наполеон III, Роллан, Руже де Лилль, Т.Рузвельт, Ф.Рузвельт, Сибелиус, Франклин, А.Франс, Фридрих II, Штреземан, Эйнштейн, Эррио и другие. Имеются резкие расхождения между масонами разных стран; например, английские масоны считают религию обязательным элементом, а французские категорически с этим не согласны.

Итальянские фашисты сразу по приходе к власти запретили деятельность масонов. В СССР эта деятельность была запрещена в 1922-м. Германские нацисты сразу по приходе к власти запретили масонов. Франкисты после победы жестоко с ними расправились. Во всех странах народной демократии в 1948-51 гг. масонские организации были ликвидированы. Нет ни одного исторически засвидетельствованного случая, чтобы масоны сумели

выдержать, пережить и устоять против серьезного полицейского преследования. В книге много фотографий, в том числе – групповых снимков масонов.

Мадьяров

ЗА14. А.АВТОРХАНОВ. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия), 1976, 318 стр.

Тема – детективно напряженная жизнь кремлевской верхушки в 1948-53 годах. Уже по одному этому книгу непременно следует почитать. Но при расследовании криминальных загадок надо либо обладать сверхинтуицией Эркюля Пуаро, либо пройти выучку педантично-академических изысканий. А этого у автора – бывшего зав. орготделом чеченского обкома партии – нет. Поэтому к выводам этого произведения следует относиться с недоверием.

Самая большая трудность при изучении этого периода – имеющиеся свидетельства фальсифицированы *убедительно* («списание» Хрущевым на Берию *всех* злодеяний сопровождалось разоблачениями, и порядочные люди с ходу взяли на вооружение все формулировки о «преступной шайке Берия»). Правда, еще в 1953 году в «Социалистическом вестнике» Б.Николаевский отмечал руководящую роль Берии в послесталинской либерализации и положении Берии на грани краха в последние месяцы жизни Сталина. Аналогичные данные приводили Р.Пименов (см. 2Г2-2Г5), сидевший три года в камере с бериевскими приспешниками, в 1968 году и С.Спекторский («Происхождение современной власти» и приложение «Персоналии к политической истории СССР») в 1974-77 годах. Версии Спекторского и Авторханова существенно различны, но по сравнению с хрущевской фальсификацией обе делают громадный шаг вперед и могут считаться совпадающими.

Авторханов оживляет стандартную картину единовластия тем, что всерьез изучает рядом стоящие фигуры, принимает во внимание их собственные страхи и цели. Поспешная смерть Жданова с последующим расстрелом всех ждановцев (Вознесенский, А.А.Кузнецов, Родионов, Попков) рассматривается как предыстория периода. Опрокидывание Жданова осуществилось, по автору, благодаря союзу Маленков-Берия, к которому на второстепенных ролях был подключен Хрущев. Основной замысел Сталина состоял в истреблении «старой гвардии» (Андреева, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Молотова) руками «молодых» и их ставленников (у Берии – Сулов, у Маленкова – Андрианов, Ильичев, Патолитчев, Пономаренко, Чесновок, Юдин). Жены-еврейки

Андреева, Калинина, Молотова, дети Микояна были арестованы, плелось дело о сионистском заговоре в ЦК и создавалось погромное настроение в стране. Но уже к 1949 году Сталин задумал убрать Берию. Автор предлагает разные объяснения (удар по трем организаторам победы – Жукову, Берии, Маленкову; комплекс нерусскости, из-за которого Сталин выискивал «националистов» именно в Грузии, среди учеников и ставленников Берии; Берия первым разгадал план уничтожения и «молодой гвардии» руками «выдвиженцев»). «Но Сталин просчитался: его окружали теперь не идейные простофили 20-х годов, не политические свзухи 30-х, а его же духовные двойники, выпестованные им самим, по его собственному криминальному образу мышления и действия. Но на высоте криминального искусства самого Сталина стоял среди них только Берия. К счастью народов СССР, Бог лишил Сталина разума в тот самый момент, когда он направил его гнев в сторону Берия».

«По инициативе Берия и Маленкова члены Политбюро пришли к спасительному для них компромиссу и заключили оборонительный союз». Был созван съезд, как настойчиво подчеркивает автор – *против воли Сталина*. Расхождение автор усматривает во внешнеполитических проблемах: Политбюро считало войну самоубийством человечества, а Сталин же писал: «Говорят, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, нужно считать устаревшим <...> Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм». (Заметим, что гипотеза Авторханова о разногласиях, основанная на словечке «говорят» в приведенной цитате, совершенно неубедительна. Тем более что мнение Политбюро о возможности сохранить мир сформулировано лишь в 1956-м, а сам Сталин в 1947 году говорил: «Мир будет сохранен и упрочен, если...»)

На XIX съезде Берия, вопреки принятым славословиям, напомнил, что «вдохновителем и организатором» побед была компартия, что главная опасность – великодержавный шовинизм (а «космополитизм» отодвинул на третье место!) Сталин самолично вычеркнул из кандидатов в ЦК трех ставленников Берии: Гвишиани, Деканозова, Меркулова. Шло истребление бериевских ставленников в Венгрии, Болгарии, Чехословакии (Оланский), Польше (Гомулка). В ответ Берия разгромил «внутренний кабинет» Сталина: арестованы Поскребышев, начальник личной охраны генерал Власик, личный врач Сталина Виноградов, скорострелной кончиной обезврежен комендант Кремля Косынкин. Наконец Берия каким-то образом убивает Сталина.

Учитывая, что «Правда» оборвала кампанию против «врачей-вредителей» 28 февраля, автор выстраивает стройную систему доводов в пользу именно этой даты смерти-переворота. Описываются кардинальные перестановки наверху в марте 1953-го. Смещались личные ставленники Сталина.

Отмечается постановление ЦК от 12.6.53 по докладу Берия (отсутствующее в «КПСС в резолюциях...»): «Покончить с извращениями советской национальной политики. Организовать подготовку выращивания и широкое выдвижение на руководящую работу людей местной национальности. <...> номенклатурных работников, не знающих местный язык, отозвать». 26 июня Берия арестовали. В числе прочего его обвиняли в ставке на «буржуазных националистов». 27.VI «Правда» снова – впервые после 1.III – напомнила о необходимости борьбы против космополитизма.

Как и все произведения Авторханова, книга написана на крайне низком научном уровне. Библиография дается от случая к случаю, историография не освещается, нет указателей. Полно ляпов в цитатах, датах, второстепенных фактах. Недооценена роль Хрущева в стряпани «ленинградского дела» и т.д. По мнению рецензента, в 1948-52 гг. вовсе не было блока Берия-Маленков (а тем паче – всех членов Политбюро) против Сталина, а был блок Маленков-Хрущев против Жданова-Берия, причем Берия сопротивлялся дольше и успешнее. Но после того, как он сумел организовать к 1949 году атомную бомбу, его энергичность напугала Сталина, и он согласился выдать Берия на съедение Маленкову.

Хорошо, что книга вышла. Но это – одно из *первых слов* в исследовании трудной криминальной загадки.

Н-р

ЗА15. Н.ПРАТ. Сталинизм с человеческим лицом. Д.ШТУРМАН. «Оппозиция Ее Величества». *Время и мы*, 38, февраль 1979, 131-140 и 142-149

Предваряя дискуссию о системе взглядов Р.МЕДВЕДЕВА, редакция журнала утверждает, что она заслуживает обсуждения независимо от взаимоотношений Медведева с режимом, ибо отражает миропонимание достаточно широкого круга промарксистски настроенных людей. Центральным моментом обсуждения становится вопрос о возможности «социализма с человеческим лицом». В связи с разными ответами на этот вопрос разнятся и оценки авторов взглядов Медведева.

Веря в реальность «подлинной демократизации, осуществляемой под знаком марксизма и социализма», Прат, хотя и осуждает Медведева за «оглядку на цензуру» и за представление «о принципиально социалистическом характере советского общественного устройства», все же объявляет его «ведущим представителем конструктивной оппозиции». Эту конструктивность Прат видит в выдвижении «конкретных предложений» и даже сравнивает роль Медведева с ролью философов-просветителей во Франции XVIII века.

Напротив, Штурман, убежденная в нереализуемости любой демократии, не являющейся конкурентно-рыночной, полностью отрицает конструктивность идей Медведева: он «хочет внести в советский строй черты или несовместимые с фундаментальными свойствами этого строя, или вовсе неосуществимые». Штурман доказывает неразрывную связь ленинизма и сталинизма и утверждает: «все свойства советского социализма разных эпох предопределены неспособностью социальной системы марксистов-ленинцев (сталинцев, хрущевцев, брежневцев) дать народу обещанные блага в сочетании с их решимостью ни в коем случае не отказываться от <...> своей диктатуры». Наконец, по поводу выступлений Медведева против Григоренко и Гинзбурга: «никакие идейные разногласия не оправдывают легальных или нелегальных высказываний, способных помочь тюремщикам».

C.C.

ЗА16. Т.МЕРАИ. *Догмы и табу.* *Континент*, 17, 1978, 219-241

Статья посвящена положению литературы в Венгрии – в «самом симпатичном бараке в социалистическом лагере» (ср. 2А19).

Приводится длинный список запретов, полудобровольно (проявляя снисходительность к внутренним хозяевам за неизбежный импорт табу) соблюдаемых венгерскими литераторами: какие бы то ни было недостатки СССР (тем паче – его роль в венгерских и чехословацких событиях), венгерская революция 56 года, эмигрантская литература, положение венгров Трансильвании (которые подвергаются дискриминации и насильственной румынизации) и т.д. С цитатами из научных изданий полусерьезно доказывается не чисто словесный характер аналогии между этими «табу» и системой табу в первобытных обществах.

Более неожиданная часть статьи касается решительного падения в Венгрии идеологических догм: полностью перестали упоминаться «соцреализм», «партийность литературы», советская литература как образец, жупел «формализма», не говоря уж о дози-

ровке положительных, отрицательных и партийных персонажей. Можно писать и печатать аполитичные романы, анти- и сюрреалистические повести, бульварные комедии, пессимистические и мистические элегии, «стихи, столь же непонятные при первом как и при третьем чтении». . . . Официальная критика старается полностью избегать политических упреков. Конечно, каждая из уступок стоила и стоит венгерским литераторам «ежедневной борьбы за каждую фразу, за каждую строчку, за каждое слово. То, что называется либерализацией – это непрекращающийся бой с победами и поражениями <...> И все-таки венгерские руководители вынесли серьезный урок из событий 1956 года».

Режим знает, что идеология – лишь лак на его картине; он убедился, что смерть идеологических догм не связана со смертью страны. А табу «укоренены в самой власти». Если табу исчезнут – исчезнет сама власть меньшинства, и, к сожалению, оно это знает.

П.Арендс

ЗА17. Е.СВЕРСТЮК. *Собор у риштования* (украинск. «Собор в строительных лесах»), 50 стр.

В конце 60-х О.ГОНЧАР опубликовал книгу «Собор», вызвавшую полемику и обвинения в «буржуазном национализме», весьма типичные для ситуации на Украине. Статья Сверстюка является рецензией на этот роман.

«Что осталось бы для нас от отчаянного героизма запорожцев, если бы они не сложили песен, не построили храма? В Соборе они воздвигли высочайшую меру своей духовности и, держась за нее, оставались собой. <...> Основным содержанием романа О.Гончара является поиск опоры духовности».

«Человек забывал исконную истину, сформулированную еще Ювеналом: “Знай, что самый страшный позор – предпочесть бесчестье смерти” <...> Богом стал План, План, План. <...> Малороссия – голодная и ободранная – славится как житница империи и как самый гостеприимный и щедрый край, который все отдает, не брыкаясь и не считая, а прежде всего – свои таланты, свою интеллигенцию».

«С тех пор как Украину обсели саранчой байстрюки Екатерины – прошлое было объявлено недействительным». В качестве главного преступления Шевченко шеф жандармов называет стихи, в которых выражен «плач о мнимых бедствиях Украины», описана «слава гетманских времен и прежняя вольница казачества». И уже никто, кроме господ, не думал проклинать Мазепу

за то, что тот предпочитал союз с дальним европейцем и рыцарем Карлом XII, а не с ближним варваром Петром I» («Все малороссийские гетманы были изменниками» – говорил Петр; то-то в Киеве нет мемориальных досок этих гетманам, а Петру – есть.)

После революции выходили «один за другим бесцветные курсы истории Украины, но тут же выяснялась их «порочность» и «националистичность». Надо было быть очень отважным и очень упрямым, чтобы не понять, что это сам предмет «порочен». На фоне духовного обнищания стало возможно ввести в школьные программы пункт о благотворном воздействии русской культуры на украинскую и положить его в основу догмата о провинциально-подражательном характере украинской культуры. Неважно, что в Большой Советской Энциклопедии или в любой книге более раннего (т. е. 20-х годов) издания можно прочесть, как с Украины забрали в Россию не только художников и поэтов, но часто и учителей грамоты; что Петр прорубил окно в Европу, наглухо забивши дверь, ведущую из Европы на Украину через Польшу». В 1652 году почти все на Украине (и женщины) умели читать; в 1748-м – одна школа с украинским языком на 746 душ; в 1804-м – запрет учиться на украинском языке; перепись 1897 года показала: самый малограмотный народ в России – украинцы. «А нам нужно признание того факта, что в окружении зловных и темных режимов – самодержавного, султанского и гонористого панско-шляхетского – жила «Християньска козацка республика». Жила без царей и королей, с выборными гетманами и кошевыми, и достойно боролась за свою славу и волю с великими державами своего времени».

III.

3А18. Христианская чума. 1978, 64 стр.

Автор рассматривает христианство как «самую страшную из духовных эпидемий». «Христианство – еврейское рекламное предприятие: какие-то умные головы из среды равината <...> задумали грандиозную идеологическую диверсию против гоев. Решено было двинуть на экспорт реформированный иудаизм Иисуса и лишить гоев их собственного духовного наследия. Сам факт отвержения евреями Иисуса должен был на внешних рынках сработать в пользу тех же евреев».

Обсудив вкратце христианизацию Римской империи («римляне не понимали, что имеют дело со смертельным врагом, к которому неприменимы» старые мерки – имеется в виду нетерпимость христиан) и пожалев молодые варварские народы, заим-

ствовавшие христианство у римлян («они похожи на юношей, которых до того, как они узнали настоящую любовь, развратный старец обучил противоестественным порокам»), автор переходит к России. Походя отвергнув норманскую теорию, он сравнивает светлые славянские верования с мрачным заимствованным христианством. «Христианство и русский дух – это <...> антагонистические понятия». Дальнейшие обвинения: насильственное насаждение христианства, коллаборационизм Церкви во время ига, сожжение еретиков и изуверство раскольников.

Автор хвалит Петра (который понял, что Церковь пора поставить на место) и начинает доказывать, что ни Гоголь, ни Достоевский, ни Толстой не могут быть причислены к христианам (Достоевский – «слишком иступленно он кричал, словно приневоливал себя верить»). Школа философов – В.Соловьева, Бердяева и прочих – клеймится как антинациональная, затем – «банкротство христианской церкви в России <...> Это один из самых положительных результатов революции. Но вот прошло несколько десятилетий – и черная чума опять выползает из щелей».

Покончив с историей, автор переходит к существу дела. «Россия находится в состоянии конфронтации с организованным мировым еврейством. <...> Вчера христианин мог быть кем угодно, сегодня для него будет правильным только одно определение – *христианин – духовный раб еврейства*». Христиан евреи заставят работать на себя (пример – Ливан). «Христиане – передовой отряд еврейского нашествия, расчищающий дорогу «истинным хозяевам» (при этом, говорит автор, опасность не устранится, даже если на свете не останется ни одного еврея).

Что же делать? «Из чего мы можем выбирать. Во-первых, официальная идеология <...> Правда, один из основоположников – еврей. Но он не обожествлен. «Марксизм у нас быстро обрусел, а Ленин стал вместо Христа». Все же автор предпочитает не марксизм. Зороастризм и буддизм тоже знаменуют разрыв с арийскими традициями. Поэтому лучше всего – индуизм (хотя и он впитал в себя сомнительные неарийские культы – например, культ Кришны, «черного»). Следует послать великое посольство в Индию (заодно это будет способствовать единству арийцев против Китая). Поэтому любимые герои автора (если не считать В.Бегуна и Емельянова) – это Рерих и Д.Андреев.

Чем объяснить столь оригинальную концепцию? Вероятно, автор не надеется привлечь христиан в ряды антисемитов. Основой его идеологии, безусловно, является расизм (именно расизм, а не национализм – он упрекает немцев, впавших при Гитлере в грех

национальной гордыни, считает губительными лозунги «народа-богоносца» и «Третьего Рима»).

О манере автора дают представление цитаты: «Обидно и больно за русского человека, уткнувшегося носом в поганую палестинскую лужу, и плюнуть в рожу хочется...», «Юродствующий христианский выкормыш Волошин...», «А за какие грехи русских новобрачных обзывают Исааком и Ребеккой и приглашают ликовать по этому поводу какого-то Исайю?» «Иудео-христианство, представляемое сегодня у нас матерым идеологическим диверсантом, православным священником – евреем А.Менем и минским мистиком В.Зайцевым...» Вместе с тем работа написана живо, можно даже сказать – талантливо. Ни фамилии автора, ни псевдонима – нет.

III.

ЗА19. Е.Левин. Владимир Соловьев против антисемитизма (Из истории русской мысли и общественности конца прошлого века). О Василии Васильевиче Розанове. Евреи в СССР, 19, Москва, ноябрь 1978, 189-207 и 208-228

Сохраняющаяся, если не усиливающаяся актуальность проблемы евреев в России, делает особенно интересным настоящий обзор взглядов по этому вопросу двух замечательных представителей русской мысли. Влияние обоих на русскую общественность было велико, и каждый по-своему (абсолютно по-разному) задал направление отношению публики к судьбам еврейского населения. В очерках, обильно снабженных цитатами из Соловьева и Розанова, излагаются не только взгляды каждого из них на еврейство, но и связь этих взглядов с общим духовным обликом, личностью этих мыслителей. С одной стороны, «человеческое и благожелательное отношение к евреям» Соловьева «коренилось в самих основах его мировоззрения», было продиктовано «всем вообще укладом мировоззрения истинного и последовательного христианина». С другой стороны, искренний антисемитизм Розанова, сменявшийся столь же искренним юдофильством, точно соответствовал проповедуемой им беспринципности («Я сам “убеждения” менял как перчатки и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими, чужими)»), его стремлению «ввинчивать <...> мысли в душу человеческую».

Соловьев – непримиримый противник антисемитизма («решительно следует осудить антисемитическое движение не только как безнравственное, но и как крайне опасное для будущего России», и Розанов, доходивший до оправдания погромов («Погром – это

конвульсия в ответ на муку»), предстают как два полюса русской патриотической мысли в ее отношении к еврейству.

С.С.

ЗА20. Е.Герцык. Воспоминания. Москва

Из главных персонажей этих самиздатских воспоминаний – Л.Шестов, Вяч.Иванов, Н.Бердяев и М.Волошин. Интересней оказались главы о двух последних.

О Бердяеве. «Много мертвых и цепких петель опутали, держат Бердяева. Отсюда, может быть, эти частые пароксизмы порывания <...> со вчерашним кругом людей и идей». «Стоял крепко на том, что умаление в чем бы то ни было не может быть истиной, быть во славу Божью, он утверждал мощь и бытийственность мысли. <...> И чувство юмора не покидало его. Случалось, мы улыбались с ним через головы тогдашних единомышленников, благочестивейших Новоселова, Булгакова». <...> После разрыва Бердяева с московскими православными «рождалось самое для него центральное: идея творчества как религиозной задачи человека. Религиозного оправдания творчества до Бердяева никогда не бывало».

«Интимных нот у него не услышишь. Там, где другой философ-мистик обнажит пронзенность своей души, покаянно падет перед святыней, он – седлает Христа и паладином мчится в бой, или – выдвигает его как выигрышную фигуру, как высшее, абсолютнейшее <...> Не умиляет».

Бердяев о ренессансе как о великой неудаче: «Задача всякого творчества – мир пересоздать, а здесь остались только фрески, фронтоны, барельефы – каменный хлам». Не любил Рима. «Душа его во Флоренции. <...> Флоренция мне ключ к нему». «Когда он впервые познакомился с кубизмом, с картинами Пикассо, с каким волнением он приветствовал то, в чем увидел симптом разрушения материи. До хрипоты кричал среди друзей о «распластовании материи», о «космическом ветре».

«Всего труднее было ему общение с философами православия: Булгаковым, Эрном, Флоренским».

О Волошине. «Он всегда казался пришедшим издалека – так издалека, что суждения его звучали непривычно, порой вычурно».

«Те, кто знали его в эпоху Гражданской войны <...> верно запомнили, как чужд он был метанья, перепуга, кратковременных политических восторгов. <...> И когда он попеременно укрывал у себя то красного, то белого, и вправду не одного уберег –

им руководил не оппортунизм, не дряблая жалость, а твердый внутренний закон».

Из письма Волошина к А.Герцык: «Объясните же мне, в чем мое уродство. Все мои слова и поступки бестактны, нелепы всюду, и особенно в литературной среде, я чувствую себя зверем среди людей, чем-то неуместным».

Н.Гордон

ЗА21. И.ГАРИК. Еврейские дацзыбао, «Москва-Иерусалим», Тель-Авив, 1978; печатались в «Евреи в СССР», 14; передаются изустно

Игорь Гарик сам определил жанр своего творчества так:

В года, когда юмор хиреет,
скисая под гласным надзором,
застольные шутки евреев
становятся местным фольклором.

Что ж, это верное – может быть, даже излишне скромное определение жанра; застольные шутки. Скромное, ибо застольные шутки эти представляют собой и фольклор, и идеологию, и почти разработанную политическую оппозицию:

Я государство вижу статуей:
мужчина в бронзе, полный властности,
под фиговым листочком спрятан
огромный орган безопасности.

Застольные шутки эти неназойливо и неприхотливо приправляют собою быт, являя свободное от цензуры творчество <...> :

Когда страна – одна семья,
все по любви живут и ладят,
скажи мне, кто твой друг, и я
скажу, за что тебя посадят.

Только в застольной шутке еврей может посмеяться над собственной мучительной болью, не стыдясь и не скрывая своего еврейства:

Если к Богу допустят еврея,
что он скажет, вошедши с приветом?
– Да, я жил в интересное время,
но совсем не просил я об этом.

<...> Он неизменно верен своему еврейству в своей особой, взыскательной и требовательной любви к России, когда горькая усмешка ясновидца переходит в трагическое сочувствие:

Мы всюду на чужбине, и когда
какая ни случится непогода,
удвоена еврейская беда
бедою приютившего народа.

И в ответ на подразумеваемый совет «так мотай отсюда, пока не поздно» грустный весельчак Гарик выдает очередную «шутку»:

Сегодня приторно и пресно
в любом банановом раю,
и лишь в России интересно,
поскольку бедны на краю.

Ну как тут не улыбнуться, не захихикать, не засмеяться, если в самую точку, по самому больному, не оставляя ничего святого ради красного словца, не щадя ничего – ни России:

Открыв сомкнуты негой взоры,
Россия вышла неглиже
навстречу утренней Авроры,
готовой к выстрелу уже.

ни своего народа:

Евреи продолжают разъезжаться
под свист и улюлюканье народа,
и скоро вся семья цветущих наций
останется семьею без уroda.

ни своих надежд:

Везде одинаков наш свет,
везде можно в петлю полезть:
везде хорошо, где нас нет,
везде тяжело, где нас есть.

ни, наконец, самого себя:

Наследства нет, а мир суров,
что делать бедному еврею?
Я продаю свое перо,
и жаль, что пуха не имею...

Наверное, читатель заметил, что главная пружина смеха в шутках Гарика – это перевертыш, придание нового, неожиданного смысла или звучания известным словам и затасканным выражениям:

Сперва над нами были ханы,
потом последыши тевтонов,
а нынче собственные хамы
рождают собственных Платонов.

И как греет наши сердца и размягчает души улыбчивая констатация известного факта, что Лубянка

... устала,
меч персковывая в щит
и затыкая нам орала.

<...> Не хочется определять место Гарика по шкале высоких искусств. Я лучше отвечу воображаемому снобу словами самого Гарика, точно определившего свое место в нашей биографии, в биографии поколения:

Нет, весь я не умру: мой дух на сотни шуток
рассыплется, как в почву семена,
а их от мудрецов до проститутток
растащит поговорками страна...

Что ж – может быть, о лучшей судьбе поэту не следует и мечтать?

Б.Гуллина, «22», 5, 1.1979

ЗА22. М.БЕГИН. В белые ночи (перевод с иврита). Тель-Авив, 1972.

Должен ведь был из миллионов советских з/к найтись хоть один будущий глава правительства свободного государства, как нашлись великие писатели и пр. Один уже и нашелся – нынешний премьер Израиля Менахем Бегин.

Книга запечатлевает тот кусок его изобилующей событиями жизни, который он провел под следствием в Вильнюсе и в лагере на Печоре (1940-41). Мало кто знал об этом у нас. Год написания книги – 1952. Свидетельство, как мы видим, из ранних. Как воспринимались ранние свидетельства на Западе, можно прочесть

тут же: Лея Витковска (знакомая автора, которую он встретил в Средней Азии), выехав позже из СССР, выступила перед комиссией ООН с показаниями об условиях на советских медных рудниках; далее идут мрачные детали, а один член комиссии заявил: «Нам известно, что эта женщина – профессиональная шпионка».

Путь Бегина по стране з/к (термин Ю.Марголина из тоже очень ранней книги «Путешествие в страну ЗК») или по Архипелагу, как сейчас говорят, был коротким и, если можно употребить это слово, – удачным. Арест в Вильнюсе (IX.1940), куда автор пришел, уходя от немцев из Варшавы. Следствие в вильнюсской Лубянке – Лукишки. 8 лет без суда по 58-й статье за «антисоветскую деятельность», что в данном случае означало участие в сионистском движении в Польше до прихода советской власти. Этап, Печорлаг, снова этап и «польское» освобождение (1941), после которого автор не столь просто, но попадает в армию Андерса.

Интересны «беседы» со следователем, который – по советским понятиям – весьма «подкован» в классовой борьбе. Он искренне не понимает, как это автор не признает себя виновным, хотя и признает участие в сионистском движении, реакционность которого каждому ясна; как это польские власти могут выпустить из тюрьмы (Бегин и там сидел) человека, не являющегося «прислужником капитала» и прочая дребедень. Но апофеоз таков: «Ну и чудак же вы, Менахем Вольфович: 58-я статья распространяется на всех людей во всем мире, слышите – во всем мире. Весь вопрос в том, когда человек попадет к нам или когда мы доберемся до него». (До этого объясняется, что статья написана Лениным.)

Юридически образованный Бегин этого понять не может. А дискуссия и последующие события только показывают, что непредвзятому мнению и четкой жизненной позиции эти убогие философы – следователи НКВД могли противопоставить лишь сроки.

Книга содержит много фактов и биографий, но сейчас мы знаем много больше. Однако трезвые объяснения автора (по вопросу о «признаниях») совпадают с более поздними точками зрения. Автор рассказывает в основном о том, что видел сам. Осмыслению собственно советской жизни в целом отводятся лишь последние главы. Знакомство автора с этой жизнью было коротким, но он успел многое увидеть и точно оценить, впрочем, не избежав некоторой поверхностности в мелочах.

И вот как рассудила история. «Я лично, гражданин следователь, отношусь к тем, кто верит в создание еврейского государства, хотя сам, возможно, этого не увижу», – говорит на допросе Бегин. «Нет, не увидите?», – сухо сказал следователь. Интересно – увидел ли следователь?

Конец книги: «Да будут благословенны те, кто отвергает правду грубой силы, кто отвергает всемогущество деспотизма. Многих из них ожидают жестокие допросы в черные тюремные дни и каторжный труд в белые ночи. Но придет время, и наступит светлый день, взойдет и улыбнется им солнце».

А.Кр.

ЗА23. В.ПЕРЕЛЬМАН. **Третья эмиграция и джунгли свободы**, Выступление в Колумбийском университете, 20.12.78. *Время и мы*, 37, январь 1979, 103-115.

Характеризуя «третью эмиграцию» как «акт политического протеста» против тоталитарного режима, связанный с опасностью «отправиться в Потьму», автор анализирует проблемы, с которыми сталкиваются эмигранты в «джунглях свободы». Запад упрекается в недостаточном внимании к нуждам «вчерашних мучеников и борцов» («третьеразрядные эмигрантские отели сменяют оставшееся в России уютное жилье»). Американское общество обвиняется в клановости, лишаящей эмигранта «столь вожделенных равных возможностей», «бюрократический Израиль» – в навязывании сионистской идеологии. Голый и безъязыкий советский эмигрант обладает, правда, и повышенной приспособляемостью, равно как и «непревзойденными способностями работать локтями и при необходимости стоять за себя насмерть».

Примечание референта. Неприлично выглядит недовольство автора тем, что все те же «вчерашние мученики и борцы автоматически превращаются в ординарных беженцев, подобных беженцам из Южного Вьетнама, Камбоджи или континентального Китая». Вряд ли есть необходимость напоминать о подлинном мужестве и подлинных мучениях «ординарных» беженцев из упомянутых стран.

С.С.

ЗА24. А.СЕДЫХ. **Новые эмигранты в Америке**. *Время и мы*, 38, февраль 1979, 100-111

Интервью главного редактора газеты «Новое Русское Слово», данное журналу «Время и мы».

Седых отмечает большую неоднородность 3-й эмиграции (люди, уехавшие по идейным соображениям, уехавшие в поисках материального благополучия, изгнанные властями и т.д.; процентов на 20 эта эмиграция состоит из неевреев. 2/3 новых эмигрантов устраиваются в США в течение первых 6 месяцев, но не всегда

по специальности. Многие терпят неудачу из-за «нежелания перестроиться», трудно старым и больным, труднее всего найти работу врачам, писателям, журналистам. Эти люди обычно плохо осведомлены о том, что их ждет в Америке. Но многие «хорошо устроены и благословляют день и час, когда они приехали». Организации, занимающиеся абсорбцией в США, делают большое дело, но их можно обвинить в том же, в чем и министерство абсорбции Израиля, – в бюрократизме.

На вопрос об отношении среднего американца к эмигрантам и о клановости Седых отвечает, что Америка создана эмигрантами и гордится тем, что «каждый – кузнец своего счастья»; элементы клановости существуют, но не значат много в судьбе эмигранта.

По вопросу о «прямиках» (эмигрантах, едущих в Америку мимо Израиля): «евреи, ищущие свободу, должны быть свободны в выборе того места, где они хотят жить, работать и умереть <...> Я глубоко убежден, что сила Израиля заключается не в количестве эмигрантов, а в их качестве». В Израиль должны ехать люди, готовые жертвовать собой во имя строительства Израиля. Должны ехать люди религиозные. Но бессмысленно заставлять ехать людей, чуждых еврейской культуре. Итак, «всем, кто покидает Советский Союз, должна быть предоставлена полная свобода выбора». Даже если тенденция уменьшения эмиграции в Израиль сохранится, то это не причина для беспокойства: «когда евреям в какой-нибудь стране станет очень плохо, они обязательно поедут в Израиль». Кроме того, не исключена большая эмиграция из стран Запада – из США в Израиль ежегодно приезжают «тысячи настоящих евреев». На вопрос, повинны ли в существующем положении еврейские организации в США, помогающие «прямым», Седых отвечает: «Это, конечно, не так. Причины надо искать в Израиле». Эмигранты зачастую сталкиваются с недоброжелательством израильских чиновников, не чувствуют, что они «приехали домой». Израиль должен не на словах, а на деле стать привлекательным для эмигрантов.

По поводу усиления антисемитизма в Америке: причина не столько в том, что многие евреи заняли ведущие позиции в культурной и политической жизни, сколько «в усилении арабского нефтяного влияния, росте антиизраильской пропаганды». Рост антисемитизма в эмигрантской среде – «результат советской антисемитской пропаганды <...> В первой эмиграции, как правило, не было антисемитизма».

Примечание. Последнее предположение представляется крайне неправдоподобным. Повсеместный рост национализма минимально связан с пропагандой из СССР.

Р.

ЗА25. В.Польский. Неизбежное гражданство или свобода выбора. *Время и мы*, 38, февраль 1979, 112-119.

По мнению автора, очевиден драматический для Израиля смысл того, что многие люди, получающие израильские визы, используют их лишь для того, чтобы уехать на Запад (только за 1977-78 гг. это явление выросло на 44%). Одна из причин – плохая информированность советских граждан об израильской жизни (письма репатриантов из СССР не всегда дают объективную картину). Присылаемая из Израиля в Вену сионистская литература не дает желаемых результатов (эмигранты часто делают вывод, вполне объяснимый для психологии советского человека: «Раз меня так агитируют ехать в Израиль, то вряд ли там есть что-то хорошее»). Автор предлагает не тратить деньги на пропагандистские издания, а показать сам Израиль. Многие в Израиле уже считают, что, не увидев страны, эмигранты не могут составить о ней впечатление, но из этого делают неверный, по мнению автора, вывод о целесообразности «силового решения» проблемы (прямой полет из СССР в Израиль). Это плохо как с нравственной, так и с практической точки зрения (согласится ли Москва, как быть с теми, кто едет поездом?). Автор против предложения не направлять вызовы в города с большим процентом «прямоиков» (Ленинград, Москва, Киев), указывая на антигуманный и антиеврейский характер этого предложения. Он против предложения вообще прекратить деятельность ХАЙСа («Сохнут считает, что выезд евреев из СССР только тогда и оправдан, когда они прибывают в Израиль. Американские организации <...> во главу угла ставят несколько иную задачу – необходимость спасения советских евреев. И они вряд ли пойдут» на отказ от цели). По поводу предложения об обязательном предоставлении израильского гражданства уже в Москве в процессе оформления визы автор указывает, что подобный акт ничем не отличается от насильственного лишения советского гражданства («в любой стране свободного мира гражданство надо заслужить <...> а тут предлагается превратить этот акт в насильственную бюрократическую процедуру»). Да эта мера и не остановит тех, кто не хочет в Израиль – они только будут вынуждены обращаться в другие организации

(Толстовский фонд и т.д.). Все эти предложения «лишены необходимых демократических начал, без которых немислима жизнь свободного общества».

Чтобы принять свободное решение, эмигранты должны побывать в Израиле. Для этого надо или перенести временный лагерь из Италии в Израиль, или предоставлять эмигрантам возможность по пути в Америку на 10-15 дней приехать в Израиль.

М.

ЗА26. Э.Лимонов. Это я – Эдичка. «Ковчег», 8, 1979, 9-88.

«Если мне не изменяет память, все ситуации невымышлены» – пишет Лимонов. Да и впечатление от повести – жуткой достоверности, искренности такой, что все время хочется отвести глаза. Иногда так жалко Эдичку, иногда так противно, так скучно становится. . .

Повесть переполнена матом, сексом, личными выпадами против «видных диссидентов». Содержанием ее является разочарование автора жизнью в США, разочарование, которое он высказывал в публицистике, получившей даже некоторое отражение в советской печати и вызвавшей пресловутое подозрение – «а не агент ли КГБ?» Лимонов, достаточно известный в Самиздате поэт («русские люди меня читали, ведь купили мои восемь тысяч сборников, которые я на машинке за все эти годы отпечатал»), эмигрировал в 1974-м и продолжает широко печататься в русскоязычных изданиях.

«Ничего хорошего этот побег в чужую страну мне пока не дал – если в СССР я общался с поэтами, художниками, академиками, послами и очаровательными русскими женщинами, то здесь, как видите, мои друзья – носильщики, басбои, электрики, гарды и посудомойки». Эдичка работал газетчиком («после статьи “Разочарование” убрали меня из газеты, от греха подальше»), помощником официанта, грузчиком, а сейчас:

«Я получаю Вэлфер. Я живу на вашем иждивении, вы платите налоги, а я ни . . . не делаю <...> Я вам не нравлюсь? Вы не хотите платить? Это еще очень мало – 278 долларов в месяц. Не хотите платить. А на . . . вы меня вызвали, выманили сюда из России, вместе с толпой евреев? Предъявляйте претензии к вашей пропаганде». <...> и он, и я понимаем, что его профессия серьезного ученого, специалиста по Гоголю и Достоевскому, преподавателя эстетики, никому тут на . . . не нужна. Тут нужны серьезные посудомойки, те, кто без всяких литературных размышлений будут

выполнять черную работу. В литературе тут своя мафия, в любом виде бизнеса – своя мафия. В русской эмиграции – свои мафиози. <...> Нам это знакомо, попробуй пробейся в Союз писателей в СССР. Всего изомнут <...> здесь я еще дополнительно проигрываю, потому что писатель-то я русский, словами русскими пишу, и человек я оказался избалованный славой подпольной <...> поэт издавна в России все – что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться там – честь великая. Тут поэт – говно, потому и Иосиф Бродский здесь у вас тоскует в вашей стране и однажды, придя ко мне на Лексигтон, еще говорил, водку выпивая: “Здесь нужно слоновью кожу иметь <...> , а ты не имеешь”. <...> Понимал я его тоску. Ведь он в Ленинграде, кроме неприятностей, десятки тысяч поклонников имел <...> потому что он – рыжий еврейский юноша – был русский поэт. Для поэта лучшее место – это Россия».

Описаны печальные эмигрантские отели и посиделки («они все жалуются, что здесь не пьется»). Описаны левые собрания, пропалестинские митинги и т.п. С раздражением и завистью пишет Лимонов о политических эмигрантах («Что скажут американские правые, которые давали и дают ему деньги. Удачно сидел в тюрьме или психбольнице там – получай деньги здесь»). Но все это поверхностно. А в глубине – Эдичка ранен, мучительно, смертельно. От него ушла любимая жена. Он безумно одиноко, он делает попытку самоубийства. Он занимается онанизмом и гомосексуализмом («Я никому не был нужен, больше чем за два месяца никто и рукой не прикасался ко мне, а тут он гладил меня и говорил “Мой мальчик, мой мальчик”. Я чуть не плакал, несмотря на свой вечный гонор и иронию, я был загнанное существо, вконец загнанное и усталое»).

Мы можем говорить, что основные черты Эдички – инфантилизм, нарциссизм, зависть, иждивенчество. Можем объяснить, что справедливо организованное общество и не должно платить много больше некоторого пособия за труд, этому обществу непонятный. Что диссиденты стараются говорить правду, как они ее понимают, и уж заведомо никого на Запад не звали. Мы можем много сказать, но не можем помочь Эдичке, вернуть Эдичке жену, научить его жить...

Это совсем не повесть о том, как плохо эмигрантам (хотя некоторые судьбы и некоторые факты полезно знать людям, собирающимся принять необратимое решение об отъезде из СССР). Это повесть о том, как плохо Эдичке; зрение его искажено мукой, да и

контактные линзы он по пьянке потерял. Не будем ругать Эдичку и считать его агентом КГБ. Пожалеем его – он очень нуждается в человеческом тепле и в сочувствии к его творчеству. А талант его несомненен и радует.

А социологически значимая информация в повести есть – информация о психологии левизны: «Что впереди – неизвестно. Может, я набреду на вооруженную группу левых экстремистов, таких же отщепенцев, как и я, и погибну при захвате самолета или экспроприации банка. Может, не набреду и уеду куда-нибудь, к палестинцам, если они уцелеют, или к полковнику Каддафи в Ливию, или еще куда – сложить Эдичкину голову за каких-то людей, за какой-то народ. Ведь я парень, который готов на все. И я постараюсь им что-то дать, свой подвиг. Свою бессмысленную смерть».

М.Н.С.

ЗА27. В.МАКСИМОВ. М.БАРЫШНИКОВ. Два предисловия к каталогу. Третья волна, 6, апрель 1979, 203-205.

Речь идет о выставке М.Шемякина, С.Целкова, Э.Неизвестного, проходившей 21.3-20.4 в галерее Э.Нахамкина в Нью-Йорке – единственной русской галерее в Западном полушарии. В предисловии Максимова сказано, что имена участников выставки являются символами процесса духовного обновления русской культуры, «который властно заявляет сейчас о себе, предвещая не только нам, но и всему человечеству о скорых и вещих переменах в нашем “прекрасном и яростном мире”». «Что предвещают эти имена? – этому посвящено и второе предисловие, содержащее неопределенную, но недвусмысленную угрозу, целиком остающуюся на совести Барышникова.

«...Целков, Шемякин и Неизвестный – первые языки великого духовного обледенения, надвигающегося на современное сознание. Наше столетие породило лишь две качественно новые идеи: концепцию скорости и тенденцию к деформации. И современное искусство, как мы неоднократно могли убедиться, уже не столько отражает, сколько опережает действительность. Во всяком случае, оно настолько часто оказывается впереди прогресса, что, например, Вторую мировую войну следовало просто признать большим порывом немецкого экспрессионизма. Как будто некий безумный любитель искусства вставил в проектор диапозитивы с живописью и графикой двадцатых-тридцатых годов и безжалостно спроектировал их на просторы Европы, Африки и Юго-Восточной Азии. Может быть, из всех «измов», вертящихся

на языке современного человека, лишь экспрессионизм и обладает реальным содержанием. При всем разнообразии техники, отношения к материалу и самого материала, при всем несходстве видения вещей – участников этой выставки объединяет нечто, чему более всего пристало бы имя русского экспрессионизма, и не только в его искусствоведческом значении. Рассматривая работы любого из этих художников, вы всякий раз ощущаете, что имеете дело не только с эстетической крайностью, продиктованной либо логикой развития материала, либо просто капризом создателя. Вы понимаете, что имеете дело с тяжелой – Нсизвестный, обостренной – Шемякин, непреодолимой – Целков формой философского бешенства, на которое обречен несогласный с миропорядком индивидуум и которое одно есть общий знаменатель всякого подлинного искусства. 18 февраля 1979».

П.Арендс

3А28. Ю.ВИШНЕВСКАЯ. О памяти. Синтаксис, 3, 1979

Статья представляет собой одновременно рецензию на «Память», выпуск 1 (2Г1, 2Г4, 2Б2) и на рецензию Блехмана (2Б3). Редакция полностью разделяет восхищенное отношение Вишневской к «Памяти» и резко отрицательное к рецензии (см. *Предварение* к 2Б3). Вместе с тем никак нельзя согласиться с основной идеей Вишневской. Обвиняя Блехмана в первобытном неуважении к любому виду умственного труда (каковое неуважение Вишневская считает «нашей» общей бедой), она сама проявляет гораздо большее неуважение ко всем видам теоретических исследований в истории и обществоведении. Если Блехман, по крайней мере, холодно раскланивается перед «огромной работой по добыванию», то Вишневская решительно пишет: «чего-чего, а уж обобщений (чаще всего основанных на полном дремучем невежестве) да разного рода прожектов (как правило, космических масштабов) мы имеем более чем достаточно. Единственное, чего мы до сих пор в глаза не видели – это настоящей работы». Так, походя, объявляется ничего не стоящей работа – пусть даже часто весьма спорная – десятков мыслителей самых разных направлений – Амальрика, Барабанова, Гумилева, Любищева, Московита, Померанца, Турчина, Шафаревича, Янова (названы лишь наиболее известные, и то, наверно, несколько забыто), не говоря уже о Ключевском или «не наших» Шпенглере, Шардене, Тойнби, Орвелле, Хаксли...

Зато конец рецензии хорош: «составителям “Памяти” удалось счастливо избежать двух противоположных обвинений, подстерегающих каждого, имевшего неосторожность издавать русско-

язычный журнал: обвинения в нетерпимости и в отсутствии собственного направления. Это – лишнее свидетельство тому, что людей с разными убеждениями может объединить не только и не столько пресловутое “общее дело”, сколько желание, занимаясь делом своим собственным, делать его добросовестно».

Р.

ЗА29. В.НАВОКОВ. О Гоголе (перевод с английского).
Часы, 19, 1979, 59-184.

Книга о Гоголе и его творчестве написана прекрасным стилем, излагаются многие неизвестные факты, необычная концепция различных явлений жизни и творчества Гоголя. Все интересные факты и идеи невозможно перечислить (да они и теряют много при формальном изложении, книгу надо читать), отметим лишь: жуткое описание смерти Гоголя (удачно помещенное вначале, чтобы сразу погрузить читателя в странный мир Гоголя), любопытное замечание, что в русском фольклоре, как ни в каком другом, нос занимает огромное место, замечание, что все высказывания Пушкина о Гоголе сообщены Гоголем и потому сомнительны, интересная мысль о необычном обилии второстепенных персонажей (хорошо бы кто-нибудь строго подсчитал, тем более что Набоков почему-то включает в персонажи куски метафор типа «цвет лица пропойцы»).

Со многим референту трудно согласиться: 1) Набоков как бы отлучает Гоголя от России, изгоняя его в вымышленный мир. Конечно, Гоголь гиперболизировал, можно уличить его в неточностях, но Россию, я думаю, узнает любой побывавший в ней иностранец. Мир Гоголя – Россия, страна Тараса Бульбы – опозитивированная, но Украина (кстати, автор не признает украинских повестей Гоголя). А уж аргумент – «что мог Гоголь знать о провинции, прожив в ней всего 7 дней» крайне несерьезен. 2) О «Выбранных местах...». Набоков, по-видимому, слишком заразился американским преклонением перед демократией, а для русской культуры вполне естественно, что поэт поучает (хотя, конечно, Гоголь переборщил). А письмо Белинского написано в пылу гнева и преувеличено там все чудовищно (впрочем, возможно, это благотворное влияние нынешних славянофилов, что такие поношения русского народа, никого не шокировавшие раньше, звучат ныне чудовищной гиперболизацией). 3) Автор, по своему обычаю, постоянно ехидничает над фрейдистами, а как раз для таких писателей, как Гоголь, психоанализ мог бы многое прояснить. 4) Рассуждение о невинности Чичикова (разрешив торговлю

живыми душами, нельзя осуждать торговлю мертвыми) режет слух – уж больно похоже на «капиталисты... не имеют морально-го права осуждать».

Очень хорошо, что эта книга, где о русском писателе говорит по-английски русский писатель, существует. Пусть многие концепции малодоказательны, но книга прекрасно передает дух Голя и (изнутри судить трудно), наверное, дух России.

А.Б.

ЗА28а. Н.КОРЖАВИН. «Добро не может быть старо». *Континент*, 17, 1978, 315-330.

Статья представляет собой рецензию на книгу О.ЧУХОНЦЕВА «Из трех тетрадей» и саморезюмируется такими словами: «хорошо, что у нас есть такой поэт и что он еще сравнительно молод». Несколько цитат:

По поводу Чухонцева «не возникает потребности сочинять нечто среднее между идейной биографией и психопатологическим очерком об авторе (что стало хорошим тоном в эмигрантской периодике – сразу превращает исследуемого в классика, а исследующего – в тонкого мыслителя и знатока)».

«Первый так в поэзии заговорил о народе и с народом А.Т.Твардовский, которого в эмиграции совершенно зря недооценивают как поэта».

Вред от шестидесятничества «был вовсе не в прямом влиянии его прагматического отношения к искусству. Это довольно быстро кончилось <...> (Лефовский нигилизм происходил не от шестидесятничества, а наоборот – от крайнего эстетизма.) Основной вред шестидесятничество принесло тем, что вызвало снобистскую реакцию на себя, которая длится до сих пор, помогая многим людям оправдывать свое равнодушие к Богу и ближним».

Обращает внимание напоминание, что «официозные» литераторы могут писать иногда «блистательные» строки (в качестве примеров Коржавин приводит Наровчатова и Дудина)

Р.

ЗА29а. С.ДОВЛАТОВ. *Невидимая книга*. Ардис, 1978

«Так почему же я ощущаю себя на грани физической катастрофы? Откуда у меня чувство безнадежной жизненной непригодности? В чем причина моей тоски?» – на эти вопросы автор этой уникальной книги обещает дать ответы. Довлатов описывает то,

что мы называем «культурной средой», границы которой, с одной стороны – это редакции и редакторы, с другой – богема, социальное дно. И в центре ее писатели, поэты, безусловно талантливые, очевидно – самобытные, более того, даже неофициально признанные официальными лицами, но отрезанные от «нормального» культурного процесса: публикаций, литературного заработка, устойчивого социального положения. Эта среда для России – новая, и, хотя положение ее драматично, она живет и вызывает у автора удивление, симпатии, но... не надежду. Именно ощущение невозможности вырваться из этой среды, стать «нормальным советским писателем» обесмыслило лично для Довлатова его жизнь. Недавно он эмигрировал.

Книга – не исповедь, но и не описание. Хотя по жанру – «документальная повесть». Почти все имена обозначены, все события «имели место». Приводятся письма и рецензии, которые были написаны, слова, которые были произнесены. Тем не менее это художественное произведение, эстетика которого допускает внутрь себя только то, что анекдотично – так, кампания материальной помощи большому Риду Грачеву – это серия анекдотов о тех, кто согласился жертвовать деньги. Анекдот – результат абсурдной связи между моралью, успехом, талантом, авторитетами, правилами личных отношений и идеологической обязанностью. Художник, сохраняя абсолютную серьезность, выявляет анекдотическую основу реальности – иронию в глубине социальных объектов и связей. Анекдот (абсурд) и документ не противоречат друг другу.

И все-таки остается вопрос, насколько книга Довлатова фактична. Эпизоды, фактическая основа которых мне известна, обнаруживают литературные приемы автора. В одном случае он подхватывает фантастическую легенду, родившуюся в среде, в другом – сокращает число действующих лиц, в третьих-четвертых перемещает реплики в иные уста, придумывает словечки. Перед нами – литературное произведение в жанре документальной прозы. И как произведение оно остроумно, артистично, написано прекрасным языком.

Б.И.

ЗА30. К.Лильбок. 14 лет назад. Часы, 19, 1979, 195-196

Малоизвестный эпизод из жизни левых художников: в 1965-м им разрешили выставку, но они отказались, так как она должна была называться выставкой любителей. Глубокой мотивировки отказа нет. На взгляд референта, следовало бы поподробней объяснить

этот шаг, который на 10 лет задержал выставку. Тем более что в этом же томе «Часов» высказывается мнение (с.216, см.3А31), что и в самом деле многие ленинградские левые художники выглядят любителями на фоне, например, эстонских.

Р.Л.

3А31. Хроника. Часы, 19, 1979, 204-227

На религиозно-философском семинаре. Приводятся тезисы доклада А.Котта о хасидизме. Рассказывалась история хасидизма, излагались хасидские принципы жизни, как они были заложены Израэлом Баал Шен Товой, хасидское учение, образ жизни современных хасидских общин после их возрождения в 45-79 годах.

В «Заметках на полях отсутствующих каталогов» У.И. пишет о нескольких музейных выставках и о творчестве А.Маслова. Далее помещены отзывы У.И. и Р.Скифа о двух выставках неофициальных художников, экспонированных в Доме народного творчества (с 12 по 25.6 выставка Гаврильчика, Павлушкина и Вальрана, с 29.6 по 14.7 выставка десяти – Кошелухов, Полетаев и другие).

Статья Р.Скифа посвящена связям между искусством Петербурга-Ленинграда и Эстонии. Связи эти возникли еще в XIX веке, когда эстляндские студенты обучались в Петербургской Академии Художеств. После революции эстонская живопись развивалась под большим влиянием финской. В 40-50 годах в ней преобладал помпезный академизм. В начале 60-х годов положение стало меняться. «Сравнительная молодость эстонской “верхней” культуры (мы опускаем народную традицию <...> , слабое развитие всеобъемлющей идеи типа религиозного сознания национального типа – все это привело многих современных эстонских художников к парадоксальному культурному сочетанию казалось бы несочетаемого: русского супрематизма и разного рода дальневосточных мистических учений». О весенней выставке эстонских художников в Манеже Скиф пишет: они «владеют отточенной и почти европейской современной техникой, широким усвоением различных форм. Прогрессу <...> соответствует и иная атмосфера. Практически там нет деления на официальных и неофициальных, большинство новаторов и «авангардистов» получили правовой статус членов Союза». Автор подчеркивает влияние и авторитет в Эстонии ленинградского ученика Малевича П.М.Кондратьева. Далее рассказано об успехе выставки в Тарту шести неофициальных художников Ленинграда.

В конце отдела помещено сообщение о несостоявшейся выставке на квартире А. и Г.Масловых. В выставке 3.6 кроме хозяев

квартиры должны были участовать еще 9 художников. «Квартира, как только художники стали собираться, была опечатана немедленно. Впрочем, “выставка” закончилась успешно, так как художники и приглашенные вернулись домой на том транспорте, который они выбирали сами».

Д.Р.

ЗА32. Ю.Николаев. Шабашники. Советская Россия, 19.8.79

Начиная со случая убийства в бригаде шабашников, автор доказывает, что «хозспособ строительства» – зло, а главная беда – шабашникам слишком много платят. Ликвидировать шабашничество «было бы, пожалуй, преждевременно. Но вот подумать об организации строительства хозспособом на принципиально иной нравственной основе стоило бы». Имеется в виду создавать такие бригады из колхозников и платить им меньше. На вопрос автора председателю колхоза, стал бы тот платить зарплату шабашника «своим», был ответ: «Ни в коем случае!» <...> Тогда никакой дисциплины в колхозе не будет и в с/х производстве работать вряд ли кто захочет». Возразить нечего: действительно, не захотят. А вопрос, будут ли шабашники строить за низкую плату и как они будут строить, автору в голову не приходит.

В статье приведены интересные цифры, правда, не всегда можно понять, о какой территории идет речь. Сопоставляя эти цифры, можно сделать вывод, что шабашники сделали за 76-78 годы больше, чем намечалось, в 2,5 раза, а государственные организации недовыполнили план в лучшем случае на 10-20% (а то и на 40-50%, точнее понять трудно). При этом «на каждый млн. рублей строительства хозспособом выделяется материальных ресурсов в 2,5 раза меньше, чем на тот же миллион <...> государственного строительства».

Ш.

ЗА33. Альманах «Призыв»

Издается в Москве католиками-экуменистами с 1971 г., за это время вышло 12 выпусков. О себе издатели пишут: «Мы, христиане-экуменисты, молимся всехристианской молитвой, мы исповедуем общехристианский символ веры, но мы допускаем большую свободу и терпимость в вопросе выбора верующими своих сакраментально-литургических обязанностей перед Богом <...>

Мы можем объединяться в общины, но мы раз и навсегда отказываемся от раскольниковского обособления, признавая раздробленность Вселенской Церкви лишь как внешнюю необходимость при стремлении к внутреннему единству. <...> Мы не создаем новую церковь, мы хотим быть миротворцами в «доброй старой» Церкви Христовой».

Основное содержание альманаха – экуменическое движение – его история, идеи, международная экуменическая деятельность, экуменические контакты внутри СССР, осуществляемые, в частности, авторами альманаха. Важна для альманаха и католическая богословская тематика. Печатаются исповеди людей, пришедших через философию, искусство, науку, через жизненные трудности, пришедших от атеизма к христианству.

Альманах имеет читателей в Москве, Ленинграде, Таллине, Риге и др.

Д.Р.

ЗА34. Информационный бюллетень – Краткие новости. — Тетради Самиздата, Брюссель.

Издается с ноября 1978 года два раза в месяц. Редактор К.ЛЮБАРСКИЙ. Цель бюллетеня: «оперативное распространение информации о событиях, связанных с движением за права человека в СССР и о людях, участвующих в этом движении. <...> Сбор информации осуществляется на кооперативных началах». Новости для включения в бюллетень следует направлять по адресу <...> По вопросам подписки следует обращаться к издателю «Тетрадей самиздата».

Основная информация аналогична содержанию «Хроники текущих событий». Производит сильное впечатление оперативность издания – в рекордных случаях между датой события и появлением информации – 5-7 дней.

В выпуске 4 (28.2.1979) имеется информация о самиздатском журнале «Перспективы», в котором, в частности, публикуются выдержки из произведений Кропоткина, Бакунина, Троцкого, Маркузе, статья Д.КОН-БЕНДИТА и материалы о Кронштадтском восстании.

Р.

Б. Точки зрения. Рецензии

ЗБ1. Права человека и социально-экономические права (подборка статей и документов). В защиту экономических свобод, 7, 1979, 40 стр. (составитель К. БУРЖУАДЕМОВ)

1. МОРИС КРЭНСТОН. Права человека. Париж, 1975.

<...> очень возможно, что естественное право человека на собственность, если его рассматривать отдельно, можно оправдать лишь в той степени, в какой оно заработано, но при этом нельзя забывать, что право на собственность есть одно из целого комплекса прав, тесно связанных с правом на свободу. Поэтому трудно себе представить, каким образом люди могут быть свободными, если они лишены права владеть имуществом и полностью отданы на милость какого-нибудь хозяина или коммунистического правительства, которые должны обеспечить их всем необходимым для жизни. В этом смысле собственность неотделима от свободы. <...>

Первые статьи Всеобщей декларации написаны языком, выдержанным в традиции старых понятий о естественных правах. Права на жизнь, свободу, неприкосновенность собственности, равенство, справедливость и стремление к счастью зафиксированы в двадцати статьях, которые, среди прочего, провозглашают право свободы передвижения, право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими, право иметь семью, право на равенство перед законом и на справедливый суд в случае обвинения в преступлении, право на неприкосновенность личной жизни и жилища, свободу совести и религиозных убеждений, свободу слова и собраний, право политического убежища. Объявляются незаконными рабство, пытки и произвольные аресты. Всеобщая декларация 1948 года не ограничивается этими классическими принципами. В целом ряде статей перечисляются права еще одной категории. Статья 22 утверждает, что каждый человек «имеет право на социальное обеспечение», а другие статьи провозгла-

шают всеобщее право на образование, принцип равной оплаты за равный труд, право каждого человека на «жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи» и, что представляется совершенно новым, – право на отдых, досуг и «оплачиваемый периодический отпуск» <...> Включение экономических и социальных прав во Всеобщую декларацию было значительным дипломатическим успехом коммунистических стран-членов ООН, хотя при голосовании Советский Союз воздержался. <...> Я попытаюсь доказать, что экономические и социальные права нелогично причислять к категории прав человека и что попытка такого рода в корне подорвала само дело защиты прав человека в ООН. <...> Эту попытку нельзя оправдать ни философски, ни политически. С философской точки зрения эта новая концепция прав человека бессмысленна. С точки зрения политической, распространение путаного понятия о правах человека парализует защиту настоящих прав.

За годы существования ООН ее интерес к политическим и гражданским правам уступил место заботе об экономических и социальных. В 1966 году обе категории прав приобрели, можно сказать, равноправие, так как Генеральная Ассамблея одобрила два Пакта сразу: один – о политических и гражданских, другой – об экономических и социальных правах, и хотя подавляющее большинство правительств затягивало ратификацию обоих Пактов, все же второй оказался в этом отношении впереди. Это произошло потому, что перечисленные в нем права вовсе не являются универсальными правами человека.

В самой процедуре преобразования политических и гражданских прав в позитивные нет ничего трудного: стоит лишь учредить международный суд с реальными полномочиями по осуществлению этих прав. Но экономические и социальные права нельзя сделать позитивными аналогичным образом. <...> Чтобы осуществить социальное обеспечение, правительству недостаточно одобрить необходимые законы, оно должно иметь в своем распоряжении крупные средства, а в настоящее время многие правительства ими не располагают. Правительство Индии, например, просто не имеет ресурсов, чтобы обеспечить «жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния» более чем 400-миллионного населения своей страны, не говоря уж об «оплачиваемых отпусках». <...>

Различие между первоочередным долгом и непервоочередным смазано в работах утилитарных философов, оценивающих, что хорошо и что плохо, с точки зрения «максимальной пользы для

максимального числа людей». Но люди со здравым смыслом эту разницу понимают. Хотя широта души и доброта считаются добродетелями, они не являются моральным долгом в том смысле, в каком им является обязанность спасти тонущего ребенка. <...> Право человека нельзя отнять без грубейшего нарушения принципов справедливости. Есть такие поступки, которые просто нельзя допускать, определенные свободы, которых просто нельзя лишать, некоторые ценности, которые являются неприкосновенными в высшем смысле. <...> Если в эту сферу ввести права другого рода, то можно дискредитировать саму идею прав человека. «Было бы замечательно, – скажут некоторые, – чтобы каждый человек пользовался оплачиваемым отпуском, чтобы все были равны перед законом и чтобы каждый имел право на жизнь. Может быть, когда-нибудь этот прекрасный идеал осуществится...» Обнародование Всеобщей декларации привело лишь к тому, что вся дискуссия об этих правах перешла из четкой и определенной области морально-обязательного в весьма туманную область утопических пожеланий.

<...> Говоря о всеобщем праве, мы подразумеваем и всеобщую обязанность заявить, что все люди имеют право на жизнь, значит обязать всех людей уважать человеческую жизнь, запретить им всем нападать, причинять телесные повреждения другим людям или угрожать их жизни. Так называемые экономические и социальные права, если они вообще поддаются определению, не накладывают подобного обязательства. Это права, которые обязывают одних людей давать блага другим. Но кому отводится роль дающего? Чья это обязанность? Когда авторы пакта ООН утверждают, что «каждый человек имеет право на социальное обеспечение», не хотят ли они этим сказать, что каждый человек обязан войти в некую мировую систему соц.обеспечения? <...> А если такой системы нет, то где обязанность и где право?

<...> Чем больше экономические и социальные права выдвигались на первый план, тем больше Советский Союз примирялся с тем, что ООН вообще занимается правами человека. Более того, концепция экономических и соц. прав приобрела необычайную популярность в странах Третьего мира. <...> По мере того, как интерпретация с акцентом на удовлетворение материальных потребностей приобрела популярность, советское правительство сумело рассеять представление о себе как о злейшем враге прав человека и создать впечатление, что оно является одним из главных защитников этих прав. <...> Советское правительство может, конечно, убаюкивать себя тем, что права человека сводятся якобы к оплачиваемым отпускам и наказанию военных преступников,

но простые люди в России, так же как и в странах-сателлитах, в достаточно ясной форме требуют права на жизнь и свободу.

2. Полный текст Всеобщей декларации прав человека 1948 года

3. Выдержки из Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, часть III

4. Избранные документы (от 16.2.78 и от 21.4.79) Московской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Второй из них озаглавлен: «Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд»:

<...> На самом деле право на труд, на благоприятные условия труда и на справедливое за него вознаграждение – далеко от повсеместного обеспечения. Все 4 пункта ст.28 Всеобщей декларации не выполняются. Заработная плата рабочих и служащих крайне низка. Официально называемая средняя зарплата по стране, 161 рубль в месяц, – есть величина статистическая, но даже она при нынешнем уровне инфляции едва ли обеспечивает то, что следует называть «достойным человека существованием». Что же говорить о минимуме зарплаты, составляющем 70, а в отдельных районах 60 рублей в месяц? О низком уровне зарплаты говорит тот факт, что в советской семье, как правило, вынуждены работать все ее взрослые члены, включая часто пенсионеров по старости. О том же свидетельствует и такое широко распространенное явление, как «шабашки» и хищение с предприятий. <...> Ситуация, в которой рабочие вынуждены «добирать» таким образом то, чего недодает им государство, порождает серьезную моральную проблему, вызывая у рабочих чувство душевного разлада, способствуя распространению в обществе лжи и лицемерия. <...>

В СССР существует произвол в зарплате. Непомерно велик разрыв между минимальной зарплатой, которую получает значительная часть населения, и максимальной зарплатой у отдельных групп (высшие партийные и государственные работники, генералитет, академики и другие). Эта зарплата может быть в 10-20 и более раз выше минимума. Неоправдана разница в зарплате у рабочих различных отраслей и министерств. Практикуется разная зарплата за равный труд в центре и на периферии. Например, расценки на ткацких фабриках Московской области значительно выше, чем во Владимирской и Ивановской, хотя нормы выработки – ниже. <...> Неравенство в зарплате увеличивается за счет неудовлетворительного снабжения периферии продуктами питания. <...>

В стране существует, хотя это слово никогда не произносится вслух, подлинная *бедность* значительной части населения. Точное число семей, которые следовало бы назвать бедными, не поддается учету, поскольку порог бедности в СССР официально не определен. Прожиточным минимумом полуофициально считается 60 рублей на человека в месяц (в таких семьях назначаются дополнительное пособие в размере 12 рублей на каждого ребенка до 8 лет), хотя фактически эта сумма не порог бедности, а порог нищеты. Далеко ниже этого порога живут отдельные многодетные семьи, пенсионеры, матери-одиночки.

В СССР распространена – и пользуется популярностью у рабочих – система сдельной оплаты труда, которая в развитых странах уже дискредитирована как «потогонная» и с которой активно борются западные профсоюзы.

На советских предприятиях, может быть, за немногими исключениями, – плохая организация труда, низкий уровень санитарно-гигиенических условий и техники безопасности, высокий производственный травматизм. При этом случаи производственных травм скрываются администрацией. <...>

Женщины с носилками для бетона на строительных лесах, женщины в оранжевой униформе с лопатами и ломami на полотне железных дорог – одна из безобразнейших картин советской действительности.

На советских предприятиях грубо нарушается законодательство. Широко практикуется скрытая, нерегистрируемая сверхурочная работа, чем нарушается закон о длительности рабочей недели. Эти переработки часто не оплачиваются, поскольку рабочие вроде бы и так заинтересованы: «дадим план – будут премиальные». Привычной формой бесплатного труда стали обязательные «субботники», а также направление людей, включая пенсионеров и школьников, на работу в колхозы, совхозы, на овощехранилища и т.п. Совершенно не нормирован рабочий день у сельскохозяйственных рабочих в колхозах. У них нет оплачиваемых отпусков. Ввиду невозможности выйти из колхоза и куда-то переехать эти люди превращены фактически в государственных крепостных.

<...> В СССР резко ограничен свободный выбор рабочим места работы. Средством закрепощения и дискриминации рабочих служит, отсутствующая на Западе, система обязательных трудовых книжек. <...> Ограничивает свободный выбор работы и постыдная система прописки. <...>

В СССР существует *скрытая безработица*, когда из-за резкого недостатка жилья, ограничений в месте жительства, отсут-

ствия накоплений человек вынужден наниматься на работу, не отвечающую ни его желанию, ни образованию, ни квалификации. К этому же понуждает и аморальная статья уголовного кодекса о тунеядстве, то есть обязанность под угрозой тюрьмы оставить поиск нужной работы и устроиться на любую. Можно считать, что наряду со скрытой в СССР есть и *явная* безработица. Если в западных странах безработным считается тот, кто не работает две недели, то в СССР всегда имеется огромное и неучитываемое число людей, не работающих по много месяцев. В то же время в СССР отсутствуют какие-либо пособия по вынужденной безработице. <...> Если бы к СССР применить выработанные многолетней практикой рабочего движения представления о безработице, которые существуют на Западе, то миф о стране, не знающей безработицы, был бы развеян.

Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В сов. законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. <...> Одним из свидетельств сказанному стало немедленное подавление властями попыток созданий группами рабочих в 1977-78 годах нескольких ассоциаций по защите своих прав. <...>

Говоря о нарушении социально-экономических прав человека в СССР, мы подчеркиваем, что обеспечение этих прав не может быть осуществлено без предварительного обеспечения политических и гражданских прав.

5. К.Буржуадемов. А где же защита экономической свободы? Знакомясь с представленными выше документами ООН и Московской группы «Хельсинки», легко убедиться, что в них ни слова не произнесено в защиту одного из самых основных, краеугольных основ свободного человеческого существования – в защиту права на собственное независимое дело (что связано с правом собственности на средства производства).

<...> Право на хорошую оплату наемного труда, право на пенсии, на бесплатное образование, здравоохранение и т.д. и т.п. есть право подданных на государственные выплаты в обмен на лояльное выполнение обязанностей, и чем больше будут эти выплаты, тем сильнее должно быть государство и тем больше люди должны на него работать, тем меньше у них будет свободы. Зависимость между «экономическими и социальными правами» (выплатами) и экономической (и прочими) свободами – обратная. <...>

Борьба между западными и социалистическими странами в области защиты экономической свободы окончилась полной победой последних, что, конечно, не внушает оптимизма, ибо сегодня

защитникам экономических свобод даже апеллировать некуда и ссылаться не на что. Не может помочь в этом и правозащитное движение в нашей стране. Экономические документы такой авторитетной организации, как группа «Хельсинки» со всей очевидностью показывают, что все сосредотачиваются лишь на защите «экономических и социальных прав», в каком-то смысле даже соревнуясь в этом с властями, упрекая их в недостаточности правительственных усилий и в демагогии. О защите же экономических свобод человека нет и речи. Мало того, по одной обмолвке можно судить даже о внутреннем недоброжелательстве к такой, например, широко распространенной форме экономической свободной деятельности, как «шабашничество». Группа «Хельсинки» ставит ее в один ряд с хищениями с предприятий. <...> Видимо, не следует надеяться, чтобы современное правозащитное движение в стране стало обращать внимание на защиту экономического самостоятельности, интересоваться судебными преследованиями людей, виновных только в том, что они работают, торгуют или обслуживают людей помимо государственной сферы. Видимо, этим людям не на кого и не на что надеяться.

Как ни странно, но Конституция СССР гораздо больше внимания уделяет обоснованию возможности советских граждан на собственное дело и частную трудовую деятельность, чем Международные Пакты и документы группы «Хельсинки» (цитируются статьи 12 и 16 Конституции). <...>

Правда, в современном Уголовном кодексе существуют <...> ст.153 и ст.154 об уголовном преследовании частнопредпринимательской деятельности, коммерческого посредничества и спекуляции. Но и они содержат в себе возможности для более приемлемого толкования, чем кажется на первый взгляд. Так, уголовному преследованию подлежит только частное предпринимательство, «использующее государственные, кооперативные или иные общественные формы». Таким образом, частное предпринимательство, которое сможет обойтись без прикосновения к государству, подлежит защите даже с точки зрения современного уголовного кодекса. Для осуждения коммерческого посредничества и спекуляции закон требует доказательства цели обогащения или наживы. Производимые с иными целями, они исключаются из уголовного преследования и подлежат безусловному оправданию. Кто же может заняться таким перетолкованием существующих законов, ныне угрожающих самодеятельности населения? Видимо, только само самодеятельное население. Как ни странно, но помощи в этом оно скорее дождется не от Самиздата, а от обычной советской прессы. <...>

Достаточно вспомнить выступления «Литгазеты» и даже «Правды» в защиту подсобных хозяйств, промыслов и т.д. (приводится пример статьи Литвиненко в «Комсомольской правде» от 25.3.79). Несмотря на всю официальную фразеологию, подобные выступления делают огромное дело, пропагандируя и защищая интересы огромного числа людей. <...> Безусловно, нужно защищать интересы инвалидов и пенсионеров, но требовать высокого уровня жизни от государства – это значит требовать усиления его власти и фактически противоречить защите основных прав и свобод человека.

6. Р.Редлих. За права гражданина. <...> Не забудем, что Гитлер не только избавил Германию от безработицы (т. е. обеспечил каждому немцу право на труд), введя воинскую и трудовую повинность, но что он также строил у себя социализм и ввел социальное законодательство, бывшее по тому времени едва ли не самым прогрессивным в Европе. И напомним: как раз за наиболее привлекательные социальные права при любом государственном строе надо платить, так что никакой бесплатной медицинской помощи, бесплатного образования и бесплатного обеспечения по старости или инвалидности по сути дела никогда не было и не будет. Врачам и учителям ведь надо платить, и если им платит государство, то платит оно так или иначе из карманов граждан. При парламентарном устройстве оно делает это под контролем парламента и общественности, при непарламентарном (как, например, в царской России) – под контролем только общественности, а при тоталитарном (как например, у нас сейчас) – при контроле псевдопарламента и псевдообщественности, т. е. заведомо плохо и совершенно безответственно.

<...> в главной и основной своей функции гражданские права и гражданские свободы просто одно и то же. Прирожденные эти права или нет – дело десятое. Но именно эти права (свободы) есть основа основ, без них нет ни граждан, ни гражданственности, и все остальные права превращаются в подачки власти, порой реальные, порой только кажущиеся, а порой и порабащивающие. В безоговорочной защите именно этих прав – неотменимая правда либерализма, и борьба за свободу есть борьба именно за эти права. <...> Мы помним, что гражданские права коренятся в неотчуждаемой свободе граждан, в их готовности и решимости нести ответственность за себя и свою страну. И призывая к борьбе за реализацию этих порой суровых и трудных, но первородных прав, мы призываем не разменивать их на чечевичную похлебку облегчений.

ЗБ2. В.Озолис. Личность, государство и революция (конспект), 7 стр. 1976

Выше всего я, как и Паскаль, ставлю Человека. Но минимальное требование к Человеку – его умение реализовывать свои намерения (без этого не имеет значения, хороши они или плохи). А реализовывать их он не может, т.к. не может мыслить логически не может ведать (термин Московита, см. 1Б10). Вместо этого он мыслит ассоциациями. Аналогиями. Чтобы выбрать термин – стереотипами. И делает не то, что нужно, и даже не то, что выгодно, а то, что привычно.

Его оправдывает то, что если бы он каждый раз размышлял перед тем, как делать, – он бы ничего не сделал, не успел. Другое его оправдание в том, что размышляя, он станет белой вороной. Общество не терпит нарушающих обычаи – как деспотическая Турция, так и просвещенная викторианская Англия (именно обычаи, а не законы: нарушение закона нередко бывает обычаем – но это ничего, это разрешается; и к разбойникам общество терпимее, чем к гениям: разбойников вешают – но больше тоже по обычаю, а против гения пустят в ход любые правды и неправды).

Все новое ужасно. И наоборот: ничто не ужасно, если оно привычно. Когда рабство и пытки были нормой, люди не считали свою жизнь кошмаром, так же как мы не считаем кошмаром жизнь при телевидении. Напротив, если бы человек попал в рай, не зная, что это рай, он был бы в таком же ужасе, как Робинзон (поначалу).

Стереотипы каждого общества ужасны для чужих, но привычны для своих. Больше всего общество боится ломки стереотипов, но ломка происходит.

1. Ломка связана с возникновением новой идеи. Общий ход саморазвития идеи таков: вначале она является средством, затем люди к ней привыкают и она становится самоцелью. Постепенно идея догматизируется (это довольно успешно маскируется бурными дискуссиями по все более частным вопросам). Жизнь обламывает идею, пока не обломает всю (это можно сказать и иначе: культура со временем придает любой идее красоту, обволакивая ее, как моллюск обволакивает жемчужиной чужеродное тело). Интенсивное развитие идеи происходит в «доисторический» период, когда она практически еще никому не известна. Мы будем следить только за «общественным» периодом, для которого характерно лишь ее экстенсивное развитие.

Можно выделить 4 поколения: над людьми первого смеются, людей второго убивают, люди третьего начинают резать сами, причем всех подряд. Наконец, люди четвертого – уже не борцы,

а уставшие убивать обыватели, которые хотят одного – чтобы все было как есть. Круг замкнут.

Я вижу три основных типа людей: мыслитель и упомянутые только что борец и обыватель (эти слова обладают эмоциональной окраской, которую я убедительно прошу не учитывать: например, мне «обыватель» симпатичнее «борца»). В соответствии с этим и поскольку платоновское государство мыслителей мне неизвестно – я различаю два типа государства: стандартное и взбаламученное.

Рассмотрим саморазвитие стандартного государства. Его классический пример – викторианство. Такое государство считает себя в принципе идеальным и потому отвергает все идеи. Тем самым оно делает всех людей с идеями, даже против их воли, своими врагами <...> Основной стереотип: «Все хорошо. Если кому-нибудь плохо – он сам виноват. Никаких изменений нам не нужно (эта идея в головах людей отлично сожигательствует с идеей прогресса). Желаящие изменений – преступны». Свобода в стандартном государстве возможна (ср. николаевскую Россию и викторианскую Англию), но до указанных Геркулесовых столпов.

Из других особенностей этого государства наиболее важными и интересными представляется Воспитание, Сила и Милосердие. Воспитание калечит детей, чтобы они выросли такими же, как взрослые (из Волошина: «Из всех насилий... убийство – наименьшее, тягчайшее же – воспитание»). «Цель воспитания – самозащита взрослых от детей»). Если бы дети рождались сильнее или достигали физической зрелости за год – мы жили бы в совсем другом мире.

Сила – это главное, что имеет государство. Она существует в разных ипостасях: сила танков, сила правды, искусства, духа и многое другое. Чрезвычайно непопулярно, но, видимо, верно утверждение, что все эти силы более или менее эквивалентны, в частности, каждая может одержать верх над каждой. Пример, где четко проявилось единоборство силы танков, силы духа и примерное равенство (в данном случае) этих сил – Чехословакия, август 68 – апрель 69.

Так вот, государство имеет довольно много силы и (пока не нашлась сила на силу) может прославлять нужных ему людей, уничтожать ненужных (не только физически, но и морально, и забвением, и...), может многое. Хотя, разумеется, не все. Одно из следствий – будучи сильным, государство может позволить себе быть милосердным. Слабые (например, народовольцы) вынуждены быть жестокими. Сильный, если он достаточно силен, не только может, но и неизбежно станет милосердным: те, у кого

нет врагов, отвыкают убивать (одно из проявлений принципа выравнивания сил).

Сила позволяет быть честным, справедливым, даже мудрым. . . Да-да, если какая-нибудь дурацкая кампания была проведена с достаточной силой, то с течением времени ее минусы будут (той же силой) уничтожены, недовольные – тоже, а плюсы останутся – и историки поймут мудрость Петра Великого.

2. Описывать взбаламученное государство я не буду – оно опишется само собой при описании революции. Для революции нужна прежде всего идейная база. Но это самое легкое: годится все, от моральной проповеди Христа до экономической науки. Важно лишь, чтобы идея смотрелась как новая – иначе она уже как-то вписалась в существующий стереотип и – по золотому правилу пропаганды – потеряла в действенной силе ровно столько, сколько выиграла в привычности; она уже не поднимет людей.

На следующем этапе требуются ученики Первого Пророка Идеи: достаточно бездарные (чтобы они не смогли и не захотели размышлять над Идеей, зато смогли и захотели обратить ее в догму) и достаточно энергичные (чтобы они смогли понести догму в народ, не боясь пыток и казней). А реакция всегда резко отрицательная, причем хуже всего новую теорию встречают дома. За границей – лучше, т.к. существует стереотип: у чужеземцев может быть нечто непривычное, это квазинормально.

Но все равно, реакция масс прескверная. А революционеры понимают это так: кругом враги! И – перестают воспринимать какую бы то ни было аргументацию «извне», как от Столыпина, так и от Бердяева.

3. Несмотря на всеобщую ненависть к революционерам – происходит смена стереотипа. До сих пор революция была невозможна, потому что о ней всерьез не думали. Теперь ее боятся, ненавидят – и считают возможной. Поэтому она становится возможной.

Здесь – развилка. Бывает, что государству удается сбросить пар и предотвратить революцию, а ее идеи частично вписываются в истеблишмент, частично выцветают и исчезают. Но бывает и иначе, а разница – только в темпе изменений. В одном случае требуются века, в другом – годы. Это различие принципиально.

Начнем с людей. Революции задумываются мыслителями, но делают ее борцы (а неосуществленные революции проводятся обывателями типа Пиля или Милютина). И тип борца психологически доминирует в обществе еще перед революцией и во время оной (скажем, с 1880 по 1921). Это определяет дух времени, воля к переменам, к разрушению. Ибо перемены всегда выражаются в разрушениях: творчество невозможно, т.к. хотят сотворить разное –

но уничтожить все хотят одно и то же. Обыватели страшно недовольны. Зато всем, у кого есть идеи, становится легче. Революция дает творческий импульс. Правда, не столько Блоку, сколько крестьянам, сжегшим его библиотеку – но впечатление такое, что «все позволено». Надежда осуществить свои мечты несбыточна – но она меняет стереотип мироощущения.

Здесь опять развилка. Если революция неудачна – у всех тяжелый осадок, хотя по существу огорчаться нечему, достигнуто больше, чем мечталось пять лет назад! Но год назад надеялись на неизмеримо большее (неосуществимое). И власть, устояв, вызвала еще большую ненависть к себе. Альтернатива – крушение режима. Теперь выясняется, что все хотят разного. Равновесие разваливается. Возник стереотип: проверять на разумность старые обычаи – а они такой проверки не выдерживают – и рушится все. Это расплата: стереотипы были необходимы, но держались они не разумностью или справедливостью, а силой (в данном случае – силой инерции).

Многие из тех, кто был «против», теперь жаждут реставрации. Но они обычно терпят поражение, разве что у них очень большой перевес в танках. А это бывает редко, потому что правящая бюрократия соседних (стандартных) государств не в состоянии оценить опасность для себя. Они не понимают, что новая идея неизбежно поставит вопрос о пересмотре старого запаса идей и, следовательно, этот запас будет признан несостоятельным. Итак, белое движение терпит крах, и начинается межпартийная и внутрипартийная грызня. Круг за кругом повторяется одна и та же схема: схватка двух партий; побежденные плачутся, что революция погибла, предана или попала в руки людей безответственных; в дальнейшем эта партия играет ту же роль, что белые; победители отождествляют жирондистов с монархистами (и считают их еще опаснее) – а сами продолжают раскалываться на фракции.
<...>

Вначале в схватках побеждают все более левые. Но в какой-то момент они терпят поражение – и с этого момента побеждают все более правые (это естественно, ведь теперь именно правые хотят изменений – в обратную сторону). Потом опять несколько раз подряд побеждают левые – и так несколько раз, пока великий маятник революции не остановится окончательно. Все слишком устали и взбаламученное государство сменяется стандартным – все пришло к новой точке равновесия.

4. Практически это означает, что возникла группировка, достаточно сильная, чтобы скусать конкурентов, и достаточно слабая, чтобы не распасться тут же на части. Тенденция к возник-

новению новых стереотипов и все более глубокому разрушению старых заменяется встречной тенденцией: а) уничтожение всех новых стереотипов, кроме немногих канонизированных, б) кристаллизация и обесмысливание этих последних. Революционное правительство, расстреливая и запугивая несогласных, наводит порядок, без которого долго жить нельзя.

Революция не может дать свободы; но она дает глоток свободы, без которого тоже долго жить немислимо. <...> Смысл революции – не в том, что она что-то создает, а в том, что она разрушает все, до чего может дотянуться. И (в свете того, что было сказано о стандартном государстве) в этом ее оправдание. Если же мы хотим увидеть революцию, которая что-то дала – нужно брать «неудачную», «незавершенную» революцию, ту, которой все разочарованы.

5. Переходим к описанию послереволюционного стандартного государства. Оно обладает всеми пороками дореволюционного, но гораздо слабее (не имеет силы традиции) и соответственно отвратительнее. В стандартном государстве редко необходимо насилие, так как частично люди уже привыкли к его гнусностям, частично – уже удалены из общества. В послереволюционном же государстве еще не «уже». И государство вынуждено силой (силой танков и полиции – другой-то нет) заставлять привыкать или эмигрировать. При этом новая власть вынуждена опираться на подонков, так как порядочные люди еще не готовы с ней сотрудничать... и т.д. Но надо иметь в виду и другое, гораздо худшее: при всей своей мерзости это государство – наилучшее из возможного. В темные века единственный слабый свет струился из монастырей.

А государство постепенно становится сильным, мудрым и добрым. Как прежнее стандартное. «Все они превзойдут. Все в них будет – и жалость, и мудрость, Но тогда, как меня, их растопчут другие рабы» (Н.Коржавин, «Последний язычник. Письмо из VI века в XX-й»).

Все это неплохо. Неплохо и то, что новое государство создало новые стереотипы, а в основном восстановило старые. И то, что люди примиряются с новым режимом. Обычаи абсолютно необходимы, и власть, вводя даже дурные обычаи, не заслуживает чересчур строгого порицания. Людям необходимо было вдохнуть свободы, но дышать ею постоянно нельзя.

А ценности-то наше, уже стандартное государство унаследовало от революционного! Вот и получается, что одновременно прославляют мировую революцию и священную границу, а викторианская Англия поклоняется бродяге Христу. <...> Этот нюанс

облегчает восстание против государства. По недоразумению (но это недоразумение неизбежно) верят в добродетели не сегодняшнего государства, а вчерашнего, взбаламученного. И вот начинают бороться против сегодня во имя позавчера.

Эти борцы искренне верят, что они за, что они только против отдельных искажений. Это не спасает их от репрессий – но ведь люди вообще боятся не репрессий, они боятся быть не как все. Со временем они отвергнут систему в целом, на это нужны годы...

И цикл замкнулся.

А как же оценки? Я не могу их дать. Любой из описанных фактов можно оценивать плюсом и минусом.

1976

ЗБЗ. Обсуждение «Инерции страха» В.Турчина

Редакция имеет в своем распоряжении несколько материалов, посвященных интересной концепции В.Турчина, излагавшейся в трех вариантах его известной работы «Инерция страха» («И.с. Посвящается В.Павлинчуку», 70 стр. около 1968; «И.с., социализм и тоталитаризм», 252 стр., Москва, 1976; «И.с.», 296 стр., Нью-Йорк, «Хроника пресс», 1977). В публикуемых ниже выдержках не нашло должного отражения «богостроительство» Турчина, сочувственное отношение к которому составляет суть реферата 1А10. Поэтому уместно напомнить начало этого реферата:

«Распространенное мнение о предельной бездуховности кибернетического взгляда на мир чрезвычайно поверхностно – кибернетика, напротив, является удачным путем к современному синтезу, естественно-научного мировоззрения с телеологическими и религиозными взглядами. Известный математик и общественный деятель В.Турчин предложил вполне разработанную картину атеистического (или – пантеистического) по сути мировоззрения, которое естественно считать богостроительством с Великой Эволюцией в роли Бога». (Т.Юрьев)

Р.

1. С.С. В поисках альтернативы данной советской социально-политической реальности – тоталитаризма на стадии стабилизации – Турчин занимает позицию «градуалиста», сторонника постепенных преобразований, проводимых параллельно с эволюцией общественного сознания. Тоталитаризму оптимистически противопоставлен ... подлинный социализм (так!) как «религия будущей глобальной цивилизации». «Это – религия, провозглашающая Высшей целью интеграцию человечества».

Из «кибернетической концепции реальности» автором утверждается неизбежность социальной интеграции, знаменующей собой метасистемный переход к высшему уровню организации живой материи. Тогда проблема, стоящая перед каждой страной и перед человечеством в целом», состоит единственно в том, как будет происходить этот неизбежный процесс интеграции – приведет ли он к уродливому тоталитаризму (варварской форме социализма), когда интеграция достигается через потерю индивидуумами человеческой сущности, или «к подлинному социализму, движущей силой которого является свободная человеческая реальность».

На возникающий вопрос, возможен ли нетоталитарный социализм, дается утвердительный ответ. Автор верит в разрешимость возникающего противоречия между необходимостью включить человека в систему и «необходимостью сохранить его как свободную творческую личность» (аналогичное противоречие разрешено многоклеточным организмом, клетки которого выполняют свои биологические функции). Противопоставляя механическую и кибернетическую модели интеграции (тоталитаризм и социализм соответственно), Турчин усматривает критическое различие в том, что при первой интеграции она направлена «снаружи внутрь», а при второй – изнутри наружу, начинаясь в сфере духовной культуры общества. Возможность сочетания интеграции и свободы иллюстрируется моделью-иерархий (см. ниже) <...> Борьба за идеи противопоставляется автором борьбе за власть. Поэтому он отвергает и многопартийную систему и революционный путь преобразований. Идеалом реформации в СССР он считает превращение КПСС «в единую политическую сеть подлинно социалистического государства» (?), а борьба за права человека – важнейшая деятельность на пути к демократической реформации. Значение диссидентов в том, что «они создают новую модель поведения, которая одним своим присутствием влияет на каждого члена общества».

2. Л.П.НЕСТОР <...> По-видимому, Турчину кажется, будто его разрозненные высказывания объединены некоторым новым «кибернетическим подходом» к теме, тогда как рецензенту кажется, что содержание книги объединено только темой – положением в СССР. В этом смысле книга родственна произведениям А.А.Зиновьева «Зияющие вершины» и «Светлое будущее», где из-за многоаспектности темы возникает перепрыгивание изложения, но в отличие от названных книг автор смотрит на происходящее не из сортира, а с высот Кибернетики, возводимой на пьедестал Религии. <...>

В своем кибернетическом основании эта книга опирается на выводы книги того же автора «Феномен науки», которые тут суммированы. Предложения о принципах организации нового общества опираются на статью автора в сборнике «Моделирование социальных процессов» (Москва, «Наука», 1970). Сводятся эти принципы к тому, что заинтересованные и близко знающие друг друга люди должны собираться в группы человек по 5-8, выделять из себя представителей на следующий уровень иерархии: те представители, разбившись на группы примерно такой же численности, выделяют представителя выше и т.п. Проведя несложные подсчеты из комбинаторики, автор убеждается, что полученные цифры не противоречат реальным возможностям людей касательно их способности к персональному общению, и этим завершает «доказательство» приемлемости своей схемы (В-иерархии). Рецензент же мысленно представил себе <...> как работала примерно такая схема (именовавшаяся «советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов») с марта 1917 приблизительно по март 1918, и расхохотался.

Наряду с этими по меньшей мере спорными тезисами и предложениями в книге содержится много интересных высказываний по более узким вопросам. Например, констатируя ряд нелепостей советской идеологии, автор объясняет совместимость осознания «противоречия теории и действительности с верой в теорию в целом». В этой связи автор подразделяет «марксизм-ленинизм» на 4 уровня: 1) текущая политика, где ложь настолько очевидна, что практически никто не верит ничему; 2) история КПСС и советского государства, где ложь закамуфлирована и ей верят хотя бы частично уже миллионы людей; 3) экономико-социологический уровень, который критически воспринимается совсем немногими, ибо прочим не хватило «энергии отрицания» (ведь надо же хоть во что-то верить! Нельзя же все отрицать!!); 4) уровень философии, который по мнению автора и является истоком всех бед. Концепцию истмата автор предлагает заменить концепцией исторического идеализма, где характерные для XIX века идеи детерминизма, однозначности истины и атомарно-механистического взгляда заменены свойственными науке XX века идеями выбора-случайности, множественности равноправных моделей (термина «релятивизм» автор избегает) и системно-функционального воззрения. Большая часть книги посвящена объяснению того, как названные черты истмата способствовали установлению тоталитарной формы социализма <...>

«Я утверждаю, что в наше время последовательное построение мировоззрения на базе научной картины мира и критического

научного метода порождают жизнеутверждающее и антитоталитарное общественное сознание, способное к энергичному социальному действию».

Стоит особо отметить, что в контексте книги эти утверждения автора и его светлая вера существенно опираются на его неколебимую веру в эволюцию, собственно, даже Эволюцию. Соотношение тоталитаризма и культуры автору определенно ясны: «Разрушение духовной культуры опасно для общества, в котором духовная культура является основой стабильности или хотя бы ее существенным элементом. Для тоталитарного общества, основанного в конечном счете на страхе перед физическим насилием, разрушение духовной культуры необходимо для стабильности».

Весьма убедительно в духе Буржуадемова (ср.ЗБ1) написаны страницы, посвященные защите идеи рынка, критике понятия прибавочной стоимости и т.п. Например:

«Отменять рыночные отношения в пользу дорыночных, т. е. отношений прямого обмена в соответствии с разными планами, графиками, расписаниями и т.п., – это в точности то же самое, что отменять правовые отношения в пользу прямого командования <...>, это антикибернетично. Прогресс, конструктивная эволюция достигается путем создания новых уровней иерархии по управлению. Это значит, что рыночные отношения надо не отменять, а <надо> управлять ими. Примером такого управления является подход Кейнса к государственному регулированию экономики с помощью финансовой политики <...> Функции, выполняемые государством, стоят в этом случае над рынком, а не вместо рынка, и это качественно-новые функции».

Третья глава книги даже внешне не объединена какой-либо темой, она содержит либо отдельные полемические статьи автора, написанные в бытность его председателем Московской секции Эмнисти Интернейшнл, либо критические рецензии на попавшие в руки автора работы западных авторов.

Происхождение наименования книги объяснено следующей цитатой:

«Активистам демократического движения (1966-1970) казалось, что теперь, когда можно что-то делать для восстановления основных прав личности, люди должны ухватиться за эту возможность и движение – хотя бы в среде интеллигенции – должно разрастись лавинообразно. Это было заблуждение, оно обнаружилось в процессе сбора подписей, и у многих активистов опускались руки. Великого Страха сталинских времен уже не было. Но работала инерция страха. Страх <...> затаился в тайниках

сознания, он изуродовал души, изменил представления о нравственных ценностях, о добре и зле».

Здесь рецензент вспомнил, как Валя Турчин давал ему в 1969 микрофильм первой редакции книги – давал, оглядываясь на одушину в своей квартире, жестом показывая, что надо молчать, и с другими признаками явного страха, а отнюдь не инерции оно-го. Сам Турчин преодолел этот страх своей деятельностью, и я вспоминаю этот эпизод нашей с ним дружбы отнюдь не для того, чтобы бросить на него тень. Даже если бы Турчин не совершил ничего иного, одного того, что он на свои деньги поставил в Обнинске памятник Павлинчуку, хватило бы, чтобы преклониться перед его нравственной чистотой. Вспоминаю же этот штрих лишь дабы лучше разобраться в причинах неверного диагноза, который ставится нашему обществу (не одним Турчиным; примерно так же сводит всю проблему к «страху» и Солженицын в «Жить не по лжи»). Видимо, энергичное преодоление собственного страха плюс принцип судить о внутреннем мире других по представлениям о собственной душе – породили эти смещенные оценки. Не в страхе дело, а в безразличии. В том, что «критически мыслящие личности» испокон были в меньшинстве и одиночестве. Когда Набоков в 1974 из США высмеивал замысел обращаться с петициями к советскому правительству, разве «страх» обуславливал его позицию?! Да пусть сейчас там, в США, сам Турчин попробует уговорить интеллектуалов систематически писать петиции к правительству СССР или собирать взносы на прокорм нас, выгоняемых здесь с работы, – и он увидит живо, что не страхом вызвано их уклонение от такой деятельности. А что страх не прошел бесследно – вполне истинно. Только это уже не «инерция страха», а просто готовые, с рождения данные, формы общежития, стереотипы поведения своего микроокружения и привычные клише по радио, телевидению. По-видимому, в показе таких стереотипов и клише больше преуспел не Турчин, а другие авторы. Сталинский период, на вкус рецензента, наилучшим образом описан в книге Р.Редлиха «Сталинщина как духовный феномен» (см.ЗБ4), а послехрущевский – Зиновьевым.

Непосредственно к этому материалу примыкает

ЗБ4. Л.П.НЕСТОР. Рецензия на книгу Романа Редлиха «Сталинщина как духовный феномен» (очерки большевизмоведения. Книга 1)» Париж, 1970, II издание. Первое издание вышло во Франкфурте-на-Майне в 1955, ему предшествовало «нулевое» в форме ротاپрнтных выпусков 1949-52. Книга II упомянутых очерков вышла в том же 1970 и называется «Советское общество».

Описывает книга прошедшее (другой вопрос – изжитое ли?) явление в истории России: *сталинщину* (1923-58) <...> Автор (собственно, это авторский коллектив – Н.Е.Андреев, С.А.Левицкий, Н.И.Осипов, Л.Т.Осипова, Л.Д.Ржевский) интересуется духовным (точнее – *псевдодуховным*) миром типичного подсоветского человека, описывая его соотносением с системой нравственных ценностей (аксиологический подход). Автор констатирует глубокий разрыв между реальностью в СССР и ее советским описанием и ставит задачу «по различию между предметом и его отражением в кривом зеркале вычислить кривизну зеркала».

Основными терминами изучения-описания являются «реальность», «миф» и «фикция». *Миф* – это идеологическая установка, в которую в основном верят и спускающие сию директиву власти и приемлющие ее массы. Анализируется 10 мифов: о научности марксизма, об осуществлении социализма, о капиталистическом окружении, о неизбежной войне, о «своей» власти, о врагах народа, об СССР как самой передовой стране, о постепенной эволюции советской власти, о преступности (как выражении борьбы власти с населением), о том, что борьба против есть лишь путь к бесполезной гибели лучших из лучших, и т.п. В терминах Турчина (1БЗ) мифы относятся к двум высшим уровням марксизма-ленинизма. *Фикция* – это идеологическая установка, которая настолько приближена к практическим действиям, что ее ложность бьет в глаза и начальникам и массам. Разобраны 14 фикций: добровольной подписки на заем, истории партии, любви населения к органам безопасности, морально-политического единства, любви трудящихся к социалистическому отечеству, вознаграждения по труду, ломки устарелых норм и слепоты специалистов, неслыханного трудового энтузиазма, самых демократических выборов, счастливой и зажиточной жизни, соцгуманизма, свободной науки, критики и самокритики, бдительности, народного гнева. В терминах Турчина – это два низших уровня. Несмотря на очевидную неправду фикций, они крайне важны, ибо выполняют функцию «замаскированных приказов», лишают

возможности осознать реальность и формируют в душе советского человека наряду с «сознанием» и «подсознанием» надстройку *сознательность*:

«Сознательность – это сфера активной несвободы. Она имеет некоторые черты внешнего сходства с лицемерием европейского человека, но отличается от него существеннейшим образом. Лицемерие <...> есть именно та дань, которую порок платит добродетели, оно исходит из чувства приличий. Сталинское лицемерие, напротив, крайне неприлично, и советский человек нередко внутренне стыдится своей сознательности».

<...> Поступать надлежит так – и фактически поступают – словно бы фикции были реальностью, и это-то придает им огромное значение, выводя их из области лицемерия в сферу доселе неслыханного феномена *фиктивной духовной жизни*. Конечно, партаппарату хотелось бы, чтобы фикции переросли в статус мифа, но реально это не происходит, и автор убедительно доказывает онтологически, почему этого и не может случиться.

Марксизм был сочетанием псевдонаучной теории и псевдо-религиозной веры. То и другое породило непреклонную *волю к властвованию над миром* (в благих поначалу целях). Взятие власти в одной стране, бесспорное сопротивление большинства населения, невозможность дать настоящую всеобщую справедливость и ускользание реальности от запланированного детерминизма побудило создать *фиктивный мир* <...> Фикции образовали в конце концов плотно состыкованное идеологическое единство, которое детерминирует поведение любого советского человека, лишив его необходимости (про возможность и говорить нечего) прибегать к акту *выбора* между *добром* и *злом*. Каждый советский человек реально служит злу, не совершая, однако, этого выбора в нравственно-религиозном мире свободы. Единственный способ отпасть от служения злу остается в форме недобросовестности, скептицизма и подобных этических качеств, которые в других условиях влекли бы к отпадению от добра («советский скептицизм происходит не из сомнения в добре или истине, а из несомненности окружающего зла и лицемерий»). В результате духовный облик человека неузнаваемо искажен, и никакими западными категориями мерить его нельзя. Впрочем, в оценке советского человека есть много преувеличенно добрых слов, продиктованных ли надеждой, изобретенных ли политическим расчетом.

Вся книга интересна и богата идеями. В частности, аппарат применяется к анализу русского языка и выявляются порожденные фикциями реальные изменения в лексике. Например, коренным образом изменилась семантика слов «добровольно» («бес-

прекословно»), «преданность» («повиновение»), «добрая воля», «законность» и многих других. По мнению рецензента, эта книга может служить (для подготовленного читателя) хорошим учебником и базой для конкретных историко-философско-социологических исследований советского общества. <...> Вторая книга «Советское общество», посвященная хрущевским временам, по мнению рецензента, не удалась автору. <...>

Рецензент хотел бы напомнить факты, не уместающиеся в концепцию автора. Фикции появляются в истории большевистской партии не после нескольких лет властвования, а при самом ее зарождении, уже II съезд РСДРП был фиктивным (большинство социал-демократов не были на него допущены). Фикцией конференции была Пражская (1912) – большинство большевиков принять участие в ней отказались. Фикцией был II съезд Советов (25 октября 1917) – мандаты были липовые, большинство законных делегатов отказались принять в нем участие. И т.д.

ЗБ5. С.Липкин. *Открытое письмо* (Секретарям Союза Писателей СССР, Союза Писателей РСФСР, Московской писательской организации, членам редколлегии «Литературной газеты», «Литературной России», «Московского литератора»). Август 1979, 10 стр.

<...> не будучи составителем «Метрополя», я был знаком только с некоторыми работами альманаха. Из «Московского литератора» я сперва узнал, что произведения четырех писателей, мои в том числе, служат фиговыми листками, прикрывающими литературный срам, а затем та же газета опубликовала подборку отрицательных об альманахе отзывов почти 30 членов СП <...> Но вот последовали дни и недели, в течение которых кое-кто из осудителей стал заявлять знакомым и составителям устно, а один – письменно, что их отзывы газетой искажены, что не нравятся отдельные произведения, а в целом альманах хороший или даже очень хороший. Наконец, я прочел весь альманах и, положив руку на сердце, могу теперь сказать: альманах действительно очень хороший. <...> (См. 2А25, 2А32, 2Б4-5, 2В1).

В альманахе есть то, что Шекспир называл «образом и давлением времени». Огромное художественное наслаждение доставили мне рассказы молодого писателя Евгения Попова, который вошел в литературу, напутствуемый Шукшиным. Ткань этих сибирских рассказов насыщена прочными яркими красками, из слов рождаются не заводные куклы, а люди, тепловая энергия жизни. В отличие от несравненного Зошенко, который своих героев не

любил, (Попов, как и Зощенко, продолжает линию сказа), молодой писатель любит своих незадачливых героев, а известно, что искусство возникает тогда, когда сочувствие к людям сочетается с артистизмом чувства.

Мне думается, что Фридрих Горенштейн – серьезный писатель. Его Юрий Дмитриевич, Зина, слепорожденный Аким Борисович, считающий себя выше и счастливее ослепших, – это характеры «капитальные», как любил выражаться Достоевский, характеры, обнаруженные автором «Ступеней». Учительский дух нашей отечественной литературы стал источником ее бессмертия, и Фр.Горенштейн мучительно-страстно развивает проповедническую сущность русской художественной мысли.

Петр Кожевников – еще одно новое имя – самый молодой из авторов «Метрополя». Перо его не окрепло, воображение только разгорается, но это тот огонь, чей обжиг превращает пишущего в поэта, занятого поиском правды и ее воссозданием. Стремление подростков из замшелых развалин бездуховности вырваться к воле, одухотворенной любовью, возвышает и нас, читателей.

Тридцатилетний Виктор Ерофеев обратил на себя мое внимание исследованиями, посвященными необычной личности де Сада, трудам Льва Шестова. В «Метрополе» опубликованы три его рассказа. Первые два я не отнес бы к его удачам, но третий рассказ, «Трехглавое детище», принадлежит к лучшим произведениям альманаха. Мастерски нарисованы престижный дачный поселок, сотрудники и коридоры института, страшная гибель Наденьки и не менее страшная гибель души Игоря.

<...> Попова и Ерофеева исключили из Союза писателей, прибегнув к маскировочной формулировке, – мол, приняли их раньше неправильно, книг у них нет, одни журнальные публикации. Но разве устав союза не растолковывает ясно, что в союз принимаются писатели и на основании журнальных публикаций. Меня в союз приняла комиссия, возглавленная Горьким, когда число моих лет равнялось двадцати двум, а число моих стихотворений, опубликованных в журналах, не достигало и этой цифры, ни одной книги я не успел выпустить. В то же время в приеме в союз было отказано почтенному писателю, издавшему собрание сочинений. <...> Конечно, сподручнее руководить пишущими, похожими друг на друга, как узоры на обоях. Но союз писателей по самому своему замыслу должен быть союзом неповторимых. Наш трудный и долгий опыт показал, что исключение из союза не есть исключение из русской литературы. <...> Я хорошо понимаю, что руководить творческой организацией непросто, работы невпроворот, и все же нельзя при этом ни на миг забыть

вать о том, что нам досталась в наследство могучая литература, что у каждого из нас так мало вероятных возможностей в ней остаться, и поэтому вряд ли разумно отсекают надежные молодые таланты. На тех авторов «Метрополя», которые постарше, укоренились попрочнее, обрушился обвал экономических санкций, у всех (за одним-двумя, кажется, исключениями, впрочем, легкообъяснимыми) задержаны набранные или сданные в типографии книги, рассказы, стихи, переводы, пьесы, принятые театрами, осуществленные киносценарии, а двух молодых, менее защищенных, выгоняют вдобавок из союза, хотя тот же Феликс Кузнецов провозгласил «урби эт орби», что никто не будет подвергнут репрессиям. Совесть не позволит мне оставаться в союзе и пользоваться его благами, если вы в ближайшее время не исправите свою ошибку и не восстановите двух, не по уставу исключенных.

Полагаю, что я должен сказать несколько слов о тех, кто в литературе постарше. Загадочная вещь – манера письма. Ничто так не привлекает современников, как новая, острая манера письма, и ничто не устаревает так быстро, как манера письма, существующая вне содержания. Я слышал от собратьев по перу, что манера письма Беллы Ахмадулиной мешает им при чтении ее рассказа «Много собак и собака». Но если преодолеешь эту преграду, то почувствуешь в прозе знаменитой поэтессы истинную боль, без которой не рождается искусство. Вот и прочтен рассказ, заканчивающийся вопросительным знаком, а нашу мысль продолжают волновать и Шелапутов – новый, бесприютный Сван, и фантомная фигура безукоризненного Цыркина, «человека никакого, опасного человека».

«Похороны доктора» Андрея Битова – вещь, которой суждена долгая жизнь. Портрет женщины-врача рисуется на наших глазах в день ее смерти, но в этом, как будто бегло нарисованном портрете – вся ее жизнь, ее прошлое, ее близкие. Многие строки рассказа хочется прочесть вслух, как стихи.

Влиятельное лицо – Римма Казакова – утверждает приверженность к целомудренной любви, обвиняет альманах в сексопатологии. Возможно, ее задело название рассказа Фазиля Искандера «Маленький гигант большого секса», рассказа очень смешного и очень грустного. Что касается секса, то он есть только в ироническом названии. Фотограф Марат охотно хвастается своими галантными похождениями. Делает он это довольно ловко, так что читателю приходится самому решать – фантазирует Марат или говорит правду. Но когда уличный курортный фотограф рассказывает о своей встрече с одной из наложниц Берия, – ни

ему, ни нам уже не до шуток. Искандер – один из самых популярных советских писателей, и какое счастье, что его популярность сопрягается с тонким благородным вкусом, с многосодержательностью. Русские читатели привыкли к смеху сквозь невидимые миру слезы. Природа смеха Искандера несколько иная. Это смех кавказцев, победоносный смех людей, которые работают весело, а веселятся торжественно, живут трудно, а умирают легко.

Когда появился «Звездный билет» Василия Аксенова, Анна Ахматова мне сказала: «Талантливо! Это заговорило новое поколение, – уже не дети, даже не внуки, а правнуки». И радостно добавила: «Половину его слов я не понимаю». А Ахматова редко кого хвалила <...> Как же могло случиться, что один из известнейших писателей, автор таких шедевров, как «На полпути к луне» или «Дикой», не мог на протяжении 11 лет пристроить «Четыре темперамента», пьесу с точки зрения цензуры безобидную? Произведение экспериментальное, оно не всем нравится, но оно есть, и легко предположить, что без этой пьесы личность Аксенова не может существовать.

<...> Мне не хватает времени и места, чтобы выразить свое впечатление от всех произведений альманаха, достойных тщательного анализа. Я коснусь лишь стихотворений трех поэтов. Стихотворных писателей с достаточной степенью точности можно разделить на три неравные группы. К первой, самой многочисленной, существующей всегда и везде, относятся поэтические натуры: у них есть что сказать, но сказать они не умеют. Вторая группа, весьма небольшая, состоит из артистов: они умеют сказать, но сказать им нечего. И только третья, во все времена крохотная группа, – поэты: у них есть что сказать и они умеют сказать.

Я не берусь определять масштабы поэтического дарования Инны Лиснянской, но очевидна истинность этого дарования. Ее сборник «Виноградный свет», вышедший в прошлом году, не вызвал откликов в печати, но знатоки поэзии его заметили и оценили чрезвычайно высоко. В сборнике есть то, что делает стихотворца поэтом: гармония мысли и чувства. 7 стихотворений Инны Лиснянской, отвергнутых в числе других 90 (!) издательством и помещенных в альманахе, ретроспективно обогащают содержание «Виноградного света» и наше представление о поэте. Среди ярлыков, наскоро приклеиваемых к «Метрополю» (серость, пошлость, секс), есть и такой: богоискательство. Видимо, этот ярлык предназначен прежде всего Лиснянской. Нужно ли возразить ярлыковедом, что поэзия испокон веков занята такого рода исканиями, испокон веков тяготеет к трансцендентности, – и даже в том слу-

чае, если поэт считает себя атеистом. На пути таких исканий направили русскую поэзию Ломоносов и Державин, и мы видим на этом пути и наших современников – Бунина и Блока, Есенина и Пастернака. Сама просодия русского стиха, как и просодия стиха латинского или древнееврейского, – молитвенная. Изменять или разрушать ее невозможно, как ни старайся.

Эту просодию мы слышим и в стихах Евгения Рейна, хотя многие из них нарочито приземлены. Рейн смело, порой дерзко соединяет высокое с низким, необычное с будничным. Он мастер сюжетного стиха, и чем размашистее его повествование, тем пронзительнее звучит лирическая нота. «Из-за чего, дружок, ты проиграл? Мой ученик, мой гениальный мальчик». – Мы догадываемся, кто этот ученик, и трепет пробегает по нашему сердцу. Рейн уже седеет, а так досадно мало опубликовал стихов.

Юрий Кублановский – очень русский поэт по структуре своих метафор и тропов. Что-то есть в нем идущее от Федора Глинки, от Хомякова, отчасти от Случевского. Он способен мгновенно и кратко охарактеризовать явления и события родной истории. <...> Стиль его сдержан, сосредоточен на главном. Ю.Кублановский заслуживает серьезного к себе отношения.

<...> «Московский Литератор» опубликовал заявление С. Михалкова, касающееся меня: «Мне непонятна позиция С.Липкина. Представители национальных литератур, эпос которых он перенял и которые еще не вышли из печати (неграмотность фразы, уверен, принадлежит редакции, Михалков отлично владеет русским языком), задумываются сейчас над тем, а не следует ли им обождать, пока найдется другой Липкин». Действительно, в моей переводческой работе меня больше всего привлекало воссоздание памятников эпической поэзии – «Шах Наме» Фирдоуси, поэм Навои и Джамии, эпоса калмыков – «Джангар», киргизов – «Манас», бурят – «Гесэр», татар – «Идегей» (вещь, которую не могу опубликовать), кавказских «Нартов», пространных эпизодов индийской «Махабхараты». Я благодарен судьбе за то, что эта работа привела меня к изучению истории, быта, языков народов Востока, открыла мне философские прозрения мусульманства, буддизма, индуизма. Я благодарен судьбе за то, что во время войны, в рядах 110-й кавалерийской дивизии, я делил с воинами-калмыками опасность боев и тяжкую горечь нашего временного отступления. Когда в годы сталинского геноцида решили ликвидировать как нации калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, я с ума сходил от невыносимой боли, я плакал по ночам, вспоминая высланных друзей. Эта боль мучит меня и поныне. Трагедии калмыков и чеченцев я посвятил страницы

своих поэм, которые до сих пор не напечатаны, хотя я их не раз предлагал различным редакциям. <...> Задумался ли Михалков над тем, что в наших республиках есть образованные, умные, честные ученые и писатели, которые в указках и подсказках не нуждаются. <...>

Друзья меня спрашивают, – жалею ли я о том, что из-за участия в альманахе «Метрополь» я оказался на старости лет в трудном положении. Да, жалею, жалею о том, что представлен в «Метрополе» весьма небольшим количеством стихотворений.

Анатоль Франс рассказывал о набожном акробате, который служил Богородице с помощью фокусов: иначе он не умел ей служить. Авторы альманаха – писатели, очень разные по манере письма, по кругу тем, по пониманию художественности. Но их сблизжает (если мне будет позволено применить к делам нашего цеха столь высокий термин) экуменическое начало. Все авторы хотят, каждый по-своему, служить Богу, чье имя – Правда, и не хотят служить дьяволу, чье имя – Ложь.

С уважением, С.Липкин

ЗББ. Е.РЕЙН. Десять лет спустя, или взгляд за окно на Манеж и на площадь. Ковчег, 2, 1978. Париж

Десять лет убежало, а куда - непонятно.
Их пространство вобрало или время вернуло обратно?
Может, попросту ссыпались с черной небесной лопаты?

Или ими насытились Овн, Скорпион и Плеяды?
Десять лет я сидел у окна в переполненном зале
И валял дурака в середине, конце и начале.
Десятилетия этого, полного смысла и блеска.

И теперь на бобах. И кого мне винить - неизвестно.
Проклиная свое время? Но это последняя глупость.
И гораздо вернее пенять на привычную лютость
Всех времен и режимов к таким вот ленивым растяпам,
На кресте нерешительности справедливо распятым.
Ведь пока я глядел за окно на манеж и на площадь,
И пока я сидел меж двух стульев, не веря в их прочность,
Протекли мои лучшие, самые лютые годы,
Отошли мои случаи, как от земли пароходы.
Догони, доплыви то ли в лодочке, то ли иначе!
Человек за бортом! Он отстал от деньги и удачи!
Я не молод, не стар, не освистан пока и непризнан.
Не матрос, а кустарь возвращаюсь обратно на пристань.
Эта пристань моя - золотая Москва за окошком.
Ну и что из того - я забыт, как Касьян в високосном.

Невезучем году, преисполненном хвори и тягот.
Потому в борозду этих лет и года мои лягут.

Преодо мной наливала колосья моя комсомольская нива,
Но, увы, пересохли колодцы у общества и коллектива.
Приглашала индустрия в храм своего комбината.
Это было недурственно, но я глядел виновато.
Заходил, уходил и, увы, оказался уволен.
Что поделаешь - сладить с никчемной натурой не волен -
Я тогда отступил в ремесло борзописца,
Я себя остудил, что, увы, никогда не простится.
Стал проворной рукой сочинять я заметки и штучки,
Потянулись домой полупремии, полуполучки,
Переводы, сценарии, детские взрослые сказки,
Экземпляры сигнальные, редакционные ласки.
Что же я прозевал? В перелесках иудину дачу?
А пока я жевал, упустил из-под носа удачу?
Удалось бы с веревкой бежать по Воровского в гору?
Чтобы на Новодевичьем мне из пароского впору,
От затылок до пяток, казенную сбили гробницу?
Нет, на это не падок! Я бульварная серая птица.
Доживу так, как начал. На пустом и свободном просторе.
За беспечным столом, но зато на извечном престоле.

ЗБ7. Всеволод НЕКРАСОВ. «37», 17, Ленинград, 1979, 34 стр.
(отрывок «Всеволод Некрасов» из статьи Б.Г. «Поэзия, культура
и смерть в городе Москве». 17 стр., там же)

<...> ох	плохо
как это было	самое плохое-то
плохо	что я уже
плохо	плохо помню
плохо	как это было

Нравится Москва	и пожалуйста
нравится Москва	можете
и даже кажется	радоваться
что все не так	можете
страшно	жаловаться
Пожалуйста	можете идти.
Москва	

<...>
 что дважды два
 все-ж таки да -
 дважды два
 одна надежда
 И другая

надежда
 не каждый раз же
 дважды два -
 дважды два
 неужели каждый?

Русь Русь
 ась ась
 авось авось
 а она спряталась
 не вас ли
 и испугалась
 а оставалась если

хоть
 здесь
 в этих лесах
 самых
 и в самом деле
 здесь ели есть

человечество
 все-то лечится оно
 от чего-то
 не от электричества ли?
 холодно гражданаме
 ветренно*
 о дорогие мои
 современники

как бы заметила
 Анна Ахматова
 переселенная
 в Новогиреево
 * и вон
 сколько места
 а туалетов
 ни одного нет

и то сказать
 тоска
 тоска*
 да и то сказать
 сказать
 тоска

не особо
 какого-то
 высокого качества
 *то есть
 так кажется

а снег а снег
 а ветер
 а снег
 это
 не то Бога нет
 а не то Бог
 в нас не верит
 <...>

не хочу
 хотеть
 хочу
 не хотеть
 не хочу
 не хотеть
 хочу хотеть
 чушь какая-то

мне мня
 себя себя
 меня меня
 идя идя
 видя видя
 сидя сидя
 судя судя
 живя живя

пиша пиша
 и постоянно
 постоянно
 отстаивая
 свою ю
 чтобы не сказать
 свое е

<...>
 Есть новость
 Христос воскрес
 Воистину воскрес
 Слушай
 А хорошая новость
 Хорошая новость

Но большой секрет
 Давно уже
 Хорошая новость
 Давно уж
 Большой большой
 секрет

<...> Быть или не
 быть
 быть или не быть

очень может быть
 очень может быть

<...> Университет
 полуфабрикат
 полиэтилен
 интеллектвал

железобетон
 задом наперед
 раз и навсегда
 икелемене

осовиахим
авитаминоз
этому дала этому
дала
этому дала

странная страна
странная страна
странная страна
и временные време-
на.

<...>
Такой народ
такой народ
народный народный

а громадный
и уже весь сплошь
грамотный

Нас тьмы
и тьмы и тьмы
и тьмы

и тьмыитьтьмыитьть мыть
и мыть

Ян
Паллах
Я не Паллах
Ты не Паллах
А он Палах?
И он

Паллах
Он Паллах
А ты
не Паллах
И я
не Паллах

Живы живы
Сыты сыты
Джинсы джинсы
Без пятидесяти пяти
пять
Советские люди
спят

Некоторым
Снятся даже и сны
Жиды
Жиды
жиды жиды
И масоны
И масоны

<...>
 да да
 вы правы
 вы правы
 органы

это есть органы
 выборы
 это есть выборы
 вы,
 правы

Стихи В.Некрасова сразу запоминаются своей неотвязной интонацией. Эта интонация неотвязна, во-первых, потому что не забывается уже никогда после того, как стихи были прочитаны или прослушаны (особенно, если в исполнении самого автора). И во-вторых, потому что в ней безошибочно узнается та интонация, которая и нами самими, независимо от стихов Некрасова, владеет во многие моменты нашей жизни и от которой мы в эти моменты страстно хотим отвязаться, но не можем. И прежде всего не можем сознаться в том, что она нами владеет. Это интонация предельной душевной усталости, которая наступает, когда мы перестаем контролировать свою речь и наполнять ее индивидуальными оттенками смысла, гарантирующими наше авторство и превосходство. <...> В такие моменты жизни мы живем как в кошмаре с желанием проснуться, но принудительность сна заставляет нас зачарованно следить за ним помимо нашей сопротивляющейся воли.

Принудительность сна заставляет подозревать наличие скрытого за ним механизма. Некрасов отказывается в своей поэзии от принудительной поэтической традиции. Его стихи не соблюдают ее законов. Но это не означает того, что они вообще не подчиняются канонам. Идя не от языка, а от речи, Некрасов ищет в свободном речевом потоке устойчивых элементов. Законы поэзии Некрасова – это законы подсознательного самой речи. <...> Мы узнаем сон в стихах Некрасова и невыносимую интонацию, служащую свидетельством того, что это именно сон, а не явь.

Немалый урок поэзии Некрасова состоит в том, что законы сна речи не зависят от того, что именно ее в этот сон ввергло. Мы знаем множество душевных состояний, приводящих нас к границам речевого бодрствования. Гнев, страсть, утренняя душевная невыспанность, вечерняя усталость, но также и какое-то освещение комнаты, какой-то знакомый или незнакомый город – все это может усыпить нашу речь. Мы знаем, как приводят к автоматизму речи долгий разговор и длительная история личных отношений. Поэзия Некрасова многообразна по темам, в ней можно найти все обычные лирические сюжеты: пейзаж, дружеское послание, лирическую медитацию, психологическую сцену, сатирическое обличение и т.д. Они угадываются нами как то, что

дало словесный материал для машины текста и запустило ее в ход. <...>

вообще конечно
 наверно верно
 конечно
 конечно
 не очень точно
 но ничего
 ничего
 насколько скоро
 насколько скользко
 не так-то просто
 как это странно
 почти что чисто
 довольно вольно
 немножко можно

В этом начале поэмы поэтическая система Некрасова довольно ясно обнаруживает себя. Слова подбираются по многим различным законам одновременно: аллитерация, близость употребления в обыденной речи, семантическая близость и т.д. Сами слова также внутренне различны – здесь уравниваются вводные слова с речевыми штампами и констатации факта с лозунгами. Важно, что выбор закона сопряжения совершенно случаен, что и уподобляет этот текст сновидению. Сознание удовлетворяется ближайшим объяснением, хотя общий смысл ускользает. <...> Такая множественность объяснений существует и в реальной жизни. Когда нас спрашивают, почему «такой-то сделал то-то», мы иногда сошлемся на его характер, иногда на рациональную причину, иногда на социологическое, психологическое или историческое объяснение. Эти интерпретации стремятся сделать поступок «такого-то» понятным. И мы понимаем. Но какво самому «такому-то» сознавать, что не сам он является причиной своих поступков – их автором и владельцем – а живет лишь во власти разнообразных и взаимно-несводимых причин – живет как во сне.

Этот взгляд со стороны, который, если человек его усвоит, покажет ему, что он живет как во сне, есть взгляд, называемый просветительским. Психоанализ есть разновидность духа Просвещения, как и марксизм, структурализм и многие другие измы. Дух Просвещения в высочайшей степени свойственен поэзии Некрасова. Та же техника, которая обнаруживает душевные состояния человека за пределами бодрствующей речи, внутреннюю их тягостность и автоматизм, – та же техника используется для соци-

альной критики и демонстрации автоматизма чужой и враждебной речи, рассмотренной извне. Т.е. в пределах одной и той же поэтической системы осуществляется неуловимый, но очевидный переход от воспроизведения и анализа интимнейших лирических состояний к жестокой и сатирической по духу полемике. Переход вполне просветительский. Субъективная позиция автора – всегда честная и последовательная – совпадает с природой поэтического приема: она тоже проникнута идеей Просвещения.

Приятели-то
Вот тебе
И прияли
Таинства
Христианства
Для удобства
Своего юдофобства

или

Мы особенные
Мы не как все
Потому что мы такие
Единственные
На всем белом свете
Милые дети
Что людям можно
То нам никак нельзя

<...> Что создает особый колорит полемической поэзии Некрасова? Верное ли это изображение выродившейся официальности, или это усталое и глухое раздражение самого поэта прерывает его стих? Иначе говоря: впрямь ли это чужая речь или еще один модус лирического сна? Здесь дух Просвещения достигает своей границы. Двусмысленность не уничтожается. Речь, видящая сны, не может сказать о реальности. Глухое раздражение делает полемические стихи Некрасова слишком близкими любому его читателю, чтобы их вполне можно было принять за объективное свидетельство. <...>

Некрасов продемонстрировал возможность создания поэтической системы, базирующейся на иных законах, нежели законы традиционной поэзии. Эти законы – суть законы инобытия речи <...>

ЗБ8. В. Лакшин. Мовизма осень золотая. 4 стр.

... почерневшие от осенней сырости, с грязно-зеленистым ободком и прозрачной сеткой тления листья...

Я вспомнил переделкинскую осень, бродя по янтарной полоске пляжа на Малых Гавайях, отрезанного от ослепительного белого отеля Пале-Руайаль стеной густых волосатых лиан, в сплетении которых угадывалось молодое, четкое лицо кучерявого.

Он появился на Мыльниковом, когда мы с гусариком уже проводили свои дни безбедно. Мне удалось устроить в журнал «Смехач» один, ставший позднее довольно известным рассказ гусарика об офицере Печорине. Гусарик любил дуэли, и я увел его однажды из булочной Филиппова на тогдашней Тверской, где ему недовесили четверть фунта шафранной айвовой колбасы, очень нами в те годы любимой. Он потребовал от косоглазого толстого булочника, имевшего ухмылку вагонного вора, немедленного удовлетворения, и я не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мне не удалось растащить их в стороны.

Впрочем, пуля уже была внесена в реестр судьбы гусарика, готовившегося, как всякий гений, к самоуничтожению, о чем бесстрастно вещал тугой золотой шнурок, спускавшийся дугой с эплет на красно-зеленую грудь поручика-неудачника.

Душная, словно ресторанный портьера, ночь спустилась над Мыльниковым переулком; а мы сидели на дырявых, с вывалившимися, как у дохлых рыб, ребрами плетеных стульях и читали стихи. Гусарик, глядя поверх собеседника презрительным взглядом, впервые прочитал свои звонкие, немного фельетонные, ставшие потом известными строфы:

«дух изгнанья летел над грешной землей, и лучших дней воспоминанья и снова бой. Полтавский бой!»

Цитирую по памяти, не сверяя с книгой, – так эти стихи запомнились мне, так они, по правде говоря, лучше звучат и больше напоминают людей, которых я забываю.

... одинокие баобабы.

Лишь на первый взгляд кучерявый мог показаться кому-то лошеным петербургским пиитом. Когда он с ловкостью марокканской обезьяны вскочил со стаканом имбирной мерцающей жженки в руке на мой шаткий стол в Мыльниковом и, привычно почесывая бакенбарды, назвал меня домашним уменьшительным именем, я с бесомненностью понял, что автор «Полтавы», как и все мы, впоен черноморской литературой, настоящей на терпких запахах русского Леванта.

Мы не раз ходили с ним на угол Мыльникова в пляс Пигал, где в густой тени, падавшей от давно снесенного лиловокупольного собора, прохаживались, взявшись за руки по-гимназически, белошвейки с влажными потупленными взорами. Мы называли их «Крендельками».

Одна «кренделек» каким-то пустым сыроватым вечером исторгла у кучерявого эти ямбы, над которыми мы оба тогда почему-то долго смеялись. «Я помню дивное мгновенье, передо мной явилась ты, как вертолетное виденье...»

Мы были молоды, смеялись мы, смеялась эпоха.

<...> ... в молочно-белой воде Гольфстрима

С бородачом я сблизился случайно. Меня болтало. Меня болтало на площадке последнего вагона подмосковной грязно-зеленой электрички, когда я увидел на краю заплыванного шелухой перрона старика в парусиновой толстовке с давно не чесанной сизой бородой и в лаптях на босу ногу. Одну ладонь привычным движением он засунул за пояс, а другой «голосовал», напрасно надеясь остановить бешено мчащиеся вагоны. На мгновенье слова «Тихая поляна» вырезались и пропали над пыльным полустанком. Я понял, что старик, кончавший тогда последний том «Войны и мира», хочет на попутных добраться в златокупольную Москву. Не раздумывая, я дернул красный серпик тормоза Вестингауза. <...> Потом, сидя в моей неудобной комнате в компании гусарика и кучерявого и отхлебывая чай из блюдца, бородач рассказывал нам сюжет романа о даме полусвета, изменившей мужу с архиепископом. Я, не задумываясь, посоветовал ему взять вместо архиепископа флигель-адъютанта. Написанный бородачом роман с

поправкой, им благодарно принятой, имел успех и был переведен на все языки. Когда бородач рассуждал о вечности, ковыряя вилкой рисовую котлетку, в нем самом сквозило что-то неуловимо провинциальное <...>

Если кто-то вздумает упрекнуть меня, что я не точен в подробностях, я отвечу, что меньше всего верю точности и терпеть не могу мемуаров.

... ее полет в небесно-голубых папильотках.

Экспеара, свалившегося на нас неожиданно со спиц Вестминстера, бородач сразу встретил в штывки. Экспеар был подчеркнута сух и надменен. Когда я глядел на его высокий яйцевидный лоб, большие деревянные подметки и кружевной воротник, он напоминал мне пингвина в жабо. Слушая его не очень удачную романтическую драму о любви двух молодых людей, которых покойный Набоков назвал бы «нимфетами», я думал, что бытие в сущности не что иное, как вывернутое наизнанку небытие, а дружба – это вражда. В конце концов, только зависть, ненависть, кровосмешительство и членовредительство способны возбудить в художнике палящий творческий жар. <...>

смело мы в бой пойдем...

... а мне ничего не остается, как отплыть в вечность вслед за кучерявым, гусариком, Экспеаром и бородачом, который однажды ночью навсегда ушел из Мыльниково, сунув ноги в туго заплетенные цвета старых слоновых бивней лапти, издававшие к тому же едва слышный запах косточек сушеной черешни.

ЗБ9. Л.КОПЕЛЕВ. Советский литератор на Диком Западе. 1979, 7 стр.

Оказывается, что в общем-то все можно и все позволено... я не могу и не хочу и не намерен принять политический плюрализм... Поимей совесть, Максимов!.. И стыдно, и горько, и пакистно на душе от всего этого до невозможности...

В.Максимов. «Сага о носорогах»

<...> Феномен «Максимов-публицист» необходимо прежде всего понять в его развитии. Понять не затем, чтобы прощать, а чтобы хоть несколько ослабить вред, приносимый и самим феноменом, и поспешными односторонними толкованиями.

С Владимиром Емельяновичем Максимовым я был знаком; встречал его не часто; никогда не сблизился, но всегда очень высоко ценил его рассказы и повести, испытывал симпатию к человеку. И сегодня его художественный дар для меня так же несомненен, как и его врожденная доброта, способность к благородным душевным порывам, как и искренность его стремлений патриота и правдоискателя.

Однако более чем сомнительны его проповеднические претензии. Они повредили уже его беллетристическим произведениям – некоторым страницам в «Семи днях творения» и всему «Карантину». А в публицистике, в речах, в интервью и т.п. эти претензии становятся нестерпимы.

Как объяснить такое противоречие?

Лучше всего, по-моему, объясняет он сам, в художественной прозе, более всего в «Прощении ниоткуда». Он рассказал о своем тяжелом детстве и юности, о том, как он оказался в обществе блатных и «приблатненных» (нравственная атмосфера этой среды известна и по рассказам Шаламова, по некоторым главам «Архипелага ГУЛАГ»). Живые силы души и недюжинная воля помогли юноше вырваться из-под власти советских «мертвых домов». Но там он прошел школу того нравственного воспитания, которое на подсознание воздействует значительно сильнее, чем сознание, и даже в тех случаях, когда разум ему противится, может еще воздействовать на эмоциональное восприятие.

Когда молодой поэт и прозаик Володя Максимов начал публиковать свои работы в районной газете, в областных и краевых изданиях, его учителями-наставниками и воспитателями в политике, литературе, эстетике и этике стали комсомольские и партийные работники, редакторы, журналисты и др. Вероятно, среди них были и хорошие, добросовестные, бескорыстные и умные люди, искренние в своих убеждениях... Тем прочнее усваивал он – впечатлительный литератор – общую господствующую в той среде мораль «боевитой партийности».

Талант проложил ему дорогу в Москву; его дружелюбно приняли настоящие писатели, его произведения хвалили серьезные профессиональные критики. Его окружала новая среда – столичные интеллигенты, полуинтеллигенты, симулирующие интеллигентность пижоны, искренние и сомнительные друзья, поклонники и завистники. . .

Он быстро привыкал к признанию, к успехам и славе. Со временем они уже казались недостаточными, несоразмерными его действительным свершениям. В ту пору он легко перешел от либеральных «Тарусских страниц» в яростно антилиберальный «Октябрь». Но хвалили его критики всех направлений. Его рассказы и повести издавались массовыми тиражами, немедленно раскупались. <...> Нарастала популярность, а с нею и вера в себя, в чудесность, необычность своей судьбы.

. . . В то же самое время в Москве, в стране происходили события, которые многими воспринимались как предвестия или уже начала новых великих потрясений и перемен. . . Судили Бродского, Синявского, Даниэля, «Социально-Христианский Союз» (Игоря Огурцова) и молодых «истинных марксистов» («Новый Колокол»). Травили «Новый мир», Солженицына, «ревизионистов». В Чехословакии наступала «Пражская весна», судили Галанскова, Гинзбурга, Марченко. . . Выступали первые застрельщики «демократического движения» – Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, генерал Григоренко, Павел Литвинов, Анатолий Якобсон, Иван Яхимович. Начала издаваться «Хроника текущих событий», ширится Самиздат. Сахаров, Чалидзе, Шафаревич и Подъяпольский создали «Комитет защиты прав человека». Открытые письма в защиту преследуемых писали Л. Чуковская, Г.Владимов, Ю.Войнович, В.Корнилов и сотни «подписанцев». Ежегодно происходили безмолвные демонстрации у памятника Пушкину. Нарастали и шились религиозные и национальные движения. Советские танки ворвались в Чехословакию – в Москве семь молодых людей вышли на Красную площадь. Начиналась новая массовая эмиграция. Возникал «Тамиздат». Москвичи и ленинградцы все непринужденней встречались с иностранцами.

И снова шли аресты и суды, и снова писались письма протеста. . .

В те годы и Владимир Максимов круто повернул свою жизнь. Он пришел к Церкви. И проникся убеждением, что история человечества и современная действительность воплощают лишь известную непримиримую борьбу Добра и Зла. А любые попытки

диалектически или релятивистски толковать эту борьбу, любые «примиренцы» – суть более изощренные ипостаси того же зла. Уверенный, что теперь он владеет единственно сущей абсолютной истиной, он еще беззаветней поверил в себя, в непреложную справедливость своих суждений, приязней и неприязней. <...> Но он не замечал, что сохраняет некоторые весьма существенные особенности восприятия жизни, присущие именно тому миру, который он отверг и проклял. Наглядным примером всего этого может служить «Сага о носорогах».

Мораль блатных определяется воровским законом: «хорошо все, что полезно тебе, твоим «корешам» и что вредит «гадам» (т. е. начальству) и «сукам» (т. е. изменникам). Мораль профессиональных идеологов определяется законами «большевистской партийности»: «хорошо все, что полезно партии, государству, рабочему классу и т.д. и все, что вредит классовым врагам – империалистам, ревизионистам и пр. и пр».

Мораль блатного в иных случаях легко преобразуется в мораль большевика. Но и ту и другую столь же легко может унаследовать и раскаявшийся грешник, обретший истину в церкви, в синагоге, в костеле, в мечети. . . Потому что повседневная, обиходная мораль определяется не столько мировоззрением, сколько мироощущением.

Настоящие большевики – ленинцы и сталинцы – были убеждены, что владеют единственно возможной истиной, и отстаивали свою правоту так же яростно, как фанатики всех времен, народов и религий <...> :

«Есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах» (Клюев)

«Что менялось? Знаки и возглавья. Тот же ураган на всех путях. В комиссарах дурь самодержавья, Взрывы революции в царях» (Волошин)

Откровенные циники-прагматики чистосердечно безнравственны и убеждены, что «никакого пульса нет», и смеются над моралистами. А фанатики, искренне верующие в религиозные или политические идеалы, убеждены, что в них заключены основы нравственного законодательства и высокие цели оправдывают любые средства. Такая идеалистическая безнравственность бывает опаснее циничной, потому что не сознает себя <...>

В устойчиво патриархальных и в тоталитарных обществах и в замкнутых строго регламентированных воспитательных заведениях даже те, кто никогда не исповедовал господствующую идеологию, кто ненавидел ее законоучителей и жрецов, оказывался нередко зараженным их навыками, их нравами. Фуше и Талейран пронесли иезуитскую психологию через все перипетии революции, империи, реставрации. Герцен – демократический космополит, приятель парижских и лондонских революционных плебеев, до конца жизни оставался просвещенным аристократом – московским баринном. Многие немецкие социалисты и коммунисты в партийных делах и в личном быту сохраняли повадки ненавистных им прусских гимназий и казарм. Сталин в подполье, в Гражданской войне, на вершине самодержавной власти не утратил риторические приемы, елейное коварство и хамскую грубость провинциального семинариста.

Нечто подобное этому в наши дни можно наблюдать у многих убежденных противников советских порядков, ненавидящих и сталинизм, и ленинизм, и марксизм, преданных святыням православия и католицизма, ислама или иудаизма, национальным традициям или принципам индивидуальной свободы. Но чем радикальней, фанатичней их новые взгляды, тем прочнее они сохраняют некоторые особенности мировосприятия и нравственного сознания – вернее, подсознания, – усвоенные в советских школах, учреждениях, общественных организациях. Так же как истинные большевики, они презирают, а то и ненавидят «гнилых либералов», «абстрактных гуманистов», «жалких соглашателей», так же убеждены – «кто не с нами, тот против нас», «жалеть противника значит предавать друзей», так же поносят несогласных с ними и всегда готовы подозревать в них злокозненных агентов врага.

Парадоксальное сочетание радикальных антисоветских взглядов и глубокого советского мироощущения определило и трагедию В.Максимова; именно трагедию, потому что он, будучи исполнен благих намерений, совершает дурные поступки и, веря, что ратует за святую истину, сочиняет лживые пасквили. Трагически безнадежны его стремления развивать публицистические и сатирические традиции русской литературы. В «Саге о носорогах» и в большинстве «колонок редактора» нельзя обнаружить никаких следов этих традиций. <...> Полемиические приемы, задор и патетика «Саги» в равной мере чужды и «Колоколу» и «Дневнику писателя», а сатирические ужимки охотника на носорогов так же далеки от Щедрина, как и от А.К.Толстого. Не менее

чужды Максиму публицистика Бердяева, Степуна, Федотова и сатира Замятина или Булгакова. Зато и «Сага» и «Колонки» по-родственному напоминают подвалы А.Софронова «Наяву и во сне». По литературному стилю и по моральному уровню полемики им всего ближе фельетоны Д.Заславского, статьи Кочетова или Грибачева.

Субъективно В.Максимов стремится ниспровергать метафизическое зло коммунизма, отстаивать достоинство России, вразумлять невежественных туземцев Дикого Запада, которые не понимают, как опасны для них свобода печати, ужасы плюрализма и недостаточное почитание единомышленников и покровителей Максимова. Ради этого он так нещадно обличает всех несогласных с его вещаниями, не разделяющих его любви к Штраусу, Шпрингеру и Пиночету и по старой привычке видит в оппонентах – злодеев, вражеских наемников, своекорыстных буржуев и жалкие ничтожества.

Поэтому объективно он больше всего помогает советской пропаганде и западным сталинистам. Он вооружает их аргументами и наглядными пособиями: «вот он каков, наш идеологический противник, которого великодушно советские власти отпустили на все четыре стороны, вот его подлинное лицо яростного противника демократии, либерализма; несогласным он злорадно сулит кольца в «носорожьих ноздрях» и «следственные стойла». Объективно максимовская публицистика приносит наибольший вред ему самому, его друзьям и доброжелательным читателям, которые не могут разлюбить его художественное творчество. Немало соотечественников от души жалеют непутевого, но талантливого, беспардонного, но доброго, неисправимо советского, но «взыскующего истины» литератора, так безнадежно заблудившегося в политических джунглях Запада.

Злополучная «Сага» вынудила написать эту «объяснительную записку». Ведь кто-нибудь может всерьез подумать, будто подобные сочинения представляют дух современной русской интеллигенции. . . Нет, такой фантастический максимализм не более характерен для России и в русском обществе не более влиятелен, чем любой «правый» или «левый» экстремизм во Франции, ФРГ или США. И такая публицистика не может содействовать духовному и нравственному обновлению – оздоровлению нашей страны, она лишь вывернутая наизнанку сталинская идеология злой нетерпимости. Мертвые хватают живых.

Но мы хотим верить, что жизнь преодолет мертвечину.

ЗБ9'. М.Б. Альянс антиметисов¹? 1979, 6 стр. (По поводу статьи М.Скуратова «Русский национализм и сионизм». «22», 1, Тель-Авив, 1978, 77-84)

Скуратов (полемизируя с Лениным, который «обладал одним недостатком, весьма характерным для людей смешанного происхождения, – он совершенно не понимал национального вопроса»), считает «с почти полной уверенностью», что решение еврейского вопроса путем ассимиляции исключено. Причина – «захват власти инородцами в 1917» и последовавшее затем в первые два послереволюционных десятилетия «планомерное уничтожение сначала русской интеллигенции, а затем русского крестьянства» евреями. Поэтому «русские – единственный народ в мире, имеющий право ненавидеть евреев». Но автор не хочет ненависти, он предпочитает ей «физическое разделение», а потому приветствует эмиграцию евреев. Однако «большая часть евреев не торопится покидать пределы Советского Союза», а подталкивать их нежелательно, так как это вызовет «хорошо срежиссированное возмущение». Поэтому автор предлагает свой вариант решения еврейского вопроса в СССР – «предоставление еврейской общине Советского Союза прав союзной республики» со своим Верховным Советом, системой образования, Академией наук, Союзом писателей и т.д., но без определенной территории. <...>

Эта (первая) часть статьи представляет значительный интерес. Интересна она не потому, что автор считает октябрьскую революцию еврейским заговором, и не потому, что политику Сталина по отношению к крестьянству он тоже приписывает евреям. Это, разумеется, не более чем миф: достаточно ознакомиться, скажем, с составом Политбюро в 1930 (из 15 членов и кандидатов один еврей Каганович). Именно этот состав проводил политику «раскулачивания», которую Скуратов почему-то считает направленной специально против русского (а не, скажем, узбекского) крестьянства. Вообще сколько-нибудь серьезное рассмотрение политики большевиков в первые годы Советской власти никак не подтверждает концепцию о захвате власти евреями, несмотря на значительный процент евреев на руководящих постах разного уровня. Правящая группа руководствовалась уж никак не национальными интересами евреев, или грузин, или латышей. Уничтожение обширных групп населения проводилось в тот период не по национальному признаку, политика большевиков была не более антирусской, чем антикавказской или антиармянской. Но

¹Прим. ред. 2001 Это не опечатка, но в некоторых выпусках «Суммы» ошибочно исправлено на «Альянс антисемитов»

<...> в мифах существенна не степень соответствия фактам (она может приближаться к нулю, как в данном случае), а функциональная нагрузка. Здесь она предельно ясна: автору необходимо обосновать «право русских ненавидеть евреев», а старый миф – распятие Христа евреями – ему не подходит, так как автор не христианин.

Часть статьи, в которой затрагивается вопрос об ассимиляции, интересна не сама по себе (ее уровень соответствует уровню статьи в целом), а прежде всего тем, что именно здесь, видимо, находится общий знаменатель взглядов автора и взглядов редколлегии, который и обусловил появление ст. в альманахе «22». Этот общий знаменатель – тезис о нереальности, невозможности ассимиляции.

Возможна ли ассимиляция евреев в России? Вот цифры численности евреев в годы переписей (в тысячах): 1897 – 5216, 1926 – 2601, 1939 – 3028, 1959 – 2267, 1970 – 2150.

Общая тенденция достаточно очевидна. Разумеется, оценка цифр затрудняется изменением охваченной переписью территории (часть территории 1897 была в 1926 Польшей и т.п.); несколько сот тысяч евреев было истреблено на территории СССР гитлеровцами. Тем не менее все это не может объяснить неизменного уменьшения численности евреев при общем столь же постоянном увеличении общей численности населения СССР. Рождаемость у евреев была не ниже, а в некоторые периоды – выше, чем в целом по стране. Наконец, с 1959 по 1970 совсем уж никаких катаклизмов не было, а численность евреев продолжала уменьшаться. Эмиграция в этот период еще почти не было. Куда девались евреи? Пусть не придет в голову читателю, что мы собираемся уподобиться М.Скуратову и обвинить русских в антиеврейском геноциде. Геноцид осуществлялся в СССР против многих народов (трудно назвать иначе депортации, от которых погибало от половины до двух третей населения), но в отношении евреев вождь народов осуществить эту меру не успел, хотя и собирался. И тем не менее численность евреев падала и продолжает падать. Идет ассимиляция!

Потомки этих «исчезнувших» двух-трех миллионов евреев живут среди нас и сейчас. Это люди, которые по происхождению – евреи лишь наполовину или на 1/4 или на 1/8. Их, естественно, гораздо больше, чем 3 миллиона: ведь каждый из этих двух-трех миллионов вступил в брак с неевреем – значит уже в первом поколении 4-6 млн. родителей, 4-6 млн. детей и т.д. Вот нам и стало понятно, почему, по мнению Скуратова, Израиль не может вместить всех советских евреев, 2 млн., которые считают

себя евреями по переписи, вполне могли бы там разместиться. Но всех, кого Скуратов считает евреями, там действительно не разместить. Но это еще полбеды. Хуже то, что эти метисы, будь они неладны, обладают свойством увеличивать свою численность в геометрической прогрессии. И через, скажем, 5 поколений на месте 6 млн. полуевреев неизбежно окажется $6 \cdot 2 = 12$ млн. евреев на $1/64$. Это же подумать только – почти 200 млн. евреев! А русских и вовсе не останется. То есть все будут русскими (или украинцами, или якутами) на $63/64$. Но ведь на $1/64$ они будут евреями! Ум русского патриота с этим, конечно, смириться не может. Можно не сомневаться, что М.Скуратов уже придумал какое-нибудь средство от этой напасти. И если мы внимательно перечитаем его статью, то окажется, что средство действительно разработано.

Рассмотрим план предоставления евреям прав союзной республики со своей системой образования и т.д. В союзных республиках, действительно, существуют свои академии, университеты, творческие союзы. Однако никто не мешает, скажем, казаху поступить в МГУ. Он вовсе не обязан поступать в университет в Алма-Ате <...> Ну а как с еврейской Академией и Университетом? Ведь если тут «пустить дело на самотек», то евреи, пожалуй, захотят поступить в МГУ, а не в вузы с преподаванием на идиш. И вся идея повиснет в воздухе.

Но я вижу улыбку на лице искушенного читателя. Еврею и сейчас нелегко поступить в вуз. А уж программа Скуратова, конечно, рассчитана не на самотек, а на регламентацию – евреев – в еврейские школы, русских – в русские, евреев – на еврейскую работу, русских – на русскую. Что-то очень знакомое проглядывает в этой системе. Ну конечно! М.Скуратов как русский патриот широких взглядов воспользовался передовым опытом Запада. Такая система уже существует. Она называется в ЮАР «раздельным развитием», по-голландски – апартхейд. Это ее под исковерканным названием «апартеид» регулярно клеймит официальная советская пресса. Но не забудем, что главное в этой системе – не раздельное обучение по расам, даже не система гетто. Главное – это запрет смешанных браков! Вот где наш автор наконец доберется до проклятых метисов, которые своим существованием мешают такой стройной концепции относительно невозможности ассимиляции евреев в России.

Многое в статье Скуратова сказано намеками. Запрет смешанных браков не обсуждается, не уточняется характер предполагаемого «физического отделения» евреев. Нет ни слова и о многомиллионных массах простых советских метисов. Но все выво-

ды, включая апартхейд, настолько очевидны, что автору нет необходимости их формулировать. Вне сомнения, они очевидны и для редколлегии. Почему же выбрана для публикации именно статья Скуратова? Чтобы еще раз пугнуть не желающих уезжать? – поторапливайтесь, мол, пока вы не в гетто? Но для этого легко можно было найти статью какого-нибудь более звероподобного антисемита. Так что дело, видимо, не в этом.

Деятели сионистского (и вообще еврейского национального) движения всегда живо откликаются на любые притеснения, направленные против евреев, поднимают свой голос в защиту угнетенных. Но самые суровые меры против евреев не опасны для сионистского движения как такового. А вот ассимиляция подрывает самые его корни, лишает движение основы. Поэтому в борьбе с ассимиляцией – и с теми, кто не видит в ней ничего страшного – все средства (или почти все) представляются допустимыми и все союзники – подходящими. <...> Все-таки следовало бы быть поразборчивее.

ЗБ10. П.Ростин. Я – антифашист

Я вырос в войну. И ничем не отличался от головастых, со вздутыми животами московских и ленинградских мальчишек, росших по окраинам сибирских и казахстанских городов. Я знал, что папы – они же мужчины – воюют с фашистами. «Вставай, страна огромная» и «От Советского Информбюро» закрепилось очень глубоко в моем сознании. Я сам упоенно играл в войну. Правда, – уж не знаю, кто мне это объяснил – я довольно рано понял, что немец и фашист – это не одно и то же: немцы бывают разные, а фашисты все одинаковые. Символами фашизма стали для меня не свастика и фуражка с высокой тульей, а колючая проволока, рвы с расстрелянными, варшавское гетто и люди – изможденные, с обтянутыми скулами, глядевшие с газетных фотографий – и другие, про которых говорилось: «Фюрер мыслит за него».

После войны представления эти углубились под воздействием разных впечатлений. То рассказа крестьянки из-под Орла, вышедшей в оккупацию раненого немецкого солдата Оту (Отто) – «Да какой он фашист, просто послали и все». Или рассказа парня, партизанившего на Смоленщине, тепло вспоминавшего немецкого доктора, вылечившего ему раненую руку. Или разговоры, которые я слышал в Германии: «Нас тоже нужно понять. Гитлер сделал для Германии и много хорошего, ликвидировал безработицу, например. Да и что поделаешь?» Все это не отменяло, но как-то досадно усложняло картину сожженных деревень с торчащими печными трубами и кинофильм «Суд народов». Позднее

результатом наблюдений стал для меня вывод, что фашизм всю нацию, и хороших, и плохих, осознанно или неосознанно, и даже собственные жертвы делает соучастниками своих преступлений.

Когда я часами еду вдоль рядов колючей проволоки по железной дороге Котлас-Воркута или разговариваю с сыном погибшего в 36-м колхозника о том, как он воевал в Венгрии в 56-м; когда я слышу, что при Сталине был порядок и цены ежегодно понижали; или узнаю, что друг-водопроводчик въезжал в Прагу на бронетранспортере в 1968-м – а куда денешься, послали; когда редактор комсомольской газеты говорит мне, начинающему журналисту: «Ты мне убери с полосы свои четыре жидовских фамилии или замени псевдонимами, а не то я полосу зарежу»; когда я читаю «Колымские рассказы» Шаламова или когда натякаюсь в Сибири на километровые рвы с расстрелянными – мне не нужны объяснения. Ни классовый борьбой, ни социалистическим единством, ни «а что ж, ты хочешь, чтоб. . .». Я узнаю символ и суть самого явления – они мне знакомы с детства.

И когда я – может быть, и поздновато – связал все это воедино в своем сознании, я на многое взглянул по-новому – но и по-старому тоже. Я возвращаюсь к той самой поре, когда мужчины были на фронте и воевали с фашистами. Клеенная-переклеенная пленка Галича звучит для меня как заезженная пластинка «В лесу прифронтовом», а «Хроника текущих событий» передает мне скупые сводки об оставленных населенных пунктах и разбомбленных городах. Все стало на свои места. Война не кончилась 9 мая 1945 года. Хотя по рождению и подданству я был призван в одну армию, как человек – своим сознанием, своей душой – я записался добровольцем в другую. Наверное, я никудышный боец, и у меня нет оружия. Но разве оно было у добровольцев московского ополчения на Можайском направлении?

В. Содержание свежих номеров

ЗВ1. «Поиски», 5, 1979, Москва

П.Абовин-Егидес, П.Подрабинек. Некоторые актуальные проблемы демократического движения. – В.Сокирко. Ради России (о «Вестнике РХД», 125). – М.Гефтер (Заметки о пессимизме, о самодовольстве и завтрашнем дне инакомыслия).

ЭКОНОМИКА: А.Кузнецов. Бедность народов (оконч.). Послесловие К.Буржуадемова. – В.Кувакин. Социальное обеспечение или запрограммированная необеспеченность? (обзор). – Ст.Лем. Прикладная кибернетика: пример из области социологии (гл. из книги «Диалоги»). – Два письма.

ПЕРЕКРЕСТОК: Из Рождественского послания Папы Римского Иоанна-Павла II – ХАРТИЯ-77. П.Прыжов. Вместо подписи. – М.Гефтер. Из письма американскому коллеге (отсутствует в номере – изъято при обыске).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗДЕЛ: Глеб Арсеньев. Стихи. – М.Лиятов. Все зло от женщин. Кафе на перекрестке (рассказы). – В.Николаевский. Стихи. – М.Емцев. Косматые (рассказ). – Ст.Лем. Профессор А.Доньда. Из воспоминаний Ийона Тихого (пер. с польского С.Б.).

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ: Л.Копелев. Солженицын на шарашке (из книги воспоминаний «Утоли моя печали»).

СЛОВО УЗНИКАМ АРХИПЕЛАГА: Ю.Вознесенская. Записки из рюкава. – Приложение: Показания Г.Трофимова с послесловием В.Гершуни.

ВОСКРЕШЕНИЕ: В.Абрамкин. «Я не стал затыкать ушей...» К подборке произведений Даниила Хармса. – Д.Хармс. Произведения разных лет (Изъято).

ИЗ ЗАПАСНИКОВ САМИЗДАТА: Л.Данильцев. В войну трудную и для собак.

КУЛЬТУРА: Г.Померанц. Толстой и Восток.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ: О демонстрациях 10 декабря. – История одного увольнения. – Обыски и впечатления. – За неимением рейхстага (детективно-политические соображения). Вокруг дела о «взрыве в метро».

С ТОГО БЕРЕГА: По страницам русской зарубежной прессы (Изъято).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ФОРТОЧКА

ПРИЛОЖЕНИЕ: Обыски в редакции нашего журнала.

3В2. «Хроника текущих событий», 51, 1.12.1978.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ: Назарян, Пайлодзе. Бузинников. Шаталов. Коповалихин. Бедаров и Ракша. Болонкин.

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ. В частности – дело о взрывах.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ: Приказ номер 37. Владимирская тюрьма. Чистопольская тюрьма. Мордовские лагеря. Пермские лагеря. В других лагерях. В пересыльных тюрьмах. Письма и заявления заключенных. Освобождения.

В ССЫЛКЕ

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ: В спец. псих. больницах. В больницах общего типа. Освобождения.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР: В Крыму. В Краснодарском крае. В Узбекистане.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ. Аресты, обыски, допросы. Преследования верующих.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ: Православные. Пятидесятники. Баптисты. Иеговисты. Адвентисты.

ПРАВО НА ВЫЕЗД: Пятидесятники и баптисты. Немцы. Евреи. Уехали.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНВАЛИДОВ

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ: День политзаключенного. Вокруг летних процессов. Пена. СМОТ.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ: в частности – К суду над Ю.Орловым. Документы Московской группы «Хельсинки».

НОВОСТИ САМИЗДАТА: А.Сахаров (см. 3А10). – В.К. «Сегодня» и «завтра» демократического движения (1978, 8 стр.) – И.Шафаревич (3А3). – В.Некипелов, Т.Осипова. Опричнина-78 продолжается (выпуск 2 – 3 стр., выпуск 3 – июнь-июль 1978, 7 стр.) – В.Н.Тростников. По поводу «гарвардской речи» Солженицына и откликов на нее в США

(20.6.78, 5 стр.). – Положение в советской математике (см. 2А24). – Н.Н.Мейман. Дискриминация евреев при поступлении в университеты (1978, 3 стр.). – Избранные задачи устного экзамена по математике. Мехмат МГУ. 1978. – Приемные экзамены, мехмат-78 (сборник документов). – А.Кузнецов. Бедность народов (там, где покончили с буржуем) 1978. – С.Черемухин. Из-за пуделя. (2 стр.) – К июльскому пленуму ЦК КПСС (2 стр.) – В.Некипелов. Кладбище побежденных (10.1978, 4 стр.) Сталин на ветровом стекле (10.1978, 4 стр.) – М.Кукобака. На свидание с детством (1977, 5 стр.). Украденная Родина (25.3.1978, 8 стр.). – И.Ной. Справка о противоречивости доказательств причастности академика Н.П.Дубинина к одному ленинградскому фотодокументу (10 стр.) Э.Орловский. Необычное повышение (3 стр.). Материалы к вопросу «Советское законодательство и свобода мысли, совести и религии» (8.1978, 8 стр.) – «Память», вып.2 (см. 2А10-13, 2Г2, 2Г5) – «Поиски», вып.1-2 (см. 1А17 и пр.) – «Поиски», вып.3 (см. 1В4 и пр.) – «Община», 2 (см. 1А32-34, 1В2) – «Аушра» («Заря»), 12(52), 8.1978 – «Аушра», 13(53), 10.1978. – «Тесос Каляс» («Путь правды»), 10, 8.1978. – «Рупинтоелис» («Скорбящий»), 6, 10.1978. – «Перспективас», 1-4.

БЮБИОГРАФИИ: М.Ю.Луцик. М.И.Будулак-Шарыгин.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

ЗВЗ. «Часы», 19, 1979, Ленинград

ПРОЗА: Е.Горчаков-Горбунов, Р.Р. Лингвистическая пьеса для звукозаписывающего устройства. – Е.Сакерин. Уходя утром. Дождь на пятый день (Рассказы из цикла «Родные (вступление в прозу)»).

ПОЭЗИЯ: В.Белков. Летнее капрично. – Георг Эллингс. Первый венок сонетов. – К.Благовещенский. Стихи разных лет.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: В.Набоков. Гоголь (перевод с английского). – Петр Коменов. Двенадцать апостолов (статьи о лириках): Осип Манделштам.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: К.Лильбок. Четырнадцать лет назад. – Из писем П.Н.Филонова.

ХРОНИКА: На религиозно-философском семинаре. – У.И. Заметки на полях отсутствующих каталогов. – Р.Скиф. Выставки состоявшиеся, состоявшиеся наполовину и несостоявшиеся. – Два отзыва на одну выставку: Р.Скиф. Натюрморт с химической посудой, гранатом и неотмытой крас-

кой под ногтями. У.И. Натюрморт (Выставка В.Вальрана, В.Гаврильчика, А.Полушкина). – Р.Скиф. «Независимые» или «самодеятельные»? – Не состоялось... – Объявление.

ЗВ4. «37», 18, 4-5. 1979, Ленинград

Поэзия: Елена Шварц. Разные стихотворения.

Философия и религия: Иеромонах Софроний. Об основах православного подвижничества в П-ом монастыре. – Е.Л.Шифферс. Проблема смерти и самоубийства (стенограмма выступления на семинаре в Москве, 9.1978).

Философия творчества: Э.Булатов, В.Гройс. Экзистенциальное пространство картины (интервью).

ПЕРЕВОДЫ: Э.Фегелин. О Гегеле – исследование чародейства (отрывки из доклада на 1-й Конференции международного Общества Изучения Времени в Обервольфахе, 31.8-6.9 1969).

РЕЦЕНЗИИ: В.Симонов. Ключ от кипарисового ларца. – П.С. Последний романтик Эдичка.

ХРОНИКА: Вечер поэзии Владимира Комарова и Юлии Вознесенской. – Дискуссия о журнале «37» и общих задачах неофициальной культуры.

ЗВ5. «Евреи в СССР», 20, 1979, Москва

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ: Сол Беллоу. В Иерусалим и обратно (главы из книги, перевод с английского И.Таратута).

РЕЛИГИЯ: М.Адлер. Вера и страх (перевод с английского И.Браилевской). – М.Бубер. Обновление еврейства (перевод с немецкого)

ПРОЗА: Дж.Миченер. Святые муки Сафед (из книги «Истоки», пер. с английского И.Мирона). – Ш.Егуда. Хаим Янкелевич. – И.Векслер. Сталин, ко мне.

АФОРИЗМЫ, ДАЦЗЫБАО: М.Туровский. афоризмы. – И.Гарик. Дацзыбао.

ЭССЕ, СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ: Проф. Меер. Происхождение современного еврея (главы из книги, сокращенный перевод с английского И.Браилевской). – Мих.Линецхий. Карл Маркс и евреи. – Ю.Гофман. Ариец из Конотопа. – С.Лукин. Снова о сионизме. – Даниил Фиш. Немного статистики. (глава из работы «История евреев в прошлом и настоящем (Что читает современный советский читатель о роли еврейства в истории человечества)»; приложение – Список книг по

истории евреев, опубликованный в СССР в 1945-1978 гг.) – Д.С.Зильберман. Жан Липке. – Л.Левитин. О романе «Тяжелый песок».

ПИСЬМА и ДОКУМЕНТЫ: О приемных экзаменах на мехмат МГУ в 1978 г.

Г. Приложение

«В защиту экономических свобод»: содержание выпусков 1–7

ЗГ1. Выпуск 1, 1978

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: В.Грин. Плановое производство, дефицит, спекуляция. – Д. и В. Спор в письмах. – К.Буржуадемов. Я обвиняю интеллигентов – служащих и потребителей – в противостоянии экономическим свободам и прогрессу Родины.

ПОЛЕМИКА: – с участием 11 авторов – экономистов, социологов, инженеров, математиков.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПИСЬМА И РЕЦЕНЗИИ: В.В.Сокирко. Экономические письма. – Интервью ак.Агамбеяна в 1965 г. и современный комментарий. – Рецензия на С.Лема «Из книги “Диалоги”», – Рецензия на книгу Феофанова «Честный рубль». – Пример влияния интеллигенции (о статье В.Шубкина «Пределы»). – Пример свободного выбора (о статье Бородина в «Литгазете»).- Выдержки из книги Адама Кузнецова «Бедность народов» и рецензия на нее. – Уроки НЭПа (выдержки из книги Корякина «Живая история»).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: К.Буржуадемов. За самиздат надо платить! (обсуждение предложения К.Светлова).

ЗГ2. Выпуск 2, 1978

ПОПЫТКИ ТЕОРИИ... Э.Гач. Рынок на службе плана (о начале экономической реформы в Венгрии). – К.Б. Черный рынок и советская экономическая наука (обсуждение книги Волгина «Принцип несогласованного оптимума»). – В.Грин. Ценность (глава из книги). – В.Грин. Юридические основы экономического насилия в СССР. – В.Чалидзе. Частное пред-

принимательство (глава из книги). – О праве на свободный труд (по журналу «Социалистическая законность»).

СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: Дело А.И.Иванова. – Скупка кроличьих шкурок и [статья] 112 УК (из книги «7 писем из Праги»). – В.Тонких. Под вывеской колхоза. – По страницам журнала «Социалистическая законность».

ЛИТЕРАТУРНО-РЫНОЧНЫЙ... Л.И.Брежнев. Целина (отрывок). – Оптимистический реквием на смерть и погребение Одесской барахолки.

РЕЦЕНЗИИ: К.Б. Об очерке Ю.Черниченко «Про картошку». – К.Б. Рецензия на книгу И.Земцова «Разворованная республика». – Неопубликованные письма «отца» и «сына».

ДИСКУССИЯ: продолжение обсуждения статьи К.Буржуадемова «Я обвиняю...» с участием 5 авторов.

3Г3. Выпуск 3, 1979

НАУКА: В.В.Новожилов. Пределы инфляции. Недостаток товаров (с комментариями К.Б.).

ИСТОКИ: Реферат отдела XII «Экономика переходного периода» из учебника Лapidуса и Островитянова (1931).

ПРАВО И СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: В.Чалидзе. Хищения социалистического имущества (глава из книги). – К.Б. Хищения социалистической собственности (обзор 15 судебных фельетонов из газеты «Правда»).

ДИСКУССИЯ И ПИСЬМА: Заключительный анализ контробвинений в дискуссии и «Покаяние К.Буржуадемова».

3Г4. Выпуск 4, 1979

НАУКА: В.Сокирко. Опыт экономической реформы в Венгрии: шаг вперед, два шага назад (о книге Голубевой) – А.Артемов. «Мини-НЭП» или около-нулевой вариант.

ИСТОКИ: В.Т. Сборник «Из глубины» (1918) и идея социалистической экономики.

КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ: Б.Комаров. Запасная страна (экологические проблемы СССР) (с комментарием К.Буржуадемова).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОЗДЫХ... Я.Осенка. Загадка Бермудского треугольника.

ПРАВО И СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: В.Чалидзе. О взяточничестве (глава из книги) – К.Б. О взятках (по материалам «Литгазеты»).

ПИСЬМА И ДИСКУССИИ: Письма о подпольной торговле (И.К., Фарцовщик, К.Б.).

3Г5. Выпуск 5, 1979

НАУКА: Н.Кириллов. Югославский феномен, как он представляется из нашего далека. – Н.Бельский. Будущее Сов.Союза (о книге французского историка Э.Тодда).

ИСТОКИ: К.Ясперс. О тотальном планировании (выдержки из книги).

КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ: Х... Проблемы реставрации русских храмов (экономические главы). – В.Сокирко. Дополнение...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОЗДЫХ... Л.Фульштинский. Репка.

ПРАВО И СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: Выдержки из Бюллетеней Верховного суда СССР за 1978 г.

ПИСЬМА И ДИСКУССИИ: П.А.Подрабинек. Замечания к статье К.Буржуадемова «Я обвиняю...». – Ответ К.Буржуадемова.

3Г6. Выпуск 6, 1979

НАУКА: А.Каценеленбоген. Разноцветные рынки в Советском Союзе. – К.Буржуадемов. Вместо послесловия...

ИСТОКИ: Выдержки из книги Зейпеля «Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви» в переводе С.Н.Булгакова.

КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ: К.Буржуадемов. Стиль руководства страной, как он выявляется в книге Л.И.Брежнева «Целина».

ПИСЬМА И ДИСКУССИИ: Письма о «карточной системе».

3Г7. Выпуск 7, 1979

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

НАУКА: Л.Карпинский. Ускорение научно-технического прогресса на основе экономической реформы.

КНИГИ. ПРАВО. ДИСКУССИИ: Права человека и социально-экономические права (содержание этого раздела см. 3Б1).

Примечание. Составитель сборников завершает свое обращение к читателям выпуска 7 следующим образом: «Приходит момент, когда хотя бы из условий нашей общей (не государственной, конечно) безопасности К.Буржуадемову следует уступить свое право на составление сборников “ЗЭС” другому: “Продолжите начатое мною дело!” Такое решение еще не окончательно, многое зависит от властей, но – весьма возможно. Однако в любом случае было бы хорошо, если бы дело защиты экономических свобод жило и развивалось в стране и без К.Буржуадемова. Успеха Вам!

К.Б.»

СУММА

рж

№ 4 1979

Последний номер года имеет в основном технический характер и за исключением двух тематических материалов и раздела В содержит алфавитный указатель реферированных авторов (и авторов раздела Б).

А. Рефераты и выписки

4А1. Ко второй годовщине смерти Александра Галича.
А.Галич. Когда я вернусь. Стихи и песни 1972-1977. «Посев», 1977, 125 стр.

Из послесловия:

Сергей Эйзенштейн говорил своим ученикам:

— Каждый кадр вашего фильма вы должны снимать так, словно это самый последний кадр, который вы снимаете в жизни!

Не знаю, насколько справедлив этот завет для искусства кино, для поэзии – это закон.

Каждое стихотворение, каждая строчка, а уж, тем более, книжка – последние.

И стало быть, это моя последняя книжка.

Впрочем, в глубине души, я все-таки надеюсь, что мне удастся написать еще кое-что.

Александр Галич
Париж, 10 апреля 1977 года

Прим. ред. 2001 г.В «Сумме» напечатаны стихотворения А.Галича «Псалом», «Притча», «Пейзаж», «Опыт отчаянья», «Олимпийская сказка», «Старая песня», отрывок из поэмы «Вечерние прогулки», «Песня об отчем доме». Теперь его стихи опубликованы в России, см. Александр Галич. Сочинения в двух томах. Локид, 2000.

Б. Точки зрения. Рецензии

4Б1. К аресту Татьяны Великановой

Этот арест – горький повод подумать о судьбе и роли того направления в общественной мысли и общественной деятельности, характернейшим и прекрасным представителем которого была Великанова. Повод перечитать документы, под которыми стоит подпись Великановой, одной из создательниц «Инициативной группы по защите прав человека в СССР». Повод узнать, что думают сегодня единомышленники Великановой, поставившие многочисленные подписи под заявлениями в ее защиту.

Май 1969 г. «Мы, подписавшие это письмо, глубоко возмущенные непрекращающимися политическими преследованиями в Советском Союзе, усматривая в этом возвращение к сталинским временам, когда вся наша страна находилась в тисках террора, обращаемся в Комитет Прав Человека ООН с просьбой защитить попираемые в нашей стране человеческие права. Мы обращаемся в ООН, потому что на наши протесты и жалобы, направляемые в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истощилась. Поэтому мы обращаемся в ООН, полагая, что защита человеческих прав является обязанностью этой организации».

Это – одна из первых попыток обращения не к отдельным сочувствующим «в стране и мире» и, тем более, не к организациям типа западных компартий. Нет, это обращение к государственной организации, к наиболее авторитетной из государственных организаций, с просьбой – оказать давление на СССР. Вот она – новая и для подсоветского человека, и для западного политического деятеля мысль: защита человеческих прав выше принципа невмешательства. И не вина Инициативной группы, что ООН и по сегодняшний день не готова выслушать обращения от «отдельных

лиц». Важнее другое: либерально-демократическое правозащитное движение достучалось-таки до международного общественного мнения, не только до писателей, ученых, прессы, но и до политиков, дипломатов, парламентов. И невозможно переоценить вклад в это благотворное изменение климата на планете наивных обращений Инициативной группы.

В конце этого же обращения, после информации о политических процессах, психиатрических преследованиях, арестах звучит та же пессимистическая нота, которую мы часто слышим в правозащитных документах: «Эти последние аресты заставляют нас думать, что советские карательные органы решили окончательно пресечь деятельность людей, протестующих против произвола в нашей стране». «Пресечь» не удастся...

Май 1970 г. В «Открытом письме» Инициативная группа разъясняет свои цели и методы. «Цель группы указана в самом ее наименовании: защита прав человека в СССР. Назвавшись Инициативной группой, мы имели в виду еще и другое: явочным порядком утвердить свое право на свободную ассоциацию. Это соответствует Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН и официально одобренной Советским Союзом, и не противоречит Конституции СССР.

У Инициативной группы нет ни программы, ни устава, ни какой-либо организационной структуры. Мы не связаны никакими формальными обязательствами. Каждый из вас может не участвовать в составлении любого документа, исходящего из Инициативной группы, и не подписывать его; каждый волен действовать, как ему угодно, когда он выступает от собственного имени. Каждый из нас может свободно выйти из группы. <...>

Всех нас – верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов – объединяет чувство личной ответственности за все происходящее в нашей стране, убеждение в том, что в основе нормальной жизни общества лежит признание безусловной ценности человеческой личности. Отсюда вытекает наше стремление защищать права человека. Социальный прогресс мы понимаем прежде всего как прогресс свободы.

Нас объединяет также намерение действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше отношение к отдельным законам.

В соответствии с Декларацией прав человека и законами нашего государства, мы считаем, что выдвигать различные политические требования – право всех и каждого. Но сама Инициативная группа не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких

позитивных решений в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов. У нас нет своей политики, но мы не желаем мириться с карательной политикой против инакомыслящих. Противодействие беззаконию, произволу – вот задача Инициативной группы.

<...> Квалификация нашей деятельности как антисоветской равносильна утверждению, что нарушение прав человека вытекает из природы советского строя.

Есть люди, которые, отрицательно относясь к происходящим в стране беззакониям, осуждают тех, кто открыто выступает против этих беззаконий, полагая, что протесты вызывают ожесточение властей и ведут к усилению репрессий. Напомним, что самые беспощадные и массовые репрессии в нашей стране осуществлялись властями, когда никто не «ожесточал» их. На самом деле благоприятную обстановку для репрессий создает непротивление, та унижительная покорность, которой мы внутренне санкционируем попрание наших прав. Немота поощряет зло и развращает людей, порождая лицемерие и цинизм. Гласность препятствует тенденциям экстремизма и насилия как сверху, так и снизу.

У нас принято упрекать тех, кто обращается за рубеж: это, мол, подрывает престиж отечества. Престиж страны подрывают не разоблачения, а те дела, которые приходится разоблачать. К несчастью, нет другого способа предать гласности правонарушения, происходящие в СССР, как только сообщив о них за границу. Оттуда информация, пусть небольшая, доходит и до части советских граждан. Кроме того, не исключено, что наше руководство – хоть иногда, хоть в чем-то – может посчитаться с зарубежным общественным мнением. <...> Мы вовсе не уверены, что наши обращения в ООН – самый правильный образ действия, ни, тем более, что он единственно возможный. Мы пытаемся что-то сделать в условиях, когда, с нашей точки зрения, ничего не делать – нельзя. Инициативная группа убеждена в целесообразности различных гражданских действий со стороны многих людей и в бесплодности бездействия.

Нам советуют выступать не только в защиту советских граждан <...> Мы сочувствуем всем угнетенным, но то, что происходит в нашей стране, нам, конечно, ближе всего, и за это мы отвечаем непосредственно. <...> Наши за свои убеждения сидят в тюрьмах и лагерях, а те, кто держит их там, громогласно возмущаются греческими тюрьмами. Мы не желаем участвовать в этих спектаклях.

Еще одно соображение. Нарушение прав человека в великой державе особенно опасно – и дурным примером для других госу-

дарств, и тем, что привычка попира́ть права человека в своей стране легко переносится на отношения с другими странами. Если бы удалось добиться хоть какого-то успеха в борьбе за права человека в нашей стране, то это больше способствовало бы утверждению прав человека в других странах, чем любые декларации по этому поводу».

Итак, мы видим краткое изложение программы общественной деятельности, более того, программы достойной жизни в нашей стране. Чистота целей, трудность поставленной перед собой задачи, мужество, скромность, уважение к чужим мнениям и внутренняя убежденность авторов Письма вызывает глубокую симпатию. Можно по-разному относиться к идеологическому плюрализму или к настойчиво проводимому правозащитным движением принципу легальности, но трудно отрицать, что это движение, как никакое другое, способствовало освобождению от чувства страха, выработке модели в большей или меньшей степени независимого от мнения «общественности» и даже от поступков карательных органов. За редкой цепочкой правозащитников, принимающих главные удары, за их плохонько скрытыми трансляциями в зоне менее протреливаемой выросли и окрепли религиозные, культурные, национально-культурные, репатриантские и т.п. движения. Видно, не так уж малы были силы, постоянно пополняемые этими же движениями, да и просматриваемость правозащитников – относительна. Видно, не так уж плохо были выбраны позиции.

Правозащитное движение нашло много каналов воздействия на жизнь нашего общества, да и на международную жизнь. И, может, важнейшим из них является «Хроника текущих событий» (см. 1Б1, 1Б8, 3В2, 4В1, 4В2). 7 мая 1974 года Т.Великанова, С.Ковалев, Т.Ходорович передали западным корреспондентам три очередных номера «Хроники» (28-30) и сделали «Заявление»: «Не считая, вопреки неоднократным убеждениям органов КГБ и судебных инстанций СССР, «Хронику текущих событий» нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли свой долг способствовать как можно более широкому ее распространению. Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна тем, кто ею интересуется». Героичность и принципиальное значение такого шага очевидны.

Именно из «Хроники» узнает мир горькую и необходимую правду о правовом состоянии нашего общества, именно из «Хроники» знаем мы о героической и трагической судьбе жертв нашего режима, о мужестве (а иногда – и о нравственном поражении)

людей, которые вместе с членами Инициативной группы «объединены чувством личной ответственности за все происходящее в нашей стране» (или – по другим причинам, а то и вовсе без причин – оказались жертвами карательной системы).

И вот пришла ее очередь...

«Тане Великановой чужда героическая поза. Она по-настоящему дружит с двумя своими дочерьми и сыном, с малышами-внуками. И во всем, что она говорит и делает, нет ни тени суетности и нарочитости. Она обличает произвол властей и отдает последнюю копейку жене заключенного так же естественно и легко, как дышит, как смеется. Она вынуждена была отказаться от научной работы, которую любила <...> Услышав зов о помощи, она откликается не мешкая и спешит помогать, не колеблясь, не отступая перед угрозами.

Сегодня в помощи нуждается она. Татьяна Великанова в тюрьме: с этим нельзя мириться. Необходимо протестовать, ходатайствовать, взывать к справедливости и здравому смыслу. <...> Тринадцать лет назад, после осуждения Синявского и Даниэля несколько десятков человек пытались возражать против несправедливого приговора. Впервые в нашей стране за много лет группа людей осмелилась подвергнуть сомнению приговор политического суда. С тех пор тысячи наших граждан, выступавших против незаконий в защиту прав человека, прошли через тюрьмы, психиатрические больницы, лагеря, ссылку, были вынуждены эмигрировать. И сегодня тысячи прозябают за тюремными решетками, за колючей проволокой, в ссылке или готовятся навсегда покинуть родные места, родных людей...

Чего же добились те, кто арестовывал, осуждал, изгонял? В чем преуспели те, кто оправдывает, одобряет расправы, величая их “идеологической борьбой” и “защитой государства от идеологических диверсантов”? Нескольких человек довели до самоубийства. Нескольких сломали, запугали, заставили отречься от правды и оплевать самого себя. Но именно нескольких – единицы! А тысячи непоколебимы. И на смену выбывшим приходят новые, все более многочисленные искатели правды, защитники права.

Простейший здравый смысл свидетельствует, что их гонители не добились никакой пользы для государства, от имени которого действуют. <...> Обращаясь к властям, от которых зависит судьба заключенных, трудно рассчитывать на великодушие и милосердие. <...> Но ведь есть же – должны быть – и там просто здравомыслящие люди, способные понять, что все эти преследования вредят прежде всего самому государству. Чрезвычайно

вредят его международному престижу. Но еще вредоноснее для нашего народа, ибо разрушают правосознание, вызывают неуважение к любым законам, удобряют ту почву, на которой вырастет циничное равнодушие к общественным интересам и настоящая преступность.

Все, кому дороги правда и справедливость, честь и достоинство нашей страны, должны требовать, чтобы Татьяну Великанову, Глеба Якунина, Антанаса Терлецкаса и всех других арестованных освободили, чтобы им открыто предъявили те обвинения, на основании которых они арестованы, и чтоб – как положено по закону – они могли так же открыто ответить обвинителям. Это необходимо требовать, просить, настойчиво убеждая, советуя, – главное, не прекращать усилий, не успокаиваться, пока все они не будут на свободе.

Человечество живо одною
Круговую порукой добра.

Это – из Обращения Л.КОПЕЛЕВА. А вот Открытое письмо – обращение Л.БОГОРАЗ:

«Я обращаюсь к Вам как к своему соотечественнику, представляющему отечественную культуру перед современным миром. Прошу Вас, вспомните о своей личной ответственности. <...>

Татьяна Великанова математик-программист. Ей 47 лет, у нее трое взрослых детей, двое внуков. Она была замужем за Константином Бабицким, лингвистом, одним из семи участников выступления протеста против оккупации ЧССР в 1968 году.

Не менее десяти лет Татьяна Великанова активно участвует в «правозащитном движении», которое, на мой взгляд, лучше было бы назвать нравственным гражданским Сопротивлением – сопротивлением отдельных людей единой обязательной идеологии, казенной этике, предписанному образу действий, стандартному образу мыслей. Никто никогда не объявлял о его начале, Сопротивление в целом не имеет ни организационных форм, ни фиксированного состава, ни руководителей, ни исполнителей. Оно проявляет себя в форме открытых протестов и заявлений, собрания и опубликования информации, помощи политзаключенным в СССР и их семьям, в форме неподцензурного творчества и т.п. <...> Органы власти преследуют участников Сопротивления, пытаются сломить их, а если это не удастся, дискредитировать в общественном мнении, объявив преступниками, изолировать от общества – т. е. арестовать, – чтобы отгородить других людей от их нравственного влияния. <...>

Татьяна Великанова такая же, как все мы, но только лучше. Порядочность, нравственность, гражданственность естественно присущи ее натуре, для меня она – эталон этих высоких качеств. Она из породы русской либеральной интеллигенции, которая видела в человеке самоцель и самоценность, всегда была на стороне гонимых, противостояла насилию и злу. Должны ли мы гордиться этим наследием русской культуры – или продолжать его уничтожать и отрешиваться от него? <...>

Общественная активность Татьяны Великановой оказалась неудобной для лиц, осуществляющих практическую политику страны, – как в свое время была неудобной правительству общественная активность, скажем, Короленко. Но позволить сажать таких людей в тюрьму – это позор всему обществу, позор Вам и позор мне, я это остро ощущаю сейчас. Что будут думать о нас наши дети? Ваши дети – Ваш сын или дочь, Ваш внук – что скажут они о Вас?

Примите на себя хоть часть ответственности и сделайте выводы, иначе весь ее груз, теперь уже утроенный, учетверенный, ляжет на плечи наших детей и внуков.

Позиция и деятельность Татьяны Великановой могут быть предметом открытого и равноправного общественного обсуждения, а не уголовного судебного разбирательства. В этом состоит требование (отправленное мною властям), и я прошу Вас присоединиться к нему. Мое открытое обращение адресовано не только Вам, я отправляю его и другим деятелям культуры. Но обращаюсь я к каждому в отдельности – к Вашему личному чувству долга и ответственности, к Вашей личной совести. К сожалению, кроме этих качеств, требуется еще и некоторая отвага.

Я готова сообщить Вам более полную информацию о Татьяне Великановой и ее деятельности, а также, если угодно, и о себе. Мой адрес: . . . Таковую же информацию согласен дать Вам Игорь Николаевич Хохлушкин. . .

Редакция считает требование открытого и равноправного общественного обсуждения деятельности Татьяны Великановой (равно как и деятельности других правозащитников) законным во всех смыслах, и присоединяется к чувствам, выраженным в цитируемых обращениях, равно как и в ряде других – личных и подписанных многочисленными подписями – известных редакций.

В. Содержание свежих номеров

4В1. «Хроника текущих событий», 52, 1.3.1979

Дело о взрыве в метро. – Смерть Гелия Снегирева. – Суд над Овсиенко.

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ: Дела Зисельса, Кулешова, Морозова. – Дела о журналах «Поиски» и «Евреи в СССР».

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ: Чистопольская тюрьма. – Мордовские лагеря. – Пермские лагеря. – В других тюрьмах и лагерях. – Письма и заявления политзаключенных. – В защиту политзаключенных. – Освобождения.

В ССЫЛКЕ В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ: В спец. псих. больницах. – В больницах общего типа. – Освобождения.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР: Постановление 700. – Выселение из Крыма. – Делегация крымских татар в Москве. – Аресты Сейдамата Меметова и Мустафы Джемилева.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ: Арест Рагайшиса.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ: Православные. Адвентисты. – Баптисты. – Пятидесятники. Право на выезд. Уехали. – Защита прав инвалидов. – Об альманахе «Метрополь».

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ: День прав человека. – Еще одна изнанная национальная группа (об изгнании в 1944 году из Грузии хамшел – армян, принявших в XVI-XVII веках ислам). – Право на брак.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ: Документы Московской группы «Хельсинки».

НОВОСТИ САМИЗДАТА: некоторые аспекты проблемы секретности (6 стр.). – Третье открытое письмо академику Сахарову (1.1979; 11 стр.). – М.Новиков. Что запрятано в новом Законе о гражданстве СССР. – А.Терлецкас. – Еще раз о евреях и литовцах (8.10.1978, 9 стр.). – А.Терлецкас. Открытое письмо Виктору Калниньшу (24.12.1978, 4 стр.). – А.Шуткин. Как я стал диссидентом (2.1979, 10 стр.). –

«Поиски», 4 (2В1). – «Поиски», 5 (3В1). – «Память» (3В1). – «Память», 3 (2Г3). – Литовский Самиздат («Перспективас», 5-7, «Аушра», 14, «Хроника Литовской католической церкви», 36-37). – Эстонский Самиздат («Поолпяэвалэхт» («Субботняя газета»), 4-7; «Приложемис к свободному распространению мыслей и новостей в Эстонии», 1-2).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ. ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

4В2. «Хроника текущих событий», 53, 1.8.1979

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ: Помилование. – Обмен. –
О выезде семьи Гинзбурга.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ: Суды над М.Джемилевым, адвентистами (Шелков, Лепшин, Спалинь, Фурлет, Маслов, Ракша), Скорняковым, Зисельсом, Цурковым, Скобовым, Макеевой, Монблановым, Сквирским, Кулешовым, Волохонским, Бебко, Кукобакой, Морозовым.

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ: Дело 46012. – Дело о журнале «Поиски». – События на Украине (аресты А.Бердника, Т.Мельничука, Ю.Бадзе, И. и В.Спичко, Монакова; самоубийство М.Мельника; смерть В.Ивасюка; ссыльные в отпуске). – Арест Э.Арутюняна.

В ССЫЛКАХ И ЛАГЕРЯХ: Чистопольская тюрьма. – Мордовские, Пермские и другие лагеря. – В защиту политзаключенных. – Освобождения.

В ССЫЛКЕ

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР: Выдворение делегатов из Москвы. – Арест Р.Джемилева. – Выселения из Крыма. – Судебные процессы в Крыму (С.Меметов, Г.Юнусова, Л.Бекиров, И.Уста, С.Хырхара, Я.Бейтуллаев).

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ: Православные. – Адвентисты. – Пятидесятники. – Баптисты. – Католики в Молдавии.

ПРАВО НА ВЫЕЗД: Евреи. – Немцы. – Пятидесятники. – Поездка в гости. – Уехали.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНВАЛИДОВ

ВНЕСУДЕБНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ: Трудовой конфликт.

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ: Избиения на Украине. – Дело Хавина. – Несостоявшийся фестиваль.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ: Документы Московской группы «Хельсинки» и другое

НОВОСТИ САМИЗДАТА: Э.Орловский. Автоинтервью (1979, 10

стр.). – М.Зотов. Быть или не быть (3.1979, 6 стр.) – «Избранные задачи устного экзамена по математике. Мехмат МГУ, 1979 год» - «Сумма», 1 – «Сумма», 2 – Литовский Самиздат («Перспективос», 8-12, «Альма Матер», 1-3, «Витис» («Витязь»), 1-2, «Аушра», 15-16).

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНИЯ. В частности, дело Рубана.

4В3. «Поиски», 6, 1979, Москва

Р.Лерт. Поздний опыт.

ГОЛОСА РОССИИ: Г.Померанц. К читателю «Снов земли». Сны земли, 1-3.

ДИСКУССИЯ С ДИСКУССИЕЙ: И.Н.Понырев. Что у кого почва? – П.Прыжов. О классике и сапожной ваксе (ответ Поныреву). – П.Абовин-Егидес. Жить империей? – Н.Рерих. Шовинизм.

ЭКОНОМИКА: К.Буржуадемов. Стиль руководства страной (по книге Л.И.Брежнева «Целина»).

ПЕРЕКРЕСТОК: Н.Кириллов. Югославский феномен. – Михайло Михайлов. За что стоит бороться. – Г.Павловский. Джилас-Маркс-Михайлов.

ЛИТЕРАТУРА: Г.Владимов. Генерал и его армия (повесть). – М.Крымов. Стихи. – В.Войнович. Персональное дело.

СЛОВО УЗНИКАМ АРХИПЕЛАГА: Г.Снегирев. РД-3.

ПЕРЕВОДЫ. А. де Сент-Экзюпери. Записные книжки, ч.1.

ИЗ ЗАПАСНИКОВ САМИЗДАТА: Уцелевшие стихи. – В.Некипелов. К тем, кто живут не как все. – Рукописный молодежный журнал «Искатель».

СОБЫТИЯ и СУДЬБЫ: Интервью читателям «Поисков»: В.Абрамкин и П.Абовин-Егидес. – Ю.Величкин. Остановись, проклятая машина! – Икс. Проблемы реставрации русских храмов. – П.Ростин. Мода в храме советского искусства.

С ТОГО БЕРЕГА: Из писем К.Любарского и М.Поповского. – К.Джеймс. Из могилы (о книгах В.Буковского и А.Сахарова). Вместо рецензии. – П.Подрабинек. Этот хитроумный Антон. – Документ. Заявление редакции «Поисков».

4В4. «Поиски», 7, 1979, Москва

РОССИЯ: поиски выхода: Б.Черных. Садовник в провинции (интервью). Социализм: проблемы, программы, утопии. В.Сокирко. Размышления о социализме. – П.Абовин-Егидес.

Спор о словах? – В.Сокирко. Продолжим спор. – П.Абовин-Егидес, П.Подрабинек. Принцип социализма. – В.Грин. Насилие.

ГОЛОСА РОССИИ: Г.Померанц. Медный всадник. – Р.Пименов. О Глазуновс, о жизни и еще кое о чем. – Р.Лерт. «Двоеперстие» или двоемыслие? (ответ Р.Пименову). – Вера и гуманизм: о С.Желудкове. К размышлениям о всечеловеческой церкви. – В.Сокирко. Письмо к С.А.Желудкову. – Ответ С.А.Желудкова.

ЛИТЕРАТУРА: А.Величанский. Из «Книги стихов». – Н.Толмачев. Живи и радуйся (повесть). – А.Зайцев. Нискилайбодо.

ИЗ ЗАПАСНИКОВ САМИЗДАТА: И.Померанцев. «Я на земле, где вы живете...».

ПЕРЕВОДЫ: А. де Сент-Экзюпери. Записные книжки, ч.2.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ: Ю.Гримм. То ли еще будет. – В.Репников. О неслучайных декабристах.

ВЫБОРЫ ИЗНУТРИ И СНАРУЖИ: В.Ж. Один день (репортаж с избирательного участка). – Р.Попова. Почему я отказываюсь голосовать? – Документ: Открытое письмо в редакцию китайского независимого журнала «Искания». – С того берега: Р.О'Коннор. Рок за решеткой (музыка в подполье).

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ: С.Шагин. Уважаемые товарищи по крови! (см. 1Б8) – П.Прыжов. Тень Шурика или новая правая (на полях С.Шагина).

4В5. «Часы», 20, август - сентябрь 1979, Ленинград

ПРОЗА: В.Харитонов. Духовка (рассказ). – Б.Иванов. Ночь длинна и тиха, пастырь режет овец. На отъезд любимого брата.

ПОЭЗИЯ: А.Цветков. Из книг: «Сборник пьес для жизни соло», «Искусственное дыхание». – А.Драгомощенко. Большое изображение сухого дерева (апрель-июль 1979). Дни (10-20 августа 1979). Окрестность (23 августа 1979). – И.Лапинский. Из поэмы «Семь отрывистых слов о сне, который нас окружает» (1966). Из книги «Альфа примитива», Стихи про жизнь (1967). – Е.Сакерин. Три не собранных цикла: Васильевский остров. Этюды тушью. Стихи после стихов.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: Р.Топичиев. Две заметки о Мандельштаме: «Дремучий лес Тайгета» и «Пчелы Персефоны». Мандельштамовские реминисценции в «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: И.Кронверский. Дебют десяти.

ПЕРЕВОДЫ: П.Д.Успенский. В поисках чудесного. Отрывки из книги (перевод с английского Н.Б.). Окончание (начало в номере 18).

ХРОНИКА: явления, события, идеи: Наблюдения НЛО в СССР (Отрывки из сборника под редакцией Ф.Ю.Зигеля, выпуск 3, 1978. – На религиозно-философском семинаре: Н.Петров. Публичное чтение. – Б.Иванов. Александр Морев. – Первая конференция культурного движения. – Р.Скиф. Сообщения о сентябрьских выставках.

4В6. «Часы», 21, октябрь-ноябрь 1979, Ленинград

ПРОЗА: И.Беляев. Игра в жмурки, или Охота на серебристого енота.

ПОЭЗИЯ: Е.Шварц. Четыре элегии на стороны света (1978). После­словие автора. – И.Бурихин. Стихотворения (1978-1979). Ю.Кублановский. Избранные стихотворения 1967-1971 годов: из книг «Дафнис и Хлоя», «Се­мидесятое время», новые стихотворения. – В.Кривулин. С каждым августом (июль-сентябрь 1979).

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ: Э.Ионеско. Стулья (Трагический фарс, 1951).

ИСТОРИЯ: Б.Творогов. Процесс Сократа (Отрывки из книги).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: И.Кронверский. Художник Израиль Бройтман.

ФИЛОСОФИЯ: И.Суицидов. Искусство и проблема понимания.

ПУБЛИКАЦИИ: А.Морев. Стихотворения.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ (18.9.1979)

Доклады участников: Б.Иванов. Культурное движение как целостное явление. – В.Кривулин. Пять лет культурного движения. Связь движения художников с движением поэтов. – Ю.Новиков. Критика и современное неконформистское искусство. – А.Басин. Выставочные дела.

ПЕРЕВОДЫ: В.Росс. Католическая церковь и культура (Из книги «Католическая церковь в Германии сегодня. Сборник статей»). – В.Каспер. Христианство без традиций?

ХРОНИКА: У.И. Заметки на полях отсутствующих каталогов. – У.И. Комментарии к прочитанному. – Публичное чтение.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЧАСЫ» с 11-го по 20-й номер.

4В7. «37», 19, сентябрь-декабрь 1979

Поэзия: А.Миронов. Стихи последних лет. Предисловие автора.

Проза: Е.Шварц. Семейные предания (рассказ).

Религия и философия: О.Генисаретский. О личном творчестве и личной целостности средневековой культуры. – Т.Горичева. О парадоксах женской эмансипации (рецензии на 1-й номер альманаха «Женщина и Россия»; см.4В9).

МОСКОВСКИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ: Франциско Инфантэ. Введение в артефакту.

ХРОНИКА: Первая конференция по проблемам неофициальной культуры: Б.Иванов. Культурное движение как целостное явление. – Ю.Новиков. Критика и современное нонконформистское искусство. – Фоторепортаж о квартирной выставке 15 сентября 1979 (к пятилетию «бульдозерной выставки»). – Квартирная выставка геометрического искусства. Высказывания и отрывки из дискуссии (В.Пахомкин. Проблема художественного самоанализа. – С.Шефф. Монолог об искусстве. – С.Сигитов. Формальный метод в современном пространственном искусстве двухмерной плоскости. – Л.Борисов. О восприятии новых языковых форм искусства).

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ: В.Калинин. – Б.Г. Выставка В.Калинина в Москве.

ХРОНИКА РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО СЕМИНАРА: Е.Пазухин и А.Котт. Дискуссия «Христианство и иудаизм».

4В8. «Северная почта». Журнал стихов и критики. 1/2, 1979, Ленинград

ТЕКСТЫ: Д.Бобышев. Из книги «Зияния». – В.Кривулин. Стихи на картах. – С.Стратоновский. Стихи 1979 года.

КРИТИКА: А.Каломиров. Двадцать лет новейшей поэзии (Предварительные заметки).

ПЕРЕВОДЫ: Ф.Дюрренматт. Непроизнесенная речь в Киеве.

РЕЦЕНЗИИ: А.Гитович, «Избранное», Ленинград, 1978. – А.Цветков, «Сборник пьес для жизни соло», Анн Арбор, 1978.

ПУБЛИКАЦИИ: Из малоизвестных стихов Анны Ахматовой.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ. «Без комментариев»: Стихи Н.Киккулькиной, Ю.Нешитова, А.Вознесенского. От редакции. Первый год издания. Выходит четыре раза в год. Главный редактор В.Кривулин.

4В9. «Женщина и Россия». Альманах. Выпуск 1, 1979, Ленинград

От редакции – Эти добрые патриархальные устои. – Т.Горичева. «Радуйся, слез Евиных избавление». – Н.Малаховская. Материнская семья. – Р.Баталова. Роды человеческие. – В.Голубева. Обратная сторона медали. – Ваня Пазухин. Золотое детство. – Ю.Вознесенская. Письмо из Новосибирска. (см. 1А7). – И.Тищенко. Расклейщица афиш (новелла). – С.Соколова. Летящие ящеры (рассказ). – Т.Мамонова. Поэзия. – Махадеви. Стихи (перевод Е.Шварц). – Ж.Ивина. С гомеровским величием и софической чистотой. Воззвание.

Приложение

Указатель авторов 1–4 выпусков

- А.Б., 2В4
А.К., 2Г3
А.М., 2Г1
А.Т., 2В1
Абовин-Егидес П., 1А21, В3;
2В1; 3В1; 4В3, В4
Абрамкин В., 1В3, В4; 3В1;
4В3
Авторханов А., 3А14
Аганбегян, 3Г1
Адлер М., 3В5
Азарян В., 1В6; 2В6, В7
Азбель Л., 2В8
Азбель М., 2В8
Аксенов В., 2А32, В2
Алейников В., 1В5
Алексеев В., 2А34
Алексеев Г., 1А29, В3
Алешковский Юз., 2В2
Альтшуллер Б., 1А8
Аметов Э., 1А8
Андреев Д.Л., 1А33, В2
Андреев Н.Е., 3В4
Андрей еп., 2Г2, Г5
Анисимов И.Ш., 4Г1
Анненский И., 2В5
Апдайк Дж., 2В2
Антокольский П., 4Г1
Арканов А., 2В2
Арсеньев Г., 3В1
Артемов А., 3Г4
Асеев Н., 1А29
Ахаров И., 4Г1
Ахмадулина Б., 2В2
Ахматова А., 1А29; 2Г5; 4В8
Б.Г., 1В6; 2В7
Б.Ж., 4В4
Бабеньшев А., 1В1
Бабич А.П., 2Г1, Г4
Байда Г., 1В3; 2В2
Байтальский М., 1А40, 41, В4,
В7; 2А23, В1, В8
Барбан Е., 1В5
Барышников М., 3А27
Басин А., 2В5; 4В6
Баткин Л., 2Б5, В2
Бахмин В., 1А6; 3А6
Бегин М., 3А22
Безгласный, 1В4; 2В1
Беззубов Г., 2В6
Бейлз К.Е., 1А35
Белинков А., 2В1
Белков В., 3В3
Беллоу С., 2В8
Белов Ю., 1В1
Белый А., 1В2
Бельский К., 3Г5
Беляев И., 4В6

- Бен-Иегуда Э., 4Г1
 Бен-Ицхак, 4Г1
 Бердяев Н.А., 1А1
 Берлин Н., 2Г3
 Бернштам М., 3А4
 Беттица, 2А19а
 Бигон Д., 1А25
 Бикерман Э., 4Г1
 Битов А., 2А32, В2
 Благих В.Н., 2А5
 Благовещенский К., 3В3
 Блехман Р., 2В3
 Блок А., 1А29
 Бобрикова И., 2Г3
 Бобышев Д., 4В8
 Богданов Л., 2В3
 Богораз Л., 1А5, А7; 4Б1
 Бондаренко Е., 2В4
 Боннэр Е.Г., 1Б1
 Бонч-Бруевич В.Д., 2В3
 Борисов Вад., 2А5
 Борисов Вл., 3В2
 Борисов Л., 4В7
 Брежнев Л.И., 3Г6, Г2; 4В3
 Брик Л.Ю., 2Г1, Г4
 Бродский И., 1А29
 Бруевич А., 2В3
 Бубер М., 1В5, В7; 3В5; 4Г1
 Будурак-Шарыгин М.И., 3В2
 Буковский В., 3А5; 4В3
 Булатов А., 2Г2, Г5
 Булатов Э., 3В4
 Булгаков С.Н., 1В2; 3Г6
 Буржуадемов К., 3Б1; Г1-7,
 4В3
 Бурихин И., 4В6
 Буркалов Ф., 2Г2
 Бялик Х.Н., 4Г1
 В., 3Г1
 В.К., 3В2
 В.Т., 3Г4
 Вагнер В., 4Г1
 Вайль В., 2А16
 Ванталов Б., 1В5
 Василевская В.Я., 2Г2, Г5
 Васильев И.Т., 2Г3
 Вацетис И.И., 2Г2, Г5
 Ведрухин С., 2В7
 Векслер М., 3В5
 Великанова Т., 1А6; 4Б1
 Велицкий М., 2Г3
 Величанский А., 4В4
 Величкин Ю., 4В3
 Веньковецкий А., 4Г1
 Венцлова Т., 4Г1
 Вилковский К., 4Г1
 Винс Г., 1А8
 Вишневская Ю., 3А28
 Владимов Г., 1В1; 4В3
 Вознесенская Ю., 1А7, А29,
 В4; 3В1, В4; 4В9
 Вознесенский А., 2В2
 Вознесенский И., 2Г1, Г3, Г4
 Войно-Ясенецкий В.Ф., 2Г2,
 Г5
 Войнович В., 4В3
 Волконский С.М., 4Г1
 Волгин, 3Г2
 Волошин М., 1В4; 2Г1, Г4;
 3А20
 Воронель А., 2А22а
 Воронин В., 2Г3
 Ворошильский В., 2А19
 Вук Г., 4Г1
 Высоцкий В., 2В2
 Г.Н., 1В6; 4Г1
 Гаам А., 4Г1
 Гаврилов Н.Н., 2Г3
 Галецкий Р., 1А6
 Галеви И., 4Г1
 Галецкий Ю., 2В5
 Галич А., 4А1
 Гарелин И., 2Г8
 Гарик И., 3А21, В5
 Гастев Ю., 2Г1, Г3-4
 Гастер Т., 4Г1

- Гач З., 3Г2
 Гегель, 3В4
 Гейне Г., 4Г1
 Генисаретский О., 4В7
 Герасимов А., 4Г1
 Герцык Е., 3А20
 Гершуни В., 1А27, 28; 2В1;
 3В1
 Гефтер М., 1В3; 3В1;
 Гешель А., 2В8
 Гинзбург А., 1В1
 Гитович А., 4В8
 Глазов В., 2Г2
 Гнедин Е.А., 2Г2, Г5
 Гоголь Н.В., 3А28а, В3
 Годес О., 4Г1
 Голубева, 3Г4
 Голубева В., 4В9
 Гоманьков Н., 1А10
 Гончар О., 3А17
 Горренштейн Ф., 2В2
 Горичева Т.М., 1В6; 2А27, 31,
 В7; 4В7, В9
 Григоренко З., 1А6
 Григоренко П., 1А6; 3А7
 Григорьев М., 2Г3
 Гримм Ю., 4В4
 Грин В., 3Г1; 4В4
 Гринберг И., 4Г1
 Гринкевичуте Д., 2Г2
 Гройс Б., 1А30; 3В4
 Гумилев Н., 1А29
 Гурфинкель Н., 2А16
 Гусаров В., 2В1
 Д., 3Г1
 Д.Д., 2Г2
 Давидович Е., 4Г1
 Давыдов Г., 2В1
 Давыдов Е., 1В1
 Даймонт М., 4Г1
 Дайхес М.И., 4Г1
 Далинский С., 2Г2
 Данильцев Л., 3В1
 Дар Д.Я., 2В8
 Д-д У., 2Г2, Г5
 Дейтш Э., 4Г1
 Дернов И., 2Г3
 Джеймс К., 4В3
 Джексон Ш., 2В3
 Дмитриев В., см.Азарян
 Дмитриев О., 2А22
 Довлатов С., 3А29а
 Долинина В., 1В6
 Домальский, см.Байतालский
 Домбровский Ю., 1А38, В4
 Донин Х., 4Г1
 Драгомощенко А., 1А30, В5;
 4В5
 Дубровский И., 2А5
 Дудко Д., 1А16
 Дышленко Б., 1В5; 2В5
 Дэнлоп Дж., 1В6
 Дюрренматт Ф., 2А20; 4В8
 Евушенко Е., 1А29
 Егуда Ш., 3В5
 Еленин С., 2Г1
 Емцев М., 3В1
 Ерофеев Вик., 2А32, В2
 Ефимова Н., 2А29, В4
 Жаботинский В., 4Г1
 Жданов А.А., 2Г2, Г5
 Желудков С.А., 4В4
 Жигалов А., 2В6
 Жолковская И., 1В1
 З.З., 2Г3
 Зайцев А., 4В4
 Звягин Е., 2В3
 Зейпель, 3Г6
 Земцов И., 3Г2
 Зигель Ф.Ю., 4В5
 Зильберман Д.С., 3В2
 Зингер И.Б., 2В8
 Зотов М., 1А8; 2В1; 4В2
 Иванов А.И., 3Г2
 Иванов Б.И., 1В5; 2А28, В3;
 4В5-7

- Ивановский М., 2В8
 Ивина Ж., 4В9
 И-вич М., 2Г1, Г4; Икс; 4В3
 Иноземцев Б., 1В6
 Иоанн-Павел II, 3В1
 Ионеско Э., 4В6
 Инфанте Ф., 4В7
 Иофе В., 2Г3
 Исакова, 1В6
 Исянц В., 2В3
 Искандер Ф., 1В3; 2А32, В2
 К., 2В8
 К.Б., 3Г2-4
 Кабаков И., 2В6
 Кавелин К.Д., 1В2
 Калинин В., 4В7
 Калистратова С., 1А6
 Каломиров А., 4В8
 Каменев П., 2В5; 3В3
 Капитанчук В., 1А6, В2
 Каплан А., 4Г1
 Каплун И., 1А6
 Карабчевский Ю., 2В2
 Карлинский С., 2В3
 Карновская А.О., 4Г1
 Карновская М., 4Г1
 Карпинский Л., 3Г6
 Каррильо С., 1В3
 Картер Дж., 2А1
 Каспер В., 4В6
 Каценеленбоген, 3Г6
 Кацнельсон М., 4Г1
 Кеннеди Р., 2А20
 Кертцер М., 4Г1
 Кизевальтер Г., 2А34
 Кикулькина Н., 4В8
 Кириллов Н., 3Г5
 Клансве Ж., 1В1
 Клаузнер И., 4Г1
 Ковалев С., 4В1
 Коган Ю., 2В8
 Кожевников П., 2В2
 Комаров Б., 3Г4
 Комаров В., 3В4
 Конин Л., 2А31
 Конквест, 3А4
 Коновалихин В., 3В2
 Копелев Л., 1А13, Б7; 3Б9, В1;
 4Б1
 Коржавин Н., 3А29
 Короленко В.Г., 2А10-12, Г2
 Корякин, 3Г1
 Коссов Д., 4Г1
 Костюрин И., 2Г2, Г5
 Котт А., 4В7
 Краснов В., 3А10
 Кратов А., 2В8
 Кривин И., 2Г2
 Кривулин В.Б., 1А30; 2В4, В7;
 4В6, В8
 Кронверкский И., 2В3, В5;
 4В5-6
 Крымов М., 4В3
 Крэнстон М., 3В1
 Кублановский Ю., 2В2
 Кувакин В., 3В1
 Кузнецов Адам, 2В1; 3В1-2Г1
 Кукобака М., 3В2
 Курганов, 3А4
 Кусков П.П., 2Г4
 Л.А., 2Г1
 Л.Л., 2Г1
 Лавут А., 1А6
 Ладов Л., 2А6
 Лазарев К., 2Г2, Г3
 Лакшин В., 3В8
 Ланда М., 1А21, Б1, В1
 Лapidус, 3Г3
 Лапинский И., 4В5
 Ласков А., 3А9
 Лашкова В., 1В1
 Лебединская А., 2Г2-3
 Леви Б.А., 1А19, В3
 Левин Е., 3А19
 Левитин Л., 1В7; 3В5
 Левицкий В.О., 2Г1, 74

- Левицкий С.А., 3В4
 Лем С., 3В1, Г1
 Лепорская А.А., 2В3
 Лерт Р., 1А6, 2З, В3-4; 4В3-В4
 Лесниченко Н., 1А29
 Лешин Е., 2В8
 Лильбок К., 3А30, В3
 Лимонов Э., 2В4; 3А26, В4
 Линецкий М., 3В5
 Липинский А., 2Г1
 Липкин С., 2В2; 3В5
 Лиснянский И., 2В4, В2
 Лиятов М., 1Б3; 3В1
 Лука еп., см. *Войно-Ясенецкий*
 Лукин С., 3В5
 Лукьяненко Л., 1А8
 Лунц Л., 1В7
 Луцик М.Ю., 3В2
 Любавичский Рабби, 3В2
 Любарский К.А., 2Г3; 3А34;
 4В3
 М.Б., 3В10
 М.И., 2Г1, Г2
 М.П., 2Г2
 Максимов В., 3А27, Б9
 Максимов Г., 2Г3
 Максудов, 3А4
 Малаховская Н., 2Б6, В6; 4В9
 Мамонова Т., 4В9
 Мандельштам Н.Я., 2Г1, Г4
 Мандельштам О.Э., 2Г2
 Мандельштам Р., 1А29
 Марголин Ю., 4Г1
 Марголина Р., 4Г1
 Марулис С.С., 2Г2, Г5
 Маргулис Э.Э., 2Г4
 Маркиш П., 4Г1
 Маркадзе Ж.К., 1В6
 Марков О., 2Г1
 Мартынов М., 1В5; 2В4
 Марченко А., 1А5, В3; 2Г3
 Маслов С., 2А26, В3
 Мдивани И., 2Г2
 Медведев Р., 3А15
 Меер, 3В5
 Мейендорф И., 1А2
 Мейеров Я., 2Г3
 Мейман Н., 1А11, Б?; 3В2
 Мельчук И.А., 2Г2, Г5
 Мераи Т., 3А16
 Метораф, 4Г1
 Минин Д., 2Г3
 Миронов А., 4В7
 Михайлов М., 4В3
 Михайлов Р., 2Г3
 Миченар Дж., 3В5
 Монастырский А., 2А34
 Мондейл У., 2А1
 Морев А., 4В6
 Морская М., 2В1
 Московит А., 1Б10
 Мотев И., 2Г3
 Мрожек С., 2В4
 Н.А., 2Г2-3
 Н.Б., 1А20, В3
 Н.Б., 2В5; 4В5
 Н.П., 2Г1, Г4
 Н.С., 3В4
 Набоков В., 2В7; 3А28а, В3
 Наврозов Л., 3А11
 Нагель М., 1В7
 Надвоицкий Л., 2Г1, Г4
 Надь Ж.Л., 3А13
 Неизвестный Э., 3А27
 Некипелов В., 1Б1, В1; 2А17,
 В1; 3В2; 4В3
 Некрасов Вс., 2В7; 3В7
 Нестор Л.П., 2В7; 3В3, Б4
 Нестеровский В., 1А31
 Нехемьев Э., 1А25; 4Г1
 Нечаев В., 2А31
 Нешитов Ю., 4В8
 Нижитин А., 2В5
 Николаев Ю., 3А32
 Николаевский Б., 3А14
 Николаевский В., 3В1

- Нина Г., 4Г1
 Новиков М., 4Г1
 Новиков Ю., 1А31; 2В4; 4В6-7
 Новожилов В.В., 3Г3
 Ной И., 3В2
 О.И., 2Г2
 О-ва А., 2Г2
 Овчинников Ю., 2Г3
 Огородников А., 1А32, В2
 Огурцов И., 1В2
 Ожиганов А., 2В3
 Озолис В., 1В4; 3В2
 О'Коннор, 4В4
 Окунев А., 2В8
 Окунев Я., 2В8
 Олейников Н., 1А29
 Орлов Ю., 2А18, В1; 3В2
 Орловский Э., 3А8, 3В2; 4В2
 Осенка Я., 3Г4
 Осипов Е., 2Г1
 Осипов Н.И., 3Б4
 Осипова Л.Т., 3Б4
 Осипова Т., 1В1; 3В2
 Островитянов, 3Г3
 Осьмеркин С., 2В5
 Охалкин О., 1А32, В2
 П.Е., 1А21
 П.О., 1В4
 Павловский Г., 4В3
 Пазухин Ваня, 4В8
 Пазухин Е.А., 1В6; 4В7
 Палехова Т., 1В3
 Панитков Н., 2А34
 Пантелеев Л., 2Г3
 Пастернак Б.Л., 1А29; 2Г2, Г5
 Пастернак З.Н., 2Г2, Г5
 Патай Р., 4Г1
 Пахомкин В., 4В7
 Пашнин Е., 1В2
 Пеккер М., 2А31
 Пеккер О., 2А31
 Перельман В., 3А23
 Перец Н.Л., 4Г1
 Песков Н., 2Г1, Г4
 Петраченко Ю., 2В4
 Петров Н., 4В5
 Петровых М., 1А29
 Пешкова Е.П., 2Г1, 74
 Пименов Р., 2Г1-5; 3А14; 4В4
 Подрабинек А.П., 3А6
 Подрабинек К.П., 1А22, В3
 Подрабинек П.А., 1В4; 3Г5;
 4В3-4
 Покровский О.В., 2В5
 Поликанов С., 1В1
 Полуэктова Л., 1А6
 Польский В., 3А25
 Помазов В., 1В1
 Померанц Г., 1В5, В4; 3В1;
 4В3-4
 Померанцев И., 4В4
 Понтрягин Л.С., 2В8
 Понырев И.Н., 4В3
 Попов Е., 2А32, В2
 Попов Н., 2Г1
 Попова Р., 4В4
 Поповский М., 2А13, Г2; 4В3
 Пореш В., 1В2; 2В7
 Прат Н., 2А8; 3А15
 Пригов Д., 2В7
 Прыжов П., 1А18, В3; 3В1;
 4В3-4
 Пяст В., 1А29
 Р.Р., 3В3
 Рабинович А., 2В7
 Рабинович Р.Н., 4Г1
 Ракитин В., 2В2
 Растин П., 2А14, В1
 Ржевский Л.Д., 3Б4
 Регельсон Л., 1А9
 Редлих Р., 3В1, В3-4
 Рейн Е., 1А29; 3В6
 Репников Б., 4В4
 Рерих Н., 4В3
 Розанов В., 3А19
 Розин А., 2В3

- Розовский М., 2B2
 Ростин П., 3B11; 4B3
 Рот С., 4Г1
 Рубин В., 4Г1
 Рубинштейн Л., 1B6
 Рубинштейн Н., 1A12
 Руденко М., 1B3
 Рыбак Г., 2B1
 Рыжов В., 2Г2, Г3
 Рыклин Д., 4Г1
 С.С., 3B3
 Сакерин Е., 3B3; 4B5
 Самарин А.Д., 2Г3
 Самарина-Чернышева Е.А.,
 2Г3
 Самойлов Д., 1A29
 Сапгир Г., 2B2
 Сахаров А.Д., 2A1-3, Г3; 3A1,
 B2; 4B3
 Сверстюк Е., 3A17
 Светлов К., 3Г1
 Светов Ф., 1B1
 Северянин И., 1A29
 Сегал Б., 4Г1
 Седов А., 1B3
 Седых А., 3A24
 Селюцкий Н., 2Г2
 Семнов А., 2B4, B6
 Семенов-Тян-Шанский Л.,
 2A30, B4-5
 Сент-Экзюпери А., 4B3-4
 Сергеев Ю., 1A8
 Серебров Ф., 2B1; 3A6
 Сигитов С., 4B7
 Симонов В., 3B4
 Синявский А., 2A22
 Скиф Р., 1B5; 2B3, B4; 3A31,
 B3; 4B5
 Скрипникова А.П., 2Г1, Г4
 Скуратов М., 3A18, B10
 Слепак Б., 1B1
 Смирнов Б., 2Г2
 Снегирев Г., 4B3
 Созонова А., 2B5
 Сокирко В., 1B4; 3B1, Г1, Г4-
 5; 4B4
 Соколова С., 4B9
 Солженицын А.И., 1B5; 3A2,
 B1-2
 Соловьев В., 3A19
 Сологуб Ф., 1A29
 Сорокин В., 3B1
 Сорокина С., 3B1
 Соснора В., 1A29
 Софроний, 3B4
 Спекторский С., 3A14
 Сталин, 2Г2
 Стогов Н., 2Г1, Г4
 Стратановский С., 2B3
 Строкатова Н., 1B1
 Струве П., 1A26
 Стырикович М.А., 2Г3
 Суицидов И., 2B6
 Т. и М., 2B6
 Тамарин П., 1B3
 Творогов Б., 4B6
 Тель И., 4Г1
 Терлецкас А., 4B1
 Терновский Л., 1A7; 3A6
 Тетерятников В., 1A7
 Тиль Т.И., 2Г2-3
 Тиняков А., 1A29
 Тищенко И., 4B9
 Тодд Э., 3Г5
 Толмачев Н., 4B4
 Томич Т., 1B3
 Тонких В., 3Г2
 Топчиев Р., 4B5
 Трепп Л., 4Г1
 Трифонов Г., 3B1
 Тростников В.Н., 2A25, B2;
 B2
 Т-ский Дм., 2Г2, Г3, Г5
 Туровский М., 3B5
 Турчин В., 1A6, A10; 3B3, B4
 У.И., 2B3, B5; 3A31, B3; 4B6

- Успенский В.Д., 2B5; 4B5
 Урис Л., 4Г1
 Ухтомский, см. Андрей еп.
 Фаст Г., 4Г1
 Фегелин Э., 3B4
 Федорова-Бузырева Н., 1B1
 Федосеев А., 2A18
 Феофанов, 3Г1
 Филиппов З., 1A4
 Филонов Д., 2B1
 Филонов П.Н., 3B3
 Флавий Иосиф, 4Г1
 Фиш Д., 2B8; 3B5; 4Г1
 Флаттеров И., 2Г2
 Фрадис, 2B6
 Фрейман Г.А., 1B9, B7
 Фридман М., 1B7
 Фришмап, 4Г1
 Фельштинский Д., 3Г5
 Х., 4Г1
 Хазас Х., 1A25
 Хайбулин В., 1A6
 Харитонов В., 4B5
 Хармс Д., 3B1
 Хасин Е., 4Г1
 Хейфер Дж., 1B3
 Хингли, 3A10
 Ходорович, 1B1; 4B1
 Ходасевич В., 4Г1
 Хоссон А.Л., 4Г1
 Храбровицкий А.В., 2Г2
 Царнис М., 1B7
 Цветаева М., 1A29; 2B3
 Цветков А., 4B5, B8
 Целков О., 3A27
 Цемах, 4Г1
 Чалидзе Б.Н., 3Г2-4
 Чекрыгин В.Н., 1A34, B2
 Черемухин С., 3B2
 Чернеховская Е., 2B3
 Черниченко Ю., 3Г2
 Черновол В., 1B1
 Чернобельский Л., 4Г1
 Черных В., 4B4
 Честертон Г., 1A3
 Чичебабин Б., 2B2, B1
 Чуковский К., 2Г2, Г3
 Чухонцев О., 3A29
 Шагин С., 1B3; 2B5; 4B4
 Шамонович, 4Г1
 Шапиро М.Л., 2Г1, Г4
 Шапиро Ф., 2Г2
 Шафаревич И.Р., 3A3, B2
 Шахновский З., 4Г1
 Шварц Евг., 2Г3
 Шварц Ел., 2B4; 3B4; 4B6-7, 9
 Шейкнер М., 1B6
 Шемякин М., 2B3; 3A27
 Шестов Л., 1B2
 Шефф С., 2B3; 4B7
 Шифрин А., 2Г1, Г7
 Шифферс Е.А., 1B6; 3B4
 Штейнберг М., 2Г1, Г4
 Шолем Г., 4Г1
 Штейнгауз, 1B7
 Штейнзалц, 1A25; 4Г1
 Шубкин В., 3Г1
 Шульман М.Б., 2Г1, Г4
 Шуткин А., 4B1
 Щеглов А., 1B1
 Эйнштейн А., 4Г1
 Элицур И., 4Г1
 Элкинс М., 1B7; 4Г1
 Эллинс Г., 3B3
 Эссас И., 4Г1
 Юлин П., 2B1
 Юнг К., 2B4
 Ядин И., 4Г1
 Якунин Г., 1A6, A15
 Ямпольский Б., 4Г1
 Янкелевич Е., 2A1
 Янов А., 2A8, A9
 Янов В.В., 2Г2, Г5
 Янушевич Е., 2B3
 Ясевич О.И., 2Г1, Г4
 Ясперс К., 3Г5

СУММА

рж

№ 5/6 1980

Редакция напоминает, что она не обязательно разделяет мнения референтов, не говоря уже о мнениях реферируемых авторов.

А. Рефераты и выписки

5/6А1. АНДРЕЙ САХАРОВ. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе – цели, значение, трудности.
Континент, 19, 1979, стр. 171-188

«Императивным и догматическим концепциям всевозможных преобразователей мира, оборачивающимся в реальности ужасами геноцида революций и войн, террором и адом Колымы и Освенцима; зашедшей в тупик прагматической философии разумного индивидуализма противопоставляется плюралистическая по своему существу, допускающая разные формы общественной организации и предоставляющая человеку максимальную свободу личного выбора идеология прав человека. Особое место, которое заняла эта идеология в общественных движениях в СССР и в странах Восточной Европы, связывается с бедственным и кровавым историческим опытом народов этих стран при тоталитаризме. «С таким опытом за плечами мы особенно естественно принимаем идеологию, ставящую на первый план защиту конкретных людей и конкретных прав принципиально ненасильственными, неразрушительными методами, опирающимися на законы, на подписанные их правительствами документы».

Аргументируется правомерность выдвижения на первое место движением за права человека в тоталитарных странах гражданских и политических прав, являющихся «гарантией свободы личности, осуществления социальных и экономических прав человека, международного доверия и безопасности». На конкретных фактах показано, как систематически и откровенно нарушаются в этих странах все фундаментальные права человека: право на свободу убеждений и распространение информации, право на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны, свобода вероисповедания, право на забастовки, право образования ассоциаций, отсутствие принудительного труда – и как болезненно это в свою очередь отражается на социально-экономическом положении трудящихся.

Считая «наиболее вероятной и труднопредотвратимой опасностью прогрессивному и свободному развитию человечества» распространение тоталитаризма, автор приветствует глобальный характер проводимой президентом США принципиальной линии защиты прав человека как моральной основы политики США, но подчеркивает особую важность борьбы за права человека в эпицентре этой угрозы – в СССР.

Несмотря на сокращение числа активных участников правозащитного движения в СССР вследствие многочисленных арестов, усиливающейся кампании клеветы и провокаций, по мнению автора, «нет никаких оснований говорить о поражении движения», «пока не изменились условия и не отпали задачи борьбы за права человека, новые люди силою обстоятельств и душевных стремлений будут вливаться на место выбывших».

Обсуждая возможную помощь со стороны тех на Западе, кто сочувствует борьбе за права человека, кто высказывается против использования переговоров по ограничению стратегического вооружения для оказания давления на СССР в вопросе прав человека, полагая, что «задача уменьшения опасности уничтожения человечества в термоядерной войне имеет абсолютный приоритет над всеми остальными», вместе с тем он приветствует разные формы научного, культурного и экономического бойкота СССР как выражение протеста мировой общественности против нарушений прав человека в СССР в сочетании, однако, с «энергичной и разумно планируемой тихой дипломатией», важным полем которой могут явиться обмены политзаключенных.

«Защита прав человека – это ясный путь к объединению людей в нашем смятенном мире, путь к облегчению страданий».

5/6А2. НИКИТА СТРУВЕ. О Гарвардской речи А. Солженицына. *Вестник русского христианского движения*, 126, Париж – Нью-Йорк – Москва, I. 1978, стр. 207-210

«Солженицын не только писатель, но, как и его великие предшественники XIX века – Гоголь, Достоевский, Толстой, он одарен еще и пророческим даром, пророческой харизмой». «Как пророки Ветхого Завета, хотя и в несколько ином, более политическом ключе, Солженицын обращается к своим современникам на Западе с беспощадной критикой и с призывом измениться, переродиться, чтобы избежать полного исторического крушения». «Безусловно, западные страны не на высоте своего призвания, безусловно, им грозит гибель от внешней грубой силы, безусловно, им необходимо отрясти засасывающую тину комфорта, самозаслаждения и обратиться вверх».

«Обличая Запад, Солженицын продолжает длинную, полувековую традицию русской общественной мысли». «Однако далекие предшественники Солженицына имели перед ним одно преимущество: они противопоставляли гниющему (Шевырев), гибнущему (Одоевский) Западу русскую самобытность, крестьянскую общину, народ, еще не тронутый неверием, силу религиозного быта и мистических традиций. А что теперь противопоставить Западу?»

«В этой невозможности противопоставить худому Западу нечто реальное или потенциально лучшее – ахиллесова пята Гарвардской речи!»

5/6А3. Вадим Янков. О возможном смысле русского демократического движения. *Континент*, 18, 1978, стр. 183-201

В этих рассуждениях о роли оппозиционного движения в СССР автор ставит три основных вопроса, один из которых он относит к сфере морали: достойно ли обращаться к Западу с просьбой о помощи, признавая тем самым «собственное бессилие принудить советские власти к уступкам»? Другой – к сфере социологии: какова мера изолированности оппозиции от народа и «каковы вообще могут быть формы взаимоотношений между интеллигентской <...> оппозицией и другими слоями населения? И последний – к сфере истории: органична ли вообще оппозиция в России?»

Отвечая на эти вопросы, он строит концепцию, согласно которой «корни русской оппозиции следует искать не в частной истории России, а в истории общеевропейской». Тогда апелляция к Западу – не только просьба о помощи, но и предупреждение об опасности, призыв к «достойному поведению», «к обновлению моральных и естественно-правовых основ его жизни», «оторванность оппозиции от населения компенсируется ее вовлеченностью в судьбы западного общества». Оппозиция является в СССР хранителем и носителем универсальных идей свободы, индивидуальных прав человека. Ее противостояние тоталитаризму должно выражаться не в организации масс на борьбу и руководстве ею, а во «влиянии, исходящем от личностей и переходящем на других излучении, свойственном всему серьезному, воплощенному в жизнь».

Придерживаясь яновской циклической концепции истории России, Янков тем не менее верит в возможность окончательного преодоления тоталитаризма. «Будущее еще не решено. Его понимание, начинаясь с прошлого как достоверного, взлетает ввысь уже как призыв к человеку, как вдохновение или как отчаяние. Выбор между ними не навязан, он остается в нашей власти».

5/6А4. Хартия прав рабочих, Варшава, 1979

Эта тоненькая брошюрка попала в наш самиздат из Польши. В этом есть значительный смысл. Давно уже было предсказано: неумные территориальные присоединения и захваты кремлевского империализма только на первых порах будут казаться ему сладостными и полезными. Чем дальше, тем больше они обратятся в тяжкие жернова, тянущие всю систему ко дну – к экономическому и политическому распаду. Речь идет не только о мятежном Афганистане, где, к нашей скорби, уже льется и еще долго будет литься живая алая кровь. Не меньшим булыжником на шее режима становится и мирная «дружественная» Польша. Эта страна всегда была и окном, и дверью, через которые проникало в Россию освежающее дыхание борьбы и свободы. То же самое возрождается и сейчас. Перед нами «Хартия прав рабочих», выпущенная освободительным движением в Варшаве в 1979 году. Вот несколько выдержек из предисловия к этому серьезному документу.

«К читателю. В мае 1954 года генерал по-солдафонски прямо сказал комитету бастующих заключенных в Кенгире: “Заключенные могут только просить, а не требовать”. Эта формула четко выражает сокровенную суть отношений бесконтрольного государства со своими подданными <...> Отношение взрослого отца, патера, к вечно несовершеннолетнему ребенку, не знающему толком, что же ему надо для счастья и благополучия.

<...> Отношения между народом и партийным государством в Польше уже вышли за рамки патерналистской формулы. Правозащитное движение соединило требование свободы обсуждения социальных язв с борьбой рабочих за социальную справедливость, и идеократическому государству поневоле пришлось вступить в диалог с собственным народом на равных.

<...> С сентября 1977 года два раза в месяц выходит рабочий бесцензурный журнал “Роботник” (“Рабочий”). Его тираж вырос с 800 экземпляров до 15 тысяч. <...> “Роботник” сообщает о событиях рабочего движения, о забастовках в Польше и за рубежом. С особым вниманием следит за попытками создать и укрепить независимые рабочие позиции в странах “реального социализма”.

В июне 1979 года в рабочем самиздате опубликована “Хартия прав рабочих”. Этот документ ясно формулирует исходные принципы и ближайшие цели борьбы рабочих. И в этом смысле он не является только польским. Читая его, невольно поражаешься, насколько сходны те проблемы, которые стоят перед рабочими любой из стран “реального социализма”.

Важно отметить, что Хартия формулирует не одни лишь только претензии и требования материального, но равно и нравственного характера. <...> Хартия провозглашает свободу совести рабочего, его отказ доносить и соучаствовать в травле неугодных властям людей».

Далее идет текст собственно «Хартии», которая кроме короткой преамбулы содержит следующие разделы: оплата труда, время труда, безопасность труда, о привилегиях, принуждение поступать против совести, кодекс законов о труде.

В качестве конкретных форм действий рабочих «Хартия» называет забастовку, распространение информации, использование легальных профсоюзных собраний для дискуссий и выявления безобразий, подготовку к созданию независимых рабочих комитетов. «Хартия» объявляет о создании Кассы помощи и открывает сборы в нее. «Средства Кассы мы предназначаем для помощи тем, кто лишится работы за участие в независимой профсоюзной деятельности».

В «Хартии» указывается, что ее инициаторы опираются на действующее право, в частности на Конвенции международной организации труда и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (документы эти ратифицированы и Польшей и СССР).

Далее приводятся фамилии и адреса нескольких десятков польских граждан (рабочих, служащих, литераторов, ученых), подписавших «Хартию» ко времени ее опубликования.

5/6А5. Тадеуш Подгурский. **Польский рабочий класс в борьбе за демократию и социальную справедливость.** Информатор, «Пшеманы», Мюнхен, 1978. Перевод и предисловие Сергея Пирогова, 67 стр.

В очерке рассказывается о положении рабочего класса Польши и о его борьбе за демократию и социальную справедливость. «До войны, когда не было коммунистической власти, рабочие жили и зарабатывали примерно наравне с австрийскими и итальянскими рабочими, под властью ПОПР их нынешние условия труда и быта стали значительно хуже австрийских и итальянских. «До 1970 на грани крайней нужды владели существование в Польской народной республике свыше 3 млн. семей трудящихся, т. е. около 9 млн. человек».

Указывается, что все экономические завоевания – в Польше, например, за пятилетку 1971-75 гг. рост заработной платы превзошел 40% по сравнению с 20% в СССР – были вырваны рабочими

у властей забастовками и открытыми выступлениями: после массовых выступлений в октябре 1955 года наступило улучшение в условиях труда шахтеров, после декабрьского выступления портювиков в 1970 году заметно улучшились условия труда и оплаты в доках, «выступление лодзинских ткачих в феврале 1971 года заставило правительство модернизировать текстильную и легкую промышленность и улучшить жизненные условия ткачих». Натолкнувшись на сопротивление рабочих, власти в 1976 году потерпели поражение в своей попытке поднять цены.

Вместе с тем, учитывая «классовый характер партийной власти» и «ничтожную ценность профсоюза для рабочих», отмечается «нехватка независимых профсоюзов, которые боролись бы за повседневные интересы людей труда» в Польше. «Послушный государству и партии профсоюзный аппарат» – «армия надзирателей над рабочими, выдающих себя за рабочих представителей» – «действует против интересов людей труда. По этой причине каждые три года от 30 до почти 50% активистов ПОПР, навязываемых коллективам, проваливаются во время профсоюзных выборов». Излагается история рабочего самоуправления в Польше, возникшего в 1956 году стихийно, сыгравшего особую роль в 1956-58 годах, ограниченного законом в 1958 г и бесшумно ликвидированного «чисто административными мерами» зимой 1976 года.

Делается вывод о необходимости «рабочей самозащиты» против нетерпимой к независимому рабочему самоуправлению тоталитарной власти. Напоминаются уроки событий декабря 1976 года, когда возникшие снизу как органы забастовщиков рабочие комиссии бывали нередко способны «улучшить систему управления предприятием» и даже «вынудить администрацию принять решение с учетом воли масс». Отмечается успех деятельности в 1976-77 годах после волны репрессий против рабочих – участников июньских выступлений 1976 года «комитета защиты рабочих», встретившего «горячую поддержку и понимание в самых широких массах народа»: в течение года было собрано и распределено среди 945 семей (арестованных и преследуемых рабочих) <...> 3 миллиона 250 тысяч злотых». «В июле 1977 года власти освободили всех осужденных рабочих и приняли на работу уволенных». Упоминается возникновение в Польше двух комитетов свободных профсоюзов в Катовицах и Гданьске и независимого самиздатского журнала «Роботник», тираж которого увеличился за 7 месяцев с 800 экземпляров в октябре 1977 года до 16 тысяч в апреле 1978 года.

Среди факторов, благоприятствующих развитию независимо-

го рабочего движения, приводятся: повышение уровня образования и квалификации рабочих; традиционная солидарность польского мира труда в трудных ситуациях и «его решительность в конфликтах с чуждой и нежелательной властью»; живучесть социал-демократических традиций среди польских рабочих; бесстрашие рабочей молодежи «перед машиной террора ПОПР»; расширение линии стыка массы рабочих с технической интеллигенцией; «совершенствование форм успешного рабочего сопротивления». Указывается на зависимость дальнейшего хода событий в Польше «от системы отношений в мировой политике, от всемирной борьбы за права человека и от общественно-политических перемен в СССР». «Свободное братство польских и советских рабочих может оказаться решающим фактором в борьбе мировой демократии против тоталитаризма».

Специальный интерес представляет предисловие русского переводчика С.ПИРОГОВА. В нем подвергнуто критике «убеждение в принципиальной неререформируемости тоталитарной системы», которое «на практике сводится к ожиданию чуда и отлично оправдывает приспособленчество и даже попросту подлость и предательство». Не сомневаясь в возможности «результативного сопротивления государственной агрессии со стороны поработанного, но продолжающего жить и работать человека, внутри самой системы», автор предисловия утверждает на примере польского опыта, что «жесткость системы отчасти зависит от того, в какой мере люди, живущие под ней или в ней, убеждены в ее жесткости, настолько они, в массе своей, согласны этой системе подчиниться». «Врожденные и неустрашимые противоречия внутри самой системы», такие как противоречие между единством-всемогуществом аппарата власти и личной безопасностью его членов-винтиков или между «агрессивно-деспотической сущностью и гуманно-миротворческой пропагандой» системы, могут, по его мнению, послужить опорой для массового давления на систему. Также со ссылкой на польские уроки разрешается спорный вопрос о «легальности»: «Внутри <...> государственного права, состоящего из умышленно туманных указов и произвольных распоряжений по телефону “сверху вниз”, само различие между легальным и нелегальным невозможно». «Единственным противоядием против деспотической интерпретации самых естественных проявлений духовной жизни и свободы является их массовость».

5/6А6. Милош Джилас. **Россия демократическая, но и русская.** «22», Тель-Авив, март 1978, стр. 201-203

Рецензируя сборник «СССР – Демократические альтернативы», представляющий взгляды представителей демократического оппозиционного направления в их разгорающемся в эмиграции идейном конфликте с национально-православной оппозицией, – автор, явно симпатизирующий первым, утверждает, что «Демократические альтернативы» не разжигают этот конфликт с узких политических позиций, но определяют основополагающие принципы и неприкосновенные границы русской демократии и этим обосновывают критику великодержавного национализма – как советского, так и клерикального». Он признает указанную в сборнике возможность симбиоза в будущем советской власти с православием. Идеи авторов сборника определяются им в целом как «идеи борцов за новую, демократическую и социалистическую Россию».

Считая русскую культуру «национальным вариантом европейской культуры во всех своих творческих и наиболее жизненных проявлениях», Джилас видит ценность сборника в том, что он предвещает будущее «устойчивое и свободное» сотрудничество Запада с «демократической и неэкспансионистской Россией».

5/6А7. АЛЕН БЕЗАНСОН. **Россия и Советский Союз.** *Вестник русского христианского движения*, 126, I, 1978, Париж – Нью-Йорк – Москва, стр. 149-165

Автором рассмотрены четыре типа интерпретации отношений между Советской Россией и ее прошлым: «советский, троцкистский, голлистский и славянофильский».

«Официальная история СССР подчинена историософии. Дан исторический процесс, – от начала и до конца времен, – в котором русской истории определены место и смысл, заключающийся в пришествии «социализма» и поражении сил, ему противостоящих».

«Взяв власть от имени историософии и ею обосновав свою легитимность, большевики должны были историософию реализовать. Необходимо было, чтобы социализм на практике соответствовал потенциальному социализму, точный и общеизвестный образ которого имелся». «Поскольку образ был канонизирован, а реальность жила своей независимой жизнью, следовало придать реальности иной образ <...>. История, следовательно, переписана».

«Логическое оправдание настоящего производится с помощью четырех маневров <...> : легенды старого режима, революции, контрреволюции, социализма». «Легенда старого режима» – фикция пустого места – «позволяла отнестись на счет нового режима весь экономический и культурный капитал, существовавший помимо него». «Легенда революции и захвата власти» – *historia salutis* – «снабжает партийных деятелей аргументами и ярлыками». Контрреволюция представляется всегда «наступательной и когерентной».

Советская историсофия управляется «двойной бессознательной проекцией». «На прошлое проецируется то, что принадлежит сегодняшней реальности». «Другая проекция – изображение противника по своему образу и подобию». «Симметрично выталкиванию зла путем проецирования происходит введение добра».

Троцкистская интерпретация наиболее полно выражает точку зрения левых. «Левые видят в России прежде всего социализм внациональный, принадлежащий всему человечеству. Русское прошлое – это балласт, гиря у ног. Это мертвец, хватающий живых. Но социалистическая суть сохранена. Прошлое преодолено. Оно может только исказить облик».

«Тема левых – искажение. Тема правых (речь идет о голлистской интерпретации) – маска. Вместо социалистической реальности под одеждами – русская реальность, прикрытая социалистической одеждой».

Наконец, согласно славянофильской интерпретации, выраженной Бердяевым, большевизм «оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования».

Автор отвергает каждый из этих «основных исторических взглядов». Обращаясь к описанию Кюстином России в 1839 году, он поражается его кошмарной адекватности России сталинской и задается вопросом: «Как же случилось, что фальшивая книга о 1839 годе оказалась правдивой в 1939 году?» Ответ его: «История России вышла из гроба, но обезображенная длительным там пребыванием. Советский режим вызвал возрождение всего архаичного в русской истории, всего того, что Кюстин описал, но что накануне революции постепенно исчезло».

«Источники иссякли и советская Россия превратилась в музей мертвых форм». Большевизм не является простым воскрешением

разрушенного, ни простой остановкой истории, он – псевдоморфол, точнее – извращенное подражание, *perversa imitatio*.

«Общество покалечено. Сведенное до минимума экспансией государственной сферы, одурманенное идеологическим карцером, обескровленное периодической резней, организуемой партией в периоды параноидальных кризисов, оно не способно создать иное искусство, кроме протестующего, не способно создать оригинальную экономику и достойный жизненный стиль».

«Ирреальность – сфера нового государства. Поэтому оно деформирует до карикатуры прежние формы». «Тем не менее остается фактом, что принуждение и подмена общества государством составляют историческую оригинальность России».

5/6А8. РИЧАРД ПАЙПС. П.Б.Струве о русской революции.
Вестник русского христианского движения, 126, I, 1978, стр. 166-192

Излагая взгляды Струве на русскую революцию, автор утверждает, что в целом они сводились к тому, что «революция была подготовлена всей русской историей и, в частности, политикой русской монархии, начиная с 1730 года». Он относит Струве к «консервативной школе» русских толкователей революции 1917 года, считавших русскую революцию «безусловной катастрофой», в отличие от левых, усматривавших в ней «конструктивные процессы». «Вообще созидательных потенций нет и не видно в русской революции», «это государственное самоубийство государственного народа» «наверное, самое истребительное событие в мировой истории».

Согласно Пайпсу, «основную причину особо разрушительного хода русской революции Струве видел в неучастии и политическом ее процессе двух самых главных слоев русского населения – образованной элиты и крестьянской массы». В подтверждение этого он цитирует Струве:

«Несчастье России и главная причина катастрофического характера русской революции и состоит именно в том, что народ, население, общество (назовите как хотите) не было в надлежащей постепенности привлечено и привлекаемо к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти».

Указывается, что по мнению Струве поворотным пунктом русской истории явились события 1730 года, когда русской монархией была пресечена попытка конституционного ограничения царской власти. Последствиями того было устранение высшего клас-

са от государственных дел, приведшее в конце концов к «отщепенству» развившейся на его створе интеллигенции, и лишение крестьянства, принесенного в жертву дворянству в компенсацию за его гражданские потери, собственности и правовой защиты.

«Из политического бесправия дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, проникнув в крестьянство, до 1861 года жившее без права и прав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры».

Отсюда Пайпс делает вывод, что «главным виновником» трагедии Струве считал русскую монархию.

Что касается борьбы за Россию между «белыми» и «красными» в 1918-1920 годах, то Струве видел ее борьбой между двумя меньшинствами среди совершенно пассивного или враждебного обеим сторонам населения. И в этой борьбе все решила лучшая организованность боевой силы, большая психологическая приспособленность к Гражданской войне большевиков.

Пайпс отмечает, что Струве признает большевизм «законным детищем социализма» и убежден в неспособности большевистского режима к естественной эволюции и достижению более демократических форм правления:

«Даже той степени свободы, которую мог в свое время допустить Иван Грозный, Ленин допустить не может, просто потому, что в таком случае он и ему подобные будут безошибочно и очень быстро <...> истреблены. Большевизм есть система милитаристического террора, абсолютно несовместимая с самой ограниченной дозой свободы, личной и хозяйственной, даже отдельных индивидов.

Вот почему формула «эволюция большевизма» вызывает только улыбку у тех, кто знает историю России, кто, как пишущий эти строки, с ранней юности своей боролся за свободу и значительную часть своих духовных сил потратил на эту борьбу».

«Большевизм есть мировое явление, и судьба его будет решена только на мировой арене».

5/6А9. И.Иловайская. «История либерализма в России» Виктора Леонтовича. *Вестник русского христианского движения*, 128, I-II, 1979, стр. 205-217

Статья представляет собой сочувственное изложение основных положений книги «Geschichte des Liberalismus in Russland», V.Leontowitch, Frankfurt am Main, 1957, которая «пользуется известностью и глубоким уважением в серьезных научных кругах Запада».

Во введении к книге обосновывается само понятие «либерализма» как социально-политического течения, стремящегося к осуществлению и обеспечению свободы личности. Недоразумения в толковании терминов возникают «часто вследствие непонимания самими либералами сути движения и его программы». Так, либерализм воспринимают как некое введение к социализму, хотя, по Леонтовичу, это диаметрально противоположные понятия, и либералы, склоняющиеся к социализму (как это случилось в России и наблюдается сейчас в Америке), перестают быть либералами. Дело в том, что либерализм стремится к строгому ограничению вмешательства государства в жизнь личности и общества, неприкосновенности частной сферы; коренными понятиями либерализма являются выработанные в античности понятия юридического субъекта и субъективного права (главным образом – права собственности). С точки зрения социализма, все это – ересь.

В феодальном порядке был некоторый принцип разделения власти: возврат к древним принципам либерализма с добавлением новых установок и институтов, «был для Западной Европы путем к освобождению от абсолютистско-полицейского режима». Либерализм «мудро консервативен», его постепенность и осторожность – главная причина непопулярности среди «активистов», легко соскальзывающих в радикализм. Радикализм, превращающий в абсолютную ценность политическую свободу (для либерализма, напротив, первичны гражданские свободы), приводит к принципиальному всемогуществу законодательного большинства, к крайним формам вмешательства государства в жизнь человека и общества (это ярко выражено у Руссо). Соблазн радикализма ведет к самоуничтожению либерализма, что особенно ярко выявилось в истории России.

Книга разделена на 3 части – истоки либерализма (1762-1856), развитие гражданских свобод (1856-1914), развитие политических свобод (1856-1914). Вначале к либерализму стремилась сама власть. Декабризм нанес непоправимый вред либеральному развитию (цитируется А.А.Бестужев: чтобы не потерять доверия товарищей, он «всегда был значительно левее, чем ему хотелось»).

Повиновение тем, кто громче кричит, уносило Россию на путь нетерпимости и революционного насилия.

Освобождение крестьян недостаточно радикально приравнивало их положение к положению других сословий. В этом беда России, которая, развиваясь в либеральное государство, завязла в патриархальном устройстве. Самым ярким и деятельным представителем либерального мышления Леонтович считает Столыпина, который упорно добивался полноты права собственности для крестьян. Убийство Столыпина, война, революция – последняя мгновенно уничтожила все, что было достигнуто за 150 лет превращения России в либеральное государство.

Если во 2-й части в центре внимания находится крестьянство, то в 3-й – земство, развитие которого должно было стать самобытным путем России к либерализму. Это развитие было пресечено не справа, а слева. Подпав под влияние радикализма, земство утратило силу и значение. За сторонниками политической свободы пришел Ленин, который и ее считал буржуазным предрассудком. По Леонтовичу – не либеральная и не древнерусская традиция приводит Россию к тоталитаризму, а смертоносное якобинское наследие.

Т.Юрьев

5/6А10. НИКОЛАС БЕТТЕЛ. **Последняя тайна.** Издательство «Стенвалли Пресс», 1977, Лондон (первое издание – 1974). Перевод с англ. И.Гольштока, с послесловием В.Некрасова и предисловием Х.Тревор-Ропера

Отрывки из книги печатались в журнале «Континент», постоянным членом редакции которого является автор. Тема, впервые широко поднятая А.Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», вряд ли является последним секретом войны; разве лишь последним из так или иначе связанных с тайной политикой западных лидеров. Речь идет о выдаче советских и русских людей, плененных или освобожденных западными союзниками в 1944-45 годах. История кратко такова. В руках западных армий оказалось огромное количество людей русского, грузинского, калмыцкого и др. происхождения, захваченных в плен, служивших в немецкой армии или работавших в немецком тылу. Среди них а) жертвы тяжелейших условий (немецкий плен, голод, вымирание, выбор – смерть или вступление в немецкую армию), мечтавшие о скорейшей сдаче в плен союзникам; б) люди, добровольно вступившие в немецкую армию или в ее русские формирования («власовцы»),

которые постепенно откалывались от немцев и частично повернули против них штыки («освобождение» Праги); в) прежние эмигранты, воевавшие на стороне Гитлера против России – казаки (около 40 тысяч, с семьями и детьми) – и не желавшие воевать с союзниками, среди них именитые Краснов, Шкуро и другие; г) беженцы и новые эмигранты; д) угнанные в Германию на работы; е) освобожденные из немецких лагерей; ж) прибалты, западные украинцы и т.д. Среди них были люди (особенно категории (д), (е)), действительно рвавшиеся домой.

Это человеческое море из нескольких миллионов людей – мужчин, женщин, детей – оказались во власти нескольких правителей, решивших их судьбу. Кульминация ее – выдача Западом большинства из них в руки Сталина; тайна – это секретный ялтинский протокол, по которому «независимо от их воли все советские подданные транспортируются в СССР». Протокол подписан Рузвельтом, Черчиллем и, видимо, разногласий не вызвал. Взамен было обещано скорейшее возвращение нескольких тысяч западных военнопленных, а также «справедливое» решение польского вопроса. Тогда об этом знали немногие, а в печати тема не поднималась почти 30 лет.

Книга Беттела – первая (сейчас появились и другие). Живых свидетелей осталось ничтожно мало, в основном среди выбывавших и, может быть, принимавших. Некоторых из свидетелей автор проинтервьюировал.

Многих трагедий мы так и не узнаем, но приведенные примеры, вероятно, типичны для унифицированных судеб несчастных, поэтому общий смысл происходившего – ясен.

В основном в книге обсуждается моральный вопрос, во всяком случае, он больше всего волнует автора – как случилось, что английские власти (о них в основном речь) могли пойти на такое соглашение и выполнить, даже перевыполнить его? В предисловии к книге известный английский историк пишет, что вопрос был сложен и решение о выдаче нельзя упрощать (в чем упрекает Солженицына). Действительно, Черчилль и другие понимали аморальность своих действий – они посылали (чаще всего обманом) этих людей прямо в лагеря; это почти что не скрывалось (от них) советскими бонзами, понималось также, что по человеческим и западным стандартам очень немногие из них заслуживают суда и кары; понималось, конечно, что великодушные победителя несвойственно Сталину, что ему милее кровная месть до четвертого колена. (Впрочем, не сразу и это поняли – английский посол в Москве обратился в 1944 году к советским верхам с предложением объявить о милости к тем, кто сразу сдался в

плен союзникам!) Однако политики Запада должны якобы были учитывать важность всех соглашений, чтобы не дать повод нарушить их советской стороне, учитывать энтузиазм конца войны, симпатии Запада к Сталину и т.д. Кроме того, были циничные «деловые» соображения: «Нам они (русские) здесь не нужны», – заявил особенно активный А.Иден. Пожалуй, эти соображения логичны, если учесть общую позицию по отношению к СССР, которую иначе чем подбострастной и полузависимой – не назовешь. Мораль не в том, что совершено предательство, а в том, что заигрывание с тираном неизбежно приводит к таковому даже независимых деятелей типа Черчилля.

Автор собрал много фактов, показывающих, что некоторые англичане (например, фельдмаршал Александр), офицеры и солдаты охраны, независимые общественные и политические деятели (например, Этель Кристи – история с «Сидоровыми») сопротивлялись и саботировали передачу людей и помогали «перемещенным лицам». Наиболее ужасное впечатление производит история с казаками, т.к. а) их не надо было выдавать даже по ялтинскому протоколу – они не были советскими подданными, б) они безоговорочно верили англичанам и потому их особенно бесстыдно обманули, заманив в ловушку, в) среди них было более половины женщин, детей, стариков, г) они все понимали, что их ждет в СССР. Спаслись единицы, которые не поверили англичанам и бежали, или те, кому сами англичане из лучших помогли бежать. Коллективные самоубийства семей не исключительное явление в этой истории. Автор считает, что поведение политиков было безусловно неправильным и что они оказались не на уровне проблемы. Однако он отрицает правомерность нападок Солженицына на «коварный характер в духе традиционной английской дипломатии» передачи пленных, считая, что точка зрения Солженицына определена односторонним характером его информации, идущей от встреченных им в лагерях репатриантов. «Живя в атмосфере жестокости, характерной для предвоенного сталинского режима, многие составили себе идеализированное представление об Англии, США. Они слышали, что слово англичанина – нерушимо, что Соединенные Штаты – прибежище всех гонимых. Так что они наивно принимали идею, что англосаксы никогда не лгут и не нарушают священного принципа политического убежища, за абсолютную истину. Они недооценивали недоброжелательство, которое они вызывали к себе, сражаясь на стороне Гитлера <...> Запад тоже допустил серьезные просчеты; здесь полагали, что отношение с Советским Союзом будет оставаться хорошим и что союз военного времени будет продолжаться после войны. <...>

Все это верно, но не очень убедительно. Пожалуй, все сказанное можно уместить во фразе, которую может произнести и англичанин, и русский, и справедливость которой не исчезла и через 30 лет: не наша вина, что вы (Запад или СССР) о нас думали сначала слишком хорошо, а потом разочаровались. Мы – не лучше вас.

А.Кратов

Примечание редакции. В марте 1978 года лорд Беттел призывал правительство Великобритании выплатить жертвам насильственной репатриации и их иждивенцам компенсацию. В ответном письме тогдашний министр Иностранных Дел Дэвид Оуэн сказал: «Если есть люди, полагающие, что у них есть основания для иска против Британии, перед ними открыта возможность возбудить судебное дело».

5/6А11. А.НЕКРИЧ. Наказанные народы. «Хроника», Нью-Йорк, 1978

Новая книга известного историка, автора исследования «1941, 22 июня», была завершена еще весной 1975 года в Союзе и нелегально вывезена на Запад. Спустя год, исключенный из партии, лишенный права печататься и использовать свои профессиональные возможности, Некрич сам отправился на Запад, где продолжил изучение малоизвестных страниц советской истории, к которым и относятся события, описанные в книге – депортация в 1943-44 годах народов Северного Кавказа, калмыков, крымских татар.

«Давно пришло время взглянуть на это несчастливое и позорное наше время глазами историка. Эта тема не фигурирует, разумеется, ни в одном из планов научно-исследовательских работ Академии наук СССР. Я ее выполняю на свой страх и риск, так как на разработку проблем, связанных с произволом и беззаконием, в нашей стране существует негласный запрет». Несмотря на недоступность архивных материалов, Некричу по крупицам удалось восстановить картину депортации народов. Интересный материал, касающийся режима спецпереселенцев, их трудоустройства, образования и пр., был найден автором в рукописях диссертаций, защищенных историками Кавказа и Калмыкии. Многие из них были написаны и защищены в 60-х годах, когда знаменитая «оттепель» сказалась и на исторической науке.

Однако никакая «Оттепель» оказалась не в состоянии растопить проблему крымских татар. Если во второй половине 60-х годов депортированные народы Северного Кавказа и Калмыкии были полностью реабилитированы государственной властью

(Хрущев на закрытом заседании XX съезда КПСС назвал их выселение «грубым попранием национальной политики советского государства»), возвратились на родные земли и их автономия была восстановлена, то полмиллиона крымских татар, хотя санкции против них формально отменены, до сих пор не могут вернуться на родину. Вдали от исконных мест живут и немцы Поволжья, которых насчитывается около 2 миллионов человек.

Показывая невероятно жестокие условия, в которых осуществлялась депортация (выселяли в основном женщин, детей и стариков – мужчины были на фронте), бытовые условия, близкие к лагерным, в которых оказались спецпереселенцы, экономические и социальные трудности, связанные с возвращением, автор на основе некоторых демографических данных производит приблизительный подсчет потерь, которые понесли эти и так малочисленные народы между 1939 и 1959 годами. Так, чеченцам эта «государственная ошибка» обошлась в 121 тысячу жизней, калмыки потеряли 22 тысяч человек, балкарцы – 17 тысяч человек. А экономические, культурные, моральные потери не подсчитать ни одному историку. <...> Ощущение этой катастрофы еще свежо во многих областях, но особенно в сфере нравственной <...> Самая кровоточащая, незатягивающаяся рана, вызванная этой катастрофой, – проблема крымских татар, которая сейчас стала неотъемлемой частью правозащитного движения в СССР. До сих пор в Крыму нарушаются законы и указы о прописке крымских татар, о личной собственности, о праве на труд и проживание, безнаказанно чинятся произвол и насилие, вплоть до ночных погромов.

Поэтому А.Некрич заканчивает свое исследование обращением 25 000 крымских татар в адрес Белградского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и собственным заявлением для печати «Смеем ли мы молчать?» – по поводу суда в Омске над Мустафой Джемилевым.

5/6A12. ГУСТАВ НААН. Власть и дух. «Looming», Tallinn, 1969, 12, перевод с эстонского Г.Соколовой для распространения с грифом ДСП в одном из социологических учреждений в Ленинграде, 1975, 32 стр.

Академик Эстонской ССР, известный советский философ Наан в марксистских терминах сначала обосновывает право на самостоятельное рассмотрение бюрократического сословия и интеллигенции, на отвержение формулы: «Бюрократия и интеллигенция служат господствующему классу». Он замечает: «Интеллигенция

была кователем не только идеологии господствующего, но и вообще всех классов», «в определенных условиях бюрократия может свои сословные интересы успешно противопоставлять всему обществу, в том числе и господствующему классу». Бюрократия нужна: «Сложным, многоликим, противоречивым, становящимся все более мощным техническим обществом нельзя управлять с помощью любителей, дилетантов. Это <...> надо делать на профессиональном уровне».

Но «управление и связанные с ним манипуляции становятся в глазах бюрократии какой-то ценностью самой по себе, происходит живая, но бесплодная суэта, своеобразный социальный онанизм». Для обуздания этих поползновений «самым мощным инструментом в руках господствующего класса является разделение власти и духа <...> как конфликт между бюрократией и интеллигенцией». Общество кибернетически есть единство консервативных (стабилизирующих) и оперативных (легковозбудимых) элементов. «Интеллигенция – это социальное сословие, которое больше всего заражено предрассудками будущего, которое чувствует приближение кризиса, когда другие не хотят еще и слышать об этом». «Интеллигенция знает, что важнейший долг ее – говорить обществу неприятности». «Низкий болевой порог способствует тому, что интеллигенция склонна видеть катастрофу там, где приближается только авария <...> Настоящий интеллигент поэтому очень плохой правитель».

«В сознании бюрократа мотивы его действий трансформируются до неузнаваемости. <...> Мир бюрократа – мир бумаг, документов, законов, директив, указаний, предписаний, инструкций, резолюций. Происходит своеобразная познавательная инверсия: не бумаги отражают жизнь, а жизнь сама что-нибудь стоит постольку, поскольку она воплощена, реализует установленные бумагами схемы. И так и должно быть, подчеркивает автор, иначе бюрократ психологически не смог бы выполнять свои функции и общество развалилось бы. Эти соображения положены в основу сравнительного анализа истории Англии, Франции и России за последние 300 лет. Подобраны выпуклые антиинтеллигентские цитаты из Николая II, рейхслейтера Лея, Геббельса и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Классы и сословия. Бюрократия и бюрократизм. Пережитки будущего. Перенапряжение гаек. Тайна всемогущества бюрократии. Наш кретинизм единственно правильный. Порочный круг информации.

5/6А13. Вацлав БЕЛОГРАДСКИЙ. Литература как критика банального зла

В статье Вацлава Белоградского собственно литературе уделено очень темного места – небольшой заключительный раздел. Основное содержание статьи – это характеристика «банального зла», т. е. зла, совершаемого функционерами от имени государства и потому теряющего личностный характер, находящегося как бы вне человеческой морали. Термины «банальный», «банализация» не кажутся самыми удачными; точнее было бы «организованное насилие» или «административно-обусловленное преступление» или «отчужденное зло». В качестве выразительного примера «банального зла» автор разбирает фигуру известного нацистского преступника Эйхмана, который, по мнению автора, только «действовал по инструкции», отдавая приказы о массовом уничтожении людей «в интересах государства». В этом разделе автор, по существу, прибегает к гиперболе, изображая Эйхмана не злодеем, а человеком, который «так и не понял, чем он, собственно, занимался» – не только рычагом, но и жертвой системы. Конечно, Эйхман должен быть оценен несколько иной меркой, чем пьяный хулиган, убивший прохожего в подворотне. Но едва ли можно полагать, как это делает автор, что «у Эйхмана не было оснований быть жестоким», и сводить его вину к тому, что он не умел пользоваться иным языком, кроме языка аппарата СС. Понятно стремление автора отметить роль бюрократического языка в осуществлении «банального зла», но у читателя может создаться впечатление, что этот язык – одна из причин, а не инструмент насилия. Эйхман был осужден как особо опасный преступник; он несомненно являлся таковым, и мы сделали бы ошибку, пытаясь объяснить его (и других подобных лиц) преступления наличием инструкций и других объективных обстоятельств. И они знали и знают, что они преступники, отсюда и стремление скрыть свои действия с помощью особого языка докладных и системы умолчаний (факты сокрытия массовых уничтожений с самого их начала хорошо известны). Несомненно, автор прав, привлекая внимание к развращающей безнаказанности лиц, совершающих преступления от имени государства. Безнаказанность и охрана от осуждения, действительно, могут создать, в конце концов, ощущение невинности.

Автор, вслед за Солженицыным, обрушивается на идеологию – не какую-либо конкретную, а идеологию вообще как причину «банального зла». Но идеология существует в том или ином виде во всех государствах, не будет ошибкой сказать, что государство без идеологии невозможно. Потому желательно было бы

уточнить, о какой идеологии и о каком типе государства идет речь (а именно о социалистическом государстве с необычайно широкими возможностями идеологического контроля и большим значением этого контроля в жизни общества).

Специальный раздел статьи называется «Банальность и власть». Здесь автор развивает сравнение национально-правовой (западной) и харизматической бюрократии. Автор избирает термин «харизматическая», исходя из схемы Вебера, который выделяет три типа власти – традиционную (например, королевская), правовую (например, президентская власть) и харизматическую, т. е. самодавлеющую, тоталитарную (диктатор). Автор применяет этот термин, утверждая, что слова «тоталитаризм», «фашизм», «правые-левые» потеряли свой смысл, с чем трудно согласиться; по-видимому, он хотел воспользоваться более обобщающим термином. Предлагаемая картина харизматической бюрократии не оставляет сомнений в том, что речь идет об СССР в первую очередь. В Самиздате и ранее встречалось немало критических и сатирических статей, направленных против «нашей» бюрократии; в данном случае автор пытается выступить с некоторыми обобщениями относительно ее свойств, но допускает при этом несколько неточностей. Он, например, утверждает, что «харизматическая бюрократия» пользуется языком, игнорирующим действительность. Это может означать, что бюрократия пользуется системой понятий, изображающей действительность не такой, какой ее видит большинство населения страны, или же предпочитает некоторые аспекты действительности замалчивать. Сам по себе язык (как система символов) игнорировать действительность не может. Далее автор утверждает, что власть в «харизматической бюрократии» принадлежит политическому комиссару. В СССР сейчас это понятие почти не употребляется. Несомненно, реальной властью пользуется аппарат ЦК КПСС, но его представители совсем не похожи на комиссаров времен французской революции. «Внутренняя иерархия харизматической бюрократии определяется степенью политической преданности», – пишет автор. На деле занятие определенного бюрократического поста часто определяется родственными связями, борьбой кланов и т.п.: политическая преданность является лишь входным билетом, само собой разумеющимся условием «роста». Автор совершенно верно отмечает, что харизматическая бюрократия любит прибегать к чрезвычайным мерам, ссылаясь на чрезвычайное положение в стране. Но трудно согласиться с тем, что она действует не по закону, а по обстоятельствам. На деле несовершенные, сковывающие инициативу законы используются достаточно скрупулезно, несмотря на

обстоятельства; сочетание беззакония и крючкотворства в деятельности бюрократии достаточно сложно. Словом, предлагаемая критика рассматривает бюрократию СССР упрощенно, поэтому «убойная сила» этой критики несколько снижена.

В конце статьи автор с большой теплотой отзывается о чешских писателях, противостоящих казенному языку и казенному догматизму – инструментам «банального зла» в обществе. Именно с этой частью статьи можно согласиться безоговорочно.

5/6А14. РОНКИН, ХАХАЕВ. Прошлое и будущее социализма. 1979, 323 стр.

Авторы статьи, не отождествляя социализм с его сегодняшними реальными тоталитарными воплощениями, пытаются показать, что критика социализма как разрушительного учения, ставящего своей целью «разрушение семьи, религии, государства, науки, частной собственности, введение принудительного равенства и, как следствие этого, полное подчинение человека коллективу, т. е. уничтожение личности» бьет не по адресу, не затрагивает сущности социализма. Для этого приводятся многочисленные примеры неоднозначного отношения теоретиков социализма ко всем этим вопросам, и из анализа единственно общего для всех оттенков этого учения отрицательного отношения к торговле и товарно-денежным отношениям делается вывод, что социализм является реакцией на производное от этих явлений отчуждение индивидуума от социума.

«Товарно-денежные отношения стали той скорлупой, под защитой которой сформировался невиданный ранее птенец, личность, осознающая себя, индивидуальность». Но, став личностью, человек осознал необходимость социальных связей, ибо личность может существовать только как элемент сложной социальной системы. Отвергнув пути, человек возжаждал коммуникаций. Отвергнув опеку со стороны общества, он захотел заботы. «Отчуждение от социума, сделавшее возможным возникновение индивидуальности, стало осознаваться как ущербность, мешающая ее дальнейшему развитию».

Исходя из переформулированного марксистского постулата о «базисе и надстройке» – «способ управления обществом определяется уровнем, которого достигла его технология» – авторы статьи связывают свою надежду на разрешение проблемы отчуждения, т. е. торжество подлинного социализма, со «второй промышленной революцией», которая сделает возможной замену экономического принуждения «индикативным способом управления», т. е. убеждением.

Экстраполируя существующие тенденции на будущее, авторы считают возможным утверждать, что «производство знаний станет важнейшей отраслью человеческой деятельности, а интеллигенция станет основной силой общества». Между тем в силу специфики производства информации его оптимальное регулирование должно носить иной характер, нежели регулирование промышленного производства. «В отличие от прочих продуктов человеческой деятельности, информация не распределяется, а распространяется» и «может распространяться и уже частично распространяется по потребности». «Поскольку получение информации – труд творческий, постольку сам процесс и удовлетворение любознательности могут служить стимулами сами по себе». А став основной сферой, производство знаний «подчинит своим законам и остальные виды человеческой деятельности».

«Отход от экономического способа управления поведением человека и, следовательно, от товарно-денежных отношений, означает, что на смену ему приходит новый способ регулирования – индикативный, при котором согласование деятельности достигается не путем внеэкономического или экономического принуждения, а путем добровольного следования совету или доказательству».

Условиями осуществления индикативного управления являются:

1. «Низкий уровень социальных противоречий, обусловленный высоким уровнем развития техники и культуры».
2. «Высокая компетентность и объективность советов» («рекомендательного, индикативного органа управления»).

5/6А15. С.ЛЕВИН. Социализм? 1977, 22 стр.

Откликаясь на возродившийся в русской мысли интерес к проблемам «социализма», особенно в связи с отношением между социалистическими концепциями и социалистической действительностью, автор кратко анализирует многократно повторявшийся в истории процесс реализации социалистических идеалов на разных стадиях развития духа и в разных исторических контекстах.

От платоновской попытки увлечь тирана сиракузского идеей устранения частного, конкретного из публичной жизни ради торжества абсолютного, абстрактного государства и от древнехристианских «коммунистических» стремлений построить гармонию личных человеческих отношений на самоограничении и воздержании до вступления западноевропейского революционаризма в

открытую борьбу за власть как единственный двигатель рационализации социальной жизни и до большевистского строительства «высшей формы общества», сияющей своей «организованной атрофией личного существования», прослеживается связь между социалистическим мышлением и социалистической деятельностью.

Анализ базируется на философии диалога Мартина Бубера:

«Не обращаясь лицом к другому, не расширяя свое сознание сознанием другого, Я желает утвердиться как Мы. <...> Общие объекты совместной человеческой деятельности создают иллюзию достижимости этой цели. Но сама человеческая природа ставит пределы всяким попыткам в этом направлении. Можно подчинить свою человеческую деятельность определенной объективной цели, нейтрализовав возможное противодействие физической расправой и экономическим давлением, но нельзя заставить человека каждое мгновение жить этой целью; можно отуманить человеческое сознание ложью объективных истин и сверхчеловеческих ценностей, но нельзя лишить человека его субъективности, в которой единственно заключена тайна его подлинной и конкретной реальности, истина и смысл».

5/6А16. А.А.ЗИНОВЬЕВ. За что боролись, на то и напоролись. Выступление в клубе интеллектуалов в Париже 30.11.78

Автор утверждает, что общество, которое построено в Советском Союзе, построено «в полном соответствии с мудрыми указаниями вождей и чаяниями масс». Ничего другого и не могло быть, так как «огромные общества строятся по определенным социальным законам, о которых, между прочим, основатели марксизма и их нынешние последователи даже не подозревали и не подозревают». И на Западе, если нечто подобное будет строиться, построится все равно нечто советскообразное. Хотя, в отдельных проявлениях, возможно, мягче; но эта разница непринципиальна.

Наши недостатки – суть продолжения наших достоинств: – Что такое массовые репрессии после революции и при сталинизме, как не народовластие в реальном его исполнении?! Это – подлинная свобода, доведенная до предела. Приводится ряд таких парадоксальных примеров.

«Если обратиться к истории, – все события революции и Гражданской войны – как бы маска над тем независящим от этих событий социологическим процессом, который создал современное общество. <...> Ведь чтоб Чапаев мчался с шашкой в развева-

ющейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то <...> А когда драматическая история пронеслась, выяснилось, что из этого получилось. – Контора осталась. Контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волоки-той и очковтирательством. <...> Когда общество сложилось, стало понятно, что Чапаев носился с шашкой наголо отнюдь не для того, чтоб спасти страждущее человечество, а для того, в частности, чтоб чиновники из аппарата всех сортов власти могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины».

В Советском Союзе коммунистический тип общества уже сложился и достиг зрелости. В каждой ячейке общества (завод, институт, больница и т.п.) есть все, что определяет картину общества: насилие коллектива над индивидом, распределение по принципу социального положения, карьеризм, лицемерие, халтура и т.п.

То, что общественный строй в Советском Союзе сложился естественно, в полном соответствии с социальными законами, страшнее, чем если бы это был результат захвата власти кучкой насильников. Советское общество – социальная пустыня. Чтобы жить в пустыне, нужна особая приспособляемость. (Эта мысль присутствует у автора в его других работах: «Зияющих вершинах» и «Светлом будущем».)

Только индивидуальная способность к сопротивлению может огромными усилиями и длительным временем что-то сдвинуть. Общество, к счастью, рождает недовольных и способных к сопротивлению. С этой точки зрения диссидентское движение – самое значительное явление в социальной истории СССР со времен революции.

Примечание референта. Все надежды автора связаны с диссидентским движением. Хотя на современном историческом этапе диссидентское движение в какой-то мере (там, где оно совпадает с правозащитным) спасает честь страны, но не определяет ее судьбу. Понятие нравственного возрождения у Зиновьева и Солженицына очевидно не совпадает. С блеском написанная статья носит в конечном итоге грустно фатальный характер.

5/6А17. А.ЗИНОВЬЕВ. О Сталине и сталинизме. «22», 10, 1979, стр. 128-136, рубрика «Русский вопрос»

Лаконично и глубоко, без присущего другим его эссе сортирного юмора, автор указывает два фактора, породившие сталинщину. Сначала заметим, что понятие «причина», хорошо работающее в простых ситуациях, чаще всего таких, как физика и химия, оказывается чрезмерно упрощенным и трудно применимым к социальнoисторическим вопросам, где действует множество сил; там удобнее вместо «причин» говорить о «факторах». Рецензенту кажется, что именно непониманием этого метаисторического обстоятельства объясняется возникновение яростного спора: что явилось причиной сталинщины (вариант – «коммунизма») – атаквстическое марксистское учение или душа русского народа? Зиновьев пишет:

«Время эмоций на эту тему прошло. Настало время не только обличать злодейство. но и подумать о его исторической сущности и истоках».

Он отмечает:

«нелепую иллюзию, будто в марксизме еще остались некие интеллектуальные высоты и тонкости, замолчанные или искаженные вульгаризаторами; будто существует некий истинный марксизм, не имеющий ничего общего с мрачными явлениями его в качестве идеологии коммунистического общества <...> Сочинения Сталина и явились той живой мышью, которую родила гора марксизма. <...> Если рассмотреть первоисточники марксизма доскональным образом с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было».

Позиция, чуть ли не на 100% совпадающая с позицией Солженицына или Бернштама. Но вот следуют слова, раскрывающие кардинальную противоположность взглядов автора и вышеназванных литераторов:

«Выскажу еще одну еретическую мысль, жертвы сталинизма – это лишь половина правды о нем. Есть другая половина, и именно та, что жертвы были помощниками и соучастниками своих палачей <...> Моя мать до самой смерти (она умерла в 1969) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет <...> и все-таки хранила портрет Сталина»,

хотя ее сын, автор, был антисталинистом с 1939-го, т. е. со своих 17 лет.

«Дело в том, что, несмотря на все ужасы сталинщины, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. <...> Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. <...> Народный вождь – не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. А иногда они сами глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и не в доктринах».

Если бы Солженицын был в состоянии признать эти высказывания Зиновьева, то получил бы великолепную базу под свое неприятие демократизма и проповедь авторитаризма. Автор же, исходя из такого диагноза, предсказывает, что повторение сталинизма невозможно, ибо

«Широкие массы населения сейчас уже лишены той власти над ближними, какую они обладали в сталинские времена. Эпоха буйного народовластия, к счастью, кончилась. А без самостоятельности массы населения никакой сталинизм невозможен».

В статье имеются мелкие, третьестепенные неточности, но они нисколько не затрагивают вышеизложенной основной сути ее.

ЛПН

Примечание. Редакция понимает, что для многих «еретическая мысль» Зиновьева является кощунственной; однако спор о таком «народовластии» отчасти имеет терминологический характер (см. также А.16.). Разумеется, не имеется в виду, что «неприятие демократизма и проповедь авторитаризма» полностью характеризуют политические взгляды Солженицына.

5/6А18. БОРИС ПАРАМОНОВ. Америка в тени Джонстауна. Континент, 19, 1979, стр. 223-237

Анализируется Джонстаунская трагедия 18 ноября 1978 года – акция массового самоубийства свыше 900 членов гвианской колонии Народного Храма. Фиксируется внимание «на несомненном

социалистическом характере» созданного его руководителем пастором Джонсом культа.

«Христианство воспринималось и трактовалось сектантским лидером как средство, а не цель. Формы жизни христианской общины были подменены социалистическими формами жизни. Это началось еще в Калифорнии, где Джонс произвел самую настоящую экспроприацию имущества своих последователей; вокруг секты он соорудил железный занавес, расценивая выход из нее как предательство. Внутри секты был установлен культ личности вождя – черта, характеризующая все известные типы человеческих обществ, хотя бы от Мюнстеровской коммуны до сталинского социализма. Гвианская колония была лагерем гулаговского типа. Наконец – и это главное – целью построенного Джонсом социализма оказалась смерть, причем не как результат бессознательных, иррациональных влечений, а можно прямо сказать, заранее спланированная».

Представив Народный Храм как точную модель социализма в трактовке Шафаревича, автор делает вывод об универсальном значении социализма, свидетельствующего «о глубинной дефектности самого человеческого бытия, о его имманентно деструктивных силах, таящихся внутри всякой национальности».

Высказывается мысль об опасности «догматически толкуемой идеи равенства, социальной справедливости во что бы то ни стало», поспешной либерализации общественной жизни. Распространение социализма связывается с появлением на Западе «интеллигенции в специфически русском смысле слова».

«Образование в западном мире интеллигенции, этой общественной группы, характеризуемой, по Федотову, “идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей”, есть показатель глубокого культурного кризиса. Кризис определяется утратой религиозных корней культуры. Утраченную религиозность заменяют социальная мечтательность и социальный идеализм. Интеллигенция есть их носитель».

Утверждается, что социализм можно преодолеть только на путях религиозно-национального возрождения.

5/6А19. А.АВТОРХАНОВ. Сила и бессилие Брежнева (политические этюды). «Посев», 1979, 328 стр.

«Самый высокий бюрократ самых выдающихся способностей, даже достигнув вершины власти, останется тем, кем он был, – орудием чужой воли. <...> Брежнев – исполнитель, который скрупулезно проводит в жизнь волю триединой реальной власти в стране: партаппарата, политической полиции и армии». В этом сила и бессилие Брежнева.

Хрущев не убил заговорщиков (и новые знали, что при неуспехе «их ждет не пуля, а пенсия»), не создал замены «внутреннего кабинета» Сталина и вступил почти в одновременный конфликт с чекистами (начал тысячами переводить их на пенсию), с парт-аппаратом (узаконив в уставе «принцип систематического обновления»), с генералами (увольнения), с центральной бюрократией (ссылая ее в провинцию для «децентрализации»). (У Сталина последовательность чисток была продуманной.)

Брежневу предстояло вернуть партии веру в сталинскую машину властвования. Гласная реабилитация Сталина вызвала бы новый переполох в стране и комдвижении, вместо этого было поручено военачальникам реабилитировать его как полководца, а институту Марксизма-Ленинизма – как вождя и ученика Ленина.

Автор – высокого мнения об умении Брежнева пользоваться всеми приемами «утонченных подвохов и интриг сталинской школы». Описано восстановление «внутреннего кабинета» (с краткой информацией о Черненко и «помощниках генсека»), методы замены ряда лиц своими ставленниками, шаги Брежнева по укреплению веры в себя как в послушный инструмент «коллегиального руководства». Высказываются сомнения в естественности смерти Кулакова и Гречко.

Представляет интерес гипотеза автора, что степень нездоровья Брежнева намеренно завышалась из соображений дипломатии – спешите заключить договор с умирающим «голубем», пока гнездо не занял «ястреб». Между тем опасность военно-революционных авантюр при Брежневе более реальна, прогнозирует Авторханов, чем при Сталине и Хрущеве, в частности в связи с развитием вооруженных сил; «впервые при Брежневе СССР стал великой военно-морской державой». Проведена «ревизия ревизии» Хрущева и произошел негромгласный возврат к ленинской концепции неизбежности войн (имея в виду ограниченные войны), полуснят тезис о возможности парламентского перехода к социализму. Приводятся интересные цитаты из изданного Министерством обороны учебника М.СКУРО «Народ, армия, полководец», 1970; например: «Политическое руководство указывает стратегическому, где и как должны быть использованы Вооруженные силы. <...> Но при этом сохраняется определенная самостоятельность высшего военного руководства». СССР отчетливо держит курс на превосходство сил – без упрямства Сталина, без импровизаций Хрущева, без показной саморекламы. При этом автор выступает против отождествления русского и советского империализмов.

Основными чертами эры Брежнева автор считает милитаризацию, ресталинизацию, коррупцию и разложение, рост дистанции между «верхами» и «низами» (приводятся факты из жизни привилегированного класса в подтверждение шутки: «коммунизм – это кому – на, кому – ни»), появление диссидентства, пробуждение национального самосознания.

Анализируется трилогия Брежнева под ключом того, как тот пытается переписать историю. Здесь, как и во всей книге, рассыпан ряд замечаний скорее остроумных, нежели глубоких (например, каков смысл слова «мир» в лозунге «борьба за...»?). Вообще, многое в концепциях автора не проникает в глубину явлений, следует штампам, имеются элементы халтуры – повторения, рас- согласования, небрежности в мелочах.

Эпилог посвящен доказательству тезиса, что революция вовсе не обязательно «губительна для народов, среди которых происходит». Та или иная форма революции неизбежна для России (при этом автор исходит из «производительных сил – производственных отношений»). «Количественная» индустриализация сменяется «качественной» (требующей творческой свободы), количественное распространение образования сменяется духовной революцией («первой жертвой “культурной революции” стало невежество, ее последней жертвой будут сами большевики»). Предсказывается возникновение революционного терроризма, но предполагается возможным и мирный переход власти в руки народа – «при всеобщем давлении народа». Идеальный мирный вариант революции – верхушечный переворот с антикоммунистической идеологией (?).

О.Ободов

5/6A20. Соломон Цирюльников. **Ближневосточный мир: реалии и прогнозы.** *Время и мы*, 40, 1979, апрель, стр. 110-119

В статье оценивается политическая ситуация на Ближнем Востоке после заключения израильско-египетского соглашения о мире и делаются некоторые прогнозы, касающиеся внутренних и внешних перспектив Израиля. Наступивший «мир без радости, мир двусмысленный и вымученный, мир, хромающий на обе ноги» объясняется как «продукт равновесия сил», при котором ни арабы не в состоянии «сбросить Израиль в море», ни Израиль не может «навязать арабским странам израильскую модель урегулирования». Будучи миром по необходимости, «американским миром», связанным со стремлением Соединенных Штатов в

контексте глобализации ближневосточного конфликта сколотить американо-египетский блок, он не разрешает палестинскую проблему и оставляет открытым вопрос о будущем Иудеи, Самарии и сектора Газы. Отмечая противоположность концепций главы израильского правительства Бсгина и арабского мира, включая Египет, относительно палестинской автономии, автор вместе с тем считает, что в пятилетний переходный период, предусмотренный планом автономии, «совместными усилиями можно создать базу для удовлетворения жизненных, национальных интересов израильского и палестинского народов». Для этого требуется отказ от иллюзий с обеих сторон, признание безусловного права обоих народов на национальное самоопределение и национальную безопасность. Путь к разрешению конфликта – «временное сохранение» оборонных позиций Израиля, «установление демилитаризованных зон, а может быть, и частичное изменение границ».

На основании этого анализа ситуации прогнозируется наступление критического момента, когда правительственные партии Израиля вынуждены будут дойти до «последней черты»: «либо поступиться своей программой, предполагающей увековечение израильской власти над контролируемыми территориями, либо поставить под угрозу израильско-египетский мир. Предвидится, что «достигнутое соглашение либо будет расширено до всеобщего мира между Израилем и арабскими странами, либо его не будет вовсе». Наконец, особое внимание обращается на проблему израильско-советских отношений. Здесь высказывается предположение, что «если израильско-египетское соглашение выдержит испытание временем, Советский Союз вынужден будет искать возобновления отношений с Израилем».

Подразумевая под сионизмом «национальное освобождение, а не господство над другим народом», автор статьи призывает к повороту.

5/6А21. Даниил Фил. **Немного статистики.** *Евреи в СССР*, 20, Москва, 1979, стр. 207-237

Анализируется изданная в СССР с 1945 по 1978 литература об истории еврейства и его современной жизни. Показано, как с годами менялось количество книг по еврейскому вопросу – от 7 в 1945 до 0 в 1950-55 годы, и затем по 20-40 в 70-е годы – и их содержание: если в 40-е годы выходила, правда, небольшими тиражами и, как правило, не на русском языке, литература, «посвященная героизму и страданиям еврейского народа в годы Великой Отечественной войны», то в 50-е – начало 60-х годов ее место занимает

«атеистическая литература, направленная против иудейской религии, за которой в конце 60-х годов последовали, постепенно отодвигая назад, занимая, уничтожая почти всю остальную литературу об еврействе, «книги по антисемитизму, носящие далеко не только антиссионистский характер».

Отмечается «нарастание озлобленности» этой литературы: «антиссионизм переплелся с оплевыванием всего еврейского». «Буквально не оставлено камня на камне от истории, религии, быта, традиций, культуры еврейства. Все подвергнуто ожесточенным нападкам: прошлое и настоящее, обычное и святое».

В приложении дается список книг по истории евреев, опубликованных в СССР в 1945-1978 годы. О многом здесь говорят одни наименования: например, среди книг, изданных в 1975 году, мы находим: «Империалистическая сущность сионизма», «Горе полной чашей (сборник статей, писем, докум. о сионизме и его жертвах)», «В сговоре с палачами (о сионистах)», «Сионизм и расизм», «В капкане (о сионизме)», «Черные сотни сионизма» и т.д.

5/6A22. Михаил Линецкий. **Карл Маркс и евреи.** *Евреи в СССР*, 20, Москва, 1979, стр. 156-197

Исследуются биографические истоки «юдофобства» К. Маркса: Оторванность от еврейской культуры, воздействие официальной «христианской» идеологии, проникнутой антииудейским духом, влияние «антисемитского интеллектуала» Бруно Бауэра, разлад отношений с родственниками, оставшимися в иудейской вере. Его «юдофобство» иллюстрируется в отношениях с Гессом, Гейне, Лассалем.

Приводятся высказывания К.Маркса об истории и национальном характере еврейского народа. Отмечается его слабое знание истории евреев, очень поверхностное знакомство с Библией, сочетавшееся с неоправданной категоричностью суждений. «В понимании К.Маркса <...> весь иудаизм укладывается в одном слове: торгашество». «Он достиг самых вершин юдофобства, когда обвинил евреев в том, что они считают себя «вправе обособляться от человечества, принципиально (!) не принимая никакого участия в историческом движении». Вместе с тем упоминаются отдельные проявления положительного или сочувственного отношения Маркса к евреям, объясняемого «скрытой, почти подсознательной ностальгией, которая теплится в сердцах многих даже глубоко ассимилированных евреев».

Подробному анализу подвергнуты взгляды Маркса на «Еврейский вопрос», изложенные им в двух статьях под общим заго-

ловком «К еврейскому вопросу» и повторенные в книге «Святое семейство». Марковский рецепт решения этого вопроса, выраженный в его собственной формулировке: «Эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация общества от еврейства», интерпретируется как содержащий в себе «неопределенную, но вполне реальную угрозу» физического истребления еврейского народа. С «юдофобством» Маркса связываются и его презрительные выпады против других народов.

5/6А23. АНАСТАС ТЕРЛЯЦКАС. Еще раз о евреях и литовцах. *Континент*, 21, 1979, стр. 213-225

В журнале «Евреи в СССР» была помещена статья Т.Венцловы, посвященная проблеме вины литовцев за трагедию евреев в Литве в годы немецкой оккупации (было уничтожено около 200 тыс. евреев). Венцлова говорит:

«Как понять то, что было? Когда речь идет о смерти и неправимой вине, всегда можно привести множество рациональных и детерминистических объяснений, но в конечном счете они ничего не стоят. <...> Ничто на свете не изменит факта, что <...> литовцы на глазах у литовской толпы уничтожали беззащитных людей – даже тот факт, что в двадцатом веке многие, чуть ли не все, народы творили нечто подобное. И я, литовец, обязан говорить о вине литовцев. <...> Мы должны навсегда понять, что уничтожение евреев – это уничтожение нас самих...»

На статью Венцловы в литовском самиздатском журнале «Аушра» была критика, автор которой скрылся под псевдонимом Жувинтас. Полемике с Жувинтасом и посвящена статья Терляцкаса.

1. ЖУВИНТАС: евреи в июне 40-го года встречали Красную армию с цветами, этим они выказали литовскому народу неблагодарность, за что и были наказаны год спустя.

ТЕРЛЯЦКАС: положение евреев в литовской республике было хорошим, «вряд ли где в мире в то время евреи имели такие условия для развития национальной культуры», но евреи не были уравнены в правах с литовцами (например, они не могли владеть землей и т.п.), они принимали участие в государственном самоуправлении, но с приходом к власти Сметоны были от него устранены. Этим воспользовалась сталинская пропаганда, обещавшая евреям устранение всех правовых ограничений. Главная, по мнению Т., причина лояльного отношения евреев к советской власти была в

том, что немецкая оккупация сулила им концлагеря, гетто и смерть. «Почему они не подумали о нашем народе? Когда в июне 41-го восторженно встречали немецкую армию, много ли мы думали о евреях? <...> Почему же мы не понимаем евреев, которые имели аналогичные, если не более веские, причины радоваться приходу Красной армии?»

2. ЖУВИНТАС: Среди энкаведистов было много евреев, в их числе изощренные садисты.

ТЕРЛЯЦКАС: Выделялись ли евреи на фоне литовцев-энкавкдистов?!

3. ЖУВИНТАС: Евреи составляли большинство в ЛКП.

ТЕРЛЯЦКАС: До сих пор не опубликован национальный состав ЛКП в период между войнами. Используя косвенные данные, Т. предполагает, что число членов ЛКП было около 600 человек, и даже если половина из них были евреи, – «но в чем виноваты те 200 тыс. убиенных? Как-то несерьезно даже пояснять, что в 1940 году советскую власть поддерживали не только евреи».

Автор опровергает ряд других излюбленных антисемитами обвинений против евреев («Евреи всегда помогали противникам Литвы», «Евреи, преследуя свои национальные интересы, отличаются кастовой замкнутостью, в любых ситуациях евреи поддерживают евреев», «Евреи превалировали в торговле, извлекая барыш из литовцев»). Он говорит далее, что те, у кого рука поднялась на евреев, убивали и своих земляков (приводя в качестве примера биографию одного из литовцев, расстреливавшего евреев, а впоследствии служившего в ведомстве Берии).

Антисемитов среди литовцев была горстка, многие литовцы помогали евреям, – но (цитата из Т.Венцловы) «каждый совершенный грех отягчает совесть всего народа и совесть каждого в нем».

Коснувшись позиции литовской католической церкви по еврейскому вопросу в годы немецкой оккупации, автор говорит о священниках воспринявших расстрел евреев как позор и горе литовского народа (Пятрас Раудуве), но были священники молчавшие, вслед за папой Пием XII. Молчание папы «стоило великого множества жизней и навлекло на Ватикан несмываемый позор». В 1948 году папа отказался принять письмо литовских верующих, доставленное в Рим ценою 9 жизней, из этого факта автор «сделал вывод, что равнодушие к иудеям порождает такое же равнодушие и к судьбам миллионов христиан».

Приводится цитата из обращения 1973 года французских епископов: «Антисемитизм – наследие языческого мира, но в христианском климате он закрепился благодаря псевдотеологическим аргументам. Евреи достойны нашего внимания и нашего уважения, временами нашей дружеской и братской критики и всегда – нашей любви».

В конце автор говорит: «Почтим память погибших евреев. Их братские могилы поросли мхом. Церковь может взять на себя инициативу, чтобы на месте расстрелов евреев были поставлены памятники. В День поминовения принесу я венок на венченельское кладбище, к братской могиле, где преданы земле линкмянские евреи. Надеюсь, что в этот день я буду не один».

5/6А24. Польский Аноним. Нация – религия – миссия – ответственность. *Континент*, 20

Статья является как бы рецензией и полемикой с некоторыми авторами сборника статей «Из-под глыб». Автор считает, что относиться к нации как к трансценденции, равной Богу, ошибочно и опасно. Национальная принадлежность не тождественна религиозной, хотя они оказываются тесно связанными в том случае, если национальное угнетение осуществляется людьми иной веры или атеистами. Нация, в противоположность религии, не есть источник истины. Автор скептически относится к предположению, что нация может «иметь миссию» или «искупать вину». Он считает, что это подразумевает коллективную ответственность, которая (заменяя индивидуальную ответственность и мораль) может быть источником бесчеловечности, преступлений и убийств – во имя «общего дела».

Автор признает, что реальными выразителями ответственности нации обычно бывают ее лучшие люди – в первую очередь писатели.

Выражено сомнение в том, что русские могут указать выход из «этого лабиринта» (имеется в виду внутривосточная ситуация в социалистических странах), так как если бы они его знали, то не сидели бы в лабиринте «по уши». «Кроме того, – грустно замечает автор, – миру очень хочется построить социализм – европейский, африканский, еще какой. Наши свидетельства – ему помеха». Хочется выразить удовольствие по поводу формулировок и специфического национального юмора автора.

В заключение Польский Аноним разбирает польско-русские отношения в историческом аспекте и приходит к выводу, что, как ни считай, Польша вряд ли находится в долгу у России. Хоро-

шим же отношениям в настоящий момент, считает автор, мешает презрение поляков к русским, ненависть и недоверие русских к полякам. По поводу этого категорического утверждения хочется высказать следующее: не испытывая к Польскому Анониму ни ненависти, ни недоверия, все же полагаю, что польско-русские отношения между авторами нелегальных статей не стоит сводить просто к искоренению традиционного недоброжелательства (т. е. – к чисто моральной стороне дела). У тех и других могут найтись достойные общие политические задачи. И если бы, например, в результате объединенных усилий польских и русских инакомыслящих русские войска покинули Польшу, то ничего лучшего для укрепления польско-русской дружбы нельзя было бы и представить. После этого – презирайте на здоровье! Я лично только порадуюсь проявлению традиционной амбициозности нашего достойного единомышленника.

В.А.

5/6А25. Священник ГЛЕБ ЯКУНИН. *Московская патриархия и «культ личности» Сталина (окончание). Русское возрождение*, 2, 1978

Автор продолжает рассматривать историю взаимоотношений Московской патриархии с «культом личности» Сталина. С началом войны, а особенно в послевоенный период, у руководства Московской патриархии, осыпаемого щедрыми милостями («официальная резиденция – бывшее германское посольство <...>, полуофициальная усадьба в Переделкине, частные шикарные дачи <...> Питание из Кремлевского распределителя, большой лимит телефонного разговора лично со Сталиным <...> Правительственные награды»), появилось, пишет автор, предчувствие великих перемен, а именно «скорого наступления момента, когда Сталин – «Новый Константин» распустит <...> компартию, провозгласит страну панславянской православной империей и, испросив у Московского Патриарха венчание на Царство, введет православие официальной государственной религией». Сталин уже не просто орудие в руках Божиих, а, как говорит о нем Патриарх Алексей, он – избранник Божий.

«Вот каким неожиданным путем, – пишет о. Глеб, – восторжествует на Руси гениальная идея “Москва – III Рим”». С особенной силой это ожидание проявилось во время празднования 800-летия Москвы, в частности, в Патриаршем Послании. Москва – «III Рим» – становится мировым центром православия, куда как к «старшей сестре» в поисках моральной и материальной

помощи наносят визиты высшие восточные иерархи, также связывающие с Москвой мессианские чаяния. Одновременно с возвышением III Рима происходит принижение «II Рима» – Константинопольского престола – и выявляется резко отрицательное отношение к Западу, протестантизму, а в особенности к Риму I, Ватикану, который обвиняется, в частности, в содружестве с фашизмом и американским империализмом. Самым сильным проявлением вражды к католической Церкви стал насильственный отрыв «униатов» греко-католической Церкви от Рима и присоединение их к Московской Патриархии» в 1946 году.

В последние годы жизни Сталина мессианские надежды церковных руководителей стали прямо связываться с личностью Сталина. О.Глеб приводит, например, такой пассаж митрополита Николая Ярушевича: «<...> Зорки очи его, крепка рука, указывающая людям дорогу жизни, мерно бьется его всеобъемлющее сердце, вобравшее в себя всю боль страждущих, исполненное великой любви к людям. Он не дает обречь на новые муки человечество, недавно им спасенное». Болезнь и смерть Сталина повергли Московскую патриархию в глубокую скорбь. На панихиде Великий Вождь поминался как Генералиссимус Иосиф, вместо обычной формулы возгласения имени умершего «Раба Божьего».

Причину такого нравственного и духовного падения церковного руководства о.Глеб видит в том, что Московская патриархия «встала на небывалый в истории путь отречения Церкви от своих мучеников и исповедников» (впервые в интервью митр. Сергия в 1980). «Забвение памяти новых русских мучеников и торжественное церковное возгласение «Со святыми упокой» и «Вечная память» новопреставленному Генералиссимусу Иосифу в Елоховском кафедральном соборе 9 марта 1953 года – единый органичный процесс духовно-моральной деградации «Сергиянства». Что касается воплощения надежды «Москва – III Рим», то «как при всякой прелести, вслед за оболещением и тут последовал жестокий удар о действительность». К 1965 году свыше 10 000 – более половины действующих православных храмов было закрыто.

В заключение о.Глеб пишет: «Культ личности Сталина уже историческое прошлое; стоило ли его ворошить? Стоит ли заглядывать в эту бездну нравственно-духовного падения, невиданную во всей прошедшей церковной истории? Мы отвечаем с полной уверенностью: не только стоит, но совершенно необходимо. Необходимо потому, что без этого с риз Московской патриархии не может быть смыто позорное пятно, а пока оно не смыто, духовное возрождение Русской Церкви немислимо. <...> Необходимо потому, что нераскаянный <...> грех, по учению Святых

Отцов, – корень греха еще более тяжкого <...> И наконец, церковное покаяние и осуждение служения Московской Патриархии “культу личности” Сталина необходимо потому, что Церковь получила грозное предупреждение от Самого Господа Иисуса Христа о явлении в конце истории «человека греха» и «сына погибели» (2 фесс. 2,8) – антихриста и его предтеч, одним из которых был Сталин».

Р.Г.

5/6А26. Декларация деятельности Группы Всесоюзной Церкви Верных Свободных Адвентистов Седьмого Дня по правовой борьбе и расследованию фактов преследования верующих в СССР

Качественно новый этап в религиозном движении в СССР начался с возникновения внутри этого движения правозащитных групп. В 1964 году был образован Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов. (Нужно отметить, что в среде интеллигенции организованное правозащитное движение началось на 5 лет позже.) Совет существует поныне, издает Информационный Бюллетень. Состав Совета не оглашается.

30 декабря 1976 года при Московской Хельсинкской группе был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР во главе с о.Глебом Якуниным. Несколько позже аналогичный комитет был образован католиками в Литве.

Декларацией от 11 мая 1978 года оповестила о своем создании еще одна религиозная правозащитная группа – Группа Всесоюзной Церкви Верных Свободных Адвентистов Седьмого Дня.

В Декларации дается длинный перечень преследований, которым подвергаются верующие в Советском Союзе (аресты, избиения, помещение в психбольницы, штрафы, лишение родительских прав и т.д.). Именно этими преследованиями, необходимостью их разоблачения и правового идейного сопротивления диктатуре госатеизма вызвано, согласно Декларации, создание группы. Исходя из этого формулируются ее конкретные задачи:

- «собирать информацию и жалобы от преследуемых различных религий, расследовать факты произвола и предавать их гласности»;
- «обращаться с жалобами и протестами как в местные органы СССР, так и в международные организации, к правительствам государств, подписавших Заключительный Хельсинкский Акт»;

- «заниматься юридически-просветительской деятельностью»;
- «оказывать всестороннюю помощь преследуемым и их семьям» и т.д.

В Декларации далее говорится: «Группа не ставит своей целью заниматься антигосударственной деятельностью, направленной на подрыв авторитета чистой государственности» <...> «Главной целью группы является разоблачение и идейная борьба с преступной и деспотической религией атеизма-материализма-эволюционизма и ее незаконным, преступным, блудным соединением с государством».

Декларация заканчивается призывом к поддержке, обращенным ко всем правовым организациям мира и главам правовых государств.

Под Декларацией поставлены подписи руководителя группы Ростислава Галецкого, секретаря Леонида Самойлова, членов группы Нины Кузнецовой, Любви Сытниковой, Людмилы Стрельниковой, Надежды Присыпко, Анны Зубаревой.

Текст Декларации попал за рубеж и был перепечатан журналом «Вестник русского христианского движения» (126).

5/6А27. АДАМ КУЗНЕЦОВ. Бедность народов. Поиски, 4 (1978) – 5 (1979), Москва

Как на заре экономического самосознания общества свободного предпринимательства Адам Смит, исследуя факты, способствующие росту богатства народов, выражал царивший в нем оптимизм и веру в непрерывный прогресс, так Адам Кузнецов эпохи «развитого социализма» выражает ее глубокий пессимизм и разочарование, исследуя причины бедности народов. Возможно, его исследованию недостает строгой научной базы, неоспоримых цифр и авторитетных ссылок: автор может опереться лишь на свой собственный опыт, достоверные рассказы знакомых, отдельные критические материалы в прессе и немногие доступные статистические данные, т. е. на то, о чем «знают все», что «делается повсеместно».

Он не делает открытий, не разоблачает, даже не вступает в полемику с верующими в преимущества плановой социалистической экономики – он берет ее такой, какая она есть, какой она не может не быть, и бесстрастно анализирует ее, показывая, как работают отдельные ее узлы, какая связь между ними, что ими управляет. В результате перед читателями возникает весьма удручающая и бесперспективная картина.

Рабочие «сознательно и целеустремленно стараются работать вполсилы, чтобы не дать администрации возможность увеличить норму». Из системы оплаты рабочих вытекают такие хронические болезни социалистического производства, как штурмовщина и текучка – два крайних оружия в борьбе против нормы, одно – администрации, другое – рабочих.

В сфере обслуживания советского потребителя ожидает «везде за всю удобную безответственность, которой он пользуется в качестве производителя». И мы привыкли «терпеть, изворачиваться, приспосабливаться, сносить обиды, забывать унижения». Экономические успехи «шабашника» прекрасно иллюстрируют иррационализм и неэффективность плановой экономики в этой сфере.

То же самое в сельском хозяйстве иллюстрируют известные данные, что 33% коров, 40% яиц и 60% картофеля создается в стране личным «надрынным, сверхурочным, стариковским и бабьим трудом на полутора процентах отечественной пашни».

Определяющее качество руководителя производства – полная управляемость, умение «беспрекословно отключить» свою «способность мыслить здраво и принимать оптимальные решения, <...> если она придет в противоречие с требованиями начальства». Проектировщики-конструкторы не заинтересованы в улучшении производимых товаров. Производятся собственно не товары, а показатели. Отсюда непереносимое стремление предприятий к утяжелению и удорожанию продукции, сокрытие резервов, круговая порука, боязнь нововведений, модернизации оборудования и в конечном итоге низкое качество продукции. Фиктивной, бумажной остается во многом связь между наукой и производством. И все это дополняет величайшая коррупция на всех уровнях, процветающая несмотря на многообразие органов контроля.

Завершая свою работу, автор задается вопросом – есть ли выход? Он интерпретирует позиции «лояльных» и «диссидентских» критиков социалистической системы хозяйствования, демонстрирует невозможность выхода в рамках настоящей политической системы и <...> при всей своей апологии рыночной системы пессимистически утверждает «необратимость социалистических преобразований». Этот вывод может показаться парадоксальным, тем более что сам автор все-таки выражает в конце надежду, что «рано или поздно <...> впереди вновь забрезжит развитие, новый поворотный момент». И поэтому частично справедливо критикует Кузнецова в послесловии К.Буржуадемов за то, что он не сделал «логического» вывода из собственного исследования, – не призвал к «возрождению рыночного регулирования». Но лишь

частично. Вывод этот логичен в плоскости сравнения, сличения разных форм хозяйствования, в плоскости выбора между ними. Но на наш взгляд не в этом *message* исследования. Суть сказанного автором – в том, что экономика СССР является производной от политики, и, значит, выход из экономического тупика нельзя искать в сфере чистой экономики. Но и нельзя рассчитывать на политические преобразования и даже желать их, когда они угрожают полным развалом экономической жизни страны, крахом и анархией. Замкнутый круг? Безвыходная ситуация? Да, если мы останемся в двумерном измерении. Но остается еще путь наверх. О нем-то, к сожалению, и забывает автор обозреваемого исследования, критикуя «диссидентскую» литературу за невнимание к «собственно хозяйственно-экономическим вопросам». «Собственно» их нет.

С.С.

Примечание. Тяжелые преследования (см. Приложение I), которым подвергся журнал «Поиски», вызывают глубокую тревогу. Редакция «Суммы» всегда считала «Поиски» чрезвычайно близким по духу и целям изданием. «Поиски» всегда были направлены на развитие взаимопонимания людей, на консолидацию всех конструктивных сил нашего общества, на поиски духовного единства. «Сумма» неоднократно реферировала и использовала материалы «Поисков», и предполагает делать это в дальнейшем. Надеемся, что преследования не прервут благородную деятельность авторов и сотрудников журнала «Поиски», не остановят этого необходимого для всех нас издания.

5-6А28. В.С.ЗАХАРОВ. Размышления об эмиграции. 1978, 18 стр.

Автор рассматривает проблему нынешней эмиграции интеллигентов из России в нравственном и психологическом аспекте. Он приходит к выводу, что истинные мотивы добровольных отъездов, как правило, личные. Уезжают потому, что хотят «лучше жить». Казалось бы, можно относиться к этому так же, как к переезду в другой город ради лучших условий или из-за того, что не удалось сработаться с начальством. Но есть фундаментальное различие. «У человека есть не только неотъемлемые права <...>, но и неотъемлемые обязанности, а осознание этих обязанностей – то, что называется чувством ответственности, – и их выполнение занимает далеко не последнее место среди факторов, делающих человека человеком». «Но для того, кто оторвался от своих корней, выполнение обязанностей затруднительно – не только перед

страной, но и перед друзьями и даже перед своими детьми». «Разрыв моральных связей со своей страной дает толчок к распаду и других человеческих связей».

Часто отъезд мотивируют демократическими, религиозными или национальными идеалами. Это, по мнению автора, идеологический маскарад. «Истинно исповедуемая идеология пропитывает душу, ее не сменишь, как костюм. На самом деле эти люди меняют всего лишь объект лояльности – проще говоря, хозяина. Идея хозяина – центральная в их мировоззрении, потому что в основе своей это мировоззрение рабское. Раб сидит с детства в каждом из нас, его нужно «выдавливает по капле», а они «провозят раба в целостности и сохранности через все границы».

Конечно, не все отъезжающие – «идейные». Многие объясняют отъезд желанием избавиться от стеснений. «Но есть ведь другой, более достойный способ встречать стеснения и дискриминации – бороться». «Само собой, для борьбы больше нужно, чем для бегства». В частности, «бежать можно и поодиночке, а бороться – только сообща». В качестве примеров возможных форм борьбы указываются издание неофициальных научных журналов, организация научных семинаров, создание неофициальной параллельной системы образования.

Автор считает, что ориентирующиеся на отъезд сохраняют в наиболее чистом виде систему ценностей, свойственную «простому советскому человеку», которую он характеризует как потребительскую, так как она основана на психологии раба, получающего все блага не как плату за труд, а как господскую милость. При этом «ни в чем потребительский характер их системы ценностей не сказывается так ярко, как в их понимании свободы». «Свобода для них есть нечто такое, что кем-то дается <...> Им абсолютно чуждо представление о том, что свободу нужно завоевать. Они хотят получить ее даром. Им невдомек, что свободу никто еще даром не получал и не получит!» «Не менее чуждо им и представление, что свобода означает не только отсутствие внешних запретов, но и ответственность <...> , и вообще, что свобода – не только внешнее, но и внутреннее состояние».

По поводу мотивировки отъезда заботой о будущем детей говорится, что если хотеть для них большего, чем потребительские ценности, то «надо прежде всего позаботиться о культурной среде», а освоение чужой культурной среды «отчаянно трудно» не только для человека, «пересаженного» в нее хотя бы в детстве, но даже для родившегося уже на новом месте от родителей-эмигрантов.

Такой видится автору общая картина эмиграции. Отмечая, что есть и особые случаи, он выделяет один из них – вынужденную эмиграцию оппозиционных общественных деятелей. «Не тех, для которых “диссидентство” – хлопанье дверью при уходе или просто способ скорее уехать, а людей действительно мужественных <...> Если кто-то из них, устав от постоянного изматывающего напряжения <...>, берет бессрочный отпуск <...>, я не хочу и не могу его осуждать. Но не надо строить иллюзий – за редчайшими исключениями это именно бессрочный отпуск».

В конце автор останавливается на «личном плане» – «что может дать эмиграция самому эмигранту и что может у него отнять». Главной потерей он считает необходимость для сохранения душевного комфорта подвергнуться «хирургической операции» – удалению той «части души», где помещается любовь и привязанность к родине. «Но душа человеческая слишком тонко устроена, чтобы можно было вырезать один ее отдел, не затронув других. И вместе с любовью к родине – а точнее, со способностью любить родину – отхватываются изрядные куски способности любить вообще, да и не только любить, а и уважать, быть благодарным и испытывать другие высшие эмоции». Упоминается также о трудности удовлетворить потребность в общении и об утрате родного языка.

В заключение автор говорит: «Но самый главный аспект проблемы таков, что в нем мировое и личное неразделимо. Наша страна больна <...> она должна будет либо выздороветь, либо погибнуть. А если она погибнет, то <...> вместе с ней неминуемо погибнет весь мир <...> Исцелить же Россию никто, кроме нас, не может».

В.М.

5/6А29. Альманах «Женщина и Россия», вып. I, Ленинград, 1979.

В октябре 1979 года вышел первый выпуск литературного и публицистического альманаха «Женщина и Россия», первого женского неофициального издания в нашей стране. До сих пор проблемам женщины и проблемам ребенка в публикациях самиздата не уделялось достаточного внимания. Это делает выход альманаха явлением особенно важным.

В редакционной статье «Эти добрые патриархальные устои» говорится:

«Формально давно провозглашено равноправие, но на деле права женщины называют ее притязаниями. <...> Так

называемый “женский вопрос” – это существеннейшая часть общей борьбы за обновление мира. Нельзя отрицать, что культурный уровень женщины повысился, но она осталась в прежних допотопных условиях существования. Не поверхностная, а истинная эмансипация является важнейшим социальным требованием времени».

В письме Татьяны Горичевой, опубликованном в альманахе, говорится о молитве к Богородице, о роли этой молитвы в жизни автора письма. Горичева, в частности, пишет:

«В Богородице впервые в истории человечества мы встречаем совершенную просветленность телесной и бессознательной стихии. Женское начало, униженное в языческих религиях до демонического, освящается здесь в такой степени, возносится на столь недостижимую высоту, что становится сосудом для восприятия Духа Святого. . . »

Наталья Малаховская в статье «Материнская семья» пишет о внутрисемейном неравенстве, подавлении личности женщины в семье ввиду социальных и материальных условий.

В статье Р.Баталовой «Роды человеческие» речь идет о предрассудках, связанных с социальной ролью женщины, соотношением мужской и женской ролей.

Вера Голубева в своей статье пишет о проблемах, которые встают перед женщиной, решившейся родить ребенка вне брака, о положении в детских дошкольных учреждениях, об унижительных условиях, при которых производятся аборты.

Десятилетний Ваня Пазухин в заметке «Золотое детство» пишет о причинах, принудивших его бежать из пионерского лагеря: это драки, издевательства над слабыми, грубость администрации и т.п.

В помещенном в альманахе письме из Новосибирска Юлия Вознесенская рассказывает об издевательствах над заключенными в новосибирской тюрьме и попытках заключенных отстоять свое человеческое достоинство (это письмо было опубликовано ранее: 1А7, 1В4).

В литературном отделе альманаха напечатана литературная проза Ирины Тищенко и Софьи Соколовой, стихи Татьяны Шамоновой, перевод стихотворений индийской поэтессы XII в. Шахадэви, сделанный Еленой Шварц (перевод ранее печатался в журнале «Часы», номер 17). Помещается также эссе Жанны Ивиной о поэзии Уолта Уитмена и Марины Цветаевой.

На последних страницах альманаха напечатано Воззвание, в котором о целях нового издания говорится:

«... мы будем освещать положение женщины в семье, на работе, в больнице, в родильном доме, положение наших детей, проблему моральных прав женщины, будем публиковать художественные и публицистические произведения женщин, рассказывать о конкретных судьбах наших современниц <...>. Мы надеемся, что общими усилиями сдвинем с мертвой точки дело освобождения женщины, облегчения женской доли – ведь тайное, становящееся явным, свет есть!»

Альманах художественно оформлен Т.Мамоновой.

Д.Р.

5/6А30. Г.И.ШИМАНОВ. **Трактат о любви.** Москва, 1976, 126 стр., через 1 интервал

Сочинение представляет собой развитие некой *темы* (1) на определенном мировоззренческом *фоне* (2), сопровождающееся изложением *рецепта* (3). Разберем последовательно все три элемента.

1. Резкой ехидной критике подвергаются пороки современной брачно-семейной жизни. Умелое перо памфлетиста на уровне Леонида Лиходеева, Татьяны Тэсс, Григория Мединского и т.п. фельетонистов рубрик «На семейные темы» и «Не проходите мимо» в «Известиях», «Литературной газете» и «Комсомольской правде». Автор, свободный от цензуры, дополнительно облегчает себе задачу, иллюстрируя свои (в основном верные в этом элементе) мысли и наблюдения на материале бесспорно нелепого поведения высмеиваемых. Например, он удачно полемизирует с журналом «Безбожник» 1980 года. Образцы недостойно живущих семей он также выбирает из числа мелочных, вздорных, с куриным интеллектом. Референт констатирует, что примерно из сотни знакомых ему супружеских и любовных пар только две-три похожи на изображенный автором «типический современный случай». Есть и нетривиальное утверждение, что иное родительское слово ранит ребенка сильнее, нежели добрая порка.

2. Эти горькие, удручающие, но в целом банально-справедливые соображения сопровождаются громким рефреном фраз типа: «Настоящие браки совершаются на Небесах», «Россия воскреснет через воскрешение семьи», «Все плохое в браке (гулять до брака, препираться с супругом) занесли к нам в Россию из Парижей и Копенгагенов», «Во всем виновата свобода творчества и особенно Шекспир», «Римский юридизм растлил», «Католицизм

и эмансипация - рассадники зла». На первый взгляд может показаться, что автор - христианский, православный проповедник, мечтающий вернуться к прекрасному прошлому русского народа (Домострой, стр. 10). Но более внимательное чтение рассеивает это впечатление, в пользу которого, однако, можно подобрать много цитат, например такое моление:

«О, Пресвятая Богородица-Дева! <...> Ты, Смотрящая с икон православных! <...> Не погнушайся грехами нашими и уйми нас, ненадежных и одурелых! <...> Бо сами никак остановиться не можем! <...> Не справедливости ради, но любви: сойди, сойди, Пресвятая, на землю Русскую! <...> На нищую, на униженную, на растерзанную, на затоптанную, на замороженную безбожием землю Русскую! <...> На лучшую изо всех, на твою, Богородица, землю! <...> И покрой ее святым твоим смофором».

На самом деле автор признает, что в прошлом многое было недостойно, на стр. 99-100 решительно отмежевывается от «духовно-расслабленных и расслабляющих дух» русских национальных песен. На стр. 43-46 четко говорит, что стремится изобразить *идеальное общество будущего*, еще никогда не бывшее реально. Автор заигрывает и с советской властью (стр. 55): «Нынешний советский способ хозяйствования, крайне противоречивый и высмеиваемый за то буржуазно-мыслящими идеологами или просто интеллигентными обывателями, есть в действительности *зачаток* нового теократического способа ведения хозяйства, еще, так сказать, утробно-незрелый и потому крайне несовершенный, но тем не менее по своему *господствующему принципу* несравненно более высокий (сравнительно с принципом капиталистическим и потому заслуживающий всемерной поддержки). «И можно не сомневаться, что выбор будет сделан в пользу религиозной целостности и чисто религиозных принципов хозяйствования, ибо признание противоположных принципов буржуазных привело бы не только к краху Советской системы, но вместе с нею и к катастрофе всемирного масштаба».

Референту кажется, что автор вовсе не христианин, а скорее ницшеанец (это слово для референта не является ругательством). Помимо многочисленных «детских» пассажей и афоризмов вроде «Мужское дело – это военное дело», в пользу такого вывода свидетельствует формулировка главной духовной задачи человека автором: «*Обожение себя и всего! <...> вот это действительная выгода, достойная человека! <...> вот это действительная корысть, столь непохожая на остальные корысти! <...> и не*

в ней ли смысл всего бытия) <...> не она ли конечная цель мировой истории?» (курсив автора, как и всюду в цитатах, стр. 123).

Это словно из речей Заратустры, а отнюдь не из Нагорной проповеди. Штирнер тоже устремлялся обожить человека (себя), а православию чужда идеология «мировой истории». С представлениями референта о христианстве плохо согласуется поистине революционный пафос автора, отказывающегося принимать современный (XIX-XX века) мир как творение Божие и рвущегося переделать мир заново по готовому плану, не считаясь с издержками:

«Поэтому первое, что надо будет сделать при переходе к здоровому образу жизни, это взорвать все заводы, производящие заводные и электрические игрушки, а конструкторов, занимающихся их придумыванием, до единого перестрелять» (стр. 51).

Для иллюстрации методов доказательства, используемых автором, приведем еще одну цитату (стр. 97):

«А женам на пиру хорошо сидеть со своими мужьями так, чтобы рядом с женой сидела тоже жена, а муж с мужем. Обычай разделения супругов на современных гулянках – совершенно в духе безбожного и безбрачного века, безумного и расхлестанного. Подвыпившие мужья начинают, не имея узды, заигрывать с чужими женами, а собственным их женам ничего не остается, как бессильно пламенеть гневом либо тоже следовать примеру своих мужей. Вот и поспраждовали: испакоостили и себя и друг друга. А ведь какими поначалу просвещенными умниками насмехались над мудрыми обычаями старины. Говноеды».

Обильно рассыпанные замечания типа: «Буржую нужно раздрыганное искусство» (61) или «Патриархальная жизнь проста» (32) убедительно доказывают, что автор вовсе незнаком ни с буржуазным, ни с сельскохозяйственным бытом.

3. Должно наступить «теократическое (церковно-государственное) общественное устройство». Поначалу, как снисхождение к испорченности века, ввести жесточайшую цензуру и не допускать картин Пикассо и трудов Фрейда; не допускать к высшему образованию (120), к диплому врача (116) «нравственно недостойных». Позже, в уже подготовленном нравственно обществе ввести что-то вроде законов Ману: за случайное прикосновение к чужой женщине – смерть. За пребывание с нею молча и не прикасаясь на одной церковной скамейке – смерть. Социальное устройство должно быть таково, чтобы было исключено общение разнополых неродственных лиц с самого детства, включая, конечно, учебу, работу и отдых. «Как мужчина без Бога и жена без богоносного мужа, так

и ребенок без священного авторитета родителей заболевает духовно» (102). В 12-14 лет должно по выбору взрослых при обязательном желании детей происходить обручение; тогда же мальчику торжественно вручается личный кинжал. Через много лет испытания – брачная церемония в церкви. В 25 лет юноша (достойного поведения) получает священную личную винтовку. Употребление напитков тоже священо упорядоченно: до 25 лет все спиртные напитки запрещены, с 25 до 40 только легкие вина. После 40 – крепкие. Пить надлежит из серебряных кубков и чаш, передаваемых из рода в род. На пиру «разговор, начинаемый старшими, волнами расходится по всему застолью». Вообще, описание «пира» занимает 8% текста (стр. 92-100). Детям нельзя позволять ловить стрекоз, а взрослым – путешествовать (не только за границу, а по своей стране!) Сиди в своей общине и люби ее. Города – истребить, жить на земле, пребывая в духе соборности.

Референту стыдно пересказывать эти благоглупости, но поскольку некоторым кажется, что Шиманов – пророк и глубокий мыслитель (2А9), – приходится. Все фундаментальные мысли утопии Шиманова можно найти уже в «Соках земли» Кнута Гамсуна (1917).

ОГЛАВЛЕНИЕ: Гл.1. О равенстве и неравенстве в браке. Гл.2. О доверии и ответственности в браке. Гл.3. Вступление в брак. Гл.4. Ответственность государства перед семьей. Гл.5. Обручение. Гл.6. Азы русского воспитания. Гл.7. Единственная правда.

Л.П.Н.

5/6А31. Э. Орловский. **Некоторые замечания о газете «Русская мысль».** Сентябрь 1979, 4 стр.

Замечания основаны на знакомстве автора с несколькими номерами выходящей на русском языке в Париже еженедельной газеты «Русская мысль» (упомянуты, в частности, номера от 7.09.78, 7.12.78 и 14.06.79).

«Многие материалы неинтересны для советского читателя. <...> Газета, несомненно, рассчитана в первую очередь на читателя-эмигранта, и лишь затем на советского читателя. На советских читателей, владеющих лишь русским языком, хорошее впечатление производят корреспонденции «Р.М.», посвященные международным вопросам. Если однако читать регулярно польские газеты <...>, то уровень этого раздела не покажется столь уж высоким (а тем более, если читать хоть изредка западные газеты <...>). Публикация спорных взглядов и оценок не снижает

престижа газеты. <...> С большим интересом читаю я также дискуссионные и полемические материалы (которых, к сожалению, в газете немного <...>).

Мне показались интересными, в частности, статьи Мих.Агурского об И.Лежневе, В.Филиппова о Л.Лунце, В.Рыбакова о «французском Гулаге», В.Гончара «Нил сердится» (очень объективная корреспонденция), интервью с Виктором Некрасовым (значительно менее интересным является интервью с Вадимом Нечаевым), репортаж о передаче об СССР в программе «Апостроф» французского телевидения, информация А.Ветрова о церковных перемещениях в СССР и о поездке Дилай-ламы в Улан-Батор, изложение труда Подъяпольского, письмо А.Колько в поддержку М.Михайлова. Весьма интересны и выступления Владимира Максимова, хотя трудно согласиться с его максималистской (или, пожалуй, экстремистской?) позицией. (Оговорюсь, что я очень высоко ценю художественное творчество В.Максимова; в его произведениях – как опубликованных в свое время в СССР, так и, скажем, в «Семи днях творения» – я вижу весьма объективное описание действительности, хотя и окрашенное, конечно же, точкой зрения героев этих произведений, в чью психологию автор весьма глубоко проник.)

Малоубедительными представляются материалы А.Шифрина, который на страницах этой газеты, как и на страницах других изданий, стремится, по-видимому, лишь к тому, чтобы высказаться как можно более резко и оскорбительно, и ничуть не заботится о том, чтобы обосновать свои утверждения и отделить достоверно известные факты от предположений и от прямых вымыслов. Думается, что такого рода материалы могут лишь дискредитировать газету, а также дают КГБ хороший повод для преследования читателей этой газеты».

Весьма резко критикует автор статью Ю.Мейера, который «не имеет никакого представления о том, о чем пишет». Нет секретаря ЦК КПСС по фамилии Червененко, а есть Черненко. Ю. Мейер утверждает, что Хрущев снял Кулакова с поста министра земледелия, а Брежнев тогда взял его в аппарат ЦК и приблизил к себе, поскольку Брежнев, будучи сам по образованию агрономом, любит приближать к себе агрономов. Все это сплошной набор бессмыслиц и вздор. Кулаков не только не был министром земледелия (такого поста нет с 1947 года), но он вообще никогда не был министром СССР; он перешел при Хрущеве с ничтожного поста министра РСФСР, но не в аппарат ЦК, а на пост 1-го секретаря крайкома, что было для него большим повышением; Брежнев по образованию вовсе не агроном, а инженер-металлург, а также

техник-землеустроитель; он предпочитает приближать к себе не агрономов, а металлургов и лиц, знакомых ему по Днепропетровску и по Молдавии.

Указывается на неточность утверждения газеты, будто в СССР не продают иностранных газет, кроме коммунистических. Перечисляются западные некоммунистические газеты, поступающие в продажу в киоски «Союзпечати» при гостиницах «Интуриста» в крупных городах. Факт такой продажи автор расценивает как «некоторый положительный сдвиг в духе Хельсинки». (Другим таким сдвигом является продажа книг западных издательств <...>. Впрочем, цены пересчитываются при этом по курсу, превышающему официальный курс в три-шесть раз.) Надо сказать, что тут автор несколько ошибается: отклонения от официального курса достигают порой и 11 раз, т. е. тысячи ста процентов!

В заключение Орловский обращает внимание на «статью, где из-за недостаточной компетентности автора оказалось до некоторой степени приукрашенной позиция советского правительства по важному международному вопросу». «Р.М.» пишет, что «советские правители отказались выполнить требование Японии о возврате этих островов» (речь идет об островах Итуруп, Куаншир, Хабомаи и др.), и указывает, что этот отказ толкнул Японию на заключение договора о дружбе с Китаем. «В действительности, в отношении по крайней мере части этих островов, речь идет не просто от отказе от выполнения требования Японии <...> – а об отказе советского правительства от выполнения добровольно принятого на себя международно-правового обязательства о возвращении островов. А это ведь совсем иное дело! <...> После состоявшихся в октябре 1956 г. советско-японских переговоров, <...> в которых участвовали от Советского Союза М.А.Булганин, Н.С. Хрущев, А.И.Микоян, Д.Т.Шепилов, А.А.Громыко, Н.Т.Федоренко, 19.10.56 была подписана <...> «Совместная декларация СССР и Японии». <...> Текст Декларации опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР» <...> предусматривается (ст.9 ч.2): «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотая с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора». Между тем в последние годы советская печать и советские руководители твердят, будто «территориального вопроса» в отношениях между СССР и Японией «не существует». <...> Что касается Мирного Договора между СССР и Японией, то СССР уклоняется от его заключения и вместо это-

го предлагает Японии заключить договор о добрососедских отношениях, что дало бы формальное основание для окончательного отказа Советского Союза от обязательства возвратить Японии острова Малой Курильской гряды».

Э.Кукушкин

Примечание. Продажу иностранных некоммунистических газет и журналов в киосках «Союзпечати» при гостиницах «Интуриста» лишь в чрезвычайно узком смысле можно оценить как «положительный сдвиг в духе Хельсинки». Эти газеты не предназначены для советского читателя: обычным советским гражданам просто запрещен вход в гостиницы «Интуриста», и только добрая воля или халатность швейцаров и финансовые «плановые» соображения работников «Союзпечати» делают эти газеты доступными для небольшого числа наиболее упорных и любознательных интеллектуалов.

Р.

5/6А32. АРТУР ЛОНДОН. **Воспоминания.** 1972. Перевод с французского между 1972 и 1974. (Переведена первая книга «Признание» и дан краткий пересказ двух других книг «Мои близкие» и «Правда победит».)

Редкостный в историографии случай: выжил осужденный по одному из Больших Процессов (инсценированных) и рассказывает о технике получения «показаний» и «судоговорения». Речь идет о процессе генерального секретаря КП Чехословакии Рудольфа Сланского (повешен в декабре 1952, реабилитирован в 1968). Так как с этого же процесса уцелел другой осужденный – Зуген Лебль, опубликовавший в Югославии в 1968 книгу «Меня судили вместе со Сланским», – то историк может сравнить оба источника. По существу картина в обеих книгах одинакова и близка воспоминаниям Якубовича о процессе «Союзного бюро меньшевиков» в 1931: следствие абсолютно не интересовалось фактами и реальной деятельностью подсудимых; их сначала доводили до почти неменяемого состояния, затем ломали, принуждая подписывать с их точки зрения показания; пользуясь безграничной верой обвиняемых в *конечную правоту* дела социализма, им внушали, что всякое противодействие следствию будет на руку врагам социализма; на заключительной стадии подсудимые в полном единодушии со следователями разучивали сценарий, по которому будет происходить судоговорение. Средство доведения до отчаяния в случае с Лондоном состояло в тапочках, стелька которых

была сплетена из волокон кокосового ореха, плюс приказ безостановочно ходить по камере: «Я ступаю словно по лезвию бритвы, ноги сразу вспухают». Разумеется, всех заверяли: Партии нужен Процесс и, следовательно, ваше признание, а не ваши головы». Были повешены 11 из 14 подсудимых.

Автор (настоящее имя Жерар <...>) из бедной еврейской семьи, вслед за отцом увлекся Великой Октябрьской революцией, активно боролся против буржуазного режима в Чехословакии, в 1935 эмигрировал в СССР, потом героически сражался в Испании, женат на сестре жены члена политбюро КП Франции Раймона Гюйо, отважно боролся во время Соппротивления, сидел (а его жена даже родила) в тюрьме у нацистов, перед арестом занимал пост начальника управления кадров министерства иностранных дел Чехословакии. Позиция автора несколько двойственна: с одной стороны он ненавидит и презирает буржуа и «остатки эксплуататорских классов», с которыми ему пришлось встретиться в каторжной тюрьме. С другой – он восхищается мужеством чешских юристов, отказавшихся работать при «режиме попраiania правосудия» и ушедших в грузчики и т.п. С одной стороны, он продолжает уверять, что никогда не был троцкистом (в чем его обвинил приговор) и не испытывал никаких сомнений-колебаний в проведении партлинии, возмущался антипартийным поведением Крестинского (1938) и Костова (1949), отрекавшихся на суде от собственных показаний, а с другой – описывает 1935-38 в СССР как годы мрачного и несправедливого террора, что будто бы ощущал в те годы сам. Насмешкой судьбы выглядит факт, что руководил следствием по делу Лондона бывший полицейский Когоутек, до 1939 ловивший, сажавший и избивавший коммунистов в Чехословацкой республике. Совершенно героически и подпольно-умело вели себя он и его жена, когда после приговора получили возможность встретиться на свидании: она заверяла партию в своей преданности и упрекала мужа в предательстве, тем временем сумев отвлечь внимание охранников и получить от мужа текст на примерно ста страницах (изготовленный в форме книжечки из курительной бумаги) с изложением реального кошмара. Переправив текст во Францию, она шантажировала ЦК КПЧ и добилась в 1955 «отпуска в санаторий» для мужа, приговоренного к пожизненной каторге при неизменном приговоре!

Процессы в ЧССР специфичны: в 1949-50, когда были расстреляны и повешены ждановцы в СССР и руководители компартий Венгрии, Болгарии, Албании и арестованы – Польши и Румынии, в ЧССР генсек Сланский не дал никого в обиду. На него советские советники («референты», «наставники») оказывали давле-

ние, и к 1950/51 были арестованы второстепенные околонецистские функционеры вроде Лондона, министра госбезопасности Заводского и др. Готовился процесс во главе с Лондоном. Но Маленкову этого показалось мало, и в конце 1951 арестован сам Сланский (еврей), якобы готовивший покушение на Готвальда – не еврея (что, впрочем, для этих таксидермистов правдоподобно), и другие политработники-евреи. Поэтому Лондон переместился на одно из последних мест на скамье подсудимых и остался жив. Через три месяца после казни осужденных (из казненных 10 евреев) по приказу Берии умирает Готвальд («простудился» на похоронах Сталина); несколько смягчается режим содержания осужденных, но с июля 1953 он усиливается, проходят процессы еще пяти групп: экономистов, троцкистов, словацких националистов, гебистов, военных и единичные (Смрковский, Пывел), причем все это подсудимые из числа арестованных в 1950-52. Некоторые из судей и прокуроров смещены и незначительно осуждены после отставки Маленкова в 1955 и позже. Еще в 1957 комиссия ЦК КПЧ наотрез отвергла идею реабилитации, Как и для всех арестов эры Маленкова (1949-1952), характерен антисемитизм следствия и суда; автор отмечает, что наиболее яркие антисемитские выпады, имевшие место в зале суда, не включены в официальную стенограмму. Вот перечень осужденных по этому делу (в порядке приговора): Сланский, Геминдер, Шваб, Франк, Клементис, Рейцин, Фрейка, Маргулис, Фитл, Шлинг, Симон, Лондон, Хайду, Лебль.

ЛПН

5/6А33.. Г.Подъяпольский. **О времени и о себе.** 1978, 215 стр.

Автор книги – геофизик, уволенный в 1970 году из Института физики Земли за «внеслужбную деятельность». Первоначальная рукопись была изъята во время обыска; автор писал ее заново, но восстановить полностью не успел, так как в 1976 году неожиданно скончался от сердечного приступа, не дожив до 50 лет.

Основную часть книги составляют фрагменты автобиографии: происхождение, политическое воспитание, война, сознание. Как пишет в предисловии автор, «процесс воспоминания прошлого оказался мучительным трудом, требующим крайнего напряжения сил, но и невообразимо интересным. Я вторично пережил большие куски моей жизни. Я увидел ранее не подозревавшиеся связи. Я был вынужден судить многое, чего не хотел». Воспоминания о семейном воспитании ассоциируются в книге с понятием,

которое названо «теорией катакомб». Суть ее в том, что историческая задача интеллигенции в эпоху коммунистического варварства – выжить, чтобы донести свои духовные ценности до лучших времен и будущих поколений.

В главе о формировании сознания автор пишет: «К концу войны мое сознание общества, в котором я жил, определилось эмоционально недвусмысленным термином: тирания. И тирания была не просто абстрактным определением, а почти физическим ощущением сдавливающих горло пальцев. С этим ощущением удушья я прожил всю свою молодость и не ушел от него и в годы своих скитаний». И далее: «Социализм с его партийной диктатурой нового класса, своим острием все более направляемый в первую очередь против прогрессивной интеллигенции, гипертрофией паразитического бюрократического аппарата и идеологическим обскурантизмом служит, по-видимому, более жестким тормозом на пути дальнейшего развития общества, чем классический капитализм, организационно менее совершенный и потому эволюционно более гибкий».

Две главы посвящены Институту физики Земли, в котором автор проработал 17 лет, а одна – «оттепели», наступившей после смерти Сталина. Признавая наивность настроений первых «оттепельных» лет, автор вместе с тем подчеркивает значительность этого периода в тогдашнем непосредственном восприятии. Книга заканчивается рассказом автора о том, как его пытались подвергнуть психиатрической госпитализации в апреле 1973 года.

Введение к книге написал А.Д.Сахаров, с которым автора связывала дружба, общественные позиции и чисто личные, семейные отношения.

В.Т.

5/6А34. ЭДУАРД КУЗНЕЦОВ. Лагерные дневники, 2-я часть. «22», 5, 1979

Вторая часть «Лагерных дневников» Э.Кузнецова в редакционном комментарии названа «подарком судьбы», о котором мечтает каждый журнал. Действительно, записки умного, честного, волевого и энергичного человека, каким, безусловно, является Кузнецов, об одной из самых страшных советских тюрем – п/п 10 мордовских лагерей, – о ее узниках и их борьбе, несомненно, представляет интерес для самой широкой общественности.

Ярко и эмоционально описывает Кузнецов свои чувства и мысли за долгие годы заключения, показывая, как трудно остаться человеком в этих нечеловеческих условиях. Неслучайно, что на

первых страницах Кузнецов пишет о марафонском беге как о модели з/к-ского существования.

В «Дневниках» Кузнецова мы находим глубокие и серьезные размышления о гуманизме, о нравственности, о проблемах насилия, о сложной проблеме взаимоотношений арабов и евреев, полно и честно описан быт тюрьмы и взаимоотношения узников. Не боясь нарушить ореол «святости страдальцев», Кузнецов описывает, что некоторые из его сокамерников далеки от идеала и той нравственной высоты, на которую их возносят. К сожалению, однако, все, что мы находим в «Дневниках» о других полит. заключенных, это грязную брань в адрес 2-3 человек. Не оспаривая даже этих авторских характеристик, хочется спросить – ну а остальные? А те десять человек, которые обещали поддержать голодовкой Кузнецова, когда он добивался свидания? А такие люди, как Гинзбург, Лукьяненко, Фумук и другие? У Кузнецова немало страниц занимают портреты разных уголовников, но для этих людей не нашлось ни одного слова. И странно читать в «Дневниках» строки, где Кузнецов представляет себя таким суперменом, снисходительно рассматривающим других полит. заключенных как «экземпляры некоей психлечебницы», «скорым на расправу», милостиво «дозволяющим» или не позволяющим другим вести между собой беседы в его присутствии; подбирающим себе «удобный» состав камеры и т.д. Читаешь подобное и кажется, что «ореол святости» самого Кузнецова не более заслужен, чем у тех, кого он так уничтожающе характеризует.

Известно, что публикация многих документов, подобных «Дневникам», – вещь всегда рискованная. Находясь в тяжелых условиях однообразной и нудной тюремной жизни, всегда голодный, с вечно издерганными нервами от постоянной мелкой борьбы с начальственными придирками, в тесном принудительном общении с зачастую лишь не симпатичными ему людьми, – человек часто использует единственный доступный ему способ разрядки – письма к близким, чтобы выдохнуть в них всю накопившуюся желчь и отчаяние. Такие письма или строки писем, взятые в отрыве от той обстановки, способны создать неверное впечатление об авторе и его сокамерниках.

С.Д.

5/6А35. Лев Копелев. Солженицын на шарашке. *Время и мы*, 40, 1979, апрель, стр. 178-205

Страницы из книги воспоминаний «Утоли моя печали» рассказывают о совместном пребывании и дружбе автора с Солженицы-

ным в «Марфинской шарашке» (спецтюрьме 16). Здесь и впечатление от первой встречи с писателем, и, конечно, беседы и споры: о большевиках, революции, Ленине и Сталине.

Благодаря автору этих воспоминаний мы узнаем о первых литературных опытах Солженицына, его восприятию музыки и поэзии, его отношениях с друзьями, работе в акустической лаборатории. Не теряя своего ореола, личность великого писателя становится ближе, доступнее.

5/6А36. БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ. Полутораглазый стрелец. Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1978, 204 стр. Перепечатка без комментариев с издания: Москва, 1933, с добавлением одной страницы биографии автора

В книге содержится крайне интересный материал для бесконечно узкой группы специалистов, погруженных в историю футуризма, т. е. в историю взаимоотношений Давида Бурлюка, Алексея Крученых, Бенедикта Лившица (в этой фамилии самим автором пишется то «в», то «ф»), Владимира Маяковского, Игоря Северянина, Виктора (это имя автором пишется то «Виктор», то «Велимир») Хлебникова. Полезно прочесть эти воспоминания и широким кругам, интересующимся дыханием Серебряного века, но реферировать их невозможно, ибо вся значимость поэтических подробностей начинает играть только после основательного напоминания общей канвы «будетлянских» (футуристических) кипений с декабря 1911 по август 1914. Одна же прозаическая подробность, взятая с последних страниц, стоит того, чтобы помнить ее при нашем нынешнем стремлении осмыслить собственное прошлое. Вот автора при начале войны в чине ефрейтора Царицынского пехотного полка походным порядком перебрасывают из Ямбурга в Питер:

«В столице все казармы были переполнены. Нам отвели здание университета. Не прошло и суток, как уборные засорились. Ржавая жижа, расплзаясь по коридорам, затопила все помещение. Задрав выше щиколоток длинные юбки, меня тщетно разыскивали по зловонным аудиториям блоковская “Незнакомка”, Лиля Ильященко, и первая “собачья” красавица, Инна Кошнарковская <...>: с разрешения начальства я перебрался к себе на квартиру и лишь по утрам приходил в роту. Наше пребывание в Петербурге затягивалось, выцветая в гарнизонское «житие». <...> Университет не в переносном, а в буквальном смысле сделался очагом заразы. Почему-то солдатам особенно нравилась парадная лестница: они сплошь усеяли ее своим калом. Один шутник, испражняв-

шийся каждый раз на другой ступеньке, хвастливо заявил мне: – Завтра кончаю Университет. Это был своеобразный календарь, гениально им рассчитанный, ибо в день, когда он добрался до нижней площадки, нам объявили, что вечером нас отправляют на фронт».

Так как бесспорно, что делали это солдаты не по указке безбожной кучки эмигрантов на парвусовские деньги, то возникают два вопроса: (1) (риторический). С началом Первой мировой войны какой еще столичный университет Европы был засран солдатами, призванными защищать эту столицу; хотя бы – какой был превращен в казарму?! (2) (источниковедческий). Отражен ли этот факт в чьих-либо еще мемуарах? В текущей прессе? В распоряжениях по Петроградскому гарнизону, борющихся с этим безобразием или за неизбежность его вводящих его в русло дисциплины? В архивах Университета?

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие к настоящему изданию. Предисловие к изданию 1933. Гл.1. Гилея. Гл.2. Бубновый Валет и Ослиный Хвост. Гл.3. Медведь. Гл.4. Пощечина общественному вкусу и Садок судей. Гл.5. Первый вечер речетворцев. Гл.6. Зима тринадцатого года. Гл.7. Мы и Запад. Гл.8. Бродячая собака и литературные «салоны». Гл.9. Лето четырнадцатого года.

Л.П.Н.

5/6А37. Михаил Ботвинник. **К достижению цели.** Москва, «Молодая гвардия», 1978, 254 стр.

Это еще одна книга (см. 2В8) из числа свободно, небывало раскованно написанных автобиографий. Надо заметить, что раскованности стиля не любят не только официальные, но и самиздатские цензоры, однако в официальной литературе вроде бы происходят сдвиги к лучшему. Затронем лишь политический аспект книги. Биографию пронизывают контакты с руководством на самом высшем уровне. Едет ли Ботвинник играть в шахматы в Гастинго – решение об этом принимает не мельче чем председатель совнаркома Молотов (представьте себе, чтобы Картер или Кеннеди давали Фишеру указания, тратили бы время на изучение бумаг о нем!). Решается ли вопрос о чемпионате мира – происходит прием у Жданова. Надо ли Ботвиннику пошить костюм для выезда за границу – пишется «докладная руководству Ленсовета». При этом речь всегда об одном и том же: неслыханно важно для дела строительства социализма, чтобы первое шахматное место принадлежало советским шахматистам; ручается ли т.Ботвинник,

что не подведет? И для него самого несомненно, что достаточно выказать малейшую неуверенность, как Крыленко, Молотов, Булганин, Жданов, Сталин и иже с ними немедленно уберут его, Ботвинника, а всю государственную мощь поставят на другого. Зловещи страницы о «подготовке» матча Алехин-Ботвинник. Известно, что Алехин был чемпионом мира. Менее известно, что он был ярым антисоветчиком, разъезжал в 1942-ом по «новой Европе» и восхвалял гитлеровские победы над СССР. И вот с 1938-го перед борцами за советский шахматный престиж встала дилемма: надо отобрать у Алехина титул чемпиона мира. Этого, с одной стороны, можно достичь только посредством *матча* с Алехиным (тогда до бесстыдства Карпова, избегнувшего матча с Фишером, еще додуматься не умели). С другой стороны, недопустимо, чтобы *советский* шахматист встречался, пожимал руку *антисоветчику*. Ботвинник описывает все драматические перипетии прохождения этой дилеммы по мозгам советских руководителей. Впечатляет описание (стр. 113) его встречи зимой 1945/46-го с высокопоставленными гэбистами, где напряженность достигла наивысшего уровня. В марте 1946-го Алехин скорострительно умирает, и дилемма снялась с повестки дня. Или другой эпизод (стр. 73):

«Тогда все писали письма Сталину о своих достижениях. Крыленко меня изучил вполне и понимал, что по скромности сам я писать не буду, а отсутствие письма может нанести ущерб шахматам. Еще когда я был в Лондоне, меня вызвал к телефону Д.Гинзбург, сотрудник “64”. “Мы получили ваше письмо, – сказал он. – Но все же, может, у вас есть какие-либо исправления, и поэтому я вам его прочту...” Я, конечно, смекнул, в чем дело, выслушал письмо и сказал, что все правильно, дополнять и изменять нечего. Тогда письмо и было направлено Сталину».

Здесь не только обнажается механика «поздравительных писем» (к слову, оно Крыленко не помогло: его вскоре арестовали). Здесь с небывалой откровенностью вскрывается *мафиозность* мышления «простого советского человека» Ботвинника. Ну, можно понять, что редакционный работник *конспиративно* говорит: «Мы получили ваше письмо», имея в виду: «Мы за тебя написали». Но ведь и Ботвинник ничему не удивляется, «на лету сечет» и столь же конспиративно поддакивает, даже изумления не выказав. Так сговариваются между собой два участника мафии, а не нормальные граждане переговариваются! Автор многократно подчеркивает легкость пересечения государственных границ на Западе сравнительно с советскими погранично-таможенными правилами; делает это вызывающе. Много есть в этой биографии шахматиста интересного для нешахматиста.

ЛПН

5/6А38. А.В.АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. **Портрет тирана.** «Хроника», 1980, 390 стр.

Сын погибшего в 1938-м героя Октября и усмирителя барселонского восстания 1937-го В.А.Антонова-Овсеенко, сам неоднократно сидевший, ослепший, свел все свои счета со Сталиным, не заботясь об исторической объективности и даже не претендуя на беспристрастность. В основном книга является пересказом уже известных в литературе фактов, почерпнутых из Конквеста, «Памяти», Джиласа, Баханова, д-Астье-Вижари и многих других. (начитанность автора поразительна). Но для историка наиболее интересными являются приводимые автором собранные лично им сведения – рассказы и слухи из околоцекистской среды. К сожалению, некоторые из них не отсылают ни к каким проверяемым источникам. А так как при этом порой встречается явная путаница в именах и датах, то надежность данной книги в качестве исторического источника становится сомнительной. Характерный пример тому: автор рассказывает про обстоятельства создания комиссии по реабилитации-освобождению в 1955-56-м, причем важную роль в его повествовании играет зав. отделом административных органов ЦК Миронов. Но Н.Р.Миронов был назначен на этот пост после 1957-го, когда все упоминаемые комиссии уже завершили свою работу! Следовательно, рассказ автора неверен, – но в какой своей части? Разные историки будут использовать его по-разному. Из новых и, по-видимому, правдоподобных сообщений автора: в 1953-м, как все знают, готовилось выселение (некоторые авторы полагают даже, будто уничтожение) всех евреев. Автор сообщает, что это выселение затеялось под флагом спасения евреев от народного гнева и что петицию о такой правительственной акции подписали, де, академик Минц и скрипач Ойстрах. А член Президиума ЦК академик Д.Чесноков уже написал брошюру «Почему было необходимо выселить евреев из промышленных районов», которая в миллионном тираже уже была отпечатана в типографиях МВД к концу февраля 1953-гр. В истории с убийством Кирова автор отмечает всякие версии, связанные с любовными отношениями жены Николаева и Кирова и сводит мотивы, по которым Николаев решил стрелять, по сути, к его полному ничтожеству и кривым ногам плюс нажим гэпэушников. Любопытно, но заслуживает проверки утверждение автора, будто нач. ленинградского ГПУ Медведь считал себя виновным в небрежной охране Кирова и сам отказался ото всех льгот, предлагавшихся ему лагерным начальством на Колыме, а пошел на труднейшие

работы и вскоре помер, де. Сообщается, что на XX съезде Хрущев проделал-де, такой трюк: обратился к президиуму съезда со словами, что считает нужным осудить Сталина на съезде, но все члены Политбюро, кроме Микояна, были против. Однако поскольку в момент съезда прежний ЦК и тем самым ПБ юридически распущены, то он, Хрущев, предлагает решить этот вопрос Президиуму съезда. И съезд порешил, де: разоблачай, но на последнем заседании после выборов нового ЦК! Такого рода историческими анекдотами пересыпана книга. Концептуально же она противоречива и разбора не заслуживает.

ЛПН

5/6А39. КОНСТАНТИН ВАГИНОВ. *Козлиная песнь*. Роман. Фототипическое воспроизведение с издания «Прибой», Ленинград, 1928, издательством «Силвер Эйдж», Нью-Йорк, 1978, без комментариев, 198 стр.

Козлиная песня – дифирамб. Но если в нынешних дифирамбах допускаются только восхваления, то в Элладе дифирамб непременно включал в себя гнусные оскорбления в адрес восхваляемого. Роман – об угасании Серебряного века в эпоху нэпа.

«Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград. Но Ленинград нас не касается – автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер», – поясняется от автора. В центре – судьбы «неизвестного поэта» Агафонова и критика Тептелкина. Поэта творческая фантазия уносит в миры иные, видения – превращают Неву в Тибр, он сталкивает слово со словом и наблюдает, как постепенно смысл одного протягивает руку смыслу другого; он ясновидчески слышит стоны насилюемой женщины там, где это насилие совершилось несколькими днями ранее, и т.п. Ход истории протаскивает его сквозь проститутку и кокаинистов, «и бежит он снова, шесть лет тому назад, с опасностью для жизни, по снежному покрову Невы, ибо должен наблюдать ад, и видит он, как ночью выводят когорты совершенно белых людей» (напомним, что так Есенин бегал смотреть, как расстреливают, в 1918). А потом:

«Через южный городок лихо шли отряды матросов, суетливо полки красноармейцев, оборванных и усталых. Тянулись артиллерия и обозы. Врангель высадил десант. Он был в 16 верстах, когда в актовом зале двухэтажной женской гимназии, рядом с больницей, против собора, открылось торжественное заседание. За длинным столом, накрытым традиционным зеленым сукном, сидели петербуржцы. Сначала,

вскочив, произнес речь только что назначенный ректор, затем говорили только что избранные деканы, потом только что избранные профессора и преподаватели. <...> «Коллеги, – говорил Тептелкин, – мы сейчас погрузимся в прекраснейшее, что существует на свете. Мы выйдем из связанного по рукам и ногам классицизма, чтобы услышать пленительную музыку человеческой души, чтобы лицезреть, еще покрытый росой, букет юности, любви и смерти». <...> То он с кем-нибудь читал о любви и толковал о прегнантном обороте, то кстати разбирал Данте и, дойдя до середины пятой песни, до Паоло и Франчески, потрясенный ходил по комнате, то комментировал прощание Гектора с Андромахой, то читал доклад о Вячеславе Иванове. Год просуществовал университет в городке. Врангель был отогнан и было получено распоряжение о том, чтобы в университете было не меньше десяти марксистов. В то время марксистов не оказалось, все они были заняты на фронте. И университет закрылся».

Персонажи отнюдь не герои, не образцы добродетели, не «люди высокой нравственности» (каковыми иногда мнят себя нынешние диссиденты). Ильф и Петров могли бы для образа Васисуалия Лоханкина почерпнуть в этом романе немало анекдотов и черточек. Но роман – не насмешка, а грустное прощание. Амбивалентность ностальгии и отвращения предвещает появление «Мастера и Маргариты». Неизвестный поэт стреляется, а Тептелкин гибнет страшнее:

«Автор все время пытался спасти Тептелкина, но спасти Тептелкина ему не удалось. <...> Совсем не бедным клубным работником стал Тептелкин, а видимым, но глупым чиновником. И никакого садика во дворе не разводил Тептелкин, а напротив – он кричал на бедных чиновников и был страшно речист и горд достигнутым положением».

Словом, «уходят, уходят друзья, одни в никуда, а другие в князя». И – «Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. И на домах и на лицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, ехидный и подхихикивающий. Мигнет огонек – и не Петр Петрович перед тобой, а липкий гад; взметнется огонек – и ты сам хуже гада; и по улицам не люди ходят: заглянешь под шляпу – змеиная голова; всмотришься в старушку – жаба сидит и животом движет. А молодые люди каждый с мечтой особенной: инженер

обязательно хочет гавайскую музыку услышать, студент – поэф-фектнее повеситься, школьник – ребенком обзавестись, чтоб силу мужскую доказать. Зайдешь в магазин – бывший генерал за прилавком стоит и заученно улыбается; войдешь в музей – водитель знает, что лжет, и лгать продолжает. Не люблю я Петербурга, кончилась мечта моя».

Примечание референта. Так как ни к этому изданию не приложена биография автора, ни в ВСЭ (I-III изд.) не упоминается Вагинов, ни в Краткой Литературной Энциклопедии (I-II изд.) нет его, то уместна справка об авторе. В 1921 в петербургском сборнике «Кольцо поэтов» выходит его «Путешествие в Хаос». Критика того времени сближает его с Тихоновым и Мандельштамом. Он включен в «путеводители»: О.Тазенгаузен «Салоны и молодые завсегдатаи петербургского Парнаса». «Абраксас». Альманах, Пб, 1922; и А.Рашковская «Поэзия молодых», Пб, 1923. После «Козлиной песни» опубликовал еще роман «Труды и жизнь Свистогонова». В 1929-33 подвергся разностной критике как правый попутчик (перечислялся вместе с Платоновым); его били: А.З.Манфред («Кладбищенская муза»), Р.Мессер («Попутчики второго призыва»), И.Оксанов («Борьба за лирику» – непосредственный отклик на последнюю публикацию стихов К.К.Вагинова в 1933), А.Селивановский (как раз «Козлиную песнь»), Д.Тальников (Д.Л.Шпитальников, «Литературные бои»). В марте 1934 появились некрологи К.К.Вагинову (Н.К.Чуковский, В.Рождественский). Я думаю, что Агафонов – *альтер эго* Вагинова, а Тептелкин – Шпитальников.

Л.П.Н.

5/6А40. ЛЕОНИД АРОНЗОН. **Избранное.** Ленинград, 1979, литературное приложение к журналу «Часы»

Леонид Аронзон (1939-1970) – один из талантливейших поэтов Ленинграда. Однако его творчество еще не стало достаточно широко известным, хотя стихи и проза Аронзона уже появлялись в Самиздате, в частности в поэтическом альманахе «Лепта» (Ленинград, 1975), в журналах «37», «Часы», «Евреи в СССР». Несколько стихотворений напечатано в Самиздате – «Аполлон-77», «Время и мы» и т.д.

Настоящий сборник представляет поэта более полно, чем предшествующие публикации. В него включены стихотворения 1961-1970 гг. Последние страницы сборника отданы прозе. Общий объем издания 58 стр.

Д.Р.

Б.Рецензии. Точки зрения

5/6Б1. К высылке АНДРЕЯ САХАРОВА

Высылка Сахарова. *Хроника текущих событий*, 56. 30.4.1980, стр. 6-20 (перепечатано с сокращениями)

22 января в 14 часов академическая машина, везущая академика А.Д.САХАРОВА на работу, была остановлена милицией. В машину сели сотрудники КГБ; они приказали шоферу ехать в Прокуратуру СССР. Там САХАРОВА отвели в зал, где его ожидали первый заместитель Генерального прокурора СССР А.М.Рекунков и еще три человека, один из которых был отрекомендован как представитель Президиума Верховного Совета СССР.

РЕКУНКОВ зачитал САХАРОВУ указ ПВС СССР:

«В связи с систематическим совершением Сахаровым А.Д. действий, порочащих его как награжденного, и принимая во внимание многочисленные предложения советской общественности, Президиум Верховного Совета СССР на основании статьи 40 «Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» постановляет:

Лишить Сахарова Андрея Дмитриевича звания Героя Социалистического Труда (Сахаров – трижды Герой Социалистического Труда. – *Хр.*) и всех имеющихся у него государственных наград СССР».

РЕКУНКОВ потребовал, чтобы САХАРОВ вернул награды и наградные документы. САХАРОВ написал под предъявленным ему текстом указа, что он отказывается это сделать, поскольку считает, что получил награды не зря.

Затем РЕКУНКОВ сказал, что принято решение выслать САХАРОВА в город Горький, закрытый для иностранцев; его жена Е.Г.БОННЭР, если пожелает, может ехать с ним. РЕКУНКОВ разрешил САХАРОВУ позвонить домой; после звонка САХАРОВА телефон в его квартире сразу же был отключен.

Квартира САХАРОВА была сразу же оцеплена. Примчавшимся

иностранным корреспондентам сказали: «Ищите его в Шереметьеве!» (т. е. в международном аэропорту). На самом деле САХАРОВА отвезли в Домодедово. Туда же приехала Е.Г.БОННЭР. Специальный самолет, в котором была подана роскошная еда и присутствовал врач, отвез САХАРОВА и БОННЭР в Горький. В Горьком САХАРОВЫ узнали из разговоров окружающих, что их вез из Москвы «сам» заместитель Андропова ЦВИГУН.

В Горьком заместитель областного прокурора ПЕРЕЛЫГИН объявил САХАРОВУ условия назначенного ему режима: он находится под гласным надзором и обязан раз в десять дней являться в милицию на «отметку»; ему запрещено выезжать за пределы Горького, встречаться с иностранцами и «преступными элементами», переписываться и разговаривать по телефону с заграницей. На вопрос САХАРОВА, распространяется ли это запрещение на проживающих за границей детей, было отвечено утвердительно. САХАРОВА *познакомили с людьми*, которые будут осуществлять за ним надзор; ему дали их служебные телефоны.

САХАРОВУ предоставили 3 комнаты (10, 12, и 18 кв. м) в четырехкомнатной квартире (603137, Щербинки 2, просп. Гагарина 214, кв. 3); в четвертой комнате (14 кв. м) живет женщина, называющая себя «хозяйкой квартиры»; эта женщина предложила им свои услуги: «Я всегда ухаживала за постояльцами». Квартира меблирована. В холодильнике имелся приготовленный (с последующей оплатой) запас продуктов. Телефона нет.

28 января Е.Г.БОННЭР на пресс-конференции, устроенной в ее Московской квартире, передала иностранным корреспондентам заявление А.Д.Сахарова, написанное 27 января (30 января ей за эту пресс-конференцию сделали в Прокуратуре СССР предупреждение «по Указу»). В заявлении, рассказав о высылке, Сахаров далее пишет:

«Эти репрессии против меня предприняты в момент большого обострения международного положения и усиления преследования инакомыслящих внутри страны. Обострение международного положения вызвано действиями СССР, который, в частности:

1. Осуществляет в Европе широкие демагогические кампании с целью закрепления своего военного преимущества.
2. Пытается нарушить наметившиеся возможности мира на Ближнем Востоке и юге Африки.
3. Поддерживает террористические режимы в Эфиопии и некоторых других странах.
4. Сохраняет военные формирования на Кубе.

5. Поддерживает действия иранских «полугосударственных» террористов, нарушивших основные принципы дипломатической работы.
6. Кульминацией этой опасной политики явилось вторжение в Афганистан, где советские войска ведут безжалостную войну с повстанцами, с афганским народом.

Внутри страны власти предприняли новые акции против ядра движения за права человека. Арестованы Великанова, Некипелов, под угрозой ареста Ланда <...>. Громится журнал «Поиски», арестованы Абрамкин, Сокирко, Гримм. Преследуется движение за свободу вероисповеданий и арестованы священники Дудко и Якунин, арестован Регельсон. Идут суды и аресты на Украине и в Прибалтике. Усилились репрессии против крымских татар, осужден Решат Джемилев.

Действия властей против меня в этой обстановке направлены на то, чтобы сделать полностью невозможным продолжение моей общественной деятельности, унижить и дискредитировать меня и тем самым развязать руки для всех дальнейших репрессий против всех групп инакомыслящих внутри страны, при меньших возможностях миру узнать о них, и для дальнейших международных авантур. 24 января в «Известиях» опубликована статья, в которой содержится клевета на меня и умышленное искажение моей позиции. Моя позиция неизменна – я защищаю плюралистическое открытое общество, демократическое и справедливое; конвергенцию, разоружение и мир; защиту прав человека во всем мире – в нашей стране и в странах Восточной Европы; добиваюсь всемирной амнистии узникам совести, отмены смертной казни. Я защищаю тезис о приоритете проблемы мира, проблемы предотвращения термоядерной катастрофы. Из статьи в «Известиях» видно, что главной причиной репрессий против меня в это тревожное время явилась моя позиция осуждения интервенции в Афганистане, угрожающей всему миру, – требование вывода советских войск из этой страны, быть может, с заменой войсками ООН (интервью «Нью-Йорк Таймс», телевидению США), присоединение к документу Московской Хельсинкской группы.

Находясь в условиях полной изоляции и тревоги за членов моей семьи – моей тещи и Лизы Алексеевой, которым я теперь не могу быть никакой защитой, я требую, чтобы Лизе Алексеевой была предоставлена возможность немедленно покинуть СССР, выехав вместе с моей тещей Р.Г.Боннэр, уже имеющей разрешение на поездку к детям и внукам. Хотя моя жена формально свободна, конечно же, я буду тревожиться не только за ее здоровье, но и

за ее жизнь, если она будет вынуждена ездить к ним (к сожалению, мы знаем, что органы безопасности применяют мафиозные способы).

Действия советских властей грубо нарушили мое основное право получать и распространять информацию (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека). Представители советских властей пытаются успокоить мировое общественное мнение тем, что я смогу продолжать научную работу и мне не грозит уголовное преследование. Но я готов предстать перед гласным и открытым судом. Мне не нужна золотая клетка – мне нужно право служить общественному долгу так, как мне диктует совесть.

Я благодарен всем, кто выступает в мою защиту. Моя судьба сложилась счастливо, мне довелось быть услышанным, но я прошу не забывать о тех, кто самоотверженно служил и служит защите прав человека – в частности тех, о ком я уже сказал в этом письме, и всех тех, о ком я не сказал».

3 февраля САХАРОВ написал новое заявление:

«26 января я был вызван в управление МИД, где со мной беседовали представители КГБ. Они высказали претензии, что ко мне через их заслоны прорываются некоторые люди. Я в свою очередь заявил, что мне необходим телефон по месту проживания в Горьком, возможность иметь телефонную связь с семьей в Москве, а моей жене связь с нашими детьми и внуками в США и предоставление права выехать из СССР Лизе Алексеевой – невесте нашего сына. Отъезд ее и моей тещи даст возможность моей жене быть постоянно со мной.

В тот же день явились двое якобы рабочих, изображали пьяных, хотя таковыми не были, один поигрывал пистолетом системы Макарова, говорили, что стреляют без промаха из любого положения, угрожали устроить в квартире Афганистан и полный разгром. Они сказали, – не думайте, что вы тут будете долго – для вас уже уготовано место в психбольнице за 30 км от Горького. Сегодня я получил письмо с угрозами убийства, причем его принесли в воскресенье, когда почта не работает. В прошлом мы не раз получали всякие угрозы, но в условиях полной изоляции, под охраной взводов КГБ, эти угрозы мне кажутся очень серьезными.

30 января я был вызван к зам. обл. прокурора Горьковской обл. Перелыгину, который предложил мне написать объяснение по поводу моего заявления, преданного гласности моей женой. Он сказал, что я нарушил запрет, наложенный на меня Указом Президиума Верховного Совета (или на основании Указа), непосредственно или через посредников иметь контакты с иностранцами. Эту формулировку, так же как и ссылку на Верховный

Совет в чем-либо, кроме лишения меня наград, я услышал впервые. Я написал заявление, в котором выразил принципиальное несогласие с наложенными на меня без суда ограничениями моих гражданских и политических прав, и заявил о своей личной ответственности за все свои выступления. Перельгин объявил, что при дальнейших нарушениях мне будут изменены место высылки и режим, а также будут применены санкции против моей жены.

31 января я направил заявление Заместителю Генерального Прокурора Рекункову, который объявлял мне о лишении меня наград и высылке в Горький, но больше ни о чем не объявлял. В своем письме я требую суда.

Наложённый на меня режим я считаю самоуправством КГБ и отказываюсь ему подчиняться, понимая последствия, которые это может повлечь для меня и моей жены. Всякие разговоры о гуманности, которые ведутся для успокоения Запада, — ложь».

23 февраля САХАРОВ отослал в Прокуратуру СССР свой паспорт. Вместе с ним он послал РЕКУНКОВУ заявление:

«29 января 1980 года сотрудник Управления МВД г. Горький Глоссек А.Н. взял у меня паспорт для временной прописки. Паспорт возвращен мне в паспортном отделе Приокского районного управления. Я выписан из Москвы, и в паспорте поставлен штамп постоянной прописки в Горьком. Ответственный квартиросъемщик в Москве не был извещен, и я не заполнял никаких документов убытия и прибытия. Начальник паспортного отдела и Глоссек заявили, что они не имеют никакого отношения к этой операции. Налицо прямой обман со стороны представителей органов милиции и прямое нарушение закона. Я прошу Вас опротестовать действия органов МВД. Я требую восстановления моей постоянной прописки в Москве. Я требую ознакомить меня в письменной форме с теми решениями и подлинными документами, на основании которых я выслан в Горький и подвергаюсь не определенным по суду и не предусмотренным законодательством ограничениям. Незаконные действия Горьковской милиции только укрепляют меня в мысли о такой же незаконности действий на более высоком уровне, включая Прокуратуру СССР. Вы не сообщили мне ни того, какие именно «компетентные органы» установили мне высылку и режим проживания в Горьком, ни фамилии ответственных лиц, подписавших эти решения, ни сроков этой высылки. Опубликованный же в печати Указ Президиума Верховного Совета касается лишь лишения меня правительственных наград. До предъявления мне соответствующих документов я вынужден считать примененные ко мне меры незаконным самоуправством, неизвестно на каком уровне и из каких органов исходя-

щим. Где гарантия, что это самоуправство не выльется в прямую физическую расправу надо мной и моими близкими. Провокационная газетная клевета, объявляющая меня врагом разоружения (в то время как я всегда поддерживал ОСВ-2), врагом мира (в то время как я призываю к прекращению войны), врагом народа (сыном которого я являюсь), непрерывные угрозы в письмах и при «случайных» посещениях хулиганов (при изоляции от друзей), неопределенность и незаконность созданного мне режима - все это делает возможность такой расправы, за которую никто не будет нести ответственности, - совершенно реальной. Я вновь повторяю свою готовность предстать перед открытым судом, полагая, что в правовом государстве только суд может определить меру и форму наказания.

Посылаю Вам ценным письмом мой паспорт. Я отказываюсь получать обратно свой паспорт и пользоваться им до удовлетворения моих требований».

Одновременно САХАРОВ послал телеграмму аналогичного содержания АНДРОПОВУ. <...>

8 марта радиостанция «Голос Америки» передала интервью «Некоторые мысли на пороге 80-х годов», данное САХАРОВЫМ в письменном виде 22 февраля корреспонденту газеты «Вашингтон Пост». 9 марта это интервью было напечатано в газете.

1. Какое будущее у движения за права человека в СССР в 80-е годы?

Отвечая на этот вопрос и другие вопросы о будущем, я могу лишь сказать о своих опасениях и надеждах, но не делаю какие-либо прогнозы. Мы вступаем в 80-е годы в трудных условиях. Используя период общего обострения международного положения, власти предприняли массированную попытку уничтожить проявления инакомыслия как в Москве, так и на периферии. Эта атака направлена против движения за права человека в целом, против независимых от властей общественных самиздатских журналов - информационного журнала «Хроника текущих событий», дискуссионного журнала «Поиски», против членов групп содействия выполнения Хельсинкских соглашений и примыкающих комиссий (по психиатрии, по религиозным проблемам). Усилились религиозные преследования, резко снизилось число разрешений на эмиграцию, усилились преследования крымских татар. Акция против меня - часть этой широкой кампании против инакомыслящих. Непосредственным ее поводом, вероятно, явились мои выступления об афганских событиях, однако я предполагаю, что готовилась она уже давно. За последние месяцы арестованы Татьяна Великанова и Виктор Некипелов, возбуждено уголовное

дело против Мальвы Ланда. Они – многолетние самоотверженные участники борьбы за права человека, пользующиеся огромным уважением и любовью. Изоляция именно их (так же как ранее осужденных Ковалева и Орлова) особенно важна для властей, потому что каждый из них объединяет в своей деятельности все направления борьбы за права человека в СССР. Арестованы Абрамкин, Grimm, Сокирко (журнал «Поиски»), Бахмин (психиатрическая комиссия), Тарляцкас и Саснаускас (Литва), священники Якунин и Дудко, Регельсон, пресвитер Горетой (религиозные преследования). На длительные сроки заключения осуждены Горбаль, Литвин, Бадзьо, Бердник (Украина), Решат Джемилев, Кадыев (крымские татары). В тяжелых условиях находятся ранее осужденные Ковалев, Орлов, Ширанский, Болонки, Тихий, Руденко, Лукьяненко, Пяткус, Огурцов и многие другие. В якутском лагере в возрасте 84 лет скончался Владимир Шелков – духовный глава Церкви адвентистов, осужденный год назад за письмо Белградскому совещанию о религиозных преследованиях и религиозноиздательскую деятельность. Сам факт осуждения 83-летнего старца был актом вопиющей антигуманности. Есть все основания опасаться дальнейших репрессий. Я обращаюсь к мировой общественности, к Эмнести Интернейшнл и другим мировым правозащитным организациям, к государственным деятелям всех стран с призывом не ослаблять усилий в защиту узников совести в СССР, так же как и в других странах. Я убежден, что деятельность в защиту прав человека в СССР будет продолжаться и в новых более трудных условиях. И в любом случае ничто не может перечеркнуть то, что уже сделано, что стало известно всему миру.

2. Как Вы оцениваете значение движения в защиту прав человека в 70-х годах? Имело ли оно существенное влияние на внутреннюю жизнь в СССР?

Моральное, нравственное значение сформировавшегося в середине 60-х годов движения за права человека в СССР – при всей его малочисленности и подчеркнутой аполитичности – огромно. Оно изменило нравственный климат и создало духовные предпосылки для демократических изменений в СССР и для формирования идеологии прав человека во всем мире. Опасные иллюзии о сущности нашего строя, которые были когда-то почти всеобщими среди западной интеллигенции, стали гораздо менее распространенными, более того, сегодня их почти нет. Я сам испытал притягательное влияние движения за права человека с середины 60-х годов и оно наложило глубокий отпечаток на мое мироощущение и характер моей общественной деятельности.

4. Будут ли власти осуществлять или пытаться осуществить больший контроль за внутренней жизнью страны?

Я опасаясь этого.

10. Будете ли Вы продолжать говорить из Горького на темы, которые Вы считаете важными?

Я не признаю законности наложенных на меня ограничений, в особенности моего права выступать по тем вопросам, которые я считаю критически важными для нашей страны и всего мира, для судеб людей, права которых по моему убеждению нарушаются. Я отдаю себе отчет в том, что каждое такое выступление может повлечь незаконные репрессии или мафиозные действия против меня и моих близких. Я рассчитываю на активную поддержку моих прав честными людьми в СССР и во всем мире – государственными деятелями, моими коллегами-учеными, всеми, кто выступает в защиту моих прав.

26 апреля САХАРОВ ответил на посланный ему вопрос:

«Повсеместно дискутируется сейчас вопрос – о бойкоте Московской Олимпиады в связи с вторжением в Афганистан. Но мне кажется, что на самом деле вопроса нет. СССР ведет военные действия, которые осуждены большинством стран мира – и именно отделение спорта от политики требует сейчас отказа от участия в Олимпиаде, иначе каждый участник и каждый гость косвенно принимает участие в этой войне, а война – есть война, чем бы ни объясняли ее те, кто ее ведет.

Я говорю сейчас, на другой день после большого несчастья – неудачи попытки освобождения заложников в Тегеране. Мир мог бы вздохнуть с облегчением – как это было после Энтеббе. Но этого не произошло. Нельзя осуждать эту смелую и благородную попытку, но важно и американцам и их союзникам сейчас понять, почему она оказалась неудачной, а также проанализировать истоки иранского и других опасных кризисов современности и совместными усилиями многих стран добиться освобождения заложников. Недопустимо думать, что это – задача только американского правительства.

Эти несколько слов я говорю по просьбе голландских друзей, но обращаюсь не только к их соотечественникам, но также к американцам, мысленно с которыми я все это тяжелое для их страны время, и к людям других стран».

<...> Высылка САХАРОВА вызвала многочисленные протесты: коллективное «Открытое заявление» 23 января, 50 подписей), заявление Литовской группы «Хельсинки» в ПВС СССР (документ 26 от 23 января), письмо А.Мизякина («Хроника», 37-39, 45) и В.Войновича в редакцию газеты «Известия» (25

января), заявление Московской группы «Хельсинки» «В защиту академика А.Д.Сахарова» (документ 121 от 29 января), заявление Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (29 января), коллективное письмо литераторов (29 января, 15 подписей), заявление Беллы АХМАДУЛИНОЙ (30 января), письмо Католического комитета защиты прав верующих Папе (документ номер 30 от 7 февраля), «открытое письмо в защиту Андрея Сахарова» Е.Г.БОННЭР (9 февраля), заявление жителя Челябинска А.Ф.АРЕНДАРЯ председателю Верховного Суда СССР (10 февраля), заявление политссыльного В.КОНОВАЛИХИНА в Прокуратуру СССР (22 февраля), открытое письмо А.МАРЧЕНКО академику П.Л.Капице (1 марта).

Из коллективного «Открытого заявления»:

Андрей Сахаров воплощает в себе совесть нашей страны.

<...> Андрей Сахаров является гордостью своей страны и своего народа как гуманист и ученый. <...>

Ссылка Андрея Сахарова – несчастье и позор для нашей страны.

Войнович написал:

Позвольте через вашу газету выразить отвращение ко всем организациям, трудовым коллективам, а также отдельным товарищам <...>, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны – Андрея Дмитриевича Сахарова.

Из заявления Московской группы «Хельсинки»:

А.Д.Сахаров не «переехал» в город Горький, не выслан из Москвы, а *сослан*, подвергнут уголовному наказанию – ссылке, не будучи осужденным. <...>

В опубликованном законодательстве нашей страны не предусмотрена *административная* ссылка. <...>

Беззаконие и произвол, допущенные в отношении А.Д. Сахарова и вызвавшие возмущение во всем мире, страшны не только сами по себе. Это страшный прецедент для каждого свободомыслящего человека в нашей стране. Любого могут схватить на улице, на работе, дома, и к вечеру окажется, что человек «переехал» в другой город и поставлен под гласный надзор властей.

Из письма литераторов (среди подписавшихся под ним художник Б.БИРГЕР и свящ. С.ЖЕЛУДКОВ):

Это имя – Андрей Сахаров – стало синонимом благородства, героизма, человечности. <...>

Кому нужны травля и преследования первого русского лауреата Нобелевской премии мира, человека, который в глазах сотен миллионов людей всех континентов поднял и утверждает престиж нашей Родины, олицетворяет ее честь и достоинство?

Только тем, кто хотел бы возвращения мрачных времен сталинщины.

Одумаемся. Если сегодня можно преследовать Андрея Сахарова, завтра всему народу придется круто.

Среди 15 человек, подписавшихся под письмом, четверо были членами Союза советских писателей. Трое из них: С. БАБЕНЫШЕВА, Р.ОРЛОВА и Ф.СВЕТОВ – после этого письма были исключены из Союза.

Из письма Е.Г.БОННЭР:

<...> Бизнесмены и политики, журналисты и ученые, просто честные люди, приезжавшие посмотреть Россию и Сахарова <...> Я призываю вас в судах, в правительственных и общественных комиссиях своих стран под присягой давать показания о содержании ваших бесед с Андреем Сахаровым <...>. От вашей памяти и вашей настойчивости сегодня зависит жизнь моего мужа. Ему отказывают в праве на суд, и, как только вы забудете о нем и замолчите, совершат расправу. <...> Я обращаюсь к ученым. <...> Радио доносит до нас голоса западных ученых, и каждый такой голос приносит радость. <...> Мы верим, что их голоса не смолкнут, пока Андрею Сахарову не вернут право думать, говорить и жить как свободному человеку. <...>

А советские ученые молчат <...>. Коллеги Сахарова на Западе, не принимайте этого молчания за протест – власти сейчас не приказали клеймить, им выгодно обмануть вас молчанием, чтобы вы контактировали с молчаливыми.

Конечно, Советский Союз – место трудное, если не молчать, однако молчание – сейчас не защита. Призывая к защите Сахарова, я призываю вас, советские ученые, защищать самих себя, ваше право быть людьми <...>.

Я призываю приезжать к Сахарову. Ему запрещены встречи с иностранцами и преступными элементами – у него нет запрещения на вас, уважаемые советские коллеги моего мужа. <...> Я предлагаю вам стол и кров в любой день и час в той шарашке на одного, которую «гуманно» устроили Сахарову, чтобы там под ваше молчание навсегда покончить с этим атипичным явлением нашей с вами жизни.

Я думаю о физиках. Я столько хорошего слышала о вас от Андрея. Само слово «физик» для него полно особого смысла, и он по сей день уверен, что физик хорош душой и смел от природы по самой своей сущности. <...>

Сегодня мне хочется крикнуть: где вы, советские физики? Неужели компетентные органы сильнее и выше вашей науки?

Из письма А.МАРЧЕНКО к П.Л.КАПИЦЕ:

<...> Но почему молчите Вы – достойный и уважаемый ученый с мировым именем? <...> Неужели не оскорбительно Вам, Нобелевскому лауреату, интерпретация Нобелевской премии как подачки за антисоветскую деятельность? <...>

Конечно, Вы можете себя успокоить: мол, в отличие от других академиков, я не подписал ничего против Сахарова и не подпишу. Действительно, многие академики в деле Сахарова показали себя мерзавцами. Но не с ними же Вам равняться, Петр Леонидович: с хорошего человека и спрос больше. Пусть другие равняются по таким, как Вы. Ну, так дайте же достойный подражания пример своим сотрудникам, начинающим ученым, студентам. <...>

Неужели советская Академия прославится в истории только активным или пассивным соучастием в уничтожении лучших сынов своего народа?

Соучаствовали – когда в Саратовской тюрьме умирал от голода ученый, отдавший весь свой талант борьбе с голодом на земле – академик Н.И.Вавилов.

Соучаствовали – когда был вытолкнут из науки, выброшен из созданного им института академик П.Л.Капица.

Соучаствуют – когда подлая мразь затыкает рот (и заламывает руки) академику А.Д.Сахарову <...>

Ну так не прав ли мудрейший из мудрых Владимир Ильич: «Интеллигенция – это не мозг нации, а говно!»

К счастью, не прав: наша интеллигенция имела Прянишникова и Капицу, имеет Сахарова, Орлова, Ковалева – а может быть и Капицу не пора числить в прошедшем времени, Петр Леонидович? Золото, как говорится, и в говне блестит.

Зная Вашу занятость, я не претендую на ответ, да и письмо не личноё.

6 февраля В.БАХМИН, С.КАЛЛИСТРАТОВА, И.КОВАЛЕВ, А.ЛАВУТ, Т.ОСИПОВА, В.РОМАНОВА и Л.ТЕРНОВСКИЙ послали Комиссии по правам человека при ООН заявление:

Мы узнали о намерении Комиссии отдельно рассмотреть положение академика Сахарова. В этой связи мы просим рассмотреть документ 121 Московской группы «Хельсинки» в защиту академика Сахарова, а также его собственное заявление, в котором описан режим, на котором он находится в ссылке.

Мы особо обращаем внимание Комиссии на то, что беззаконную ссылку Сахарова нельзя рассматривать в отрыве от участвовавших в последние месяцы арестов правозащитников, резко усилившегося внесудебного давления на них и от тех новых арестов, которые пока только готовятся.

Мы надеемся, что позорная акция советских властей по отношению к А.Д.Сахарову, равно как и общая кампания по подавлению правозащитного движения в целом, кульминационной частью которой явилась эта акция, получат должную оценку.

Трое из семи авторов этого заявления уже арестованы.

25 января в Махачкале ВАЗИФ МЕЙЛАНОВ вышел в одиночку на демонстрацию протеста против высылки САХАРОВА. Через несколько минут его арестовали.

5/6Б2. Д.Р. Издания Союза Церквей Евангельских Христиан-Баптистов (СЦ ЕХБ)

В потоке самиздата 60-70-х годов основную массу составляет религиозная литература. Наибольшими тиражами и высоким техническим уровнем печатания выделяются издания СЦ ЕХБ.

СЦ возник в процессе религиозного оживления в послесталинское время. К концу пятидесятых годов в баптистской среде обострились отношения между сторонниками конформистской

и независимой линии религиозной деятельности. Конформистское руководство официального Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов (ВС ЕХБ) распространило в 1960 году «Инструктивное письмо старшим пресвитерам» и новое Положение о ЕХБ. Эти документы обязывали пресвитеров привести свою работу в соответствие с законодательством о религиозных культурах, т. е. значительно ограничить сферу деятельности и поставить ее под контроль государственных органов (запреты касались миссионерства, материальной помощи единоверцам, в которой, в частности, нуждались семьи репрессированных, и многого другого). Среди верующих эти документы вызвали недовольство, несогласные создали в 1961 году. Инициативную группу. Группа отмежевалась от руководства ВС ЕХБ, обвинив его в отходе от духа и традиций баптизма. Вскоре был создан независимый СЦ ЕХБ.

Сейчас в СССР, по данным СЦ ЕХБ, около 1 млн. баптистов. Из них 1/3 входит в официально зарегистрированные общины ВС ЕХБ. Приблизительно 100 тысяч человек из 1500 общин входит в СЦ ЕХБ. Основная же масса верующих состоит в независимых, незарегистрированных Советом по делам религий, общинах. После раскола в рядах ЕХБ официальный печатный орган церкви «Баптистский Вестник», издающийся с 1945 года, остался в руках ЕС ЕХБ. Независимой церкви был нужен свой бесцензурный печатный орган. В 1963 году начал выходить печатавшийся на гектографе журнал «Вестник Спасения».

Идея выпуска нелегального издания имела поначалу немало противников, особенно среди старшего поколения, считавшего, что КГБ всемогущ и журнал вскоре будет разгромлен. Однако опыт многих лет доказал жизнеспособность подпольных изданий даже в условиях давления КГБ. Мужество и солидарность верующих оказались сильнее террора.

Уже много лет основная издательская деятельность СЦ ЕХБ сосредоточена в руках нелегального издательства «Христианин». В подпольных типографиях (их несколько) офсетным способом печатаются книги, журналы и др. издания. Типографское оборудование изготавливается рабочими-баптистами. По данным СЦ ЕХБ, издательство «Христианин» выпустило 300 тысяч экземпляров различной печатной продукции. Нелегальной издательской деятельности такого размаха в нашей стране, пожалуй, никогда прежде не было, хотя некоторым группировкам, например троцкистам в 20-е годы и Народно-Трудовому Союзу в годы Второй мировой войны, удавалось создать сеть подпольных типографий.

Деятельность издательства «Христианин» финансируется добровольными пожертвованиями верующих, издания распространяются безвозмездно.

За годы существования издательства КГБ удалось обнаружить подпольные типографии в Ростовской области, под Ригой, в Иван-Городе и, наконец, в 1979 году, в Молдавии. Несколько десятков сотрудников издательства были осуждены на сроки до 5 лет заключения. Несмотря на это, издательство «Христианин» продолжает работу.

Среди напечатанных типографским способом книг «Несите весть им о Христе» Смита, «Путешествие пилигрима в небесную страну» и «Духовная война» Джона Буньяна, «Секрет и сила молитвы» Астахова-Салова, Новый Завет и многие другие. Выходят также книги для детей и календари. Очень интересен двухтомник «Песни христиан», в котором помещено более 1000 религиозных гимнов с нотами.

Издательством «Христианин» печатается центральный орган СЦ ЕХБ ежеквартальный духовно-назидательный журнал «Вестник истины» (приемник «Вестника Спасения»). К настоящему времени вышло около 70 номеров. Объем номера до 40 стр. Основной частью журнала является духовно-назидательный раздел. В нем печатаются богословские статьи, проповеди, статьи, касающиеся практических вопросов деятельности неофициальных общин, в том числе миссионерства.

В разделах «Молитесь о них» и «Страничка узника» печатаются материалы о репрессиях против верующих-баптистов, помещаются портреты репрессированных. Кроме того, журнал имеет разделы «Из жизни братства», «Страницы истории» и др. В каждом номере публикуются стихи религиозного и социального содержания. Часть опубликованных материалов – переводы. Журнал иллюстрирован, используется цветная печать.

Кроме «Вестника истины», СЦ издает (с 1965) «Братский листок» - издание типа листовки, печатает различные документы и пр., а также «Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР». Совет родственников основан в 1964 году, находится на нелегальном положении. За годы своего существования он выпустил около 70 номеров «Бюллетеня». «Бюллетень» помещает информацию о преследованиях верующих ЕХБ: арестах, лишениях родительских прав, помещении в психбольницы и т.д. Публикуется информация о протестах против этих преследований: письма, заявления и пр.

Материалы «Бюллетеня» использует «Хроника текущих событий» и другие издания.

Широкое хождение среди верующих имеют документы, касающиеся различных сторон жизни ЕХБ. Представляет интерес, например, открытое письмо Л.Крючковой, жены активиста СЦ Геннадия Константиновича Крючкова, находящегося на нелегальном положении с 1963 года. В письме (оно было размножено на гектографе) рассказывается об установке в доме Крючковой на станции Узловая Московской области подслушивающего устройства. Крючкова пишет, что к ней неожиданно явились двое, переодетые электромонтерами, и заменили электрический счетчик. Через несколько дней ее дом посетил Григорий Винс, скрывавшийся тогда от КГБ. Сразу после этого посещения его арестовали. Новый счетчик был вскрыт электриками-баптистами. В нем нашли подслушивающее устройство, основным элементом которого являлся высокочувствительный микрофончик американского производства. Сразу после снятия счетчика в дом Крючковой явились «электромонтеры» и потребовали отдать счетчик. Крючкова отказалась. Тогда сотрудники КГБ устроили у нее обыск. За домом установили круглосуточное наблюдение и обыскивали всех, кто входил в дом и выходил оттуда. Крючкову запугивали – грозили привлечь к уголовной ответственности за хищение государственного имущества. «То, что вы нашли, – говорили ей гэбисты, – стоит очень дорого». Однако Крючкова держалась стойко и не вернула «государственное имущество». К ее письму прилагаются фотографии этого счетчика, сделанные для наглядности на разных стадиях вскрытия, а также отдельное изображение извлеченного на свет Божий устройства.

Активной издательской деятельностью среди сектантов занимается не только СЦ ЕХБ. В 1979 году баптистские общины, не входящие в СЦ и не зарегистрированные официально, основали издательство «Истина». Издательство имеет свою подпольную типографию, в числе первой продукции которой – красочно оформленные рождественские открытки и христианский календарь на 1980 год.

На высоком уровне поставлено издательское дело у Адвентистов Седьмого Дня. Издательство «Верный Свидетель» в подпольных типографиях, среди прочего, выпускает книги скончавшегося недавно в лагере руководителя АСД Владимира Андреевича Шелкова (1896-1980).

Свидетели Иеговы и некоторые другие религиозные группы также имеют обширную литературу, при выпуске которой используется множительная техника.

Процесс религиозного возрождения, происходящий в нашей стране, распространяется, естественно, и на основные религии,

вызывая волну Самиздата. В 70-е годы появились такие издания, как «Хроника литовской католической церкви», «В свете Преображения», «Призыв», «Община» и др.

Потребность в религиозной литературе, ее значение в обществе стремительно растут, свидетельствуя о духовном бессилии диктатуры атеизма и материализма, о неистребимости веры в Бога.

5/6БЗ. Михаил ГЕФТЕР, Глеб ПАВЛОВСКИЙ. Накануне...

Скверная вещь – привыкание. Иногда – гнусная. Все чаще – страшная.

Мы привыкли к тому, как с нами обращаются. И привыкли если не так же, не так точно, то близко к тому – обращаться друг с другом.

У самой простой, банальной привычки – непростой контекст.

Человек поднимает руку – голосует. Обычный наш ритуал. За что – не так важно, много существенней – что будет, если человек откажется это сделать. Не спрячет в кармане кукиш, высунув его затем дома или в другом относительно безопасном месте, а скажет: *не хочу*. Откажется от ритуала. Спокойно и просто – не хочу.

Что это? Сотрясение основ. Другая жизнь. Даже больше, чем голосование против (в «данном», «конкретном» случае).

Человеку невоготу – от дискриминации, от стеснений, каких не перечислять, от бессмысленных рогаток на каждом шагу. Человек напрягается, чтобы преодолеть их или обойти. Но знает: преодолеть при наших обстоятельствах – значит отхватить кус привилегий. Раз не стеснение, не недостача, то *привилегия*. Нищая, крохотная, даже нелепая, но сутью – привилегия.

Деваться некуда. Необразованному и образованному – некуда. Тут и проблем никаких нет. Это будни, обиход, всероссийская наша привычка.

Так что же – отказаться от привилегий? Спокойно и просто – *не хочу*? Сотрясение основ. Другая жизнь. А есть ли в нее общий ход для всех? Общего нет. Пока нет. Пока – только личный.

«Вам придется себе все создавать, сударыня, вплоть до воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами». Давненько написано, лет сто пятьдесят назад. Правда, автора объявили сумасшедшим. Тем сегодня вернее звучит... И эти слова, и пояснение к ним, к их личному, всечеловеческому смыслу:

«...Вы, пожалуй, могли бы подумать, что я требую от Вас монашеской замкнутости. Но речь идет лишь о трезвом, осмы-

сленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали <...>. Такое существование прекрасно мирится со всеми законными благами жизни, оно даже их требует, и общение с людьми – необходимое его условие».

Не спириты мы, и дух Петра Яковлевича Чаадаева вызвать нам не по силам. А осуществись такое, пожалуй, услышали бы очень крепкие слова, на изысканном французском, либо признался бы «Басманный философ»: не знаю! Не знаю, с чего вам начать, знаю только – давно вам пора начать. Начать и начаться.

Каждому, не лишённому чувства ответственности, – начаться.

Каждому, кто ценит законные блага жизни, из коих первое – общение с себе подобными. Свободное здесь и «там». Всюду, где думают, ищут, страдают, действуют люди. Всюду, где жизнь; всюду, где жизнь – под ударом.

«... Вам придется себе все создавать <...> вплоть до воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами». Мыслимое чаадаевское, а сегодня – буквальное. И кажется, нет чувства оправданнее отчаяния. Однако отдаться ему – непростительная роскошь, даже с собой наедине, не на вынос и не на продажу. Даже если *надежда* сегодня не больше чем *гипотеза*.

Все-таки недаром она женского рода. Она – гипотеза надежды: вдвойне «сударыня». По всей планете, в особенности же у нас. Так истари повелось, и традиция эта прочная, как ее ни мяли, ни отлучали словом и делом – выжила и живет. Если с десятков лет тому назад именем нарицательным – Лариса Богораз, то сегодня – Татьяна Великанова. Гордись женщинами, Россия!

Гордись и ответствуй – себе, миру: почему разрешаешь гнать их и травить, заточаешь в Лефортово?

В стране, где события через одно – исторические (и даже те, что еще не сбылись, а только наперед объявлены), арест Татьяны Великановой – веха. И оттого, что за решеткой тюрьмы с недоброй славой – женщина, и оттого, что случилось это на исходе 1979-го, порогового года. То и другое вместе – приступ бессилия: бессилия выйти из тупика и бессилия признаться в этом. Первое в огромной и все нарастающей степени – зависимо от второго. И если первое – паралич работоспособности – удел власти, монополизирующей право решения, то второе – склероз ответственности – общий наш стыд; этими цепями скованы все подряд.

Кто вправе призвать к ответу немых за из немоту? Тот, кто преборол немоту в себе <...>.

Никто не знает, под какую статью собираются подвести Татьяну Великанову, Глеба Якунина, Миколу Горбала, Антонаса Терляцкаса. Под ту же, что и Юрия Орлова, или обстоятельства

«вынудят» сделать еще шаг? В закулисные тайны допуска нет ни родным, ни адвокатам. Тут все посторонние.

Но впрямь ли тайна *это*? Не статья, не улики, а бессмыслица, абсурд, рядящийся в одежду государственного смысла, обставляя себя реликтами былого? Не тайна – а действует гипнотически закрытостью, секретностью, иероглифами слухов и наветов.

Снова и снова – напоказ, во устрашение всем: всякий, кто «не совпадает» и притом посмел таиться, кто дал обет свободного общения с себе подобными, обет трезвого, осмысленного существования – обет открытости – опасен, и надо его остановить, а не остановится – пресечь.

Перед лицом этой нынешней ситуации стушевываются все различия ее вариантов. На первом плане – и с каждым днем зримей – *закрытая дверь из тупика*.

Закрытая – для всех, даже для тех, кто закрыл и держит. . .

Если попытаться в одном слове собрать все чувства, переживания, мысли, решения этой осени, то нет, пожалуй, более точного слова, чем *накануне*.

Мы – накануне.

Мы все.

К этому клонится и то, что рядом, и то, что далеко и даже совсем далеко от стен нашего дома – на деле же близко и все ближе, если еще не – тут.

. . . «Национальный по форме» Хомейни не наш ли соотечественник? А куда за честь Пол Пота – проштрафившегося первого секретаря?

Не ради зубоскальства. Чужие беды, кажется, подступили к горлу. И тем, что от нас пошло, и тем, что вернулось к нам. И чужая беспомощность перед нами, отчасти, тоже – наша.

Все мы, на Земле – накануне. Накануне крутых перемен, касающихся не подробностей жизни, а ее самой.

К лучшему ли они, эти перемены, либо к жуткому, предвещают шанс к выходу либо приоткроют бездну – сказать трудно. Точно сказать невозможно. Потому и «накануне» (не подробней, не больше), что в петле хронической, ставшей уже невыносимой, предкатастрофы не исключает ни то, ни другое.

. . . Что среди самых исконных, допотопных проблем и бед не обновилось за тридцать пять лет с конца последней из «классических» мировых катастроф? Уже несколько поколений сроднились с миром равновесия страха, миром напряженности, просачивающейся извне вовнутрь человека. Кажется, к чему ни привыкнешь, с чем ни стерпишься, но. . .

День приходит – и то ли «просто» устали люди – каждый чело-

век устал, истощилось в нем терпение – то ли к концу подошли ресурсы приспособления к обстоятельствам, им порожденным и его же грызущим, тиранящим – так это или нет, но эта чисто человеческая «добавка» к планетарной ситуации сделала взрывоопасным все расхожее, будничное, обкатанное вроде и словом и временем.

Накануне – это сумма бед и угроз, возведенных в степень краткостью сроков, отпущенных для ответа.

Планетарный ультиматум, объявленный человечеству тем загадочным и вместе с тем абсолютно земным *нетерпением*, которое, зачавшись в человеке, рвется ныне наружу.

Накануне – кентавр, из отказа людей передоверить «кому-то» решение своей участи и из неспособности миллиардов, населяющих Землю, найти внутри себя – свободных и суверенных – источник решений, несущих действительную, реальную защиту *жизни как таковой*.

Вот почему не исключена ни бездна – ни избавление. Вот почему и то и другое *вместе*, неразделимые пока. Разделит их, если это вообще суждено, только действие. Человеческое действие, ответственное и осмысленное, согласное и нетрадиционное.

Сегодня не о том спор – не повременить ли с усилиями, не отложить ли их на другой раз, не переложить ли на кого из более властных, более знающих или тех, кому «нечего терять». Неравнодушным есть что выбирать лишь *внутри действия*. Выбирать, отвечая неумолимому требованию: решительности, нераздельной с самоограничением, сдержанности, исключаящей утопии и самообманы доступных сделок, духовной и нравственной широты, которая отвергает всякий «перст указующий», ищет свой смысл и образ в поступке, дисциплине отказа, в личном и групповом почине – тех «невеликих», «малых» делах, какие сегодня не ниже вчерашних великих, требуя нередко большей смелости от человека.

Тупик, в котором сегодня все – его огромность, слитность, герметичность – окоп авторитарной власти. Ее губит боязнь и неспособность *отступит*. Нас – неспособность помочь ей в этом.

Последнее может удивить и даже насторожить. Чистота намерений доказывается, однако, не декларациями и не гордыми жестами. Никто не оспорит правоту противостояния, когда этим отстаивается жизнь. Но противостоянию не заменить *саму жизнь*...

Живые люди не секта смельчаков, а *все*. И решающее слово за теми, кто еще молчит. Как сделать, чтобы их слово не запоздало? Чем успеть, чтобы танки не опередили мысль?

Беречь «статус-кво», выжидая появления земного миссии либо его заместителя в мундире – хуже, чем иллюзия. Неопределенная власть, безграничная власть, предоставленная себе одной, при наших чрезвычайных обстоятельствах *безответственна*: оставленная на себя, она может лишь скользить в однажды взятном направлении – ниже и ниже.

Ей надо помочь остановиться и отступить.

Ей надо помочь признать законность «инога», признать «иное» за норму.

Надо помочь ей усвоить то, что для нас, здесь живущих – первое первого: нет и не может быть никакого «идеального решения», которое равно устроило бы всех – и не только отдельных людей, но и народы, страны, культуры, составляющие Россию – СССР.

Ей надо помочь войти в берега допустимого и дозволенного – ради России. А что допустимо, что дозволено – наперед не пропишешь. «Чужой» опыт здесь хорош, но и свой не пустое место. Точнее, не свой, а *свои*, свои опыты (прошлые и нынешние, местные и общие). От опытов, от публичного их разбора, открытого состязания их – к решениям. Тоже разным! И – к согласию, к совместимости решений, к открытому синтезу их.

Это не просто вариант «помягче». Это единственный некатастрофический. Единственный из разумных, для которых еще есть время.

Помочь власти отступить, согласившись на «мягкий выход», может только *общество*. Знающее, что оно суверенно. Знание же – от усилий, от попыток, от поступков. И пора обществу отважиться *быть*.

Хватит нам страусовых игр. Будет ли границей общества Лефортово или общество откроется каждому, как и его общее внутреннее дело, зависит от каждого. В самом буквальном смысле – каждого!

Способ и путь вступления в общество – личный наш, открытый вопрос. Нет здесь и готовых рецептов. Одно ясно: перскладывать дальше не на кого.

Открытый вопрос пора открыть для себя. Лично, но не познать. Открыть – вопреки всему.

Пример и участь Татьяны Великановой и других, чьи имена образовали драматический символ этой осени канунов, обязывают – *меня и тебя* – в меру понимания, веры и сил войти в общее дело. В работу ответственных. В дело *диалога*, открывающего людям их собственный смысл, делающего их слово нужным и веским. В дело *неучастия* – во всем навязанном, не своем, во всем,

что требуя с нас сегодня «малость» – лишь послушание, лишь по-луказенную тихость – завтра вернется бедой, отбирая надежду. Откладывать некуда.

1 декабря 1979

5/6Б4. ЭРНСТ ОРЛОВСКИЙ. Автоинтервью. (сокращение редакции)

Мне нередко приходится отвечать на вопросы, касающиеся моих политических взглядов, моей оценки тех или иных сторон жизни в нашей стране. Такие вопросы мне порой задают друзья и сослуживцы и просто знакомые, подобные же вопросы мне задавал КГБ. Я решил собрать ниже некоторые из чаще всего задаваемых вопросов и попытаться сформулировать свои ответы.

1. Считаете ли Вы себя диссидентом? Кто такие диссиденты? Чего они хотят?

О т в е т. Да, я считаю себя диссидентом. В моем представлении диссидентом является тот, кто не согласен с теми или иными существенными сторонами политической и/или экономической системы СССР и открыто заявляет о своем несогласии. Довольно многие люди сейчас критикуют советскую систему, и подчас очень резко, в курилках, очередях за продуктами и тому подобных местах, но на собраниях, в официальных беседах повторяют официальные формулы и в любой момент готовы отречься от своих высказанных в курилках кулуарных оценок. Поведение таких людей, я думаю, объясняется не только трусостью и приспособляемостью, но и тем, что они обычно сами не вполне уверены в правильности своей критики и не пытались серьезно продумать свою позицию. Таких людей не отношу к диссидентам. <... > Диссиденты не объединены в какую-либо организацию и тем более не составляют политической партии. Тем не менее есть ряд требований, которые выдвигают все или почти все диссиденты. Это прежде всего требование (1) обеспечить возможность свободного обсуждения коренных проблем политического и экономического развития страны. Это также требование (2) строго соблюдать советские законы, защищающие права граждан, а в тех случаях, когда советские законы не соответствуют международным обязательствам СССР, внести в законы необходимые изменения. (Дело в том, что советские законы во многом не соответствуют международным пактам и конвенциям, участником которых СССР является, но кроме того, даже существующие законы часто нарушаются в ущерб гражданам.) Эти требования подразумевают также (3) полное прекращение репрессий по политическим мотивам.

вам (лишение свободы, ссылка, увольнение с работы, понижение в должности или снижение заработной платы).

3. Каков, по Вашему мнению, характер политического и экономического строя СССР? Считаете ли Вы СССР страной социалистической?

О т в е т. Вопрос о характере строя той или иной страны сложен. Я думаю, невозможно изолированно определить характер строя какой-то одной страны, без сравнения с другими странами (хотя порой так и пытаются делать). Для меня ясно также, что объединять различные страны в группы по характеру их строя можно далеко не единственным способом. Поэтому вопрос о характере строя той или иной страны становится осмысленным лишь после того, как приняты определенные критерии классификации и определенные дефиниции различных типов систем. Между тем даже для такого понятия, как социализм, не существует общепринятого определения. <...> Социализм как общественно-экономическая формация характеризуется, с точки зрения марксизма, прежде всего тем, что все основные средства производства находятся в общественной собственности. При этом в советском варианте марксизма под общественной собственностью понимается любая нечастная собственность, а высшей формой общественной собственности считается собственность государственная. С этой точки зрения, совершенно несомненно, что в СССР социализм. Надо только помнить, что по этому критерию надо отнести к социалистическим странам не только страны-члены СЭВ и Северную Корею (КНДР). По этому критерию и Китай несомненно страна социалистическая. <...> Но в последнее время избегают называть Китай социалистической страной и исподволь начинают ставить под сомнение социалистический характер его строя. Например, Ф. Бурлацкий в «Лит. газете» за 23. 05. 79 высказывает подобные сомнения и характеризует китайский строй как националистический и как военно-бюрократическую диктатуру. При этом он убедительно показывает, что капитализма в Китае нет и нет опасности реставрации капитализма – вопреки тому, что утверждают многие «низовые» пропагандисты). Остается неясным: к какой все же общественно-экономической формации относится китайское общество. <...> Исходя из принятого марксистского критерия, Кампучия при Пол Поте также несомненно должна быть отнесена к социалистическим странам, как бы это ни было неприятно для пропагандистов социализма (кстати, годовщина прихода к власти Пол Пота остается ведь национальным праздником для новых властей Кампучии, опирающихся на Вьетнам). Более того, по этому критерию придется при-

знать социалистическими и некоторые страны с рыночной экономикой, которые обычно относят к капиталистическим. Например, в Австрии государственный сектор занимает ведущее положение в экономике. Если не ошибаюсь, сходное положение и в Италии. А в Израиле, как я полагаю, ведущую роль в промышленности играет (или играл до последнего времени?) сектор, находящийся в собственности профсоюзного объединения Гистапрут, тогда как в сельском хозяйстве вся или почти вся земля принадлежит кооперативам (киббуцам) и/или полугосударственному Еврейскому агентству. Коли это так, то и Израиль оказывается социалистическим государством. Советские пропагандисты на это отвечают, что при определении характера политической и экономической системы страны следует еще учитывать, какой класс находится у власти. Но, во-первых, производственные отношения, а тем самым и общественно-экономическая формация, определяются тем, в чьих руках находятся средства производства, и неясно, при чем здесь вопрос о власти. А во-вторых, совершенно неясно, по каким же критериям определять то, какой класс стоит у власти. По социальному происхождению членов правительства? Но тогда как раз и выйдет, что в Австрии у власти стоит рабочий класс, а много лет он стоял у власти и в Англии, и в Швеции, и в Израиле. Говорят: надо смотреть на то, чьи интересы выражает правительство. Но такой критерий весьма субъективен. Кроме того, сравнение положения рабочих в Советском Союзе, с одной стороны, и в таких странах, как ФРГ, США, Франция, Австрия, Швеция, Израиль, с другой стороны, вряд ли окажется в пользу Советского Союза.

4. Какие стороны экономической и политической системы Советского Союза в наибольшей степени нуждаются, по Вашему мнению, в совершенствовании?

О т в е т. В совершенствовании нуждается очень многое. Но если выделить самое важное, это в экономике критерии оценки работы предприятий и критерии выбора проектных решений, а в политике проблема участия широких масс народа в управлении.

О том, что существующий «хозяйственный механизм» толкает даже самых сознательных руководителей предприятий на разбазаривание ресурсов в громадных масштабах, пишут очень много даже в советской печати. Общеизвестно, что нужны радикальные изменения хотя бы в том направлении, как сделано в Венгрии. Однако ничего не делается. Экономическая реформа заторможена. А высшие руководители призывают лишь к укреплению дисциплины как к единственному средству укрепить экономику. Это по-детски наивно.

Что касается участия трудящихся в управлении государством, то, вопреки утверждениям советской пропаганды и вопреки тому, что писал Ленин, оно у нас сведено к минимуму. Хуже всего полное отсутствие информации о работе органов управления страной, и городом, заводом. Советскому гражданину легче узнать (хотя тоже не очень легко) о подробностях законопроектов, обсуждаемых в сенате США, чем хоть что-то о законопроектах, готовящихся в Верховном Совете СССР) за редкими исключениями, когда проект публикуется для всенародного обсуждения; но даже и в этом случае, в отличие от общепринятой в других странах практики, объяснительная записка к проекту остается засекреченной).

5. Как Вы относитесь к эмиграции из СССР?

О т в е т. Я считаю право на выезд из своей страны и на обратный въезд, предусмотренные Пактом о гражданских и политических правах, одним из важнейших демократических прав (но не согласен с выделением этого права как якобы самого важного). Это право включает в себя право на эмиграцию, но отнюдь не сводится к нему. А тем более неправильно сводить это право к свободе эмиграции для одних лишь евреев.

Я за то, чтобы каждый, кто желает уехать в другую страну как на постоянное жительство, так и на время, мог это сделать (при отсутствии законных препятствий к этому). Это предусмотренное Пактом право открыто нарушается советскими властями. <...> Советские должностные лица на страницах советских газет разъясняют, что в разрешении на выезд будет отказано, если желающий уехать имеет в СССР более близких родственников, чем те, которые живут за рубежом, или если он имеет редкую и важную для нашей страны профессию или специальность. Между тем отказы по подобным причинам Пактом не предусмотрены и являются его нарушением. Что касается Хельсинкских договоренностей, то они в вопросе о праве на выезд делают основной упор на воссоединение разделенных семей. Однако в Хельсинкском заключительном акте есть также положение, обязывающее страны, подписавшие этот документ, строго соблюдать принятые ими международные обязательства о правах человека. Поскольку СССР принял на себя обязанности по Пакту о политических правах, но не соблюдает их, он тем самым нарушает и Хельсинкские договоренности.

Если за евреями в какой-то степени все же право на эмиграцию признается, то оно почти полностью отрицается за всеми остальными гражданами СССР.

Выступая за обеспечение права на эмиграцию, я вместе с тем считаю массовую эмиграцию из СССР нежелательной. <... >

Еще в большей степени, чем эмиграция, ограничены поездки советских граждан за рубеж на время. Конечно, за последнее время увеличилось число поездок советских граждан за рубеж по всякого рода служебным делам, а также для посещения родственников. Но поездки туристического характера возможны только в составе туристических групп с чрезвычайно жесткой регламентацией поведения членов групп за границей. Это касается даже поездок в социалистические страны. И даже в эти группы можно попасть только после многоступенчатых проверок, при наличии ходатайства коллектива, который «принимает на себя ответственность» за поведение данного лица (хотя смысл этого неясен) и при условии согласия райкома партии. Поездки же на более длительные сроки (полгода-год) для работы, учебы и др. почти полностью исключены. А между тем именно такие поездки советских граждан за рубеж (и аналогичные поездки иностранцев в нашу страну) больше всего способствовали бы укреплению взаимопонимания и обогащению обеих сторон в культурном, бытовом, техническом и любом другом отношении. Почти полный запрет таких поездок также является грубым нарушением Пакта.

5/6Б5. П.Р. Терминология

В последние годы политические позиции различных русских групп на Западе и оппозиционных групп в СССР стали оказывать влияние на общественную жизнь и международную политику. При этом выяснилась туманность представлений о жизни на Западе, связанная с вполне советским представлением о ряде политических категорий – например, таких как «лево – право». Критерием разделения в этом плане явилось отношение к советскому строю. По этому критерию левыми оказывались американские миллионеры Итон и Хаммер, воинствующее религиозный режим полковника Кадафи в Ливии, и даже III Рейх в период действия Закона о дружбе и границах (1939-41) ощутимо левел. В «правые» записываются председатель объединения американских профсоюзов, социалистическое правительство ФРГ, да и любой видный человек на Западе, высказавшийся по поводу «чешских событий».

В самом общем плане под категориями «право-лево» подразумеваются следующие антимонии:

левореформаторский прогрессивный советский республиканский демократический радикальный

**правоконсервативный реакционный церковный монархический
диктаторский умеренный**

При этом обычно правительство является тем ноле́м, от которого начитается отсчет. Простые сравнения мало что раскрывают: монархия короля Хуана Карлоса Бурбона оказывается все же лучше (левее?) и аргентинской, и польской демократий, не говоря о диктатуре Франко. Очевидно, в современной политической жизни появился ряд особенностей, вынуждающих искать иной «ноль отсчета».

Им может быть понятие тотальный, тоталитарный – всеобщий, всеобъемлющий, всеохватывающий. Под тоталитаризмом понимается такое государственное устройство, в котором верховная власть – правительство или правящая партия – руководит всеми сторонами человеческой деятельности: политической (законодательной), юридической, экономической и культурной. При этом содержание любой формы общественной деятельности превращается в государственную службу, а все подданные такого государства – от плотника до поэта – в государственных чиновников.

При этом выборы – парламента ли, верховного ли совета – могут осуществляться и так называемым демократическим путем, то есть путем прямого, равного и тайного голосования, по крайней мере номинально. Несмотря на то что руководители такой системы могут быть выходцами из простонародья и стоять на очень низком уровне образования и культуры, тоталитаризм – безусловно правая институция, на какое бы наименование она ни претендовала.

Антитезой тоталитаризма можно назвать то, что обычно подразумевают под понятием плюрализма. Как правило, под ним имеют в виду многопартийную систему, некие формы политической свободы. Можно расширить это понятие, включив в него представление о максимальной разделенности форм власти. В таком случае образуется следующий ряд:

лево	Плюрализм Самодержавие	соединение исполнительной и законодательной власти	
	Диктатура или тирания		соединение исполнительной, законодательной и юридической власти
	Фашизм		
право	Тоталитаризм	соединение исполнительной, законодательной, юридической и духовной власти	

Предлагаемая шкала позволяет оценить характер режима, курс правительства, программу партии по тенденции к большей или меньшей концентрации власти. В таком случае, как это ни покажется странным, призывы французских социалистов к увеличению государственного сектора экономики – безусловно правая, а стремление христиан в России к большей независимости от государства – левая тенденция.

Судебная реформа Александра II привела к тому, что на месте тирании Николая I возникло самодержавное правление, и оно было «левее» предыдущего.

Конечно, эта шкала не отражает всех особенностей политической жизни. Так, помимо концентрации власти показательным является и то, в какой степени жестко эта власть проявляется, так сказать, мера либерализма. В Советском Союзе в эти более узкие рамки уложится и 37-й год, и хрущевская «оттепель». В то же время коллективизация, то есть захват государством всей экономической власти в стране, лучше оценивается по шкале концентрации власти.

5/6Б6. Абсолютно все «за»

Закончилась очередная грандиозная кампания единодушного опускания бумажных листков в щели деревянных ящиков. Наш народ успешно справился с этой задачей, блестяще выполнив почетный долг, продемонстрировав и показав. . . В списке избирателей было включено 174 944 173 человека, в голосовании приняло участие 99,99%, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовали 174 734 459 избирателей, 185 422 высказались против и 42 испортили свои бюллетени.

Любопытно было бы узнать, кто эти 0,01%, не воспользовавшиеся своим священным правом советского человека?

Во-первых, это 7-10 тысяч несчастных, что навеки закрыли глаза в этот торжественный день. Во-вторых, 30-40 тысяч, что умрут в ближайшие дни согласно неумолимой статистике, а пока в беспамятстве ворочаются на койке. И столько же умерших вчера и позавчера – в списках они есть, а в наличии нет. В-третьих, 15 тысяч матерей, произведших нашу счастливую смену в этот день, заснули счастливым сном, забыв об обязанностях перед обществом. И еще столько же, что произведут это смену завтра, но еще мучаются в родильном отделении, или произвели вчера, но еще не пришли в себя.

— Погодите, – скажет внимательный читатель, – это уже, кажется, около 100 тысяч?

— Да, как минимум. Но дальше начинается та отвратительная стихия человеческой жизни, которая не поддается статистическому учету. Тысячи послеоперационных больных, что не в силах были поднять руку, чтобы исполнить свой гражданский долг. Миллионы людей заболели в тот день по домам: у кого грипп, у кого сердечный приступ. И что обидно — многие умудрились заболеть не дома, а в гостях, у родственников, на даче. К такому не прибежишь с избирательной урной — нет его дома. Да и по домам не везде побегаешь. Хорошо в большом городе, а в деревне, в степи, в горах, в тайге? Там и перепись населения проводится по полгода, а тут за полдня все беги!

Но больные — еще полгоря, у них есть хоть уважительная причина. Куда хуже алкоголики и пьяницы. И сколько их! Целые деревни пьют беспробудно с субботы до понедельника. И как не пить — последний день масленицы. В городе тоже пьют. Кто в компании, кто в одиночку. Прибежит к такому агитатор, а он лыка не вяжет, никуда идти не желает. Отдельная беда — рыболовы, охотники, туристы и просто дачники. Им одно удовольствие побить за городом. И командировочные. И если и взяли открепительный талон, то неизвестно, куда его опустили — может, вовсе и не в урну. Геологи, охотники, лесники — люди, месяцами не встречающие живой души, — тоже не все сумели выполнить гражданский долг.

Душевно больные тоже своя проблема. Они, конечно, изредка бывают по суду лишены избирательного права, но кто без этого лежит в больнице, то есть уж болен, — а с урной к нему не пойдешь, он, глядишь, и за Картера проголосует. А в одной Москве десяток больниц и в каждой тысячи.

Престарелые родственники, няньки и прочие, живущие без прописки — боязливая и уклоняющаяся от любого учета категория. Уголовники тоже прячутся неизвестно где. Сами агитаторы хороши. И смех и грех: бегают такой активист по домам, старается за свои два отгула сподвигнуть подопечных к голосованию, а на другом конце города другой агитатор нашего разыскивает. Конечно, не все такие, но из 1,5 млн. членов избирательных комиссий немало в таком положении наберется.

Евреи — «отказники» — вот еще новое недоразумение. Они себя вроде и советскими людьми не считают, мол, хотим на «родину», и все тут. И наконец — позорная категория — предвыборные вымогатели. Как выборы — они тут как тут. Кому телефон десять лет не ставят, у кого крыша течет, кому не нравится жить вдесятером в одной комнате. Каждый со своей претензией: не выполнят — не пойдём. Некоторые в последний момент испугаются, прибегут, а другие так до конца и упрутся.

— Как же так, — вправе спросить внимательный читатель, просмотрев далеко не полный список неучаствовавших в опускании бюллетеней. — Ведь в газетах писали, что не голосовало только 23 952 из зарегистрированных. Неужели...?!

— Да, к сожалению, это так, и не может быть иначе.

— Но о чем они думают! Это же противоречит логике, здравому смыслу, теории вероятности, элементарной порядочности, наконец!

— Наверное, они об этом не думают. И если можно понять председателя Центральной избирательной комиссии председателя ВЦСПС А.И.Шибаева, ее членов И.З.Соколова (2-й секретарь ЦК КПУ), В.Н.Пастухова (1-й секретарь ЦК ВЛКСМ) — они не только подсчитывают голоса, но и голосуют сами за себя, являясь одновременно и депутатами, то вот академика А.А.Логунова, выдвинутого в избирательную комиссию коллективом преподавателей и студентов МГУ, такое откровенное непонимание математической статистики явно компрометирует.

Примитивный уровень фальсификации огорчает не из-за результатов выборов, а тем, что показывает всю убогость мышления наших руководителей: люди со столь ограниченными умственными способностями принимают за нас решения, от которых зависит судьба страны.

Правда, они не первые это придумали. В 1927 году Иосиф Виссарионович с гордостью указывал на 50% участников голосования (сколько из них голосовало против, к сожалению, неизвестно), в 1934 году 85% участников считается хорошим результатом, а еще через 2 года, во времена славного наркома Ежова, когда, как известно, приняли конституцию, построили социализм и пересадили добрую часть строителей, процент голосовавших превзошел 95%, естественно возможную границу.

Вступив на путь возрастания любви и преданности к своим руководителям, советский народ, а вернее, товарищи, которым поручено фальсифицировать его мнение, не могут остановиться. После войны цифра достигла 99%, потом появился четвертый знак — сотые доли %, вот и они достигли своего предела.

Ну а дальше? Продолжая эту тенденцию, можно не сомневаться, что к 1984 году исчезнут и эти жалкие 24 тысячи отщепенцев, и все мы — партработники и уезжающие евреи, агитаторы и провокаторы, алкоголики и шизофреники, рожающие и отошедшие в мир иной, дружно взявшись за руки, продемонстрируем и проголосуем:

— «ЗА».

А еще дальше? Неужели примитивная арифметика положит

предел стремлению к совершенству? Исключено! Мы перешагнем этот никому не нужный 100%-й рубеж, поднимемся над ним, оторвемся и полетим, полетим в светлое будущее.

5/6Б7. Первая задача

Недавно мне случилось разговаривать с молодым алтайцем о Хара-Хоруме – просуществовавшем с 1917 по 1921 год независимом алтайском государстве – и о более современных проблемах алтайцев. И в какой-то момент разговора я подумал: Господи, до чего ж все здесь просто! Задача одна – обрести независимость, без ее решения немыслимы никакие «идеологические» или социально-философские проблемы, более того, многие из них, кажущиеся сейчас актуальными, окажутся разрешенными в самом процессе обретения независимости. А в Москве. . .

Едва успев зародиться, общественное мнение о Советском Союзе раскололось на десятки направлений с разными идеологиями, разными объяснениями источников тоталитаризма и картинami идеального будущего, со своей терминологией и со своими кумирами. Но воплотились в конкретные действия далеко не все, и даже поднялись до призывов немногие. Адепты главных идей уклоняются от ответа на «коварный» вопрос: «А делать-то что?» А призывы тех, кто не уклоняется, слишком часто пропадают втуне. Поэтому сейчас более существенна практическая деятельность в рамках любого направления, нежели продолжение идейного спора и углубление разногласий. Но об одном направлении я считаю для себя необходимым высказаться.

Я – русский. Я называл себя таковым много раньше, а осознал много позже, чем увидел такую отметку в своем паспорте. Как самосознание личности приходит во взаимодействии с другими, так и национальное рождается во взаимодействии с другими нациями, а общаться с представителями других народов, населяющих обширную территорию Союза, я стал лет в 25.

Но в первый раз я столкнулся с национальной проблемой в 13 лет. Во времена «дела врачей» в нашей школе били евреев. Сын так называемых интеллигентных родителей, я к таковым был причислен много раньше. Поэтому в некотором смысле били и меня. А с другой стороны, били-то – моим именем. Естественно, я был далек тогда от осмысления этой двойственности, но память о ней пронес через многие годы. На военной службе я легко убедился: несмотря на старшину-украинца и узбека-сержанта и на достаточно пестрый национальный состав рядовых, это была не советская, не красная, а именно *русская армия*, с командами на

русском, с русскими традициями в «военно-патриотическом воспитании» и на 100% великорусская составом офицеров.

Работая в разных союзных и автономных республиках, я постоянно сталкивался с вполне враждебным отношением к себе как к русскому – и в Прибалтике, и в Средней Азии, и на Кавказе, и в Сибири. Лишь после того, как я в полной мере осознал, что все эти большие и малые народы видят в русских оккупантов, и стал вести себя в соответствии с этим, отношение ко мне изменилось, да и то не во всех случаях. Но в какую бы республику я ни приехал, первое, что я узнавал о местной жизни от своих знакомых и коллег, порой почти интеллигентных, так это презрительную кличку коренного населения, из которых «черножопый» – не самая грубая.

Одно время я утешал себя мыслями о культурной деятельности русских, о поликлиниках и школах в «отсталых» республиках. Но как-то в юрте в Восточном Казахстане почти что на моих глазах умерла от родового кровотечения женщина, наотрез отказавшаяся ехать в больницу. И она, и ее муж отвергли все предложения дать коня, съездить за врачом. Умерла в 15 км от погранзаставы с телефонной и вертолетной связью, в 40 км от районной больницы. Но для меня это стало не подтверждением предвещаний о дикости казахов, а подтверждением той банальнейшей истины, что принесенная на штыках культура не нужна ни одному народу.

Вместе с моим народом меня унижали по-всякому. Экономически – приучив к тому, что одна кухонная плита и одна маленькая ванна на 4 семьи и 4 кв. м на человека – это хорошо, и зарплата взрослого мужчины, которой хватает, чтобы прокормить 1,5 человека – это нормально. Морально – и лишая возможности знакомиться с сокровищами национальной культуры, и субботниками, и справками, и прописками, и фарсом голосования. Но нигде в Советском Союзе я не был унижен в своей национальности. Поэтому я вскоре стал испытывать чувство стыда за то, что судьбы народов Азии и Восточной Европы привязаны к судьбе моего народа гусеницами русских танков.

В этом свете трагедия русского народа мне представилась в первую очередь не в том, что он стал жертвой разрушителей национальной культуры, а в том, что он сам стал палачом других народов и их национальных культур. Потому ли это произошло, что из-за политической незрелости мой народ слишком легко поддавался интернационалистическим увещаниям марксизма-ленинизма, или из-за того, что слишком сильны оказались в нем великодержавные традиции российской империи – как знать?

Так называемое «Русское возрождение» в настоящий момент уже весьма ощутимое явление общественной мысли в Советском Союзе. Создаваемое и поддерживаемое такими людьми, как Солженицын, находящее широкий отклик в душах, полностью погруженных в меркантильных интересах и развращенных цинизмом, оно имеет все шансы на успех. И вряд ли против его идей можно (и стоит) возразить, Общечеловеческая, всемирная гуманитарная культура – явление, реально существующее только в национальных формах. Но далеко не все «возрожденцы» достаточно определены в вопросе о меховых шапках сотников Хабарова, ермоловских крепостях, казачьих пиках в Польше и белых рубахах скобелевских отрядов в Средней Азии. Причисляются ли они эти явления к русской культуре, которую следует возродить? А ведь в глазах поляков, алтайцев, грузин и казахов Тухачевский, Фрунзе, Лансберг и Буденный – наследники именно этой русской традиции. И не из-за этой ли неясности земскую или почвенническую идею готовы порой поддерживать интернационалисты из ССП а то и ЦК? Те, кто в обширности подвластных территорий и количестве подчиненных народов видит предмет национальной гордости, не извлекли уроков ни из предоктябрьского, ни из послеоктябрьского периодов русской истории.

Вопрос о том, какой быть России в будущем – демократической ли республикой, православной ли монархией или чем еще, – отнюдь не схоластический. Но может быть, он будет решен не в пылу идейных споров, а в процессе борьбы русских за предоставление всем народам и народностям возможности без насильственной помощи русской армии выбирать свой путь? Ведь если за выродков – вертухаев-садистов и интеллигентных врачей из психушек – народ не несет ответственности, то за свою армию отвечает своей судьбой. Лишь перестав быть насильниками, можно думать о нравственном и ином прогрессе. Лишь когда русские откажутся решать не только армянские и украинские, но и татарские, бурятские, мордовские, якутские проблемы, да и проблемы любой другой группы, ощутившей свою национальную обособленность, хоть казаков, хоть евреев, или принимать как должное службу своих сыновей в землях, куда их не звали, когда суд над М.Джемилевым будет переживаться русскими острее, нежели последний роман В.Астафьева – русские смогут освободиться для решения своих собственных, достаточно мучительных проблем.

5/6Б8. О почве, нации и совести

Одна моя знакомая, крестившаяся еврейка, говорила, что нечего валить все вековые страдания на русских – они сами страдали не меньше других. Что ж, я принимаю ее право забыть черту оседлости, гонения на иноверцев и инородцев, кампанию космополитизма, дело врачей и роль «пятого пункта» при приеме на работу. Но и сохраняю за собой право помнить о вошедшем в другие языки русском слове «погром» и о своих 8 поколениях российских предков, находившихся на высшей ступени образования и при этом без запинки произносивших слова «жид», «с прожидью», «полячишко», «чичемек» и т.п.

Наше существование протекает в территориальных границах Советского Союза, в рамках советской культуры. Что это за понятие такое? Общегуманистическая культура существует только в национальных формах. Говорят: «советская культура национальная по форме и социалистическая по содержанию», Если понимать культуру как процесс создания духовных ценностей, то берусь утверждать, что советская культура – нонсенс, бессмыслица, поскольку суть системы антигуманистична и как следствие антинациональна, или наоборот – антинационалистична и как следствие антигуманна. На заре становления системы полнее всех отразил и воплотил пафос культурного самосожжения В. Маяковский, а нравственного самоубийства – Лавренев в рассказе «41-й», умопомрачение Гражданской войны воспевший как добродетель. В самом лучшем случае советские деятели культуры заняты робким оправданием разных проявлений человечности в глазах советской власти. А если и прорываются порой талантливые произведения, то они, по-советски, просто «отрыжка» национального сознания.

Воздействие советского строя привело к тому, что целый ряд слов, выразивших национальное сознание, исчез из русского языка или полностью переоценены – к ним относятся такие слова, как добродетель, сострадание, благотворительность (т. е. делать добро), многие другие и, наконец, добро и зло. От последнего осталось только прилагательное «злой», применяемое ко всякой критической мысли.

Увы, то, что мы живем на земле Андрея Рублева, Сергея Родонежского, Дмитрия Донского и протопопы Аввакума, не делает наше поведение лучше. Молоко вскормленной комбикормами вологодской коровы, переработанное в порошок, и хлеб из смеси кукурузы с американской пшеницей не передают нам соков Матери сырой земли русской. И мы вправе назвать себя русскими только в той мере, в которой мы – не советские. А советские мы

(даже не принимая во внимание оскопленность нашего воспитания) в очень высокой степени: мы все, почти без исключения, большую часть своего времени работаем на советское государство. А тут разделение слабое: В.Солоухин в той мере русский, в какой его книги способствуют пробуждению в людях бережного отношения к национальному культурному наследию, и в той мере советский, в какой он помогает укрепить националистическими тенденциями качающееся «морально-политическое единство партии и народа». Историк Н.Эйдельман, печатающий во многих журналах статьи по истории России XVIII-XIX веков, в той мере русский, в какой его работы способствуют развитию национального исторического сознания, и в той мере советский, в какой их публикации позволяют государству маскировать свою антинациональную суть.

От русских традиций советская культура восприняла только одно – имперский дух, возникший задолго до мортобря и связывающий представление о Родине с любой территорией, на которую ступила нога русского солдата – от Прибалтики до Сибири, от Армении до Аляски, и считавшего русского царя вправе решать судьбы поляков, татар, чеченцев и айнов. Этот дух – одна из причин, по которой:

«Затерялась Русь в мордве и чуди».

На рубеже XIX и XX веков даже создалось впечатление, что русский дух и есть сочтание имперского и мятежного сознаний. Судьба русской эмиграции, за первое же десятилетие после окончания Гражданской войны создавшей новые центры русской культуры в Белграде, Праге, Париже, всем недоучившимся из-за войны гимназистам, кадетам, студентам давшей образование, подарившей миру блестящую плеяду выдающихся деятелей науки и искусства – от Стравинского до Сикорского, от Г.Вернадского до Диснея (Десницкого), – показала, что это во всяком случае не только так.

Возможно ли национальное возрождение русских? Многие и достойные, и одаренные люди – иногда они называют себя возрожденцами, почвенниками, земцами – говорят – да. Их устами да мед бы пить. Но не только. Каждый из нас обязан в память о перенесенных страданиях русского народа, если она у нас есть, всеми силами этому содействовать. Единственное, что вызывает сомнения – это слова земство и почвенничество, жестко связывающие русскую культуру с определенной территорией, осмысливаемой имперски: возрождение считается возможным на землях крымских татар и карелов, или, говорят, на северо-востоке – на землях коми и землях чукчей и якутов.

Если нация – это объединение людей, осознающих общность своих исторических воспоминаний и добровольно принявших на себя вытекающие из них обязательства, то воспоминания эти должны быть обо всем – и о перенесенных страданиях, и о причиненных. Думаю, что для русских, в языке которых есть слово «совесть», почти непере译имое на другие языки, такие исторические воспоминания, некая резиньяция, более продуктивны для возрождения национального духа, нежели территориальные претензии, поразительно легко смыкающиеся с идеями укрепления «социалистического лагеря».

... Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

С.Есенин

5/6Б9. Запретная аналогия (сокращенный вариант)

Один из основных методов исторической науки и наиболее распространенный способ исторического мышления – метод аналогии. Осмысляя свое бытие, мы ищем параллели в прошлом своего народа и его соседей. И есть среди них одна, вызывающая бурную реакцию. Эта параллель с гитлеризмом. И вот что любопытно: даже в кругах как будто независимо мыслящих людей ее тщательно обходят стороной. И происходит это не из-за разумной осторожности, а скорее из интеллектуальной трусости. Обнаженность чудовищности гитлеризма перед всем миром такова, что аналогия с ним немедленно вытаскивает нас из норки тихого мещанина – порой мы и с этим готовы примириться – и грозит поместить на одну скамью с подсудимыми на Нюрнбергском процессе. А с этим мы согласиться не хотим. Поэтому, даже не зная, к каким открытиям эта параллель нас приведет, мы на всякий случай отказываемся ее исследовать.

Я не историк и не сторонник исторических аналогий. Слишком часто они оказываются грубы и, вместо того чтобы выявлять, маскируют уникальность исторической эпохи. Но позорное уклонение от сопоставления социализма с фашизмом обязывает. Я не надеюсь в сколько-нибудь значительной мере восполнить этот пробел, но сравнить некоторые аспекты этих явлений представляется существенным.

Но прежде всего нужно сделать одну оговорку. 12-летний период в истории одной национальной культуры сравнивается с 60-летним периодом другой.

И оказывается, сравнение по степени концентрации власти, то есть сосредоточения в одних руках законодательных, исполнительных, юридических, духовных и экономических функций, показывает, что гитлеризм в целом сравним только с 8-летним периодом в СССР, с 1922 по 1930 год, то есть с НЭПом, когда правительство осуществляло лишь руководство экономикой, не всецело ему принадлежащей.

Агрессивность режимов. С 1933 по 1944 год Германия оккупировала (без территории СССР) 14 государств полностью и 2 частично.

¹ СССР с 1918 по 1946 год (не считая территории Германии) – 18 государств и 3 крупных территориальных подразделения. ²

Таким образом, с поправкой на время, гитлеровский режим оказывается в 2,0 раза более агрессивным, нежели советский.

Степень изолированности структуры. Гитлер пресек эмиграцию практически через год после захвата власти, а Советский Союз – через три года после стабилизации режима, т. е. окончания Гражданской войны.

Сравнение доли принудительного труда в экономике этих стран затруднительно: несомненно, иностранные рабочие играли некую роль в экономике III Рейха, и значение ИТЛ в экономике СССР было велико, но это все, что можно пока сказать.

Количественные сравнения возможны при оценке человеческих потерь. Потери немецкой нации от «политических мероприятий национал-социализма» составили 50 тысяч человек, или 0,01% от исходного на 1933-й. Потери населения в СССР в результате политики советской власти с 1921-го по 1958-й – около 17 млн., или 28,5% от исходного в конце Гражданской войны. Потери же населения в Германии равны 200 тысячам, или 0,04%. Военные потери Германии, считая и мирное население, составляют 7 млн., или 10% от 1939-го, СССР – 17,5 млн., или 9,2%.³

Мера национальной нетерпимости. В III Рейхе по национальному признаку преследовались два народа – евреи и цыгане.

¹ Австрия, Чехословакия, Польша, Болгария, Бельгия, Голландия, Люксембург, Франция, Югославия, Дания, Норвегия, Греция, Румыния, Венгрия, Северная Италия, Саарская область.

² Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Дальневосточная республика, Хара-Хорум (ныне Горно-Алтайская АО), Бухара, Хива, Монголия, Литва, Латвия, Эстония, Тува, Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Венгрия, Карелия, Сев. Корея, Ю. Сахалин и Курилы.

³ Цифры потерь населения приводятся по следующим источникам: Конквест, «Великий террор», Лондон; Некрич, «Наказанные народы», Нью-Йорк, 1978; Максудов, «Потери населения СССР за 1918-1958», Лондон, 1977; Урланис, «Войны и народонаселение Европы», Москва, 1960.

В Германии и в оккупированных ею странах было уничтожено 6 млн. евреев. В СССР официально преследовались немцы Поволжья, поляки, чечены, ингуши, кабардинцы, болкары, калмыки и крымские татары. Общая численность потерь этих народов в результате депортаций – около 1,5 млн.

Значительно большее сходство обнаруживается в политической жизни.¹ В обеих странах монолитность руководства обеспечивалась негосударственной организацией – партией, связанной жесткой дисциплиной и проникающей во все сферы государственной структуры. Догматические крайности принципиально различных идеологий – националистической и интернационалистической – были преодолены частично путем уничтожения догматиков; мадьяры и японцы были объявлены арийцами, а Россия – родиной всех научных открытий. В конце войны некоторое количество евреев было, если так можно выразиться, продано Германией за границу в обмен на крупные партии медикаментов (сделки совершались через Международный Красный Крест, их инициатором считая Эйхмана).² Наряду с этим Советский Союз с 1970-го выпускает на Запад представителей этой национальности в обмен на кредиты и торговые льготы.

Большое сходство обнаруживается в методах идеологического воспитания. Так, только для советской и гитлеровской прессы характерен *жанр* так называемой корреспонденции, основной и для «Правды» и для «Фолькише Беобахтер», отсутствующий в западной печати. О сходстве так называемого фашистского и советского искусств уже писалось не раз. Кое-что общее появилось и в языках – немецкое *Musulman* – обозначение крайней степени истощения в лагере – точно переводится одним словом только на русский язык – «доходяга».

Таким образом, даже более чем беглый обзор показывает следующее. Хотя по ряду фундаментальных признаков СССР и III Рейх могут быть совместно отделены от западных демократий, различия между ними достаточно существенны. Однако при переходе к политическим и особенно идеологическим аспектам жизни сходство возрастает. Остается сделать подсказываемое многими художественными исследованиями и жизненными наблюдениями предположение: результат, конечный продукт структур, ариец с нордическим характером и наш советский человек, обладают

¹ Главное, что поразило русских при столкновении с гитлеризмом, это рациональная организация преступлений. Однако существование одних только спецпсихбольниц уже лишает гитлеризм этого сомнительного преимущества.

² Во времена аншлюса под давлением мировой общественности из III Рейха выпускались евреи только в индивидуальном порядке.

сходством, приближающимся к тождеству. Косвенно это подтверждает и советская пропаганда – последовательным отказом рассмотрения фашизма в социально-психологическом разрезе. Отчасти это тождество может быть связано с включенностью обоих не в социальную, а в государственную машинную структуру – как ее детали они лишены моральной ответственности за свои действия в ее рамках. Разговоры, которые случалось вести с немецкими офицерами оккупационных армий в 1945-46 годах, текстуально совпадают с теми, что велись – и ведутся – в Советском Союзе с 1956 года. Все то же – «Мы не знали, мы верили, а что поделаешь, а в других странах разве не было...»

Верно, в другие и в наши времена в других странах все бывало. Это лишнее подтверждение того, что ни фашизм, ни социализм не изобретательны даже в сфере зла. Однако они сумели довести его до такой высокой концентрации, что образуют тупик в развитии человечества, из которого еще ни одна нация не выбралась самостоятельно.

Как бы ни был страшен для нас такой вывод, его возможность должно принять и рассмотреть: без трезвого нелицеприятного взгляда на самого себя, затягивая на себе петлю самообмана, рискуешь не только личным нравственным самоуничтожением, но и национальным самоубийством.

5/6Б10. И.МАХОВИКОВ. Личный счет – 15 миллионов. (Отрывок, полный текст 92 стр.)

В ноябре 1935 года в Красной армии были установлены новые воинские звания. «Красная звезда» с 21 ноября по 14 декабря 1935 года печатала постановление ЦИК и Совнаркома СССР и приказы наркома обороны СССР о присвоении командирам Красной армии новых званий.

Приведем фамилии и должности самого верхнего слоя (первые 25 человек) в том порядке, в котором они приведены в газете. От себя добавим лишь дату смерти.

Маршалы	Дата смерти
Ворошилов К.Е. – Нарком Обороны СССР	2.12.69
Тухачевский М.Н. – зам. Наркома Обороны	11.06.37
Егоров А.И. – нач. Генштаба РККА	23.02.39
Буденный С.М. – инспектор кавалерии РККА	26.10.73
Блюхер В.К. – командующий Особой ДВ армией	9.11.38

Командармы I ранга

Каменев С.С. – нач. управления ПВО РККА	25.08.36
Якир И.Э. – командующий Киевским ВО	11.06.37
Уборевич И.П. – командующий Белорусским ВО	29.07.38
Шапошников Б.М. – командующий Ленинградским ВО	26.08.45

Армейские комиссары I ранга

Гамарник Я.Б. – первый зам. наркома и нач. Главного политического управления РККА	31.05.37
---	----------

Флагманы флота I ранга

Орлов В.М. – нач. морских сил РККА	28.07.38
Викторов М.В. – командующий Тихоокеанским флотом	авг. 1938

Командармы II ранга

Дыбенко П.Е. – командующий Приволжским ВО	29.07.38
Левандовский В.К. – командующий Закавказским ВО	29.07.38
Дубовой И.Н. – командующий Харьковским ВО	29.07.38
Федько И.Ф. – командующий Приморской группой войск	26.02.39
Корк А.И. – нач. Военной Академии им.Фрунзе	11.06.37
Каширин Н.Д. – командующий Северо-Кавказским ВО	14.06.38
Седякин А.И. – зам. нач. Генштаба РККА	29.07.38
Алкснис А.Я. – нач. Упр. ВВС РККА	29.07.38
Халепский И.А. – нач. Автобронетанкового Упр. РККА	29.07.38
Вацетис И.И. – состоит в распоряжении Наркома Оборонны	28.07.38

Флагманы флота II ранга

Галлер Н.М. – ком. Балтфлотом ¹	12.07.50
Кожанов И.К. – ком. Черноморским флотом	22.08.38

Рассмотрим теперь судьбу первой сотни, от маршала до комкора и флагмана первого ранга включительно, по состоянию на 1.01.39.

Расстреляны

Из 5 маршалов	3
Из 4 командармов I ранга	3
Армейский комиссар I ранга	1
Из 10 командармов II ранга	10
Из 15 армейских комиссаров II ранга	15
Из 2 флагманов I ранга	2
Из 2 флагманов флота II ранга	1

Репрессированы

Из 57 комкоров	51
Из 5 флагманов I ранга	5

Итак, из 101 человека верхнего слоя командного состава репрессированы 91 человек (90%). Из них расстреляно более 80 человек.

¹Арестован в 1948 году, погиб в заключении.

Из 186 комдивов репрессировано (большей частью расстреляны) не менее 140, т. е. 75%.

Таким образом, если взять первые пять высших категорий военачальников – маршалов, командармов I ранга, командармов II ранга, комкоров, комдивов и равных им, то из 287 (101+186) было репрессировано не менее 231 (91+140) человек, то есть 80%.

Репрессированы (большей частью расстреляны) около 200 командиров стрелковых корпусов, дивизий, бригад и лиц, равных им по должностной категории. Репрессировано и большое число командиров низших рангов. «С мая 1937 по сентябрь 1938 года подверглось репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних учебных заведений».¹

Г.К.Жуков во время своего недолгого пребывания на посту министра обороны СССР (1955-1957) разжаловал в рядовые и уволил из армии четырех генералов, уличенных в доносах на своих реабилитированных впоследствии начальников. Этот факт стал известен в военной среде потому, что среди разжалованных оказался начальник военно-инженерной академии Герой Советского Союза генерал-полковник И.П.Галицкий. Конечно, после увольнения Жукова с поста министра все разжалованные по зловещей логике – «доносили тысячи, почему страдать должны четверо» – были восстановлены в званиях и получили свои воинские пенсии.

5/6Б11. МАКСУДОВ. История с географией (отрывок из книги «Потери населения СССР с 1917 по 1950», сокращенный вариант)

В своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И.Ленин составил табличку колониальных владений великих держав, которую мы позволим себе дополнить графой о современном состоянии мира.

¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-45» Т.6, М., 1965. С.124-125.

	1914		1976	
	Колонии (млн. кв. км)	Метрополии (млн. кв. км)	Колонии (млн. кв. км)	Метрополии (млн. кв. км)
Англия	33,5	0,3	0,03	0,24
Франция	10,6	0,5	0,13	0,55
Германия	2,9	0,5	–	0,36
Япония	0,3	0,4	0,01	0,37
США	0,3	9,4	0,01	9,37
Россия	17,4	5,4		? 22,4 ?

Удивительные события произошли с того времени. Раздел мира завершился развалом колониальных империй. Их обломки образовали почти сотню самостоятельных государств, торжественно заседающих в ООН. А последняя страна – многонациональный конгломерат еще феодальной кройки, «владелец огромного количества украденной собственности (то есть угнетенных наций), которую ей придется отдать назад в день расчета» (В.И. Ленин), страна, названная одним из знаменитых своих сыновей «тюрьмой народов», – уцелела, окрепла и разрослась. Почему же все империи распались, все народы освободились, а «тюрьма» стоит не шелохнувшись?

Вы, возможно, хотите мне объяснить, что тюрьма давно развалилась, а на ее месте сложилась «братская семья» свободных и независимых народов. Вот и не угадали. Тюрьмы-то – и прежде не было! Просто осуществлялась великая историческая миссия, происходило добровольное присоединение, укрепление границ, освоение земель, ликвидация отсталых режимов.

«Власть монголо-татарских ханов была ликвидирована и на территории Поволжья. Укрепилась защита России от врагов на восточной границе <...>. Кабарда добровольно перешла под покровительство Москвы. В середине XVI века к России добровольно присоединилась Башкирия <...>. Вхождение в Россию для народов Поволжья, Приуралья и Сибири имело положительные последствия. Они избавились от непрерывных междуусобных войн татарских ханов. Россия находилась на более высокой ступени развития, чем Казанское, Астраханское и Сибирское ханства» (История СССР, 5-й класс).

Совершенно иначе вели себя западноевропейские конквистадоры. Никого не избавляли, на более высокую ступеньку не ставили, добровольно не воссоединяли.

«Испанские завоеватели варварски уничтожили древнюю культуру народов Америки. <...> Колониальные захваты в Америке, Азии и Африке сопровождались ограблением, порабощением и истреблением местного населения. <...> Неграмотный, но

энергичный и жестокий Писсаро с отрядом в 200 человек напал на Перу» (История для 6-го класса).

«В это время отважные русские люди продолжали совершать далекие походы на север и восток, осваивать огромные пространства Сибири и Дальнего Востока. <...> Земли по Амуру и его притокам были почти не заселены. Очень редко попадались селения местных жителей. На помощь Хабарову было послано войско в 3000 человек. Так в течение веков русские люди осваивали Сибирь, Приамурье и Приморье – богатый необъятный край нашей Родины» (История СССР для 4-го класса).

Конечно, соображения об особом историческом пути России, освободительной миссии и братской помощи придумали не авторы школьных учебников. Они всегда находили среди русских общественных деятелей красноречивых приверженцев:

«Другие же кавказские народы долго не покорялись России, но должны были войти в ее состав, потому что лежали на ее историческом пути. <...> Русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что его принудили к этому прямо слагавшиеся обстоятельства. Нельзя же было не воевать с черкесами, туркменами, киргизами, хивинцами и т.п. народами, когда они не давали покоя прилегающим русским землям и не могли сложиться в государственном отношении сколько-нибудь удовлетворительно для соседской жизни» (Д.И.Менделеев, «К познанию России», 1906).

«Вы знаете, что хозяйственные вопросы Дальнего Востока выдвинулись у нас далеко вперед. В связи с этим большое значение приобрели задачи организации переселения на Дальний Восток» (В.М.Молотов, речь на VIII съезде ВКПб).

«К счастью, дом такой у нас есть, еще сохранен нам историей, неизгаженный просторный дом – русский Северо-Восток. <...> СЕВЕРО-ВОСТОК – это Север Европейской России – Пинега, Мизень, Печора, это и – Лена и вся полоса средней Сибири, выше магистрали, по сегодня пустующей, местами нетронутая и неизвестная, каких почти не осталось пространств на цивилизованной Земле. Но и тундра и вечная мерзлота Нижней Оби, Ямала, Таймыра, Хатанги, Индигирки, Колымы, Чукотки и Камчатки не могут быть покинуты безнадежно при технике XXI века и перенаселении его» (А.И.Солженицын, «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Из-под глыб». М., 1974).

«ЦК КПСС высоко оценивает труд строителей БАМа и выражает твердую уверенность, что они и впредь будут самоотвержен-

но трудиться <...> и тем самым ускорят освоение богатейших ресурсов Сибири и Дальнего Востока» (Л.И.Брежнев. Сочинения. Т.5).

Историческая деятельность по «братской помощи» и «освоению» после «октября» была продолжена не сразу. Независимость получили народы Украины, Польши (включая Белоруссию), Финляндии, Прибалтики, Грузии, Армении, Алтая, Дальневосточной республики, Бухары, Хивы. Даже Колчак и Деникин в этом неудержимом стремлении к миру обрели право на существование. Но эти декларации несколько изменили характер, когда стало очевидным продвижение Красной армии к прежним границам России в Закавказье и Средней Азии. Вооруженная «братская помощь» была предложена всем народам, входившим в прошлом в состав Российской империи. Сумели бы грузинские меньшевики отказаться от нее, остановив армии Орджоникидзе – остались бы независимой Грузией, каковой уже была признана и Советским правительством, и за рубежом. Не сумели бы народы Финляндии, Польши и Прибалтики прогнать армию-освободительницу – не признал бы Советский Союз их независимости, не заключал бы мирные договоры.

Но все же прежние имперские границы как-то не забывались. И когда Германия решила воссоединить некоторые «исконно-немецкие земли», Красная армия, забыв о договорах, устремилась навстречу фашистским армиям, оказывая «братскую помощь» и выходя на «исторические рубежи». Столкновения, как это ни странно, не произошло; видимо, оккупация Польши СССР и Германией осуществлялась исключительно в порядке борьбы за мир: «Своим договором о дружбе и границах с Германией Советский Союз внес новый вклад в дело мира. Эту великую заслугу Советского Союза не забудут трудящиеся всех стран» (из воззвания Исполкома Коминтерна). Согласно договору, Польша исчезла, ее территория, не вошедшая в СССР, на советских картах тех лет именовалась «область национальных интересов Германии».

Но у СССР были и свои государственные интересы. Еще не все земли Российской империи вернулись в «братскую семью». «Осенью 1939 года Советское правительство предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить пакты о взаимопомощи. <...> Однако правительства Латвии, Эстонии и Литвы вскоре же стали грубо нарушать свои обязательства по договорам с Советским Союзом <...>. В такой обстановке Советское правительство поставило перед правительствами Латвии, Эстонии и Литвы вопрос об удалении их из состава лиц, превратившихся в империалистических агентов <...> и согласия на увеличение

численности своих гарнизонов, находившихся в прибалтийских странах».

Прекрасный пример внешней политики СССР, «в основе которой лежат принципы мира, равноправия, самоопределения народов, уважения независимости и суверенитета всех стран, а также честные и гуманные методы социалистической дипломатии» (программа КПСС).

«Вновь избранные сеймы, выражая многолетние чаяния народов прибалтийских стран <...>, обратились к Верховному Совету СССР с просьбой принять страны Прибалтики в семью народов Советского Союза» (БСЭ, изд. 2).

В отличие от прибалтийских стран, правительство Финляндии, забывая о равноправии больших и малых народов, отказалось заключить аналогичный договор и «стало организовывать опасные провокации на советско-финляндской границе». Вообще следует отметить склонность малых народов к вооруженным провокациям против своих могучих соседей. То Польша против СССР и Германии, то Финляндия против СССР – и о чем они только думают?!

«Они привели к тому, что 30. IX. 39 между Финляндией и СССР начались военные действия» (История внешней политики СССР).

Поскольку «борьба за мир, а следовательно, борьба против империалистической агрессии, за мирное сосуществование государств с различным государственным строем всегда составляла важнейшую задачу внешней политики Советского Союза» (История внешней политики СССР), то начали войну неразумные финны.

Новая граница (минимальные требования безопасности), конечно, заходила подальше, чем довоенные требования СССР, и дальше линии фронта. А у «гуманной советской дипломатии» уже возникли дела на другом конце западной границы.

«Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. (Возможно, здесь имеются в виду слова Ленина: «Собираемся ли мы нападать на Польшу и Румынию? Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях») Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, <...> Советский Союз считает необходимым приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии» (Известия, 27. VI.1940).

28 июня 1940 года Красная армия приступила к осуществлению мирной освободительной миссии в Бессарабии и Северной Буковине, которую Л.И.Брежнев назвал «актом исторической справедливости».

После 1945 года продолжалось восстановление законных границ, воссоединение и укрепление безопасности:

«Финляндия возвратила Советскому Союзу область Печенга (Петсамо). <...> По договору с Чехословакией вошла Закарпатская Украина. <...> В состав Советского Союза был включен Кенигсбергский округ...» (БСЭ).

Знаменательно, что на этот раз Советский Союз отобрал у своих западных соседей по кусочку, никогда не входившему в Российскую империю.

Обезопасив таким образом западные границы, советское правительство решило припомнить свои исторические рубежи на востоке. Вступлению СССР в войну с Японией мешал заключенный в 1941 году пакт о нейтралитете:

«Статья 1. Обе Договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся стороны.

Статья 2. В случае, если одна из Договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в протяжении всего конфликта».

А так как «[в]ерность своему слову – неизменное свойство советской политики, СССР свято соблюдает договоры, неукоснительно исполняет все принятые им международные обязательства» (История внешней политики СССР), то в награду за его расторжение и нападение на Японию, и в наказание за соблюдение его Японией во время Отечественной войны, Советский Союз потребовал от Японии забвения Пекинской конвенции 1925 года, по которой советское правительство признавало «восстановление принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно: а) возвращения Южного Сахалина, б) интернационализации Дайрен и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР, в) совместная с Китаем эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, г) передача Советскому Союзу Курильских островов» (История внешней политики СССР).

Любителям поверхностных аналогий, которые не сумели забыть «мир без аннексий и контрибуций», советская наука убедительно объяснила:

«Надо со всей решительностью подчеркнуть, что включение территории в СССР и в этом случае ничего общего не имеет и не может иметь с захватом чужой территории <...> и преследует исключительно цели обеспечения безопасности социалистических рубежей, а тем самым и международного мира» (Сборник «Советское государство и международное право». МО, 1967).

Кроме борьбы за мир нашлись и другие убедительные аргументы:

«Здесь нашел применение и подтверждение новый прогрессивный принцип, направленный на поддержание международного мира – принцип ответственности за агрессию» (Тулкин Г.И. «Вопросы теории международного права». Ученые записки АОН при ЦК КПСС. Вып.3, 1949)

5/6Б12. Я принимаю участие в научном споре... (Сокращенный вариант, полный текст 6 стр.)

Между несионистами и ассимиляторами. Причем сионисты действительно новые: они дети ассимиляторов, они появились на наших глазах, вызванные вполне определенными событиями истории. Их духовные предшественники исчезли в 20-х годах, предсказав, что активное участие евреев в русском революционном движении и в случае победы революции приведет к антисемитизму, гонениям, уничтожению культуры. История реализовала эти грозные пророчества: исчезли сами пророки, исчезли и горереволюционеры, нет еврейской культуры, ассимиляторы и их потомки отмечены желтой звездой «пятого пункта», физически истреблены многие тысячи людей.

В этом споре есть некоторая общая платформа признаваемых всеми фактов:

- а) Советское государство стремится к русификации, что привело, в частности, к практически полному уничтожению культуры «идиш».
- б) Граждане с «пунктом 5» подвергаются экономическому и моральному угнетению государством, которое дополняется антисемитизмом окружающего населения.
- в) Существует государство с культурой иврит, оно проявляет моральную и экономическую готовность принять прозелитов.
- г) Нации рождаются, развиваются, умирают. В XX веке рост самосознания различных групп, общин, народов протекает особенно интенсивно.

Выводы сионистов таковы: евреи (хотя бы по анкете) не должны ждать повторения гитлеровско-сталинско-мочаровского варианта уничтожения и изгнания. Им и их детям грозит растущий шовинизм населения. Активное сопротивление практически невозможно, необходимо уехать.

Ассимиляторы говорят: нация – это прежде всего язык и культура. Лица с «пунктом 5» не нация, это искусственная группа, сословие гонимых, они не должны стремиться к формированию отдельного группового сознания, к коллективному бегству, их национальные обязанности – перед русской культурой, русским народом, они должны бороться с принудительным выселением, снять с себя желтую звезду. Наконец, антисемитизм не вечен, его не было в 30-е годы, его не будет.

Что же такое нация? Каковы национальные обязанности человека? Нация ли евреи? Э. Ренан в лекции «Что такое нация», помимо прочего, отмечал, что «[н]ация – принцип отвлеченный, вытекающий из глубины исторических взаимодействий, духовная семья, а не толпа, определяемая формой территории. <...> Нация есть дух, отвлеченный принцип. Два обстоятельства порождают этот дух. <...> Одно есть общее обладание наследственными воспоминаниями. Второе есть действительное согласие, желание продолжать существование наследия, полученного нераздельным. <...> Общие страдания связывают больше, чем радость. Национальные воспоминания о страданиях имеют более важное значение, чем триумфы, ибо они возлагают обязанности; они управляют всеми массовыми движениями <...>. Итак, нация есть великая солидарность как результат священных чувств к жертвам, уже принесенным, и тем, кои в будущем еще будут принесены».

У носителей желтой звезды есть воспоминания об общих страданиях, недавних и достаточно далеких (и о каких страданиях!). Воспоминания передаются от родителей к детям независимо от языка и территории. Есть у советских евреев и общность судьбы в будущем, предчувствие будущих страданий. То, что эта общность формируется злой волей государства и недружелюбием населения, по существу ничего не меняет. Воля государства всегда способствует созданию или исчезновению наций. Так, беглые крестьяне – казаки – в течение нескольких столетий выработали национальное самосознание, а к настоящему моменту вновь растворились среди русского населения. На наших глазах мигрелы, кахетинцы, сваны стали называть себя грузинами, и т.д.

Ассимиляторы хотят назвать эту группу людей не нацией, а сословием. Но в соответствующих условиях английские каторж-

ники превращались в австралийцев, голландские колонисты – в буров. Важен не термин, а сам факт существования границы.

Однако из сказанного совершенно не следует, что национальность – некий обобщающий или определяющий признак. Утверждение «Пастернак – еврей» не содержит никаких указаний на его поэтическое дарование или на его роль в русской культуре. Преувеличение определяющего значения национальности – причина многих недоразумений.

Другой предрассудок – традиционное использование двузначной логики: еврей – не еврей, да или нет. Можно отчасти сознавать себя евреем, отчасти украинцем, отчасти русским. Американец, сын еврея-выходца из России и китайки может признавать свои национальные обязанности перед Америкой, Китаем, Россией и Израилем. Мне совсем не кажутся абсурдными такие утверждения: я почувствовал себя евреем, я – еврей на 30%, я перестал быть евреем. Надо только принять принцип добровольности. Только сам индивид определяет, насколько и какая нация в нем суверенна, в какой степени он согласен выполнять вытекающие из этого обязательства, и никто не имеет права принудить его к большему.

С такой позиции легко ответить на вопрос, еврей ли Пастернак, Мандельштам, Тувим, Эйнштейн, Дизраэли, Шагал и прочие и, наконец, «боярин» Пересветов? Да, евреи. В самой различной степени. А насколько они являются национальными героями? Это определяется сегодняшним сознанием данной нации. Каждый народ выстраивает свое прошлое, используя самые различные элементы мировой истории и культуры. Это построение носит совершенно условный характер. Древляне, поляне, Рюрик, Кирилл и Мефодий – есть ли точка пересечения этого прошлого с нашей современностью? Есть. Эта точка – включенность легенд и преданий в наше национальное сознание. И, поверьте, ничего больше. Все остальное – продукт непрерывных изменений под влиянием других народов, мировой культуры и т.д. А чуть раньше нет и этой точки пересечения: к скифским курганам мы имеем такое же отношение, как Насер к пирамидам. По сравнению с такими присвоениями детским лепетом можно считать утверждения типа «Пастернак – еврей, Пушкин – эфиоп». Они не менее обоснованы, чем «Ломоносов – немец, Эйлер – русский». Для включения в свой пантеон нация не нуждается в разрешениях, она имеет право на любые построения. В копилке мировой истории, науки, культуры не убудет.

Если говорить о вкладе в нее того или иного народа, то он равноценен. Каждый народ принес нечто неповторимое и дра-

гоценное – язык. Практически все остальные достижения являются индивидуальными. Они созданы отдельными личностями. Пастернак – гений, и, возможно, еврей. Но гений он отнюдь не потому, что он еврей.

Ассимиляторам кажется, что различия 12 колен, тысячелетнее рассеяние и разница между современными сефардами и ашкенази исключает расовое и этническое единство. Но нет чистых рас, народов и наций. Что такое славянские племена? А финское влияние при движении на север? Татары и все последующие включения в «русский народ»?

Наконец, главное, что вызывает возражение. Ассимиляторы говорят, что взгляды сионистов по существу основаны на предрасудках и во многом совпадают со взглядами антисемитов. «Юлиана Тувима считают евреем и Мочар, и Меир Кахане. . . ». Думаю, что любая точка зрения, пытающаяся объединить палача и повешенного, садиста и истязуемого является неэтичной. Да, и Мочар и сионисты считают Тувима евреем. Но если первым утверждением пытаются оскорбить Тувима и принизить его роль в польской литературе, то во втором случае это прежде всего признание значительности самой личности, его вклада в мировую культуру.

И в заключение несколько вопросов.

Сионисты говорят: спасение в бегстве. Ассимиляторы против. Но верят ли они, что через несколько лет оставшиеся не будут высланы в Биробиджан и уничтожены? Видят ли они для этих находящихся под угрозой людей возможность результативно влиять на ход событий?

Что бы вы посоветовали внуку кричать в ответ на оскорбительное «жид»?

5/6Б13. Правая, левая. . .

В 1977 году в ФРГ вышел сборник «Демократические альтернативы», редактор – один из недавних эмигрантов Б. Белоцерковский. Это некое кредо «новой левой», манифест, противоположный идеям сборника «Из-под глыб», вышедшего в 1974 году под редакцией А. Солженицына и его единомышленников. Их Белоцерковский считает правыми. Новые левые, поклонники литературного дарования и личных качеств Солженицына, достоинства его публицистического дарования вниманием не жалуют, говорят о них очень вскользь, зато некоторые статьи из «Из-под глыб» были ими восприняты как проповедь самодержавия, национализма и клерикализма. Новые левые обрушились на них за это с энергией, заслуживающей, по-моему, лучшего применения.

Дело в том, что я не обнаружил в сборнике «Из-под глыб» монархизма, клерикализма и даже антисемитизма в такой мере, чтобы стоило заострять на этом критическое перо. Но кабы и так, кабы Солженицын действительно проповедовал возврат к правлению дома Романовых и Саввы Морозова.

Я совсем не монархист, но если истина познается в сравнении, то, пожалуй, при всей справедливости что некрасовских (не Виктора, а Николая), что толстовских обличений, правление России за 50 предреволюционных лет было много лучше, чем за 50 послереволюционных. Во всех отношениях – и по части «свобод», и по части хлеба, уж не говоря о ситце, и даже по части военной.¹ И уж точно русское дореволюционное общество развивалось в направлении децентрализации власти. И намек на это нет у государства, на первых порах объявившего себя отмирающим, и опасаться, что под влиянием идей Шафаревича советское государство разовьется в монархическом направлении, откажется от монопольного владения экономикой или культурой, нет никаких оснований.

Авторам «Демократических альтернатив», тревожащимся, как бы в России не стало хуже из-за влияния «правых» идей, стоит помнить, что если и станет хуже, то это будут колебания все того же доморощенного – и достаточно уникального – режима, легко допускающего ухудшения и очень болезненно реагирующего на малейшую возможность улучшения. Кроме того, изменения режима, как всякой машины, зависят не от идей, а от подачи горючего, изношенности клапанов и других причин, известных технологам.

Одна из главных мыслей сборника заключается в том, что на Западе более последовательными противниками советского тоталитаризма и друзьями инакомыслящих являются не капиталисты и их политические партии, а «левые», то есть объединения рабочих, их партии и организации. Это худо-бедно аргументированное положение они противопоставляют Солженицыну.

Как обстоит дело в реальности, мне неизвестно. Но зато оказалась у меня в руках подборка речей Солженицына, произнесенных им в Америке. Если они и не выяснили для меня дей-

¹Чтобы не быть голословным, сошлюсь для сравнения на дело Веры Засулич, оправданной по суду – и на процесс... ох, слишком много печально известных примеров советского «правосудия»; и на цифры потерь от голода 1891 г., связанного с засухой и промышленно-экономической отсталостью России (300 000 человек) – и потерь от голода 1938 г., связанного с политическими мероприятиями государства (7 200 000 человек); и на соотношение русских и немецких потерь в двух мировых войнах (Первая – 1,7 млн/2 млн, Вторая – 17,5 млн/7 млн).

ствительного положения вещей, то во всяком случае очень четко определили его позицию. Две речи, обращенные к сенату и конгрессу, были кратки и более чем сдержанны, зато две других, произнесенных перед АКТ-КПП,¹ содержали острую критику той позитивной роли, которую сыграли американские капиталисты в укреплении могущества советской власти, равно как и благодарность от имени зека американским профсоюзам за публикацию в 40-х годах первой карты архипелага ГУЛАГ.

Единственное, что можно предположить, так это то, что «новые левые» не читали этих речей. Не читали они, по-видимому, и полемику между Солженицыным и Шрагиным, опубликованную «Вестником РХД». В противном случае они не повторяли бы своих упреков в адрес Солженицына, по меньшей мере устаревших.

Обычно «левизна» подразумевает стремление к радикальным переменам и соответственно использование более или менее экстремальных методов. Как это ни странно, «Демократические альтернативы» содержат редакционную статью под названием «Письмо будущим вождям Советского Союза», представляющую безусловно либеральную, а не демократическую тенденцию, и написанную в значительно более умеренном тоне, нежели известное «Письмо вождям» Солженицына, с которым они перекликаются. Впрочем, «новые левые» обращаются к «будущим вождям»...

Не менее странно, что в выступлениях ряда самиздатовских и тамиздатовских авторов, тоже скорее левых (В.Чалидзе, Р. Медведев, Л.Копелев) постоянно звучит один и тот же мотив: чуть ли не главной опасностью для России считается попытка вооруженной борьбы с тоталитаризмом. Лишь бы демократическое движение (в целом) не повторило ошибок прошлого, вызвав в стране гражданскую войну подготовкой вооруженного восстания. Гласность, слово – вот единственное, что должно быть средством борьбы с советским тотальным режимом.

Не задерживаясь на вопросе правильности и «левизны» такой позиции, посмотрим, реальна ли такая опасность. Нет, не реальна. Призывы к оружию в нашей стране – вполне безобидны: нет оружия. Даже духовые ружья не продаются. Общество охотников-собаководов с их зарегистрированными-перерегистрированными двустволками не станет ядром повстанческой армии, по этому поводу можно не беспокоиться.

Беспокоит другое, и это имеет отношение к правильности и достаточности таких «словесных» методов. Ан быть завтра погрому – опасность вполне реальная – чем защитят «левые» своих

¹ АКТ-КПП – Американская Конференция Труда – Конгресс Производственных Профсоюзов.

друзей и себя? Самиздатом? «Хроникой»? Армия, в отличие от 1905 года, не будет играть сдерживающей роли, и очень левая эсеровская партия не будет организовывать дружин для защиты от погромщиков. Не нужно узреть в этих словах призыва к баррикадам. Но и принципиально ограничиваться откровенно жертвенным путем – ведь известно, к чему приводит гласность – вред ли правильно.

5/6Б14. Три сборника (сокращенный вариант, полный текст 10 стр.)

Часто случается так, что в каждой вольной – самиздатовской или тамиздатовской публикации люди жаждут увидеть ответ на мучительный вопрос «А делать-то что?» С такой наивной читательской точки зрения я и позволю себе бросить взгляд на три сборника, вышедших начиная с 1974 года.

Сборник «Из-под глыб» оказался первым широко распространенным и широко дискутируемым. Главное в нем – две статьи А.И. Солженицына и две статьи И.Р. Шафаревича. Остальные и менее «программны», и менее выразительны (хотя статья Е. Барабанова «Раскол церкви и мира» представляется очень содержательной).

Статьи А.И. содержат критическое рассмотрение социального бытия в Советском Союзе, анализ умонастроений и идей тех, кого он называет образованщиной – и поиск выхода, некий призыв.

Первое – выше всяких похвал. Такого яркого, выраженного с четких и бескомпромиссных нравственных позиций описания нашей жизни не давал никто. И не только истории, не только современной государственной политики. Им создан беспощадный образ ее творцов, всех тех колесиков и винтиков, которыми мы являемся. Портрет этот обобщенный, и потому каждый, кто сразу, кто – подумав, может узнать в нем себя. Легкими штрихами набросан фон исторических сравнений, и на нем еще четче выступает опустошенная, уже в значительной мере лишенная человеческих черт личина настоящего советского человека.

Пожалуй, основное, что вызвало возражение, так это попытка часть ответственности за русские беды переложить на другие нации, также принимавшие участие в революции и строительстве тотального государства. При абсолютно объективном взгляде на обе статьи окажется, что такая тенденция в должной мере уравновешена национальной самокритичностью; но такой объективный взгляд у нас трудно найти.

Сложнее со второй стороной. В критике Солженицыным

западнических тенденций ощущается очевидное утрирование некоторых аспектов русской истории. Его оценки оппозиционного движения в России, начиная с народников, «хромают» по части историчности. У нашего государства много родственников в прошлом, это не только нигилизм Писарева и демагогия Лаврова, но и традиции III отделения, а то и «Слова и дела». И опять же, если в целом в творчестве А.И.его славянофильская позиция в должной мере сбалансирована и правомочна, то в сборнике «Из-под глыб» выражена в первую очередь антизападническая тенденция.

Статья Шафаревича «Социализм» посвящена фундаментальному вопросу и претендует на принципиальный ответ, откуда пошло зло в истории человечества. Она завораживает стройностью логических построений, однако скорее публикуется остро, нежели глубоко, и хромает в тех же вопросах историчности – история-то совсем нелогична. Видимо, более всех замороженным той идеей, что социализм есть эсхатология человечества, оказался сам автор. Методическая ошибка – рассмотрение политической реалии как прямого воплощения идеи в жизнь, и чисто эмоциональное стремление не видеть связи между социалистическими и религиозными идеями приводит к игнорированию явлений очевидных. Оставаясь в рамках литературы, можно привести пример: соглашаясь с точкой зрения В.В.Розанова на «Легенду о Великом Инквизиторе» Достоевского как на критику социалистических идей, нельзя не видеть того, что облачены они не в еретическую, а во вполне каноническую церковную (католическую) форму.

И при всем том нужно сказать, что своей доступностью, публицистической заостренностью и парадоксальностью эта статья достигает существенного эффекта в разрушении косности нашего мышления и ценна уже одним этим.

(Читателю, склонному углубить свои позиции в вопросах истории социалистических течений, можно рекомендовать сборник под редакцией Каутского, изданный в Петербурге в 1907 году. Он интересен не только содержащимися в нем историческими сведениями, но и их оценкой, высказанной авторами, в большинстве своем видными деятелями II Интернационала.)

Говорят, сейчас Шафаревич закончил и подготовил к печати целую книгу «Социализм». Вряд ли в ней он изменил своей основной концепции. Можно лишь надеяться, что в книге ему удалось избежать наивных, а то и анекдотических ошибок статьи.

Теперь о третьей составляющей, о выводе, о предлагаемом пути обновления и спасения.

И если написать крупными буквами, в чем состоит наш экзамен на человека:

«НЕ ЛГАТЬ! НЕ УЧАСТВОВАТЬ ВО ЛЖИ! НЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЛОЖЬ!»,

то будут смеяться над нами не только европейцы, но арабские студенты, но цейлонские рикши: всего-то столько от русских требуется? И это – жертва, смелый шаг? А не просто признак честного человека, не жулика?

Но пусть смеются грибы другого кузова, а кто в нашем, тот знает: это действительно очень смелый шаг, потому что каждодневная ложь у нас – не прихоть развратных натур, а форма существования, условие повседневного благополучия всякого человека. Ложь у нас включена в государственную систему как важнейшая сцепка ее, миллиарды скрепляющих крючков, на каждого приходится десяток не один.

<...> Что есть жертва? – годами отказываться от истинного дыхания, заглывать смрад? Или – начать дышать, как и отпущено земному человеку? Какой циник возьмется вслух возражать против такой линии поведения:

НЕУЧАСТИЕ ВО ЛЖИ?

О, возразят, конечно, тут же и находчиво: а что есть ложь? А кто это установил точно, где кончается ложь, а где начинается правда? А в каждой исторически конкретной диалектической обстановке и т.д., как уже и изворачиваются лгуны полвека.

А ответ самый простой: как видишь ты *сам*, как говорит тебе *твоя* совесть. И надолго будет довольно этого. В зависимости от кругозора, жизненного опыта, образования каждый видит, понимает границу общественно-государственной лжи по-своему: один – еще очень далеко от себя, другой – веревкой, уже перетирающей шею. И там, где, по-честности, видишь эту границу ты – там и не подчиняйся лжи. От той части лжи отстранись, которую видишь несомненно, явно. А если искренне не видишь лжи нигде – и продолжай спокойно жить, как прежде.

Что значит не лгать? Это еще не значит – вслух и громко проповедовать правду – (страшно!). Это не значит даже – вполголоса бормотать то, что думаешь. Это значит только: не говорить того, чего не думаешь, но уж: ни шепотом, ни голосом, ни поднятием руки, ни опусканием шара, ни поддельной улыбкой, ни присутствием, ни вставанием, ни аплодисментами.

<...> Но этот путь – и самый нравственный: мы начинаем освобождение и очищение со своей души. Еще прежде, чем мы очистим страну, мы очистимся сами. И это – единственно пра-

вильный исторический порядок, ибо зачем очищать воздух страны, если сами остаемся грязными?

Помимо блестящей формулировки, у этого призыва есть еще то достоинство, что он высказан первым. И кто скажет, что он неверен, неправилен, что нужно иначе? Призыв этот будет ощущаться как гвоздь в ботинке того читателя, которому придется сидеть на собраниях, голосовать или работать на субботнике. Он действителен уже хотя бы этим. И пока что не слышно более действенных.

(На его фоне куда как более странными представляются призывы к освоению северо-востока – они в лучшем случае несвоевременны.)

Другой сборник издан в 1977 году и называется «Демократические альтернативы». В сборнике есть много замечательного и интересного, и это далеко не только звонкие имена авторов, такие как М.Михайлова или Л.Плюща. Теоретической основой большинства статей является анархо-синдикализм как в современной западной, так и в традиционно-русской трактовке. Действительно, национальное спасение не есть узконациональная задача, и трудно представить себе ее решение в рамках культурного изоляционизма; на Западе большее понимание советской действительности встречается среди людей «лево» настроенных. Сущность некоторых критических замечаний в адрес национал-христиан, и более серьезных, нежели приведенные выше, кажется справедливой. А названия некоторых статей, например, «Контурсы синтеза» – это замечательно!

Но если бы стремление к синтезу разных идейных позиций, к объединению людей разных убеждений было основным направлением в сборнике! Увы, он направлен *против* национал-христиан. Примерно 2/3 сборника, постатейно и по общему числу страниц, заняты критикой воззрений Солженицына и других авторов сб. «Из-под глыб», и критикой не самого лучшего разбора. Ей не хватает подлинного, а не декларативного, уважения к идейному противнику. Это приводит к откровенной субъективности, которая позволяет игнорировать достоинства и таким образом преувеличивать недостатки. Например, Левитин-Краснов в статье «Христианство и сборник “Из-под глыб”», стремясь показать, что Солженицын – плохой христианин, обошел стороной главную мысль А.И. – «жить не по лжи», которую, кстати, сам счел христианской. Тот же автор пускается порой на откровенную лесть по отношению к своим читателям («Письма о русской молодежи»), а в конце концов приходит к выводу, что в советском человеке есть замечательные нравственные достоинства (ни больше, ни мень-

ше). Возможно, что этот вывод случаен, он сделан в пылу междуусобной полемики. Но как раз этот пыл и напоминает печально известную атмосферу эмигрантской журнальной склоки, в прошлом характерной не только для монархической, но и для социал-демократической эмиграции. И читатель вправе по поводу таких «контуров синтеза» только головой покачать: синтез чего? Объединение – с кем?

И на фоне таких статей теряются куда как более интересные работы, такие как статья Е.Эткинда – может быть, и скромная, но но находящаяся в полной мере в русле антитоталитарной, а не междуусобной борьбы.

Может быть, некоторое объяснение такой направленности сборника содержится в статье М.Михайлова – что, дескать, толку полемизировать с Пономаревым? Ну что неинтересно, это точно, а находясь в СССР, и опасно. Но предполагать, что Пономарев не представляет собой идейной, идеологической (не путать с интеллектуальной) силы – значит идеализировать духовную атмосферу России, представляя себе ее свободолюбивой страной, стонущей под игом инородной тирании – наивном упрощении, уже многих приведшем то к духовному краху, то за решетку.

Но может быть и другое. Может быть, язвительный портрет образованщины задел составителей «Демократических альтернатив» слишком больно – кому нравится, когда говорят вслух о наших пороках, о которых, как мы думали, знаем только мы сами? Боюсь, что именно такой эмоциональный подтекст и скрывается за полемикой, начатой «Альтернативами».

Третий сборник, «Самосознание», вышедший в 1976, не содержит новых призывов и не пытается дать свой ответ на sacramентальные вопросы. В отдельных статьях содержатся и довольно резкие полемические выпады против некоторых аспектов сборника «Из-под глыб». Одна из статей (Нелидова) довольно старая, перепечатана из журнала «Вестник РСХД». И вместе с тем, хотя и намек на какую бы то ни было общую программу нет в этом сборнике, «контуры синтеза» намечаются именно в нем. При этом сборник, совсем не претенциозный, находится на весьма высоком интеллектуальном уровне. Складывается впечатление, может быть и ложное, но приятное, будто его авторы сознательно хотели сделать свои мысли приемлемыми для оппонентов, во всяком случае не упускали возможности добиться понимания, а не стремились утвердить свою истину во что бы то ни стало.

Так статья Померанца, для пера которого присуща некоторая воспаренность над нашей грешной планетой, в данном случае более приземленная. Статья Е.Барабанова, ни в малой степени не

поступающегося своими прославленными позициями, лишена какого бы то ни было намека на высокомерие и исполнена внимания к делам и судьбам мирским. Работа Л.Копелева менее риторична, чем обычно свойственно этому автору, и от этого только выигрывает. Статья западного автора, Р.Пайпса, как следствие, западническая, посвящена вопросам русской истории, ее автор оперирует гораздо более конкретным историческим материалом, нежели тот же Шафаревич, – и при этом не делает широковещательных выводов. Уже упоминавшаяся статья Нелидова «Идеократическое сознание и личность» достаточно глубока, чтобы невредно было ее перечитать. То же можно сказать и об исполненной скрытого темперамента статье Б.Шрагина. Даже наименее самостоятельная (по мысли) статья Меерсона-Аксенова представляет собой довольно удачное прозаическое изложение некоторых глав из поэмы Волошина «Россия» – впрочем, скорее всего, это сделано бессознательно.

К безусловной заслуге составителей сборника следует отнести именно такой подбор статей, в котором выразилось не утверждение единой истины, а стремление к взаимопониманию, терпимость по отношению ко всем ищущим. И эта казалось бы чисто интеллектуальная, «мыслительная» задача на самом деле гораздо ближе подводит к решению иных проблем, то есть проблем нашего бытия, которые никто из нас не в силах решить в одиночку.

5/6Б15. И.БРОДСКИЙ. Поэт и проза (из предисловия к «Избранной прозе в двух томах, 1917-1937» Марины Цветаевой, Нью-Йорк, 1979)

5/6Б16. С.ШАГИН. «Все равно проклятое вертится»

Спаси нас Бог от явленных пророков,
От страшных дней возврата на круги.
Страна не помнит горестных уроков,
И снова братья встали как враги,

Страна не помнит бесов, бесов, бесов
И снова в корчах ненависть родит,
В который раз любой из нас твердит
Затертый текст какой-то мерзкой пьесы...

О, Родина, кровавый плат, дерюга,
Слезит глаза. . .

Насилий и убийств
Да сгинет круг! Опричник и бомбист
Да изойдут! И будем мы любить
И врачевать израненные руки. . .

1978

5/6Б17. АНДРЕ ГЛЮКСМАН. Отцы-мыслители. БЕРНАР-АНРИ ЛЕВИ. Варварство с человеческим лицом

Глюксман и Леви – представители школы так называемой «новой философии», возникшей на развалинах левоэкстремистского движения конца 60-х годов в результате попыток критического переосмысления идеалов этого движения и, как водится, – всего пути развития предшествовавших этому идей. Для авторов характерно представление об обоих типах современного общества – западном и тоталитарно-социалистическом – как о структурах, имманентно враждебных человеку, репрессивных и отчуждающих. Но если Глюксман сосредотачивает свою критику в основном на марксистских концепциях, то Леви подвергает сомнению вообще все общепринятые взгляды на вопросы истории, государства и т.п.

Работа Глюксмана «Отцы-мыслители» ставит перед собой популярную сейчас и, видимо, достаточно актуальную задачу – проследить тот путь развития – как в плане идей, так и в плане конкретных общественных феноменов, – который в качестве своего конечного результата имел современное тоталитарное общество. Решая эту задачу, автор в качестве идейных истоков тоталитаризма видит всю классическую рациональную философию, основанную, видимо, Платоном и получившую свое окончательное развитие в Германии. «Отцы-мыслители» для него – это Фихте, Гегель, Маркс, Ницше. В качестве первого реального шага в направлении к тоталитаризму он видит французскую революцию 1789 года, впервые поставившую, в форме якобинского террора, задачу поляризации общества по новому принципу: государственная власть – подчиненные, вместо сложной структуры подчиненности, характерной для феодализма. Принципы французской революции затем попали на благодатную почву в Германии, где к тому времени настоящей задачей стало создание единого централизованного государства. Таким образом, этикетические идеи на долгое время определили направление мыслей немецких философов. Именно поэтому такая (осознанная или неосознанная) фетиши-

зация государства, притом – «рационального» государства, основанного на знании, и привела, по мнению автора, к тому, что «отцы-мыслители» распространили методы рационального знания, методы науки, на сферу истории и общественных отношений, до того этими методами не затронутую. При этом государство, основанное на управлении научными методами со стороны властей и на сознательной государственной дисциплине со стороны прочих граждан является для них очевидным абсолютным благом, а иррациональность и непредсказуемость человеческой природы – столь же очевидным абсолютным злом.

Анализируя с этой точки зрения взгляды каждого из указанных философов, Глюксман приходит к выводу, что все они последовательно разрабатывают теорию «современного рационального государства и современной дисциплины». При этом Фихте и Гегель, по его мнению, непосредственно разрабатывают эти вопросы, показывая нам государство, где «один господин и ни одного раба» (Гегель), причем отсутствие рабов объясняется тем, что «око господина в голове каждого». Маркс, систематизируя выводы классической немецкой философии, вместе с тем, по словам автора, уклоняется от непосредственного анализа вопросов власти, подменяя власть в своих рассуждениях системой отношений труд-капитал. Тем не менее показанную Марксом картину современного промышленного производства можно, по мнению автора, считать прекрасным (с точностью до обозначений) изображением системы тоталитарного государства. Впрочем, подозрения автора в отношении Маркса идут значительно дальше – он считает, что тот сознательно маскирует свои стремления, нигде не указывая даже приблизительно наброска устройства будущего общества, образования которого он так желает.

Из всего сказанного уже достаточно ясно, что Глюксман рассматривает непосредственных руководителей тоталитарных государств – Ленина, Сталина, Мао – как идейных наследников «отцов-мыслителей» и исполнителей их предначертаний; а сами эти государства – как реализацию предвидения последних. То есть, согласно Глюксману, современные тоталитарные государства есть те самые «рациональные государства», «царства разума», о которых говорили «отцы-мыслители».

В то же время автор не считает, что история есть в целом реализация этих предвидений, несмотря на очевидную тенденцию к образованию тоталитарных структур. Человеческая природа не укладывается в такую схему, «диалектически» делящую общество на две категории: «эксплуататоры-эксплуатируемые», «господствующие-подчиняющиеся» и т.д., и более всего в нее не

укладываются многочисленные «средние» слои западного общества, которые, по мнению автора, и играют основную роль в борьбе против тоталитаризации общества, отстаивая свое право на иррациональность, против полного порабощения наукой. Именно на эти слои и возлагает автор свои исторические надежды.

Подытоживая взгляды, изложенные в рассматриваемой работе, можно отметить, что основная идея книги, в общем, достаточно традиционна для русской общественной мысли (только там она рассматривается с религиозной точки зрения), – это идея о том, что возникновение тоталитарных государств есть результат замены религиозных ценностей в религиозной иррациональности – человеческими ценностями и научным рационализмом, т. е. замены Бога – человеком, «самообожения». Интересно, однако, что подобная точка зрения, (хотя и доказанная с точки зрения того самого рационализма, который в ней так критикуется), получила распространение в среде леворадикальной интеллигенции на Западе.

Основная цель книги Бернара-Анри Леви «Варварство с человеческим лицом», как провозглашает сам автор, – «последовательное изложение исторического пессимизма». Основа книги – анализ вопроса власти и государства в самых общих философских категориях. При этом автор категорически отвергает все ранее существовавшие теории о происхождении власти – в том числе и марксистскую теорию и леворадикальные взгляды на этот вопрос. Более того, он утверждает, что говорить о происхождении власти вообще не приходится, поскольку она, власть, является одним из основных априорных понятий философии, если не просто основным ее понятием. В этом вопросе автор призывает в союзники Гегеля, которого трактует таким образом, что всякая «объективизация я», всякое взаимодействие сознания с миром является отчуждением, утратой себя в других, отказом от себя – что в конечном итоге и является основой власти. Таким образом, постольку поскольку человеку свойственно социализироваться, жить в обществе и вообще – группами, постольку любым человеческим сообществам свойственна власть. А раз так, то власть возникала по мере того, как человек становился человеком; она предшествовала формированию всех других свойственных человеку образований – языка, культуры, религии и т.д., и все последние несут на себе ее отпечаток. Из этой авторской концепции естественно вытекает ряд общих положений. Так, государство, являясь реализацией власти, так же как и она, ниоткуда не происходит; оно изначально сопутствует развитию человеческого общества и в обществе является не производным от каких-то других факторов,

не «надстройкой», а основой основ, самоопределяя все остальные институты общества. Далее, если история человека есть история государства, то бессмысленно рассматривать человека «самого по себе», с какими-либо будто бы присущими ему природными, «естественными» правами. Человек всегда лишь двойник государства. Следовательно, ложны все теории об угнетении и освобождении человека, об «общественном договоре» и т.д., а вместе с ними – и любая концепция поступательного развития истории, концепция прогресса.

Рассматривая с точки зрения своих концепций современное западное «капиталистическое» общество, автор прежде всего приходит к выводу, что это общество – вечно, являясь совершенной формой отправления власти и организации труда, когда власть (посредством политического плюрализма и «демократии») и эксплуатация (посредством сложного перераспределения прибавочной стоимости) диффузно распределены в обществе, капитализм представляет собой абсолютно устойчивую структуру, окончательное завершение всей истории Запада. Капитализм, по мнению автора, – единственная формация, не порождающая в себе класса-«могильщика». Причем пролетариат, согласно Левин, не только не является классом, антагонистичным капиталу, но и вообще не является классом как таковым, так как – у него якобы нет того, что характеризует класс: специфических интересов, культуры и т.п. Более того, автор убежден, что процесс всеобщей унификации и нивелировки, охватившей сейчас западное общество, нивелирует все слои и группы этого общества под уровень пролетариата. И хотя у самого пролетариата нет ни собственной культуры, ни собственной морали, господствующие в обществе мораль, культура и вообще вкусы и стиль жизни становятся все более пролетарскими. Автор характеризует эти явления как «эру пролетариата» и добавляет при этом, что «... религией этой эры является марксизм».

Что же касается капитализма, то такая унификация общества служит лишь еще большему его укреплению. Вообще, постоянно порождая локальные по месту и времени противоречия, капитализм не породил и не может породить противоречия глобального, неразрешимого в его рамках. А локальные кризисы ведут лишь к еще большей консолидации системы.

Таким образом, выхода из капитализма автор не видит. Но возможность развития «в себе» он для этого строя все же оставляет, правда, только одну. Это – «варварство», прообраз которого усматривается им в современных тоталитарных режимах. Для Левин «социализм» – не альтернатива капитализму, а естественное

продолжение последнего, его логическое завершение. Сущность перехода от либерального капитализма к варварству – в отказе от религии, замене ее идеалов идеалами технического прогресса, в развитии социалистических идей.

Принятие прогресса как самостоятельной абсолютной ценности как средства разрешения всех социальных конфликтов еще с эпохи Возрождения толкает общество к утилитаризму и рационализации, но, только отбросив сдерживающие принципы религиозной морали, общество может установить оптимальные для прогресса условия. При этом варварское государство, будучи первым в истории атеистическим государством, впервые не нуждается в высшей санкции на отправление власти, что и приводит к беспрецедентному «культу личности» его вождей.

Таким образом, сущность тоталитарных государств (как ее представляет автор) – в полном торжестве рационализма и идей технического и экономического прогресса, в пренебрежении всеми остальными нормами и принципами, в управлении государством по строго научным критериям. «Тоталитаризм, – пишет Леви, – <...> это ученые у власти». В отличие от либерального капитализма, варварство нуждается не в плюрализме, а в единомыслии и консолидации общества, что достигается как идеологическими, так и репрессивными мерами, «это государство впервые не разделяет, чтобы господствовать».

Такой мрачный конец пророчит автор всему западному обществу.

Что же может предложить автор для тех, кто, живя в условиях либерального капитализма, не может и не хочет принять это общество? Для них, по его мнению, возможен лишь индивидуальный протест. Причем ввиду того, что прогресс не сулит, как было показано, ничего хорошего, протест этот должен быть антипрогрессистским и антимарксистским. Этика, моральный долг, углубление в себя – вот все, что оставляет автор современному интеллигенту.

5/6Б18. ЖАН ЭЛЛЕНШТЕЙН. История сталинского феномена

В своей работе известный французский историк-коммунист анализирует причины возникновения в Советском Союзе явлений, обычно называемых «сталинизмом», а также ставит вопрос о степени обязательности таких явлений для построения социализма вообще и для «советского варианта» социализма в частности.

Находясь на достаточно ортодоксальных марксистских пози-

циях, автор прежде всего отвергает как теорию, согласно которой в Советском Союзе наблюдается будто бы не социализм, а некоторая разновидность «государственного капитализма», «государственной бюрократии» и т.д., так и идеи о том, что любое применение на практике марксистских теорий неизбежно ведет к явлениям типа «сталинизма». Но не согласен он и с официальной советской точкой зрения, по которой все эти явления объясняются действовавшей в короткий период советской истории злой воли одного или нескольких человек.

Предлагая свое объяснение этого вопроса, Элленштейн утверждает, что сталинизм (в терминологии автора – «сталинский феномен») и вообще тоталитарно-репрессивный тип «советского варианта» социализма был для Советского Союза если и не вполне обязательным, то, во всяком случае, весьма вероятным ввиду специфических условий построения социализма в СССР, к которым прибавились личные черты вождей этой страны. Иными словами, согласно авторской концепции, «сталинский феномен» представляет собой сумму негативных явлений, с фатальной для русских условий неизбежностью накладывающихся на в целом поступательное, прогрессивное и, вообще, «правильное» развитие «первого в мире социалистического государства»; причем эти явления не могут заслонить общего позитивного характера социалистического строительства в Советском Союзе. Что же касается гипотетических социалистических государств в странах Западной Европы, то для них (если таковые возникнут) автор считает полностью исключенной возможность пойти в строительство социализма по «советскому пути».

Перечисляя причины, приведшие к образованию «сталинского феномена», автор отмечает тяжелое наследство, доставшееся новой власти от старого режима (деспотический, бюрократический характер царской власти, низкий культурный уровень населения, отсутствие демократических традиций и т.д.). По его мнению, бюрократический аппарат советского государства просто воспроизвел таковой при царизме. Кроме того, существенное значение имело положение в партии большевиков, сложившееся в ней еще до захвата власти, так как в условиях подполья и жестких репрессий со стороны властей это вынужденно была партия с жестким централизмом, строгой дисциплиной, отсутствием внутрипартийной демократии. В числе других причин автор видит разуху после 8 лет войны, резкое падение и без того незначительного числа рабочих в преимущественно крестьянской России, а также существовавшее, по его мнению, контрреволюционное подполье с постоянной угрозой переворота. Все это привело сначала

к замене «диктатуры пролетариата» на диктатуру партии, а затем к смене этой последней – диктатурой одного человека.

Сумма этих (и многих других) факторов привела, как считает автор, к возможности возникновения явления типа «сталинского феномена». Возможность эта стала превращаться в реальность, когда после смерти Ленина к власти пришел Сталин с его ортодоксальностью мышления, жадной властью и уверенностью в себе.

Далее автор подробно описывает непосредственные проявления «сталинского феномена» – насильственную коллективизацию крестьянских хозяйств, репрессии против интеллигенции и партийных кадров, диктатуру Сталина во всех областях жизни общества, а также его диктатуру в международном коммунистическом движении посредством Коминтерна. Однако при этом подчеркивается, что сущность советского государства того периода не ограничивалась перечисленными негативными явлениями, а содержала и множество позитивных моментов – развитие экономики, повышение уровня жизни народа, развитие культуры, укрепление принципов социализма.

Анализируя причины победы СССР во Второй мировой войне, автор на первое место ставит «советский патриотизм» народа, защищавшего не просто свою Родину от иностранного нашествия, но еще и социалистический строй от реставрации капитализма. Здесь же автор категорически отвергает популярные ныне аналогии между нацизмом и сталинизмом, усматривая в этих режимах различное классовое и социальное содержание.

Рассматривая судьбу «сталинского феномена» после смерти Сталина, автор приходит к выводу, что с этим моментом «сталинский феномен» не исчез, но ощутимо пошел на спад. Да и уже в последние годы жизни Сталина было очевидно, что эти явления тормозят развитие производительных сил страны. Но окончательно «феномен» так и не исчез и даже несколько укрепил свои позиции после 1968 года.

В последнем, теоретическом, разделе книги автор отмечает, что сущность явления есть в конечном итоге просто некоторые бюрократические извращения в государственном руководстве, которые наблюдаются и в капиталистических странах с сильным государственным вмешательством в экономику; впрочем, в Советском Союзе эти извращения усугубляются целым рядом объективных и субъективных причин. Что же касается развитых стран Запада, то наличие в них (и в их коммунистических партиях) прочных демократических традиций и высокое развитие экономики этих стран гарантирует их от возникновения автори-

тарных, бюрократических режимов при построении социализма в этих странах.

В целом в работе заметна определенная практическая цель, именно – задача представить позицию французских коммунистов в приемлемом для избирателей виде (в частности, доказывая невозможность явлений, подобных сталинизму, в случае прихода ФПК к власти) и в то же время – сохранить определенную лояльность по отношению к Советскому Союзу. Наличие такой наперед заданной цели, естественно, снижает общую познавательную ценность работы, но, разумеется, вовсе не освобождает от необходимости ее анализа по существу.

5/6Б19. Обзор французской печати, посвященной дискуссии по поводу союза левых сил во Франции

Поражение союза левых сил на выборах в Национальное собрание в марте 78 года послужило поводом к дискуссии среди коммунистов, развернувшейся как на страницах органов ФКП, так и в других французских изданиях. Начавшись как обсуждение причин, приведших к поражению, дискуссия вскоре переросла эти рамки и превратилась в широкое обсуждение теории и практики коммунистической партии вообще.

Отношение руководства партии к этой дискуссии было двояким. С одной стороны оно поощряло дискуссию, призывало всех коммунистов свободно высказывать свои мнения и обещало предоставить страницы партийной печати всем желающим высказаться. Однако потом, когда ход дискуссии стал выходить из-под контроля руководства и оказалось невозможным направить ее в нужное русло, были приняты меры к тому, чтобы дискуссию свернуть – впрочем, не имевшие успеха. Что же касается партийных изданий, то ни одного выступления, сколько-нибудь серьезно критикующего позицию, занятую руководством ФКП, так и не было напечатано.

Основное содержание статей, появившихся, скажем, в «Юманите», можно представить так: в неудачах на выборах виновата исключительно Социалистическая партия. Именно она, в нарушение условий союза и совместной правительственной программы 72 года, сделала резкий «вираж вправо» и пошла на сговор с «буржуазными» партиями, чем и оттолкнула от себя избирателей. Причем основная вина лежит лично на председателе этой партии Митгеране, который управляет партией с помощью авторитарных методов, так что политика соц. партии определяется в значительной степени его личными настроениями и вкусами.

Политика же ФКП в этом вопросе (как, впрочем, и во всех других) является совершенно правильной и менять ее нет необходимости.

Конечно, диапазон мнений членов партии не ограничивается этим выступлением с официальной «трибуны дискуссий», многие выступления были напечатаны внепартийными левыми изданиями. В качестве основных оппонентов официальной линии выступили два видных теоретика партии – философ Луи Альтюссер и историк Жан Элленштейн.

Альтюссер, являющийся, по общему мнению, наиболее резким критиком партийного руководства внутри ФКП, направил письмо в «Юманите», но там оно было отвергнуто. Тогда он отправил его в «Монд», где оно было напечатано в апреле 78 г.

Альтюссер писал, что в то время, когда нужно, в свете поражения на выборах, проанализировать всю политику партии и вскрыть долю ее ответственности за это поражение, партийная верхушка продолжает отвергать всякую критику в свой адрес. По идее, этими вопросами должен был заниматься апрельский (78 г.) пленум ЦК, однако он прошел в обычной обстановке секретности и были опубликованы только доклад Ж.Марше, который, по словам Альтюссера, не содержал ничего нового, и сообщение, что этот доклад был «единодушно одобрен» на пленуме. В связи с этим автор письма останавливается на атмосфере секретности, окружающей подобные совещания, и утверждает, что до тех пор, пока отношения руководящих органов партии с рядовыми ее членами будут строиться на основе спускаемых сверху «решений», предлагаемым местным организациям для «изучения», ни о каких «демократических основах» жизни партии не может быть речи.

Говоря о неоднократном радикальном изменении отношения компартии к союзу с социалистами, Альтюссер отмечает, что все эти шатания никак не объяснялись партийным массам и прикрывались положениями типа «партия придерживается единой линии», «партия всегда права» и т.д. Такая практика, по его словам, полностью исключает критический пересмотр позиции партии в этом вопросе (да и в остальных тоже). А вопрос этот Альтюссер считает крайне важным – он описывает тот энтузиазм, с которым, по его словам, было воспринято рядовыми членами партии заключение союза левых сил, «породившее почти полную уверенность в том, что с эксплуатацией и угнетением будет покончено», и то разочарование и деморализацию, которыми сопровождался разрыв этого союза.

Переходя к анализу организационной структуры ФКП, автор

сравнивает ее со структурой «буржуазного» государства, причем далеко не самого демократического. Он пишет, что, хотя после мрачной эпохи сталинизма и было восстановлено право свободно выражать свое мнение в ячейках партии, но эти дискуссии на низах не имеют никакого влияния на политику руководства. Выборы же в руководящие партийные органы происходят по крайне реакционной схеме. Кроме того, основную роль в партии начинает играть даже не сам выбор ЦК, а многочисленный партийный аппарат, партийные чиновники и «специалисты». Еще один порок в организации партии автор видит в преобладании в ней «вертикальных» связей над «горизонтальными»: любая попытка установить связи на одном уровне (между ячейками, секциями и т.д.), минуя официальную иерархию, пресекается и рассматривается как проявление «фракционизма».

Рассматривая состояние теоретической работы в ФКП, Альтюссер приходит к выводу, что и здесь дело обстоит не лучше. Разработка марксистской теории не ведется, марксизм превратился в догму, а единственный плод работы официальных теоретиков ФКП – так называемая «теория государственно-монополистического капитализма» – представляет собой, по его мнению, всего лишь теоретическую санкцию, оправдывающую современную политику партии. Отсутствие же развитой теории не позволяет правильно оценивать процессы, идущие во французском обществе, и правильно определять политику в конкретной обстановке.

Возвращаясь к вопросу о союзах, Альтюссер пишет, что, по его мнению, союзы бывают двух типов: союзы-«контракты», заключаемые между верхушками партий и делящие между ними сферы влияния, и «боевые» союзы, выражающие объединение сил на всех уровнях с целью активизации совместной борьбы. Так вот заключавшиеся до сих пор соглашения между ФКП и другими левыми партиями автор относит к первому типу. Ратует же он за второй тип союза, отвечающий, по его мнению, желаниям и интересам народных масс.

Общую же задачу компартии Альтюссер видит в выходе ее из изоляции, сплочении всего народа в борьбе за социализм; а в плане внутренней работы – в осмыслении ошибок прошлого, демократизации партийной жизни и развитии марксистской теории применительно к условиям своей страны.

Выступление Альтюссера вызвало целый ряд откликов из среды коммунистической интеллигенции, достаточно остро ставящих вопрос о создавшемся в партии положении. Так, профессор литературы Жан Раймон пишет: «как свобода <...> будет

гарантирована всем гражданам, если у нас нет свободы даже для коммунистов?», а секретарь партийной ячейки М.Барок, известный как вдохновитель известного «письма трехсот», требует «положить конец опасной фикции монолитизма. Если в партийных массах складывается мнение, представляющее их меньшинство, такое же представительство должно быть и в ЦК».

Один из инициаторов дискуссии, Ж.Элленштейн (считающийся более умеренным критиком партийного руководства, нежели Альтюссер), дал интервью журналу «Нувель Обсервер». Элленштейн отметил, что основную задачу ФКП он видит в преодолении традиций сталинизма. В этом направлении заметны, на его взгляд, некоторые шаги, но в целом процесс идет слишком медленно. Это приводит к многочисленным ошибкам в политике партии, что особенно ярко проявилось в период алжирской войны и во время событий 68 года. Элленштейн призывает к решительному разрыву со сталинским прошлым, к пересмотру политики (в особенности по отношению к СССР) и к признанию своих ошибок – на манер того, как это сделали итальянские коммунисты.

Что касается союза левых сил, то здесь Элленштейн утверждает, что для всех левых партий такой союз является абсолютно необходимым. Но если ФКП, по его мнению, уже предприняла некоторые шаги по направлению к такому союзу (начав, в частности, пересмотр своего отношения к «советскому опыту»), то ФСП еще предстоит это сделать, подвергнув критике ряд социал-демократических партий – например, в ФРГ и Англии.

Отвечая на вопрос о своей концепции «третьего пути», Элленштейн пояснил, что он имеет в виду вовсе не третий путь между капитализмом и социализмом, а путь к социализму, но «средний» по своему характеру – т. е. лежащий между реформой и революцией.

Дискуссия между коммунистами вызвала отклики и оценки также со стороны политических обозревателей и теоретиков других левых направлений. Наиболее резкая из таких оценок принадлежит известному леворадикальному теоретику А.Турану. Сосредоточивая свой анализ на позиции Альтюссера, он утверждает, что последняя «несет в себе зачатки новой ортодоксии». Обосновывая такую точку зрения, Туран утверждает, что основное противоречие в ФКП – не отсутствие демократии и критики, так было в этой партии всегда. Но если раньше компартия была лишь определенной «верой», то теперь, когда реальной стала возможность прихода ее к власти, резко обнаружились противоречия между догматической идеологией коммунистов – и необходимостью управления страной; между авторитарными тради-

циями партии – и демократическими традициями французского общества; в общем, обозначилась полная несостоятельность коммунистической партии.

Исходя из такой оценки, Туран считает, что деятельность Альтюссера – это попытка выхода из такого положения, причем выхода путем «контрреформации», путем возвращения к «истокам», к чистому марксизму. Такое движение, по мнению Турана, хоть и имеет успех среди коммунистов, но на деле приведет лишь к большей изоляции компартии, отрыву ее от жизни, к еще большей, нежели сейчас, ортодоксии. Причина всего этого – утверждает Туран – в том, что сам марксизм, в чистоте которого ищет спасения Альтюссер, не отражает адекватно живую реальность вообще и политическую обстановку современной Франции в частности. Согласно Турану, выход из кризиса «буржуазного» общества следует искать не в революции и взятии власти, а в институциональных реформах и социальных движениях. Путь же коммунистов, путь выражения социальной борьбы в политической деятельности одной партии, может привести только к тоталитаризму.

В. Содержание свежих номеров

5/6В1. «Диалог» (журнал критики и полемики), Ленинград, 1979-1980

От редакции. – В защиту либерализма. Против либерализма. Два письма. – Дискуссия о «Бранде» Г.Ибсена. – Проблемы искусства. Обсуждаем выставку Ильи Глазунова. – Отклики, реплики, заметки.

5/6В2. «Хайим» (еврейский журнал на русском языке), 1, июль–август–сентябрь, 1979, Рига

Вместо вступительной статьи. – Шмуэль Хаим. Прощание. – Вениамин Рвиит. Пять рассказов. – Бед Довид. О советской еврейской поэзии. – Е.Г.Эткинд. Две лекции. – Х.Вейхман. Две главы из книги. – Н.А.Бердяев. Судьба еврейства. – Н.А.Бердяев. Христианство и антисемитизм. – Разное.

5/6В3. «Хайим» (еврейский журнал на русском языке), 2, октябрь–ноябрь–декабрь 1979, Рига

Ахад-Гаам. Национальная этика. – Рабби Керцер. Что такое еврей? (главы из книги). – Шимон Зор. Стихи. – Авраам Иошуа Гешель. – Земля Господня (главы из книги). – Нахуштан Амиэл. Начистоту. – Натан Файнгольд. Диалог или миссионерство? – Герман Брановер. Наши сокровища (философские наброски). – М.Шагал. Автобиографические записки.

Г. Приложение

5/6Г1. «Поиски» и иранский кризис. Разгром редакции свободного московского журнала. Информация от издателей журнала

3 декабря 1979 году радиостанция «Голос Америки» передала сообщение о письме ряда московских неофициальных групп Советскому правительству в связи с событиями в Иране.

В письме содержится требование, разделяемое широкими кругами общественности, – занять ясную и недвусмысленную позицию в вопросе безоговорочного освобождения всех американских заложников, захваченных иранскими студентами в Тегеране; выступить с дипломатическим демаршем перед руководством Хомейни, попирающим международное право и мировой моральный порядок.

Один из соавторов письма, как сообщалось – московский журнал «Поиски», – на следующий день испытал на себе немедленную реакцию властей.

На рассвете 4 декабря более двух десятков работников прокуратуры и секретных служб вторглись в редакционные помещения журнала на территории Москвы и Московской области. В ряде случаев при этом были взломаны двери частных квартир. Редакция журнала была разгромлена, все редакционное имущество изъято.

В ходе проводившихся при этом обысков, носивших демонстративно репрессивный характер, изымались целиком личные архивы сотрудников, частная переписка, дневники, вообще все, напечатанное на пишущей машинке, и, наконец, – чистая бумага.

Обыски состоялись в квартирах редакторов журнала Валерия Абрамкина, Глеба Павловского, Петра Егидеса, Юрия Гримма, сотрудников журнала Виктора и Сони Сорокиных, Ангелины Горган, одного из авторов журнала, известного историка и политолога, члена КПСС Михаила Гефтера. После обысков неизвест-

ные лица в штатском, не предъявив никаких документов, увели Виктора Сорокина и Валерия Абрамкина. По последним сообщениям, Виктору Сорокину грозит административный арест за «оскорбление властей». Местонахождение и судьба редактора журнала Валерия Абрамкина до сих пор неизвестны.

Несмотря на нанесенный журналу тяжелый удар, редакция «Поисков» заявляет, что ее позиция в вопросе ирано-американского кризиса остается неизменной, как и оценка советской внешней политики – двусмысленной и угрожающей жизни заложников. Мстительный ответ властей на призыв журнала уважать мировой дипломатический и моральный порядок – еще одно подтверждение тупика, в который зашла советская внутренняя и внешняя политика.

Редакция напоминает, что один из редакторов, Валерий Абрамкин, с мая этого года находится в статусе заложника – ему неоднократно заявлено, что в случае выхода очередного номера журнала против него будет возбуждено уголовное дело. Таким образом, симпатия к практике шантажа в международных делах дополняется попытками шантажа в решении внутренних вопросов.

*Редакция журнала «Поиски»
4 декабря 1979 года*

5.12.79. По последним данным, Валерий Абрамкин арестован и содержится в Бутырьках.

5/6Г2. К нашим читателям. Обращение журнала «Поиски»

После выхода первого номера «Поисков» прошло 20 месяцев. Сейчас мы предлагаем читателю последние номера: шестой, седьмой и восьмой – и хотим подвести некоторый итог.

Все это недолгое время мы стремились строго следовать принципам, выраженным в «Приглашении», которым открывается первый номер свободного московского журнала. В самом сжатом виде они гласят: диалог во имя взаимопонимания.

С этим мы обращались ко всем. Мы не оговаривали участие в журнале ни предварительными условиями, ни тесными программными рамками. Равно ответственные, мы отказались от предпочтения какой-то одной позиции, одной точки зрения, одной системы взглядов.

Не скроем: держаться этого стиля работы было нелегко. Через многое и в самих себе приходилось переступать. Многие сочтут, наверное, что нам следовало больше преуспеть и дальше

продвинуться. Но ясно одно: дело диалога пустило корни и в наш солончак. Лиха беда начало!

Но и мы начинали не с пустого места. Незачем перечислять все попытки, всех предшественников поименно, притом разных, укажем только двух: «Новый мир» Твардовского и – легендарную «Хронику».

«Новый мир» тех, уже давних, лет не только шел в ногу с ростом общественного самосознания, но и в том лучшем, что он передал читателю – опережал и его и время. Он отвоевал место для открытой мысли и открытого слова. Его поражение – из тех, что не забудутся, поистине: зарубка на века.

Следующей зарубкой стала и продолжает быть «Хроника текущих событий», неотъемлемая от Самиздата, как и тот неотъемлем – от инакомыслия, от движения в защиту прав: всех наших соотечественников и, стало быть, каждого из них.

Высоко ценя старое доброе наследство 50-х годов, мы отдавали себе отчет в ограниченности сделанного тогда. Кто поставит в вину Шестидесятым, что они запнулись, что они оказались не в силах остановить попятные стремления и закончились общим застоєм? Не вина это, а беда.

Беда разобщенности. Беда взаимного недоверия. Беда от незнания – куда идти? Но именно тогда, в 60-х, многие были подвигнуты на важное – на свободное слово, несущее страшную правду, но освобождающее совесть от накипи фальшивых оговорок и утешительных софизмов.

Это было лишь начало. Разбуженная мысль продолжала работать. Настала пора ДИАЛОГА. Доверие и взаимопонимание ищут себе поприща, приложения к делу, – и признания их делом. Эта идея носится в мировом воздухе. У нас же она прямо – на острие ножа. «Поиски» лишь дали этой идее имя, журнальный переплет; стали для нее испытательным полигоном.

Нам ли судить о качестве всех опубликованных материалов? Главной заботой инициаторов и редакторов было и остается: дать выход всем ищущим голосам. Нашим рабочим кредо было и остается: нет неважных идей, пустых мнений, излишних подробностей, когда речь идет о кровном, касается ли это России или Мира; всех наших соотечественников или немногих из них – и даже судьбы одного. Все оттенки и все «детали» смысла так или иначе соучаствуют в создании той структуры живых различий, какая если еще и не общество, то его прообраз. Дверь в него, открытая всем живым.

Этим мы начинали «Поиски». И сегодня вправе сказать: дело, которое мы делали, не отдаляло и не отдаляет нас ни от одно-

го дельного и мыслящего человека – на каком бы «месте» он ни находился и как бы ни относился к нам сегодня. Конечно, мы далеки от мысли, что сам по себе диалог достаточен, чтобы оградить от худшего – нас, детей наших и детей их детей. . . Но мы уверены, что нет иного начала у пути, способного предотвратить общую беду.

Этим начинали, но здесь нас вынудили остановиться.

Систематически ужесточающиеся гонения лишили нас большинства средств, необходимых, чтобы продолжать эту работу. За попытку прорвать блокаду диалога, за открытость своих имен и действий мы уже заплатили арестом одного из редакторов – Валерия АБРАМКИНА. Горько думать, что человек необыкновенной духовной энергии и нравственной надежности – за решеткой Бутырок. . .

Мы оставляем за собой простое право – определить самим форму и срок продолжения дела, равноценного для нас смыслу жизни.

Мы отказываемся сегодня и в дальнейшем – прятаться и спорить шепотом.

Мы не всли игры «в политику» – и не согласны на условную ничью, чего, видимо, от нас ждут. Адресуясь читателю и соотечественнику, мы признаем лишь его критическое верховенство. Мы повторяем, что готовы все, вместе с Валерием АБРАМКИНЫМ, отстаивать законность «Поисков» и необходимость в честном диалоге для страны, граждан и государства.

Мы не ставим риторического вопроса «кто виноват?», предоставляя его на суд читателя, вместе с восемью томами «Поисков». Сами же мы сосредоточиваемся на действиях в защиту В.Абрамкина и В.Сорокина – в уверенности, что начатый нашим журналом диалог во имя взаимопонимания неискореним из общественной жизни.

Мы благодарны всем, кто своей бескорыстной помощью и активным участием сделал возможным выход свободного московского журнала – в течение двадцати месяцев труда, сопротивления, диалога.

*Редакция журнала «Поиски»
Москва, 31 декабря 1979 года*

5/6ГЗ. В защиту ВАЛЕРИЯ АБРАМКИНА

4 декабря 1979 г. арестован Валерий АБРАМКИН – член редакции свободного московского журнала «Поиски». После обыска в его квартире он обманом был уведен в прокуратуру г. Москвы, откуда уже не вернулся домой.

Обыск и арест произведен старшим следователем прокуратуры Юрием Бурцевым, работающим в тесном контакте со спецслужбами КГБ.

Арест Валерия не был полной неожиданностью ни для него, ни для его коллег, друзей и близких. Следователь угрожал этим с того времени, как на «Поиски», одна за другой, стали накатываться волны обысков и облав, и появилось пресловутое «дело 50611/14-79».

АБРАМКИН избран был первой мишенью, о чем ему беззастенчиво сообщил тот же Бурцев в мае 1979. Не станем гадать, что сыграло тут большую роль: его общественная деятельность, не уместившаяся в каком-нибудь узком кругу, или житейские обстоятельства – полуторагодовалый ребенок, на что иезуитски намекал следователь. Расчет был на то, что бремя заложничества вобьет клин между Валерием и его коллегами, подорвет его дух.

Но расчет был заведомо ложным. Шантаж натолкнулся на стойкость Валерия АБРАМКИНА и на солидарность всех редакторов журнала, в котором он участвовал. Четвертого декабря наступила развязка.

Сегодня мы призываем всех к защите Валерия.

Мы привлекаем внимание к обстоятельствам преследований и ареста, равно и к самой личности В.Ф.Абрамкина.

Незаурядный специалист-химик, на рубеже защиты диссертации вынужденный, под давлением КГБ, бросить любимое дело – он так же профессионально стал работать лесорубом и с тем же вкусом к хорошей работе ворочал углем в кочегарке.

Он любил хорошо работать сам и хорошо работал с людьми.

Его ровный, общительный дар участия проявился и в Клубе самодеятельной песни, и в лесных встречах творческой молодежи, и в изданном по их следам сборнике «Воскресения», и в подготовке тома «Избранного» Даниила Хармса. В последнем из этих дел – московском журнале диалога он, кажется, встретил вид деятельности, к которому назначен судьбой – вечно в деле и на людях, необходимый им и сам нуждающийся в их совете и слове.

В каждом из этих дел он проявлял свободу замысла, ясность духа и здравость в мелочах. В каждом его доля труда была внесена вровень его духовным и душевным дарованиям. И в каждом

его общительность была открыта друзьям и гонимым, коллегам – и узникам Архипелага, один из которых сегодня – он сам.

Арестом он вырван из жизненного порядка. Защитой мы обязаны его вернуть – семье и себе самим, нам всем.

Защитим человека, одного из нас!

Мы заявляем – пока Валерий АБРАМКИН остается под арестом, он нуждается в защите свободных людей – и может располагать ею в полной мере.

Поэтому мы решили собирать сведения о преследованиях Валерия АБРАМКИНА, обмениваться ими и распространять их.

Мы будем предавать гласности все попытки утеснения его и его семьи, виновников же назовем по именам.

Те из нас, кто желает предпринять ныне конкретные действия в защиту Валерия АБРАМКИНА, предпримут их лично. Те, кто считает себя объединенными задачей защиты, создадут с этой целью Комитет в защиту В.Ф.Абрамкина.

Мы напоминаем государственным служащим о гражданской обязанности, гражданам – о моральном долге:

ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Москва, 31 декабря 1979

5/6Г4. Г.ПОМЕРАНЦ. Мой собеседник Виктор Сокирко (март 1980, 9 стр.)

<...> Видимо, всякая тревожная мысль тенденциозна, на что-то наталкивает, что-то ставит под вопрос. Сокирко никогда не был крайним. Он даже написал письмо в защиту конформизма, против ухода во внутреннюю эмиграцию, за диалог с тем правительством, какое есть... Люди гораздо более крайних взглядов (но с выработанной обществом условно-рефлексной системой) живут и умирают в своей постели без вмешательства органов безопасности. А Сокирко все время навлекет на себя несчастье. Не столько за свои идеи, сколько за непосредственность и горячность в изложении этих идей <...> Мотивом деятельности Сокирко и страстной резкости его прогнозов были только личная ответственность и гражданских долг. Если не я, то кто?

Автор пишет: «Я не экономист и не в состоянии оценить главных трудов Сокирко: “Очерки растущей идеологии” и сборников “В защиту экономических свобод” (то и другое – под псевдонимом К.Буржуадемов).

ПОМЕРАНЦ в другом месте своего очерка объясняет, как СОКИРКО расшифровывает этот псевдоним: «коммунист и буржуазный демократ».

Заканчивая очерк выдержкой из разговора Сокирко со следователем, ведущим дело о журнале «Поиски»:

«Я объяснил, что, конечно, боюсь тюрьмы и, конечно, хотел бы избежать уголовного преследования, но не путем отказа от выражения своих убеждений, равнозначного духовному самоубийству. Кроме того, мое членство в редакции “Поисков” вполне сознательно и добровольно и вызывается чувством долга. Кто-то должен начать дискуссию о путях развития страны, начать поиски альтернатив и взаимопонимания, – без этого страна придет к тупику и катастрофе». <...>

Перепечатка из «Хроники текущих событий», 56

5/6Г5. В.Сокирко. Экономика 1990 года: что нас ждет и есть ли выход? (ноябрь 1979, 22 стр.)

Проанализировав состояние нашей экономики, автор приходит к выводу:

<...> простое экстраполирование предсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990 годов, а с учетом непризнаваемой инфляции – в районе 1984 года, понимая под ней начало падения национального дохода на душу населения, или, в марксистских терминах, начало абсолютного обнищания населения Советского Союза.

Однако анализ основных факторов – источников роста национального дохода – показывает, что они уже и сейчас близки к исчерпанию, а это вызовет в скором будущем не только замедленное снижение нашего реального дохода, а может вызвать его ухудшение и привести к бунту, к социально-экономической катастрофе.

Автор предполагает, что «руководство страны» продолжит нынешнюю оппортунистическую политику поддержки внешнего благополучия общества без радикального изменения курса – вплоть до очевидного кризиса, т. е. запустит социально-экономическую болезнь нашего общества до состояния неизлечимости.

<...> По-видимому, в качестве последнего средства укрепления дисциплины, карточной системы и трудового энтузиазма руководство прибегнет к внешнеполитическим авантюрам «оборонительного» характера. <...>

Тем не менее автор «убежден, что шансы к спасению существуют, хотя они не велики». Он считает, что «единственной настоящей альтернативой для страны и ее руководства» является честная и бесстрашная переоценка ценностей и прежде всего как

можно более быстрый отказ от губительной системы всеобщего планирования, немедленная легализация рыночного регулирования. <...>

Эту статью автор послал в «Правду», сопроводив ее просьбой: «Я <...> прошу лишь одного: обсудите ее, раскритикуйте и убедите в беспочвенности и необоснованности изложенных в ней опасений. <...> Мои попытки обращаться с вопросами о надвигающемся кризисе к специалистам приводили их в ужас <...> запретностью самой темы, <...> я пишу вам, хотя, честно говоря, и мне страшно».

Перепечатка из «Хроники текущих событий», 56

5/6Г5(6). В.СОКИРКО. **О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами** (ноябрь 1979, 7 стр.)

<...> народный сталинизм сегодня выглядит вполне естественной, традиционной, здоровой реакцией людей на болезненное состояние нашего общества. И потому именно со сталинистами должны заводить диалог диссиденты, также желающие стране выздоровления, правда, на совсем иных путях. <...>

На деле и сталинисты, и либералы исторически необходимы друг другу. Если первые добьются власти без либеральных реформ, то они не смогут обновить страну, а лишь ввергнут ее в еще более тяжелый кризис. А либералы никогда не смогут провести свои реформы без твердой власти. <...>

Так что лозунги сталинистов «За твердого хозяина!» и либеральных диссидентов «За свободу и права человека!» должны соединиться и стать основой союза «За настоящую, прочную и развивающуюся Советскую власть!»

Перепечатка из «Хроники текущих событий», 56

5/6Г6(7). К.БУРЖУАДЕМОВ. **К вопросу о диссидентской этике** (ноябрь 1979, 9 стр.)

Автор считает, что арестами Т.ВЕЛИКАНОВОЙ и Г.ЯКУНИНА власть надеется открыть заключительный этап в «излечении общества от диссидентской заразы».

Он усматривает в правозащитном движении последнего времени «тревожные тенденции»:

1. За последние годы неизмеримо выросли связи диссидентов с Западом. <...> Чем прочнее становится опора диссидентов

на помощь зарубежных единомышленников, тем менее значимой и потому слабее становится поддержка отечественного окружения, тем больше изоляция и внутренняя слабость правозащитного движения <...>

2. Изменился и сам состав участников движения. В нем большой удельный вес приобрели люди, принявшие решение об эмиграции.
3. <...> замедленное идейное развитие различных диссидентских групп. В Самиздате мало появляется работ о проблемах реальной жизни и путях их разрешения. <...>
4. <...> индифферентность диссидентов к защите прав человека в полном комплексе – не только права на свободу выезда, творчества, слова, передачи информации и т.д., но и права на свободный труд, на свободную экономическую деятельность, права трудовых коллективов и их руководителей. <...>

Автор указывает «три этических кита, на которых только и может укрепиться диссидентское движение и преодолеть нынешние слабости»:

- осознание своего долга и ответственности (перед Нацией или Богом) за работу самосознания, за возникновение и развитие общественных дискуссий, за существование и действенность Самиздата;
- трудолюбие <...> в создании, распространении и хранении Самиздата; <...> настоящий интеллигент обязан десятую часть своего времени отдать печатанию Самиздата; <...> только Самиздатское трудолюбие интеллигенции может сделать процесс национального самосознания широким, неувязимым <...> и необратимым;
- смелость автора и читателя Самиздата, который безбоязненно хранит, перепечатывает и обменивается Самиздатом; <...> Самиздат <...> должен занять свое открытое место на книжных полках <...> Я не вижу ничего ужасного даже в том, чтобы записывать, кому даешь книгу на прочтение. <...>

5/6Г7(8). В.Сокирко. Письма (ноябрь 1979 – январь 1980)

Сборник содержит статьи «Экономика 1990 года: что нас ждет и есть ли выход?» и «О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами» (см. выше), «Письмо Ф.А.Абрамову» и «Прошение Л.И.Брежневу о выводе войск из Афганистана» и, в качестве приложения, статью К.Буржуадемова «К вопросу о диссидентской этике» (см. выше).

Перепечатка из «Хроники текущих событий», 56

СУММА

рж

№ 7/8 1981-82

Вместо оглавления

- Ф (философия, философия истории)** – 7/8А9, 7/8А11, 7/8А27, 7/8Б2, 7/8В2, 7/8В4, 7/8В8.
- И (история и современность)** – 7/8А10, 7/8А12, 7/8А13, 7/8А14, 7/8А15, 7/8А16, 7/8А17, 7/8А18, 7/8А19, 7/8А20-25, 7/8А28, 7/8 А29, 7/8А32, 7/8Б2, 7/8Б4, 7/8Б5, 7/8Б7, 7/8Б8, 7/8В1-В8.
- О (общественные проблемы)** – 7/8А1, 7/8А2, 7/8А3, 7/8А4, 7/8А5- А8, 7/8А25, 7/8А30, 7/8А31, 7/8Б6, 7/8В1-В8.
- Л (литература)** – 7/8Б3, 7/8Б9, 7/8В1-9, 7/8Б1.
- Ж (живопись, изобразительное искусство)** – 7/8А26.
- С (справки об изданиях)** – 7/8А20-24, 7/8А30, 7/8А31, раздел В.

В частности:

- Проблемы демократического движения – 7/8А1, 7/8А3
- Экономические проблемы – 7/8А2, 7/8А5, 7/8А13
- События в Польше – 7/8А4, 7/8А25
- Что делать нам – 7/8А5, 7/8А6, 7/8А13, 7/8Б6
- О шовинизме и национальном угнетении – 7/8А6, 7/8А16
- Взаимоотношения с Западом -7/8А6, 7/8А7
- Западники – славянофилы – 7/8А6
- Экологические проблемы – 7/8А8
- Воспоминания о Хрущеве – 7/8А15
- Проблемы национально-религиозного возрождения – 7/8А17
- Эмиграция – 7/8Б1
- 60-летие Сахарова (1981) – 7/8Б4.

Реферируемые издания:

- «Поиски и размышления» – 7/8A1, 7/8A31, 7/8B1-B8.
- «Новое русское слово» – 7/8A6
- «Время и мы» – 7/8A7, 7/8A15, 7/8A17, 7/8A29
- «Посев» – 7/8A8
- «22» – 7/8A10
- «Синтаксис» – 7/8A13, 7/8A26, 7/8A28, 7/8B2
- «Информационный бюллетень рабочей комиссии по использованию психиатрии в политических целях» – 7/8A20, 7/8A21,
- «Информационный бюллетень Свободного межпрофессионального объединения трудящихся» – 7/8A22, 7/8A23, 7/8A24
- «Часы» – 7/8A27
- «Диалог» – 7/8A30
- «Прибавления к распространению свободных мыслей и новостей в Эстонии» – 7/8A32
- «Континент» – 7/8B1
- «Майя» – 7/8B9

А. Рефераты и выписки

7/8А1. А.САХАРОВ. Тревожное время. *Поиски и размышления*, 9, 1980, приложение 1, 14 стр.

Статья содержит краткое изложение позиции А.Д.Сахарова в существенных вопросах общественной жизни «так, как они видятся... из закрытого для иностранцев города Горького».

В первых двух частях рассматриваются вопросы международного положения. Центральные тезисы: 1) «вопросы войны и мира должны иметь абсолютный приоритет», 2) «любые переговоры о разоружении возможны лишь на основе стратегического равновесия». (Второй тезис стал, кажется, привычным и общепринятым. Меж тем он не кажется убедительным ни с нравственной, ни с утилитарной точки зрения. Нравственная его сторона не выше, чем установка «око за око». Тупик, в который может завести гонка за равенство стратегических возможностей, не выглядит привлекательным.)

Обсуждаются способы достижения стратегического равновесия и оцениваются возможности тоталитарных и демократических государств. Милитаризованная экономика и бюрократически-централизованное управление делают усиление тоталитарных государств относительно более опасным. Плюралистические свободные структуры более жизнеспособны в условиях спокойного развития, но во время современных жестоких катаклизмов им не хватает единства и последовательности, осознания опасности. В качестве существенной причины, ослабляющей позицию Запада, Сахаров отмечает «роковую зависимость» от поставок нефти. Единственный возможный выход он видит в развитии ядерной энергетики. Следующие две части статьи относятся к внутренним советским проблемам. Анализируется позиция советского мещанина. Существенные ее свойства: 1) Культ государства (преклонение перед его силой, страх и лицемерие, благодарность государству-благодетелю). 2) Паническое стремле-

ние обеспечить себе и своей семье благополучие, «живя как все». 3) Идея национального превосходства (блестящий анализ происхождения благодарности «благодетельному государству» был проведен Ю.Орловым; см. 2Б1).

Пропаганда внутри страны эксплуатирует не только перечисленные особенности мировоззрения, но и стремление народа к миру. Угроза войны – оправдание экономических неурядиц, сверхмилитаризации, «защитных» и политических акций. «Люди в стране дезориентированы и запуганы. Но очень существенен также сознательный самообман и самоустранение от трудных проблем». Лозунг «народ и партия едины» – не вполне пустые слова. (Может быть, это единство заслуживает более подробного обсуждения, которое нельзя заменить замечанием, что «из того же народа вышли защитники прав человека»).

«А внутри страны – времена усиления репрессий». Перечисляются жертвы незаконных репрессий – Т.Великанова, М.Ланда, С.Ковалев, В.Некипелов, Ю.Орлов, А.Щаранский, М.Руденко, В.Бахмин, Л.Терновский, Г.Якунин, Д.Дудко, Капитанчук, Регельсон, Огородников, Пореш, Горетой, Шелков, М. и Р. Джемилевы, Р.Кадыев, А.Лавут.

Последняя часть статьи – «О себе» – содержит описание условий жизни Андрея Дмитриевича в Горьком, и опасности положения Е.Г. Сахаровой-Боннэр. «Единственная наша защита – гласность, внимание друзей во всем мире к нашей судьбе».

Текст также содержит ответ на вопрос о готовности А.Д. Сахарова эмигрировать: «Я считаю, что усиленное обсуждение этого вопроса в печати и многочисленных передачах зарубежного радио – несвоевременно и вызвано жадной сенсации. Я признаю за каждым право на эмиграцию и в принципе не делаю исключения и для себя, но этот вопрос сейчас не стоит для меня, так как решение его от меня не зависит».

Н.К.

7/8А2. АЛЕКСАНДР РАДОВ. **Щекинский парадокс. Социологический очерк.** Октябрь, 4, 1982, стр.162-175. ЛЕОНИД ИВАНОВ. **Слово о русском льне.** (рубрика «В Российском Нечерноземье. Литературный пост «Октября»). Там же, стр. 176-188. ЮРИЙ АНДРЕЕВ. **Характеры и обстоятельства. Труженники села и его проблемы в современной публицистике.** Там же, стр. 187-196. АЛЕКСАНДР РАДОВ. **Иск. Фантазия на социологические темы.** Знамя, 4, 1982

Понимание необходимости радикальных мер по перестройке так называемого «хозяйственного механизма» все чаще появляется на страницах советской печати. Если раньше эта мысль высказывалась разве что журналом «ЭКО» (он же «Экономика и организация промышленного производства», редактор акад. Аганбегян), то теперь все чаще пишут об этом и «толстые» журналы, рассчитанные на массового читателя. Рассмотрим с этой точки зрения перечисленные выше статьи. Александр Радов широко известен статьями в Литгазете на сельскохозяйственные темы, они были яркими и убедительными, но, помнится, довольно поверхностными: анализ причин тех или иных явлений Радов чаще всего ограничивал изучением личных качеств того или иного руководителя или другими «непосредственными» причинами, не влезая в рассмотрение более глубоких причин. И вот перед нами два новых его выступления. Оба посвящены промышленности и оба «копают» несколько глубже, чем раньше. Не буду пересказывать подробности каждого очерка – всякий может их прочесть. Накоротке, суть очерка «Щекинский парадокс» сводится к тому, что участников знаменитого щекинского парадокса грубо и нагло обманули, причем так, что и спросить-то за обман вроде не с кого. А при распространении метода на другие предприятия выхолостили из него всю суть. Каждый такой обман не только нарушает права трудящихся и не только подрывает стимулы к повышению количества и качества труда, но несет также безвозвратную потерю доверия к государству. Радов близок к проникновению в причины бесконечного повторения подобных явлений, несмотря на все заверения на самом высоком уровне в обратном, когда пишет: «налицо уравниловка, которая порождает иждивенчество и обесценивает стимулирование напряженного труда <...> А уравниловка возникает порой из самых благородных побуждений – помочь несчастному, попавшему в прорыв предприятию». В памфлете «Иск» описан типичный директор завода, губящий талант конструктора путем систематического направления его на малоквалифицированную или вовсе неквалифицированную работу. Принимается (условно), что государство от потери даже одного

такого человека может понести ущерб от 10 до 40 миллионов рублей. В финале директор проникается сознанием того, что такой талант нужен заводу, приглашает его на пост главного конструктора. Но, увы, тот растерял квалификацию, да и привык зарабатывать гораздо больше полуквалифицированными «левыми» работами, директору остается лишь запомнить урок на будущее, юридической же ответственности за нанесение ущерба государству (в том числе и материальной ответственности) директор, как выясняется, в этом случае не несет. Но и такой «полу-хэппи-энд» неубедителен и противоречит всему содержанию памфлета: ведь на каждой странице с большим знанием дела Радов описал десятки причин, жестко связанных с действующим экономическим механизмом, которые буквально вынуждали директора (который ведь вовсе не хочет вреда государству) поступать именно так, как описано в памфлете; так чего же стоит его прозрение в финале?!

Сильное впечатление оставляет очерк Леонида Иванова «Слово о русском льне». Прежде всего сами за себя говорят цифры: производство льна-волокна по РСФСР неуклонно падало в течение последних 15 лет и всего за это время упало более чем в два раза, а по Калининской области (основной поставщик льна) почти втрое. Урожайность льна также падает. Упала, впрочем, в Калининской области и урожайность зерновых. Качество волокна (номер 300) упало в среднем с 1,36 до 0,75 и даже до 0,31. Волокно высшего качества (номер 3) по существу отсутствует совсем. Раньше одновременно с хорошим урожаем льна-волокна собирали также урожай семян сам-двадцать, хватало и для посева и для получения большого количества льняного масла (которое, по словам автора, вкуснее и питательнее подсолнечного), теперь же чаще всего не собирают даже того количества семян, что посеяно. Посевы льна сокращаются из-за его невыгодности при существующих порядках и из-за нехватки семян. Прекрасные льнокомбинаты с высокосовременным оборудованием простаивают из-за нехватки сырья, их работники теряют квалификацию. В очерке приводится много конкретных причин такого положения и предлагаемые льноводами меры по исправлению положения. Все это очень интересно (чего стоит один лишь льнокомбайн, спроектированный лишь для уборки низкоурожайных и притом засоренных льнов, но вытеснивший из производства все прежние машины), но это читатель прочтет сам. Но самое любопытное, что в статье нет ранее обязательной для подобных статей веры в магическую силу последнего партийного решения. Рассказано о вышедшем в 1975 году постановлении ЦК КПСС и СМ СССР, как раз нацеленном на устранение всех описанных автором недостатков. Вро-

де были предусмотрены очень правильные меры. Но после этого положение в льноводстве стало ухудшаться еще с более катастрофической быстротой. В чем же дело? Во-первых, там были далеко не все предлагавшиеся специалистами меры предусмотрены. А во-вторых, многие председатели колхозов, директора совхозов не поверили постановлению и продолжали всячески уклоняться от посевов льна. И оказались правы. Так как, в-третьих, постановление осталось в значительной степени невыполненным. Заводы по первичной обработке льноволокна не построены. Меры по материальному стимулированию сдатчиков льноволокна применяются «не полностью»: например, в Удомельском районе Калининской области сдатчикам продано всего 20 тонн жмыхов вместо положенных по никем не отмененному постановлению двух тысяч тонн, т. е. в сто (!) раз меньше. Опять тот же наглый обман, как описываемый Радовым в применении к промышленности. И опять и спросить не с кого – руководители области не виноваты, ибо выделенные для льноводов жмыхи они передали для спасения скота в отстающих хозяйствах, не заготовивших нужного количества грубых и сочных кормов. То есть та же уравниловка, ущемление передовиков в пользу отстающих, «спасение» безинициативных или ленивых, которые столь характерны для всей нашей экономической системы.

В обзоре Юрия Андреева цитируется статья того же Леонида Иванова в «Нашем современнике» (1979, 7), где со ссылкой на директора совхоза Вирича указывается на то, что содержание скота в личных хозяйствах совхозных рабочих позволяет без дополнительной рабочей силы и без строительства животноводческих помещений добавить к производимому на совхозных фермах еще 50% мяса и 60% молока. Цитируется также статья Ивана Васильева («Наш современник», 1979, 10), протестующего против массового умерщвления инициативы как в среднем звене руководящих работников, <...> так и у рядовых работников, которые оказались в значительном большинстве случаев отторгнуты от решения общих дел. Такая картина совсем не соответствует шаблонам советской пропаганды, а ведь описан не изолированный случай, а общее явление. Конечно, я не буду пересказывать весь обзор. Закончу приводимой Андреевым цитатой из статьи Ю. Черниченко в Литгазете от 1.1.80: «Если нет хозяина, сельского хозяйства нет. Хозяин – это человек, которому плохо спится. Он днем работает, а ночью думает, он ворочается с боку на бок. Если человек отключается и ему глубоко, так сказать, наплевать, что там – хоть трава не расти, – это еще не сельский хозяин, это сельский наемник или как угодно его назовите». Но как же

может быть «хозяином» человек, «отторгнутый от решения общих дел»?!

Э.Кукушкин

7/8А3. ЛЕОНИД КОЛОСОВ, ДМ. МЕЩАНИНОВ. Прозрение. «Неделя», 16, апрель 1982, стр.8-9 (рубрика «Из зала суда»)

Статья посвящена Александру Александровичу Болонкину, осужденному недавно вторично за антисоветскую пропаганду. Сообщается, что Б. – советский ученый, имеющий около 40 опубликованных научных трудов, родился в Перми в 1933 году, окончил авиационный институт и мехмат университета. Утверждается, что ко времени последнего процесса Б. «раскаялся в содеянном настолько глубоко и искренне, что суд нашел возможным смягчить ему меру наказания». Ничего конкретного ни об инкриминируемых деяниях, ни о ходе судебного процесса, ни о мере наказания не сообщается. Зато немало места занимают многословные разглагольствования о том, что антисоветская пропаганда – это предательство. А ведь советский закон, при всей «эластичности» его формулировок, отнюдь не отождествляет эти понятия.

Около половины статьи занимают выдержки из «искреннего раскаяния» самого Б. Интересно, много ли найдется читателей, которые поверят, что искренне переоценивший свои поступки человек способен говорить об этом в подобных выражениях, ничем не отличающихся от «покаяний» в московских процессах 1936-38 годов?! В уста Б. вложено сразу несколько объяснений того, как он стал «преступником». Во-первых, «На путь антисоветизма меня толкнули эгоизм, тщеславие, гипертрофированное чувство собственного “я”. <...> мне начало казаться, что не всегда и не все должным образом оценивают мой вклад в науку, что я заслуживаю значительно большего». Во-вторых, «мне не давали покоя “лауры” небезызвестного акад. Сахарова. . . » В-третьих, его, Б., совратили с пути истинного втесавшиеся к нему в друзья диссиденты: сперва Ю.Юхновец, В.Балакирев, В.Шаклеин «начали давать мне нелегальную литературу», по их совету «я стал слушать зарубежные голоса <...>. Убедившись, что я клюнул на антисоветский крючок, новые “друзья” начали привлекать меня к практической деятельности. Мы изготовляли, размножали и распространяли антисоветскую литературу». А затем, после осуждения его в 1973 году Б., по его словам, стал «жертвой <...> мнимого участия и внимания неизвестных ему доселе лиц, среди которых – Корсунская, Шиханович, Романова, Салова. Они восхищались моей “борьбой”, регулярно посылали денежные перево-

ды». Тогда, утверждает Б. (если верить статье), он не понимал, что этим людям «нужна была позарез враждебная нашему государству информация», и потому «из кожи лез вон, чтобы оправдать их “доверие” и “помощь”».

«Я продолжал вести антисоветскую пропаганду, высказывая клеветнические измышления», сочинял «грязные пасквили». Так верил он в то, что писал, или сознательно лгал? Если лгал, то при чем тут якобы обманувшие его друзья?

Сами авторы статьи называют еще одну причину того, что Б. попал под суд. Оказывается, «западным диверсантам» нужны примеры преследования «инакомыслящих». А найти такие примеры-де, крайне трудно (!). Были-де Буковский и Гинзбург, да и то теперь «нет у них ни креста, ни голгофы» (туманный намек, понятный лишь слушающим зарубежные голоса, на то, что они освобождены и высланы в порядке обмена на Луиса Корвалана и на советских шпионов). Так что «опять-таки понадобились свежие кадры, те, которые или под следствием и судом, или в местах не столь отдаленных». Одним из таких «свежих» кадров оказался и А.А.Болонкин. Прямо-таки пропали бы все «западные диверсанты», если бы КГБ не подбрасывало им свежих случаев преследования «диссидентов»! А может, это КГБ состоит на жалованье в ЦРУ?

Важной частью «искренного раскаяния» Б. является гнусное оплевывание им всех и всяких диссидентов. Сахаров, по словам Б., – это современный иуда, который «получает свои сребреники из фондов, к которым прямое отношение имеет американское ЦРУ, включая и так называемый «фонд Солженицына». Про своих «бывших единомышленников» Б. утверждает, что «все они превратили свое “диссидентство” в основной источник доходов. Неужели в КГБ не подсказали Б., что без слов «все» и «основной» эта фраза выглядела бы куда убедительней?! И неясно, относит ли Б. эту фразу и к себе. Б. называет фамилии двух встреченных в заключении лиц (Заверткин и П.Ломакин), занимавшихся, по его словам, воровством и вымогательством у других заключенных, утверждает, что будто эти люди – «диссиденты», и добавляет, будто очень многие диссиденты таковы. Кое-какие высказывания, вложенные в уста Б., никак не согласуются, однако, с рисуемой им картиной, будто вся диссидентская деятельность опирается на корысть диссидентов и деньги ЦРУ. Так, якобы некий Заря спекулировал ксерокопиями произведений Солженицына. Ну пусть он плохой и действовал лишь из корысти. Но те, кто платил ему за труды Солженицына большие деньги, неужели и они действовали из корысти?! Про Балакирева и Шаклеина

не говорится, что они спекулировали, но они осуждаются за то, что «распространяли антисоветскую литературу за деньги». Но почему продавать труды Брежнева не позорно, а делать то же самое с трудами Солженицына и Сахарова – позорно?! А тем более, если Балакирев и Шаклеин сами их размножали, тратя на это и труд, и время, и деньги. Не знаю, хотели ли этого авторы, но из их статьи хорошо видно, что на так называемую [анти]советскую литературу в стране существует немалый спрос.

Э.Кукушкин

7/8А4. Непосредственные итоги польского Августа. Текст Гданьского и Щецинского соглашения, заключенных 30-31 августа 1980 года Гданьским и Щецинским межзаводскими стачечными комитетами с соответствующими правительственными комиссиями. Перевод с польского (из газеты «Жиче Варшавы» от 2.09.80) и комментарий Э.Орловского. Первоначальный текст: Ленинград, 1980, 19 маш.стр. Сокращенный текст с расширенными комментариями: Ленинград, 1982

Введение. С начала июля 1980 года по Польше прокатилась волна забастовок. Непосредственным поводом для них было проведенное с 1-го июля «расширение коммерческой торговли мясом и мясопродуктами», а также повышение цен на некоторые товары. Июльские забастовки ограничивались чаще всего пределами одного предприятия или даже цеха, продолжались недолго: несколько дней или даже часов. После того как власти соглашались на те или иные уступки бастующим, забастовка прекращалась. Но распространение сведений о таких уступках вызывало предъявление аналогичных требований на других предприятиях. Размах забастовок расширился с середины августа: с 14 августа забастовкой охвачены Гданьск и Гдыня, с 18-го – Щецин, с 22-го – Свиноуйсце, затем присоединились Эльблонг, Познань, шахтеры Силезии и др. Стачками руководили избранные трудящимися стачечные комитеты, а также «Межзаводские стачечные комитеты» (польское сокращение, используемое ниже: МКС), объединяющие бастующих целого города или воеводства. Эти забастовки были «оккупационными», т. е. трудящиеся круглосуточно находились на территории предприятий, где заблаговременно были подготовлены запасы продовольствия, медикаментов, бумаги, средства связи и информации. Были приняты меры охраны порядка на предприятиях, был, как правило, введен также «сухой закон», причем в ряде случаев запрет продажи спиртных напитков был введен, с согласия властей, на территории всего

города или воеводства. В течение августа для рассмотрения ситуации несколько раз созывались пленумы ЦК ПОРП. В наиболее крупные центры стачечного движения были направлены правительственные комиссии для переговоров с бастующими. В качестве предварительных условий бастующие поставили возобновление телефонной связи бастующих городов с другими районами страны, а также ведение переговоров с МКСами, а не только со стачечными комитетами отдельных предприятий. Эти условия, хотя и не сразу, были выполнены (после того, как в Варшаве и других городах прошли кратковременные забастовки – с требованием информации о состоянии переговоров с бастующими). Каждое слово в ходе длительных и упорных переговоров транслировалось для сведения всех бастующих. Широкою известность получило «21 требование», выдвинутое Гданьским МКСом под руководством электромонтера Леха Валэнсы. Текст этих требований еще до окончания забастовки был напечатан в центральной молодежной газете «Штандар млодых». Переговоры привели к подписанию ряда соглашений, из которых наиболее известны три, подписанные соответственно в Щецине 30.08, в Гданьске 31.08 и в гор. Ястшемба-Здрой (Катовицкое воеводство) 3.09. Перед окончательным их подписанием проекты соглашений были одобрены, с одной стороны, пленумами МКСов, а с другой – пленумом ЦК ПОРП. Некоторые пункты соглашений сформулированы так, что трудно понять, имеют ли они местное или общепольское значение. Это вызвало в ряде мест забастовки с выдвиганием аналогичных требований. Было разъяснено, что соглашения имеют общепольское значение, но осталось неясным, а как же толковать соглашения, если один и тот же вопрос решен в разных соглашениях по-разному, а таких случаев немало. 2.09.80 центральный орган ПОРП газета «Трибуну люду» поместила подробную информацию о содержании соглашений в Щецине и в Гданьске, а газета «Жиче Варшавы» поместила полный текст этих двух соглашений. Позже была издана даже полная стенограмма Гданьских переговоров. Что касается соглашения в Ястшембе, то его текст был помещен в профсоюзной газете «Глос працы» от 6.09, но эта газета для советского читателя труднодоступна; впрочем, обширные выдержки из этого соглашения напечатаны в «Трибуне люду» в феврале 1981 года вместе с отчетом о ходе его выполнения. Обязательная сила подписанных соглашений много раз подтверждалась правительством и сеймом ПНР.

Замечание. При пересчете упоминаемых в соглашениях денежных сумм переводчик принял соотношение 100 злотых = 2 руб., поскольку есть основания полагать, что примерно таково было соотношение поку-

пательных способностей злого и рубля летом 1980 года (за дополнительным обоснованием отсылаю читателя к первоначальному тексту настоящей работы). Публикуемый в газете «Известия», но практически никогда не применяемый государственными органами СССР «официальный курс» составляет за 100 злотых 22 руб. 50 коп., и при его применении получается, что к лету 1980 года минимальная зарплата в Польше была в шесть с половиной раз выше, чем в СССР, а средняя зарплата рабочих и служащих была выше средней зарплаты в СССР даже в одиннадцать раз! Как тут не воскликнуть советскому гражданину: и чего эти поляки с жиру бесятся! Можно добавить, что к лету 1982 года покупательная способность злого упала по сравнению с 1980 годом еще не менее чем вдвое.

Гданьское соглашение. Ниже следует текст основных положений Гданьского соглашения и изложение остальных его частей. Неотъемлемой частью соглашения является также текст «21 требования». Комментарии переводчика касаются, в частности, дальнейшего развития событий и не претендуют на полноту. Они заключены в угловые скобки. Точные цитаты даны в кавычках. Остальное -- изложение.

«Правительственная комиссия и Межзаводской стачечный комитет (далее: МКС) после тщательного изучения 21 требования баствующих коллективов Гданьского побережья пришли к следующим установлениям:

В связи с пунктом *первым*, гласящим: «Согласие с существованием независимых от партии и от работодателей свободных профессиональных союзов, вытекающее из ратифицированной Польской Народной Республикой конвенции 87 Международной организации труда (ниже: МОТ), касающейся профсоюзных свобод», установлено:

1. Деятельность профсоюзов в ПНР не оправдала надежд и ожиданий трудящихся. Признается целесообразным создание новых самоуправляющихся профсоюзов, которые были бы подлинным представителем трудящегося класса. Не подвергается сомнению право каждого остаться в прежних союзах, а в будущем можно предвидеть возможность установления сотрудничества между профсоюзами.

2. Создавая новые независимые самоуправляющиеся профсоюзы, МКС подтверждает, что они будут соблюдать принципы, изложенные в Конституции ПНР. Новые профсоюзы будут защищать социальные и материальные интересы трудящихся и не намерены играть роль политической партии. Они исходят из принципа общественной собственности на средства производства,

являющегося основой существующего в Польше социалистического строя. Признавая, что ПОРП осуществляет руководящую роль в государстве (но не в профсоюзах!) и не подрывая установившейся системы международных союзов (т. е. Варшавского договора и особенно союзнических отношений с СССР), они будут стремиться к тому, чтобы обеспечить трудящимся соответствующие средства контроля, высказывания своего мнения и защиты своих интересов. Правительственная комиссия подтверждает, что правительство гарантирует и обеспечит полное уважение независимости и самоуправляющегося характера новых профсоюзов как в отношении их организационной структуры, так и в отношении их функционирования на всех уровнях их деятельности. Правительство обеспечит новым профсоюзам полную возможность выполнения основных функций в сфере защиты интересов трудящихся, осуществления материальных, социальных и культурных прав трудящихся. Одновременно правительство гарантирует, что новые профсоюзы не будут объектом какой-либо дискриминации.

3. Создание и деятельность независимых самоуправляющихся профсоюзов соответствует ратифицированным Польшей конвенциям МОТ 87 относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию и 98 относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров. <Справка об этих конвенциях приведена в конце.> Наличие нескольких органов, представляющих профсоюзы или трудящихся, потребует внесения соответствующих изменений в законодательство. В связи с этим правительство обязуется внести соответствующие законопроекты, касающиеся, в частности, Закона о профессиональных союзах, Закона о рабочем самоуправлении и Кодекса труда.

4. <...> Правительство обязуется создать условия для осуществления регистрации новых профсоюзов вне рамок реестра Центрального совета профсоюзов.

5. Новые профсоюзы должны иметь реальную возможность публичного выражения своего мнения по ключевым решениям, определяющим условия жизни трудящихся, таким как принцип раздела национального дохода между потреблением и накоплением, раздел фонда общественного потребления на различные цели (здравоохранение, просвещение, культура), основные принципы награждения за труд и направления политики заработной платы, а в особенности принцип автоматической корректировки зарплаты в условиях инфляции, многолетние народно-хозяйственные планы, направления капиталовложений, а также изменения цен. Правительство обязуется обеспечить условия для осуществления этих функций.

6. МКС создаст центр социально-профессиональных работ, в задачи которого будет входить объективный анализ положения трудящихся, их бытовых условий и способа представления интересов трудящихся. Этот Центр будет также давать экспертные заключения по вопросу об индексе заработной платы и индексе цен и предлагать формы компенсации повышения стоимости жизни. Результаты своих исследований центр будет публиковать. Кроме того, новые профсоюзы будут иметь свои издания».

В сентябре 1980 года началась регистрация новых профсоюзов, и к середине 1981 года было зарегистрировано около сотни новых профсоюзов, многие из которых, однако, имели лишь немногие сотни членов. Все ранее существовавшие профсоюзы, без исключения, провели в сентябре-ноябре 1980 года чрезвычайные съезды, на которых приняли решения о выходе из Центрального совета профсоюзов (который официально прекратил свое существование 31.12.80), о смене руководства, об изменениях устава. В частности, во все уставы были внесены слова «независимый и самоуправляющийся», в большинстве случаев они внесены также и в полное наименование профсоюза, положение о праве на стачку. Наиболее крупный из новых профсоюзов принял название «Независимый и самоуправляющийся профсоюз “Солидарность”», к середине 1981 года он объединял, по различным данным, от 70 до 90% всех рабочих и служащих Польши. Этот профсоюз с центром в Гданьске объединял трудящихся всех профессий и отраслей и всех воеводств Польши, ввиду чего его нередко неточно именуют профобъединением. Вопрос о регистрации устава НСПС «Солидарность» привел к острому конфликту, но 12 ноября 1980 года Верховный суд принял решение о регистрации устава. В качестве приложения к уставу приведены выдержки из конвенций МОТ 87 и 98 и из настоящего пункта Гданьского соглашения. К острым конфликтам привел также вопрос о том, распространяется ли право создания профсоюзов только на рабочих и служащих или также на крестьян, ремесленников, частных таксистов и др. Прежде нормы МОТ относились лишь к рабочим и служащим, но позже их действие было расширено. В СССР до недавнего времени колхозники не могли состоять в профсоюзе, теперь – состоят. В мае 1981 года была разрешена регистрация профсоюзов, объединяющих «частников», с условием, чтобы они не объединялись с профсоюзами, объединяющих рабочих и служащих. В числе зарегистрированных профсоюзов – «Солидарность индивидуальных крестьян» (или, как ее часто называют, «Сельская Солидарность»), «Солидарность ремесленников» и др. Прежний официальный крестьянский союз также зарегистрировался в качестве профсоюза. Возникли два новых объединения профсоюзов, обладающие, однако, гораздо меньшей степенью централизации, чем прежний ЦСПС: 1. Комиссия сотрудничества

отраслевых профсоюзов (первоначально: Согласительная комиссия отраслевых профсоюзов), объединяющая большинство профсоюзов, входивших ранее в ЦСПС, и несколько небольших союзов из числа вновь зарегистрированных; в этих союзах влияние ПОРП несколько больше, чем в других; они объединяют, как правило, трудящихся определенной отрасли экономики; 2. Конфедерация автономных профсоюзов, объединяющая несколько десятков небольших новых союзов, объединяющих чаще всего трудящихся определенной профессии, независимо от отрасли. Немалое число союзов не присоединилось ни к одному из объединений. По-видимому, к числу таких «необъединенных» союзов относится крупный «Союз польского учительства» (из которого в Солидарность ушел несколько меньший процент членов, чем из других союзов), представляющий собой конфедерацию двух практически самостоятельных союзов: Работников начальной и средней школы и Работников высшей школы и научных учреждений. Возросло (хотя, по-видимому, осталось небольшим) число трудящихся, не состоящих в профсоюзе. Часть трудящихся состояла одновременно в старом и новом союзе, тем более что не сразу были решены (а частично и остались нерешенными) вопросы о судьбе профсоюзных касс взаимопомощи, санаториев, клубов, инспекции охраны труда, садоводческих и огородных товариществ и многие подобные. Что касается НСПС «Солидарность», она провела свой первый съезд осенью 1981 года, до этого прошли съезды региональных отделов «Солидарности», каждый из которых объединяет несколько воеводств. Высший орган «Солидарности» называется «Общепольской комиссией» (временный орган до съезда назывался «Общепольской согласительной комиссией», и это название вне Польши ошибочно употребляют и после съезда). После провозглашения в Польше 13 декабря 1981 года военного положения было не только приостановлено действие свободы слова, свободы печати и др., что, согласно Международному пакту о политических и гражданских правах, допустимо, если об этом открыто объявлено, но и «приостановлена», т. е. временно запрещена, деятельность профсоюзов, причем не только «Солидарности» и «Сельской Солидарности», но и всех без исключения остальных профсоюзов. Это нарушает международные обязательства Польши. Большинство руководителей «Солидарности» и «Сельской солидарности» были «интернированы, т. е. взяты под стражу без предъявления каких-либо обвинений и без указания срока заключения. Первые недели руководитель «Солидарности» Лех Валенса, хотя и находился под стражей, но считался не интернированным, а «почетным гостем правительства», но когда он отказался вести переговоры с правительством без полномочий от президиума Общепольской комиссии, этот маскарад был отброшен. Что касается руководителя «Сельской Солидарности» Кулая, он согласился в конце

апреля 1982 года выступить по телевидению с заявлением, в котором он в основном одобряет меры правительства по укреплению единоличных крестьянских хозяйств, включая увеличение их резервов до 100 га и резкое смягчение ограничений на куплю-продажу, наследование земли и др., и договорился с руководством Объединенной крестьянской партии о том, что он будет выражать свои мнения в печати этой партии, членом которой он является; впрочем, он никого не осуждал, ни от кого не отмежевывался и ни в чем не каялся (текст его выступления опубликован в «Трибуне люду»). После этого интернирование Кулая было отменено, и он был освобожден из-под стражи. На страницах польской печати ведется ныне дискуссия о будущем профсоюзного движения, причем даже в «Трибуне люду» встречаются письма лиц, продолжающих считать себя членами «Солидарности». На сессии Генеральной конференции МОТ в июне 1982 года рассматривался вопрос о нарушении профсоюзных свобод в Польше. Что касается перечисленных в первом пункте Гданьского соглашения законодательных актов, то Закон о самоуправлении трудовых коллективов принят осенью 1981 года, но деятельность всех органов самоуправления «временно запрещена» военной администрацией Польши. Проект нового закона о профсоюзах в середине 1981 года был официально внесен в Сейм, но его конкретное обсуждение в Сейме до провозглашения военного положения, по существу, так и не началось, а после этого было вовсе прекращено, впрочем, летом 1982 года было сообщено, что работа над законопроектом возобновляется, начал обсуждаться вопрос о целесообразности права на стачку и его возможных пределах. Что касается пересмотра Кодекса труда, то эта работа остается в зачаточном состоянии.

«В связи с пунктом *вторым*, гласящим “Гарантия права на стачку и гарантия безопасности бастующим и тем, кто им помогает”, установлено:

Право на стачку будет гарантировано в готовящемся Законе о профсоюзах. Закон должен определить условия объявления и организации стачки, методы решения спорных вопросов и ответственность за нарушение закона. Не допускается применение к участникам стачки статей 52, 64 и 65 Кодекса труда. До принятия нового Закона момента правительство гарантирует бастующим и тем, кто им помогает, личную безопасность и сохранение прежних условий труда.

В связи с пунктом *третьим*, гласящим: “Соблюдать гарантированную в Конституции ПНР свободу слова, печати и публикаций, а тем самым не преследовать независимые (т. е. бесцензурные) издания, а также обеспечить доступ к средствам массовой информации для представителей всех вероисповеданий”, установлено:

1. Правительство в трехмесячный срок внесет в Сейм проект Закона о контроле печати, публикаций и зрелищ, основанный на следующих принципах: Цензура должна защищать интересы государства. Это означает охрану государственной и экономической тайны (понятия государственной и экономической тайны более конкретно определяются нормативными актами), вопросов безопасности государства и его важных международных интересов, защиту религиозных чувств, а также чувств неверующих, равно как недопущение распространения материалов, вредных в нравственном отношении. В проект закона будет включено право обжалования органов контроля <...> в Главный административный суд. <...>

2. Правительство обеспечит передачу по радио воскресной мессы (обедни) <...>.

3. Деятельность радио и телевидения, а также деятельность печати и издательств должна служить выражению разнообразия мыслей, взглядов и суждений. Она должна подлежать общественному контролю. 4. Печать, а также граждане и организации граждан должны пользоваться доступом к документам (актам) правительства и подчиненных ему органов, в том числе и административным актам, социально-экономическим планам и т.д. Исключения из принципа гласности действий государственных органов будут установлены в Законе в соответствии с п.1».

Вопрос об исполнении этого пункта неоднократно становился предметом острых конфликтов. Упомянутый в подпункте 1 закон был принят лишь летом 1981 года и вступил в силу с октября 1981 года. После объявления военного положения были запрещены вообще все органы печати, даже органы ПОРП, кроме газеты «Трибуна люду», и военной газеты «Жолнеж вольнощи». Постепенно – по мере перетряски состава редакций – издание многих газет и журналов возобновлялось, но этот процесс далек от завершения. Процедура цензуры в условиях военного положения не ясна. Еженедельная трансляция богослужений (видимо, при условии предварительного представления текста проповеди) по радио (но не по телевидению!) началась вскоре после подписания соглашения и лишь ненадолго прервалась после объявления военного положения. Референту представляется чрезвычайно важным подпункт 4 – соответствующий по содержанию «Закону о свободе информации» США. Но по-видимому, ничего конкретного для его осуществления в Польше так и не было сделано.

Четвертый пункт требований предусматривал возвращение прежних прав лицам, уволенным с работы после стачек 1970 и 1976 годов, и студентам, отчисленным за свои убеждения; освобождение всех политзаключенных, в том числе несколько конкретно

поименованных, и «прекращение преследования за убеждения». Переводчик дает подробную справку об упомянутых лицах, которые формально были осуждены по общеуголовным обвинениям. Все требования были приняты. В отношении упомянутых лиц было решено, что их дела будут направлены министру юстиции для решения в двухнедельный срок вопроса о передаче дела на новое рассмотрение, до пересмотра дела они будут из-под стражи освобождены.

После декабря 1981 года число политзаключенных возросло во много сотен раз. Из 7 тысяч «интернированных» по политическим мотивам, около 2 тысяч (по официальным данным) все еще остаются под стражей. Почти ежедневно в газетах сообщается о многочисленных арестах и осуждениях за участие в стачках, демонстрациях, размножении и изготовлении листовок и другой литературы, за «продолжение запрещенной профсоюзной деятельности» и т.п.

Пятый пункт требовал опубликовать сведения о создании МКС, а также текст его требований. Это было выполнено.

Шестой пункт Гданьских требований предусматривал «публикацию во всеобщее сведение полной информации о социально-экономическом положении» и расширение возможностей дискуссии по программе реформ. Было согласовано, в частности, что «инициатором и реализатором программы упорядочения нашей экономики может быть лишь общество, осознающее положение дел и хорошо ориентирующееся в действительной ситуации. Правительство принципиально расширит объем социально-экономической информации, доступной для общества, профсоюзов, а также хозяйственных и общественных организаций».

Весьма сомнительно, что это очень важное положение выполнено в сколько-нибудь значительной степени. Хотя, впрочем, и без того объем публикуемой в Польше информации, относящейся, скажем, к плану, государственному бюджету и их выполнению, в десятки раз больше, чем в СССР. В соглашении записано также дополнительное требование МКС, касающееся укрепления индивидуальных крестьянских хозяйств, без указания отношения правительства к этому требованию. Впрочем, позже это требование было осуществлено. Аналогичный (18-й) пункт Щецинского соглашения предусматривает также «быструю и эффективную реакцию в будущем на возникающие аномалии».

Пункт *седьмой* Гданьских требований предусматривал выплаты за время стачки 100% среднего заработка из фондов ЦСПС. В соглашении, однако, предусмотрено, что эта выплата будет произведена из фонда зарплаты предприятия, причем 40% выплачивается в виде аванса, пока идет стачка, а после ее окончания производится доплата до 100%.

Этот пункт, и особенно п.28 Щецинского соглашения, сформулирован так, что может быть отнесен и ко всем будущим стачкам. Это вызвало, естественно, многочисленные бурные конфликты.

В свою очередь, МКС обязался, но без принятия на себя каких-либо конкретных обязательств, принять меры к повышению производительности труда, экономии материалов и энергии и к более добросовестной работе на каждом рабочем месте. В Щецинском соглашении добавлено, что МКС ставит целью возможно скорее восполнить потери, связанные со стачкой.

Восьмое требование: «В качестве компенсации за уже прошедший рост цен повысить основную зарплату каждого работающего на 2000 злотых (40 рублей) в месяц». Это требование было отвергнуто, но взамен договорились о другой, довольно сложной и запутанной методике повышения зарплаты, в основном – путем повышения разрядов, категорий и должностей на одну ступеньку. Введение этих изменений должно было быть закончено к концу сентября, а к концу октября правительство обязалось представить согласованную с профсоюзами программу повышения с 1.1.81 зарплаты низкооплачиваемым трудящимся «с особым учетом многодетных семей».

Выполнение этих договоренностей задержалось, в результате чего уже в начале октября возникло первое после 31.8 обострение обстановки и произошла первая предупредительная всеобщая забастовка. Надбавки, полученные в осуществлении этой договоренности, не входят в основной оклад (подобно хорошо известной в СССР «хлебной надбавке» 1946 года) и для краткости именуются в отделах «юридических отделов» польских газет и журналов «валэнсовками». Минимальная зарплата с 1.1.81 была повышена с 2000 до 2400 злотых (с 40 до 48 рублей) в месяц, позже было еще повышение. Было также немало отраслевых и иных повышений номинальной зарплаты.

Девятый пункт требований: «Гарантировать автоматическое повышение заработков в соответствии с повышением цен и снижением ценности денег», т. е. требовал ввести так называемую «скользящую шкалу заработной платы», широко применяемую в основных западных странах, а также в Югославии. Правительство с этим согласилось, причем порядок такой компенсации должен был быть разработан и поставлен на всеобщее обсуждение до конца 1980 года. При этом должен быть рассмотрен вопрос о введении «социального минимума» (в Щецинском соглашении предусмотрено более конкретно, что социальный минимум будет определен и опубликован до конца 1980 года). Предусмотрено, что исследования об изменении стоимости жизни будут прово-

даться параллельно и независимо а) правительством, б) профсоюзами, в) научными учреждениями, правительство обещало также усилить контроль за ценами как в обобществленном, так и в частном секторе, а также прекратить «так называемое неявное повышение цен».

По мере повышения цен на отдельные группы товаров вводились различные надбавки к зарплате для отдельных групп населения. Особенно разветвленная система надбавок введена в феврале 1982 года в связи с очень большим повышением пайковых цен на все основные продовольственные товары; эти надбавки дают, однако, лишь частичную компенсацию роста цен. Что касается общих принципов «скользящей шкалы зарплаты», то они не были выработаны в 1980 году и не выработаны до сих пор; последний объявленный срок их введения: конец июня 1982 года. «Социальный минимум» не введен и не объявлен. Публикуются ли исследования стоимости жизни, сказать трудно, ибо польские издания в СССР даже в условиях военного положения часто задерживаются.

Три требования относятся к торговле продовольственными и промышленными товарами: 10. «Осуществить полное снабжение внутренней торговли продовольственными товарами, а экспортировать только и исключительно излишки; 11. «Отменить коммерческие цены, прекратить продажу за иностранную валюту в так называемом внутреннем экспорте» и 13. «Ввести карточки-бонусы на мясо и мясoproдукты (до тех пор, пока не удастся овладеть положением на рынке мяса)». Дополнительно МКС выдвинул записанное в соглашении предложение уничтожить коммерческие магазины и ввести единые цены на мясо на уровне, промежуточном между государственными и коммерческими ценами (в Советском Союзе такие цены ныне именуются «комиссионными»). Правительство обещало до конца 1980 года улучшить снабжение населения, в том числе путем ограничения экспорта мяса и увеличения его импорта. (Таким образом, полное прекращение экспорта мяса и других дефицитных внутри страны товаров было отклонено, и этот вопрос оставался источником конфликтов почти до самого провозглашения военного положения. Действия «Солидарности» осенью 1981 года по блокированию экспорта подобных товаров впредь до получения подробного обоснования целесообразности этого экспорта названы в польском правительственном заявлении, представленном в МОТ в июне 1982 года, в числе важнейших фактов, доказывающих неизбежность полного запрета профсоюзной деятельности. (В отношении «Певэкса» – соответствует советской «Березке» или скорее довоенному «Торгсину», так как широко обслуживает и польских граждан – было согласовано, что эти магазины останутся, но не будут торговать дефицитными

товарами широкого потребления отечественного производства.) Правительство обещало до конца года рассмотреть вопрос о введении карточек на мясо.

По мнению переводчика, предложение Валэнсы о скорейшем введении карточек на мясо, а тем более об отмене низких «государственных» цен на мясо, противоречит мнению о том, что руководители стачечников придерживались тогда принципа «чем хуже, тем лучше» и потому разваливали экономику непомерными экономическими требованиями. Судя по формулировкам соглашения, правительство имело полную возможность зафиксировать эти меры в соглашении, но отказалось от этого. Такой отказ можно объяснить тем, что правительство было уверено в том, что справится с ситуацией и без этих мер, либо же тем, что именно правительство придерживалось такого принципа. Так или иначе, карточки на мясо были введены лишь весной 1981 года, после чего карточная система стала быстро распространяться на другие виды товаров, однако карточки практически не отоваривались. Правительство в оправдание задержки с введением карточек ссылалось на то, что «Солидарность» не могла выработать единое мнение по вопросу о предпочтительном варианте карточной системы. Но то же правительство в то же самое время не проявило подобной щепетильности в вопросе о введении нерабочих суббот. Что касается цен, то коммерческие цены были отменены, а государственные остались на прежнем низком уровне вплоть до февраля 1982 года.

Пункт *двенадцатый* Гданьских требований касается отмены привилегий милиции, госбезопасности и партаппарата ПОРП в отношении размера семейных надбавок, особого снабжения и «тому подобного», а также требует подбирать кадры исключительно по деловым качествам, а не по партийной принадлежности. Правительство согласилось выравнять семейные надбавки, но не сразу, а в несколько этапов, ориентировочно в течение трех лет. Было ли это полностью выполнено, судить трудно. В отношении остальных требований было заявлено, что привилегий не будет, да их и не было. В Щецинском соглашении уточнено, что выравнивание семейных надбавок будет произведено тремя равными ежегодными долями, начиная с 1.1.81, а также, что несправившихся работников будут направлять на более низкую, а не на равную работу (это выпад против широко применяемой в СССР «номенклатурной» системы распределения кадров), и что повышать квалификацию за счет предприятия могут лишь те, кто выделяется своим профессиональным трудом (а не общественной деятельностью и проч.) либо нуждается в смене профессии по здоровью.

Пункт *четырнадцатый* требовал снижения пенсионного возраста до 50 лет для женщин и 55 лет для мужчин, а также назна-

чения пенсий при стаже 35 лет, для женщин – 30 лет. Этот пункт был отклонен и к его обсуждению было решено вернуться позже. (Позднее, в связи с угрозой безработицы, были приняты меры, стимулирующие при определенных условиях добровольный досрочный выход на пенсию.)

Пункт *пятнадцатый* требовал «уравнять размеры пенсий (по старости и по инвалидности) так называемого «старого портфеля» (т. е. давно назначенных) с размерами ныне назначаемых пенсий». Пункт был принят частично. Было обещано, что минимальная пенсия будет установлена на уровне «социального минимума» (но этот минимум так и не был определен). (С 1.1.81 минимальная пенсия по старости была повышена до 2100 злотых, т. е. до 42 руб.) Было обещано также введение «скользящей шкалы пенсий» (см. все, что сказано выше в комментарии к п.9 о введении «скользящей шкалы зарплаты»).

Пункт *шестнадцатый* требовал «Улучшить условия труда работников здравоохранения и обеспечить тем самым полноценное медицинское обслуживание трудящихся». Этот пункт был принят и дополнен несколькими не намного более конкретными формулировками. Но в соглашении и по этому пункту записано еще: «Иные направления действий в этой области перечислены в приложении». А приложение (представленное МКСом) содержит 30 пунктов, среди которых есть вполне конкретные (восстановить надбавку к зарплате за работу с заразными больными; бесплатные лекарства для работников здравоохранения; признать заболевания позвоночника профессиональной болезнью стоматологов), менее конкретные (увеличить лимит числа квартир, предоставляемых работникам здравоохранения); увеличить вдвое численность парка санитарных машин; в новых кварталах вводить в строй поликлиники, аптеки и ясли одновременно со сдачей в эксплуатацию жилых домов) и вовсе неконкретные (обеспечить чистоту воздуха, почвы и вод, – особенно прибрежных морских вод). В Щецинском соглашении записано введение единой цены на лекарства для всех, охваченных соцстрахом (видимо, были различные цены) с сохранением бесплатного отпуска лекарств пенсионерам, железнодорожникам и военнослужащим.

Пункт *семнадцатый* требует обеспечить достаточное количество мест в яслях и детских садах. Правительство не имело возражений, соответствующая программа (речь только о Гданьском воеводстве) должна быть разработана в трехмесячный срок. (Из женских журналов видно, что эта проблема стала еще более острой в 1981 и 1982 годах.) В Щецинском соглашении такого пункта нет.

Пункт *восемнадцатый*: «Вести трехлетний оплачиваемый отпуск для матерей на воспитание ребенка». Правительство не приняло этого требования, но обещало рассмотреть этот вопрос в ближайшие 4 месяца. (Впоследствии такой отпуск для одного из родителей, по их выбору, был введен, но пока для большинства семей на год или полтора.)

Пункт *девятнадцатый*: «Сократить срок ожидания квартир». Правительство согласилось с этим и обещало до конца года разработать соответствующие планы по воеводству и по всей стране. В Щецинском соглашении уточнено, что такой план должен гарантировать срок ожидания жилплощади, не превышающий пяти лет. (В последующие два года сроки ожидания жилплощади не уменьшились, а возросли и намного превышают 5 лет.)

Пункт *двадцатый* Гданьских требований и соответствующий пункт Щецинских соглашений касался повышения размера суточных при командировках (составлявший ранее 40 злотых, т. е. 80 копеек в сутки), а также повышения доплаты за разлуку с семьей (выплачиваемой вместо суточных при длительной выездной работе). Этот пункт в основном принят и выполнен.

Главное положение последнего, *двадцать первого* пункта: сделать все субботы нерабочими днями. В приложении к этому пункту поясняется, что «в других социалистических странах все субботы нерабочие (это, конечно, неточно, так как в то время и в Ленинграде, например, около 10 суббот в году были рабочими), констатируется, что «продолжительность рабочей недели в Польше (43 часа) – одна из самых высоких в Европе» и выдвигается требование о ее сокращении. В приложении содержатся также требования о рабочем времени трудящихся, занятых в непрерывном производстве, об урегулировании некоторых вопросов оплаты труда (в том числе введения доплат за работу в вечернюю и ночную смену). Требуется также упрощение порядка исчисления среднего заработка. Правительство обещало к концу года выработать план введения нерабочих суббот или иного сокращения рабочей недели, этот план должен включить увеличение числа нерабочих оплачиваемых суббот уже в 1981 году. Требования, перечисленные в приложении, правительство обещало рассмотреть в трехмесячный срок. Щецинское соглашение также содержало подобный пункт.

Что касается Ястшембского соглашения, то там говорилось о введении всех нерабочих суббот уже в 1981 году, но, по позднему толкованию правительства, это должно было относиться лишь к горнякам. Вопрос о нерабочих субботах в 1981 году вызвал острый политический кризис, продолжавшийся весь январь. Правительство пыталось принять реше-

ние по этому вопросу без согласования с «Солидарностью» и к тому же заявило, что оно не в состоянии пока представить плана введения всех нерабочих суббот, как оно обязалось. «Солидарность» давала понять, что она могла бы не возражать против некоторой отсрочки выполнения обязательств правительства, связанной с экономическими трудностями, но лишь в том случае, если такая отсрочка своевременно согласована с нею и если при том без задержки выполняются обязательства правительства, не лимитируемые материальными ресурсами (публикация отчета о состоянии экономики, подготовка закона о профсоюзах и закона о цензуре, разрешение выпуска еженедельника «Солидарности» и др.). Формально же спор шел о количестве нерабочих суббот в году. В конце концов был достигнут компромисс. В условиях же военного положения для многих трудящихся субботы являются рабочими, в ряде случаев увеличен рабочий день.

В заключение Гданьского соглашения говорится:

«После того как было установлено все вышеизложенное, было согласовано следующее:

- Правительство обязуется: обеспечить личную безопасность и сохранение прежних условий труда всем участникам настоящей стачки, равно как и всем, кто помогал стачечникам; рассмотреть в соответствующих ведомствах специфические отраслевые вопросы, выдвинутые коллективами всех представленных в МКС бастующих предприятий; незамедлительно опубликовать в средствах массовой информации общего государственного значения (печать, радио, телевидение) полный текст протокола настоящего соглашения.
- МКС обязуется: прекратить стачку в 17 часов 00 минут 31 августа 1980 года».

Соглашение подписано Президиумом МКС: председателем Лехом Валенсой, его заместителями Богданом Лисом и Анджеем Колодвеем, а также пятнадцатью членами Президиума (среди них можно упомянуть Анджея Гвядзу, Алину Пеньковскую, Анну Валентинович). Соглашение подписала также правительственная комиссия в составе: председатель – Мечислав Ягельский (член Политбюро ЦК ПОРП, председатель СМ ПНР), члены: Збигнев Зелиньский (член секретариата ЦК ПОРП), Тадеуш Фишбах (1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Гданьске) и Ежи Колодзейский (воевода Гданьский).

Щецинское соглашение. В настоящем сокращенном изложении текст Щецинского соглашения опускается. В основном оно

аналогично Гданьскому, но его формулировки гораздо более лаконичны и менее конкретны. Важнейшие смысловые расхождения с Гданьским соглашением указаны референтом выше, при соответствующих пунктах Гданьского соглашения. Щецинское соглашение содержит несколько пунктов, отсутствующих в Гданьском. Пункт 5 (номера пунктов отсутствуют в тексте соглашения и добавлены переводчиком) касается сохранения заработка в случае трудового увечья или профзаболевания и необходимости соответствующего изменения статьям 217-218 Кодекса труда. Согласно пункту 8, Пакты о правах человека, а также хельсинкский «Заключительный акт» будут изданы отдельными брошюрами. Пункт 12 предусматривает сооружение в срок до 17.12.80, т. е. 10-й годовщины событий 1970 года, мемориальной доски в память жертв этих событий (этот пункт, наряду с пунктом о цензуре, является одним из немногих чисто политических пунктов. Он был осуществлен. Более того, хотя такого пункта нет в Гданьском соглашении, в рекордно короткий срок был спроектирован и к 17.12.80 сооружен грандиозный памятник и мемориальный комплекс в Гданьске. Пункт 19 предусматривает в общей форме важность улучшения материального снабжения государственных и кооперативных предприятий. И наконец, предусмотрено и создание трехсторонней смешанной комиссии (от правительства, администрации воеводства и бастующих рабочих) для контроля за ходом выполнения соглашения и решения возникающих недопониманий. Соглашение подписали за МКС его председатель Мариан Юрчик и два его заместителя, а за правительственную комиссию – зампред СМ ПНР Казимеж Барчиковский, кандидат в члены ПБ и секретарь ЦК ПОРП Анджей Жабиньский и 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Щецине Януш Брых.

Справка об упомянутых в соглашениях *конвенциях* МОТ. Конвенции МОТ 87 и 98 (названия их приведены в подпункте 3 пункта 1 Гданьского соглашения) ратифицированы не только Польшей, но и Советским Союзом (6.07.56), вступили в силу для СССР с 10.08.57, официальный русский перевод текста обеих конвенций напечатан в брошюре «Конвенции Международной организации труда», Москва, 1956, изд-во Верховного Совета СССР, а также в «Сборнике действующих договоров СССР», выпуск. XIX, Москва, 1960, Госполитиздат. Конвенция 87 разрешает трудящимся без какой-либо дискриминации создавать по своему выбору организации без предварительного на то разрешения, а также вступать в существующие организации трудящихся при единственном условии подчинения уставам этих организаций. (ст. 2), при этом

организацией трудящихся считается всякая организация, имеющая целью обеспечение и защиту интересов трудящихся (ст. 10); трудящиеся и их организации не должны нарушать закон, но и закон должен ограничивать эти права (ст. 8); ограничение прав на вступление в союз допускается лишь в отношении лиц, работающих в вооруженных силах и в полиции (ст. 9); государство должно воздерживаться от всякого вмешательства, способного ограничить право организации трудящихся самостоятельно выработать свой устав и инструкции к нему, свободно выбирать свое руководство, организовывать свой аппарат и свою деятельность и формулировать свою программу действий (ст. 2); ни одна организация трудящихся не может быть ни распущена, ни даже временно запрещена в административном порядке, это может быть сделано, при наличии оснований, лишь в судебном порядке (ст. 4); каждая организация трудящихся либо федерация (конфедерация) таких организаций имеет право вступить в любую международную организацию трудящихся (ст. 5).

Конвенция 98, в частности, запрещает вмешательство предпринимателей в деятельность организаций трудящихся или управление ими, а в том числе финансирование предпринимателями организаций трудящихся или иную их поддержку, ставящую их под контроль предпринимателей. Конвенция может не применяться к работникам полиции и Вооруженных сил, а также к государственным служащим, но, разумеется, применяется в полной мере, к работникам государственных производственных предприятий.

7/8А5. А.Н. Наши пути. Москва, февраль 1981. 23 маш. стр.

«В статье обсуждается путь реформ и предлагается их последовательность сверху или снизу». По мнению автора, «естественный и стихийный путь преобразований неизбежен» (здесь, видимо, пропущены слова «если реформы не будут осуществлены сверху») и будет сопровождаться гораздо большей затратой сил и потерями.

«1. Настоящее положение. В стране существует несколько хозяйственных укладов: 1) азиатский <...>, 2) рабовладельческий <...>, 3) феодальный <...>, 4) товарно-капиталистический. <...> Из первых трех укладов, объединенных термином «социализм», ведущими являются азиатский и феодальный <...> В настоящее время развитие хозяйства на основе политики государственной централизации, т. е. «социализм», исчерпал прогрессивные стороны своего развития. Открытым является исторический вопрос: имел ли он прогрессивные стороны? <...> Общество, а не толь-

ко интеллигенция, как ранее, вплотную подходит к пониманию описанного классиками «несоответствия между уровнем производительных сил и производственных отношений» – уровнем индустрии и ее варварской деспотической регламентацией (по-своему не найми, не уволь, не трать, не повысь оплату, отдай и сделай, сделай, сделай...) Однако путь к этому убеждению совсем не прям. И по сути темп социального развития теперь в значительной мере определяется субъективным фактором идейного вызревания общества.

2. Господствующие взгляды. <...> Правда состоит в том, что единой «правды» нет, есть противоположные и лишь иногда частично совпадающие «правды» различных слоев и классов. И для будущего это еще более верно, чем для прошлого. Идею же единства утверждала всегда лишь центральная власть – это ее «правда». Развитие же общества состоит в открытом выражении всех этих народных правд, столкновении их и результирующем движении соответственно экономической, политической, военной и т.д. силе и значению различных слоев. <...> Возьмем на себя смелость обобщить взгляды отдельных слоев населения: крестьянства; рабочего класса; служащих, мелкой и средней интеллигенции; работников высшего идеологического аппарата, крупных чинов науки, техники, искусства, «маяков» и передовиков, профбоссов и рабочей аристократии; диссидентских слоев интеллигенции; офицерского корпуса. Каждый слой резко делится по возрасту, старшие и молодые резко различны по взглядам. <...> Анализ состояния «субъективного» фактора в стране приводит к выводу: ближе всего к каким-либо активным действиям стоит рабочий класс, он готов к требованиям чисто экономического характера. <...> Однако вместе с подъемом рабочего движения, которое недалеко, следует ожидать и незрелости сознания этого движения. <...> Поэтому у социализма есть еще «фора» в несколько лет или десяток лет с момента начала такого движения при сохранении старого порядка, точнее «беспорядка».

3. Естественный путь и перспектива развития. Естественный путь экономического развития положен как медленный путь развития ЛПХ (личного подсобного хозяйства) в мелкое товарное производство (микрофермы), постепенного разделения общественного сельского хозяйства. <...> При отсутствии изменений общество подойдет к критической точке. <...> Поэтому наилучшим для власти, для того чтобы оттянуть, отсрочить, но не предотвратить, уход однопартийной системы со сцены, является система реформ. Преобразование не может быть робким, половинчатым, иначе оно вызовет лавину побочных последствий, с кото-

рыми верхи и экономика не смогут справиться. Ниже предлагается система реформ, растянутых во времени для постоянной и преемственной перестройки психологии общества. Собственно, можно предложить две такие системы: первая рассчитана на построение капитализма (как мы боимся этого слова!) при господстве КПСС и постепенное отмирание ее роли; вторая – экстренная, на случай, если КПСС и ее правящие слои не удержатся у власти. Первая должна предполагать преемственность идеологии, вторая – свободна от нее.

4. Суть экономической реформы. Идея реформы заключается в постепенном сознательном ослаблении роли государства в экономике с увеличением самостоятельности предприятий и их рабочих коллективов. <...> Тактика реформ такова. Начинать необходимо с сельского хозяйства. <...>

5. Сельское хозяйство. Установить первоначально гарантированную <...> долю продукции <...> 30-50%, которую колхозы и совхозы могли бы свободно продавать <...> по свободным ценам. Оставить розничные государственные цены на остальную продукцию сельского хозяйства <...> прежними, но постепенно <...> ограничить использование этой (дешевой) части продуктов только наименее обеспеченными семьями и теми, кто ищет работу. <...>

6. Изменение статуса коллективных предприятий. <...> Не оставляю иллюзий тем, кто считает, что есть капитализм «народный». Капитализм в эпоху локальных технологий до всеобщего экологического кризиса и в момент наличия рутинного специализированного труда есть просто капитализм, и все же капитализм более прогрессивен, чем «социализм» с его общинной уравнительностью, фактическим <...> зажимом инициативы.

7. Неэффективные предприятия. <...>

8. Постепенное снятие регламентации и «планирования». Оборонную промышленность необходимо оставить под контролем государства. Остальная промышленность должна иметь постепенно снижающийся план. <...>

9. Убыточные отрасли хозяйства. <...>

10. Проблема переквалификации. Безработица. <...>

11. Социальное обеспечение. <...>

12. Медицинское обеспечение. <...>

13. Система образования. <...>

14. Общественные организации. <...>

15. Средства массовой информации. <...>

16. Собственность на землю и сырье. <...>

17. Железные дороги. <...>

18. Автодороги. <...>
19. Авиатранспорт. <...>
20. Жилой фонд. <...>
21. Товарные биржи и биржи ценных бумаг. Банковское дело. <...>
22. Ликвидация монополии внешней торговли (на первый период предусмотрен запрет или ограничение импорта).
23. Экономические и производственно-контрольные функции государства. <...> На стадии роста потребности такой централизации хозяйственной деятельности, которая ведет к монополизации отрасли, государство перестает антитрестовски контролировать внутренний рынок и допускает международную конференцию внутри страны. <...>
24. Финансовый контроль. <...>
25. Отраслевая наука.
26. Национальные отношения. Во всех республиках проводятся референдумы о выходе из СССР с сохранением военного и политического союза на обязательный срок 5 или 10 лет <...>, но с учреждением национальных вооруженных сил и приемом в ООН. Другая альтернатива – нахождение внутри СССР, с фиксированным отчислением в союзный бюджет (30-40%) от бюджета соответствующей республики; максимально использовать опыт Югославии. Современный великорусский шовинизм – сильнейший тормоз товарно-капиталистических преобразований. <...> Нет, «товарищи», скорее «господа»-великороссы! Нам рыть носом личное подсобное хозяйство, строить хозяйственным способом, задохнуться в натуральных повинностях, стоять в очереди за хлебом, если национальная гордыня, военная сила да полеты в космос для нас важнее!
27. Каков же механизм военной безопасности в случае развала Российской империи? А старый <...> – равновесие коалиций.
28. Идеологические основания реформы (даются два различных по форме, но эквивалентных на деле комплекта лозунгов: один – на случай проведения реформ сверху, а другой – на случай проведения их снизу, в условиях третьей буржуазно-демократической революции).
29. Гарантии против узурпации власти армией (создание пяти или десяти крупных, независимых от государства промышленных объединений, каждое из которых включает предприятия разных отраслей, расположенные в разных районах страны).
30. Первые последствия реформы или последние следствия «планового» ведения хозяйства. (Перечисляются 10 групп нежелательных явлений, трудностей, которые неизбежно произойдут

в первое время после реформы и которые отнюдь не следует считать доказательством ее ненужности.)

«Советское чиновничество и интеллигенция, советский народ, его лучшие мыслящие слои должны понимать, что выход из складывающейся ситуации есть, что этот выход не является непременно стихийным разрушением экономики и хозяйства (а вместе с ней и господствующей власти), но может также состоять в побуждении власти к отпусканию вожжей, росту самостоятельности хозяйственных звеньев, а уж экономическая независимость населения в целом даст естественные рычаги и способы для снятия преград на пути социального прогресса».

Э.К.

7/8А6. В. Чалидзе. Хомейнизм или национал-коммунизм. Новое Русское Слово, 27.Х.79

Литературные и гражданские заслуги Солженицына «слишком велики, чтобы пострадать от критики».

В эмиграции бытует ряд опасных заблуждений. Так, легенда номер один – скорое падение большевиков (например, в 57 году писали о «революционном гуле», которого, конечно же, нет и до сих пор).

«Власть в СССР достаточно прочна и, возможно, переживет всех нас. Она не только прочна, она гибка, и это значит, что под давлением обстоятельств она <...> может стать человечнее <...> и очень важно не забывать, что она может стать вполне бесчеловечной, как это уже было. <...> важно понимать, какого рода давление извне и изнутри может заставить эту власть измениться в сторону большей человечности – медленно, увы, очень медленно, но все же измениться».

Есть ли ненависть к коммунистам? Нет. Есть недовольство, высказываемое почти во всех слоях с большей или меньшей смелостью. И это признак прочности: потенциальная опасность взрыва снята, а имеющаяся степень недовольства не ослабляет властей и не свидетельствует о готовности народа их скинуть.

Не есть ли иллюзии эмиграции «признак духовной слабости, неспособности смело понять, что духовная поддержка, которую отсюда мы можем оказать народам России, должна быть рассчитана на многие года <...> Мы в правозащитном движении прошли эту школу безнадежности. Мы действовали, не видя впереди успеха, зная, что если и можно чего-то ждать, то лишь очень медленных сдвигов».

Еще не рухнувший Запад. Активизацией западной пропаганды, пожалуй, мы обязаны именно Солженицыну. В ней могла сказаться обида за «деревенских писателей» России, недостаточно известных западным читателям. Испанское выступление Солженицына – или легкомыслие, или способ сказать, что франкистский режим – то, что и должно быть для охраны от коммунизма. В Гарвардской речи описание демократии «подменяется карикатурой, с детства знакомой по советским газетам». Не к Западу, считает Чалидзе, обращены эти речи – к людям России – не следуйте Западу и «всему, что отвращает ваши души» от расплывчатого, но истинно высокого. Во многих упреках западным державам Солженицын морально прав (но отчасти лишь с точки зрения россиянина – «нам не помогли», но могли ли? должны ли были?). Главный упрек – в отступлении перед напором коммунизма.

Идею американского изоляционизма не разрушить сразу, нужен был Пирл-Харбор для вступления США в войну. «Именно ненавистные Солженицыну либеральные силы пытаются убедить американцев в запоздалости их изоляционизма». «Пассивность» американского интереса к притеснениям в СССР «не есть признак деградации и ослабления Запада». Напротив, интерес США к правам человека в мире – «совершенно новое явление». Классический принцип государственного суверенитета требовал полного безразличия к внутренним делам международных партнеров. <...> Этот принцип работал веками; человечеству понадобилось покопаться в золе немецких крематориев, чтобы понять, что в наш век обеспечение прав связано с международной безопасностью. До этого информация о лагерях не могла влиять на отношения с СССР. Выход идеи неразрывности проблем войны и бесправия в политике «я отношу за счет международного влияния советского, а затем и восточно-европейского правозащитного движения. Именно мы <...> указывали на международные правозащитные соглашения как на инструмент международного давления. Именно наше движение в последние 10 лет породило международное движение в защиту прав человека в Восточной Европе с вытекающим отсюда давлением людей на свои правительства. Без влияния нашего движения на западные умы невозможно представить себе американского президента, объявляющего международную защиту прав человека частью политики правительства» (личной моралью этого не объяснить – не хватило же ее, «когда надо было отвернуться от Тайваня»).

Поношение права и прав человека. Именно в России «провозглашена неразрывность прав и обязанностей, тезис, который повторяет Солженицын». Он утверждает, что юридические права –

высший критерий правоты в западном обществе. Это не так. Увидеть западное общество, живущее только по юридическим правилам, – значит еще не увидеть его. И самоограничение, и жертвенность свойственны людям Запада. Прелесть идеи права – обязанность – это не только то, что предписано законом, а право – это все, что не запрещено. Смешение прав и обязанностей логически бессмысленно.

Русская жестокость или марксистский яд. Обе концепции слишком примитивны, связаны с крайней политизацией истории. У Солженицына царская Россия идеализируется – дабы убедить в ценности авторитаризма. Вина большевиков оказывается «на втором плане – они свалили Республику, но вина за это – на Республике!» («промотали Россию в полгода до полного упадка», «не было никакой октябрьской революции<...>февраль упал сам»). И лозунг: все беды от демократизации, «не поддавайтесь на обман отравленных Западом либералов».

«Демдвиж». «Художник придумал отвратительного звучания слово “демдвиж”, чтобы выразить все свое презрение». Но нужны и доводы против правозащитного движения, и эмигрантская пресса их находит: 1) много инородцев, много друзей на Западе; 2) движение умерло; 3) у движения мало последователей и защищает оно не народ, а меньшинства (да еще и право на эмиграцию). А движение защищает всех, но всегда – ссылаясь на конкретные казусы (т. е. часто пишут о тех группах, которые дали о себе информацию).

Православное возрождение. Нет такого. Молодежь интересуется православием, но и другими религиозными течениями, йогой, спиритизмом и т.д. «нынешнее усиление интереса к православию в России можно назвать православным возрождением не более обоснованно, чем правозащитное движение назвать политическим возрождением народа». Православие еще в меньшей степени, чем другие религии, может быть, считает Чалидзе, духовной основой политического строя. Превращение его в государственную идеологию будущего вряд ли возможно без искажения его духа. А нравственно ли использовать интимные чувства для пропаганды политических целей?

Национализм. Русский народ оказался действительно оторванным от национальной истории и культуры. Можно только радоваться восстановлению этих связей. Но с национализмом могут быть связаны различные проявления и нормально, что интеллигенция пристально следит за развитием националистической публицистики – это не оскорбление, а внимание. И замечает-таки

дурные проявления: “кровяные аргументы” (у Ленина 1/4 русской крови, “татарское иго навсегда ослабляет наши вины перед осколками орды” и т.п.), политизация патриотизма (то – русское возрождение может быть только религиозным, то – не каждый русский может считаться русским, то – еврей-коммунисты утратили свое еврейство и т.п.), духовный изоляционизм (особый “русский дух”, который надо уберечь от западных влияний), утверждение “демократия не для русских”. Демократия – это право каждого участвовать в управлении своей страной – так выходит, русским этого права не давать! Не справятся <...> нам подадут тезис о национальной неполноценности!

Авторитаризм. Не говорят, что это – каково устройство общества, кто принимает решения? «Только и разговоры, что будущая Россия должна быть православной, с высоким национальным духом и ... авторитарной. А что будут делать с теми, кто ни православия не захочет, ни высокого духа? С диссидентами? – Неизвестно». Никто не знал, что такое мусульманская республика, теперь виднее. Правда, ЦК не шах! Но политическое влияние идея авторитаризма может оказать, и опасное.

Национал-коммунизм возможен. «В компартии, в генералитете, в КГБ – достаточно влиятельных лиц, которым близка идея национализма в сочетании с коммунизмом. И эмиграция усиливает эти группы, облегчает для них пропагандистскую работу». Национал-коммунизм возможен в многонациональном государстве – Сталин был к нему близок, и каждая из советских наций была «арийской», что скверно отражалось на меньшинствах в республиках. Собственно, в республиках это в слабой форме и без активной поддержки Москвы реализовано и сейчас. Национализм на общесоюзном уровне лишь окрылил национализм республик. Ведь главная цель будет – отвратить от Запада, от идей свободы и народоправия. Весь комплекс идей эмигрантских авторов (включая православие, которое нетрудно допустить для показухи) по душе национал-коммунистам! И если национал-коммунизм придет – то надолго. . .

Т.Юрьев

7/8А7. А.ЗИНОВЬЕВ. О коммунизме, о Западе и о себе. Интервью журналу «Время и мы». Время и мы, 46, октябрь 1979 года

В интервью Зиновьев излагает, в частности, свою точку зрения относительно опасности, которую представляет коммунизм для

западных стран, и о необходимых мерах защиты от нее. Рассмотрим, как автор развивает свои положения.

«Советский строй не есть только некоторая <...> форма политического правления, которую можно при желании заменить на другую. Он выражает самую глубинную структуру общества, он адекватен последней. . . Октябрьская революция была глубоко социальной, а для нового социального переворота сейчас никаких условий нет».

Так автор подчеркивает внутреннюю прочность советского строя и отсутствие надежд на его близкое усовершенствование, «усмирение». Не совсем, правда, ясно, о каких «глубинных структурах» идет речь, но отсутствие достаточно сильной оппозиции правительству в СССР очевидно.

«Массовые репрессии в Советском Союзе были проявлением и следствием доведенного до предела народовластия».

Здесь, как и далее, автор обращается к западному читателю с предупреждениями, как бы стараясь рассеять иллюзии относительно коммунизма, например предположение, что в другой стране, не в России, народовластие обойдется без репрессий. И действительно, КНР, КНДР, Куба без репрессий не обходятся. Отметим, что термин «народовластие» неясен и спорен в данном случае.

«Он (коммунизм) вырастает в странах Запада из самых различных источников. Я имею в виду, например, определенного типа партии, гангстерские банды, бюрократический аппарат, профессиональные касты, стремление большого числа людей иметь блага, не работая, политические спектакли и т.д. <...> Коммунизм есть нормальное и естественное явление в каждом обществе с большим числом людей, с развитым хозяйством, со сложной системой управления».

Мысль автора как бы переключается с марксистским тезисом о том, что социализм вырастает «в недрах» капиталистического общества, чтобы затем сменить его. Однако А.Зиновьев не считает такую замену обязательной, как и не считает ее благом для общества.

«... проблема, таким образом, состоит в том, чтобы найти эффективное средство сопротивления коммунизму везде и всегда. Без такого сопротивления нет никакой цивилизации. Оно столь же естественно, как и коммунистическая тенденция».

Однако, утверждает автор, Запад слаб и жалок перед лицом надвигающегося коммунизма. Чтобы защитить себя от предполагаемой коммунистической агрессии с Востока, автор предлагает даже создать относительно дешевое «оружие возмездия», которое удержало бы Восток угрозой ответного удара.

Это небольшое, короткое замечание, очень важно и достойно разбора. Каково бы ни было «оружие возмездия», оно может быть использовано как в оборонительных, так и в наступательных целях. Нарращивание и модернизация вооружения в некоторых, по крайней мере, западных странах идет быстро и интенсивно, поэтому призывать к нему правительства или военных нет смысла. Очевидно, слова А.Зиновьева обращены к общественности, к тем, кто участвует в демонстрациях протеста против довооружения европейских стран, оказывая таким образом давление на свои правительства. Автор как бы упрекает их в близорукости, в том, что они не видят угрозы, симпатизируют «расслабляющим» и «дезориентирующим» лозунгам разрядки (в этом А.Зиновьев солидарен с А.И.Солженицыным).

Хочется возразить автору и заступиться за западных антимилитаристов. Возможно, кто-то из них более сочувствует коммунизму, кто-то – менее, но считать их неинформированными или политически неграмотными оснований нет. Они в полном объеме имеют доступ к информации, скажем, об афганских или польских событиях, о положении политзаключенных в СССР, но кроме этих наших дел, у них есть и свои. Это – тяжесть военных расходов, известная как на Востоке, так и на Западе, риск попасть в слишком плотную зависимость от решений американских политиков, угроза возрастания политической роли военных в демократических западных странах. Военные, как мы знаем, уже несколько раз появлялись на политической арене Европы уже после Второй мировой войны. «Черные полковники» в Греции, ОАС – во Франции, военно-фашистские заговоры в Италии и Испании – для нас, граждан СССР, это значительно менее чувствительно и важно, чем для граждан европейских стран.

Западно-европейские страны отличаются, как известно, от СССР именно плюрализмом, сосуществованием противоборствующих политических течений, постоянными столкновениями между ними. Усиление вооружения и, значит, влияния военных вызывает ответное усиление антимилитаристского движения, и это так и должно быть, это и есть демократия. Когда кто-то из нас высказывается против антивоенного движения на Западе, это значит, что он хочет компенсировать нашу, отечественную неспособность воспрепятствовать милитаризации нашей страны призывом к милитаризации стран-оппонентов, Запада. Словом, вместо союза антимилитаристов разных стран предлагается лозунг равновесия милитаризмов.

Читая интервью А.Зиновьева, оказываешься в мире альтернативы «коммунизм-антикоммунизм». Есть и другие аль-

тернативные картины мира, например «фашизм-антифашизм», «сионизм-антисионизм», «правоверные мусульмане-неверные» и т.д. Эти схемы очень удобны для избирательных кампаний, военно-промышленных комплексов и журналистов как Запада, так и Востока. Очень, конечно, удобно делить на «своих» и «врагов», но так ли уж это конструктивно?

7/8А8. БОРИС КОМАРОВ. Уничтожение природы. Обострение экологического кризиса в СССР. «Посев», 1978

Книга занимает 130 стр. машинописного текста и состоит из 10 глав. Круг рассматриваемых вопросов автор определяет следующим образом: «Не принижая ни нелегкого труда биологов и инженеров, ни прекрасных достижений наших талантливых и благородных соотечественников (достижений, которые принесут свои плоды несмотря ни на что), мы будем говорить в этой книге только об одной стороне дела – о разорении природы. О системе разорения природы российской, казахской, эстонской, украинской <...>, о том, что ее стимулирует, кому это разорение выгодно, кому безразлично, а для кого – утрата (о всех прочих сторонах дела, особенно об оптимистических, опубликованы сотни книг)».

Первая глава, под названием «Дальнее облачко», служит как бы прологом к книге. В этой главе рассказывается история строительства двух огромных целлюлозно-бумажных комбинатов на Байкале, история, в которой «как в капле воды» отразилась вся наша действительность: полное бессилие общественного мнения (даже в таком – редчайшем! – случае, когда это мнение было высказано в официальной печати уважаемыми и занимающими высокое положение людьми); всемогущество министерства обороны и обкома, заинтересованного в развитии промышленности; нажим на экспертов или подбор экспертов, которые дадут желаемые заключения; решение проблемы «по принципу витрины», запрет на правдивую информацию. Главной целью строительства было производство прочного корда на шины для тяжелых бомбардировщиков. Технология такого производства требовала огромного количества чистой воды. Однако еще с 1964 года, до того как было закончено строительство, этот корд стали делать по новой технологии из нефти. «Прочный корд теперь можно делать почти где угодно, в любом районе страны. Чем же оправдывается уничтожение ценнейшей байкальской тайги сейчас? Ради чего мы медленно, но верно губим ценнейший из водоемов планеты? Ради небольшого в масштабе страны процента производства корда, ради содержания нескольких свиноферм (они потеряют производи-

мые комбинатом дрожжи), ради ничтожного количества грубой оберточной бумаги, в какую заворачивают гвозди, и столь же ничтожного количества лаков и красок (на них идут талловое масло и скипидар). И это все».

С Байкала масштабные экологические проблемы в Советском Союзе начались, но Байкалом они, к сожалению, не кончаются. «Однако официальная точка зрения, неоднократно повторенная идеологическими работниками ЦК КПСС, заключается в том, что «экологический кризис постоянно углубляется в капиталистических странах, но в СССР нет никаких его признаков». «Итак, кризиса нет, ибо его признаки не получили официального признания идеологов. И борьба с кризисом ведется по всей стране на добрые две трети теми же методами, какими обеспечивается сохранность Байкала, – с помощью цензуры. По мере ухудшения экологической обстановки с начала 70-х годов не менее двух раз издавались официальные циркуляры, суживающие круг информации по загрязнению. С 1975 года даже в специальных статьях вы не найдете ни одного показателя загрязненности воздуха, воды или почвы. Публикуются лишь косвенные, абстрактные показатели, ничего не говорящие о том, каким же воздухом мы дышим, какую воду пьем и в чем купаемся, полагая, что принимаем целебные морские ванны в Крыму или у Кавказского побережья. . . Состав воздуха, питьевой или морской воды у нас – государственная тайна. <...> Советский человек может во всех деталях узнать бедственную картину состояния природы в США или ФРГ. Он может прочесть по-русски взволнованные и глубокие книги Коммонера, Гржимека, Парсона или Дугласа. Отравленное Эри, залитые нефтью пляжи Англии и горы мусора в Нью-Йорке то и дело мелькают перед нами на телеэкране. На Западе выходят сотни книг и статей, общественность бурно протестует против разграбления природы ради интересов капиталистов, и – как-никак – успех действия таких протестов растет. Общественное влияние на решение экологических проблем становится важнейшим фактором. У нас же <...> участие масс в решении подобных проблем практически невозможно. Одна из главных причин этого – отсутствие объективной информации, невозможность понять положение в целом и тенденции его развития. Однако помимо «достижений», о которых советский человек знает из журналов, фильмов, телепередач, существуют закрытые исследования различных институтов, существует издаваемый Гидрометеослужбой закрытый «Бюллетень загрязнения природной среды», где панорама экологических бедствий в стране разворачивается в реальных цифрах. В главах «Секретный воздух», «Секретная вода», «Секретная земля»

автор приводит некоторые из этих цифр. Он называет города (Лениногорск, Усть-Каменогорск, Стерлимак, Омск, Кривой Рог, Братск, Темиртау, Новокузнецк, Амурск, Магнитогорск и многие, многие другие), в которых содержание в воздухе свинца, ртути, угарного газа, хлора, сернистого газа и других опасных загрязнителей превышает допустимые концентрации в десятки и сотни раз. По 20-25 ПДК (ПДК – предельно допустимая концентрация) различных загрязнителей содержится в воздухе таких провинциальных городов, как Оха и Корсака на Сахалине, Мончегорск, Никель, Кола на Кольском полуострове, Кунда в Эстонии, Кингисепп и Пикалево, Гатчина и Кириши в Ленинградской области, Орск, Троицк, Миасс на Южном Урале, Сибай и Бурибай в Башкирии, Балаков, Ачинск в Сибири, Камышин на Волге, Новочеркасск и Невинномысск на Северном Кавказе, Энгельс, Бердянск, Коломна, Гурьев, Старый Оскол. Мифом оказался и «чистый и здоровый воздух Москвы». «Ни обоняние, ни другие чувства часто не дают нам никаких сигналов об опасном загрязнении воздуха химическими соединениями. Специальные же приборы находятся в обсерватории, куда ни пресса, ни общественность не имеют доступа без ведома властей. Поэтому борьба за чистый воздух часто оказывается борьбой с дымом. Заводы тратят деньги прежде всего на те фильтры, которые улавливают зольные частицы и развеивают черные клубы над трубой. <...> Однако, улавливая крупные частицы, фильтры пропускают прозрачные окислы азота и серы, которые прежде связывались частицами золы. Теперь же эти окислы поступают в атмосферу в чистом виде, легче растворяются каплями дождя, и ущерб от загрязнения даже <...> увеличивается». «В свете реальных цифр фикцией оказывается не только “чистое небо над комбинатом”, но и зелень на улицах. Например, в Донецке местный Ботанический сад вывел десятки отличных сортов цветов и кустарников, устойчивых к загрязнению среды. Они оживляют территории вокруг многих заводов и шахт. Но заболеваемость раком легких у рядовых жителей Донецка (не шахтеров!) на 300% выше, чем у жителей других городов». «В последние десять лет число заболеваний раком легких в стране удвоилось. Среди новорожденных каждый год на 5-6% больше детей с генетическими пороками, чем было в предыдущем, а число родовых травм и выкидышей возрастает на 6-7% в год. В целом <...> количество людей генетически неполноценных сейчас составляет 7/8% – по данным академика Дубинина – и при нынешних темпах роста к 1990 году может достигнуть 15%».

Из всех путей попадания вредных веществ в наш организм дыхательный путь – самый опасный. Однако немало ядов погло-

щаем мы также с водой и с пищей. Воды Днепра, Днестра, Прута содержат 2-4 ПДК ФОСа и ГХПТ круглый год. В животноводческой Киргизии практически во всех открытых водоемах содержится 4-6 ПДК этих препаратов, а в курортной зоне Иссык-Куля – 2-3 ПДК. В Узбекистане ДДТ и другие опасные вещества нашли в подземных водах целых районов в концентрациях выше ПДК. Специалисты с тревогой пишут о снабжении населения чистой водой в ближайшем будущем. Концентрации нефти на всем морском побережье в районе Баку нигде не опускаются ниже 20 ПДК. В устье Немана концентрации ее достигают 30 ПДК, в среднем течении Волги – 25-30 ПДК, на Дону – 51 ПДК. Сильно загрязнена нефтью курортная зона Черного моря от Одессы до Батуми (10-12 ПДК), кроме того, здесь содержится такая же доза фенола и опасный уровень бактериального загрязнения. В Азовском море уровень нефтяного загрязнения – до 100 ПДК, фенола и цинка – 40-45 ПДК. «Славившийся когда-то своими уровнями осетровых, рыба, судака Азов стал чем-то вроде помойной ямы для индустриального юга России и Украины». Угрожающе растет загрязнение вод тяжелыми металлами. Все больше оказывается в воде наших рек бора, берилия, которые содержатся в ракетном топливе. Журнал «Санитария и гигиена» в 1975 году описал исследование в городе Н. (город Татарск Новосибирской области, разумеется, не был назван), где концентрация бора в питьевой воде составляла 0,5-5 мг/л; около 50% мужчин соответствующего возраста в этом городе страдали импотенцией. Тысячи рек и речек превращены «в сточные канавы, к которым без крайней нужды не подойдешь». Из реки Таналык и других водоемов Южного Урала местные жители не берут воду даже для мытья полов. Между тем пути сокращения или даже полного прекращения минерального загрязнения поражают своей простотой и доступностью. Но в СССР даже на проектирование, разработку подобных систем не находится средств. Член-корреспондент АН, покойный директор Института водных проблем В. Кунин писал, что 9 из 10 сложных проблем с водой в СССР – это проблемы хозяйственные, организационные, а не научные.

Поля и пастбища страны загрязнены 150 видами пестицидов, ядохимикатов и микроэлементов. Источником этих загрязнителей являются промышленные стоки, вносимые в поля удобрения, крупные животноводческие комплексы. Громадный вред плодородию земель приносит мелиорация. Мозаичность почвенных комплексов – свойство почти всех болотистых мест, поэтому осушение можно проводить лишь выборочно, небольшими участками. Поверхностное, волевое мнение когда-то определило цифры

осушения Полесья, и вот за последние 10 лет болотистое Полесье узнало, что такое пыльные бури. Об этом рассказано в статье минского профессора Киселева в журнале «Природа» (12.1972). Однако опыт Полесья почти ничему не научил тех, кто планирует и руководит мелиорацией в Калининской, Ярославской и других областях. «Ущербна сама система “улучшения” земель, где единым заказчиком всякой мелиорации выступают не те, кто эту землю обрабатывает и, на бумаге, владеет ею, а Министерство сельского хозяйства и его многочисленные подразделения в каждой области и районе. Чиновники обеспечивают выполнение цифр плана, а проблемы каждого конкретного хозяйства их не занимают. Каждый год в колхозах на севере Ярославской области зарастает оттого, что некому обрабатывать, столько же лугов и пашен, сколько их прибавляется от мелиорации. Через несколько лет начнут зарастать и мелиорированные. . . но план-то выполнен!» Между Ленинградом и Выборгом находятся красивейшие Раковые озера. Когда-то, когда на них было много не только раков, но и дичи, они назывались Лебязьими и были известны в охотничьем мире всей Европы. Кое-что от былой славы уцелело до наших дней. Однако у соседнего совхоза был план мелиорации, его надо было выполнять. И несколько озер спустили. Разумеется, это нанесло вред и рыбному хозяйству, и перелетным птицам. Но в данном случае важно, что от осушения илистых мелководий совхоз не получил ни единого гектара новых лугов. О том, что не получит, было известно заранее, да, вероятно, они ему и не нужны были. В каком другом хозяйстве можно истратить тысячи рублей на рытье осушительных канав и уничтожение озера, наперед зная, что никто никакой пользы от этого не получит?»

15 млн. га превращено в дно водохранилищ. Гигантские ГЭС, построенные на равнинных реках, решают лишь одну энергетическую задачу и создают при этом десятки новых. Несколько лет назад сотрудники видного гидролога профессора Вендрова подсчитали, что одно лишь сено, собранное с тех площадей, которые залил ДнепрогЭС, если его использовать как топливо, даст столько же энергии, сколько ее вырабатывает эта ГЭС. При постоянном дефиците бумаги и древесины в стране в практике гидростроительства не было случая, чтобы лес в зоне затопления вывозился полностью. О том, чтобы снимать и вывозить ценнейшие украинские черноземы или другие почвы, не приходится даже мечтать.

В главе «Лебеди яко снег зимой. . .» рассказано о хищническом истреблении диких животных. «Дикое охотничье варварство не исчезает с прогрессом общества. Исчезают дикие животные». Постоянное развитие браконьерства имеет под собой, <нрзб.>

пороков технических и административных, прочную экономическую базу: в связи с дефицитом мяса браконьерски добытая дичь имеет прекрасный сбыт. Весьма выгодна и браконьерская добыча пушных зверей. Натуралисты и биологи знают огромное количество фактов разорения советских заповедников как браконьерами, так и государственными хозяйственными организациями. Очень часто запрет на охоту нарушается столпами общества.

Исходя из данных, опубликованных в различных официальных изданиях, автор приводит следующие цифры, характеризующие степень разорения природы на 1977 год:

175-220 тыс. кв. км занимают площади, изуродованные и обесцененные горными разработками и торфоразработками;

50 тыс. кв. км – отвалы, хворосто-, шлако- ихламохранилища промышленных предприятий, а также городские свалки;

120 тыс. кв. км – погребены под водой крупных водохранилищ;

500-550 тыс. кв. км – пустоши и болота после вырубок лесов и лесных пожаров; эти пустоши не зарастают, разве что сорняками;

630 тыс. кв. км – сильно эродированные, засоленные земли (пахотные и лугово-пастбищные угодья, овраги и развеваемые пески на месте бывших полей).

«Итого: 1450 тыс. кв. км бесполезных ныне земель, промышленных пустынь и полупустынь. Это составляет фактически 10% пригодной для жизни человека территории СССР. И эта 1/10 нашего “пирога”, которую мы съели по малым кусочкам, была самой “вкусной и жирной”, наиболее пригодной для использования и, во многих случаях, наиболее плодородной. <...> Поэтому дальше, со второй, третьей, четвертой долей мы разделаемся куда быстрее». Тем более что нас стало намного больше и наши потребности растут весьма быстрыми темпами. Если бы буржуазная Западная Европа обращалась с природной средой так же, как мы, то уже давно в бесплодной пустыне оказались бы все жители Англии, Франции, ФРГ, Швейцарии и стран Бенилюкса. Их население равно нашему – 240-250 млн. человек, а общая площадь – примерно наша одна десятая – 1,4 млн. кв. км.

В главе «Запасная страна» убедительно показана несостоятельность надежд на то, что освоение Сибири и Крайнего Севера может спасти положение, смягчить экологический кризис. Дело в том, что природа этого «второго СССР» (территория Сибири и

Крайнего Севера составляет ровно половину СССР) гораздо менее устойчива к воздействию человека, чем природа освоенных территорий. «След от вездехода виден на моховой поверхности тундры 4-5 лет. Овраги, которые часто начинаются с дорожной колеи, растут со скоростью 15 метров за лето. <...> Все северные сообщества – примеры эквипривалистики организмов на грани выживания. Едва ли не любое вмешательство человека нарушает хрупкое равновесие. Такие грубые вмешательства, как рубка леса в редколесье и лесотундре, оказываются катастрофическими для земли. В зоне “мертвой дороги” развеваемые пески, провальное озеро, бугры вспучивания образовались именно потому, что вокруг железнодорожного полотна по обе стороны на 300-400 метров вырубались все деревья. <...> После прихода геологов, нефти- и газоразведчиков тундра и лесотундра Таймыра и Ямала “тронула” куда больше, чем природа Подмосквья за сотню лет эксплуатации. <...> Не от порубок – от одного действия сернистого газа – леса отступают от северных поселков на километры. <...> В радиусе многих километров вокруг любого поселка – <...> одна замусоренная, заболоченная пустыня. <...> Из-за мерзлоты и низких температур все проблемы очистки превращаются в Сибири в нечто почти неразрешимое». «... нетронутая Сибирь – иллюзия, индустрия разъедает “зеленую рыхлую грудь Сибири” с разных концов, будто серная кислота, и коснулась уже и ее светлого ока – Байкала. Нынешние методы освоения Сибири – это методы ее разорения. Практически не создается слоя коренных северян и первые поселенцы – энтузиасты БАМа, отработав свои три года и получив обещанные за это “Жигули”, стремятся во что бы то ни стало уехать. Хозяинчают тут временщики и сезонники». Сибирь из «неисчерпаемого источника ресурсов» очень скоро может превратиться в район бедствия. Через 15-20 лет наша «запасная страна» может оказаться «студеной пустыней, возродить которую к жизни будет куда сложнее, чем горячие пустыни Средней Азии».

Специальная глава посвящена вопросу о том, как природа нашей страны защищается законом. «Практика исполнения законов об охране природы <...> характеризуется следующим: во-первых, карательные меры применяются не полностью. Во-вторых, применяются несправедливо. В-третьих, в громадном большинстве случаев, не применяются вовсе. Слишком часто эти меры не соответствуют размерам ущерба, нанесенного природе, они гораздо ниже их. Слишком часто карательная мера лишена всякой моральной силы, так как на скамье подсудимых сидит не истинный виновник, а исполнитель незаконных распоряжений. И судья, и

подсудимый это сознают, и суд превращается в игру». Всем известно, что отношение закона к окружающей среде зависит во многом от инструкций отдела промышленности местного обкома или райкома партии, от их требований давать план любой ценой. Однако все указания обком дает таким образом, что его ответственность не предусматривает ни один закон. «Применяемые меры не уменьшают экономическую заинтересованность предприятий в повторении нарушений закона. Взимаемые штрафы идут не на восстановление разрушенной природы, а перечисляются на госбюджет, то есть министерству финансов». Слабость исполнения существующих законов в значительной степени объясняется системой ведомственного контроля. «В отношении охраны лесов бессиле ведомственной инспекции в сочетании с врожденными пороками советских законов и соответствующих экономических порядков создает ужасную картину». Автор приводит свидетельство специалиста по лесному законодательству. «Пять лет назад я оказался на гигантской лесобазе вблизи Красноярска. На берегу реки я увидел целый город. Огромные, в несколько обхватов, кедры, лиственницы, сосны лежали в штабелях, которым не было конца. И все это лежало и превращалось в труху, ибо железная дорога не подавала вагонов. Но это не все. Железная дорога не давала достаточно вагонов и год, и два, и три назад, и лесной трест заранее знал, что вагонов не хватит. И тем не менее леса рубили с каждым годом все больше. Тресту спускали план... Квадратные километры чудесной кедровой тайги сводились на корню, на их месте оставалась полупустыня, и взамен этого государство получало труху! Даже не дрова! <...> Затем, по другому делу, я познакомился с одним депутатом Верховного Совета СССР и, когда мы подружились, спросил его о лесной базе. Зачем такое делается? – Как? Вы не понимаете? Там, в тайге, люди, им надо платить зарплату. Мы организовали леспромхоз, позвали туда людей. Они имеют право на труд... и они не виноваты в наших трудностях с вагонами».

Наиболее рациональный путь решения многих экологических проблем – развитие новых технологий, позволяющих создать безотходное производство. Советская печать много писала о «безотходных технологиях» и о преимуществах социализма в их освоении. Однако «система плановых показателей в настоящее время такова, что в большинстве случаев предприятию невыгодно переходить на новую технологию, каковы бы ни были ее технические или экологические достоинства». «В тех случаях, когда безотходность достигалась, никто не писал о том пути, <...> которым она достигалась. Один крупный химзавод в Красноярском крае,

производивший полиэтиленовую пленку, к 1975 году стал отличным примером того, как надо переводить «отходы – в доходы». С самого пуска в 1968 году завод выбрасывал в атмосферу огромные количества фтора, и тайга в радиусе нескольких километров высохла. С самого пуска заводские инженеры поняли, что оптимальный путь защиты атмосферы – улавливание фтора и продажа его другим предприятиям, где фтор – дефицитное сырье. Для осуществления несложной и выгодной во всех отношениях идеи понадобилось больше пяти лет, погибли тысячи гектаров тайги, энтузиасты идеи получили инфаркты, пробивая ее через многочисленные инстанции. <...> В данном случае дело осложнялось тем, что производство фтора и полиэтилена относились к разным главам Министерства химической промышленности. Ни тот факт, что оба они в принципе согласны, что сырье надо перерабатывать только комплексно, ни то, что оба главка находятся в одном здании Министерства на соседних этажах, ничего не меняет. Каждый главк должен выполнять в первую очередь то, ради чего его создали, – план по объему определенной продукции. На решение любой, не входящей в рамки этой задачи проблемы, уходят многие годы. Дело тянется еще дольше, когда в проект новых комплексных производств втянуты различные министерства. Не видно конца «тяжбе» о комплексном использовании ресурсов залива Кара-Богаз-гол на Каспии или апатитно-нефелиновых руд Кольского полуострова. То, что идет на отвалы на Хибинских рудниках, содержит много нефелина – ценного сырья для алюминиевой промышленности. Но Министерство цветной металлургии не хочет тратить миллионы на строительство обогатительной фабрики (это ухудшит плановые показатели работы всего министерства на несколько лет), не хочет этого и химическое министерство. Построенный им комбинат по переработке отвалов не найдет отражения ни в одном из главных показателей плана – чего же ради будут стараться министерства? Ради похвальной газетной статьи? Это ничтожный стимул, когда речь идет о трате миллионов, о риске потерять пост, если не выполнишь плана. В главе «Новые технологии» приведено множество подобных примеров. Автор заключает: «До тех пор, пока предприятия не будут реально экономически заинтересованы в экологически чистых технологиях, заставлять их переходить на них, вероятно, все равно что заставлять кошку есть огурцы, читая ей при этом нотацию о пользе вегетарианства».

Автор отмечает, что масштабные экологические проблемы не могут быть решены ни в рамках экологии, ни в рамках технологии, ни даже в рамках чистой экономики, а требуют одновремен-

ных перемен и в экономике, и в сфере социальных и моральных устоев общества. Отсюда вытекает вопрос о возможности реформ, которые, по меньшей мере, замедлили бы темпы деградации природы, а в идеале – обеспечили бы экологическое благополучие народа на будущее. Кто и ради чего пойдет на такие реформы? Среди разных слоев и групп населения груз экологических проблем распределяется далеко не равномерно. «Около 5-6% населения страны живет в системе полного обеспечения государством, т. е. практически вне экономических законов общества. Независимо от успехов нашего сельского хозяйства и промышленности 12-15 миллионов из высшего партийно-правительственного руководства и члены их семей обеспечены всеми благами 20-го века. В том числе и лучшей, “чистейшей” природной средой. Еще 8-9% населения (высшие военные, научно-технические круги и самая верхушка официального искусства, а также “новая буржуазия” (дельцы от торговли) имеют денег достаточно, чтобы купить или достать все, что они желают. В том числе и загородные дома на лоне природы. Оставшиеся 85-87%, большинство населения, живущие на зарплату, ощущает на себе “сбой” производства и снабжения. <...> Это большинство страдает от шума, от загрязненности городов, где есть лучше оплачиваемая работа, есть те продукты, которые удается купить, не задавая вопросов о содержании в них канцерогенов, аллергенов или веществ, вызывающих мутации в хромосомах. Более 85% населения не имеет возможности получить реальную информацию о загрязнении. <...> Авангард же народа, как называют сами себя некоторые представители правящей элиты, ощущает обострение экологических проблем разве что из цифр различных документов. Зеленые заборы загородных домов прочно отделяют их от действия и экономических, и экологических кризисов. 5-6% нашего общества обеспечиваются продуктами натуральными, насколько это теперь вообще возможно, особой питьевой водой и особыми бассейнами с очищенной морской водой (от нефти и фенола). Поэтому у нас с экологией всегда все будет в порядке». «Вряд ли обеспеченные классы на Западе серьезно страдают от экологического кризиса, однако то, что их доходы несколько уменьшились из-за затрат на охрану среды, признают и советские авторы. А какое бремя приняли на себя наши избранные 5-6%? Расплатились ли они хотя бы какой-нибудь мелочью? <...> Но мы можем понять, что при таком распределении бремени загрязнения среды на разные слои общества шансы на изменение обстановки невелики». «У хозяев нашей страны простой расчет: если сделать всего 1% всех заводов и фабрик чистенькими и снаружи и по технологии,

это будет больше, чем нужно, и для пропагандистских фотографий, больше, чем может осмотреть самый педантичный западный профессор-зануда». «Факты “недостатков” в деле охраны среды обитания в СССР так или иначе фигурируют в книгах и статьях, однако они никогда не выйдут в свет, если до них и после автор не сделает основополагающих заявлений о принципиальном превосходстве социализма над капитализмом во всех отношениях, в том числе и в области экологии, о том, что у СССР есть все необходимое, чтобы быстро разрешить все возникающие проблемы». «Намеренно искаженная, приукрашенная информация пропитывает наше общество на всех уровнях». «Правительство не хочет слушать плохих новостей “о природе”, но людям эти новости нужны. Не политические мотивы, не доводы ума – сам воздух, которым мы дышим, заставляет понять: если мы хотим выжить, мы должны знать правду. И говорить ее другим».

7/8А9. Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Выпуски 1-3. ВИНТИ, Депомент, 1979

В идейном плане рецензируемое исследование противостоит направлению, постулирующему постепенное прогрессивно-направленное развитие всего мира от простого к сложному, а примыкает к направлению Данилевского, Шпенглера, Тойнби, хотя терминологической преемственности не наблюдается. Этнос, т. е. примерно то, что иногда называется нацией, определяется в исторической и социальной литературе с самых различных позиций; неубедительность этих определений прекрасно вскрывается автором. Для полноты не хватает разбора хорошего определения нации по Ревзину, хотя, конечно, оно работает только применительно к последним 4-5 столетиям.

Темой же Гумилева являются последние 5 тысячелетий земного существования, причем человек и человеческие общества понимаются как органическая часть биосферы Земли, т. е. в сочетании с занимаемыми ими ландшафтами (биоценозы). Строгой, в ревзинском смысле, дефиниции термину «этнос» Гумилев не дает, но на сотнях примеров безукоризненно ясно выявляет, что он имеет в виду. Представление об этносе по Гумилеву лучше всего дать следующим сравнением: *этнос* является таким же проявлением *биосферы*, как *написание* мною этой рецензии является проявлением *меня* как биологического и социального существа. Биосфера понимается как живое единство, по Вернадскому (впрочем, можно вспомнить «Тихие думы» Сергея Булгакова). Этнос однозначно характеризуется стереотипом его отношения к ландшафту

и вытекающим отсюда стереотипом его социального поведения. Кратко можно сказать: «Этнос есть поведение». Автор отмечает расистские и социально-исторические концепции зарождения этноса. Этнос может зародиться только на стыке нескольких этносов или рас и только на стыке нескольких ландшафтов. Зарождение этноса связано с появлением у соответствующей группы людей нового признака, называемого Гумилевым пассионарностью (одержимостью) – состоянием, диаметрально противоположным инстинкту самосохранения (однако это отнюдь не шизофреническая «воля к смерти»). Исторически прослеженные (на многих десятках случаев) зарождения этносов обладают примечательной особенностью: они лежат на прямых линиях глобуса, словно кто-то включает на 10-50 лет линейно направленное излучение на поверхность Земли. И только там, куда достигло излучение, происходит микромутация, из-за которой появляется пассионарность и зарождается новый этнос. Основная его характеристика – противопоставление себя всему окружающему миру, четкое деление на «наших» и «не наших». Дальнейших поступлений пассионарности не происходит и на протяжении 1000-1200 лет этнос развивается и умирает подобно всякому инерциальному процессу в вязкой среде. Фазы: пассионарная, акматическая (т. е. цветущая), инерционная, обскурации, реликтовая. На первых фазах благодаря запасу пассионарности в этносе вырабатывается сложная внутренняя субэтническая структура, которая потом вырождается и упрощается; смерть этноса обусловлена кибернетической теоремой о нежизненности недостаточно сложной системы. В фазе обскурации этнос склонен необратимо губить ландшафт. Разумеется, конкретная история каждого этноса обусловлена не только этой внутренней закономерностью, но и случайными перипетиями исторических встреч с соседними этносами, причем наиболее уязвим он в момент перехода от одной фазы к другой.

Все это прослеживается в богатых подробностях с небывалой эрудицией: перед читателем проходят ирокезы и ромеи, инки и ханьская династия, Ромул и Чингисхан, хазары и берберы и мн. др. Даже если читатель не согласится ни с одной из идей Гумилева, ему все равно полезно и приятно ознакомиться с таким богатым и нетривиальным набором фактов, поданных с неевропоцентрической позиции. Вот, например, латиноамериканский этнос. В XIII-XIV веках в результате пассионарного толчка возникал новый этнос, вариациями которого были инки и ацтеки. Разгромлены горсткой европейцев, ибо застигнуты в момент смены фаз и не поддержаны массой индейцев, для которых сами инки – чуждые захватчики, они вроде бы сходят со сцены. Но

гены живут в бастардах и в XVIII-XIX веках новый этнос политически закрепляется как «латиноамериканский». Вот ромеи (Византия). На стыке иудейско-иранско-эллинских этносов и суперэтносов в результате пассионарного толчка II века возникает новый стереотип поведения. Он проявляется в разных непримиримо конкурирующих друг с другом формах: «ортодоксальные» христиане, гностики, ариане, несториане, донатане и мн.др. (См. у Мережского – «Юлиан-отступник», где красочно описан Вселенский Собор, издевательски собранный им из представителей *всех*, кто именовал себя христианином.) Хотя и расстрачивая свою пассионарность главным образом на самоистребление, они создали новый этнос – ромеи, противостоявший Риму, создали византийскую государственную культуру и т.п.

Рецензенту кажутся лишними разговоры автора о «биологической энергии» и привлечение закона сохранения энергии для объяснения явления пассионарности. Ведь если речь идет о смене ритмов (каких-то колебаний), управляющих стереотипом поведения, то на такую *смену* практически никакой энергии не нужно, а хоть какие-нибудь ритмы все равно всегда присутствуют. Очевидно, что в эпоху резкого возрастания веса суперэтнических контактов и отдаления человека от привязи к ландшафту теории Гумилева должна пробуксовывать. В начале книги автор поэтому предусмотрительно заявляет, что не будет касаться периода наполеоновских войн (во избежание аберрации близости), но в третьем выпуске, к сожалению, забывает собственную оговорку и обругивает все то современное, что не укладывается в его теорию. Обнаруженный им срок жизни этноса в 1000-1200 лет при сопоставлении с такими коллективами, как евреи, армяне и китайцы, вызывающ. Но автор рассекает их мифическую деятельность: еврейский этнос исчез в I-II веках, Китай в X веке – совсем иной этнос, нежели в I. Вивисекция это или констатация факта? Эрудиции рецензента не хватает ответить. Как физику мне дико рассуждения автора о вакууме, где он берет на вооружение одну из десятков конкурирующих в современной физике гипотез-однодневок о структуре вакуума; не нужна она ему в построении собственного мировоззрения. Но эти недостатки третьестепенны по сравнению с тем восторгом, который испытываешь, читая произведение.

Гумилев великолепно пользуется приемом, им же вводимым в методологию истории: сначала рисует картину крупными мазками, затем увеличивает детальность масштаба и с «более близкого расстояния» подробно излагает узловые моменты, а порой «из мышшиной норки» тщательно прослеживает миллиметры пути,

никогда не утрачивая глобальной перспективы. См. также его «Поиски вымышленного царства».

В работе есть и еще один аспект. Человек такой генетической одаренности (сын поэта Н.С.Гумилева и поэта А.А.Ахматовой) и такой напряженной судьбы (аресты 1933, 1935, 1938-1943, «Реквием»!), воевал на фронте, арест 1949-1956, защитил кандидатскую, две докторских диссертации, опубликовал около сотни специальных работ по востоковедению, истории и географии, естественно, в толстой монографии, выходящей к его 70-летию, не мог не изложить своей философии. Как и всякая философия, она отвечает на два вопроса: как устроен мир и как жить в этом мире. В отличие от людей физикалистского мышления, автора интересует не пространственно-космологическая картина мира в электрических и гравитационных полях, а дыхание мира в его исторических судьбах. Прошлое для автора – реальнее настоящего, и он помещает себя в ткань Истории. А его учение, как жить, лучше всего сформулировано, по-моему, в стихотворении его отца «Родос». Можно с его философией, как и со всякой другой, не соглашаться, но она пронзительно величава, а по части историзма совершенно совпадает с убеждениями рецензента.

Р.П.

Примечание. Благожелательная критика (содержащая, в частности, ответы на вопросы, поставленные в реферате), более раннего варианта концепции Гумилева содержится в п.2 статьи Г.Померанца «Теория субэкумен и проблема своеобразия восточных культур» (Труды по востоковедению, III, Ученые записки ТГУ, Тарту, 1976, 42-67). Прочтение этой статьи будет полезно каждому, интересующемуся теоретической историей.

Р.

7/8А10. А.Янов. Реквием екатерининской России. «22», 6, март 1980, 145-159

Статья представляет собой конспект весьма интересной концепции русской истории, изложение которой содержится в известной работе автора «Некоторые проблемы русской консервативной мысли XV-XVIII столетий», ходившей в Самиздате с необычным подзаголовком «диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, Москва, 1973». Ряд связанных с этой концепцией вопросов отражен и во многих других работах автора (например, «Третий путь», Самиздат).

Несмотря на все византийские и татарские влияния, Россия вступила тем не менее в середине XV века на путь нормального европейского («абсолютистского» в моих терминах) политического развития, прерванного столетие спустя первой опричной «революцией сверху». И эта абсолютистская традиция была так в ней сильна, что даже пережив кардинальную политическую метаморфозу, Россия не превратилась в восточную деспотию. Вместо этого она положила начало принципиально новому типу политической организации, которую я называю автократией и которая отличалась как от деспотии (тем, что была способна к изменению и развитию своих институтов), так и от европейского абсолютизма (тем, что развивалась не поступательно, а циклически, каждый раз воспроизводя на новом уровне сложности свою опричную революцию – «Звездный час автократии», свое смутное время и свою эпоху стабилизации и деградации – «Псевдоабсолютизм». Следует пояснить, что абсолютизм, не признавая политических и даже юридических ограничений, признавал (часто неписаные) экономические и культурные – лежащие в подсознании. – Автократии приходилось (для устранения этих ограничений) устраивать «культурные революции». Автократия была много раз на грани крушения.

Циклы Янова

	Звездный час	Смутное время	Псевдореволюции
Цикл 1	1564-1584	1584-1613	1613-1689
Цикл 2	1689-1725	1725-1730	1730-1796
Цикл 3	1796-1801	1801-1811	1811-1825
Цикл 4	1825-1855	1855-1863	1863-1881
Цикл 5	1881-1894	1895-1908	1908-1917
Цикл 6	1917-1921	1921-1927	1927-1929
Цикл 7	1929-1953	1953-1964	1964- ?

Непосредственная тема статьи – Павловский «звездный час», приводятся панические высказывания Николая Панина и других екатерининских вельмож. «Вот какие тузы дрожали и гибли, однако разве не они сами поддерживали эту систему правительственного гангстеризма? Меньше всего думали они о несчастной стране, из которой сами же и устроили пустыню, где гложет любой глас вопиющего. Кто же мог спасти их, если ни у кого нет спасения в стране произвола? Если никому не дано избежать кары в опричном государстве, когда воскресает в нем Грозный?»

Жутковатое предупреждение. Услышит ли его кто-нибудь?

7/8A11. АНДРЕЙ МОСКОВИТ (ИГОРЬ ЕФИМОВ¹). **Метаполитика**, «Страткона Пабблишинг Компани», 1973, 249 стр., библи. 79

Самый первый параграф книги назван «Политика – предмет страсти или предмет науки», и на книгу как на предмет страсти (т. е. как на «руководство к действию») уже написана рецензия: см. 1B10. Я хочу прорецензировать книгу как книгу о предмете науки. Вот несколько цитат.

«Культура исторического исследования далеко обогнала культуру политического теоретизирования² <...> Спросите историков о знаменитых битвах – они твердо назовут вам дату и численность сражавшихся; но никакого единодушного ответа не дадут вам теоретики на вопросы:

Почему воинственные персы захватывают в несколько лет гигантскую территорию, в том числе процветающий Вавилон, а потом ломают себе шею на маленькой Греции?

Почему Испания, покорившая полмира, ничего не может поделать со своими Нидерландскими провинциями?

Как крохотная Венецианская республика (200 тысяч граждан) решается нападать на двадцатимиллионную Турцию?

Почему Великий Новгород успешно отбивается от шведов, немцев, суздальцев, монголов, а потом терпит поражение от вдесятеро меньшего московского войска?

В чем секрет долголетия и прочности огромных многонациональных империй – Римской, Византийской, Китайской, Русской?

Почему другие империи – арабская, монгольская, испанская, английская – развалились в относительно короткий срок?

Чем объяснить небывалый расцвет культуры в Древней Греции, в средневековой Италии, в Германии XVIII века? экономический подъем Соединенных Штатов? упадок и обнищание Индии?»

«Неужели лишь по воле случая в Афинах гении рождались один за другим, а в соседней Спарте как назло – ни одного? Неужели только игра судьбы собрала в Древнем Риме второго века по Р.Х. Тацита, Лукиана, Ювенала, Плутарха, Марка Аврелия, Эпиктета, Светония, Птоломея, Галена, а третий век так обделила, что и вспомнить некого? Можно ли объяснить капризами

¹Прим. ред. 2001 г. Книга вышла под псевдонимом. Рецензия для «Сумы» написана после эмиграции автора и псевдоним можно было раскрыть

²Я бы выразился резче. При поразительно высоком уровне фактического исследования советские историки находятся на нулевом уровне логического мышления. Это бросается в глаза, когда сопоставляешь Клибанова, Лурье, Нечкину, Погребинского, Скрынникова, Черепнина, Шацилло с Блоком, Гумилевым, Московитом, Померанцем, Спекторским, Яновым.

генов то, что Испания начала 1600-х годов дала миру Сервантеса, Каведо, Лопе де Вега, Веласкеса, Кальдерона, Рибера, Тирсо де Молино, а потом за триста лет – одного Гойю? Или что культурная русская жизнь, до этого столь плодоносная, по чистой случайности так резко оборвалась в начале тридцатых годов нашего столетия? Для нахождения ответов автор вводит понятие «я-могу», т. е. некоторое представление о социальной свободе поступков человека. Он выделяет как первостепенные четыре функции социума «Мы» в терминологии автора: трудовая, распорядительная, управленческая и миропостигающая. И вот применительно к первой из них предлагается такая четкая классификация:

«Непосредственному участнику трудового процесса можно предоставить, или, наоборот, отнять у него три важнейших “я-могу”:

1. я-могу распорядиться плодами своего труда
2. я-могу распорядится собой (иду и работаю, где хочу)
3. я-могу владеть средствами производства.

Рабом мы впредь договоримся называть человека с нулевой степенью свободы, т. е. лишенного всех трех я-могу. В этом случае под определение раба попадут не только рудокопы Лаврийских рудников (Древняя Греция), но индейцы в испанских колониях, негры-невольники на американских плантациях, русские крепостные, иностранные рабочие в фашистской Германии, зеки в сталинской России.

Человека, прикрепленного к рабочему месту, но обладающего правом на какую-то долю продукта своего труда (за вычетом определенного оброка) будем называть сервом. В таком положении находились древнеримский колон, древнеегипетский феллах-общинник, спартанский илот, византийский парик, английский виллан, итальянский анцилла, новгородский половник, колхозник сталинской поры.

Наемный – это тот, кто обладает уже двумя степенями свободы, двумя я-могу: я-могу распоряжаться продуктом своего труда (сколько заработал) и собой (свобода переезда, перемены работы). Исторические примеры – операриос в Древнем Риме, сельский рабочий эпохи Уота Тайлера, батрак, поденщик ремесленник и городской рабочий всех времен.

Наконец, самостоятельный хозяин может распоряжаться не только собой и продуктами своего труда, но и владеть средствами производства. Так обстояло дело с римским крестьянином при республике, английским йоменом, испанским хуньерос, русским

казаком, финским хуторянином, американским фермером, мелким ремесленником в любой стране.

Естественно, приведенная схема не исчерпывает всех известных нам вариантов <...> Но со всеми этими оговорками удобство подобной разбивки на категории представляется мне очевидным. Зная, какой процент непосредственных производителей обладал нулевой степенью свободы, какой – одной, двумя, тремя, – мы получаем возможность описать состояние трудового класса в любом Мы в любой момент истории. Мы получаем возможность сравнивать их между собой, обходя терминологическую путаницу.

<...> Пусть мы не знаем, во сколько раз возросла продуктивность сельского хозяйства в Вавилоне после реформ Ашшурбанипала, возродившего в VII в. до Р.Х. класс свободных землевладельцев (Белявский В.А. «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», 1971), в Испании после пожалований короля Альфонса IX, Леонского (Альтамира-Кревса «История Испании», 1951), в Англии после вытеснения вилланов свободными йоменами, в псковской республике после отмены холопства, во Франции после Великой революции, уничтожившей крепостное право. Но мы знаем, что Вавилон через каких-нибудь пятьдесят лет сбрасывает ассирийское иго и становится богатым и могущественнейшим государством тогдашнего мира. Что в Испании именно в XIII в. реконкиста начинает делать заметные успехи, а государство богатает, несмотря на мятежи и смуты. Что Англия времен Столетней войны из далекой окраины цивилизованного мира превращается в полноправного участника европейской политической и хозяйственной жизни с огромными ресурсами и блистательным будущим. Что крошечному Пскову оказывается по силам отстаивать свою независимость от Ливонии, Польши, Новгорода, Москвы и привлекать на свои ярмарки сотни богатых купцов. Что после-революционная Франция может вступить в военное и экономическое соперничество со всем остальным миром. <...>

Чем шире социальное я-могу человека, тем больше энергии вкладывает он в свой труд, но тем труднее центральной власти пользоваться результатами его труда для своих нужд; чем уже я-могу, тем меньше продукт, но тем проще его присвоение.

Таким же свежим взглядом рассматриваются и другие из вышперечисленных функций; вот, например, о распорядительной:

«Всякий человек, обладающий правом решать, что, из чего, в каком количестве следует производить, а затем – кому, когда, по какой цене продавать, оказывается тем самым причастным исполнению распорядительной функции <...> две принципиально отличные категории:

1. Я-могу распорядителя целиком отнесено к должности, посту, занимаемому человеком, может быть отнято у него центральной властью и предоставлено другому, – служебное я-могу.
2. Я-могу распорядителя целиком отнесено к личности, право собственности строго охраняется, даже центральная власть не смеет покушаться на то, чем владеет человек, – частнособственническое я-могу».

Приводятся обильные примеры тому, что богатство и мощь государств неизменно связаны с торжеством принципа неприкосновенности социального я-могу каждого гражданина, но совершенно честно и красочно признается:

«Все примеры стремительного взлета на вершины славы и процветания, приведенные здесь, – все они верны. Но ни слова не сказано о том, чем пришлось платить за такой взлет. Платить же пришлось в итоге тяжелой и, в конечном итоге, смертельно опасной ценой – гигантской пропастью социального неравенства, раскалывавшей все общество на непримиримые партии».

«Чудовищная централизация власти при Иване Грозном шла рука об руку с низведением всех социальных я-могу до минимума. Частная собственность была настолько небезопасна, что <...> разорение и ослабление страны было полным <...> Льготы купцам и промышленникам, закрепление за помещиками права собственности на землю, указ о вольности дворянской, упорядочение прав мещанского сословия, наконец, освобождение крестьян – все это позволило России в конце XIX века догнать цивилизованный мир по уровню культуры, богатства, военной мощи. Но неизменное следствие расширения сферы частнособственнического распорядительства – бездна социального неравенства – подкарауливало человечески незрелое Мы, и на “въезде” в индустриальную эру русскую “птицу-тройку” тряхнуло в 1905-1930 годах с такой силой, что распорядитель-собственник был растоптан, смят, уничтожен, и сама мысль о возможности его возврата объявлена преступлением».

Под уровнем свободы автор (в первом приближении) понимает число тех статей Декларации Прав Человека (1948), которые фактически выполняются в данном обществе в рассматриваемое время. Тогда:

«Боевой дух любого Мы, его моральный военный потенциал прямо пропорционален сумме всех социальных я-могу, социальному мы-можем, уровню свободы <...> но исход войны будет зависеть не от абсолютных размеров мы-можем, а от той доли его, которую народ сумеет высвободить, пожертвовав на борьбу».

Рецензент надеется, что хватит цитат – по приведенным отрывкам можно составить себе отчетливое представление и о предмете рассуждения автора, и о методах его аргументации, и даже о его политических симпатиях-антипатиях. Дать же полное представление не входит в задачу рецензии, для этого читайте книгу сами. А прочесть ее стоит. Не просто прочесть, но и проштудировать на семинарах, разрешить множество частных задач, поставленных автором похода. Проверить его терминологию и модели на других актуальных примерах. Ведь книга эта – хотя и изданная ротaпpинтно (тем скверным компьютерным шрифтом, на который недавно перешло издание «Докладов Академии Наук СССР») и получившая хождение лишь в ничтожном числе экземпляров, – закладывает фундамент научного видения исторического процесса в аспекте циклически-поступательного процесса становления и организации человеческого общества.

Примерно сто последних лет социологии прошло под знаком марксизма. Конечно, в последние пятьдесят лет преобладание марксистских схем, моделей, терминологии главным образом обусловлено предоставлением мощной финансовой поддержки соответствующим издательствам на Западе и рядами колючей проволоки на Востоке. Но есть и внутренние причины живучести марксистских шаблонов. Рискую снова пробудить ругательный гнев Максимова, констатирую, что «марксизм (социализм) является итогом одной из линий многовекового развития общественной жизни человечества». Конечно, на взгляд истинного ученого, в марксизме почти нет никакой научности. Но в той мере, в какой можно употреблять термины вроде «Кристчен Сайенс» (а это – широкое мировое движение), марксизм вполне наукообразен. Главное – он удовлетворяет могучей потребности ¹ неспециалиста в десятке-другом терминов, которые были бы просто (логично) увязаны друг с другом и с помощью которых можно было бы легко раскладывать по полочкам школьные и популярные сведения из истории и социологии. Не просто укладывать, но так, чтобы они лежали, всегда готовые к применению – для обоснования социально- и политически-значимых действий (своих или других). И тут марксизм не имел себе равных. Ни один критик марксизма не дал удобной «альтернативы», как выражаются.

Московит же (не занимаясь критикой) дает эту альтернативу. Не знаю, сознает ли это он сам, намеревался ли это сде-

¹ «Миропостигающей потребности» в терминах Московита; другие авторы употребили бы термин «духовно», «религиозной» или тому подобный.

лать, но я ясно усмотрел в его сочинении именно такую альтернативу или как минимум готовую базу для нее. Даже сочетание «страсти» и «науки» (раздражающее академического учебного) дозировано почти как у Маркса. Ведь, в самом деле, Маркс учил, что имелись общественно-экономические формации (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая), а последовательный переход общества (человечества) из одной формации в другую по ступенькам являет собой основное содержание всемирной истории; мотором такого перехода – возвышения служит классовая борьба. Из-за примитивизма этой схемы ею уже никого мыслящего невозможно купить, но где же ей альтернатива?! И Московит (в гораздо лучшем согласии с фактическими данными истории) дает другую удобную схему: содержанием истории были переходы¹ от охотничье-родового устройства к скотоводческо-племенному, оседло-земледельческому и, наконец, государственно-индустриальному устройствам, причем каждый раз возрастает «я-могу» личности за счет нахождения иного социального уклада (в формах уклада внутри одного устройства царит известная цикличность), за счет того, что самое насущное не даруется нам больше природой, не добывается собственным трудом, но почти целиком мы получаем его из рук *других людей*. И вот это стремление ко все большему расширению личного «я-могу», сопрягаемое с готовностью («зрелость») принять соответствующие табу и ограничения со стороны общества («Мы»), лежит в основе историко-политической динамики. Возникающие устройства, точнее, уклады внутри них, разнятся друг от друга значениями соответствующих «параметров» – социальных функций (см. таблицу ниже), как «векторы» у Эшби («Введение в кибернетику»).

Мне эта схема очень нравится, ну хотя бы тем, что в ней человек не предстает, как в Марксовой, «пересечением производственных отношений», а является исходным атомом концепции. Мне эта схема нравится, так как она лучше согласуется с известными мне фактами. Она использует аналогии, но не вырождается до таких упрощений (кибернетических и биологических), как, например, в «Инерции страха» Турчина. Это – рабочая концепция, которая вполне может быть оплодотворена совместным использованием ее рядом историков, социологов и политиков. Я призываю

¹ Автор, между прочим, пишет: «Феодализм (так же как и рабовладение) – отнюдь не формация, а определенное состояние общества, наступающее в тот момент, когда принцип повиновения человека человеку полностью вытесняет принцип повиновения закону».

к такому пользованию концепций Московита, к употреблению ее терминологии. Было бы интересно организовать конференцию по темам этой книги. Было бы очень полезно, если бы конкретно-исторические исследования указывали бы место изучаемого общества в изучаемое время в «диаграмме Московита».

Л.П.Нестор

Диаграмма Московита

Труд	Распоряжение	Управление
0 свободы	Служебный принцип	единовластие
1 свободы		
2 свободы	Частнособственнический принцип	аристократич. денежная олигархия
3 свободы		партийная теократическая
		Корпоративный принцип

Число выполняемых статей Декларации Прав (от 0 до 27)

7/8A12. ЛУИС ФИШЕР. **Жизнь Ленина.** Перевод О.Ренана с английского издания (Лондон, 1964). 1970. 980 стр., 52 главы с приложением, но без указателей

В двадцатые годы автор был близок некоторым второстепенным советским вождям, написал несколько книг о советской внешней политике и стоит на умеренно социал-демократических позициях. Книга не дает цельного представления о Ленине, а отдельные аспекты его деятельности оцениваются так:

«Самой адской трудностью взятой им на себя работы была необходимость подавлять в себе человечность и воспитать способность “бить по головкам”. Он надел ежовые рукавицы, чтобы скрыть мягкость своей руки, и вытравил последние остатки мягкости из своего характера, чтобы она не могла помешать исполнению долга. Чтобы ограничить других, он ограничил себя. Он продал душу своему идолу – революции – и целиком повиновался ее жестокому диктату».

«Как анархисты “пропускали настоящее для будущего”, так Ленин, а потом ленинисты, забывали о будущем ради настоящего. Они пожали урожай лжи, смерти и безумной жажды власти».

«Ленин был пленником русской истории, никогда не знавшей постепенности, знавшей только реформы сверху или революции снизу».

«Ленин спас Маркса, а потом поставил его вверх ногами».

«Будь у большевиков другое руководство, они могли бы создать единый фронт с меньшевиками и эсерами и до революции, и после нее, обеспечив себе, таким образом, более широкую поддержку и избежав необходимости прибегать к массовому террору».

«Советская бюрократия самодержавна, Советская система намеренно не предусматривает независимого законодательства. Законодатели и исполнители – одно, и они держат в подчинении суд и юстицию. Это триединое тело, помимо всего прочего, является единственным работодателем в стране <...> арбитром образования и культуры <...> Этот монстр – порождение Ленина».

«Прежде чем первая, буржуазно-демократическая революция прошла до половины предназначенного ей пути, Ленин начал вторую революцию, антибуржуазную и антидемократическую. Этим он испортил обе революции, и в этом его историческая ошибка».

Автор цитирует следующие слова самого Ленина: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому. <...> Монополия есть вежливое предупреждение: милые мои, придет момент, я вас буду за это вешать».

Относительно противоборства большевизму (ленинизму) автор разделяет мнение Ллойд-Джорджа времен Гражданской войны: «Вооруженное сопротивление большевизму на самом деле служит целям большевизма».

Историческая база книги скудна. Преимущественно это советские публикации воспоминаний о Ленине (в редких случаях прослеженные до первопубликаций; автор отчетливо понимает фальсификаторский характер официальных публикаций), собрание сочинений Ленина (автор уделяет львиную долю внимания тому, что писал Ленин, воспринимая это как то, что *думал* Ленин), примечания ко II-III изданиям. Осталась незамеченной автором такая фундаментальная работа, как воспоминания В.М.Чернова о Ленине, и тем самым игнорируется точнейшее описание Ленина как «несравненного мастера политических фехтований» (ср. у Пастернака: «Он был, как выпад на рапире»). Не использовано и мнение Троцкого, что «ленинизм подобен мышечному чувству в политике». Не замечены и воспоминания А.Д.Нагловского, где убедительно показано, что никаких способностей *государственного* деятеля у Ленина не было.

В тех двух-трех случаях, когда автор подвергает источники подробному детективному анализу (в презумпции умышленной неполноты – фальсификации официальных публикаций), труд его обильно вознаграждается. Так, он блестяще доказал, что «[д]ед матери Л. был немецкий купец Иоганн-Готтлиб Гросскопф, женившийся на шведке, Анне-Беате Эрштедт; их дочь, Анна Гросскопф, была бабкой Л. по матери <...> молчание окутывает этническое происхождение доктора Александра Дмитриевича Бланка, деда Л. по материнской линии. Некоторые считают, что он был еврей. <...> Дедом Л. с отцовской стороны был Николай Васильевич Ульянов, <...> когда ему было за 50, он, русский по национальности, женился на Анне Александровне Смирновой, неграмотной дочери калмыка. Эти вполне достоверные факты в громадной советской литературе о великом вожде никогда не приводятся».

Не менее убедительно (хотя и в крайне сдержанных терминах) доказано, что Инесса Арманд (точнее – Инесса-Елизавета Теодоровна Стефан, уроженка Парижа и французских родителей) была любовницей Ленина. Однако почему-то автор убеждает, будто других (кроме Крупской) любовей у Ленина не было. Привлечение документов германского архива и данных личных разговоров автора с Чичериным и Караханом позволяет ему доказать сногшибательный факт: в марте 1918 Ленин и Троцкий приглашали англичан в Мурманск, а немцев в Финляндию для того, чтобы сшибить их между собой и тем самым ослабить обоих своих «империалистических врагов». Любопытно наблюдение автора, что наиболее важные и близкие ему мысли Ленин предпочтительно выражал на немецком языке (что роднит его с Александром III и Николаем II). Но такие находки редки. Преимущественно автор занят идеологическим анализом писаний и речений Ленина, порой сопоставляя их с внешней и внутренней политикой СССР до 1964 года. Поэтому он допускает такие неточности, как, например, утверждение, будто Ленин никогда не читал работ Ткачева (во фразе, отмечающей духовное родство Ткачева и Ленина), тогда как на самом деле Ленин тщательно изучал все писания Ткачева и даже посадил специального человека в Женеве (в пору эмиграции) с задачей разыскивать все, написанное Ткачевым, и собирать в большевистскую библиотеку. Питает автор также странное (хотя разделяемое многими авторами) доверие к сочинениям Троцкого, изображая последнего (на основе его автопортрета) таким прямолинейным прямодушным доктринером, далеким от аппаратно-интрижной борьбы. На самом деле Троцкий создал себе мощный канцелярско-референтский аппарат задолго до Ста-

лина и даже Ленина. Автор мог бы задуматься над этим, ибо сам упоминает, что в сентябре 1918 Ленину пришлось пользоваться услугами стенографа Троцкого. Совершенно не подвергает автор детективному анализу источники, сообщающие о болезни Ленина. Поэтому диагноз остается невысказанным. По буквальному тексту книги получается, будто Ленин умер оттого, что головные боли у него привели к параличу. А между тем сравнительный анализ разных изданий «Истории ВКП(б)» Ярославского (не говоря о других источниках) привел бы к диагнозу «прогрессивный паралич» и ссылкам на «наследственность со стороны отца». Вместо этого автор пишет:

«Все реакции на сифилис оказались отрицательными» (без ссылок, откуда это; само слово «сифилис» ранее в тексте не упоминалось). «Тем не менее была снаряжена целая медицинская экспедиция в Астрахань, откуда родом были предки Ленина с отцовской стороны, чтобы проверить подозрения о наследственном сифилисе. “Такую старую грязь разворошили, что и вспоминать нет охоты”, — рассказывал Рыков своему свойственнику Б.Николаевскому».

К слову, согласно Советской медицинской энциклопедии, сифилис наследственно передается только по материнской линии, поэтому ссылки на отцовскую линию были дезинформацией в духе медицинских представлений конца XIX – начала XX века; на эту удочку попался С.Спекторский.

Перечень неточностей и оставленных без внимания улик можно длить до сотен. Заслуживает внимания: целая глава книги посвящена анархизму на базе воспоминаний Нестора Махно (1936) о встрече с Лениным в 1918 году Но в «Биографической хронике Ленина» нет упоминаний про эту встречу. Что это: хвастовство Махно или цензурная купюра?

Общая оценка книги может быть выражена одним словом: *устаревшая*. Прочитать ее году в 1940-50 было бы крайне полезно, она оздоровила бы мышление; расшатав и некоторые мифы (см. РЖ Сумма ЗБ4) или «второй-третий уровень сознания» (там же, ЗБ3). Но после «Ленина в Цюрихе» читать ее бессмысленно, разве только тем, кто не поверил сделанному Солженицыным портрету.

7/8A13. М.РЕЙМАН. Бухарин и альтернативы советского развития. Синтаксис, 8, 1980, 26-48

Автор считает, что учет более чем столетнего опыта положительного воздействия рабочего и социалистического движения на общество более оправдан, чем простое отрицание всякого положительного содержания в социализме.

Бухарин относится к числу привлекательных персонажей – он образован и знает толк в теории, доступен, отзывчив, темпераментен; он главный теоретик НЭПа (такова легенда). Автор считает, что говорун-Бухарин заслонил собой главных деятелей НЭПа, сравнивает его с А.И.Рыковым. Последний был другом эсеров и меньшевиков, выступал против однородного большевистского правительства, пришел именно с НЭПом как главный его организатор. Его доклады конкретны, необычайно откровенны, демонстрируют глубокое знание и живость мысли (а доклады Бухарина – сегодня – схоластичны и нудны). Рыков применял насилие и жестокость, но высказывался за расширение самостоятельности и не скрывал свою неприязнь к насильственным методам (у него нет позорных провалов вроде выступления Бухарина в защиту чекистов, избивших заключенных), пытался противостоять шахтинскому делу. Рыкову лишь не хватало уверенности, и он слишком заботился о «единстве партии».

Существенно, что НЭП не решал проблем советской экономики, не сумел добиться подъема с одновременной гарантией социальных и политических прав. Уже в 26-27 году СССР начал сползать в жестокий экономический кризис, который и взорвал НЭП. Рыков и Бухарин не сумели уравновесить потребности общества и средства их удовлетворения. Поражение советской умеренной политики не случайно, оно следствие утопизма этой политики. Да и «возможно ли осуществлять демократические принципы на базе союза со сталинистами?»

С.Ободов

7/8A14. Н.ХРУЩЕВ. Воспоминания. Избранные отрывки. 1979, 303 стр. Книга 2, 1981, 288 стр.

Загадочно происхождение и судьба мемуаров Хрущева: вроде бы наговоренные самим Хрущевым на магнитофон (порой кажется, что он прямо отвечает на вопросы неведомого собеседника-интервьюера), они неясными каналами попали в США, где на машинке изготовлена буквальная запись магнитофонной речи, а с записи изданы приглаженные, переведенные литературным

языком, отредактированные и отцензурированные (кем?) куски под названием <нрзб.>. Чалидзе пишет: «Мои многократные попытки способствовать полному русскому изданию этих ценнейших материалов натолкнулись на неизвестно от кого исходящий запрет».

Самому Чалидзе было запрещено делать выписки из упомянутой машинописной копии, хотя разрешено было наговаривать на магнитофон все свои слова. Он воспользовался этим, надиктовал на магнитофон весь текст записи и издал в 1979 году часть «Воспоминаний»; увидев, что браконьерство сошло гладко, в 1981 году издал еще часть; будем надеяться, что его пиратские действия приведут к полному изданию. (К слову, этим поступком Чалидзе развеивает миф, будто правозащитники находятся в плену юридических иллюзий, далеки от жизни и заинтересованы лишь в никому не нужной букве закона. Напомним, что еще в 1970 году в Калуге во время большой правозащитной демонстрации в защиту Р.И.Пименова В.Н.Чалидзе говорил В.А.Пименовой: «А всего-то что здесь нужно – только тройка горячих грузинских коней...». И именно он озаботился о портативном радиопередатчике из зала суда.)

Самая большая ценность рецензируемых мемуаров – это их девственно нетронутый стиль речений Хрущева, точно воспроизводящий склеенность его мышления. Вот репрезентативный образец:

«Теперь, значит, Литва, Латвия, Эстония. Это было уже позже, это были уже проведены соответствующие мероприятия. И я, так сказать, в подробностях, кроме газетных, или, так сказать, на основе бесед, которые я имел, когда приезжал в Москву, со Сталиным, значит. Ну, эти беседы были... они тоже такого характера... носили, так сказать, радости, что ли, что мы, значит, вот имели возможности, что эти литовцы, латыши, эстонцы опять, значит, будут входить в состав советского государства, значит <...> И мы еще, я считаю, эта радость была обоснованной, потому что очень длинная береговая линия стала советской».

Все. Больше из его воспоминаний информации вы не получите: ни кто управлял прибалтийскими республиками до 1939 года, ни какие акции – публичные или законспирированные – были проведены в 1939-40, ни на основе каких явных и тайных соглашений, ни кто был послан туда наместниками, ни какова была роль местных и московских национальных компартий, ни роль-судьба прибалтийских евреев или немцев в событиях, ни депортация коренного населения, ни участь советского флота и советской сухопутной армии, выведенных на эту «очень длинную береговую

линию», – ни про что это он не говорит, да скорее всего и не думал никогда этот член Политбюро ЦК ВКП(б)-КПСС с 1938 по 1964 годы. Или еще образчик его юридического мышления: «Это было анонимное заявление, значит. Или заявление с подписями. Но анонимное, так сказать. По своему характеру».

Что тужится выговорить этот бывший секретарь ЦК? «Улица корчится, безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать». Но это уже не улица, это бывший премьер-министр, от воли которого зависели и Пастернак, и Эрнст Неизвестный, и Капица, и Лысенко, и Эренбург, и Солженицын. Не то страшно, что он в своих мемуарах явно путает Неизвестного с Евтушенко (пишет, будто после встречи в Манеже Неизвестный прислал ему покаянное письмо), что безбожно врет («я дал личное разрешение Пастернаку съездить за Нобелевской премией и вернуться, а он сам не захотел», – тогда как на самом деле Хрущев предложил Пастернаку «убираться в свой капиталистический рай», а эмигрировать тот не пожелал. Страшно видеть, что управляло нами ничтожество, не умеющее ничего запомнить, не умеющее ничего понять, не могущее ничего поведать. Страшно думать: ведь он *так* же разговаривал и в 1938 и в 1950 и в 1962 годах (по мемуарам видно, что он отнюдь не впал в старческий маразм). Как же с ним общались? Как они общаются? Есть ряд третьестепенных подробностей, преимущественно анекдотического характера. Вот Хрущев восторгается, как Сталин надул Гитлера: по договору Сталин обязался напасть на Польшу одновременно с Гитлером, 1 сентября 1939, а оттянул нападение до 17 сентября, так что слава агрессора досталась одному Гитлеру. Очень высоко оценивает Хрущев это «дипломатическое достижение» Сталина. Но и Гитлер уел Сталина: когда в войне с Финляндией советская подводная лодка не сумела потопить безоружный финский транспорт, Гитлер ехидно предложил Сталину помощь: мы-де за вас и для вас будем топить финнов и суда, идущие к финнам! Сталин отклонил. Но – по Хрущеву – именно поражение и вопиющая слабость советской армии в финскую войну побудили Гитлера напасть на СССР, чего поначалу он не собирался делать: просто грех был упустить такой беззащитный кусочек. Скорее всего, это домыслы-анекдоты, циркулирующие в цекистски-политбюрошных кругах, но эффектные анекдоты. Кстати, если верить Хрущеву, то почту, адресованную в Политбюро, не рассылали всем членам Политбюро; договор Риббентропа со Сталиным ни разу не обсуждали не то что в ЦК, но даже и в Политбюро; члены узнали про него, вернувшись с охоты. Но неясно, чему можно верить, чему нет. Вопреки утверждению Авторханова (ЗА14), будто бы XIX съезд

был задуман и проведен Маленковым против воли Сталина, Хрущев определенно говорит, что именно Сталин назначил XIX съезд неожиданно для всех; что Сталин зачитал список членов будущего Политбюро, неведомый ни Хрущеву, ни Маленкову, ни Берии, ни Молотову. Вопреки С.Спекторскому («Происхождение современной власти»), будто бы к 1952-53-му Маленков и Берия были врагами, Хрущев отмечает трогательное единодушие, в котором поступали Маленков и Берия как раз в те месяцы. Впрочем, он отмечает и показную любезность, с какой стал относиться к нему Берия с момента смерти Сталина. Есть и вовсе необъяснимые противоречия: в русском тексте Хрущев говорит, будто Ворошилов был весной 1953-го года за арест Берии, а в английском варианте – будто Ворошилов был против ареста. Крайне много внимания уделяет Хрущев своей дерзостной полемике со Сталиным в 1946-47-ом годах, когда Сталин требовал от Украины выполнения и перевыполнения госхлебозаготовок, а Хрущев, напротив, требовал, чтобы Москва оказала хлебную помощь умирающей с голода Украине (голод, ели-де людей). Из-за этого Хрущев был даже примерно на полгода снят с должности I секретаря Украины. Но почему после такого гнева Сталина на него он возвысился до I секретаря Москвы и секретаря ЦК – он не объясняет. Есть эпизоды, взывающие к вечным категориям добра и зла. Вот врач И.Н.Виноградов в конце 1952-ом старательно, любовно, профессионально осматривает Хрущева; тот тронут заботой и добросовестностью и думает: а он и не знает, что его завтра арестуют по липовому доносу как врача-вредителя и, конечно, пристрелят, – а я знаю. Или еврей-украинцы стоят в очереди в немецкое бюро репатриации в Польшу, а Хрущев думает: стоят в очереди к гестаповцам. «Они-то этого не знали, конечно, но мы знали». Есть множество и совсем мелких сведений: когда за кем была замужем Светлана Аллилуева или дочь Маленкова Ольга, почему на Капицу рассердился Сталин, кто был Бандера или Власов. Но в целом информативная ценность сведений, сообщаемых книгой, ничтожна. Ценность представляет лишь первобытный стиль, который так красочно расшифрован Э.Неизвестным в «Мой диалог с Хрущевым».

ОГЛАВЛЕНИЕ: Книга 1: Никита Хрущев о своих воспоминаниях. Предвоенные события: Присоединение Прибалтики; Война с Финляндией, Договор с Гитлером. О начале войны. События в Польше: Варшавское восстание. Выборы в Польше, о Гомулке, Хлебные поставки в Польшу. О помощи союзников. Корейская война. О XIX съезде партии. Дело врачей. Смерть Сталина. Арест Берии. О Берлинской стене. О ракетном вооружении. Об инци-

денте на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. О подготовке поездки в США. Карибский кризис. О Крупской. О Сталине. О семье Сталина. О генерале Власове. О Мао-Цзе-Дуне. Об ученых. Об оппозиционных настроениях. Власть и творческая интеллигенция. «Это невероятно – держать рай под замком». Книга 2: XVII съезд партии. Убийство Кирова. Репрессии против военных. Дело Кузнецова и Вознесенского. Занятие Западной Украины. Украина после войны. Отношения с Югославией. События в Венгрии 1956. О Восточной Германии.

Все заголовки даны Чалидзе. К сожалению, никаких примечаний и указателей нет.

Р.П.

7/8А15. ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Мой диалог с Хрущевым. Время и мы, 41, май 1979, стр. 170-200, с фотографиями сцен диалога

Автор – один из тех немногих, кто поведал нам о «пятом измерении» нашего общества: о духовном мире и быте управляющей нами верхушки, рассказал не домыслы, а про реальные контакты, причем изобразил выпукло, словно изваял. Диалог автора (скульптора) с Хрущевым (премьер и I секретарь) был действительно диалогом: Хрущев ругался, Неизвестный отвечал на ругань резкостями, Хрущев улавливал суть возражений и менял тональность, лексику, поведение. Евтушенко и Фурцева держали Неизвестного каждый за колено, дабы тот не кинулся выгрызть горло Хрущеву. Прочие присутствовавшие подвывали, как греческий хор в трагедии. Диалог состоялся не по замыслу: предполагалось, что Неизвестный, как и другие художники, «вызванные на Манеж» в 1962-м, верноподданнически проглотит монолог Хрущева, а он рванулся отстаивать себя и свое право творить (в этом отличие от «диалога» Солженицына с Демичевым в 1965-м, когда Солженицын «ушел в глухую защиту» по-лагерному: я-де не я и вообще ничего не видел, не слышал, не знаю, и мы сельские), чем завоевал такое уважение Хрущева, что тот не только не дал Шелепину (КГД и КНК) отправить Неизвестного «на урановые рудники», но неоднократно извинялся перед Неизвестным (в том числе в мемуарах; Неизвестный свидетельствует аутентичность хрущевских мемуаров) и даже завещал ему соорудить надгробие. Вот какими рисуются автору верха:

«Наверху же сидят люди, которые по закону естественного внутривластного отбора растеряли многие человеческие качества. Лично я их назвал “толстоязыкиными” <...> Это люди, кото-

рые ни одного интеллигентного слова не могут выговорить нормально. Это особый сленг – не украинизмы, нет – это сленг пригорода. <...> Пусть не ах как – но все-таки те министры и те референты, с которыми я общался, были относительно интеллигентны. Повторяю, ужасны не они, а верха. Дело не в том, что они – злодеи. Злодей может быть и эстетичен, и, в конце концов, Леонардо сотрудничал с Цезарем Борджиа, и для меня, человека, который себя ощущает попавшим из других эпох в наше время, самым оскорбительным было то, что мой труд оценивается и рассматривается этим воинствующим убожеством. <...>

Их борьба социально бессодержательна, но в личном плане она гигантски драматична. Петров может подсидеть Иванова только в том случае, если поймает его на “взятке”, на “бабах”, на “аморалке”, и они борются на этом кухонном уровне. Оказалось, что верхушечные люди – это мастера коммунальной квартиры, которые первые нашкодили в чайник соседу, пока тот еще не догадался. В этом они талантливы, и это исключает все их другие качества <...> Иванов, которого подсиживает Петров и иже с ним, во всем видит заговор. Не против системы как таковой, а заговор против своего личного благополучия. Любую акцию, не понятную, не управляемую ими, даже молчание, они воспринимают как враждебную. <...> Поэтому все мои стычки происходили на очень странном уровне – на уровне личной обиды функционера на мою неуправляемость».

Масса красочных подробностей, которые совершенно невозможно передать в реферате. Вот парочка:

«Как вел совещание Хрущев? Он поднялся и начал читать доклад по бумажке. Это был очень нудный идеологический доклад, с очень грозными формулировками, в которых все время присутствовало: “... не позволим, не разрешим...”. В общем, он размахивал идеологической дубинкой, но в процессе чтения доклада он вдруг оставлял бумагу и говорил сам, причем все наоборот. Это было странно и нелепо. Например, он говорил так, обращаясь ко мне: “Вот сидит и думает, что мы против культуры и интеллигенции, и хочет, чтобы мы сразу все гайки отвинтили, а у Чехова злоумышленник гайку через одну отвинчивал”. Затем брал доклад и снова читал “не позволим, не разрешим”.

<...> я опять начал ссылаться на свои европейские и мировые успехи, Хрущев сказал: “Неужели вы не понимаете, что все иностранцы – враги?” Прямо и по-римски просто!»

Описание «пятого измерения» вызывает у читателя воспоминания о смрадной атмосфере, изображенной в книгах А.А.Зиновьева, а позиция автора – Ницше с его «Не грехи ваши,

самая скудость грехов ваших вопиет к небу!». Рецензент ждет не дожидается, когда сумеет прочесть всю книгу воспоминаний Э.Неизвестного, отрывком из которой является прореферированная заметка.

Л.П.Н.

7/8А16. СЕРГЕЙ НИЛУС. Близ есть, при дверях. О том, чему не желают верить и что так близко. Типография Свято-Троицкой Сергиевской Лавры, 1917, IV издание книги «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле». 288 + VIII стр. Ксерокопия 1980

По своей эмоциональности и манере убеждать читателя книга родственна книге Емельянова «Десионизация» но значительно выигрывает в одном отношении: Емельянов, будучи атеистом и полагая христианство лишь придуманным жидомасонами средством к завоеванию мира, не в силах показать никакого «стержня» и силы, вокруг которой и посредством которой евреи овладевают-де миром. Нилус же придерживается четкой «православной» концепции: издавна ведется борьба могущественного мятежника Сатаны против Бога, ему даже обетовано краткое торжество в виде Антихриста перед окончательным триумфом Бога (в форме второго пришествия Христа); евреи же, быв некогда богоизбранным народом, отпали от служения Богу с мига распятия Христова (дана ссылка на слова Христа: «Ваш отец диавол», от Иоанна, VIII, 44; в тексте опечатка – вместо VIII написано XIII) и стали слугами и поклонниками диавола. После этого, опираясь на мощь Люцифера и исказив Библию в Торе и Талмуде, они вели тайную и явную войну против христианской церкви посредством ордена Тамплиеров, протестантской Реформации (Лютер был-де видным масоном), масонских лож, Великой французской и других революций, злодейского убийства Александра II и проч. Собственно, папско-католическую церковь они победили уже вроде бы, невзирая на энергически-отчаянные акции отдельных пап; так, например, Игнаций Лойола, основавший внешне антимасонский иезуитский, был на деле крещеным евреем (стр. 268; тут автор ссылается на 15 и 18 «Протоколов Сионских мудрецов» для доказательства, но в этих номерах – стр. 133-135, 146-148 – не упоминается ни Лойола, ни иезуиты вообще). Что до других вероисповеданий, то они отродясь дьяволопоклоннические: «Вера пророка Магомета не есть вера в Бога истинного, а вера в диавола <...> Кто же Аллах, как не дьявол?» (стр. 255-257), «Буддизм, преобразованный в ламаизм, – не что иное, как дьявольское под-

ражание и подделка под христианскую веру», «Китайцы ненавидят Бога христиан и обожают его противника, гордого бунтовщика, павшего и проклятого; ему они воздвигают алтари и приносят жертвы ему же, укрытому именем Будды или Фо», «Китай, этот стыд земного шара, был и есть вход в ад» (стр. 285-286). Такова же, конечно, эпопея воинствующей толстовщины (стр. 11), спиритизм, социализм, оккультизм и другие ухищрения жидомасонского заговора. «Но не на победоносном пути Символического Змия стояла Святая Русь Православная и Самодержавная. . .» (стр. 269). Правда, жида и в России активно завоевывают позиции и дожили мы, увы, до того, что сейчас (1915) военная цензура пропускает такие оскорбительные русскому сердцу строки: «Культурная государственность должна неизбежно признать в еврее полноправного гражданина. Это – рок истории. Этой судьбы не избежит и Россия» (стр. 92, ср. Куприна). Православие понимается автором отнюдь не в тайнотрепетном духе смирения и покаяния, не в церковно-монашеском, не в богословском, мистическом или этическом плане; для него православие это прежде всего Российская Империя:

«Исполненное величия, мира и безмятежия царствование великого миротворца и Самодержца Александра III – Россия достигла в его дни такой силы и славы, перед которой померкла вся слава остального мира. Слово державного властителя православных миллионов заставляло подчиняться ему все, что могло быть тайно враждебно России, а явно враждовавшего на Россию и на Царя ее не было: оно исчезло, скрылось в подполье глубин сатанинских и на свет Божий показываться не дерзало. <...> Россия и Помазанник Божий, ее Царь-Миротворец <...> содержали в повиновении и страхе все политические стихии мира, со времен французской революции обнаруживавшие явную склонность к анархии, т. е. безначалию» (стр. 5).

Автор толкует Апокалипсис («Откровение св. Иоанна Богослова»), прибегая к пророческим высказываниям преподобного Серафима Саровского. Впечатляет следующее пророчество – указание Серафима:

«Когда век-то кончится, сначала Антихрист станет с храмов Божиих кресты снимать и все монастыри разорит; а к вашему Дивееву подойдет-подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба: ему к вам и нельзя войти-то, нигде не допустит канавка» и примечание автора: «В Дивеевском женском монастыре, основанном пр.Серафимом при жизни еще его, по его указанию была сестрами обители выкопана глубокая канава, окружающая в монастыре то место, на котором, по заповеди Преподобного, обойдено «сто-

почками самой Царицы Небесной», и где прошли пречистые ЕЕ стопочки, там и выкопана канавка, которой не преступить поэтому самому антихристу» (стр. 54).

Любопытно, который это атеист-комиссар первый переступил сию непереступаемую канавку и какой это пьяница-бульдозерист разрывал и зарывал ее, снося и самый монастырь? Еще в 1910 году Мережковский недоумевал над этой «канавкой». Много ссылок на толкования об Антихристе от Иоанна Златоуста и Еврема Сирина до Вл.Соловьева и Льва Тихомирова (близость этих взглядов воззрениям Тихомирова, подвизавшегося в эти годы в Троицко-Сергиевой Лавре, автор подчеркивает на всем протяжении книги). В предтеч антихристового появления автор зачисляет и Е.П.Блаватскую, и Анни Безант, и Кришна-мурти, но главным образом его вычисления относительно сроков конца мира заставляют его видеть (стр. 72-78) грядущего Антихриста в мальчишке Ребих Изрольке Фридмане, что из-под Черновиц. На сроках прихода Князя мира сего стоит задержаться, ибо это единственный сравнительно нерасплывчатый материал, позволяющий оценивать достоверность пророчеств. Вот старец Амвросий из Оптиной Пустыни: «Что-то около 1882 или 1883 – точно года не упомяну – был я у старца <...> Ныне, говорит мне отец Амвросий, настоящий антихрист народился в мир (стр. 57; там же сказано, что от рождения до явления миру Антихриста должно пройти лет 30-35). Папа Пий (1903-1914) энцикликой утверждал, что Антихрист уже родился. Автор дает понять, что считает 1915 год (стр. 78 и др.) годом пришествия Антихриста, а великую войну 1914 года – той самой последней войной, что сопряжена приходу апокалиптического глады и мора; даже во введении карточной системы усматривает он сбывшиеся пророчество: «Никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание» (стр. 283). «Царство Сатаны наступит от 1918 по 1923 год, допуская отсрочку, <...> но не позже, однако, 1932-33 года» (стр. 283). Великий Оптинский старец Макарий в первой половине XIX века говаривал: «Ни ты, ни дети твои, ни внуки до времен Антихристовых не доживут, а правнуки твои пришествие Господа во славе узрят» (стр. 46; автор добавляет: «Не годятся ли ей в правнуки деятели и вершители судеб современной России?»). Очень важно, что царствование Антихриста будет непродолжительным: ему дадено всего три с половиной года; сие подчеркивается неоднократно самыми авторитетными ссылками. Перебирая все случившееся в мире с 1915 года, я не могу усмотреть ни в ком из известных миру деятелей никого, похожего на Антихриста, разве что зачислить в него Гитлера, а под отведенными ему тремя

годами полного владычества исчислять время проведения им в жизнь окончательного решения, которое заключалось в тотальном лишении жизни всех евреев, находившихся во власти Гитлера, и началось в конце 1940 года, а было отменено Гиммлером летом 1944. Но вряд ли такое толкование стыкуется с концепцией Сергея Нилуса.

Много любопытного содержится в этой книге. Например, рассказана легенда об Адонираме, которую он именует «святая святых масоно-еврейского лжеверия и единственным неопровержимым доказательством, прямой уликой того, что у масоно-евреев действительно есть тайна, что тайна эта заключена в религии, отец которой и бог есть диавол, и что ни масонство ни еврейство доказательства этого опровергать не станут, потому что не могут, не смеют» (стр. 213-214).

Легенда приведена и у Емельянова, но с другими сокращениями. С любопытством узнал я, что первородный грех Евы состоял не в съедении яблока, а в совокуплении ее со Змием-Люцифером, от чего родился сын Каин, тогда как Авель – от Адама. Внук Тувалкаина познал жену Хама и от их сына Хуса идет род Адонирама, который при Соломоне строил ему металлические приспособления (будучи от Сатаны властителем огня) в его дворце, но из-за любовной интриги с царицей Савской был по наущению Соломона тайком убит негодяями. Интересно. Могло бы вдохновить Лермонтова, Байрона или Сологуба на поэму. Но при чем тут масоны? И уж еврей-то, проклинаящие и Каина, и Хама, чтущие и славящие Соломона, – они как притянуты к сей «единственной улике»? Да никак! Помещены тут и «Протоколы Сионских мудрецов». Прежде всего, по самому тексту, никакие это не протоколы (написаны в первом лице единственного числа и не содержат никаких помет о наличии других лиц, чужих реплик, факте собрания, председателем, секретарей, дат, утверждения протоколов предыдущего заседания в последующем заседании и т.п. протокольных реквизитов), а максимум это текст предполагавшейся речи одного сионского мудреца. По отдельным особенностям лексики, форме имен и прочим текстологическим признакам можно думать, что это – перевод с французского, что подтверждается содержанием, где непомерно много внимания уделяется анализу французских законодательных и других государственных учреждений на предмет использования их в близком государственном перевороте. Дата этого документа определяется словами С.Нилуса (стр. 86), что они были переданы ему в 1901 году А.Н.Сухотиным, получившим их ранее от дамы («он назвал, помнится, и фамилию, да я забыл»). Известно, что во Франции

не случилось с тех пор ни одного госпереворота, по своим признакам похожего на то, что проповедуется автором т.н. «протоколов», если не считать переворота Петэна-Лавалья в 1940 году при оккупации немцами. Более того, высказывания автора текста столь глупы, что правильнее было бы назвать текст «Речь одного сионского дурака»; как в старинных трагедиях, он саморазоблачается: совершу-ка я такое-то злодеяние! Давайте совместно причиним такое-то горе миру! Мы все знаем, как великолепно сумели мы повредить миру! Я готов даже поверить, что какой-нибудь четырнадцатилетний подросток-еврей мог сочинить эту абракадабру, и по некоторым нюансам сомневаюсь, чтобы сам Нилус ее сочинил (что утверждают некоторые евреи, например Фейхтвангер). Но кто бы ни придумал этот текст – это бессвязное, бессодержательное и ни в чем не сбывшееся произведение. Мания величия (или преследования) автора видна в том, что все развитие и распространение свободомыслия и гуманизма он приписывает евреям: мы-де сумели все это сделать – с целью, разумеется, ликвидировать Православие и Самодержавие в России! Оставленные Нилусом подзаголовки к отдельным абзацам «протоколов» (колонтитулы) произвольны и редко согласуются с текстом; особенно это относится к добавляемому им термину «масонский».

Очень любопытны рассказы автора книги о большем числе разных клубов и обществ, где открыто восхваляют Люцифера и ждут его воцарения с радостью. В XIX веке, оказывается, Прудон открыто славил Сатану, а самые черные знамена анархизма суть черные знамена Ада. Тут ссылки автора приобретают конкретность – это обычно ссылки на газетные публикации того времени. Можно согласиться, что для верующей души возникновение таких обществ, провозглашение таких целей, возгласы на улицах «Слава Сатане!» – кощунственно и злое, но в условиях свободного строя всегда будет возникать не останавливаемые законом и такие идиотские клубы-союзы, которые славят Змия или Фаллос крокодила. Я читал, например, про съезд ведьм Шотландии в 1970-х годах, где они патриотически вменяют себе в заслугу заклинания, которые вызвали ветер, погубивший Великую Армаду испанскую в XVI веке и разметавший гитлеровский морской и воздушный флот в 1940; посему они требовали пенсий от правительства. Точно так же, если из общества исчезнут антисемитские писания вроде рецензируемой книги, значит, из общества исчезнет свобода печати. Вряд ли такие общества долговременны – этого вопроса Нилус не касается. С интересом читал я похвальбу еврея-министра Дизраэли-Биконсфильда (стр. 174; цитаты вроде бы из его «Конингсби», 1844):

«Бывало ли когда-нибудь в Европе сколько-нибудь заметное движение без широкого в него вмешательства с нашей стороны?»

Возьмем для примера хотя бы русскую политику, исполненную такой таинственности, что перед ней от страха бледнеет вся Западная Европа. Кто ее направляет, кто вдохновляет?

Жиды!

Теперь в Германии готовится могучая революция, подобная по существу своему Реформации. Под чьим покровом она совершается?

Опять-таки все те же жиды!

Кто захватил и монополизировал почти все профессорские кафедры в германских университетах? <...>

И вот я прибыл в Петербург и был принят русским министром финансов, графом Канкриным. Это был сын литовского еврея.

В Испании я получил аудиенцию у министра Мендизабала. Он был то же, что и я, сын еврея из Арагонской провинции.

<...> Сульц? Еврей? Несомненно еврей, как и несколько других маршалов Наполеона и во главе их Массена, который в нашей среде именуется Манассией.

Из Парижа я выехал в Берлин, где нужно было посетить одного прусского министра. И этот министр был тоже еврей.

Как видите, мир управляется совсем не теми людьми, которые видны на сцене...».

Язык произведения тяжелый, часто засыпаешь над текстом. Автор придает огромное значение обстоятельствам, по поводу которых читатель недоумевает: право, да что же этим доказывается?! Например:

«Просматривая “Домашнюю Беседу” за 1865 год, я в выпуске 39-м от 25 сентября нашел такую статью – “Жидовский Вифлеем” <...> Замечательное совпадение чисел одного и того же месяца сентября на расстоянии 40 лет – 25-е, день празднования преподобного Сергия Радонежского, моего ангела, в чьей обители ныне печатается эта книга моя» (стр. 74).

Или такое (единственное в книге) доказательство диаволовой природы Магомета. Святой Версануфий Великий, живший в конце VI – начале VII века, в видении молил Бога, которого бысть гнев велик на весь мир, помиловать мир. Бог отказался помиловать по причине множественности грехов, пребывающих в мире. И автор наш толкует: не миловать означает судить, т. е. явить второе страшное пришествие Христа, которое может случиться только после прихода антихриста. Поскольку Магомет жил от 570 до 632, а начал проповедь в 610, постольку ясно, что «во дни Магомета всему миру грозил страшный суд Господень», т. е. Ма-

гомет и о.антихриста и т.д. (стр. 256-257). Еще: для доказательств того, что евреи прибегают к прививке болезней автор пишет (стр. 125): «Отвергать это уже не стало теперь возможности: тому доказательство процесс Бутурлина. Если русский доктор за деньги был способен привить смертельный яд своему пациенту, то ясно, что еврей способнее на это во много крат».

Премиленькое умозаключение без никаких фактов, огромной доказательной силы – и характерное для сочинения! Не смущают автора и такие историко-фактические неувязки: после сожжения Тамплиеров «Синедрион оказался неуловим и неуязвим, и корень масонского зла был пересажен им из Франции в Шотландию, где под именем масонов разных наименований вступил в союз с Англией, обещав ей совместное с собою владычество над всем миром <...> возможно, тому причиной было островное положение государства достаточно сильного, чтобы служить поддержкой масоно-еврейскому заговору, а может быть, тому способствовало и племенное родство англичан с евреями» (стр. 267; до последнего даже Гитлер не дошел!)

В других же местах автор считает французскую революцию и Наполеона сильнейшим проявлением масонства. Но почему «территориальная точка опоры для воинствующего Синедриона» сразу же сделалась непримиримым врагом масонско-революционной Франции и воевала с Наполеоном (даже когда православная Россия переметывалась в союз с Наполеоном!) до его заточения – тщетно искать ответа у Нилуса... Да и у Емельянова и прочих писак на эту тему. Ничтоже сумняшеся на стр. 161 он вдруг пишет, будто Соломон еще в 929 до н.э. году измыслил «политический план мирного завоевания для Сиона вселенной <...> хитростью Символического Змия», что сразу опровергает и тезис о поклонении масонов Адонираму (врагу Соломона) и о том, будто евреи отпали из-за неприятия Христа (о чем толкует вся часть I его книги). Столь же доказательны многочисленные фотографии, приводимые по анекдоту: «У этого камня Ходжа Насреддин исцелил слепого. А кто не верит – может проверить: камень лежит до сих пор».

ОГЛАВЛЕНИЕ. От составителя. Часть I. Исполнение времен (12 глав). Часть II. Сборище сатанинское (24 «протокола» и «необходимое разъяснение» к ним. Часть III. Тайна беззакония (три главы о Сатане). Часть IV. Печать антихриста и число зверя 666. Послесловие. Приложение. Подробнейшее оглавление. Список опечаток.

7/8А17. АРК.ЛЬВОВ. Гости или древнейшие обитатели? Время и мы, 51, март 1980, 101-124.

Автор приводит ряд аргументов в пользу того, что весьма значительную часть населения Хазарии составляли евреи. Он считает, что лишь этим можно объяснить принятие иудаизма в качестве государственной религии (тем более что иудаизм не приемлет прозелитизма), что история и роль Хазарии сильно искажены. «Как могли русские шовинисты примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии, выступающей в качестве государства, почти равного по силе и политическому значению Византии и Арабскому Халифату, в то время как Русь еще только выходит на политическую арену. <...> Хазарское государство, объединявшее громадную часть нашей страны, конечно, не прошло бесследно». «Его нельзя не учитывать как важнейшее условие образования Киевской Руси».

Примечание референта. Провозглашаемое 1500-летие Киева дает все основания вспомнить, что древнейшие археологические находки на территории Киева, выявляющие, видимо, дославянский этап в истории города, включают хазарские могильники и относятся к району Жидовских Ворот, Большой Жидовской улицы, к району неоднократных еврейских погромов (между прочим, одна из первых дат в школьном учебнике русской истории – дата еврейского погрома в Киеве в 1113 году).

Ш-ин

7/8А18. Э.Орловский. Изменения в иерархии советского руководства с марта 1979 до февраля 1980. Ленинград, 1980, 2 маш. копии

В качестве критерия, определяющего место руководителя в иерархии, взяты даты публикации предвыборного выступления и объем публикации о выступлении в центральной советской печати. Расположение первых пяти руководителей в полном списке за год не изменилось: 1) Брежнев, 2) Косыгин, 3) Сулов, 4) Кириченко, 5) Громыко. Естественно, что заняли более высокие места, чем прежде, Тихонов (стал членом ПБ и перешел с 18-го места на 10-е) и Горбачев (стал кандидатом в политбюро: с 28-го места перешел на 19-е). Кроме них, улучшили свой ранг: на 5 ступеней – Рашидов (ныне – 21-е место), на 4 ступени – Кунаев (ныне – 6-е), Щербинский – 8-е и Кузнецов – 16-е; на три ступени – Машеров (13-е) и Русаков (24-е). При этом кандидат в политбюро Машеров оказался на более высоком месте, чем члены политбюро Рома-

нов и Гришин. Это может указывать на предстоящие перемены в политбюро. За истекший год выведен из руководящей группы (освобожден от обязанностей секретаря ЦК) Рябов (занимал 25-е место). Ухудшилась позиция Демичева (ныне 20-е место, переместился ниже Пономарева и Соломенцева), Соломенцева (18-е, ниже Пономарева), Долгих (26-е, ниже Шеварнадзе), Зимянина (27-е, ниже Алиева). Несколько иную картину дает подсчет округов, где тот или иной руководитель был выдвинут кандидатом в депутаты. По этому критерию (принимая во внимание лишь Ленинград и Ленинградскую область) положение Косыгина оказалось ниже Сулова, Кириленко и Тихонова, а положение члена политбюро Гришина – ниже кандидатов в ПБ и секретарей ЦК.

Э.К.

7/8А19. Э. Орловский. Заметки об избирательной кампании 1980 года. Ленинград, 1980, машинопись

Описаны некоторые характерные особенности избирательной кампании в СССР. В каждом избирательном округе баллотируется единственный кандидат. Если выдвинуты два кандидата (один, относящийся к числу высших руководителей, другой – не относящийся к их числу), то окружные предвыборные совещания обращаются с призывом к избирателям голосовать за обоих кандидатов, что по закону невозможно. Разумеется, все знают, что руководящий товарищ не будет здесь баллотироваться, а будет баллотироваться в другом округе. Но формально это становится известным лишь через несколько дней после окружных предвыборных совещаний. Подобная практика означает, что власти даже и не пытаются скрыть фиктивный характер ряда избирательных мероприятий. «Самое же главное то, что весь реальный процесс отбора кандидатов в депутаты происходит за кулисами и подробности этого механизма совершенно неизвестны». Рассмотрены изменения в формах проведения избирательных кампаний с 1937 года за период. Не позже 1946 года отменен обязательный заход избирателя в кабину для голосования и поощряется голосование без захода в кабину. Выдвижение руководителей партии стало проводиться с меньшей помпой и не столь широко, но зато приобрело явно нелогичные черты. В связи с принятием новых законов о выборах депутатов советская печать открыто признает и одобряет практику издания непубликуемых постановлений Президиума Верховного Совета, допускавших ряд отступлений от опубликованных «Положений о выборах», действовавших до 1979-80 годов. По-видимому, практика изданий таких постанов-

лений будет продолжаться, что открывает широкие возможности для произвола. Учащаются многочисленные случаи незаконного допуска к голосованию лиц, не внесенных в список избирателей, и указывается, что официальный комментарий к новому закону о выборах в местные советы народных депутатов такую практику, с некоторыми оговорками, санкционирует. А это означает, что власти сами не принимают выборы всерьез. С другой стороны, в последние годы ставятся препятствия «откреплению» избирателей (получению ими удостоверений на право голосования). А в 1980 году впервые такое удостоверение выдается лишь после записи в особую книгу не только фамилии и года рождения избирателя, но также его места работы, должности, причины отсутствия в день выборов в месте постоянного жительства и наименование места, где он будет в день выборов. Все эти сведения избиратель скрепляет своей подписью. Автор считает такую практику незаконной. Обсуждаются возможные мотивы стремления части избирателей «открепиться» и возможное влияние открепления на официально публикуемые итоги выборов. «Похоже, что руководящие органы вовсе не стремятся хотя бы сами знать правду по этому вопросу, так же как и по многим другим вопросам. (Ну например, они не знают и не хотят знать реальную стоимость картошки или турнепса)». Отмечается, что впервые избран депутатом Верховного Совета Ю.Л.Брежнев (сын Л.И.Брежнева).

Э.К.

Приложение. Данные из «Калининской правды» от 27 января 1980 г. (103 кандидата в депутаты облсовета).¹

	Члены КПСС		Члены ВЛКСМ		Беспартийные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Партийные и государственные руководители	30	нет	нет	нет	нет	нет
Директора и руководители	17	1	нет	нет	нет	нет
Рабочие	1	4	6	13	3	3
Крестьяне	1	2	1	2	3	16
Итого	49	7	7	15	6	19
Членов КПСС	56	Мужчин	62	Рабочих	30	
Членов ВЛКСМ	22	Женщин	41	Крестьян	25	
Беспартийных	25			Руководящих работников	48	
	103		103		103	

7/8А20. Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Информационный бюллетень 18 (12 августа 1979 года)

Дело В. Сичко. Сообщается о направлении на судебно-психиатрическую экспертизу Василия Сичко, арестованного вместе с отцом, Петром Сичко (оба члены Украинской Хельсинкской группы). В приложенном письме матери Василия, Стефании Сичко, отмечается, что психиатрические преследования ее сына начались после сделанного им заявления об отказе от советского гражданства.

Угроза госпитализации И. Корейши. Иван Тимофеевич КОРЕЙША – пожарник из села под Витебском. Он вступил в конфликт с председателем колхоза, за что был незаконно уволен с работы и исключен из колхоза. После этого он начал жаловаться в различные инстанции вплоть до ЦК КПСС; в конце концов был судим за тунеядство, помещен на непродолжительное время в психи-

¹ Партийные и государственные руководители областного масштаба – секретарь(и) обкома, горкомов, райкомов КПСС, зав. отд. обкома КПСС, пред. обл. и гор. исполкомов, зампред. облисполкома, нач. упр. ГБ по обл., редактор обл. газеты. Директора и руководители – дир. предприятий, пред. колхозов, нач. и пред. облуправлений, зам. пред. исполкомов, прокурор. Рабочие – рабочие, инженеры, учителя, продавцы. Крестьяне – колхозники, механизаторы, бригадиры, помбригадиры, зав. фермами.

атрическую больницу, и сейчас ему угрожают, что «если он не перестанет жаловаться, то его упрячут туда же надолго».

Дело о признании недееспособным А.Ф.Рунова. А.Ф.РУНОВ – обувщик из города Городец Горьковской обл., верующий, баптист, – собирал у себя учащихся ПТУ, с которыми вел беседы на религиозные темы; распространял листовки религиозного содержания; за это его неоднократно помещали в психиатрические больницы. Наконец местный прокурор обратился с иском о признании Рунова недееспособным и об установлении над ним опеки. Суд направил его на экспертизу.

Сообщается:

О положении Бориса Евдокимова, недавно освобожденного после 3 лет пребывания в психиатрических больницах. Евдокимов болен раком, однако ему отказывают в выезде для лечения за границу.

О положении члена рабочей комиссии Александра ПОДРАВИНЕКА, находящегося в ссылке в Якутии. Ему не дают возможности работать по специальности, подвергают другим притеснениям.

В *Приложении* привлекает внимание рассказ М.КУКОВАКИ о стационарной психиатрической экспертизе, которой он был подвергнут в институте судебной психиатрии имени Сербского. Имея опыт в «отношениях» с психиатрией, он понял, что признание его вменяемым или невменяемым никак не зависит от его поведения, от отношения к нему врачей и т.д., а заранее определено КГБ. Поэтому он позволил себе удовольствие вести себя вызывающе, отказываться разговаривать с врачами, прямо говорить им то, что он думает об их (врачей) роли и т.п. Тем не менее комиссия (на которую он даже отказался выйти) признала его вменяемым и дело было передано в суд.

Кроме того, в информационном Бюллетене 18 сообщается: госпитализация Г.ЯНЬКОВА — перевод Н.ДЕМЬЯНОВА в специализированную психиатрическую больницу — положение В.МАКЕЕВОЙ — экспертное обследование Ю.БЕЛОВА — и другие сообщения.

7/8А21. Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Информационный бюллетень 19 (октябрь 1979)

Дело Э.Арутюняна. Сообщается об аресте члена Армянской Хельсинкской группы, экономиста Эдуарда АРУТЮНЯНА, и направления его на судебно-психиатрическую экспертизу в инсти-

тут имени Сербского. Результат экспертизы к моменту выхода информационного бюллетеня 19 рабочей комиссии известен не был.

Дело А.Рунова. Упомянувшийся в предыдущем номере информационного бюллетеня Анатолий РУНОВ арестован после очередного случая распространения им листовок религиозного содержания. Против него возбуждено дело по обвинению в хулиганстве, он помещен в психиатрическую больницу для судебно-психиатрической экспертизы.

Дело С.Ермолаева. Сообщается, что психиатрическая комиссия института имени Сербского признала вменяемым Сергея ЕРМОЛАЕВА, которому ранее было предъявлено обвинение в злостном хулиганстве (был задержан вместе с Поляковым за то, что в метро они громко рассказывали анекдоты). Дело было возвращено в суд, который приговорил Ермолаева к 4, а Полякова — к 3,5 годам усиленного режима.

Сообщается:

О смерти Бориса Евдокимова. За несколько дней до смерти ОВИР все же принял у него документы, но ответа Евдокимов получить не успел. Заявление Б.Евдокимова с просьбой разрешить ему выезд и заявление его сына Р.Евдокимова по поводу отказа Минздрава в выдаче такого разрешения помещены в приложениях к информационному бюллетеню.

О задержании в Горьком психиатра-консультанта Рабочей комиссии Александра Волошановича. При обыске у него были изъяты его личные врачебные записи и книги.

Приводится письмо в Рабочую комиссию московского художника-нонконформиста Вячеслава СЫСОЕВА, в котором он пишет, что за свою творческую деятельность, а также за организацию неофициальных выставок он неоднократно подвергался различным преследованиям: обыскам, увольнениям и т.д. В последнее время Сысоеву стало известно, что «к его делу подключили психиатров», в связи с чем он опасается психиатрических репрессий.

Из других сообщений обращают на себя внимание материалы, посвященные СТЕБЕ и КОРЧАКУ. Оба в разное время выехали на Запад (один в Австралию, другой в ФРГ), оба по разным причинам добровольно вернулись в СССР. Их пути пересеклись в Днепропетровской психиатрической больнице специализированного типа.

Кроме того, в номере: госпитализация С.Маляревского — госпитализация В.Ширкова — положение В.Зайцева — положение Плахоткина — освобождение А.Шатравки — освобождение С.Галлимова — освобождение Н.Левенкова — освобождение Г.Янькова — другие сообщения.

7/8А22. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень 15, апрель-май 1981, Москва. 14 стр. Аннотация

Выпуск открывается материалами, посвященными возрождающейся Польше. 21 требование Межзаводского стачечного комитета Гданьска, первое из которых – признание свободных профсоюзов, независимых от партии и нанимателей». Конечно, жаль, что этот перевод появился в Бюллетене с опозданием на полгода (польские события отражены были в последних выпусках ИБ, начиная с 10-го, относящегося к 1980 году), но в СССР много чего появляется с опозданием, а в самиздатской периодике – тем более. Тем приятнее убедиться, что следующий материал выпуска дается весьма оперативно: перевод из «Трибуна люду» от 20 мая 1981 года. Информация эта – о беседах с Э.Герекком, а по сути – допросах его в ЦК ПОРП, проведенных согласно с планом работы нового партийного руководства по установлению ответственности прежнего руководства. Целью бесед-допросов было, кроме этого, выяснение причин и анализ кризисного состояния государственного управления, экономики, идеологической работы и моральной деградации высшего и среднего звеньев управленческой бюрократии. Сюда относится «замена действительной демократии видимостью... серьезные ошибки в кадровой политике на высшем уровне», разгул интриганства, коррупция, затягивание выплаты кредитов, приведшее к росту задолженности по отношению к платежеспособности государства, «попустительство в течение многих лет в распределении более высокого национального дохода, чем созданный, что привело к нарушению экономического равновесия». В частности, за Э.Герекком признана «серьезная личная ответственность за самоуправство в политике экономической и общественной, за игнорирование экономических законов и критических взглядов».

В этих беседах Э.Герек заявил, что его квартиру вместе с имуществом он никогда не рассматривал и не рассматривает как личную собственность... Он выразил также готовность на отказ от используемого в настоящее время имущества после получения жилья». (На отделку и оборудование этой квартиры пошли редкие материалы и квалифицированный труд за счет казны.)

Под названием «Зона отдыха» 15-й выпуск ИБ публикует очерк А.Земскова, инвалида 2-й группы, написавшего по просьбе своих союзников о непрекращающемся глумлении чекистов над заключенными. В разделе «Разные известия» мы встречаем список членов церкви адвентистов, арестованных или уже осужденных с осени 1980 по март 1981 года в Москве, Рязани, Калинин,

Тбилиси, Воронеже, Свердловске, Ленинграде (18 человек, один из них умер в тюремной больнице в городе Соликамске). Здесь же дана информация об обысках в жилищах адвентистов с августа 1980 по январь 1981 года в Москве, Ленинграде, Риге, Ташкенте, Свердловске, Куйбышеве, Херсоне, Виннице, Тирасполе, Пятигорске, Джембуле, Нижнем Тагиле, Воронеже, Мозыле, в Абхазии, Черновицкой, Закарпатской, Черкасской, Одесской, Хмельницкой областях и других местах – всего 83 обыска за 5 месяцев!

Сообщается о аресте историка Евгения АНЦУПОВА, приводятся заявления его и его родственников Генеральному прокурору. Рассказано о судьбе жителя Владивостока П.И. БОРОВИКА, публикуется его «Обращение», из которого мы узнаем, что за выход из КПСС в 1954 году КГБ и психиатры обрекли его на почти непрерывные скитания и безработицу. Боровик добровольно обследовался в течение трех месяцев в психбольнице имени Кащенко и был признан здоровым (прошлой зимой), но в его жизни почти ничего не изменилось. Помещенная в конце выпуска «Автобиография» Боровика могла бы послужить богатым материалом для многосерийного фильма, который захватил бы зрителей с первых до последних кадров – от раскулачивания семьи в 1933 году с эпизодом избиения беременной матери, убийства ребенка в утробе, до последней госпитализации Боровика, с прямой ссылкой главврача на указание КГБ, с избиением Боровика шизофреником, которому сказали санитары, что Боровик – антисоветчик, что он – Сахаров.

В *Приложении* к выпуску дано открытое письмо из Сибири христианской общины города Асино Томской области, строившей на свои средства и своим трудом церковь, которые власти принуждают ломать из-за того, что при строительстве отведенная площадь была расширена на 24 кв.метра. Тяжба общины с режимом длится 6 лет, христиан-тружеников, их близких, детей обызывают предателями, возбуждают против них население. Обращаясь к единоверцам, асинские труженики призывают: «Мы просим ваших молитв, ваших писем, обращений, мы просим вашей поддержки».

7/8A23. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень 16, июня 1981, 21 стр.

Разговор о психиатрическом терроре продолжается. Обзор, рассматривающий «только факт лишения миллионов людей их способности вне всякого суда, независимо от того, являются боль-

ными они или здоровыми. Взятие на психиатрический учет в СССР не связано никакими юридическими нормами. Достаточно звонка начальника или влиятельного сослуживца <...> И вот на вас уже заведено "дело", содержание которого является секретным только для вас самих. Поэтому вы не в состоянии оспорить его <...> Это равносильно тому, как если бы в юридической практике выносил судебное решение прокурор, основываясь на совершенно недостоверных данных, причем сам состав преступления оставался бы тайной для подсудимого; при этом не было бы дано никакого права на защиту. Итак, начиная с этого момента вы обязаны являться в психдиспансер раз в полгода. Если вы попытаете не явиться, вас могут подвергнуть насильственному приводу с милицией (с санкции психиатра, которому никакой советский закон такой санкции не дает)».

Перечисляются права, которых лишается поставленный на учет: (1) право на работу по специальности (чрезвычайно затруднительно, в частности поступление на работу учителем), (2) право на обмен жилплощади (в коммунальную квартиру), (3) право на усыновление детей, (4) право на заграничные поездки. Доходит до комизма – в Духовную Академию не могут поступать люди, поставленные на учет именно за веру в Бога («религиозная мафия»).

Предлагается разработать законодательство, допускающее, в частности, постановку на учет в психдиспансер лишь по решению суда или по собственному письменному заявлению.

Загадочный документ. Приводится с подробнейшими комментариями текст объявления о существовании в СССР «Народно-демократического союза» с филиалами во многих городах, строгой конспирацией и т.п. Публикаторы колеблются, отнести ли авторов документа к авантюристам или провокаторам.

Разные сообщения: в связи с делом М.А.Морозова, о трудностях с работой у Л.Регельсона, В.Фонченкова, о современном положении Д.Дудко.

В качестве приложения публикуется текст известного выступления Дж.Мини в Комиссии по иностранным делам Сената США, направленного против «разрядки» (спец. выпуск газеты «Фри трейд-юнион ньюз», 1.10.74).

7/8A24. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень 17, июнь-июль 1981 (13 стр. + Приложение на 22 стр.)

Советский дипломат о Франсуа Миттеране – за год до избрания (стр. 1-2). В статье рассказывается о некоторых методах советской дипломатии, описанных одним из крупных ее представителей в советской печати. Приводится также «дальновидная» оценка этим дипломатом политических перспектив Франсуа Миттерана.

Приговорен к психиатрической расправе за «преступные мысли» (стр. 3). Письмо в защиту МИХАИЛА ЗОТОВА, члена СМОТа и его рабочего корреспондента. Зотов, житель г.Тольятти, был арестован 27 января. Статья обвинения 190-1; дело вела городская прокуратура. Из письма. Было проведено две экспертизы: психиатрическая и идеологическая. Первая признала Зотова невменяемым и рекомендовала лечение в больнице общего типа. Вторая (проводившаяся в Тольяттинском политехническом институте, на кафедре марксизма-ленинизма) признала картины и рукописи Зотова социально опасными.

13 июля в Куйбышевском облсуде состоялось слушание дела Зотова. Суд признал его действия социально опасными и определил поместить его на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа. Социально опасными были признаны (вслед за марксистско-ленинскими учеными экспертизами) и его картины, и суд постановил их уничтожить.

Еще одно дело... (стр. 4-5). Информация о допросе Ирины Нагле по делу ВСЕВОЛОДА КУВАКИНА. Допрос проводил старший следователь следственного отдела УКГБ СССР по г. Москва и Московской области Левченко. В ходе допроса Левченко угрожал возбуждением «уголовного» дела против авторов письма «К людям и организациям доброй воли...». (Подробнее об этом письме см. ниже.)

Заявление Ирины Нагле прокурору г. Москвы (стр. 6). И.Нагле протестует против грубости, угроз, лжи и прочих традиционных методов ведения «следствия», применяемых Левченко.

Р.Лерт. Открытое письмо всем, кто знает Владимира Гершуни (стр. 7). Письмо написано по поводу психиатрического ареста ГЕРШУНИ летом 1980 г.

В.Гершуни. Письмо в один из дней вынужденной свободы. (стр. 7-8). Автор описывает обстоятельства своего психиатрического ареста и условия содержания в 13-й психиатрической больнице.

С острым приступом аппендицита В.Г. был переведен в 1-ю Градскую больницу для операции (с опозданием, едва не стоившим ему жизни). Письмо написано на «Острове Свободы»: в психосоматическом отделении 1-й Градской больницы, «мрачной и грязной клоаке, и видом своим, и нравами являющей тюрьму и желтый дом вкупе».

К людям и организациям доброй воли, ко всем друзьям Владимира Гершуни (12 подписей) (стр. 8-9). Письмо по поводу ареста и «лечения» В.Гершуни.

В.Гершуни. Дело о защите человека (стр. 9-10). Автор отвечает на попытки властей объявить «клеветой» письмо «К людям и организациям доброй воли..».

Защитить ребенка Ирины Каплун! (38 подписей) (стр. 11-12). Дочь Ирины и Владимира, Евгения Каплун-Борисова, 1979 г.р. (ей не исполнилось еще и года, когда она потеряла мать) – осталась на попечении матери и тетки погибшей Ирины, М.Л.Каплун и А.Л.Смолянской, и их родственника А.Ю.Коростелева <...> Не давая разрешения на выезд, власти продолжают преследование семьи: 24 сентября в «ЛГ» появляется статья «Что им до чужого горя», где под видом сочувствия к осиротевшей семье (кстати, резко протестовавшей против вынесения личной трагедии на газетные страницы) поливается грязью Владимир Борисов. Частные врачи, лечащие Евгению, попадают в поле зрения властей, с ними начинают «беседовать» о взаимоотношениях с семьей Каплун <...> Мы, друзья этой семьи, обращаемся к международной общественности, к профсоюзным организациям Франции и всем независимым профсоюзам мира, к Хельсинкским группам всех стран-участниц Хельсинкского соглашения, к международному обществу Красного Креста: примите участие в судьбе этих людей, потребуйте от Советского правительства прекращения незаконных и жестоких преследований семьи, помогите ее воссоединению!

Освобождение Позднякова (стр. 12-13). 20 июня вышел на свободу Анатолий Поздняков, один из застрельщиков независимого профсоюзного движения в СССР. Он вместе с В.Клебановым, Поплавским и другими относится к зачинателям первого в СССР, недолго просуществовавшего свободного профсоюза. А.Поздняков пробыл почти два года на принудительном лечении по приговору суда. Владимир Клебанов до сих пор заключен в Днепропетровской спецпсихбольнице (тюремного типа).

Приложение. Из неопубликованного. Предисловие (1 стр.) + статья «О московском ядре демократического движения (критиче-

ский анализ деятельности)» (18 стр.) + послесловие («Спустя несколько лет...» (3 стр.)

Из статьи. Демократическое движение – это не несколько десятков тесно связанных между собой людей, но главным образом тысячи рассеянных по стране высокопринципиальных, смелых и правдолюбивых людей, отстаивающих свои гражданские права или защищающие от незаконий своих сограждан – часто в полном одиночестве. Их мужество тем выше, что они не рассчитывают на поддержку общественного мнения: и, случается, гибнут так, как и боролись, – неизвестными <...>. Если бы многолетняя летопись борьбы за гражданские права была написана без пробелов и стала бы доступной, мир узнал бы еще сотни жертвенных имен, которые до сих пор знают лишь немногие, часто далекие от нас люди. Только в случайных рассказах, часто передаваемых из десятых уст, мы узнаем о них немного, или, наоборот, с добавлением сомнительных и противоречивых подробностей, откуда и возникают трудности в выявлении всей правды о погибших боцах-одиночках. Когда-нибудь о них будут знать все, как узнали после создания «Архипелага ГУЛАГ» о бесчисленных жертвах, но едва ли в этой книге названа хотя бы малая часть – как и в будущих книгах едва ли будут названы все бунтари, борцы за справедливость, павшие в неравном противостоянии.

Говоря об участии в борьбе за гражданские права, необходимо уяснить само понятие «участник». Тот, кто бросил свой партбилет на стол секретаря парторганизации, вышел из комсомола, из профсоюза – участник? Кто сознательно игнорирует выборы, не ходит на политзанятия, обличает бесчестные дела властей – участник Движения? Мы полагаем, что да. Право считаться участником Демократического движения дает не всемирная известность, даже не перенесенные страдания, но вклад в дело раскрепощения народа – социального и духовного. Борьба верующих за свои права снискала себе всеобщее признание, и они – участники Демократического движения, независимо от того, знают ли об этом движении или никогда о нем не слышали, а также независимо от их политических воззрений – будь они монархистами, почвенниками или сторонниками религиозно-общинного уклада.

В статье встречается ряд критических замечаний в отношении тех моментов и аспектов правозащитного движения, касаться которых до сих пор не было принято. Речь ведется о проблемах морального состояния движения. Авторы полагают, что отсутствие критического отношения к несомненно благородным делам и людям в конечном итоге может способствовать разращению или

дезориентации даже самых достойных. Это показано на некоторых приводимых авторами примерах. Редакторы и публикаторы статьи (написана она несколько лет назад) объясняют в послесловии, что находят ее публикацию своевременной и даже несколько запоздалой. Они солидаризируются с мотивировкой авторов, приводимой в конце статьи: «Это важно для того, чтобы над поставленными вопросами задумались инакомыслящие, недостаточно знакомые с нынешним положением в Демократическом движении. Это может предостеречь от повторения его ошибок современниками, а также теми, кому еще предстоит продолжать в дальнейшем борьбу за социальную справедливость и гражданские свободы в нашей стране. <...>

К этому публикаторы добавляют свои соображения, связанные уже с событиями последних примерно полутора лет:

«Все последние годы по мере нарастания опасностей и трудностей нашей работы, мы наблюдали в среде правозащитников все большую поляризацию человеческих и гражданских качеств: оптимизм, упорство, неутомимость, исключительное мужество одних – и уныние, растерянность, слабодушие или притворство других. Чаще всего во «второй разряд» попадали те, кто не отличался искренностью и принципиальностью, кто больше увлекался собственной персоной и собственным значением, но куда меньше – общей работой. Такие оказывались слабыми под нажимом следователей, и даже без особого нажима. К чести правозащитного движения отметим, что их все же насчитывается немного. И как было бы хорошо заранее их разглядеть, чтобы вовремя отсечь от нашего дела! Ведь за их поведением наблюдали во всем мире, их позор ложился тенью на всех. Что же мешало их вовремя разглядеть? Ответим без обиняков: отсутствие прямого, нелицеприятного разговора о пороках, связанных с особенностями ситуации, которая выдвигает людей, оставляя их постоянно на виду, со всеми следующими за этим соблазнами, и к тому же обеспечивает этим людям всесторонний иммунитет – неуязвимость и застрахованность от критики...».

7/8А25. Интервью Юзефа Пайестки еженедельнику «Перспективы»

Варшавский еженедельник «Перспективы» публикует в номере 41 от 10 октября 1980 года интервью своего корреспондента Галины Малешевской с профессором ЮЗЕФОМ ПАЙЕСТКОЙ.

Еженедельник «Перспективы» с середины октября 1980 года стал поступать в розничную продажу в СССР весьма нерегулярно, а с 1981

года, по-видимому, вообще не поступает в розничную продажу, подписчикам же доставляется в среднем один номер из четырех. Однако он все же не запрещен полностью в СССР, как это сделано в отношении еженедельника «Пшекруй», а также еженедельника «Политыка», главным редактором которого является заместитель председателя Совета Министров ПНР Мечислав Раковский.

Юзеф Пайестка является членом ЦК ПОРП, он был ранее заместителем председателя Госплана ПНР, а затем, до конца 1980 года, был председателем общества польских экономистов.

Задолго до июльско-августовских событий на «четвергах» в Обществе польских экономистов обсуждалась возможность возникновения таких событий. Корреспондент напоминает, что в книге профессора Пайестки «Способ функционирования социалистической экономики – детерминанты прогресса», часть 2 (вышедшей в 1979 году в государственном экономическом издательстве «ПВЭ»), указывалось, что до сих пор все значительные изменения способа функционирования происходили в Польше лишь одновременно с политическими переломами. На вопрос: почему же для осуществления необходимых перемен недостаточно предостережений со стороны разных слоев населения, проф. Пайестка ответил:

(1) Исторический опыт показывает, что изменения в системе государственных органов и в системе управления экономикой осуществляются в социалистических странах с громадным трудом. Социализм вовсе не обеспечивает легкости приспособления «надстройки», да и элементов производственных отношений, к изменившимся потребностям, даже тогда, когда перемены в высшей степени назрели. Это объясняется тем, что проблемы таких изменений чрезвычайно сложны, переплетены с идеологическими спорами и связаны со способом осуществления власти. Не надо забывать также, что в любом обществе, в том числе и социалистическом, имеется еще сопротивление, основанное на консерватизме. Такое сопротивление проявляется прежде всего тогда, когда предполагаемые изменения касаются не только мер «технократического» характера (порядок планирования, финансирования и т.п.), но существенно изменяют положение людей и мотивы их действий. В таких случаях часть работников чувствует себя под угрозой, что и формирует в аппарате власти сопротивление изменениям. В результате оказывается трудным проведение изменений без применения соответствующей политической силы. В кризисные моменты могут создаваться условия, благоприятствующие изменениям, поскольку позиции аппарата ослаблены, требования общества усиливаются, а власти ищут новые пути.

В таких условиях обычно объявляют о планах экономической реформы. Так было в Польше в 1956 году, в 1970 году. Так происходит и сейчас.

(2) Ныне предполагается применять экономические стимулы для работников, а директорам предприятий предоставить больше самостоятельности. Это же предусматривалось и в прежних реформах, но тогда шла речь о реформах чисто «технократического», «менеджерского» типа. Ныне же реформа должна затронуть принципы организации народного хозяйства, создать демократические принципы управления и принятия решений и обеспечить контроль. Должны быть выработаны новые мотивации, введены новые социальные стимулы прогресса. Появление новых профсоюзов, рост стремлений людей к участию в принятии решений доказывает, что речь идет не только об изменениях «хозяйственного механизма», хотя они и очень важны, но о гораздо более широкой реформе.

(3) Повышение зарплаты и замораживание цен сами по себе ничего не решают. Люди могут не отдавать себе отчета в том, что причиной ухудшения условий жизни был не рост цен сам по себе, а падение эффективности хозяйствования, которое к этому росту цен и привело. Строгий контроль цен без улучшения состояния экономики приведет лишь к все большему и большему ухудшению положения на рынке, вплоть до полной деморализации рыночных отношений. Замены рыночному равновесию не существует. А к такому равновесию может привести лишь опрокидывание появившихся за последние 4 года отрицательных тенденций в экономике (снижение эффективности хозяйствования, структурные диспропорции и колоссальная задолженность). В данный момент в экономике нет средств, которые могли бы обеспечить полное выполнение заключенных между правительством и стачечными комитетами соглашений, принятые правительством на себя обязательства поэтому надо рассматривать как фактор политического давления снизу в пользу изменений экономической политики, в способах хозяйствования, в расстановке кадров и т.п., а в конечном счете – в эффективности производства.

(4) В связи с вопросом корреспондента, потребует ли реформа значительных кадровых изменений, проф. Пайестка выразил сомнение в том, будто бы большинство директоров предприятий хотели бы самостоятельности, чтобы доказать, что они умеют хорошо работать. Для многих директоров, напротив, более выгодна прежняя система, в которой нет четких критериев оценки работы предприятий и потому легче удержаться на своей должности. Подлинная реформа должна исключить возможность оценки

работников по их послушности и т.п. качествам, ввести ясные, логичные принципы отбора руководителей и в результате привести на руководящие посты думающих и предприимчивых людей. Это будет возможно в том случае, если будут действительно объективные оценки хозяйственной деятельности, а одновременно «экономические судьбы» коллектива будут поставлены в зависимость от экономических результатов деятельности предприятий. Когда были созданы ВОГи (так называемые «крупные хозяйственные организации», наделенные немалой самостоятельностью, которая, однако, уже через два года была по существу отобрана), значительную часть руководителей пришлось сменить. Поэтому трудно согласиться с тем, будто «хозяйственные руководители у нас неплохие, они просто не имели возможности проявить себя». Очень сложен вопрос о политических кадрах. Неверно, будто процесс обновления мог бы начаться сменой всех этих людей, хотя несомненно, что некоторые «морально изношенные» должны уйти. Необходимым условием социально-экономической стабильности является доверие широких слоев населения к руководству. Новым симптомом, замеченным мною и в Гданьске, и в других местах является то, что критика политической линии не связывается с критикой конкретных лиц. (В этом отношении положение изменилось через несколько месяцев, к весне 1981 года.) Видимо, дело в том, что люди, которые неоднократно были свидетелями изменений на высших постах, ныне ожидают изменения принципов.

(5) Трудно ожидать, что предприятия будут заботиться о хозяйственном улучшении экономической эффективности, если они не будут иметь права распоряжаться полученными в результате такого улучшения средствами.

(6) На вопрос: «Не получится ли так, что предприятия будут стремиться избавиться от выпуска нерентабельной, хотя и нужной рынку продукции? А ведь нередко нерентабельность возникала не по вине предприятия – например, из-за слишком высоких цен на сырье и материалы и слишком низких цен сбыта продукции» – последовал ответ: Часто нерентабельность возникает именно по вине предприятия, что легко увидеть, сравнив результаты работы нескольких предприятий, работающих в одинаковых условиях. Высокая степень централизации управления экономикой не только не привела к устранению дефицита товаров, но, напротив, этот дефицит все более усиливался. Экономика не может успешно развиваться, если ее негодные звенья не будут удаляться. Верно, что в условиях нарушения рыночного равновесия использование экономических рычагов также может приводить к некоторым искривлениям. Но выбора нет.

(7) Предложения, чтобы решения о размерах капиталовложений, о закупке той или иной лицензии и др. принимались после референдума, неприемлемо. Утверждение, будто так поступают в Швейцарии и других странах, ошибочно. Так не поступают нигде. Дело не в том, что у нас по подобным вопросам не проводились референдумы, а в том, что подобные решения принимались волюнтаристски, т. е. без объективного рассмотрения, без обсуждения со специалистами. Если нет барьера в виде демократических институтов, – срabатывает механизм волюнтаристских решений. Гарантирует же от волюнтаризма широкий объем информации. Чтобы предотвратить волюнтаризм, надо обеспечить коллективные органы, принимающие решения, широким объемом информации. Причем избранные демократические органы должны иметь подлинное право решения и контроля. У нас держалось в секрете все: задолженность зарубежным странам (это было особенно нелепо, поскольку об этом сообщали зарубежные источники), тип соглашений, виды купленных лицензий и др. Я написал когда-то статью, доказывающую, что синдром волюнтаризма представляет собой синдром врождения централизованного планирования. Статью в журнале не поместили, хотя впоследствии поместили в сборнике статей.

(8) Не думаю, что верно распространенное мнение, будто основной причиной неудачной покупки лицензий были взятки, полученные от фирм-продавцов теми людьми, от которых зависело решение о закупке. Неудачи в этой области связаны в первую очередь с тем, каким образом принимались решения о закупке, о чем я уже говорил. Это не значит, что проявления деморализации общества не коснулись руководящих кадров. Возникновение этого явления требует пояснений. В самых общих чертах дело в том, что значительное неравновесие экономики ведет к деморализации как рабочих, так и министров. Я имею в виду не взятки, а закулисное улаживание вопросов. Впрочем, кое-что из того, что считается противоречащим морали, можно бы считать спорным.

(9) В упомянутой выше книге проф. Ю.Пайестка указывает на то, что для функционирования экономики важнее всего выработать определенные правила, устанавливающие критерии и стимулы, которые определяют поведение организаций, общественных слоев и отдельных лиц. Эти правила должны быть записаны в нормативных актах, и их недопустимо менять по чьему-то произволу. В беседе с корреспондентом проф. Пайестка добавляет, что законность в хозяйственных вопросах находится в весьма плачевном состоянии. Не раз бывало, что сегодня вводились какие-то правила, а уже завтра они отменялись. Делать

это было тем легче, что введение изменений в экономическую систему ни разу не было произведено на уровне закона. Закон о предприятиях разрабатывается много лет, но до сих пор так и не внесен в Сейм. Впрочем, этот закон и не может быть издан, пока не будут решены вопросы экономической системы. Надо сказать, что оценки, взгляды и предложения, касающиеся экономической системы, высказываемые разными экономистами в значительной степени совпадают. Соответствующие предложения Общество польских экономистов представит недавно созданной партийно-правительственной комиссии по экономической реформе. (К весне 1981 года предложения Польского общества экономистов оказались едва ли не самыми скромными из всех предложений, поступивших в комиссию.) Но будут ли приняты во внимание соображения экономистов – никакой гарантии нет. Реформа экономики – это проблема политической воли партии и правительства.

(10) На вопрос о причинах своего ухода из Госплана проф. Пайестка сказал: Я добивался этого в течение долгого времени. Я попросту не видел смысла брать на себя ответственность за то, на что я не имел никакого влияния. Мне не нравилось и то, что называется общественным и моральным климатом. Я согласился работать в Госплане тогда, когда появились шансы проведения экономической реформы. Возврат к централизму свел эти шансы к нулю. Не было больше никакого смысла оставаться в Госплане. Тем более что по своему характеру и темпераменту я – научный работник. Работу в Госплане я рассматривал как возможность проверки на практике действия хозяйственного механизма, а не как вступление на путь административной карьеры.

Изложение близкое к тексту с некоторыми сокращениями. Составил Э.Орловский.

7/8А26. Б.Михайлов. **На выставке Ильи Глазунова.** *Вестник русского христианского движения*, 128, 1, 1979, стр. 142-161. И.Голомшток. **Феномен Глазунова.** *Синтаксис*, 4, 1979, стр. 119-138

Оба автора, равно презрительно относящиеся к Глазунову-художнику, рассматривают социологический феномен его беспрецедентного внешнего успеха в широком историко-культурном контексте. Голомшток пытается вписать Глазунова в схему замыкания-размыкания русской культуры: передвижники замкнули искусство кругом национальных проблем; мирискусники «обратили свои взоры на Запад, и этот процесс в конце концов

привел к безудержному интернационализму русского авангарда 10–20-х годов; далее, сталинские соцреалисты <...> отгородили страну от всех и всяческих иноземных влияний; наконец, на выжженной почве русской культуры начинают появляться ростки свободного творчества», стремящегося «восстановить разорванные связи и черпать из всей сокровищницы мировой культуры». Именно против последних тенденций направлена оппозиция Глазунова (как писал В.Осипов, «в то время, как его коллеги <...> млели перед размалевками досужего Пикассо, закусившего удила в своем беге от национального, Илья Глазунов заговорил о России и заставил себя слушать»). Между прочим, Голомшток напоминает, что первые работы Глазунова были почти плагиатом с мирискусников, скрытых тогда даже от специалистов. «Неудивительно, что подражание этим образцам публика приветствовала тогда как рождение нового искусства. На “русскую идею” публика тогда бы ни за что не клюнула – слишком жив был образ “России – родины слонов”».

Михайлов, напротив, не слишком любит авангардистов 20-х годов: искусство XX века стало агрессивным, машиноподобным, социологизированным – «искусством без качества». Дизайн – технологический аспект коммунизма. «Многооликое, кипящее новыми идеями и находками дизайнерство хотя и было в начале 30-х надолго лишено инициативы и личного начала, хотя и оказалось под давящим контролем партаппарата, но именно оно проложило пути социалистической художественной индустрии» (ср. 1А23). Все дурное началось тогда – примерно с таким чувством выводит Михайлов корни Глазунова. Заметим, что это имеет ничуть не меньше оснований, чем воспоминание Голомштока о передвижниках (конечно, на роль глазуновского корня гораздо больше подошло бы не просветительски-ориентированное передвижничество, а ропетовщина).

Если не считать этого рассогласования концепций, взгляды авторов близки и убедительно изложены. Описан путь постоянно поощряемого художника, постоянно играющего в «непризнанность» (ведь действительно: «ни один серьезный критик-искусствовед не упомянул его имени в положительном контексте!»). Оба автора подчеркивают, что ставка Глазунова с покровителями на его противостояние неофициальной культуре (М-ов: нужно было показать, какому «неприсоединившемуся» искусству открыта дорога, выдвинуть лидера, сбить интерес к пустырям. Г-к: официальное раздувание репутации художника объясняется тем, что от космополитической безродности тот предлагает вернуться к крови, от формалистических выкрутасов – к понятному

«народным массам языку, перекраивая на ходу лозунги сталинских времен»).

Из М-ва. Вера в профетическое предназначение «буду великим русским художником» – определила размах и драматическую диспропорцию между стремлениями и возможностями. «Поверхностная экспрессивность форм и внешняя чувственность выражения, приторная красивость и ложная многозначительность облика». В живописном отношении вся тематическая продукция откровенно примитивна, это не картины, а «новые невиданные плакаты» (термин Б.Авратова). Это – искусство дня, искусство социального воздействия. По поводу картины «За ваше здоровье» – удивительно думать, что «после книг Солженицына мы по-прежнему видим себя не дальше Щукаря».

Из Г-ка. О.Дудко выразил восхищение выставкой: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Русью у Глазунова «пахнет скверно: ненавистью ко всему чужеземному и шовинистическим чадом, казалось бы, канувшим в лету после полотен сталинских лауреатов». Феномен Глазунова, может, и заключается в застарелом инстинкте списать наши грехи на кого-нибудь – на язвы западной цивилизации, разъедающей тело Руси. Г-к цитирует Н.Я.Мандельштам: «Почвенность, национализм – низовая подкладка сознания. Когда они выходят на первый план, затемняя основы, это признак болезни, а не здоровья, мелкости, а не глубины».

П.Арендс

7/8А27. И.Суицидов. Вещи, говорящие о самих себе. Часы, 31

В статье автор толкует современность (имея в виду, как кажется, западную цивилизацию, ибо в других статьях он говорит, например, о нашем авангардистском искусстве весьма отличное) как результат тотального сдвига во всех основных как мировоззренческих, так и социальных и экзистенциальных пунктах человеческого существования. Он стремится показать, что в современности нет ничего такого, что позволило бы нам употреблять прежние понятия с надеждой, что они выражают некоторую неизменную ситуацию человека в мире. Дифференциация между наукой, искусством, религией, техникой, которая так настойчиво определялась философией и теорией областей знаний и практики в конце XIX века и в XX, в статье Суицидова выступает не как абстракция, но как непосредственно переживание индивида в повседневности. Автор не подчеркивает это, но он несомненно имеет

в виду личность, и только личность в современном западном мире есть то, что связывает дифференцированный мир науки, искусства, техники, религии и связывает их в повседневности в качестве орудий для достижения своих целей. Иначе говоря, все эти области, в том числе те, которые относились прежде к областям сакральным, теперь выступают в роли инструментов. Дифференцированный мир «расположен» перед человеком, он избирает в нем то, что может быть им употреблено. Поскольку все, что он может достигнуть, находится в зависимости от рядомположенного, он зависит от «техники» и является сам ее орудием.

Вещи, говорящие о самих себе, – это вещи, назначение которых определено и которые не претендуют быть чем-то другим, кроме как вещами. Икона – такая же вещь, как автомашина и пишущая машинка. И человек прибегает к ним, не нуждаясь в том, чтобы поддерживать между ними иерархию. Произведение искусства не имеет привилегий, оно существует среди других вещей и наряду с ними. Суицидов не пытается нас убедить в том, что человек – раб вещей. Посредством вещей он господствует над миром, вещь, в его изложении, есть, если прибегнуть к языку Гегеля, «для-нас-и-для-себя-бытие». Зависимость человека от вещей есть зависимость человека от времени, в котором он родился, а само время выступает в виде определенного набора, которым он может пользоваться и который указывает на то, что он может и что он не может достигнуть. Он становится рабом вещей только в том случае, если превратит их в идолов или если только созерцает их.

Искусство, по мнению автора, дает наиболее очевидный пример того, что современный человек стремится создать новую вещь не потому, что она необходима, а потому, что он пытается преодолеть мир «готовых вещей», чтобы подняться над ними. Таким образом, трансцендентное в жизни индивида выступает в той же вещной форме, хотя возможно прибегнуть к аналогии с пещерой Платона, чтобы продемонстрировать это положение, ибо эйдос – это прообраз тех же самых орудий, которыми он будет пользоваться.

Статья автора продуктивно использует новейшие философские идеи – Гуссерля, философов франкфуртской школы, модели Юнга и выводы Ж.Эллюля. Суицидов не придает значения тем явлениям, которые объяснимы только при учете «реликтовых» форм сознания и поведения человека сегодня. Западная культура предстает в виде «однослойного пирога». Он не показывает те границы в человеческом поведении, которые выступают препятствиями в превращении западного человека только в орудие, опи-

рающегося не только на создание новых вещей, но и на традиции. Но автор интересно и убедительно прокомментировал некоторые важнейшие превращения в современном мире.

И.Петров

7/8А28. М.РОЗАНОВА. **На разных языках.** *Синтаксис*, 8, 1980, стр. 49-72

На основе остроумного и ядовитого анализа современных изданий первой эмиграции автор дает убедительную картину далеко зашедшего психологического и языкового непонимания между первой и третьей волнами эмиграции, неадекватности представлений первоэмигрантов о сегодняшней «Совдепии». «Мы приехали на 70 лет назад. Мы попали в мир детства наших бабушек, в плюшевый альбом, в журнал “Нива”...»

«Смешной и иногда трогательный язык объявлений и «кредословиц» демонстрирует верность своему корню и своему имени» («скончался ученик Киевской гимназии...», «наш человек» в Австралии – «окончил с отличием университет в Сиднее», «...состоится традиционный крушон для морских дам»). Новоэмигранты стараются объяснить свою любовь в Галичу и Киму, а «морская дама» совершенно серьезно доказывает, что Шалапин лучше Высоцкого – не хрипел и не кричал. Новоэмигранты привезли современный русский, а на Западе в штыки встречают «раскладушку», хотя употребляют «портшез». «России – нет, а портшез остался и царствует». Понятен принципиальный консерватизм в языке, противостоящий и революции, и западному окружению, но «людям и писателям, единой литературе, это трудно». Все, отклоняющееся от «среднего стиля», отбрасывалось – Цветаева, Ремизов, Набоков. Жалкие подражания акмеизму до сих пор печатаются в эмигрантских газетах (а в кроссвордах до сих пор встречаются: «станция на пути в Иркутск, где поезд стоит минут десять и можно прогуляться в буфет...»), приводятся анекдотические примеры «литературного непотребства» – стихи, эротическая сцена, примеры близорукости критики и издательской деятельности (в публикации был «причесан» Шаламов).

Благодаря очевидной тенденциозности примеров, статья прекрасно читается и будоражит мысль. Несмотря на эту тенденциозность, она вскрывает некоторую безусловно важную проблему.

П.Арендс

7/8А29. Р. Орлова. Мы не хуже Горация (из книги «Воспоминания о непрошедшем времени»). *Время и мы*, 51, март 1980, стр. 5-26

Рисуеться живой и противоречивый образ незабвенного А. Галича – давнего друга автора. Всем известно мужество и творческая принципиальность Галича-песенника. Поэтому, надеюсь, ни один читатель не будет шокирован забавными черточками Галича, всегда любящего комфорт, Галича – преуспевающего сценариста. Будь Галич более «правильным» – думает Орлова, – он не мог бы отразить советскую жизнь с такой полнотой и многообразием. Не мучайся он разладом между собственной биографией и биографией некоторых своих героев, он, наверное, не стал бы тем Галичем, которого мы знаем и любим. Интересна деталь – знаменитый «Петербургский романс» («Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь...») написан после советского вторжения в Чехословакию, но до демонстрации протеста (П. Литвинов прочел эти стихи накануне уже назначенного выхода на площадь).

П. Арендс

7/8А30. Диалог (журнал критики и полемики), 1, Ленинград, 1979-1980, 61 стр.

От редакции. Объясняются цели и задачи журнала. «В основе его построения лежит принцип дискуссии, диалога. Журнал не навязывает авторам какой-то определенной идейной программы, его цель – живое существование разных точек зрения. «Основные критерии – актуальность и полемичность. Дискуссии будут продолжаться из номера в номер. Намечается обсуждение вопросов «национальная идея и национализм», Н. Бердяев в наши дни. Читатели призываются к участию в журнале.

Два письма – в защиту и против либерализма – представляют собой перепечатку из «37» (18).

В дискуссии о «Бранде» Ибсена участвуют 5 авторов, выставку Ильи Глазунова обсуждают три автора. В разделе «Отклики, реплики, заметки» содержится, в частности, заметка наблюдателя об «Идеальном государстве Г. Шиманова» А. Янова.

7/8А31. От редакции журнала «Поиски и размышления», *Поиски и размышления*, 9 (1)

Обращение начинается с информации о преследованиях журнала «Поиски» и его закрытии (5/6Г1). Считая необходимым отсто-

ять идеи негосударственного, непартийного общественного периодического издания, редколлегия «рассматривает свою деятельность как прямое продолжение дела "Поисков". При этом, однако, происходит отказ «от героически открытой позиции редколлегии "Поисков". Такая позиция, несомненно, благородна, но представляется практически неосуществимой».

Редакция приносит извинения самиздатским авторам, материалы которых будут в некоторых случаях появляться без согласования.

«Мы хотели бы просить А.Д.Синявского взять на себя труд по зарубежному надзору за публикациями журнала и были бы благодарны читателям за присылку любых материалов».

7/8A32. «Прибавления к распространению свободных мыслей и новостей в Эстонии», 13, 1981, 41 стр.

1. В.Карасев-Оргуссаар – 50 лет. Статья о талантливом кинорежиссере и публицисте, ныне проживающем в Париже.

Родился 14 декабря 1931 года в Таллине. Образование получил во ВГИКе. За 15 лет успел оставить глубокий след в эстонском документальном кино. В своих фильмах показал сравнительно честно развитие ЭКП и ее судьбу. Он успел сделать и художественный фильм «Внезаконник», оригинал которого сразу же запретили и переделанный вариант которого до сих пор тоже не дошел до публики.

В 1976 году во время кинофестиваля в Ницце он просит политического убежища у французского правительства.

В настоящее время он активный сотрудник радиостанции «Свобода» на эстонском языке.

Приложена фотография.

2. Приговор по делу 1/25 1931 (В.Нийтсоо).

3. Заявление правительству СССР. Заявление политических заключенных ТИИТА МАДИССОНА и ВИКТОРА НИЙТСОО от 23 августа 1981 года из Перми; в этом заявлении они сообщают о своем присоединении к апелляции 25 граждан Эстонии, Латвии и Литвы по поводу секретного протокола пакта Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 года.

4. История Рюнно Виссака. 1 октября 1981 года эксматрикулировали из Тартуского университета студента II курса кафедры истории Р.Виссака за недостойное поведение и нарушение учебной дисциплины.

Он участвовал в похоронах умершего 27 марта 1981 г. политического заключенного Юри Кукка в Вологде.

Второй его «ошибкой» было посещение друзей в Литве (Рассейниай), где местная полиция его вместе с тремя друзьями осудила на 4 суток (за неповиновение милиции).

В защиту Р.В. 75 студентов написали письмо министру Высшего образования.

Все осталось по-прежнему.

5. *Не малочисленность народа, а его многочисленность и агрессивность его соседей может стать его несчастьем. Открытое письмо.* Ответ на открытое письмо Яна Каплинского в газете «Родина» (газета для зарубежных эстонцев) 33 от 19.8.1981, в котором Я.К. нахваливает состояние и развитие эстонской культуры в течение последних лет и проявляет заботу о маленьких народах (баски, ирландцы), забывая о своем народе.

6. *Польша.* Сообщение о введении чрезвычайного положения.

7. *А.Авторханов. «Исторические уроки польской модели».* Сокращенный перевод.

8. *Фотография и биография Леха Валенсы.*

9. *Послание I съезда делегатов независимого профсоюза «Солідарность» в Гданьске народам Восточной Европы (от 8.1.1981).*

10. *Интервью Леха Валенсы Ориану Феллани.* Сокращенный перевод из финского журнала. 20.03.1981.

11. Приводится вторая половина речи Чеслава Милоша в Стокгольмской Королевской Академии наук при получении Нобелевской премии по литературе 8.12.1980. Приложена фотография Ч.Л.

12. *Письмо по поводу событий в Польше.* В письме анализируется освещение польских событий в советских средствах массовой информации, которые обвиняются в клевете. Подписано: группа ученых Тартусского университета.

13. *Краткие сообщения.*

14. Приводится содержание и социологический анализ 12 номеров журнала. Содержание прибавлений по темам в 1978-1981 годах:

Тема	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Личных заявлений протеста	2	2	2	2	-	12	5	4	-	6	1	2	38
Коллективных протестов	-	-	-	-	2	3	1	1	1	-	1	-	9
Судебных материалов	1	1	-	-	-	2	1	2	1	3	-	4	15
О деятельности КГБ	2	1	-	3	1	2	1	1	6	2	-	-	19
О верующих	-	2	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	4
Репрессий	5	6	2	6	3	19	8	8	8	12	2	6	86
Демонстрации	1	1	1	-	-	1	1	1	1	1	-	1	9
Краткие биографии	-	1	1	1	1	1	1	1	1	3	1	-	12
Актуальные процессы и события	2	1	1	1	-	1	-	-	2	1	-	1	10
Исторические события и документы	-	1	2	-	6	-	-	-	-	2	-	1	12
Прочие материалы	1	1	1	-	-	-	3	3	3	1	1	-	14
Социальная информация	4	5	6	2	7	3	5	5	7	8	2	3	57
Всего вместе	9	11	8	8	20	22	13	13	15	20	4	9	143

В качестве приложения к реферату печатается:

«Утверждаю»
Прокурор ЭССР
гос.юстиц-советник II класса (К.Киммел)
«20» февраля 1981 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 215 – 80
(в сокращении)

В качестве обвиняемого по уголовному делу по статье 68-1 УК ЭССР привлечен

КАЛЕП ВЕЛЬО АЛЕКСАНДРОВИЧ, родившийся 12 декабря 1934 г., в дер. Кулламаа Пярнуского района Эстонской ССР, эстонец, гражданин СССР с высшим образованием, беспартийный, военнообязанный, ранее не судимый, женат, имеет троих несовершеннолетних детей (род. в 1969, 1970 и 1972 г.), работавший старшим инженером в Пярнусской колхозной строительной конторе; проживавший в г.Пярну, Сиде 9-32.

ВЕЛЬО АЛЕКСАНДРОВИЧ КАЛЕП обвиняется в том, что

- он в целях ослабления и подрыва советской власти в 1974-1980 гг. систематически изготовлял, распространял и хранил в целях распространения писания и материалы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также распространял подобные измышления в устной форме;
- в 1974-1975 гг. систематически изготовлял и вывешивал на виду по месту своей работы в Пярнусской колхозной строительной конторе плакаты порочащего советский строй содержания;
- весной 1978 года составил документ, датированный 11 апреля 1978, содержащий клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, под названием «Основной закон и запрет профессий», размножил его на пишущей машинке минимум в 9 экземплярах, которые распространял, показывал сослуживцам, передавал представителю иностранного государства, рассылал в средства массовой информации и опубликовал в нелегальном сборнике антисоветского содержания «Прибавления к свободному распространению мыслей и новостей в Эстонии». Шесть экземпляров этого документа хранил в целях

дальнейшего распространения по месту своего жительства в Пярну, ул.Сиде 9-32, до 20 октября 1980 г.;

- в конце 1978 года составил документ «Заявление о разрешении на выезд 5», датированный 5 декабря 1978, искажающий советскую действительность, размножил его на пишущей машинке минимум в 10 экземплярах, которые распространял, показывая сослуживцам, рассылая в государственные органы, передав представителю иностранного государства и опубликовав в нелегальном сборнике антисоветского содержания «Прибавления к свободному распространению мыслей и новостей в Эстонии». Семь экземпляров этого документа хранил в целях дальнейшего распространения по месту жительства до 20 октября 1980 г.;
- летом 1979 года составил документ «Заявление о разрешении на выезд 6», датированный 10 августа 1979 и содержащий клевету на советский строй, размножил его на пишущей машинке в шести экземплярах, которые распространял, показывая сослуживцам, рассылая в государственные органы, передав представителю иностранного государства и опубликовав в нелегальном сборнике антисоветского содержания «Прибавления к свободному распространению мыслей и новостей в Эстонии». Три экземпляра этого документа хранил в целях дальнейшего распространения по месту жительства до 20 октября 1980 г.;
- весной 1980 года составил документ «Заявление о разрешении на выезд 7», датированный 25 марта 1980 и содержащий клеветнические антисоветские измышления, размножил его на пишущей машинке минимум в семи экземплярах, которые распространял, показывая сослуживцам, передав представителю иностранного государства¹ и рассылая в государственные органы. Три экземпляра этого документа хранил в целях дальнейшего распространения по месту жительства до 20 октября 1980 г.
- в 1979-1980 гг. размножил на пишущей машинке минимум в трех экземплярах антисоветское «Интервью А.Солженицына Би-Би-Си летом 1979 года», два экземпляра которого хранил в целях распространения по месту работы до 20 октября 1980 г.;
- летом 1980 года размножил на пишущей машинке минимум в трех экземплярах текст на английском языке под

¹Передача в посольство Канады.

названием «Открытое письмо», порочащий советское правосудие, эстонский текст которого был напечатан в нелегальном сборнике антисоветского содержания «Прибавления к свободному распространению мыслей и новостей в Эстонии», распространял его путем передачи представителю иностранного государства и два экземпляра хранил в целях дальнейшего распространения по месту жительства до 20 октября 1980 г.;

- в 1974-1980 гг. в беседах с сослуживцами Э.Метсалу, Х.-Э.Ланге, А.Паюсалу, И.Пыхьяла, И.Алтпуу, Р.Тигане, Х.Тоомингом в Пярнуской колхозной строительной конторе систематически распространял клеветнические измышления относительно руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза в советском обществе, марксистско-ленинской идеологии и экономической политики Советского Союза, а летом 1979 года призывал работников к дезорганизации работы;

т.о. в антисоветской агитации и пропаганде – преступлении, которое квалифицируется по статье 68 п.1-1 УК ЭССР.

Согласно статье 176 Уголовно-процессуального кодекса ЭССР уголовное дело подлежит передаче Прокурору ЭССР.

Обвинительное заключение составлено в Таллине 11 февраля 1981 года.

Старший следователь следственного отдела Комитета государственной безопасности ЭССР майор Круусмаа.

«Согласен» Начальник следственного отдела Комитета государственной безопасности ЭССР полковник Никитин.

Председатель Комитета государственной безопасности ЭССР генерал-майор Порк

Б. Точки зрения. Рецензии

7/8Б1. А. ДРАВИЧ. **Зарубежная Россия** (книги, люди, журналы, идеи). *Континент*, 26, 1980, стр.207-230

От редакции «Континента». Статья была опубликована в польском самиздатском журнале «Запис», 15 (июль 1980). Андрей Дравич родился в 1932 году в Варшаве. Окончил Варшавский университет, где позднее преподавал русскую литературу. Автор ряда книг и статей <...> Со 2-го номера «Записа» становится одним из редакторов этого крупнейшего журнала польского самиздата.

... наступило заведомое примирение с мыслью, что когда исчезнут последние эмигранты, тогда всему, что возникло в их кругу, — одна судьба: рухнуть и быть забытым. Но ситуация изменилась. Наступило

Явление третьей эмиграции. <...>

За границей сейчас находится большая группа писателей с достаточно весомыми именами: Солженицын, Некрасов, Максимов, Синявский, Бродский, Коржавин, Эткинд, Зиновьев, если назвать только важнейших. Скончались, правда, Анатолий Кузнецов и незабвенный Александр Галич, связывавший все эмигрантские группировки. Ожидается приезд Аксенова, Войновича и Копелева. Прибавим к этому большую группу писателей второго эшелона, многих хороших публицистов и эссеистов, в особенности из русско-еврейской диаспоры, и совсем молодых, но уже подающих серьезные надежды людей; наконец, университетских филологов и историков.

Вдобавок, издательские начинания этого круга в значительной степени используют приток литературы с родины, печатаемой с согласия автора или без; некоторые из них, живя в России «отечественной», стали таким образом де-факто жителями зарубежной России. Отечественный самиздат и вещи, о которых заведомо известно, что им не пройти цензуру, втягиваются в тамиздат, после чего начинают свой первый или второй кругооборот на

родине. <...> формируется единство русской культуры, сближаются два берега национального сознания, разорванного в течение шестидесяти лет. <...>

Речь идет о единстве, наконец-то реализующемся, пусть даже только начатом. Но разве дела не обстоят так, что постоянно можно услышать в русской диаспоре, что ни о каком, мол, единстве говорить нельзя, поскольку эмиграцию раздирают неистовые свары? <...>

Не нужно доказывать, что само эмигрантское положение, с его – так или иначе, всегда присутствующим – привкусом проигрыша, настраивает драчливо, а разреженный чужестранный воздух облегчает резкие и не всегда координированные движения. Об этом знают все эмиграции мира, и как это знакомо польской эмиграции! Русские оказались в особой ситуации, способной многое объяснить. В стране, которую они покинули, на их (всех без исключения) памяти не существовало общественное мнение и его организмы. Все, что личности, группы, круги, коллективы могли бы высказать по самым разным вопросам, закисло в стране, как в бочке, забитой затычкой официальной линии. Ничего страшного, что оно вырвалось с шумом. Идет коллективное обучение политической речи, поиск самих себя, настраивание голосов. Эмиграция является продолжением разогнанного шестьдесят два года тому назад Учредительного собрания и парадигмой будущей духовной жизни на родине. Ей приходится платить цену этого разрыва. <...> Нормы и формы явятся со временем – имейте терпение. Так что, избегая гримас пренебрежительного тщеславия, скорее стоит сориентироваться, какова *расстановка русских сил за пределами страны*.

Одна из ее форм – система журналов. Здесь ситуация долгое время была стабильной. Основанный в 1942 году в Нью-Йорке «Новый журнал» был и остается ежеквартальником старших поколений, хранящих традиционные вкусы. Он наследовал традиции главного органа довоенной эмиграции, парижских «Современных записок», и всей исторической линии русских «толстых журналов». Ориентация на реализм, постсимволизм, постакмеизм, нелюбовь к новаторским штучкам, но зато многообразие весьма ценных архивных публикаций (напр., Булгаков, Пильняк, много Шаламова), сокровищница сведений о культуре и истории в мемуарном разделе, живая публицистика, с неонородным, впрочем, уровнем аргументации.

Еще дольше, 55 лет, существует в Париже «Вестник Русского Христианского Движения», также стабилизировавшийся как ежеквартальный журнал. Наряду со статьями из области основ-

ной, богословской и религиозно-философской, проблематики, а также по вопросам религиозной жизни в России, здесь много литературных публикаций, в особенности ведущих происхождение от того же духовного течения. Журнал вел также оживленные дискуссии о возможностях и концепциях духовного возрождения России, но в последнее время они стали несколько уплощенными. Дело в том, что главный редактор, так сказать, принес журнал в дань, – правда, не кому-нибудь, а Солженицыну, и теперь «Вестник» с безоглядной преданностью пропагандирует взгляды великого вермонтского отшельника и его сторонников. Пыл этот заходит так далеко, что редакция немедленно отмежевывается от собственных публикаций, если они не нравятся Солженицыну – как известно, неслыханно чувствительному в отношении всего, что припахивает опорочиваемым доброго имени России и, при всех своих огромных достоинствах, не самому терпимому человеку.

С 1947 года в Париже выходит главная еженедельная газета эмиграции «Русская мысль», воистину Ноев ковчег с представителями всех видов, где трогательные остатки угасающей старосветскости (некрологи, светская хроника, болтовня престарелых дам) <...> соседствуют с информацией и комментариями текущих событий, публикациями прежней и нынешней литературы, обзорами выходящих изданий. Газета старается всем потрафить и быть открытой трибуной, что делает ее пестрой, но живой; в этом значительны заслуги предыдущего, ныне почетного, главного редактора Зинаиды Шаховской.

Во Франкфурте-на-Майне с 1946 года выходит ежеквартальный журнал «Грани», связанный с издательством «Посев». Эти организмы второй эмиграции <...> годами возбуждали в различных кругах подозрительность и сомнения в том, кому они в действительности служат; однако нет никаких противопоказаний тому, чтобы принимать их таковыми, как они есть. До пришествия третьей эмиграции «Грани» были главным и очень богатым источником публикаций новой русской литературы, и заслуга их велика: они помещали основные тексты Войновича, Владимова, Максимова, Гроссмана, в них напечатан «Котлован» Платонова, публиковался Солженицын, и специальный номер был посвящен делу Синявского и Даниэля, – одним словом, в «Гранях» была масса значительных вещей. Ныне, перед лицом большого числа конкурентных изданий, журнал утратил свою привилегированную позицию и стал менее интересным.

Третья эмиграция вообще принесла с собой журнальный бум. Люди, которые на родине могли печататься с большими усилиями и потерями, обнаружили, что создать свой журнал на Запа-

де нетрудно, а отмеченный выше взрыв самовыражения придал размах их начинаниям. Сразу зарябило в глазах от большого числа журналов. Впрочем, играли роль и более серьезные причины. Именно они, в первую очередь, были решающими в возникновении и облике «Континента».

«Континент» – это опять-таки попытка восстановить традиции и форму «толстого журнала». <...> «...мы видим задачу нашего журнала, – говорилось в редакционном вступлении к первому номеру в 1974 году, – не только в политической полемике с тоталитаризмом, но прежде всего в том, чтобы противопоставить ему объединенную творческую силу художественной литературы и духовной мысли Восточной Европы, обогащенных горчайшим личным опытом и вытекающим из него видением новой исторической перспективы». Чтобы не думать об отдельных материалах журнала, в котором ощутима недостаточно жесткая хватка издательской руки, – главное его устремление, несомненно, исполняется трудолюбиво и от души. «Континент» смотрит широко, мыслит открыто, дает место на страницах многообразным взглядам, ищет союзников на Западе и сотрудников среди восточных товарищей по несчастью. Польше он уделяет весьма почетное место. Регулярно выходят его издания на иностранных языках, из которых особенно интересно и довольно независимо немецкое.

Результатом раскола в «Континенте» стал выходящий менее регулярно, по замыслу ежеквартальный, журнал «Синтаксис», предприятие супругов Синявских. Это журнал весьма камерный, производимый домашним способом, посвященный критике, эссеистике и публицистике, направленности либерально-западнической. Редакторы заявили, что они высоко ставят интеллектуальную провокацию, остроту мысли, эффектную форму и что им отвратительна литературная серость «социализма наизнанку». Их специальностью стала полемика с различными формами и извращениями русской мысли неославянофильского типа. В этой роли журнал оказался нужным, будоражащим, задиристым; неизвестно только, хватит ли ему дыхания.

Журналы «Эхо» и «Ковчег» сформировались схоже: как предприятия более молодых эмигрантов, заранее бунтующих против – в форме ли он проявляется, в содержании ли – академизма существующих журналов. Оба дают ведущее место эксперименту, в особенности связанному с традицией ОБЭРИУ, Общества реального искусства ленинградской школы 20-х годов, соединявшей приемы постфутуризма и сюрреализма, – многими годами позже это влияние оказалось плодотворным. <...> оба журнала скорее напоминают альманахи, где нет определенной линии, ибо

в ней нет потребности. Эта юношеская развязность, подкрепленная богемным духом, хорошо вписывается в парижский пейзаж, и панорама эмиграции была без них безусловно беднее. Оба предприятия могут, конечно, оказаться эфемеридами. <...>

Есть еще журнал художников «Третья волна», уделяющий много места литературе, – он решился открыто заявить, что является альманахом. И здесь авторы разнообразнейшие, а важнейшие вопросы связаны с группировками. Эмиграция художников попала на Запад в трудный момент всеобщего пресыщения и убежденности, что все уже было; так что ей приходится с огромными усилиями бороться за признание своего экспериментаторства, которое на родине было смелым и шокирующим, а за ее пределами вызывает, правда, и уважение, и умеренный интерес, но чаще всего не является открытием или неожиданностью. Нет недостатка и в спорах о том, кто лучше представляет русское искусство, кто кому мешает занять соответствующее положение. Но это уже не наша забота.

Еврейская эмиграция лишила Россию, как и нас двенадцать лет назад, многих ясных умов и бойких перьев; поэтому нет ничего удивительного, что в Израиле возникло несколько журналов, в которых литература занимает значительное место. Среди них выделяется ежемесячник «Время и мы». Это, пожалуй, наиболее профессионально редактируемый журнал в эмиграции. Им руководит Виктор Перельман, бывший сотрудник «Литгазеты», умело представляя литературные тексты (здесь был открыт очень интересный прозаик Зиновий Зиник), воспоминания, документы, сенсационные и развлекательные материалы.

Вторая форма расстановки сил – это

Писатели-эмигранты и их произведения. <...>

В настоящее время Солженицын без усталости трудится над своим гигантским историческим циклом, публикуя очередные «узлы» из эпохи заката царизма. Крепкий живописец социальных полотен, Максимов опубликовал после выезда автобиографическое «Прощание из ниоткуда» и повествующий об эпизоде послевоенного сталинизма «Ковчег для незваных». Некрасов использует формы более свободные, репортажные, с лирическими отступлениями и сведением счетов с прошлым. Два серьезных томика стихов опубликовал Бродский; поэзия его вне России стала, кажется, приобретать черты некоторой особой невесомости, смысл которой станет ясен лишь со временем. Невероятно эффектно вторгся, предшествуемый своими «Зияющими высотами», Зиновьев; его первая книга показывает, что во всех сферах советской жизни осуществляется принцип со<нрзб.>, и жизнь эта оказы-

вается нелогичной по своей сущности, рассуждения же логика превращаются в литературу, притом высокого класса. Зиновьев продолжает публиковать новые книги, но все они пока остаются в ключе, уже блестяще использованном в «Зияющих высотах». Синявский – пожалуй, наиболее выдающийся из живущих русских критиков, вернулся – и правильно сделал – к своей основной специальности, опубликовав «В тени Гоголя» и «Прогулки с Пушкиным»; эта последняя, написанная с дьявольским иконоборческим пылом, вызвала скандал в среде пушкинистов. Судя по напечатанным фрагментам, должен стать событием роман Юза Алешковского, автора популярной песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый. . .», – «Кенгуру», фантастический гротескный, политический и плутовской, утопический и реалистический. Один из критиков написал, что после Солженицына, Максимова и Зиновьева миру предстоит открытие советского Смеха и Эроса.

Кроме того, систематически пишут и издаются Гладылин, Владимир Рыбаков, Терновский, Марамзин, Кандель и многие другие прозаики, о которых уже можно говорить серьезно. Нет недостатка в поэтах, среди которых весьма активна заядлая полонифилка Наталья Горбаневская. Страна потеряла большую плеяду известных критиков и публицистов, находящих свое место в диаспоре, – к ней относятся Голомшток, Коржавин, Янов, Амальрик, Поповский (автор весьма интересного исследования «Управляемая наука»). Увлекательные книги, соединяющие публицистику и расчеты с прошлым, издали выдающийся филолог Ефим Эткинд («Записки незаговорщика») и прозаики Григорий Сквирский («На лобном месте»), историк Александр Некрич, антисталинская книга которого «1941, 22 июня» стала в свое время причиной скандала в СССР, опубликовал исследование о репрессивной национальной политике «Наказанные народы». Вообще политическая публицистика и эссеистика расцветает особенно бурно, и здесь нельзя не упомянуть имя известного историка и публициста второй эмиграции Абдурахмана Авторханова. В этой области блеснул подлинным талантом отважный Владимир Буковский: в книге «И возвращается ветер. . .» он произвел трезвый, мудрый и стилистически совершенный анализ своего опыта. В критике появились многообещающие имена Майи Каганской и Натальи Рубинштейн; нашли свое место в науке многие историки (например, Михаил Геллер) и филологи с весьма любопытной русистикой Иерусалимского университета, в шутку определяемой как «структурализм с человеческим лицом», занявшие университетские посты по всему миру.

Позиции и взгляды. <...>

Спектр их широк. Если смотреть на эмиграцию как на наследницу прошлого и на предтечу будущего Учредительного собрания, то едва распускающийся русский парламентаризм продемонстрирует все цвета и оттенки. На крайнем левом фланге (сохраняя традиционную терминологию) окажется Жорес Медведев, из России поддерживаемый братом Роем и сторонниками из круга самиздатского журнала «XX век». Они сами пишут о себе как о «диссидентах марксистского типа». Их характеризует вера в возможность возрождения ленинских традиций и «истинного социализма». Оба критически относятся к большинству оппозиционных группировок и, в свою очередь, встречают всеобщую неприязнь и даже упреки в том, что они оказывают определенные услуги власти. Объективности ради следует все-таки напомнить, что Рой и Жорес написали ряд ценных трудов о репрессивной психиатрии, о почтовой цензуре, о Сталине, Солженицыне, авторстве «Тихого Дона» и т.д., что оба они в совершенстве владеют техникой публицистики: спокойной, умеренной, элегантной, точной в полемике, сравнительно наиболее близкой к средним европейским стандартам; что их концепции, по-видимому, подчинены прагматическому желанию достичь адресата, умонастроенность которого они учитывают, – партийного аппаратчика, не глухого к словам о реформизме <...> перевес тактических комбинаций над существом дела можно в принципе поставить под вопрос, однако в рамках принятых посылок все это не бессмысленно и необязательно вполне безрезультатно.

Двигаясь слева к центру, мы наталкиваемся на «левых либералов». Сюда относятся, в частности, Плющ, Янов, Левитин-Краснов, Белоцерковский, Андреев, близок группе Эткинд, а в России – Сахаров. Программный сборник «СССР. Демократические альтернативы» позволяет сделать вывод, что группировка эта сильнее в полемике с противниками справа, чем в описании альтернатив. <...> Союзников они ищут среди европейских «зеленых» и в Социалистическом Интернационале. <...>

За ними мы обнаруживаем нечто вроде зачатка либеральной партии – это был бы круг «Синтаксиса», однако в большом приближении, ибо в целом «либералы» довольно расплывлены. По существу, современный русский западнический либерализм – всего лишь наиболее общая направленность, а также проявление усталости от идеологии.

Род беспартийного центра составляет круг «Континента». <...> журнал заботится о сохранении характера возможно более широкой платформы. В плане отрицания «Континент» харак-

теризуется последовательным и хорошо аргументированным антикоммунизмом и решительной неприязнью к марксофильским флиртам. Выражение этой неприязни дал Владимир Максимов, человек резких суждений, в памфлете «Сага о носорогах», и сделал это в согласии с законами жанра. Это рубка наотмашь, так что острие топора не всегда ложится со стопроцентной точностью, и пресловутые щепки тоже, вероятно, летят, иногда же жертву глушат обухом. Однако кто знает, лучше ли тут сработали бы более тонкие инструменты. <...> Характерно, что текст Максимова вызвал невероятную бурю, в которой не нашлось места ни желанию понять авторские намерения, ни разговору по существу. <...>

Правее «Континента» парламентарную картину завершает Солженицын и люди, близкие к нему в России и за рубежом; это можно назвать христианско-национальным направлением. <...> бескомпромиссный пророк Солженицын пропагандирует вместе со своими союзниками образ религиозного возрождения, основанного на принципе покаяния и взаимного прощения грехов; затем – авторитарную, внеидеологическую модель правления как более подходящую для России, чем – в принципе оцениваемый отрицательно – опыт парламентарной демократии; право народов СССР на самоопределение – типа «да, но...», т. е. ограниченное общими интересами; наконец, страстную убежденность в уникальности опыта и призвания России, значения ее национальных традиций. <...> Довольно легко и, в общем, убедительно было доказано, какие опасности заключены в этой программе. Рассматривая всерьез, не следует преувеличенно пугаться этой программы, поскольку пока это набросок, первая примерка. Здесь больше, чем где-нибудь, проявляется наследие изоляции: группа Солженицына трудится, изобретая все заново и для исключительного употребления, словно никто, никогда и нигде за пределами России не изобрел ничего, о чем стоило бы знать и чем стоило бы воспользоваться. Во всяком случае не нужно верить тем, кто внушает, что программа группы Солженицына отвечает ультранационалистическим и расистским позициям, проявляющимся в России как в аппарате власти, так и вне его. <...>

В заключение автор еще раз окидывает взглядом нынешнюю русскую эмиграцию, говорит о трудностях отношений и с Родиной, и с Западом. Будут ли пришельцы обладать достаточным упорством и талантом, чтобы выстраданное свое «возвысить до всечеловеческого»? Достигнет ли русская эмиграция величия, соответствующего ее величине? Автор завершает статью поговоркой: «Спросите что-нибудь полегче».

Доброжелательная и объективная статья, написанная в умеренном и дружелюбном тоне. В реферате многие оценки выглядят более резкими, чем в оригинальной статье, поскольку пришлось пожертвовать многочисленными уточнениями и оговорками.

М.Б.

7/8Б2. Н.ЛЕПИН. Парафразы и памятования. Синтаксис, 6, 45 стр.

1. Памяти Гаутамы Будды. В Четырех Спасительных истинах Будды спасение достигается через знание (а не любовь) – и через следствие знания, через сострадание. Этика сострадания во многом выше, а нам, людям двадцатого века, ближе, чем этика любви. Любовь присуща всему живому, это начало душевное. Сострадание – только человеку, это начало духовное. Этика сострадания шире этики любви. Когда я люблю, я и сострадаю предмету любви, но для сострадания мне не требуется любви. Императив сострадания реальнее любви, для которой императив как таковой лишен смысла («сердцу не прикажешь»). Любить человека дурного, злого, пошлого (то есть огромное множество людей!) я не могу – и не хочу. Но жалеть, глубоко сочувствовать, сострадать я должен, я могу – даже Дьяволу! Недаром некоторые великие мистики – а мистика это единственное верующее сознание, отвечающее духу нового времени! – верили, что и Сатана будет (в конце времен) прощен, спасен.

Только из сострадания (всему живому, страдающему), а не из любви, которая, как желание, еще не достигла знания, еще не «пробудила» нас – Будда Татхагата («Всесовершенный») под деревом Бодхи не отошел тут же в блаженную Нирвану: не поддался коварному совету Мары (Смерти, Сатаны), превозмог последнее и величайшее искушение, для просветленного куда более соблазнительное (а нам гораздо более понятное!) чем три – странные для воплощенного Бога-Сына искушения Иисуса Сатаной в пустыне. Превозмог соблазн и отправился катить спасительное Колесо Закона по белу свету.

И в самой Евангелии наиболее потрясающий момент в истории страстей Христовых – и не менее значительный, поучительный, чем сама Нагорная проповедь! – это последние слова отчаявшегося от духовных мук Иисуса: «Или, Или, лама азафтани» (в форме ивритской, а не синодального текста. – Л.). Сам Отец не выдержал этих мук Сына, более страшных, чем физические муки распятия и все издевательства черни, – и отпустил Его душу.

И лишь в этот момент – высочайшего духовного страдания – «завеса в храме разодралась надвое... и земля потряслась, и камни рассеялись, и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли и вышли из гробов» – сострадаю Ему.

Только сострадание роднит нас со всем живым, с самой природой жизни. <...>

3. Памяти Хама, сына Ноева, или парафраз на тему Ветхого Завета. Библейский рассказ о Хаме, втором сыне патриарха Ноя, – это подлинная парадигма всякого хамства как явления антикультуры. Своего рода «пролегомены к возможной в будущем науке хамоведения».

Основные моменты:

1. Эпизод с Хамом завершает рассказ о всемирном Потопе. Хамство выступает на арену истории после некоего великого кризиса, после выхода жизни из традиционной колеи – при закате старой эры и переходе к новой.
2. Житейски это выражается в ослаблении культурных перегородок в более близком сопрокосновении – в быту – скотов с людьми, «чистых» с «нечистыми», в некоем уравнении жизненных условий. Сто пятьдесят дней совместной жизни семьи Ноя со всеми животными в одном ковчеге подготовили выступление Хама.
3. Социальная почва хамства, однако, не только в материально трудных условиях кризисного перелома, но и в наступающих затем (или одновременно) материально благоприятных показателях начинающегося «прогрессивного подъема». Земля была утучнена длительным потопом, «Ной начал возделывать землю и посадил виноградник» (ст.20), который обильно плодоносил. Ной попробовал – по-видимому, впервые в истории гастрономии – вина и «выпил он и опьянел» (ст.21). Рост «потребления», расцвет «потребительского» общества, вызванный «материальным подъемом», – важная социальная предпосылка хамства.
4. Но дело не только в социально-материальном. Социальный кризис снизу сопровождается – и это не менее важно – моральным упадком сверху. Расцвет «потребления», «реабилитация плоти» порождают некоторую «духовную беспечность» – и распушенность. Ной «лежал обнаженный в шатре своем» (ст.21) – в самом неприглядном виде. В культуре все начинается сверху, с культурных верхов. Рыба тухнет с головы.

5. И тут на сцену выходит Хам. «И увидел Хам наготу отца своего» (ст.22). Хам приходит к потрясающему открытию: у папы патриарха между ногами те же штучки, что и у нас с братьями, те же, что я, Хам, не раз видел в ковчеге у всех скотов. Между нами, между людьми и скотами – право, никакой существенной разницы. Ведь в этих штучках – начале всех начал – все. Остальное только «надстройки» на биологическом базисе. Все равны – и должны быть во всем уравниены! В абсолютном эгалитаризме – вся культурология хамства, прежде всего – политика и этика хамства.
6. И его эстетика. «И вышедши рассказал двум братьям своим» – побежал первым делом поделиться замечательным своим открытием. И впрямь, что может быть интереснее?! Эротический рассказ, неприличный анекдот, матерное ругательство – есть ли на свете что-нибудь занимательнее, увлекательнее? Поистине до наших дней неисчерпаемая тема общения (особенно устного, живого) для потомков Хама – во всех кругах общества.
7. Но братья не оценили открытия Хама. «Сим же и Иафет взяли одежду, и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад и они не видели наготы отца своего» (ст.22). Начало культуры – стыд. Об этом сказано еще в третьей главе Книги Бытия: лично «Господь Бог сделал Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» (ст.21). Противоположность (стыдящийся человек) – это Хам, человек Бесстыдный. Суть культуры – культ, уважение, благоговение. Для патриархального общества – прежде всего перед патриархом, перед родителями.
8. В этом мифе о сыновьях Ноя все полно парадигматического значения – вплоть до возрастно-переходного места Хама между его братьями старшим Симом и младшим Иафетом. Ибо Хам – существо межеумочное, в культурном обществе – деклассированные. Как правило, социальная база Хама (о чем знали еще древние римляне) – это «деревня в городе». Район Хама, его местожительство – пригород, Хам – человек пригородный: мораль патриархальная (деревенская) утрачена, а культурная («городская») еще не усвоена. Хам – опасный полузнайка, Хам – вечный профан (– «предхрамный»), вечно «непосвященный», непричастный, «беспричастный», духовный недоносок, недоучка. Но самоуверенности и готовности других поучать – хоть отбавляй.

9. И пусть сам Хам фанатически настаивает на своей универсальности («все равны»), в иерархии культурной жизни – а культура по природе иерархична, раз личность – это степень культуры, – место Хама, пока он Хам – всегда внизу: «раб рабов братьев своих», как предсказал и заповедал, проснувшись, патриарх-отец. На самой низшей ступени. Жесткие регламенты для Хама – прежде всего необходимы самому Хаму, вечному недоумку, недорослю культуры. И разумеется, жизненно необходимы также обществу, породившему Хама.

7. Парафраз из «Отче наш». Каждое утро, молясь – единственной молитвой, завещанной самим Иисусом, все прочие слишком человеческие, церковные, недостойно антропоморфные! – надо в наше время после «И не введи нас во искушение» – добавлять: «И не дай мне, Отче, стать брызгой – избави меня от нынешнего духа, от Лукавого».

15. Памяти Иоахима Флорского – с парафразом из Нильса Бора. Старый вопрос, давнее недоумение: как может Библия, книга книг, Книга Завета Божьего, состоять из двух, во многом кардинально противоположных, книг, из Ветхого и Нового Завета? Как может Бог коренным образом изменить свое же Слово, свой Закон? Море крови пролилось из-за этого непостижимого противоречия.

Но со словом Божьим, обращенным к человеку, по-видимому, повторилось то же, что с сотворением самого человека. Человек был вначале сотворен существом единым – как един сам Творец, по образу и подобию коего он создан. Оставляя в стороне фантастическую версию первого человека в Кабалле, излюбленный многими мистиками миф о Первоадаме-Кадмоне (Пра-Адаме, будто бы сотворенном до шести дней творения – из частей его тела якобы создан – созвучный поэтому человеку – Космос). Первый человек был сотворен – согласно Книге Бытия – в шестой день творения – мужчиной, но без пола: до грехопадения вопрос о размножении еще не стоял и не мог стоять, раз речь шла о невинном, как ангелы и бессмертном существе. Не андрогином, а мужественным – по образу и подобию Бога-Отца. Но затем Творец, так сказать, пересмотрел свое творение: Творческий Ум Божий, совершенствуя <нрзб.> ревизовал свой замысел. И Творец сказал: «Нехорошо человеку быть полностью (как Я) единым; сотворим из него же самого вторую – пусть не столь же строгую и справедливую, но во многом лучшую, ибо любящую

и преданную – дополняющую его половину». Так была создана Ева, родная «мать всего живого».

То же произошло со Словом Божьим. Ветхозаветному человеку был дан единый, как сам Господь, Закон, вечный для Адама Завет Справедливости. Ничего нет выше справедливости (в ней, по Платону, синтез трех главных добродетелей), нет ничего глубже в природе Добра, чем Правда. Но «глубокая истина должна обладать тем свойством, что противоположная ей истина – тоже глубока» (принцип дополнительности Нильса Бора). Подобно двойной природе света, корпускулярной и волновой, в новейшей физике – причем оба аспекта равно верны и плодотворны, – Свет Божьего Завета требует два противоположных и взаимодополняющих понимания Религию закона (справедливости), «мужественный» Ветхий Завет, дополняет религия любви, беззаветно преданной любви, «женственный» Новый Завет. Как женщина, созданная позднее (и во многом утонченнее), чем мужчина, Новый Завет духовно тоньше, чем Ветхий Завет. Нехорошо и Завету быть единым, как бы сказал Творец. «Сотворим же ему помощницу из его же, Ветхого Завета, ребра» (Книга Левита, гл. XIX, ст.18; Возлюби ближнего своего как самого себя) – суть всей Нагорной проповеди). Жертвенно преданная Любовь дополняет суровый неподкупный Закон. Человек нуждается не только в экстравертной беспристрастной справедливости – для благополучия родового целого, – но и в интравертной страстной, лично чуткой и «взирающей» любви, дополняющей «не взирающую на лица» справедливость. «И прилепится Ветхое Слово к Новому, и да будут они как одно единое Божье Слово».

А дальше известно: «Плодитесь и размножайтесь». Другими словами, кроме справедливости Ветхого Завета и любви Нового Завета – Третий Завет вечного Богорождения, личного Боготворчества: для зрелой, более личностной эры «детей», для третьей эры Святого Духа, для Нового времени – Завет Параклета. Третий Завет возведен Иоахимом Флорским, Иоанном-крестителем всей мистики (этой новейшей и высшей ступени веры) – он же отец христианского гуманизма, религиозного и антиклерикального, первоучитель всех святых еретиков, начиная с Амальрика Парижского, Франциска Ассизского и блаженного Мейстера Экхардта – тайных противников любой безличной соборности, любой коллективной Церкви, этой матери Вечно Цветущего, вечно плодоносного Живого Слова Божьего, подменяемого в ортодоксальной церкви единой («партийной») организацией и массовым, формальным обрядом. Ведь по слову Спасителя, только «где двое, трое собрались во имя Мое (не больше?), там и Я между

вами». Третий Завет новейшей эры Параклета, как видим, также заложен (даже сформулирован) во втором, в Благовести Нового, как Нагорная проповедь заложена в древнейшем (Ветхом) Завете. Слово Божье не только вечно передается (традицией) из поколения в поколение, но и живет, вечно творится живой боговдохновенной личностью. «Царство Божие внутри нас», глас Божий, начиная с ветхозаветных пророков лично обращен к избранному, звучит адекватно лишь в личной душе верующего, а затем, как эхо, отдается – всегда на свой, тоже личностный лад! – в созвучной душе верующего Другого. Не только Бог един, но и его образ и подобие, личный дух человеческий, един и неповторим. «Если двое говорят одно, они не одно и то же говорят», – раз эта аксиома римского права верна в простом судопроизводстве, насколько же она важнее в куда более тонкой сфере веры! Верно не только, что Бог сотворил человека как личность, но и то, что человеческая личность вечно творит заново Бога (отсюда два, а для тех, кто идет за Иоахимом, чуть ли не три! – завета), творит по личному своему образу и подобию, вечно приближаясь к Нему, творя живой образ Бога – в меру и в духе творческих своих сил.

Ни один завет Божий – вечный по своей природе – при этом не отменяется. «Земля и небо прейдут, но Слово Божие пребудет вечно». Третий завет Святого духа, завет Живого Боготворчества, ни в коей мере не отменяет, не умаляет заветы Справедливости и Любви, заветы Отца и Сына.

26. Памяти Дарвина. Когда слушаешь, о чем люди в наше время говорят, о чем горячо спорят, чем увлечены умы, чем заполнены во всем мире газеты и журналы, о чем «вещают» органы массовой информации, радио, телевидение (реклама, фоторепортаж, хоккей, футбол, бокс, всякого рода сенсации, туризм, детективы, эстрада, «легкая музыка», «поп-музыка», «поп-арт» – всякого рода поп-культура) – на фоне вплотную надвигающейся катастрофы (о которой, между прочим, тоже немало «вещают» и пишут – в порядке острых специй для привычной, а потому ставшей уже пресной «информации» потребляющей, потребляющей и потребляющей культуры), – приходишь к твердому убеждению, что человек произошел не от питекантропа, не от обезьяны, а от страуса.

27. Парафраз из Чехова. Ежедневно, ежечасно и ежеминутно, в мыслях, словах и делах, капля по капле выдавливать из себя грязного – политически, этически, интеллектуально, эстетически.

И если ты решил, что все, ты уже чист – значит, ты уже не ощущаешь – остаточную грязь. А это хуже всего.

28. Парафраз из А.Франса и памяти позднего В.В.Розанова. «Если бы я был Богом, я дал бы в судьи человечеству Иронию и Жалость» (А.Франс).

«Ирония» – это, конечно, от французского ума. И – для французского народа. Другому народу более подобает – Презрение, Мужское, беспристрастное, неподкупное, справедливое Презрение – и женская, сердобольная, беззаветная, безумная, спасительная Жалость. Жалость позднего Розанова: «Ужасная жалость к этому несчастному народу, к этому котьке – слепому и глупому, к этому уродцу – народу. Он сам не знает, до чего он презренен, он есть последний вор и последний нищий. И эта последняя его мизерабельность, этот его «задний двор» истории проливает такую Жалость и <нрзб.> не было к тому, евангельскому, великолепному Лазарю. О, тот Лазарь сиял. Горит в раю и горел бы в аде. А в этом, моем ком-патриоте – одни вши... – И вот эту «вошь преисподнюю» и люблю, люблю, рыдая об этой его окаянности» (из письма В.В.Розанова к П.Б.Струве – февраль 1918).

Итак: презрение – и беграничная самоотверженная Жалость.

29. Памяти Бердяева. <...> «И враги человеку близкие его» – относится и к народам. Самые опасные враги народа – «близкие его», из него же самого вышедшие, искренне, но по-глупому любящие его, те, что препятствуют личности выйти в мир, поглядеть, как люди живут, поучиться у других, те, что мешают человеку строить свою жизнь по-новому, не так, как жили предки, может быть, достойнее, чем они. Враги полувосточному народу те, кто советует ему двигаться только на восток, на псевдо-родной северо-восток, не глядеть на запад, – нечего-де учиться у чужих. Знай сверчок только свой шесток – тем самым расписываясь под тем, что он «сверчок», не «человек». И это в то время, как весь Восток только и смотрит (хотя и с разными чувствами) на Запад и только от Запада ждет помощи. Нет, раз ты от природы (от «почвы») соленый, то и соли себя, соли соль). Верное средство сохраниться от «порчи».

Враги народу – нынешние «почвенники» его: неразумно любящие, недостойно, безобразно любящие его, отрицательно – по отношению к другим народам, к «инородцам» – любящие его: как народ племя, а не как народ – личность. «Почвенники» – от комплекса неполноценности национального сознания, от неверия

в способность своего народа учиться у других. Когда пророк наших дней в ответе А.Сахарову («Из-под глыб», 1974) с восхищением ссылается на слова С.Булгакова, что «западничество есть культурная капитуляция перед духовно сильнейшим», мы слышим голос культурно слабого, голос неверия в силы своей нации, в национальную «переимчивость» русского ума, которую он доказал в лучший период, в петербургский период своей истории. Пророческий дар от Исайи до Исаича, увы, неизнаваемо деградировал! Когда из урока Февральской революции, за которой последовал Октябрьский переворот, этот же пророк выводит: «Видите, к чему привела свобода, русскому народу нужен только строй авторитарный» – и это несмотря на все уроки последующего сверх-авторитарного периода, – становится ясно, что русского пророка покинул и «русский ум», «задний ум». От неверия в свои силы.

Для нации, великой нации, страшна не отсталость сама по себе (исторический народ – личность выходит из своей отсталости), не временные поражения, в частности военные (в истории России более роковыми оказывались военные победы, за которыми не раз следовали позорные периоды политической реакции – от самоупоения), даже не преступления по отношению к самому себе и к другим нациям. Всего страшнее и губительнее, если народ о них не помнит, не учел их, не пошел по новому пути (как в наше время великие нации Германии и Японии). Нации, как и человеку, свойственно ошибаться, преступления совершали и святые. Плохо, очень плохо, когда народ не помнит, не хочет помнить о грехах своего прошлого, не любит, чтобы ему об этом напоминали («Зачем вспоминать старое?»), когда «в степи мирской» он по-племенному, природно-беспамятно всему предпочитает «холодный ключ забвенья», что «слаще всех жар сердца утолит». Старая истина гласит: кто не помнит уроков истории, осужден их повторять. Еще хуже, когда вину за национальные свои грехи возлагают на других – на влияния со стороны, на иные народы той же страны, на инородцев, на свою интеллигенцию, на свое руководство, правительство, на любых иных – отказываясь «виниться», возлагать вину на себя: тем самым отказываясь от национальной зрелости, от своей личности, предпочитая полуплеменное нравственное несовершеннолетие.

Но всего хуже для народа, когда отсталость и национальные недостатки возводятся в достоинство, в национальные преимущества: антилогика комплекса неполноценности, который, по закону амбивалентности, переходит в высокомерие. В относительно скромной – ибо «сострадающей» – форме комплекс выступает в умилении перед национальной нищетой «бедных селений»,

«скудной природы», перед «краем родным долготерпенья», его «наготой смиренной», которых не может оценить «гордый взор иноплеменный»; но уже и здесь есть обожествление родного убожества, как «ноши крестной» страны, которую «в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя» – очевидно, на вечное рабство? В более высокомерной форме комплекс становится «учительным» и фанатически нетерпимым. Ибо в основе его лежит неуверенность в своей правоте: «Фанатизм – это сверхкомпенсированная неуверенность» (К.Юнг). У каждой нации есть ее призвание, национальная миссия – прежде всего по отношению к себе; нация творит сама свою судьбу, помогая, кроме того, по мере своих сил, другим нациям. При комплексе неполноценности миссия, миссионизм переходит в гибельный messiанизм. Все нации должны быть смиренны, покорны, соборны, как мы, – шествовать под своей крестной ношей. Все должны быть распяты, как Мессия, – некий нравственный долг всего человечества, спасение от гибельной свободы. Никаких наций как «личностей», «лиц» человечества: одно «лицо», одна модель для всех лиц! Личное – лишнее. В идеале – человечество, как стадо во главе с одним быком, «племенным» Лицом. Эсхатологические чаяния «конца времени», блаженного «конца Истории», нередкие, увы, в истории русской мысли.

Нынешнее «почвенничество», его патологический комплекс, мегаломания, messiанизм, разумеется, утопичны, в крайних своих формах достаточно абсурдны, непрактичны, несовместимы с национально русским «здравым смыслом». Это «почвенничество» – во всех его видах, официальных и полуофициальных – в конечном счете достаточно беспочвенно. В наше время грядущее нации (любой нации, как и человечества в целом) неясно, «открыто», – как и природа личности, под знаком которой развивается История в наше время. Народ, тем более, большой, многочисленный народ – даже если в нем много недоразвитого, племенного – должен стать полноценной личностью, может ею стать, создать условия для развития национальной своей культуры, которую творят только личности-индивиды, а не авторитарные верхи, творят не соборно, а свободно – в спорах, диалогически. И надо надеяться, что великий народ выйдет из переживаемого кризиса, несмотря на своих «почвенников» – вверху и внизу.

Вера в свой народ – вещь хорошая, когда она опирается на факты, знания, дела («вера без дел мертва есть»). Слепая вера, самоуверенность – например, в религии уверенность, что ты уже спасен, – опасна, кощунственна, порой гибельна. Любовь к своему народу – тоже хорошая вещь, когда она свободна от шовиниз-

ма, от чрезмерных иллюзий, из-за которых – по амбивалентной природе любви – легко переходит в ненависть («Россию я теперь люблю ненавидящей любовью» – в отчаянии говорил Блок год спустя после «Двенадцати» и «Скифов»). Из трех богословских добродетелей самая верная в наше время это скромная и достаточно оправданная – в силу вечной «открытости» национального характера – Надежда.

Надежда всегда с нами.

30. Парафраз из «Основ ленинизма». По стилю сталинизм – на свой лад высший этап ленинизма – это соединение американской преступной деловитости Гангстера с карамазовским размахом «широкой» русской природы Подонка.

31. Парафраз из последнего Евангелия или Конец всем фразам, парафразам и всякой памяти (посвящается А.Зиновьеву). Начало Евангелия от Ивана. В начале был Начальник. И у Начальника было слово. И Слово было Начальник. И Слово было «Да будет». И сказал Начальник «Да будет мой свет». И бысть его – и только его! – свет. И Начальник увидел, что свет хар-рош! И сказала Начальник: «Да скажут все: Хар-рош свет, хороша страна Начальника, Я другой такой страны не знаю. Много в ней. . . » И воистину, Иван другой страны не знает. И много в ней – этого самого. И был вечер, и было утро – день первый – и последний. И Ангел в небесах клялся – матерно клялся! – что времени больше не будет. «Это есть наш последний. . . »

И время остановило свой бег – век.

7/8Б3. По поводу присуждения Нобелевской премии Чеславу Милошу (из «Жиче Варшавы», 10.X.80; перевод с польского, комментарии и подстрочный перевод стихотворений Э.Орловского)

В связи с присуждением 9.10.80 Нобелевской премии по литературе ЧЕСЛАВУ МИЛОШУ, польская газета «Жиче Варшавы» публикует в номере за 11/12 октября пять стихотворений Ч.Милоша, взятых из сборника «Избавление», опубликованного в 1945 году. Ниже приведен прозаический (подстрочный) перевод двух стихотворений.

Как сообщается из корреспонденции М.Горского, опубликованной в «Жиче Варшавы» 10.10.80, формула награждения гласит: награждается Чеслав Милош, «который с бескомпромиссной

пытливостью выявляет опасности для человека в мире, полном бурных конфликтов».

1. Бегство

Когда мы уходили из горящего города,
На первой проселочной дороге, обратив назад глаза,
Я сказал: «Пусть наш след позарастет травой,
Пусть в огне умолкнут кричащие пророки,

Пусть мертвые мертвым скажут, что произошло,
Нам внезапно назначено породить новое племя,
Свободное от зла и от счастья, таившегося там,
Идемте». А меч пламени открывал нам землю.

2. Надежда

Надежда бывает, если кто-то верит,
Что земля – это не сон, а живое тело,
И что зрение, осязание и слух не лгут,
А все вещи, которые я здесь знал, –
Это как бы сад, у входа в который ты стоишь.

Войти туда нельзя. Но наверняка,
Если бы лучше и мудрее смотрели,
Еще новый цветок и еще не одну звезду
Мы бы увидели в саду мира.

Некоторые говорят, что глаз нас обманывает,
И ничего нет, все только кажется,
Но именно у таких людей нет надежды.
Они думают, что когда человек отвернется,
Весь мир за ним сразу перестает существовать,
Как если бы его похитили руки вора.

3. Из биографии Чеслава Милоша. Родился 30 июня 1911 в Шетеинях (Литва). Окончил среднюю школу в Вильне (Вильнюсе) и юридический факультет Виленского университета. Первая публикация стихов – в 1930 году, в университетском журнале «Альма Матер Вильнензис». Был одним из основателей поэтической группы «Жатары», имевшей позже большое значение для поэтического течения «Авангард». Первый сборник стихов «Поэма о застывшем времени» издан в 1933 году и удостоен премии

Виленского союза писателей, ему также назначена стипендия, позволившая ему в 1934-35 годах учиться в Париже. В 1936-39 годах работал в литературном отделении Польского радио в Вильне и Варшаве. В годы войны был деятелем культурного подполья. В 1945-49-м работал в польском посольстве в Вашингтоне, а в 1950 году назначен атташе по вопросам культуры польского посольства в Париже. В 1951 году остался на Западе и до 1969 года сотрудничает в Литературном институте в Париже. В 1960 году приглашен Калифорнийским университетом в Беркли преподавать польскую литературу и переехал на постоянное жительство в США. Наряду с другими наградами получил в 1974 году премию польского Пен-клуба за переводы стихов. Является почетным доктором (доктором хонорис кауза) университета в гор. Энн-Арбор, штат Мичиган. В 1954 (1945?) издательством «Читальник» выпущен сборник стихов «Избавление». В последнее время его стихи и поэмы или фрагменты поэм публиковались в Польше на страницах журналов «Твурчосць», «Знак» и «Тувгодник Повшехны» (последние два – католические) (в основном – переводы), а также в антологиях («Польская поэзия» под ред. Ст.Гроховяка и Я.Мачеевского, изд. ПИВ (Госиздат) – 23 стихотворения; «Поэзия борющейся Польши», сост. Я.Щавей; печатающаяся антология польской поэзии под ред. А.Лама, Литературное издательство).

После присуждения Нобелевской премии объявлено о предстоящем издании нескольких книг Милоша.

4. Поздравление Хенрыка Яблонского. Председатель Государственного совета Польской народной республики ХЕНРЫК ЯБЛОНСКИЙ направил Чеславу Милошу телеграмму следующего содержания:

Уважаемый г-н Милош, прошу принять поздравления в связи с получением Вами Нобелевской премии по литературе.

Выполнили собой круг поляков, удостоенный этой награды за произведения, оставившие прочный след в мировой литературе.

Признание Вашего творчества я рассматриваю как проявление уважения к великой польской поэзии.

Поздравительную телеграмму направил Чеславу Милошу также министр культуры и искусства ЮЗЕФ ТЕЙНХМА.

5. Официальный нобелевский комментарий. По случаю присуждения Нобелевской премии по литературе, в Стокгольме, как всегда опубликован комментарий. На этот раз комментарий опубликован также и на польском языке. Обширные выдержки из комментария приведены в «Жиче Варшавы».

С самого начала его творчества Чеслава Милоша сопровождает духовный разлад, постоянная необходимость сделать выбор между несовместимыми друг с другом солидарностями, необходимость разрыва с гибнущими культурными и общественными стандартами. Как физически, так и духовно, он является писателем-эмигрантом, – посторонним, для которого физическая эмиграция – это, по существу, отражение метафизического или прямо духовного изгнания в общечеловеческом смысле. Мир, который показывает Милош в своих стихах, прозаических произведениях и в своих эссе, – это мир, в котором живет человек с момента его изгнания из рая. Но этот рай, которого человек лишен, – это не какая-то призрачная идиллия, нет, это Эдем Ветхого Завета. С его Добром и Злом и с его Дьяволом – соперником в господстве над миром, Силы злые, разрушительные, перемешаны с силами добрыми, творческими – и одни, и другие, и другие одинаково реальны, одинаково присутствуют в нынешнем мире.

Для творчества Милоша и для его мировоззрения типичны напряжения и контрасты. Ему приписывают наличие в его взглядах элементов манихейства, да он и сам это подтверждает. <...>

То, что Милош видит действительность такой, какова она есть, вовсе не означает, что он видит все лишь в черных красках. Это не <пропущена строка> в светлых красках не должно приводить к утрате чувства реальности, к погрязанию в лицемерии, а тем более не может быть желание замазать существующие противоречия ради компромисса или любви к комфорту. Напряженности, раздвоенности, страсти, конфликты – эта реальность лишенных рая является добровольной и одновременно силой навязанной диаспоро-тиральной (?) сущностью нашей жизни. <...>

Чеслав Милош считается выдающимся художником слова. Утверждается, что сущность его стихов может полностью понять лишь тот, кто читает их по-польски. Трудно надеяться на то, что преимущества такого языка, его гармония, ритмики и сенсуализм могли быть верно переданы в переводе. Однако даже в переводах ощущается богатство чувственной восприимчивости поэта. Образность языка Милоша, впечатляющая и поразительная, могла возникнуть лишь благодаря его собственному жизненному опыту, его богатому воображению, памяти и переживаниям. Интеллектуальные элементы Милош уравнивает, порой прямо-таки

софистически, исключительной наблюдательностью и исключительной восприимчивостью чувств. <...> Для Милоша в равной степени характерна как способность не терять из виду перспективу, так и способность к непосредственному участию. Это же касается и его отношения к новой родине, в которой он по истечении 20 лет все еще остается посторонним со своим чужим языком и чужими корнями, но тем не менее был принят посторонним для него сообществом. Милош – поэт, которого нужно объяснять, чтобы он был понятен, но тем не менее его понимают и ценят. Однако как бы непосредственно и лишь за несовершенное отражение его действительного творчества. Но именно в таком положении – по мнению Милоша – находимся все мы. Поэты и непоэты. <...>

Чеслав Милош – это писатель трудный в лучшем смысле этого слова – сложный и интеллектуальный. Он побуждает к мышлению, требует внимания, его настроения меняются от лиричности до страстного непосредственного участия. От абстракции до конкретных подробностей. Это писатель большой значимости. Пленительный и чарующий также и потому, что он столь сложен.

5. Высказывания выдающихся польских писателей о Ч.Милоше. Ежи ПУТРАМЕНТ (род. 1910, вице-председатель – ранее, кажется, председатель Союза польских писателей, член ЦК ПОРП, в ноябре 1980 года вновь награжден советским орденом, перевел «Чапаева» и «Разгром»).

«Это превосходный поэт. Очень часто Нобелевская премия присуждается в какой-то степени по политическим причинам. Но на этот раз она присуждена действительно значительному поэту.

Вспоминаю такой случай. В мае этого года у меня был корреспондент газеты «Дагенс нюхетер» Холмкист. Он спросил у меня, кого из польских писателей я считал бы достойным Нобелевской премии. Я рассказал ему о Милоше. Он это напечатал. Такое совпадение. Я думаю, что большую рекламу Милошу сделала его последняя книжка – переводы псалмов.

Милоша я знаю с 1930 года – я тогда учился на первом курсе факультета польского языка и литературы Виленского университета, а Милош – на первом курсе юридического факультета того же университета. После войны я с ним уже не виделся.

Милош родился на Сувалцизне. Он всегда говорил, что происходит из одного из последних ядзьвинских (?) родов. Его дядя, которого звали Оскар де Милос, тоже был поэт – поэт литовско-французский, ибо выехал позже во Францию. Он писал мистические стихи. Чеслав Милош их высоко ценил и сам воспринял кое-что из этой мистической поэзии. Но он дядю превзошел.

Вспоминаю еще такой факт. После съезда писателей в 1975 году было проведено дополнительное заседание в Радзейовицах. Мы решили тогда, что Милоша необходимо издать. Тогда еще этому воспротивился отдел пропаганды. Но теперь нам уже не нужно отказываться от издания Милоша, ибо как раз те, кто этому противился, из отдела пропаганды теперь ушли. Если Милошу посылает телеграмму председатель государственного совета, то теперь уж Милоша наверняка издадут. Это замечательный творец поэтического языка и замечательный переводчик, равного которому я не могу припомнить.

Из поэтической группы «Жатары», участником которой был Милош, нас осталось в Варшаве трое: Ежи Загурский, Александр Рымкевич и я. Во время оккупации Милош был в Варшаве, после Варшавского восстания он выехал в Закопане, а затем – в мир.

Вспоминаю еще повесть Милоша под названием «Долины Иссы». О Сувалщизне, такие воспоминания о молодости, об этом роде.

Помню еще одно стихотворение Милоша, отрывок из стихотворения: «Не бойся звезд, хотя они были свидетелями твоих унижений; не бойся оврагов памяти, хотя их дно неведомо никому; не бойся зла – ибо человек нас оправдает, либо оправдает время».

И вот еще что. Милош был очень приличным человеком. Сейчас – не знаю, прошло ведь 50 лет».

Теодор ПАРНИЦКИЙ (род. 1908 в Берлине, окончил Львовский университет в 1932 году, в 30-е годы пропагандировал М.Горького, А.Н.Толстого, Шолохова, Леонова, позже прославился историческими романами, за которые в 1972 году получил государственную премию ПНР).

«Хорошо, что польский писатель получил Нобелевскую премию. (На замечание корреспондента, что кандидатура Т.Парницкого также выдвигалась): Что значит кандидатура? Разве я имею влияние на тех, кто выбирает? Я думаю, что в Шведской академии мало кто знает мое творчество. Подозреваю, что мою кандидатуру никто всерьез не принимал.

Важно, что премию получила польская литература (это в ответ на замечание корреспондента, что ранее выдвигалась на эту премию, хотя и безуспешно, кандидатура польского эмигранта Гамбровича, а на этот раз вновь был выдвинут эмигрант, и на этот раз успешно)».

Ежи АНДЖЕЕВСКИЙ (автор известного романа «Пепел и алмаз», хорошо известного в СССР и положенного в основу еще более известного одноименного фильма; после 1976 года известен в основ-

ном как председатель диссидентской группировки КОР, позже КОС-КОР («Комитет общественной самопомощи – Комитет защиты рабочих»).

«Это один из тех редких случаев, когда Нобелевская премия присуждена действительно справедливо. Милош – это один из самых выдающихся поэтов мира. Это мой самый большой друг. Мы вместе с ним пережили оккупацию. Потом он пошел одной дорогой, а я другой. Он поехал в Америку, я остался здесь, я выбрал путь потруднее.

Милош – это самый крупный польский поэт. Он у нас очень мало известен. Теперь станет известен. Это меня радует. Думаю ли я, что он приедет в Польшу? Не знаю. Я думаю, что он хотел бы приехать.

Ожидал ли я присуждения премии Милошу? Ожидал, но... Я думаю, эту премию следовало бы разделить между Милошем и мною, ибо каждый из нас является выдающимся писателем в двух разных родах литературы. А кроме того, творчество писателя возникает не из премий. Когда Сенкевич получил Нобелевскую премию, он не стал от этого более крупным писателем».

Артур САНДАУЭР

«К творчеству Милоша я отношусь неоднозначно, критически. Я очень высоко ценю «Избавление» и «Поэтический трактат». Его прозу я также высоко ценю, но не так высоко, как, например, прозу Гомбровича (эмигрант). Милош – это писатель с определенными мистическими тенденциями. В «Поэтическом трактате» он писал об исторической необходимости или о так называемом «духе истории»:

Кто ее не признает, когда его коснется палочка,
Начнет лепетать и утратит разум.
Кто же перед ней склонится, будет лишь слугой,
Его станет презирать его новый хозяин.

Наши писатели, живущие в США или во Франции, становятся менее провинциальными, более известными. Жюри Нобелевской премии не всегда руководствовалось лишь художественными соображениями. Но в данном случае, я полагаю, взяли верх чисто художественные критерии. В «Избавлении» и «Поэтическом трактате» есть стихи, берущие за горло. Это – литературные факты. Среди ныне здравствующих польских писателей я не вижу никого, кто был бы более достоин Нобелевской премии, чем Милош».

Адам Валик

«Я уже послал Милошу поздравительную телеграмму. Что и говорить – большая радость. Думаю, что со времени Элиота никто из поэтов не был столь достоин премии, как Милош. Я всегда считал Милоша единственным наследником так сказать средиземноморского, латинского течения в нашей поэзии и самым крупным представителем этого течения со времени Кохановского и Мицкевича. В последний раз я видел Милоша на всемирном съезде поэтов в Монреале. После этого я его, к сожалению, не видел. Знаю, что в Париже недавно изданы псалмы Давида в переводе Милоша. В Польше Милош малоизвестен. В последний раз его стихи публиковались в Польше в 1978 году в антологии, изданной государственным издательским институтом (ПИВом). Надеюсь, что сейчас положение изменится».

7/8Б4. В связи с 60-летием Андрея Дмитриевича Сахарова. (Письмо священника составителям юбилейного сборника к 60-летию академика А.Д.Сахарова)

Дорогие составители! Я преисполнен благодарности вам за принимаемый вами Юбилейный сборник. Спасибо вам за почтенное приглашение мне в нем участвовать. С вашего разрешения пусть это и будет вот это мое вам письмо.

Андрей Дмитриевич Сахаров. Его личность, его дело, его судьба, воспоминания о немногих личных с ним встречах – все это вызывает у меня чувства восхищения и боли... «Голос совести всего человечества» – это определение Нобелевского комитета абсолютно верно. «Праведник» – сказал о нем покойный Александр Галич. Да, дорогому Андрею Дмитриевичу не повредит, если я здесь признаюсь, что подсмотрел у него некоторые черты личной святости. Всякий раз я уходил от него глубоко взволнованный впечатлениями от обаяния его личности. Не постесняюсь сказать, что это были религиозные впечатления.

Андрей Дмитриевич не принадлежит ни к какой из христианских церквей. Но он – величайший представитель единой всечеловеческой Церкви людей доброй совести и воли... Здесь я должен хотя бы кратко объяснить о наших дискуссиях внутри современного исповедания Христианства. На одном краю – приверженцы узкой ортодоксии, нетерпимые к любой попытке переосмыслить традицию. На другом – те, кто думает, что вечное Христианство более широко и свободно, что оно вмещает в себя все, все высокое и прекрасное – все, что дорого и свято нам в жизни. Конечно, оно обнимает и жизненный подвиг академика Сахарова: его личное милосердие, его глубокое сострадание всем

обиженным, его бесстрашное мужество в борьбе за мир на земле, за здоровье будущих поколений, за права человека, – за достоинство человека, которое освятил своим пришествием Иисус Христос... Христос – Вечный Человек: это решающий принцип Христианства, в этом – единственно подлинная, достойная своего слова Надежда человеческого существования. Недаром само это слово: «человечность» – стало священным для всех, верующих и неверующих. Христос – Человек, и подлинное Христианство есть стремление к идеальной, прекрасной человечности, – и там, где она проявляется, мы, недостойные христиане, видим Божественный свет. По слову Евангелия, «Дух дышит, где хочет» – Дух Святой действует везде там, где мы ощущаем духовную Красоту истинной человечности. Тогда, писал апостол, в человека «воображается Христос». . . Вот эти заветные наши думы я посвящаю здесь Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Восхищение – и боль. Его большое сердце, конечно, страдает от сострадания. Уже очень давно, еще будучи в фаворе у правительства академик Сахаров энергично протестовал против ядерных испытаний в атмосфере – защищая будущие поколения от губительных последствий радиации. Еще тогда он пожертвовал 140 тысяч рублей личных денег на дела милосердия. А потом начались его публичные выступления – и это его, выражаясь древнерусским церковным термином, его неустанное печалование за каждого, каждого узника совести в нашей стране. Удивительное дело – здесь он очутился в полнейшем одиночестве среди своих ученых коллег. Да и о народе нашем приходится сказать правду: находясь в плену оглуляющей дезинформации, очень многие обыватели просто ничего не знают либо даже превратно понимают эту его благороднейшую деятельность. Увы, тут надо упомянуть еще и о личных оскорблениях со стороны известных фашиствующих элементов, выступающих от имени какого-то сов-го псевдоправославия. . . И вот сегодня уже и сам он, академик Сахаров – узник, узник правды и жалости в этом кошмаре, в скорби этой бессмысленно жестокой ссылке.

. . . В Ленинграде одна чудная женщина рассказала мне – она мечтает истратить свой отпуск на то, чтобы поехать в «тот город» и ходить, ходить там по улицам в надежде его встретить и сказать ему о нашем глубоком сочувствии, о нашей благоговейной любви. Я отговорил ее – ради ребенка. . . Но пусть узнает дорогой Андрей Дмитриевич об этом случае – как ему преданы, как его любят свободные души.

С глубоким уважением к вам, дорогие составители, священник Сергей Желудков. В день победы, 1981
Ленинград – Москва

7/8Б5. По поводу голодовки

1. Десятый день мы продолжаем голодовку за выезд нашей невестки к сыну. Это не только защита прав на любовь и жизнь наших близких, когда все обращения к властям, ученым, Академии, государственным деятелям, все апелляции к законам и международным обязательствам СССР оказались безрезультатными. Это также борьба за общее право на свободный выезд из страны и свободное возвращение, борьба за свободу вообще. И это защита моего личного достоинства и чести в условиях незаконной ссылки и изоляции. Никакое изменение состояния нашего здоровья, никакие голословные обещания властей не прекратят нашей голодовки. Лишь выезд Лизы.

Андрей Сахаров.
1 декабря, Горький

2. Ответ на телеграмму Сиднея Дролла, полученную 2 декабря Дорогой Сидней. Мы тронуты заботой, усилиями. Знаем, что всем друзьям, маме, детям, бесконечно трудно, страдаем за них. Но мы не имеем другого пути, мы не стремимся к самоубийству, трагический конец означает только убийство, санкционированное КГБ и полным молчанием моих коллег и Советской Академии наук. Перед лицом коварной машины мы можем прекратить голодовку лишь при выезде Лизы. Благодарностью Елена, Андрей.

Андрей Сахаров.
2 декабря, 81 год, Горький

3. Участникам движения за мир и разоружение в Европе

Дамы и господа!

Из-за железного занавеса, отстоявшего благополучно свою шестьдесят четвертую годовщину, доносятся к нам раскаты вашего гнева, гулкая поступь демонстраций по асфальту и брусчатке европейских городов. Вы – против нейтронной бомбы, против «Першингов-2» и крылатых ракет на территории Европы, – но тот человек, который одним из первых заговорил о *всемирном* контроле над ядерным оружием, кто был вашим союзником еще прежде, чем вы, разрозненные, объединились в могучие толпы,

кто многие годы отстаивал человеческие права как единственную гарантию нашего спасения на Земле, нобелевский лауреат Андрей Сахаров подвергся за это опале и травле, сослан бессудно под неусыпный надзор, без права встреч со своими учеными коллегами, свиданий с родными и друзьями. Многие люди, в их числе достаточно влиятельные и знаменитые, добивались его освобождения – безрезультатно.

Сегодня, когда пишутся эти строки, длится тринадцатый день объявленной им и его женой бессрочной голодовки. Они решились на отчаянный смертный шаг – потому что не осталось никакой возможности диалога с властью. И этим они хотят добиться всего лишь безделицы по вашим европейским понятиям – чтоб было позволено их сыну, живущему в США, встретиться с женой, оставшейся в России. «Нет повести печальнее на свете» – сказал великий поэт, – и по сей день, даже и в наш постыдно прагматический век, страдания любящих, которым не дают счастливо соединиться, исполнить божественный закон, остаются самым взрывчатым сюжетом. На нем проверяются благонамеренность правительства и гуманность революционных завоеваний, демократичность партий и нравственность отдельных людей. В самом деле, если двое любят друг друга и весь мир против их любви – многого ли стоит тогда наш мир, дамы и господа?

Быть может, почтенный возраст наших вождей и не позволяет им вспомнить ту силу желания, с которой любящие стремятся быть вместе? Но нет – еще недавно бурный – хотя, увы лаконичный, – роман Кристин Онасис и Сергея Каузова так наглядно растопил эти затвердевшие сердца, так трогательно проявилась их забота об устройстве семейного гнездышка. Ведь, черт возьми, умеем же быть галантными, подействовать молодым страстям – когда захотим. Когда захотим танкеры.

Почему б вашим шествиям не отклониться к тихим улицам, где расположились советские посольства, не попытаться урезонить вашими плакатными транспарантами – что, право же, глупо упираться по такому бесспорному и безобидному поводу, что дело, ей-Богу же, выеденного яйца не стоит? Боюсь, вы встретитесь с такой твердыней, перед которой упрямство ваших правительств покажется идеалом сговорчивости. Боюсь, многие из вас испытают жестокое разочарование, когда из затворенных окон не донесется до вас *никакого ответа*. Но я надеюсь, тогда проблемы вашего движения покажутся вам куда серьезнее, чем представлялись изначально.

Вы знаете – бессрочные голодовки так недолги. Массовый ирландский опыт показывает, что наиболее сильные едва протяги-

вают за два месяца. Иные – не дотягивают и до полутора. Двум немолодым людям, с надорванным здоровьем, достанет и трех недель.

Георгий Владимов,
русский писатель
Москва, 4 декабря 1981 года

4. Мы бесконечно благодарны всем, кто поддержал нас в эти трудные дни – государственным, религиозным и общественным деятелям, ученым, журналистам, нашим близким, друзьям – знакомым и незнакомым. Их оказалось так много, что невозможно перечислить. Это была борьба не только за жизнь и любовь наших детей, за мою честь и достоинство, но и за право каждого человека жить согласно своим идеалам и убеждениям и в конечном счете борьба за всех узников совести.

Сейчас мы рады, что не омрачили Рождество и Новый год своим близким и всем нашим друзьям во всем мире.

Желая счастливого пути Лизе, я надеюсь на воссоединение всех разлученных и вспоминаю прекрасные слова Михайлы Михайлова, что родина – это не географическое и национальное понятие, родина – это свобода.

Андрей Сахаров
15 декабря 1981 года, Горький

7/8Б6. В.Л. Возможен ли «хороший социализм»? (Лешек Колаковский. «Похвала непоследовательности», 1974)

Книга Л.Колаковского вышла в свет достаточно давно. С тех пор в мире и в Польше, в частности, произошли сложные события, серьезные перемены, и автор книги, вероятно, успел создать новые труды, разработать еще некоторые философские и социальные концепции. Однако, книга очень интересна для нас и сегодня, потому что она посвящена отношению граждан к диктатуре социалистического государства, возможностям и обязанностям сознательных граждан в условиях упомянутой диктатуры. Сразу отметим, что автор не избегает понятий «социализм» и «марксизм», хотя подвергает важнейшие положения марксизма точной критике, а о реальности социалистического государства высказывается резко и непримиримо.

На первый взгляд, книга включает не вполне связанные между собой разделы (она построена в соответствии с концепцией «непоследовательности», предлагаемой автором). Здесь и опровержение ходовых марксистских понятий «прогресса» и «поступательного хода истории» и обсуждение актуальной для Польши в 1974 году проблемы «клерков» – лиц, не солидаризирующихся с моралью бюрократического государства при социализме, хотя и не вступающих в активную борьбу против него. Здесь и глава, в которой автор полемизирует с чрезмерным увлечением психоанализом, которое сводит человеческую личность на положение «объекта», управляемого подсознанием, – и подробный разбор тезиса о том, что знание в принципе не может иметь трансцендентной, внеисторической, внекультурной, внепсихологической ценности. И все же предлагаемое нам философское исследование имеет отчетливый стержень – во всех подразделениях оно стремится обосновать линию поведения граждан, находящихся в сложной ситуации «социалистического государства». Лешек Колаковский рассматривает гражданина как существо разумное и волевое, без скидок на «комплексы» или «обстоятельства», повторяя вслед за Декартом: «Нет души настолько слабой, чтобы при хорошем руководстве она не могла приобрести абсолютную власть над своими страстями». Он развивает этот тезис: «ни собственные, казалось бы невозможные для преодоления аффекты (не сумел справиться со страстью), ни чей-либо приказ (я был солдатом), ни конформизм по отношению к обычаям среды (все так делали), ни основанные на теории требования демиурга истории (я думал, что действую для блага прогресса) – ни одно из этих четырех наиболее типичных и наиболее распространенных оправданий своего поведения не имеют – как оправдание – никакой ценности. Мы не хотим сказать, что эти четыре вида детерминизма не действуют фактически в жизни, мы утверждаем лишь, что ни один из них не освобождает индивидуума от личной моральной ответственности, ибо ни один из них не уничтожает свободы индивидуального выбора».

Чем же должно руководствоваться при осуществлении индивидуального выбора? Автор очень осторожен в рекомендациях. Прежде всего, он объясняет, что результаты общественных действий обычно неадекватны намерениям лиц, вступающих в борьбу. Во всяком случае, эти результаты очень скромны по сравнению с затраченными усилиями. Но постановка высокой и сложной (скорее всего, невыполнимой для данного поколения) задачи необходима – без нее не приходят в движение достаточные общественные силы. «Надежды и требования должны опережать

возможности, дабы вынудить действительность отдать все, чем она располагает, дабы забили источники, таящиеся в ее актуальной форме». В связи с неадекватностью общественно значимых намерений и достигаемых результатов автор приводит интересные соображения о полезности вынужденного лицемерия государственного аппарата: «Не нужно пренебрегать положительной ролью лицемерия... Рост лицемерия – это свидетельство морального прогресса. Он означает, что сегодня нельзя, не опасаясь компрометации, делать то, что вчера делалось явно: оно означает, что общественно моральное сознание стало восприимчивым к тому, на что раньше не реагировало... Муссолини еще не боялся утверждать, что ведет завоевательную политику. Сегодня ни один из государственных деятелей не признается в чем-либо подобном. Принцип самоопределения народов был новостью, когда его выдвинули накануне Первой мировой войны Ленин и большевики. После Второй мировой войны этот принцип признан ООН, в том числе и правительствами, виновными в позорнейшем колониальном гнете. Гитлеровцы стремились к завоеванию других народов во имя народа господ. Сегодня не пристало выдвигать других лозунгов, кроме освобождения, свободы и прогресса». Далее автор развивает мысль о том, что привычное лицемерие может обернуться истиной в следующем поколении: «... Фальшивый фасад для каждой общественной системы – это вынужденный договор с дьяволом, который в свое время потребует расплаты».

(Заметим, что автор упоминает Ленина и большевиков серьезно и уважительно. Это характерно для книги в том смысле, что Л.Колаковский стремится быть объективным в историографии, независимо от сегодняшних симпатий и антипатий.)

Далее, автор посвящает большие разделы книги объективным трудностям, возникающим при выборе личной позиции в вопросах, касающихся общественных или государственных интересов. Попытки выбрать позицию на основании знания «законов истории» малосостоятельны по двум причинам – ввиду явной недостаточности такого знания для точного прогнозирования и ввиду фактической аморальности выбора, основанного на предсказании о том, «кто победит». (Например: историческая победа социализма predetermined, поэтому мы – за «социализм», хотя и находим в нем множество недостатков.)

Вместе с тем выбор позиции, совершенный лишь на основании морального кодекса личности, тоже несовершенен. Безоговорочное принятие кодекса (того или иного) может привести к моральной позиции «которая ослепляет людей по отношению к действительным свойствам человеческого мира и успокаивает бездумной

надеждой на интегральную святость в несвятых условиях жизни, рождает фанатизм, нетерпимость, безответственность». И далее: «Воспитание чувства ответственности за существующий мир, а значит, воспитание творческого отношения к жизни и убеждения, что принимаемые нами решения не могут быть приняты заранее системой общих оценок и норм, такое воспитание должно прививать знания о множестве гетерогенных ценностей, которые мы должны принимать одновременно, но которые порождают требования, зачастую одновременно не выполнимые. . . мы хотим пробудить недоверие к святости и святым; мы хотим бороться с бесплодным спокойствием и бездумным чувством удовлетворения, возникающим из веры в идеальные указатели, которыми якобы оснащена наша жизнь. . . »

Наконец, как подведение итога главам об относительности исторического знания, относительности моральных кодексов и малой эффективности общественной деятельности, автор произносит «похвалу непоследовательности», которая не должна обманывать читателя, так как Л.Колаковский очень последователен в своей моральной и социологической установке. «Непоследовательность» в его понимании – это ценная способность какой-то части общества постоянно оценивать существующее положение трезво и критически, не позволяя увлечь себя в ловушку ложной веры в историческую справедливость, не позволяет сковать себя моральными обязательствами, если они приводят к фанатизму.

«Непоследовательность – это просто тайное сознание противоречивости мира. . . это постоянное ощущение возможностей собственной ошибки, а если не своей ошибки, то возможной правоты противника». (Заметим, что это драгоценное сознание, как правило, отсутствует у государственных деятелей высокого ранга. Во всяком случае, внешне оно в большой политике не проявляется. По-видимому, это обстоятельство теперь обеспечивает реальную возможность практически полного взаимоуничтожения великих держав.)

«Непоследовательность – это попытка непрерывно обманывать бытие, ибо бытие непременно пытается поставить нас в альтернативные ситуации между двумя дверьми, каждая из которых лишь вход, и ни одна не допускает отступления. Войдя в одну из них, мы вынуждены до конца, до последнего патрона насмерть биться с тем, кто вошел в другую». . . Это напоминает о часто используемых в газетной полемике противопоставлениях – «Социализм – капитализм» или «коммунизм – антикоммунизм» и т.п. (Всерьез признав моральное преимущество одной из систем, мы вынуждены обнажить оружие против другой.)

Далее Л.Колаковский обобщает: «Непоследовательность – это попытка создания определенного мировоззрения. Последнее признает, что крайности непримиримы, но не желает от них отказываться, поскольку признает ценности и той, и другой крайности... Мы верим в возможность синтеза или преодоления существующих ныне противоречий, но вместе с тем верим что – согласно историческому опыту – если данное противоречие исчезает, оно лишь уступает новому, а значит, никакой универсальный синтез невозможен».

Такая точка зрения сильно отличается от туманных марксистских прогнозов относительно исчезновения «антагонистических» и появления «неантагонистических» противоречий, она значительно более реалистична и конструктивна.

Провозглашая «непоследовательность», автор не забывает о ситуациях, в которых моральные колебания неуместны. К ним, в частности, относятся «очевидные военные агрессии», геноцид, пытки, издевательства над незащищенными». В этих ситуациях, – говорит автор, – «ценности непоследовательности перестают играть роль. Тут мы внезапно встречаемся с двухценностным миром» (в котором выбор позиции автора предопределен, безусловно).

Книга Л.Колаковского – серьезный философский трактат, содержащий ряд выкладок, которые доступны только специалистам-философам. Однако в последней главе автор высказывается не по философским, а по конкретным социальным вопросам, опираясь, впрочем, на ранее сделанные построения. Она называется «Тезисы о надежде и безнадёжности» и посвящена социалистическому государству вообще и Польскому социалистическому государству, в частности. Признавая это государство, несомненно, антидемократическим, находящимся в экономическом и идеологическом тупике, автор не призывает к ликвидации социалистического строя путем революции или интервенции. Напротив, он высказывается за социализм и становится на сторону «реформистской идеи», т. е. идеи преобразования социализма.

Л.Колаковский приводит две группы противоположных суждений относительно возможности преобразования социалистического государства. Первая из них включает хорошо известные доказательства тупиковости, неререформируемости политической системы социализма (в особенности – в советском варианте). Наиболее интересным среди этих доказательств представляется следующее: «Политическая монополия правящей олигархии (в СССР) опирается на ее позицию единственного работодателя и

единственного управляющего средствами производства. Поэтому каждый, пусть даже не решающий, но действительный шаг в сторону демократии означает частичную экспроприацию правящего класса, который, не владея юридически средствами производства, имеют все привилегии и права коллективного собственника. В этом фундаментальном вопросе все отступления от правила не более чем видимость. . . Можно позволить комиссиям сейма, назначенным партийным аппаратом, обсуждать детали экономической политики. Так или иначе, все решения принимаются одними и теми же органами, не подчиненными никакому общественному контролю. . . Тщательный надзор за средствами информации не позволяет появиться каким-либо формам общественного давления. . . »

Автор, однако, считает, что прочность и ригидность системы не абсолютны, что в последние годы в ней обнаружили слабые места. Анализу слабостей системы посвящена вторая группа приводимых автором суждений. Среди них подробно охарактеризованы:

Неизбежно возникающая конкуренция, фракционная борьба в правящей группировке социалистического государства; конфликт между необходимостью в обновлении идеологии и невозможностью отказаться от устаревшей ленинско-сталинской, в которую не верит ни руководство, ни население;

конфликт между СССР и странами, принадлежащими к «советской империи»;

развитие цинизма в бюрократическом аппарате СССР (по этому поводу автор отмечает: «Система, никем не защищаемая бескорыстно, обречена»).

К этому мы могли бы добавить развитие коррупции – воровства, взяточничества, беспринципности – во всех слоях общества. В гордой Польше это называлось, по словам Л.Колаковского, «нашествием клопов», в привычной ко всему России – никак особенно не называется.

Эти слабости современного социалистического государства создают, по мнению автора, базу для его преобразования. Здесь, в частности, приводится аналогия с капитализмом времен К.Маркса. Капиталистическая система, также казавшаяся в то время неизменяемой и тупиковой, получила развитие и новые формы, в частности в результате борьбы с организованным рабочим движением, т. е. – была вынуждена преобразоваться.

Диктаторское социалистическое государство должно и может быть преобразовано, – утверждает Л.Колаковский, – именно посредством постоянной борьбы населения против бюрократического аппарата, постоянного и организованного сопротивления.

«Деспотический социализм не может считаться абсолютно неэластичной системой, ибо таких систем не существует. Его способность к некоторой эластичности проявилась в течение последних лет, хотя бы в такой фундаментальной области, как сфера решений, подлежащих ведению официальной идеологии. . . Партийные чиновники уже не обязаны разбираться в медицине лучше профессоров медицины и в филологии лучше, чем филологи. В литературе, правда, они все еще понимают лучше, чем писатели. . . Мы не стоим перед выбором между полным гниением и полным совершенством, а просто перед выбором между гниением и беспрестанным усилием, направленным на воплощение в национальной жизни ценностей и стандартов, которые, утвердившись, не дают себя легко разрушать».

Автор высказывается за новый социализм (для Польши, в данном случае), который предполагает общественный контроль над использованием и развитием средств производства и распределением национального дохода, а также – над административно-политическим аппаратом, работающим в качестве органа ответственности, а не в качестве хозяина, которому общественность дана «в помощь», за социализм, предполагающий свободу информации и коммуникаций, политический плюрализм и многообразие форм общественной (!) собственности. . . свободу культуры, а также свободу от произвола политической полиции, а также – уголовное законодательство, целью которого будет охрана общества от антиобщественного поведения, а не превращение в преступников всех граждан для того, чтобы затем их шантажировать».

Мы в России могли бы добавить – за социализм, не направляющий основные усилия нации вовне страны, на вербовку временных, ненадежных союзников и поддержку слабых военно-социалистических режимов в развивающихся странах. Лучше направить их на установление сколько-нибудь рационального экономического порядка в стране и ликвидацию возникающей угрозы голода.

Как мы видим, Л.Колаковский, в соответствии со своими взглядами на общественные движения, выдвигает очень широкую и последовательную программу, хотя едва ли целиком осуществимую в ближайшем будущем.

«Подведем итог, – пишет автор, – все описанные внутренние противоречия социалистического деспотизма всегда могут раз-

решиться в двух направлениях. Эта система, предоставленная собственной инерции, среди всеобщего молчания и страха всегда неотвратимо будет идти к такому разрешению своих противоречий, которое увеличивает, а не смягчает гнет. Усиление полицейских методов правления не есть следствие усиленного сопротивления, а наоборот – следствие отсутствия сопротивления. Эластичность этой общественной формации – эластичность границ которой мы не можем определить заранее, – будет проявляться в ее ресталинизации, если не окажется сил, способных протестовать. Эта эластичность может проявляться в духе, согласном с нуждами общества, лишь под натиском этого общества. Вот урок, который дает нам наш опыт».

И еще: «Убеждение в том, что современная форма социализма совершенно неэластична и может быть разрушена только однократным ударом, что все частичные перемены, по сути, не являются переменами... отлично оправдывает оппортунизм и просто напросто свинство... При таком убеждении каждое единичное свинство может искать себе оправдания, ибо может интерпретироваться как составная часть универсального свинства, которое “пока” неизбежно».

Остается сказать, что современные, 1980-1981 года события в Польше подтверждают прогнозы Л.Колаковского. Общество (т. е. – рабочие и интеллигенция) добилось там политического плюрализма впервые в истории социалистических государств, и этот опыт нельзя будет уничтожить, каким бы ни было дальнейшее развитие событий.

Так, следовательно, хороший социализм возможен?

7/8Б7. М.Н.С. Немного о первокурснике. 1979

Осенью 1978 года среди первокурсников одного из вузов была проведена анонимная анкета. Часть вопросов анкеты имела отношение лишь к проблеме совершенствования преподавания в этом конкретном вузе, ниже рассматриваются ответы на более общезначимые вопросы.

1. Считаете ли Вы, что конкурс при приеме был справедлив?
«Да» – 36, «Нет» – 8, остальные уклонились или «не знают».

Из ответов: «Некоторые двойки были поставлены несправедливо». «Да, но с некоторыми колебаниями в отношении лиц нерусской национальности». «Конечно нет» (после чего «конечно» тщательно зачеркнуто).

2. Какие два из следующих факультативных курсов Вы выбрали бы для посещения: 1)... (условное название сугубо теоретиче-

ского курса по специальности), 2) «Социальная психология», 3) «История религии», 4) «Древнеиндийская философия», 5) «Русская история начала XX века», 6) «Человек и закон»?

Ответы: 1 – 14, 2 – 21, 3 – 22, 4 – 14, 5 – 3, 6 – 15.

3. Читали ли Вы (и понравилось ли Вам): А. биографии великих ученых, связанных с Вашей специальностью, Б. Пастернака, В. Асадова, Г. Ключевского, Д. Библию?

Ответы: А – 29, Б – 20, В – 12, Г – 1, Д – 19.

Следующие ответы приводятся полностью: «А. да, понравилось; Б. прекрасный поэт; В. очень не понравилось; Г. нет; Д. да, очень интересно, потому что видишь те же самые человеческие отношения, которые есть и сейчас». «А. читала и очень нравится; Б. Пастернак не всегда понятен; В. Асадов мой любимый поэт современности; Г. Ключевского не читала; Д. Библию не читала, но думаю поинтересоваться». «Читала Пастернака и Асадова. Понравилось». «Читала биографию Асадова». «А. понравилось; Д. нет». «Д. Библию – частично, многого не понял». «Библию (по своему назначению – нормально, мне не понравилось)». «Читал Библию для верующих и неверующих. В ней мало критики религии».

Внутри других ответов встречалось: «Асадова люблю больше других современных поэтов», «Д. – нет, но, говорят, интересно», «В. читал, очень интересно» (при этом все три слова зачеркнуты).

4. В трудной ситуации Вы стали бы спасать знамя или знаменосца?

Ответы: 9 человек спасают знамя, 28 – знаменосца, остальные уклонились. Из выразительных ответов: «Все зависит и от знамени, и от знаменосца», «Положено спасать знамя. Хотя я спасала бы знаменосца».

5. Кого из наших современников Вы уважаете больше других?

Среди упомянутых фамилий: Вознесенский (2 раза), Карпов (2 раза), Абель, Брежнев, Высоцкий, Гевара, Н.Курченко, Мороз (видимо, спортсмен), Николаева-Терешкова, Сикейрос, несколько академиков (Королев, Курчатов и др.). Есть ответ: «Гагарин и немного завидно».

Часть ответов звучит по другому: участников войны (3 ответа), ученых (трижды), родителей (дважды), своих учителей (дважды, один раз – с фамилией). Или: «Тех, кому можно верить так же, как себе», «Борцов за мир и справедливость», «Людей, которые поставили себе цель в начале жизни и идут к ней всю жизнь», «Летчиков-космонавтов – они ближе всех к человеческому совершенству, к человеку будущего», «Чтобы уважать человека, надо

хорошо его знать, поэтому уважаю только своих хороших знакомых».

6. Какими именами и событиями русской истории Вы гордитесь?

Следующие ответы приводятся полностью: «Февральская и октябрьская революции» (это единственный ответ, в котором упомянута Февральская революция, в этой же анкете единственным уважаемым современником назван Высоцкий), «Лениным, Брежневым, Карповым». «Декабристами и вообще последователями просветителей, а также Брюсовым, силой его самоотречения». «Петром I и победой над шведами, победой в Великой Отечественной войне; Пушкиным, Лермонтовым, Р.М.Хохловым, Высоцким». Девушка, читавшая Ключевского, привела следующий загадочный список: «В.И.Ленин, т.Л.И.Брежнев, Кутузов, Иван Грозный, Распутин, Столыпин».

В основном ответы состояли в перечислении тех или иных побед и революционных событий, трижды упомянуты космические успехи, по разу – таблица Менделеева и радио, покорение Сибири, первые пятилетки, принятие конституции. Одна девочка гордится «руководством Сталина и победой в Великой Отечественной войне».

Упомянутые фамилии: Ленин (27), Петр I (22), Кутузов (12), Суворов (11), Ломоносов (9), Чернышевский (6), Пушкин (5), Л.Толстой, Циолковский и Курчатов (по 4 раза; напомним, что Курчатов встречался в ответах на предыдущий вопрос, так же как Брежнев, Высоцкий, Гагарин, Карпов и Королев), трижды упоминаются Иван Грозный, Менделеев, Александр Невский и Лермонтов, дважды – Разин, Пугачев, Ушаков, Нахимов, Ковалевская, Жуковский (видимо – ученый), Брежнев и Гагарин. По разу упомянуты Мономах, Юрий Долгорукий, Дм.Донской, Сушанин, Минин, Пожарский, Екатерина II, Грибоедов, Брюллов, Репин, Чайковский, Брюсов, Лобачевский, Попов, Струве (видимо – астроном), Распутин, Столыпин, Дзержинский, Ворошилов, Буденный, Тухачевский, Коллонтай, Котовский, Рокоссовский, Хохлов, Высоцкий, Комаров и несколько других космонавтов. Один раз назван Корчагин.

7. Как Вы относитесь к Павлику Морозову?

Один ответ: «Я бы так не поступил», Два «его жалко», один – «не знаю». Остальные ответы стандартны: «с уважением и гордостью» и т.п. (в этом поколении ребята часто не знают, кто есть П.Морозов).

8. Считаете ли Вы, что предыдущее поколение выполнило свой долг перед Вашим? Надеетесь ли Вы сделать больше?

40 ответов сугубо оптимистичны: долг выполнен, сделаем больше. В пяти ответах долг не выполнен, в семи – не надеются на большее.

Из ответов: «Могло сделать больше – слишком много ошибок. Надеюсь, у нашего будет меньше». «Не совсем, так как в стране с/х все еще не на должном уровне, в остальном – да. Конечно, надеюсь». «Я думаю, что пока мы еще дети, мы не имеем права судить родителей».

9. Считаете ли целесообразным расходовать средства на Космос?

44 – за, 9 – пропуски, 2 – оговорки: «Но не забывая про землю», «Нет, если их можно применить на дело мира».

10. Будут ли в будущем отмирать национальные различия?

«Да» – 30, «Нет» – 11; четверо выразили желание «скорее бы», а один «не хотелось бы». Из ответов: «Мне кажется, да. Уже сейчас многие в совершенстве владеют русским языком и не знают родного. Последнее относится и ко мне». «Читайте философию – конечно, будут. Шовинизм не должен иметь места в нашей стране». «Давно пора». Отрицательные ответы – односложное «нет» (кроме одного – «нет, наверное, так как культурные, языковые и т.п. различия имеют большую научную и культурную ценность»).

11. Назовите самые существенные события в мире, которые произошли за время вашей жизни.

Ответы: космические успехи – 29 (из них: полет на Луну – 5, Союз-Аполло – 5, в четырех анкетах эти события демонстративно названы почти единственными существенными, например, наряду с убийством Кеннеди), Вьетнам – 14, Чили – 5, Ближний Восток – 4, Португалия – 2. 9 ответов неопределенно указывают «успехи в борьбе за мир», 9 – Хельсинкский договор, 8 – визиты Брежнева и договоры (с ФРГ и др.). В пяти ответах указаны развитие вооружений, нейтронная бомба и т.п. Съезды (партийные и ВЛКСМ) названы в 10 ответах, принятие Конституции – в пяти. Дважды названо убийство Кеннеди, увеличение соц.лагеря, чемпионаты мира (в одном из ответов хоккейные чемпионаты – единственные существенные события). Есть ответы – «признание генетики наукой», «замена умственного труда машинным», «рост компартий».

7/8Б8. Речь В.Э.Мейерхольда на всесоюзной конференции режиссеров 15 июня 1939 года

Я бы хотел выразить мою искреннюю благодарность организаторам Первого всесоюзного съезда режиссеров, пригласившим меня принять участие в работе съезда, предоставивших мне возможность выступить на этой трибуне и открыто высказаться о моих творческих принципах и моем отношении к тем многочисленным критическим суждениям, которые были высказаны за последний год по моему адресу. Меня упрекают в многочисленных ошибках, которые свойственны моей деятельности театрального режиссера. Я должен сказать совершенно искренне, что признаю большинство из моих ошибок. И вот на них хотелось бы остановиться более подробно. С них – с моих ошибок – мне хотелось бы сегодня начать.

Меня сурово осудили за то, что я оказывал вредное влияние на молодых советских режиссеров, способствуя этим зарождению в советском театре печального и вредного явления, которое получило остроумное название «мейерхольдовщина». Я очень сожалею, что действительно не выступал достаточно активно и принципиально против многочисленных бездарных и некультурных режиссеров, которые пытались подражать мне, но перенимали лишь форму моего творчества, да и то с грехом пополам, искажая ее, опошляя, не пытаясь даже близко подойти к моим творческим принципам, извращая мои идеи и не постигая моей художественной цели. Эти горе-режиссеры действительно нанесли и наносят большой ущерб советскому театру, создавая спектакли бессмысленные и безвкусные. Я искренне осуждаю их. И если вы называете жалкое творчество этих режиссеров «мейерхольдовщиной», то я, Мейерхольд, горячо выступаю против «мейерхольдовщины». Это первое. Второе: меня жестоко упрекают в извращении мною классического наследия. В том, что я делал nepазволительные опыты над бессмертными созданиями Гоголя, Грибоедова, Островского. И в этом обвинении есть истина. Действительно, в некоторых моих инсценировках классических пьес я позволял себе чересчур много экспериментировать, давал излишний простор собственной фантазии, подчас забывая, что художественная ценность самого материала, с которым я имел дело, была всегда и во всяком случае выше того, что я мог прибавить к этому материалу. И я признаю, что иногда именно в постановках классических пьес мне надлежало больше ограничивать себя, иметь больше творческой скромности. Но все это не относится к моим «Лесу» и «Даме с камелиями». Я убежден, что эти спектакли были хороши, и то, что я внес в них много моего, только помо-

гло советскому зрителю понять содержание и идею этих пьес и сделало их более интересными и привлекательными. Это второе. И, наконец, третье: меня упрекают в том, что я формалист, в том, что я в моем творчестве в погоне за новой оригинальной формой забывал о содержании. В поисках средств забывал о цели. Это серьезное обвинение. Но вот с ним я могу согласиться только отчасти. Действительно, в течение моей творческой биографии, я поставил несколько спектаклей, в которых мне хотелось проверить некоторые мои, незадолго до того найденные, идеи и мысли именно в области театральной формы. Это были экспериментальные спектакли. В них, действительно, форма занимала главенствующее место. Но таких спектаклей было немного. На одной руке хватило бы пальцев, чтобы их пересчитать. Да разве мастер (а я все-таки имею смелость считать себя таковым) не имеет права на эксперименты? Разве он не имеет морального права проверять свои творческие идеи – пусть даже оказавшиеся ошибочными – на опыте. И разве, в конце концов, не имеет он права на ошибки? Ибо все смертные имеют право на ошибку, а я такой же смертный, как и все остальные. Но такие проверки, такие эксперименты, которые в самом деле заслуживают название формалистических, я допускал крайне редко. Все же остальное мое творчество было лишено формализма. Наоборот. Все мои усилия были направлены на поиски органической формы для данного содержания. Я позволю себе утверждать, что мне часто удавалось находить эту органическую форму, соответствующую содержанию пьесы. Но это всегда была моя форма – форма Мейерхольда, а не форма Сидорова, Петрова или Иванова и не форма Станиславского и не форма Таирова. И она, эта форма, носила все черты именно моей творческой индивидуальности. Но разве это есть формализм? Что такое вообще формализм по вашему мнению? Я хотел бы задать также обратный вопрос: что такое антиформализм? Что такое социалистический реализм? Вероятно, именно социалистический реализм – является ортодоксальным антиформализмом. Но я хотел бы поставить этот вопрос не только теоретически, а и практически. Как вы называете то, что происходит сейчас в советском театре? Тут я должен сказать прямо: если то, что вы сделали с советским театром за последнее время, вы называете антиформализмом, если вы считаете то, что происходит сейчас на сценах лучших театров Москвы, достижением советского театра, то я предпочту быть, с вашей точки зрения, формалистом. Ибо по совести моей я считаю происходящее сейчас в наших театрах страшным и жалким. И я не знаю, что это такое – антиформализм или реализм, или натурализм, или еще какой-нибудь «изм»?

Но я знаю, что бездарно и плохо. И это убогое и жалкое нечто, претендующее называться театром социалистического реализма, не имеет ничего общего с искусством. А театр – это искусство! И без искусства нет театра! Пойдите по театрам Москвы, посмотрите на эти скучные спектакли, похожие один на другой и один хуже другого. Трудно теперь отличить творческий почерк Малого театра от театра Вахтангова, Камерного от Художественного. Там, где еще недавно творческая мысль была ключом, где люди искусства в поисках, ошибках, часто отступаясь и сворачивая в сторону, действительно творили и создавали – иногда плохое, а иногда и великолепное, там, где были лучшие театры мира, – там царит теперь, по вашей милости, унылое и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому ли вы стремитесь? Если да – о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней и ребенка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!

7/8Б9. Л.КОПЕЛЕВ. Стихи молодых. (Пародии)

1. Робер Вознесенко. Синусоидальные стансы

Никакой ренессанс, никакой ампир,
 Ни барочное рококо наконец,
 Уже не примут НТР-овский мир.
 Всем им хана!... Аамбец!

Но я – поэт – могу ли вычислить,
 Запуская компьютеров строй на износ,
 Э-пи-де-ми-о-ло-ги-ческий
 Стиховой понос?!

2. Эдуард Евтушенский. Кукушонок из Сантакрус Гуантпек-ди-Кампостело

Меня упрекают, укоряют, журят и корят,
 За то, что уж слишком щедр я сам.
 Враги исступленно хулят мой талант;
 Друзья завидуют моим тиражам.
 Женщинам тревожно от моей красоты;
 Мужчин моя смелость и молодость дразнит.
 Джек Кеннеди сказал мне: «Дружище, ты
 Из советских поэтов, “хороших и разных”
 Самый хороший и самый разный».

3. Евгений Остросадов. Заре навстречу

Вставши бодро, утром рано,
По следам былых подруг,
Я иду вдоль меридиана
Прямо с севера на юг.

И в ответ на шаг солдатский
Подо мной звенит земля,
И подмигивают братски
Звезды старого Кремля.

Я не Будда, не Мессия,
Я – свободный сын стихий.
Беспредельны, как Россия,
Мои вольные стихи.

Я иду бесстрашный путник
Бесконечен мой поход.
Мчится в космосе мой спутник,
Выплыл мой атомоход.

7/8Б10. Современные сказки

1. В лесу родилась елочка (из стенгазеты 1978 года)

В образцово-показательном детском саду с утра висело объявление, что после тихого часа состоится общее собрание. Повестка дня: 1. Подготовка к новогодней елке. 2. Персональное дело.

Дежурная няня – тетя Паша – расставила в игровой стульчики и поставила на стол куклу-неваляшку, выполнявшую на собраниях функции колокольчика. Воспитательницы групп, на ходу ликвидируя на лицах своих воспитанников кисельные усы, рассаживали их по местам.

— Степанов, ну-ка быстро марш на собрание! Все уже в сборе!

— Я еще кисель не весь съел, — обиженно заявил Вова Степанов, сидевший над полным стаканом с огромной булкой в руке. Все, что он делал, он делал основательно.

— Какой тут может быть кисель? — вспыхнула старшая воспитательница Муза Борисовна. — Тебя ждет весь коллектив! Вот сейчас придет волк, и у тебя будут неприятности!

Степанов вздохнул, грустно посмотрел на Музу Борисовну и отправился в игровую, прихватив все-таки с собой кисель.

— Разрешите общее собрание детсада считать открытым, Кадушкин, вытри сопли, — пропела старшая воспитательница. —

Слово для оглашения президиума имеет Боря Рыжов. Боря! Где Боря? Ну-ка, вылезай сейчас же из-под стула и предлагай президиум!

Боря пролез под всеми стульями и довольный появился у стола.

— Я предлагаю Витю Попова, Вовку Степанова...

— Ну? Еще кого? Зи...

— Зимину.

— Хорошо. Молодец. Ивано...

— ...ва! — уверенно выпалил Рыжов.

— Есть предложение подвести черту!

— Правильно! Кто за? Кто... Ты, Силантьев, чего руку поднял? Ты против?!

— Нет. Я хочу пипи...

— Нельзя. Потерпи до конца собрания. Дети! — сказала Муза Борисовна. — К елке семьдесят четвертого года мы пришли с высокими показателями. Поглощаемость творожных сырков и усвояемость манной каши достигла 101,3%. А в группе, где Степанов, целых сто десять процентов. Шарипов, вынь пальчик из рта.

Скоро Новый год, дети, и мы должны сделать все возможное, чтобы провести его на высоком уровне. Елку обещала достать мама Коли Рыбинского... Коля! Обеспечь маму и проследи за ней!

— Мама сдержит обязательство! Не в первый раз, — обиженно сказал Коля.

— Ну и отлично! Теперь вопрос о гирляндах...

— Это пусть Игорь Семенчук на папану воздействует.

— Правильно! Игорь! Твой папа прораб, ему и лампы в руки. Так... Мандарины, я думаю, через Сергееву...

— Мама говорила, что трудно. У них на базе ревизия...

— У всех в конце квартала ревизия! Попроси маму зайти, я дам отношение... Ну вот, вроде и все по первому вопросу.

Вторым вопросом было персональное дело Рамзина.

Несколько дней назад Рамзин, выходя из горшечной, забыл по рассеянности поднять штаны и в таком отвлеченном виде вошел в столовую, встреченный бурным ликованием коллектива. Муза Борисовна расценила это как вызов, и теперь смущенный Рамзин переминался с ноги на ногу, наблюдая, как Степанов, сидя рядом с неваляшкой, неторопливо прихлебывает кисель. Степанов никогда не забывал поднять штаны.

— Рамзин, перестань ковырять в носу и расскажи своим товарищам, как ты дошел до жизни такой, — строго сказала Муза Борисовна. — Кто из тебя вырастет?

— Я художником буду, — тихо сказал Рамзин.

— Он художником будет — поддержала Рамзина Маша Птицына с зелеными, как крыжовник, глазами. — Он мне зайчика нарисовал, как живого! И подарил. . .

— Тебе, Птицына, слова не давали! Возьмешь — тогда и скажешь! Защитница нашлась! И сегодня мы должны были не зайчика рисовать, а лошадку Пржевальского, между прочим. Силантьев, не тяни руку, я тебе уже сказала — нет!

— Рамзявка, скажи, дурень, что больше не будешь, а мы тебя на поруки возьмем, — зашептал Вова Степанов.

— Так что же, Рамзин? Вот тут товарищи тебе подсказывают. . . В то время как наш садик борется за первое место в районе, ты позволяешь себе такое. . .

— Я же не нарочно. . . Я забыл. . . Вспомнил, какие уши у зайчика, и забыл про штаны. . .

— Вот, вот! Однажды в некотором царстве, в некотором государстве дядя сторож в зоопарке тоже забыл запереть клетку у тигра, тигр выскочил и перекусал всех, кто был в парке. . . Муза Борисовна не пожалела красок, и в детском воображении возникла леденящая кровь картина: как тигр, задрвав хвост, носится по району и кусает направо и налево.

Все неодобрительно посмотрели на Рамзина.

— Ну, Рамзин? Теперь ты осознаешь всю бякость своего поступка?

— Осоз. . . Осознаю, — прошептал Рамзин.

— Ну вот и хорошо! Ну вот и чудненько! Просто камень с души упал. . . Я всегда подозревала, что ты умный и способный мальчик! Ну надо же! Такого замечательного зайку нарисовать! Ах ты наш Айвазовский!.. Да, да, Силантьев, конечно можно, что за разговор! Дети! Собрание закончено, все могут побегать и попрыгать!

Предложение было принято единогласно, все было забыто, и садик наполнился привычной веселой гармонией детских голосов.

И только на впечатлительную творческую натуру юного Айвазовского все это подействовало так сильно, что, отправившись после собрания в горшечную, он на всякий случай вовсе не снял штанов.

2. Рышард РАТАЙ ЧИК. Как некий властелин свой народ осчастливливал. . . «Свято молодых» — газета для харцеров от 11 до 19 лет; 51, 30 апреля 1981 года. Пер. с польского Э.Орловского.

Давным-давно, а впрочем, не так уж и давно, правил своим народом чрезвычайно великодушный властелин. День и ночь он ничего другого не делал, как только размышлял, что бы еще такое предпринять в государстве, чтобы подданные жили более зажиточно и более счастливо. Герольды возвещали всем и каждому его добрые намерения, а верные придворные соперничали друг с другом в осчастливлении народа, который вовсе не желал быть в такой уж степени осчастливленным.

Народ хотел всего лишь жить свободно, создавать всяческие блага и справедливо их делить. И об этом своем стремлении народ говорил все громче, подвергая сомнению великодушие властителя и его придворных.

— Милостивый Государь! — склонился к коленям властелина весьма взволнованный коронный канцлер. — Некоторые придворные сообщают мне, что народ в очереди за половинкой буханки хлеба, который Ты столь справедливо разделил, стоять больше не желает. Народ бунтует также против взяток Твоим чиновникам, которые без этого не хотят исполнять своих обязанностей по отношению к народу.

— Вздор! Я езжу по своей стране и вижу, что народ мне верен и послушен, он усердно трудится каждый день на полях и на заводах, в поте лица своего добывает черное золото и вываривает соль, доит коров и откармливает свиней.

— Ты видишь, Милостивый Государь, лишь благоденствие, но это и тебя водят за нос воеводы. Они показывают тебе статных красавиц откормленных свиней, которых они одалживают друг у друга на время твоих визитов. Они водят тебя только в дома богатой шляхты, где столы уставлены всевозможными яствами, которые их слуги берут в тех же кладовых и подвалах, что и Ты. А простой народ стоит в очередях за кровяной колбасой и за передними свинными ножками и немало дивится тому, что когда эти животные были на свинарниках, у них были не только передние, но и задние ножки.

— Эти толки идут от моих врагов и врагов народа! Немедленно позови дворецкого, он скажет мне настоящую правду. А ты, канцлер, убирайся с глаз моих подальше — в послы.

И предстал перед лицом Повелителя дворецкий и засвидетельствовал перед ним ту правду, которую повелитель жаждал услышать.

— Правда, что народ кое-где поднимает шум, будто его обманывают, — закончил свое повествование дворецкий. — Однако эта правда вовсе не является правдой! Ибо народ развращен твоей добротой и хотел бы питаться так, как Ты, и пользоваться

правами, которые в нашей стране принадлежат лишь Тебе и Твоим придворным. Видимо, народ неправильно понял Твои слова: «Человек — это самая большая ценность». Народ понял так, будто это он является самой большой ценностью, а Ты и мы, Твои придворные, должны ему служить.

— Есть способ сделать так, чтобы народ правильно понимал мои намерения, — изрек Властелин, — Пусть все высшие руководители, воеводы, бургомистры и начальники, а также высший слой шляхты по каждому поводу устраивают банкеты и приемы, охотничьи вылазки и празднества. Пусть также геральды возвещают в городах и селах счастье и благоденствие, господствующее в моем государстве.

— А из чьего кармана брать на все это дукаты? — спросил дворецкий — Ведь не из своего же!

— Народ создает все блага, пусть же он черпает пригоршнями из этих благ. Кстати, этим мы лучше всего сумеем убедить подданных в том, что полученные благодаря их труду дукаты мы используем на высшие, а именно, на государственные цели. Надо же, чтобы высшим чиновникам и придворным было где отдохнуть после тяжелых трудов для народа. Поэтому пусть строят второе королевство.

— Землепашцы жалуются, что нет серпов и кос, не хватает орудий обработки земли, — робко вставил дворецкий, — Даже щепы не из чего выстругать: ведь обширные площади лесов находятся в Твоем владении, да и из своих лесов они ничего не могут урвать, Ты им это запретил.

— Я лучше знаю, что нужно моему народу, и потому пусть будет так, как я сказал! — рявкнул Властелин и отправил дворецкого за пределы дворца, а пожалуй, и куда подальше. . .

И пошли тут в ход пилы, топоры и молотки, строительные машины возводили виллы и дворцы для придворных, чиновников и прочих мошенников коих без числа развелось в стране. Вокруг этих вилл и дворцов создавались заповедники для флоры и фауны, чтобы народ в своей бездумности не уничтожил красоту, которая ведь должна служить человеку. . . То здесь, то там возводились крупные мануфактуры, гуты и кузницы, к которым стекались подданные в надежде именно здесь найти обещанное им властелином благополучие и счастье.

Прошло немало времени, прежде чем народ понял, что его обвели вокруг пальца. И вспыхнул страшный гнев народа. И трусливо скрылся от этого гнева властелин в один из своих многочисленных дворцов. Вместе с ним сбежали несколько высших руководителей. Но многие придворные и чиновники бывшего власте-

лина остались и, переодевшись в овечью шкуру, подкапываются под власть Полевого Атамана, которого народное ополчение вынесло на государственный пост.

Однако в народе сильна вера в то, что хотя кое-кто из высших руководителей, а также куча высших и средних чиновников недоброжелательно относятся к Полевому Атаману, он все же сумеет вывести страну из унаследованного от Милостивого Государя состояния «счащливости». Ибо в стране этой живет народ гордый и непокорный, и он не хочет, чтобы властелины и в дальнейшем осчастливливали его насильно.

3. Выдержка из «Детской энциклопедии», изд. 1913 г.

Наша родина

Как жили наши предки Полторы тысячи лет назад народ, живший на просторах от Киева до Ивангорода, назывался славянами. Они жили в землянках, носили медвежьи шкуры. Это были наши предки.

На славян часто нападали сильные и коварные соседи — византийские христиане, хазарские иудеи. Славянам нужно было объединиться для борьбы с врагами.

Первый русский князь В 860 году в Киев прибыл варяжский князь Аскольд, прозванный Вещим и правил там 18 лет. Летописи много рассказывают о его походах, в особенности о его походе на Константинополь. Был он и гостем в Багдаде, восхищался этим городом и думают, что там он принял ислам, хотя не хотел навязывать его киевлянам.

Киевляне же, как и другие славяне, в то время поклонялись многим языческим богам: Перуну, Стрибогу, Яриле и другим. Они делали их изображения, стоявшие на главных площадях Киева.

Война с Новгородом В 869 году новгородский князек Хельг (по другой летописи — Ольг) приплыл в Киев под видом мирного купца и, когда Аскольд спустился на берег, попытался его убить изменой. Однако Аскольд недаром был прозван Вещим — он явился с сильной охраной, и в схватке Хельг был убит, и остатки его дружины бежали в Новгород. Аскольд двинулся за ними вслед, сжег Новгород и посадил там князем своего отца, Игоря Святого.

Новая вера на Руси Победив новгородцев, Аскольд стал править всей огромной страной, которая с тех пор стала называться Русью. Когда же он умер, киевляне позвали к себе из Новгорода Игоря.

Игорь понимал, что вера славян нехороша, и позвал к себе мудрецов из разных стран, чтоб ввести веру в единого Бога. Прибыли христианские монахи из Константинополя, равнины из Итиля. Прибыл также ходжа Рахман-ал-Малик из Багдада.

Выслушав их всех, Игорь сказал: «Да поклоняются впредь все руссы единому Аллаху, ибо нет добра в многобожии христиан и жестокосердии иудеев». Так Россия навсегда связала свою судьбу с мировой культурой.

Из Багдада, Басры, а потом и из Стамбула, когда он был освобожден от неверных, стали ездить на Русь учителя новой веры. Вначале некоторые люди держались за своих идолов, но уже через 30-40 лет все или почти все уверовали в единого и милосердного Аллаха.

На цветной вкладке изображен момент, когда Рахман-аль-Малик держит речь перед Игорем. По лицу князя видно, что речь его убеждает; в левом углу, у тени, художник изобразил смущенных раввина и монаха, которым нечем возразить проповеднику истинной веры.

Князья усобицы. Вторжение монголов Потомков Аскольда стало на Руси много. Все они назывались Аскольдовичами, все сидели князьями в разных городах. И вот князья стали враждовать друг с другом. Каждому хотелось прибавить к своему княжеству кусок земли. И когда пришли христианские дикари-монголы, князья не смогли выступить против них дружно. Монголы завоевали Русь и наложили на нее тяжелое иго.

Сто пятьдесят лет татары были нашими господами. Только Дмитрию, князю Московскому, удалось в битве на Дону победить их, за что он был прозван Донским. Но и после этого понадобилось сто лет, чтоб его потомок, князь Иван III, окончательно избавил Русь от монголов и собрал ее под свою власть.

За что мы называем Ивана IV Великим? Внук Ивана III, Иван IV, был мудрым и дальновидным государем. И до него на Руси было немало хороших князей. Но Русь не имела выхода к морю. Он первым пробился к морю, завоевав Ливонию после долгой войны с Польшей. Нарва, переименованная в Иван-город, заменила в торговле Новгород, сожженный великим царем за измену его бояр. Туда же была перенесена столица. Иван IV переменил

всю систему управления, введя новую опричную администрацию. Он вывел русский флот на Балтийское море.

За все это мы и называем Ивана IV Великим.

Но новые порядки вводились нелегко. За время правления великого царя население России уменьшилось в полтора раза. Многие видные вельможи были жестоко казнены, и в их числе такие видные деятели опричнины, как Малюта Скуратов, князь Вяземский, Басманов и другие. Великий царь отличался крутым нравом, и некоторые историки называют его за это также Иваном Грозным.

На цветной вкладке — торжественный въезд царя в покоренную Нарву, всюду реют флаги, радостные лица. По левую руку царя — Малюта Скуратов.

Смутное время При Иване Россия стала великой державой. Но когда великий царь умер, достойных ему преемников не нашлось. Его сын Федор был государем слабым, а пробравшийся затем к власти шурин Федора, Борис Годунов, ввел государство в смуту. Объявилось несколько самозванцев, выдававших себя за сыновей Великого Царя, а разные города собирали шайки, чтобы захватить соседние территории, как будто вернулись времена княжьих усобиц.

Тогда мудрые люди решили призвать на престол новую — польскую — династию. Переговоры были нелегкими, ибо глава посольства оказался изменником (он хотел затянуть переговоры, надеясь посадить на престол своего сына Михаила Романова), но вся Русь присягнула королевичу Владиславу, к тому времени принявшему ислам.

Дмитрий Мазовецкий Бунтовщики в Москве осадили гарнизон, пришедший туда с Владиславом. На помощь ему двинулись польские отряды. Один из этих отрядов, под началом Дмитрия Мазовецкого, был заведен изменником в болота и погиб там. Их судьбе посвящена патриотическая опера Глинки «Дмитрий Мазовецкий».

На цветной вкладке изображена смерть Дмитрия Мазовецкого, на руках товарищей. Слабеющей рукой он указывает им путь. На заднем плане с мрачным лицом стоит изменник — проводник.

Царь-девица Сын Владислава, Алексей, был женат дважды. От первой жены у него была дочь Софья, от второй — двое сыновей. Однако сыновья его были неспособны править, и после

его смерти на престол взошла Софья. Тогда группировка бояр совершила государственный переворот в пользу самозванца, выдавшего себя за Петра, сына царя Алексея. В действительности же Петр, как потом было доказано документами, умер на корабле во время плавания в Голландию.

Самозванец Самозванец, якобы вернувшись из Голландии, заточил Софью в монастырь и стал править сам. Он, впрочем, оказался человеком энергичным, но не был умен и втянул Россию в войну со Швецией, закончившуюся Нарвской катастрофой. Затем Лжепетр попытался вторгнуться на Украину, но правитель Украины Мазепа своевременно заключил союз со шведским королем Карлом; под Полтавой войска самозванца были разгромлены, а он сам убит во время бегства.

Царь Алексей II Царица Софья, выйдя из заточения, успела только заключить мир со Швецией: она была уже тяжело больна и вскоре умерла. Новый царь принял очень тяжелое наследие, но успешно продолжил политику Софьи. Он восстановил уничтоженную Самозванцем Думу, вернул из ссылки Аятоллу Адриана и вообще посвятил себя залечиванию ран, нанесенных России самозванцем (за 10 лет его правления население России уменьшилось на четверть!). Он также восстановил прежнюю опричную систему, искалеченную самозванцем.

Император Павел Правившие после Алексея цари и царицы ничем особенным не замечательны. Но в конце XVIII века на престол вновь вступил крупный государственный деятель.

Павел I заключил чрезвычайно выгодный для России союз с Францией, где тогда правил император Наполеон I. Попытки убить Наполеона (в Вене) и Павла (в Гатчине) вынудили обоих государей к более тесному союзу против Англии. Расследование показало, что к заговору был причастен наследник престола, царевич Александр. Павел заточил его в темницу, где он и окончил свои дни. Павел был жесток, но он сделал Россию великой.

Павел первым из русских государей принял Императорский титул.

Николай Великий. Крымская война На правление государя Николая приходится расцвет могущества России. А между тем его царствование не было спокойным. Еще вступая на престол, он

должен был бороться с крамолой. Позже, когда в России все успокоилось, начались беспорядки в Европе. Однако с помощью России европейские государства уладили беспорядки и во Франции в 1830 году, и в Венгрии в 1848.

Однако государи, спасенные Николаем, отплатили ему черной неблагодарностью и в 1853 году начали против него войну. Однако и здесь русское оружие восторжествовало над врагами, и Крымская война была завершена победоносным Парижским миром. В память этой победы в центре Иван-города в 1906 году, к пятидесятилетию победы, была установлена колонна со статуей Николая. Внизу подпись:

«Николаю Великому — благодарная Россия».

Ходить бывает склизко
по камешкам иным,
итак, о том, что близко,
мы лучше умолчим.

(А.К.Толстой)

В. Содержание свежих номеров

7/8В1. «Поиски и размышления» (Московский общественно-литературный журнал), 9 (1). 1980, 85 стр.

От редакции. Новая ступень.

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ: Заявление академика А.Д.Сахарова от 27 января 1980 — Заявление о высылке академика Сахарова — Письмо Владимира Войновича — Письмо Р.Орловой-Копелевой — Елена Боннэр-Сахарова. Открытое письмо в защиту Андрея Сахарова. — Заявление Руфь Григорьевны Боннэр — Обмен телеграммами между Сахаровым и Беллами — А.Сахаров. Лев Копелев — под огнем критики. — Заявление Л.З.Копелева — Л.Копелев. Игорь Огурцов тринадцать лет в тюрьме. — Михаил Гефтер. Этого не должно быть. — Арест о.Дмитрия Дудко. — Открытое письмо Семёна Липкина — Открытое письмо Инны Лисянской. — Борис Биргер. Открытое письмо Генриху Беллю.

ПУБЛИЦИСТИКА: Мы все «за». — Марк Новиков. Что запрятано в новом законе о гражданстве СССР.

ДИСКУССИЯ: В.Я.Лакшин. В редакцию «Вестника РХД». — М.А.Сац. О статье Ф.Светова «Разделение...» — Замечания редакции о статьях В.Лакшина и М.Саца.

ЛИСТАЯ РАЗНЫЕ ГАЗЕТЫ: По страницам газет будущего.

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ: Неизданные письма Б.Л.Пастернака к Кайсыну Кулиеву и Е.Д.Орловской — 13 писем 1947-1954 гг.; к Б.Орлову — 1 письмо 1948 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ: А.Д.Сахаров. Тревожное время.

7/8В2. «Поиски и размышления», 10(2), 1980, Москва, 74 стр.

Размышления на пороге коммунизма.

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ: Выступление Л.С.Понтягина на сессии Академии наук в марте 1980 г. — Почем нынче 30 серебряников? — Политика в спорте или расовая дискриминация? — Возвратить в общий фонд.

ПУБЛИЦИСТИКА: Г.Померанц. Из книги «Сны земли». Иосиф в Египте. — Запретная аналогия. — Хлеб, погода и академик ВАСХНИЛ.

ДИСКУССИЯ: М.Левантье, Ж.П.Адин. Советская торговля. Барыши и нехватка. — Писатель, читатель, цензор. — Пропал носорог.

ПОЭЗИЯ: Ю.Осипов. Душные закаты.

ПАРОДИИ: Генерал Мудищев был!

7/8В3. «Поиски и размышления», 11(3). 1980, Москва, 106 стр.

ГОЛОСА РОССИИ: М.А. Пробный камень. — .. О нации и совести. СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ: Г.Померанц. Мой собеседник Виктор Сокирко.

ЭКОНОМИКА: Мой дом. — Обычное головотяпство или последствия эмбарго? — Информация (об увеличении пенсий офицерскому составу).

ДИСКУССИИ: «Я принимаю участие в научном споре...» — И снова о странностях любви.

ЛИТЕРАТУРА: Даниил Хармс. Из «Голубой тетради». — А.Володин. Мать Иисуса (пьеса).

ПОЭЗИЯ: Семен Липкин. Техник-интендант (поэма).

ЛИСТАЯ РАЗНЫЕ СТРАНИЦЫ: Друзья СССР о характерных чертах социализма.

7/8В4. «Поиски и размышления», 12(4). Москва, 1980, 93 стр.

ГОЛОСА РОССИИ: СССР или Россия.

ВЕРА И ГУМАНИЗМ: Г.Померанц. Андрей Рублев и тринитарное мышление. — К.Лоренц. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. Отрывок (пер. с немецкого).

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ: Мы цивилизуемся. — Вести с культурного фронта (письмо в редакцию).

Экономика: «База».

Поэзия: Представляем альманах «Проталина» (стихотворения Е.Кораблевой, В.Выскуба, Н.Дубинкина, М.Долинина, В.Помазова; рецензия на альманах анонима).

Воспоминания, дневники, письма: Воспоминания.

7/8В5. «Поиски и размышления», 13(5). Москва, 1980, 109 стр.

Голоса России: Марк Морозов. Письмо из Воркуты.

События и судьбы: В защиту Валерия Абрамкина (заявление). — Два письма о Валерии Абрамкине (С.Белановский, В.Кучеров).

Памяти Владимира Высоцкого: В.Высоцкий. Мое детство. Стихи Б.Окуджавы, Н.Дубинкина, В.Помазова. — . . . Памяти трех поэтов-песенников.

Дискуссии: О книге В.Комарова «Уничтожение природы» — Несколько слов о книге В.Комарова. М.Р. Ответ рецензенту. — В. Письмо Ф.Абрамову.

Информация: Разное. — «Осведомленные сотрудники МВД СССР»

Олимпиада-80: Объявления. — Тернистые пути дружбы. — По следам Олимпиады.

Отклики: Письмо читателя.

Рецензии: Аким П. В сталинские времена никаких репрессий не было (о биографиях репрессированных в советских изданиях) — «Прощай, оружие!» по-советски. (размышления по поводу повести В.Распутина «Живи и помни»).

Экономика: В.Сорокин. Золотые россыпи.

Воспоминания, письма, документы: продолжение переписки.

7/8В6. «Поиски и размышления», 14(7). Москва, 1981, 105 стр.

События и судьбы: Всем людям — от детей Татьяны Великановой. — Выступления в защиту Татьяны Великановой.

Голоса России: Т.Стрельцов. Из цикла «Встречи и разговоры».

Экономика: Г.Нилов. Без догмата.

Хроника: Информация.

Дискуссии: Максудов. Микроб коммунизма или тифозная вошь?

ИСТОРИЯ: Две встречи Н.С.Хрущева с представителями творческой интеллигенции.

РЕЦЕНЗИИ: «СССР. 100 вопросов и ответов».

ЛИТЕРАТУРА: Ю.Величкин. Рассказ о том, как я воевал.

ПОЭЗИЯ: А.Антонович. Стихи.

ЛИСТАЯ РАЗНЫЕ СТРАНИЦЫ: «Правда», 24 апреля 1934 г.

7/8В7. «Поиски и размышления». 7(15), 1981, Москва, 110 стр.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ (вокруг журнала «Поиски»): «Поиски» — К полемике вокруг журнала «Поиски». — Суд над Валерием Абрамкиным (Документ 145 Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. 10.X.1980). — Цепь беззаконий. — Р.Лерт. Мои не произнесенные свидетельские показания. — Ученые ищут крамолу. (заклучения и рецензии академических институтов на журнал «Поиски»)

ГОЛОСА РОССИИ: Т.Стрельцов. Из цикла «Встречи и разговоры». Дороги к прекрасному.

ЭКОНОМИКА: Г.Нилов. Без догмата. Продолжение. — П. Параложь в действии.

ХРОНИКА: Информации. — Л.Р. А вы, друзья, как ни садитесь...

ДИСКУССИИ: Смирнов. О патриотизме. — Письмо читателя.

ИСТОРИЯ: Письмо Л.И.Брежневу (письмо известных советских ученых и деятелей культуры к XXIII съезду КПСС в связи с возможной реабилитацией Сталина). — Максудов. Национальные формирования царской армии в прологе гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА: Д.Дар. Речь, которую я хотел бы произнести у своего гроба. — Непоэтическое о поэте (к дискуссии о Е.Евтушенко)

7/8В8. «Поиски и размышления», 8(16). Москва, 1981, 104 стр.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ: Суд над Л.Терновским. — В.Ре-ва. Арестована посмертно.

ГОЛОСА РОССИИ: Польше — редколлегия журнала «Поиски и размышления» — А.Солженицын. Бастующим польским рабочим. — А.Сахаров, Р.Лерт и др. Объединенному межзаводскому стачечному комитету. — А.Сахаров. Из предновогоднего выступления. — В.Помозов. «Я польскую речь...».

— Сто восемнадцать лет назад (из переписки А.И.Герцена и Дж.Гарибальди) Из статей А.И.Герцена 1863-1864 гг.). — Приложение — информация. Протокол соглашения между Правительственной комиссией и Объединенным забастовочным комитетом.

ЭКОНОМИКА: А.Вецман. «Блатной мир» московских институтов.

ХРОНИКА: Информация — Советская хроника. — Новое в русском языке.

ДИСКУССИИ: М.Ортов. Православное государство и христианство.

ИСТОРИЯ: Б.Вайль. Структура партии большевиков — судьбоносный элемент тоталитарного госкапитализма. — Максудов. Численность и потери латышских стрелков в 1918-1920 годах.

ЛИТЕРАТУРА: Памяти В.Высоцкого (стихи В.Гафта, А.Вознесенского, А.Воинова). — Б.Окуджава. С новых магнитофонных лент. — Т.Стрельцов. Кому первому была вручена медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина». — Л.Лебедев. Из ненаписанного романа Валентина Катаева. — Я.Нижегородский. Лингвoseмантические проблемы разрядки.

7/8В9. Майя. Литературный альманах. Выпуск 2. Санкт-Петербург. 1981

Н.Каплан (стихи) (5-11) — Н.Каплан (проза) (12-20) — Новалис (перевод Н.Галкиной) (21-36) — О.Охалкин (стихи) (37-56) — Е.Шеталин (стихи) (57-66) — А.Семенов (стихи) (67-71) — Ю.Богомолец (стихи) (72-75) — М.Андреев (стихи) (76-106) — А.Ожиганов (стихи) (107-130) — Б.Тунгусов (проза) (131-140) — С.Стратоновский (стихи) (141-154) — Б.Куприянов (стихи) (155-171) — А.Нестеров (Соколов) (проза) (172-193) — В.Бетехтин (стихи) (194-196) — В.Кривулин (стихи) (197-204) — А.Нестеров (Соколов) (стихи) (205-250).

Приложения

Авторы журнала «Сумма» и их псевдонимы

- Алексеев Валентин Михайлович – В.А.; Мадьяров
Баранцев Рэм Георгиевич – В.Т.
Вершик Анатолий Моисеевич – А.Кратов; А.Кр.
Гордеев Роман Германович – Р.Г.
Давыдов Геннадий Валентинович – Лоза (совместно
с И.М.Давыдовой)
Давыдова Инна Михайловна – Лоза (совместно
с Г.В.Давыдовым)
Дедюлин Сергей Владимирович – С.Д.
Долинин Вячеслав Эммануилович – Д.Р.; ДР.; Р.Д.
(совместно с С.Ю.Масловым)
Иванов Борис Иванович – Б.И.; И.Петров; Б.И.Р.
(совместно с С.Ю.Масловым)
Иофе Вениамин Викторович – С.П.
Каверин Николай Вениаминович – М.Б.
Крейнович Владислав Яковлевич – Л.Ч.; М.Ц.; В.Р.
Левин Сергей Исаевич – С.С.; С.С.Р. (совместно
с С.Ю.Масловым)
Ляшенко Всеволод Андреевич – В. Л.
Маслов Сергей Юрьевич – Р.; С.Шагин; Ш-ин; Ш.;
С.Ободов; Т.Юрьев; Т.Ю.; П.Арендс; Б.М.; Р.Д. (совместно
с В.Э.Долининым); Б.И.Р. (совместно с Б.И. Ивановым);
С.С.Р. (совместно с С.И. Левиным); Кукушкин Э.Р.
(совместно с Э.С. Орловским)
Маслова Нина Борисовна – Н. Гордон; Н.К-а; Н.К.; М.Р.;
М.; М.Н.С.; А.Б.
Орловский Эрнст Семенович – Э.О.; Э. Кукушкин; Э.К.;
Кукушкин Э.Р. (совместно с С.Ю. Масловым)
Пименов Револьт Иванович – Р.П.; Л.П.Нестор; Л.П.Н.; Н-р

Биографические данные авторов «Суммы»

Алексеев Валентин Михайлович (1924 – 1994). Родился в Ленинграде. Окончил исторический факультет ЛГУ (1950), кандидат исторических наук (1953). Преподавал историю в Карело-Финском педагогическом институте (1953 – 1956). В апреле 1956 года уволен с работы и исключен из КПСС за выступление на партсобрании с рядом требований (упразднить привелегии партработников, уничтожить институт доносчиков и т.п.). Работал переводчиком на Онежском тракторном заводе (1956 – 1957). В конце 1957 года восстановлен в КПСС. Работал главным библиотекарем в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (1958 – 1969). Доцент кафедры международного коммунистического, рабочего и национальноосвободительного движения ВППШ в Ленинграде (1969 – 1977). В 1977 году подготовил докторскую диссертацию, посвященную венгерской революции 1956 года, но по идеологическим мотивам не был допущен к защите. Доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Сыктывкарского университета (1977 – 1979). Доцент кафедры истории профсоюзов СССР и профсоюзного движения за рубежом (1979 – 1987) в Высшей профсоюзной школе культуры в Ленинграде. В 1987 году вышел на пенсию, но продолжал читать лекции в нескольких вузах. Автор семи книг по истории, из которых опубликована только одна, и почти ста статей (опубликованы 22). Его книга «Варшавское гетто больше не существует», после того как договор о ее издании был расторгнут (в связи с ближневосточными событиями 1967 года), распространялась в самиздате. В 1970 году Алексеев подвергнут допросу по делу Р.И.Пименова.

Баранцев Рэм Георгиевич. 1931 г.р., г. Киров. Окончил математико-механический факультет ЛГУ (1954), кандидат математических наук (1957), доктор математических наук (1964).

С 1954 г. работает на математико-механическом факультете ЛГУ (ныне СПбГУ). С 1969 г. профессор кафедры гидроаэродинамики. Участник семинаров по общей теории систем с 1968 года.

Вершик Анатолий Моисеевич. 1933 г.р., Ленинград. Окончил математико-механический факультет ЛГУ (1956), кандидат физико-математических наук (1963), доктор физико-математических наук (1974), профессор (1983), с 1992 года зав. лабораторией Петербургского отделения математического института РАН и профессор СПбГУ.

Гордеев Роман Германович. 1946 г.р., Ленинград. В 1968 году окончил математико-механический факультет ЛГУ, после службы в СА работал в ЛГУ (инженер 1970 – 1995). Кандидат физико-математических наук (1974). Участник семинаров С.Ю.Маслова с 1968 года. Перепечатывал РОФ, ХТС (1979 – 1981, от Тольца). Участвовал в издании журнала «Аминь» (1988 – 1989). В 1970–1980 годах неоднократно подвергался обыскам, допросам, в том числе и по делу Репина В.Т. В 1983 году предупрежден по ст. 70 УК РСФСР. Эмигрировал в 1995-м, живет в Германии.

Давыдов Геннадий Валентинович. 1939 г.р., пос. Елизово, Камчатская обл. Окончил механико-математический факультет ЛГУ (1961). Кандидат физико-математических наук (1968). Работал в ряде научно-исследовательских институтов, преподавал математику в Финансово-экономическом институте, работал грузчиком. С 1994 года старший научный сотрудник Института проблем транспорта Академии наук. Участник семинаров по общей теории систем с 1968 года.

Давыдова (ур. Белоусова) Инна Михайловна. 1939 г.р., село Большой Малокиш, Рыбницкий р-н Молдавской ССР. Окончила математико-механический факультет ЛГУ (1961), аспирант на том же факультете (1962 – 1963). Кандидат физико-математических наук (1972). Преподавала математику на экономическом факультете ЛГУ (с 1963), преподает на математико-механическом факультете ЛГУ (ныне СПбГУ) с 1973 года, доцент с 1982-го. Участница семинара С.Ю.Маслова по общей теории систем с 1968 года.

Дедюлин Сергей Владимирович. 1953 г.р. Окончил химический факультет ЛГУ. Участвовал в издании исторических сборников «Память» (1976 – 1981). Подвергался обыскам и допросам по делу А.Б.Рогинского. Вынужден эмигрировать в 1981 году. Живет в Париже.

Долинин Вячеслав Эммануилович. 1946 г.р., Ленинград. Окончил заочное отделение экономического факультета ЛТИ Целлюлозно-бумажной промышленности (1974). Работал токарем, слесарем, техником-конструктором, инженером в проектно-институте, на автобазе и в СМУ и т.д. С 1960-х годов занимался распространением самиздата. Участвовал в работе религиозно-философского семинара (1974 – 1980) и Семинара по общей теории систем. В 1970-е – начале 1980-х сотрудничал с журналами «Посев», «Часы» и др. Вместе с С.Коровиным начал издание «Регулярных ведомостей» Клуба-81 (1982), входил в состав редколлегии, подготовившей антологию неофициальной поэзии Ленинграда «Острова» (вышла в самиздате в 1982-м). Вместе с Р.Б.Евдокимовым в 1980-82 годах издавал Информационный бюллетень СМОТа. Арестован в 1982 году, приговорен по 70-й ст. УК РСФСР к 4 годам лагерей и 2 годам ссылки. Лагерный срок отбывал в пермских политических лагерях, ссылку – на севере Коми АССР. После освобождения в 1987 году вернулся в Ленинград и включился в работу демократических организаций. Избирался членом Координационного совета Ленинградского Народного Фронта, председателем районного отделения движения Демократическая Россия. Входил в состав редколлегии Информационного бюллетеня Организации за Народный Фронт и журнала «Демократия и мы». Печатался во многих независимых изданиях («Топка», «Петербург» и др.). Член редколлегии журнала «Посев», член правления общества «Мемориал» (СПб).

Иванов Борис Иванович. 1928 г.р., г. Ленинград. Служил в армии (1948 – 1953). Окончил отделение журналистики филологического факультета ЛГУ (1958). Работал в газетах Псковской области и в заводских и вузовских многотиражках Ленинграда. В 1968 году исключен из КПСС и уволен с работы как автор коллективного письма-протеста против осуждения группы московских диссидентов. После увольнения работал шкипером, речного флота, электромехаником-обходчиком и диспетчером в Лифтремонтаже, хлораторщиком в плавательном бассейне, сторожем на автостоянках и лодочных станциях, газооператором. Участвовал в работе семинара по общей теории систем. С 1972 года – автор

самиздатских статей о культурном движении в стране, о нонконформистском изобразительном искусстве, поэзии. Участвовал в работе религиозно-философского семинара (1974 – 1980), входил в инициативную группу по составлению коллективного сборника неофициальной поэзии «Лепта» (1975). В 1976 году начинает выпуск журнала «Часы» (выходил до 1990 года). Один из инициаторов создания литературного объединения Клуб-81 (1981) и Общества Христианского просвещения (1988).

В 1986 году организует выпуск первого самиздатского сатирического журнала «Красный щедринец», в 1988 году – информационно-публицистического издания «Демократия и мы». Входил в инициативную группу по созданию Ленинградского Народного Фронта. Был членом правления этой организации. Входил в редколлегия Информационного бюллетеня Организации за Народный Фронт. Участвовал в подготовке первой в Ленинграде политической демонстрации под лозунгом объединения всех демократических сил (25 июня 1988 года). Входит в правление Религиозно-философского фонда Владимира Соловьева. В 1955-96 годах редактор регионального журнала партии Демократический выбор России «Новости».

Иофе Вениамин Викторович (1938 – 2002). Родился в Уфе. В 1962 году окончил Ленинградский Технологический институт по специальности инженер-технолог, был аспирантом ВНИИСК (Институт синтетического каучука). С 1964 года сотрудник нелегального общественно-политического журнала «Колокол». В 1965-м арестован, осужден по ст. 70 ч.1 и 72 УК РСФСР. Приговорен к 3 годам лишения свободы в лагере строгого режима. Срок отбыл в Дубровлаге (Мордовия). С 1968 года в Ленинграде. С 1976-го постоянный сотрудник исторических сборников «Память» (Москва-Париж), автор публикаций по истории политического подполья в СССР. В 1982 году официально предупрежден органами КГБ в связи с участием в работе Русского Общественного Фонда (Фонд помощи преследуемым и их семьям). С 1988 года сопредседатель общества «Мемориал», председатель историко-архивной комиссии. С 1992 года директор Научно-информационного центра «Мемориал», редактор журнала «Вестник Мемориал» и серии «Исторические сборники «Мемориала».

Каверин Николай Вениаминович. 1933 г.р., Ленинград. Окончил 1-й Медицинский институт в Москве (1957). В 1956 году в Москве распространял листовки против советской агрессии в

Венгрии. Аспирант в Институте вирусологии АМН (1957 – 1960), далее научный сотрудник, зав. лабораторией в том же институте. Кандидат медицинских наук (1961), доктор медицинских наук (1968), профессор (1981), член-корреспондент АМН (1988).

Левин Сергей Исаевич. 1946 г.р., г. Владивосток. Учился на экономическом и математико-механическом факультетах ЛГУ (1963 – 1965). Служил в армии (1965 – 1968). Работал старшим лаборантом НИИ ММ ЛГУ (1969 – 1982). В 1982–1989 годах работал в котельных. С 1989 года работает в Институте богословия и философии руководителем гуманитарных классов и преподавателем философии. С 1960-х годов участвовал в демократическом движении, занимался распространением самиздата. Подвергался допросам по делу Давыдова Г.В. и Петрова В.В. (1972), обыскам и допросам по делу Репина В.Т. (1982). В 1983 году предупрежден по ст. 70 УК РСФСР. Участвовал в работе семинара по общей теории систем (с середины 1970-х). Как автор и редактор участвовал в выпуске журнала «Сумма». Подготавливал к изданию сборник «Маятник», который не удалось выпустить. Статья Левина «Социализм?», предназначенная для этого сборника, распространялась в самиздате.

Ляшенко Всеволод Андреевич. 1933 г.р., Москва. Окончил 1-й Медицинский институт в Москве (1957), сокурсник А.В.Каверина, кандидат медицинских наук (1962), доктор медицинских наук (1975). В 1956-м в Москве распространял листовки против советской агрессии в Венгрии. Зав. лабораторией НИИ вирусных препаратов, профессор.

Маслов Сергей Юрьевич (1939 – 1982). Родился в Ленинграде. Окончил математико-механический факультет ЛГУ (1961), кандидат физико-математических наук (1965), доктор физико-математических наук (1972). Младший научный сотрудник Ленинградского отделения математического института (с 1961-го). Преподавал математику в Финансово-экономическом институте (с 1975-го). В 1980-м уволен за письмо в защиту А.Д.Сахарова. Работал старшим научным сотрудником в Институте электронного приборостроения с 1980 года. В 1968 году организовал семинар по общей теории систем, участвовал в правозащитном движении, сотрудничал с «Хроникой текущих событий», печатался в самиздате. В 1979 году начал выпускать журнал «Сумма». Погиб в автомобильной катастрофе при до конца

не выясненных обстоятельствах (см. публикации Е.Масловой и А.Вершика в настоящем издании).

Маслова (ур. Колчина) Нина Борисовна (1939 – 1993). Родилась в Пензе. Окончила математико-механический факультет ЛГУ (1961). Кандидат физико-математических наук (1966), доктор физико-математических наук (1983). Работала младшим научным сотрудником в ЛГУ (с 1961-го) и ведущим научным сотрудником в Институте океанологии (с 1982-го). С 1993 года профессор кафедры математической физики физического факультета СПбГУ. Участвовала в работе семинара по общей теории систем с момента его организации.

Орловский Эрнст Семенович. 1929 г.р., г. Ленинград. Окончил математико-механический факультет ЛГУ (1952). Учился в аспирантуре ЛГПИ им. А.И.Герцена (1952 – 1955). Работал на заводах Полиграфмаш и Красногвардеец, в Институте нефтехимических процессов, на разных временных работах. С 1965-го по 1991 год работал патентоведом во ВНИИ Метрологии. С 1991 года научный сотрудник неправительственной Российско-Американской группы по правам человека. С 1950-х годов начал писать для самиздата. Подвергался обыскам и допросам в 1950-1980-е годы.

Пименов Револьт Иванович (1931 – 1990). Родился в Ростове-на-Дону. Окончил математико-механический факультет ЛГУ (1953), кандидат физико-математических наук (1965), доктор физико-математических наук (1969). Работал ассистентом на кафедре высшей математики Ленинградского института пищевой промышленности (1953 – 1957). В 1949 году за выход из комсомола помещен в психиатрическую больницу в Ленинграде. Автор самиздата (с 1954-го). В конце 1956 года начал издавать нелегальную газету «Информация». Арестован 25 марта 1957 года по обвинению в создании «антиправительственной организации». Приговорен Ленгорсудом к 10 годам исправительно-трудовых лагерей в феврале 1958 года. В заключении находился в Воркутинских и Тайшетских лагерях, во Владимирской тюрьме. Освобожден 26 июля 1963 года по ходатайству академика М.В.Келдыша, поэта А.Т.Твардовского и др. Работал младшим научным сотрудником ЛОМИ АН СССР (1963 – 1970). В конце 1960-х годов познакомился с А.Д.Сахаровым и включился в правозащитную деятельность. Арестован 22 июля 1970 года за распространение самизда-

дата. Приговорен Калужским облсудом к 5 годам ссылки по ст. 190-1. В ссылке в Коми АССР. Освобожден 14 апреля 1974 года. После освобождения работал младшим научным сотрудником Коми научного центра Уральского отделения АН СССР. Жил в Сыктывкаре. Часто бывал в Ленинграде и участвовал в работе семинара по общей теории систем. В начале 1980-х годов прошла серия обысков у Р.И.Пименова, его друзей и знакомых. Против него возбуждено новое дело. Дело прекращено постановлением КГБ Коми АССР в августе 1987 года. В 1990-м избран народным депутатом РСФСР от территориального Ижминского округа Коми АССР.

Следует упомянуть еще о двух людях, помогавших изданию:

Шварцман Борис Самойлович. 1935 г.р., г.Ленинград. Фотограф, художник. Хранил и пересылал материалы «Суммы».

Эльгорт Дина Абрамовна. 1942 г.р. В 1969 году окончила биологический факультет МГУ. В дальнейшем работала в Онкологическом центре и в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф.Гамалея Академии медицинских наук (Москва), кандидат биологических наук. Один из активных деятелей самиздата на протяжении длительного времени, перепечатывала в Москве все выпуски «Суммы», номер 7-8 печатался ею с рукописей.

Именной указатель

В указателе имена помещаются, как правило, в той форме, в которой они встречаются в рукописях журнала «Сумма»; в случае эквивокации, однако, всюду приводятся инициалы.

- Абель Р.И., 7/8Б7
Абовин-Егидес П., 1А21, 1В3,
1В4, 2В1, 3В1, 5/6-
6Г1
Абрамкин В.Ф., 1В3, 1В4, 3В1,
5/6-6В1, 5/6Г1, 5/6Г2,
5/6Г3
Абрамов Ф.А., 5/6Г8
Аввакум, 1В5, 5/6В8
Авраам, 1А10
Авратов Б., 7/8А26
Аврелий Марк, 7/8А11
Авторханов А., 3А14, 5/6А19,
7/8А32, 7/8Б1
Аганбегян А.Г., 7/8А2
Агапова Л., 2А15
Агафангел Ярославский, 1А9
Агурский М., 5/6А31
Адам, 1А3
Ади Э., 3А13
Адлер М., 3В4
Азарян В., 1В6, 2В6, 2В7
Азбель Л., 2В8
Азбель М., 2В8
Аксаков К., 2А8
Аксенов В., 2А32, 2В2, 3В5,
7/8Б1
Алейников В., 1В5
Александр (король Югосла-
вии), 3А13
Александр II, 5/6Б5, 7/8А16
Александр III, 7/8А12, 7/8А16
Александр Невский, 1В5, 7/8Б7
Александров П.С., 2В8
Алексеев В., 2А34
Алексеев Г., 1А29, 1В3
Алексеев Н., 2А34
Алексеева Е., 5/6Б1
Алексий, патриарх, 5/6А25
Алешковский Ю., 2В2, 7/8Б1
Алиев, 7/8А18
Алкнис А.Я., 5/6Б10
Аллилуева С., 2А17, 7/8А14
Алтпуу И., 7/8А32
Альтшуллер Б., 1А8
Альтюссер Л., 5/6Б19
Амальрик А., 3А28, 7/8Б1
Аметов Э., 1А8
Андерс, 3А22
Анджеевский Е., 7/8Б3
Андреев А.А., 3А14
Андреев Д., 1А33, 1В2, 3А18
Андреев Н.Е., 3В4
Андреев Ю., 7/8А2, 7/8Б1
Андрей, еп. (кн. А.А.Ухтомский),
2Б2, 2Г2, 2Г5
Антрианов В.И., 3А14
Андропов Ю.В., 1В8, 1В1,
5/6Б1
Анненский И., 2В5
Антонов-Овсеенко А.В., 5/6А38
Анцупов Е., 7/8А22
Апдайк Дж., 2В2
Аполлон, 2А29
Арафат Я., 2А21
Арендарь А.Ф., 5/6Б1
Арканов А., 2В2
Арманд И., 7/8А12
Аронзон Л., 5/6А40
Арсеньев Г., 3В1

- Артемов А., 3Г4
 Арутюнян Э., 7/8А21
 Асадов, 7/8Б7
 Асеев Н., 1А29, 2В1
 Астафьев В., 5/6Б7
 Ахатов-Салов, 5/6Б2
 Ахмадулина Б., 2В2, 3Б5, 5/6Б1
 Ахматова Анна, 1А29, 2Г2,
 2Г5, 3Б5, 3Б7, 5/6Б15,
 7/8А9
 Бабель И., 1Б4
 Бабенышев А., 1В1
 Бабенышева С., 5/6Б1
 Бабицкий К., 4Б1
 Бабич А.П., 2Г1, 2Г4
 Вагрицкий Э.Г., 1А23
 Вадзьо, 5/6Б1
 Байда Гр., 1В3, 2Б2
 Байрон Дж., 7/8А16
 Байтальский М.Д., 1А39, 1А41,
 1В4, 2А23, 2В1;
 см. Домальский М.
 Бакунин М., 3А34
 Балакирев В., 7/8А3
 Балческу, 3А13
 Бальзак О. де, 3А13
 Бандера С.А., 7/8А14
 Барабанов Е., 3А28, 5/6Б14
 Барбан Е., 1В5
 Барбарчук Н.И., 2Г4
 Барбюс А., 3А13
 Барков А.А., 2Г4
 Барок М., 5/6Б19
 Барт Р., 2А27
 Барчиковский К., 7/8А4
 Барышников М., 3А27
 Басин А., 2В5
 Баталова Р., 5/6А29
 Баткин Л., 2Б5, 2В2
 Батуков С.М. (о.Серафим),
 2Г5
 Батушков Ф.Д., 2А22
 Бауэр Б., 5/6А22
 Баханов, 5/6А38
 Бахмин В., 1А6, 3А6, 5/6Б1,
 7/8А1
 Бахтин М., 2Б5
 Бегин М., 3А22, 5/6А20
 Бегун В., 3А18
 Бегун И., 1В8
 Бедаров, 3В2
 Бедный Демьян, 1Б5
 Безансон А., 5/6А7
 Безант А., 7/8А16
 Безгласный Г., 1В4, 2В1
 Беззубов Г., 2В6
 Безикович, 2Б8
 Бейлз К.Е., 1А35
 Белинков А., 2В1
 Белинский В.Г., 3А29
 Белков В., 3В3
 Беллоу С., 2В8, 3В4
 Белов Ю., 1В1, 7/8А20
 Белогородский В., 5/6А13
 Белоцерковский Б., 5/6Б13,
 7/8Б1
 Белый Андрей, 1А23, 1В2
 премия имени, 1А30, 1В5
 Бельский Н., 3Г5
 Бенеш, 3А13
 Бердник, 5/6Б1
 Бердяев Н.А., 1А1, 1А20, 2А5,
 2А6, 2А7, 3А18, 3А20,
 3Б2, 3Б9, 5/6А7, 7/8А30,
 7/8Б2
 Берия Л.П., 3А14, 3Б5, 5/6А23,
 5/6А32, 7/8А14
 Берлин Н., 2Г3
 Бернштам М., 3А4, 5/6А17
 Бесстужев А.А., 5/6А9
 Беттица Э., 2А19а
 Бетховен Л. ван, 2Б6, 3А13
 Бигон Д., 1А25
 Билбенко И.В., 2А1
 Биргер В., 5/6Б1
 Битов А., 2А32, 2В2, 3Б5
 Блаватская Е.П., 1А1, 7/8А16
 Благих В.Н., 2В5
 Благовещенский К., 3В3
 Блехман Р., 2Б3, 3А28
 Блок А., 1А29, 1А31, 1В4,
 2А30, 3Б2, 3Б5, 7/8Б2
 «Двенадцать», 2Б5
 Блюм Л., 3А13

- Блюмкин Я.Г., 1Б5, 2Г3
 Блюхер В.К., 5/6Б10
 Бобрикова И., 2Г3
 Бобышев Д., 1Б2
 Богатырев К., 2А1
 Богданов Л., 2В3
 Боголюбов Н.П., 2Б8
 Богомолов Г., 2В5
 Богораз Л., 1А5, 1А7, 3Б9,
 4Б1, 5/6Б3
 Боливар С., 3А13
 Болонки, 5/6Б1
 Болонкин А.А., 3В2, 7/8А3
 Бондаренко Е., 2В4
 Боннэр Е.Г., 1Б1, 5/6Б1, 7/8А1
 Бонч-Бруевич В.Д., 2Г5, 2Г7
 Бор Н., 7/8Б2
 Борисов В., 2А5, 2А15
 Борисов Л., 1В6
 Боровик П.И., 7/8А22
 Бородин, 2А6
 Ботвинник М., 5/6А37
 Браиловская И., 3В4
 Брайнин, 2Г4
 Брандт, 1Б8
 Браун Дж., 1Б5
 Брежнев Л.И., 1Б5, 1Б7, 2Б7,
 5/6А19, 5/6А31, 5/6Б11,
 7/8А18, 7/8Б7
 адресат писем, телеграмм,
 1А6, 1А8, 1В1, 3А7,
 5/6Г8
 глава сионистской группиро-
 ровки в Кремле, 1Б8
 «Поднятая целина», 3Г6,
 3Г2, 5/6А19
 Брежнев Ю.Л., 7/8А19
 Брехт Б., 3А13
 Брик Л.Ю., 2Г1, 2Г4
 Бродский И., 1А29, 3А26, 3Б9,
 5/6Б15, 7/8Б1
 Бруевич А., 2В3
 Брусилов А.А., 1Б5
 Брых Я., 7/8А4
 Брюллов К., 07/8Б7
 Бубер М., 1Б5, 1В7, 3В4,
 5/6А15
 Бубнова Е.А., 2Г4
 Буденный С.М., 5/6Б7, 5/6Б10,
 7/8Б7
 Будулак-Шарыгин М.И., 3В2
 Бузинников, 3В2
 Буковский В., 3А5, 3А9, 7/8А3,
 7/8Б1
 Букуров, 2Г4
 Булатов А., 2Г2, 2Г5
 Булатов Э., 3В4
 Булгаков М.А., 7/8Б1
 Булгаков С.Н., 1В2, 3А20, 3Б9,
 3Г6, 7/8А9, 7/8Б2
 Булганин М.А., 5/6А31, 5/6А37
 Булгарин Ф., 2В1
 Бульба Т., 3А29
 Бунин И., 3Б5
 Буньян Дж., 5/6Б2
 Буржуадемов К., 3Б1, 3Б3,
 3В1, 3Г1, 3Г2, 3Г4,
 3Г5, 3Г6, 3Г7, 5/6А27,
 5/6Г4, 5/6Г7, 5/6Г8;
 см. Сокирко В.В.
 Бурик, 2Г4
 Буркалов Ф., 2Г2
 Бурлацкий Ф., 5/6Б4
 Бурлюк Д., 5/6А36
 Бурцев Ю., 5/6Г3
 Бутурлин, 7/8А16
 Бухарин Н.И., 1Б7, 2Г4, 7/8А13
 Вавилов Н.И., 2А13, 2Г2, 5/6Б1
 Вагинов К.К.,
 «Козлиная песнь», 5/6А39
 Вайль Б., 2А16
 Валенса Л., 7/8А4, 7/8А32
 Валентинов, 1Б5
 Валентынович А., 7/8А4
 Валик А., 7/8Б3
 Вальран В., 3А31, 3В3
 Ван Мин, 1Б7
 Вансеева А.А., 2Г4
 Ванталов Б., 1Б5
 Варга, 3А13
 Василевская В.Я., 2Г2, 2Г5
 Васильев А., 1В6
 Васильев И.Т., 2Г3
 Васильева А.В., 2Г4

- Вахтин Б., 2В2
 Вацетис И.И., 2В2, 2Г2, 2Г5,
 5/6Б10
 Вебер М., 1В5, 5/6А13
 Ведрухин С., 2В7
 Векслер И., 3В4
 Веласкес, 7/8А11
 Великанова Т., 1А6, 4Б1, 5/6Б1,
 5/6Б3, 5/6Г7, 7/8А1
 Велицкий М., 2Г3
 Вендров, 7/8А8
 Венцова Т., 5/6А23
 Верлен П., 1А31
 Вернадский В.И., 2Г4
 Вернадский Г., 5/6Б8, 7/8А9
 Ветров А., 5/6А31
 Беттел Н., 5/6А10
 Ветчинкина М. (Голицына),
 2Г4
 Вийон Франсуа, 1А31
 Викторов М.В., 5/6Б10
 Виланд К.М., 3А13
 Вильсо, 1Б8
 Вильямс Н.Н., 2Г4
 Винавер М.Л., 2Г4
 Виноградов И.М., 1Б9, 2А24,
 2Б8
 Виноградов И.Н., 3А14, 7/8А14
 Виноградов П.Г., 2Г4
 Винс Г., 1А8, 5/6Б2
 Виссак Р., 7/8А32
 Витковска Л., 3А22
 Вишневская Г., 2А17
 Вишневская Ю., 3А28
 Владимир Мономах, 7/8Б7
 Владимиров, 1Б7
 Владимов В., 1В1,
 Владимов Г., 3Б9, 7/8Б1, 7/8Б5
 Власик, 3А14
 Власов А.А., 7/8А14
 Влодзимирский, 2Г4
 Вознесенская Ю., 1А7, 1А29,
 1В4, 2В6, 3В1, 3В4,
 5/6А29
 Вознесенский А., 1Б7, 2В2,
 7/8Б7
 Вознесенский И., 2Г1, 2Г3, 2Г4
 Вознесенский Н.А., 3А14
 Войнович В., 3Б9, 5/6Б1, 7/8Б1
 Войно-Ясенецкий В.Ф., 2А13,
 2Г2
 Волохонский Л., 2А15
 Волошанович А., 3А6, 7/8А21
 Волошин М.А., 1В4, 1В4, 2А30,
 2Г1, 2Г4, 3А18, 3А20,
 3Б2, 3Б9, 5/6Б14
 Вольтер Ф., 3А13
 Воронель А., 2А22а
 Воронин В., 2Г3
 Ворошилов К.Е., 3А14, 5/6Б10,
 7/8А14, 7/8Б7
 Ворошильский В., 2А19
 Врангель П.Н., 1Б5, 2А11,
 5/6А39
 Врунов Е.В., 2А1
 Высоцкий В., 2В2, 7/8А28,
 7/8Б7
 Гаврилов Н.Н., 2Г3
 Гаврильчик В., 3А31 3В3
 Гагарин Ю., 7/8Б7
 Гайдамачин, 1Б5
 Гайдн Й., 3А13
 Гален, 7/8А11
 Галецкий Р., 1А6, 2В5
 Галицкий И.П., 5/6Б10
 Галич А., 3Б10, 4А1, 7/8А28,
 7/8А29, 7/8Б1, 7/8Б4
 Галлер Н.М., 5/6Б10
 Галлимов С., 7/8А21
 Гамарник Я.Б., 5/6Б10
 Гамбетта, 3А13
 Гамсахурдиа З., 1В8
 Гамсун К., 5/6А30
 Ганди И., 1Б8
 Гарелин И., 2Г3
 Гарибальди, 3А13
 Гарик (И.Губерман), 3А21, 3В4
 Гастев Ю.А., 2Г3 2Г4
 Гвишиани, 3А14
 Гвядзу А., 7/8А4
 Геббельс Й., 5/6А12
 Гевара Э., 7/8Б7
 Гегель Г.В.Ф., 3В4, 5/6Б17,
 7/8А27

- Гейне Г., 5/6A22, 5/6B15
 Геллер М., 7/8B1
 Геминдер, 5/6A32
 Георг VI, 3A13
 Герек Э., 1B8, 7/8A22
 Герцен А.И., 1B5, 3B9
 Герцык Е., 3A20
 Гершуни В., 1A27, 1A28, 1B3,
 1B4, 2B1, 3B1, 7/8A24
 Гесс М., 5/6A22
 Гете И.В. фон, 1A31, 3A13
 Гефтер М., 1B3, 3B1, 5/6B3,
 5/6Г1
 Гешель А.Дж., 2B8
 Гинзбург А., 1A12, 1A21, 1B1,
 1B8, 2A15, 3A15, 3B9,
 5/6A34, 7/8A3
 Гинзбург Д., 5/6A37
 Гинзбург Л., 2B3
 Гиппиус З., 1A1
 Гиппиус Т.Н., 2Г4
 Гитлер А., 1B4, 1B5, 2A1,
 3A18, 3B1, 3B10, 5/6B9,
 7/8A14, 7/8A16
 Гладилин, 7/8B1
 Гладков Ф., 2B3
 Глазов В., 2Г2
 Глазунов И., 1A20, 7/8A26
 Глинка Ф., 3B5
 Глинка-Волжский А.С., 1B2
 Глюксман А., 5/6B17
 Гнедин Е.А., 2Г2, 2Г5
 Гоголь Н.В., 2A22, 2B7, 3A18,
 3A26, 3A29, 5/6A2,
 7/8B1, 7/8B8
 Гойя Ф. де, 7/8A11
 Голицына,
 см. Ветчинкина М.
 Голомшток И., 7/8A26, 7/8B1
 Голонд Г.Е., 2Г4
 Голубева В., 5/6A29
 Гольшток И., 5/6A10
 Гоманьков И., 1A10
 Гомулка, 2A19, 3A14
 Гонта, 1B5
 Гончар В., 5/6A31
 Гончар О., 3A17
 Горбаль М., 5/6B1, 5/6B3
 Горбаневская Н.Е., 2Г4, 3B9,
 7/8B1
 Горбачев М., 7/8A18
 Горбунов Н.Н., 2Г4
 Горбунов Н.П., 1A35
 Горган А., 5/6Г1
 Горенштейн Фр., 2B2, 3B5
 Горетой, 7/8A1
 Горичева Т. М., 1B6, 2A27,
 2A31, 2B7, 5/6A29
 Горский М., 2A5, 7/8B3
 Горчаков-Горбунов Е., 3B3
 Горький А.М., 2A11, 2Г2, 3B5
 Готвальд, 5/6A32
 Гофман Э.Т.А., 1B5
 Гофман Ю., 1B7, 3B4
 Грамши, 2A19a
 Грачев Р., 3A29a
 Гречко А.А., 1B8, 5/6A18
 Гржимек, 7/8A8
 Грибачев, 3B9
 Грибоедов А.С., 7/8B7, 7/8B8
 Григоренко З., 1A6, 1B3
 Григоренко П.Г., 1A6, 1B3,
 2A17, 3A6, 3A7, 3A15,
 3B9
 Григорьев М., 2Г3
 Гримм Ю., 1A7, 5/6B1, 5/6Г1
 Гринкевичюте Д., 2B2, 2Г2
 Гришин, 7/8A18
 Гройс Б., 1A30, 2B6, 3B4
 Громыко А.А., 2A20, 5/6A31,
 7/8A18
 Гроховяк С., 7/8B3
 Грюнвальд Н.Ф., 2Г4
 Губанов, 2Г4
 Губерман, И.,
 см. Гарик И.
 Гулина Б., 3A21
 Гумилев Л., 2A4, 3A28, 7/8A9,
 7/8A11
 Гумилев Н., 1A29, 2Г5
 Гурфинкель Н., 2A16
 Гусак, 1B8
 Гусаров В., 2B1
 Гуссерль Э., 2A27, 7/8A27

- Гюйо Р., 5/6A32
 д'Эстен, Ж., 1B8
 Давыдов Г., 2B1
 Давыдов Д., 2A7
 Давыдов Е., 1B1
 Далинский С., 2Г2
 Даль, 1A28
 Данилевский, 2A8, 7/8A9
 Данильцев Л., 3B1
 Даниэль Ю.М., 1B4, 2Г4, 3B9,
 4B1, 7/8B1
 Данте А., 5/6A39
 Дарвин Ч., 7/8B2
 д-Астье-Вижари, 5/6A38
 Дейнеги Н.Н., 2A1
 Деканозов, 3A14
 Декарт Р., 7/8B6
 Демичев, 1B8, 7/8A15, 7/8A18
 Демьянов Н., 7/8A20
 Деникин А.И., 1A20, 3A4,
 5/6B11
 Денисов, 2Г4
 Державин Г., 2A22, 3B5
 Дери Т., 2A19
 Дернов И., 2Г3
 Джамии, 3B5
 Джексон Ш., 2B3
 Джемилев М., 5/6A11, 5/6B7,
 7/8A1
 Джемилев Р., 5/6B1, 7/8A1
 Джеферсон Т., 1B5
 Джилас М., 5/6A6, 5/6A38
 Дзержинский Ф., 1A35, 7/8B7
 Дизраэли Б., 1B5, 5/6B12
 Дионис, 2A29
 Дмитриев О., 2A22
 Дмитрий Донской, 5/6B8, 7/8B7,
 7/8B10
 Добрынин, 2A20
 Довлатов С., 2B3, 3A29a
 Долгих, 7/8A18
 Долгополов, 2A10
 Долгорукий Великий князь,
 1A15
 Долинин В., 1B6
 Домальский М., 1B7, 2A23,
 2B8;
- см. Байтальский М.Д.
 Домбровский Ю. О., 1A37,
 1A38, 1B3, 1B4
 Доньда А., 3B1
 Достоевский Ф.М.,
 «Дневник писателя», 3B9
 Легенда о великом инкви-
 зиторе, 5/6B14; 1B5,
 2A22, 2B7, 3A18,
 3A26, 3B5, 5/6A2
 Драбкина Н.М., 3A6
 Дравич А., 7/8B1
 Драгомощенко А., 1A30, 1B2,
 1B5
 Дролл С., 7/8B5
 Дубинин Н.П., 3B2, 7/8A8
 Дубовой И.Н., 5/6B10
 Дубровский И., 2A5
 Дубчек А., 1B5, 2B2
 Дуглас С., 7/8A8
 Дудаш И., 2A19
 Дудин, 3A28a
 Дудко Дм., 1A16, 1A32, 5/6B1,
 7/8A1, 7/8A23, 7/8A26
 Дунский Ю.Т., 2Г4
 Дыбенко П.Е., 5/6B10
 Дышленко Б., 1B5, 2B5
 Дэнлоп Дж., 1A16, 1B6
 Дэн-Сяо-пин, 1B8
 Дюрер А., 2A25
 Дюрренматт Ф., 2A21
 Евдокимов Б., 7/8A20, 7/8A21
 Евдокимов Р., 7/8A21
 Евсеев, 2A23
 Евстигнеев, 2Г4
 Евтушенко Е.,
 «Бабий Яр», 1A11, 1A29,
 1B7, 7/8A14, 7/8A15
 Егоров А.И., 5/6B10
 Егуда Ш., 3B4
 Ежов Н.И., 5/6B6
 Екатерина Вторая, 1A36, 3A17,
 7/8A10, 7/8B7
 Еленин С., 2Г1
 Емельянов, 2A8, 3A14, 3A18,
 7/8A16
 Емцев М., 3B1

- Ермолаев С., 7/8A21
 Ерофеев Вик., 2A32, 3B5
 Ершов Ю.Л., 1B9
 Есенин С., 1A31, 3B5, 5/6A39,
 5/6B8
 Есенин-Вольпин А.С., 3A5
 Ефимов И., 7/8A11;
 с.м. А.Московит
 Ефимова Н., 2A29, 2B4
 Ефросин, 2A5
 Жабиньский А., 7/8A4
 Жданов А.А., 2Г2, 2Г5, 3A14,
 5/6A37
 Железняк, 1B5
 Желудков С.А., 5/6B1, 7/8B4
 Живков Т., 1B8
 Жигалов А., 2B6
 Жискар, 1B8
 Жолковская И., 1B1
 Жувинтас, 5/6A23
 Жуков Г.К., 3A14, 5/6B10
 Заверткин, 7/8A3
 Заводский, 5/6A32
 Загурский Е., 7/8B3
 Зайцев В., 3A18, 7/8A21
 Замятин Е., 1B4, 3B9
 Заславский Д., 3B9
 Засулич В., 5/6B13
 Захаров Вс., 5/6A28
 Звягин Е., 2B3
 Зелиньский З., 7/8A4
 Земсков А., 7/8A22
 Земцов И., 3Г2
 Зильберман Д.С., 3B4
 Зимянин, 7/8A18
 Зингер И.Б., 2B8
 Зиник З., 7/8B1
 Зиновьев А.А., 1B3, 2A17, 5/6A16,
 5/6A17, 7/8A7, 7/8A15,
 7/8B1
 Зиновьев Г.В., 2B7
 Зотов М., 1A8, 2B1, 7/8A24
 Зоценко М., 2Г5, 3B5
 Зубарева А., 5/6A26
 Иаков, 1A10
 Ибсен, 7/8A30
 Иван Грозный, 2A5, 2B3, 2B7,
- 5/6A8, 7/8A10, 7/8A11,
 7/8B7, 7/8B10
 Иваницкий, 2Г4
 Иванов А.И., 3Г2
 Иванов Б.И., 1B5, 2A28, 2B3
 Иванов Вяч.И., 3A20, 5/6A39
 Иванов Л., 7/8A2
 Иванов Ю., 2A23
 Ивановский М., 2B8
 Иванченко А., 2A15
 Ивина Ж., 5/6A29
 Игнатов В.Г., 2Г4
 Игнаций Лойола, 7/8A16
 Иден А., 5/6A10
 Иисус Христос, 1A3, 1A16,
 3A18, 3A20, 3B2, 5/6A25,
 7/8A15
 Иловайская И., 5/6A9
 Ильичев, 3A14
 Ильященко Л., 5/6A36
 Иноземцев Б., 1B6
 Иоанн-Павел II, 3B1
 Иоахим Флорский, 7/8B2
 Иосиф II, 3A13
 Иофе В., 2Г3
 Исаак, 1A10
 Исакова Л., 1B1
 Исаянц В., 2B3
 Искандер Ф., 1B3, 2A32, 2B2,
 3B5
 Кабаков И., 2B6
 Каведо, 7/8A11
 Кавелин К.Д., 1B2
 Каган В.Ф., 2B8
 Каганович Л.М., 1B6, 3A14,
 3B9
 Каганская М., 7/8B1
 Кадар, 1B8, 2A19
 Каддафи М., 3A26, 5/6B5
 Кальдерон, 7/8A11
 Кадыев Р., 5/6B1, 7/8A1
 Казакова Р., 3B5
 Кайзер Р., 1B3
 Калеп В.А., 7/8A32
 Каллистратова С., 1A6, 1B1,
 5/6B1
 Каменев Л.Б., 2B7, 2Г1, 2Г4

- Каменев П., 2В5, 3В3
 Каменев С.С., 5/6Б10
 Кандель, 7/8Б1
 Кандинский В., 1А20, 1А23
 Кант И., 2А27
 Као Кан, 1В7
 Капитанчук В., 1А6, 1В2, 7/8А1
 Капица П.Л., 5/6Б1, 7/8А14
 Каплинский Я., 7/8А32
 Каплун И., 1А6, 7/8А24
 Каплун М.Л., 7/8А24
 Каплун-Борисова Е., 7/8А24
 Карабчиевский Ю., 2В2
 Караванский С.О., 2Г4
 Карасев-Оргуссаар В., 7/8А32
 Каракан, 7/8А12
 Карацуба А.А., 1В9
 Карл XII, 3А17
 Карл XIII, 3А13
 Карлинский С., 2В3
 Кармилова, 2Г4
 Карпинский Л., 3Г7
 Карпов А., 5/6А37, 7/8Б7
 Каррильо С., 1В3
 Картер Дж., 1В8, 2А1, 5/6А1,
 5/6А37, 5/6Б6
 Каутский, 3А9, 5/6Б14
 Кацелененбоген А., 3Г6
 Каширин Н.Д., 5/6Б10
 Квачевский О., 1А6, 1А7
 Кейнс, 3В3
 Келдыш М.В., 2В8
 Кеннеди Дж., 2А20, 5/6А37,
 7/8Б7
 Кеннеди Р., 2А20
 Керенский А.Ф., 2В7
 Кизевальтер Г., 2А34
 Килланин лорд, 1В1
 Ким Ю., 7/8А28
 Киплинг Д.Р., 3А13
 Кириленко, 1В8
 Кирилл Казанский, 1А9
 Кириллов Н., 3Г5
 Кириченко, 7/8А18
 Киров С.М., 1А35, 5/6А38
 Кишфалуди-Штробл, 3А13
 Клансье Ж., 1В1
 Клебанов В., 2А16, 7/8А24
 Клементис, 5/6А32
 Клюев Н., 3В9, 5/6Б15
 Ключевский В.О., 3А28, 7/8Б7
 Князева К.В., 2Г4
 Ковалев И., 5/6Б1
 Ковалев С.А., 2А1, 2Г4, 4Б1,
 5/6Б1, 7/8А1
 Ковалевская С.В., 7/8Б7
 Коган Ю., 2В8
 Когоутек, 5/6А32
 Кожанов И.К., 5/6Б10
 Кожевников П., 2В2, 3В5
 Колаковский Л., 7/8Б6
 Коллонтай А.М., 7/8Б7
 Колмогоров А.Н., 2В8
 Колодвей А., 7/8А4
 Колодзейский Е., 7/8А4
 Колосов Л., 7/8А3
 Колчак А.В., 1А20, 3А4, 5/6Б11
 Колько А., 5/6А31
 Кольцов М.Е., 2Г5
 Комаров Б., 3Г4, 7/8А8
 Комаров В., 3В4
 Коммонер, 7/8А8
 Комраков, 2Г4
 Конбендит Д., 3А34
 Кондратьев П.М., 3А31
 Конин (о. Лев), 2А31
 Конквест Р., 3А4, 5/6А38, 5/6Б9
 Коновалихин В., 2А15, 3В2,
 5/6Б1
 Копелев А., 2А5
 Копелев Л.З.,
 «О смертной казни», 1А13
 «Хранить вечно», 3А7; 3В9,
 3В1, 4Б1, 5/6А35, 5/6Б13,
 5/6Б14, 7/8Б1, 7/8Б9
 Копур А.Д., 2Г4
 Корвалан Л., 3А5, 7/8А3
 Корейша И.Т., 7/8А20
 Коржавин Н., 3А28а, 3В2, 7/8Б1
 Корк А.И., 5/6Б10
 Корнилов В., 3В9
 Корнилов Л.Г., 1В5,
 Короленко В.Г., 1В5, 2А10,
 2А11, 2А12, 2Г2

- Короленко С.В., 2А10
 Коростелев А.Ю., 7/8А24
 Короткова, 2Г4
 Корсунская, 7/8А3
 Корчак, 7/8А21
 Костов, 5/6А32
 Костюрин И., 2Г2, 2Г5
 Косцюшко, 3А13
 Косыгин А.Н., 1Б8, 7/8А18
 Косынкин, 3А14
 Котовский, 7/8Б7
 Кохановский, 7/8Б3
 Кочетов, 3Б9
 Кошелухов, 3А31
 Кошнарская И., 5/6А36
 Кошут, 3А13
 Кравченко К., 2Г4
 Красин Л.Б., 1А35, 1Б5
 Краснов В., 3А10
 Краснов П.Н., 5/6А10
 Кратов А., 2Б8
 Крестинский, 5/6А32
 Кржижановский Г.М., 1А35
 Кривин И., 2Г2
 Кривулин В.Б., 1А30, 1Б2,
 2В4, 2В7
 Кристи Агата, 2Б7
 Кристи Э., 5/6А10
 Кронверский И., 2В3, 2В5
 Кропивницкий, 2А31
 Кропоткин, 3А34
 Крупская Н.К., 7/8А12
 Кручных А., 5/6А36
 Крыленко, 5/6А37
 Крэнстон М., 3Б1
 Крючков Г.К., 5/6Б2
 Крючкова Л., 5/6Б2
 Кублановский Ю., 2В2, 3Б5
 Кувакин В., 3В1, 7/8А24
 Кузнецов А.А., 3А14, 7/8А18
 Кузнецов Адам, 1А11, 2В1,
 3А14, 3В1, 3В2, 3Г1,
 5/6А27, 7/8Б1
 Кузнецов В.В., 1Б8
 Кузнецов Ф., 1А23, 3Б5
 Кузнецов Э., 5/6А34
 Кузнецова Н., 5/6А26
 Куйбышев В.В., 1А35
 Кукка Ю., 7/8А32
 Кукобака М., 2А15, 3А6, 3В2,
 7/8А20
 Кукушкин Э. (Э.Р.), 3Ф8, 5/6А31,
 7/8А2, 7/8А3
 Кулай, 7/8А4
 Кулаков, 1Б8, 5/6А19, 5/6А31
 Кунаев А.Д., 1Б8, 7/8А18
 Кунин В., 7/8А8
 Куняев С., 1А23
 Куприн А.И., 2А22
 Курганов, 3А4
 Курилко, 2Г4
 Курчатов И.В., 7/8Б7
 Кусков П.П., 2Г3
 Кутузов М.И., 1Б5, 7/8Б7
 Кюстин, 5/6А7
 Лавренев, 5/6Б8
 Лаврентьев М.А., 2Б8
 Лавров, 5/6Б14
 Лавут А., 1А6, 5/6Б1, 7/8А1
 Ладов Л., 2А6
 Лазарев К., 2Г3
 Лазарев Н., 2Г2
 Лазунин В. Д., 2Г4
 Лакшин В., 3Б8
 Лам А., 7/8Б3
 Ланге Х.-Э., 7/8А32
 Ланда М., 1А21, 1Б1, 1В1,
 2А15, 5/6Б1, 7/8А1
 Лансберг, 5/6Б7
 Лао-цзы, 1Б5
 Ларин, 2А23
 Ласков А., 3А9
 Лассаль Ф., 5/6А22
 Лафайет М.Ж., 1Б5, 3А13
 Лашкова В., 1В1
 Лебедев, 1А35
 Лебль З., 5/6А32
 Левандовский В.К., 5/6Б10
 Левенков Н., 7/8А21
 Леви Б.-А., 1А19, 1В3, 5/6Б17
 Левин Е., 3А19
 Левин С., 5/6А15
 Левитин Л., 1В7, 3В4

- Левитин-Краснов А., 1Б6, 5/6Б14,
7/8Б1
 Левицкий В.О., 2Г1, 2Г4
 Левицкий С.А., 3Б4
 Левченко, 7/8А24
 Лежнев И., 5/6А31
 Ленин В.И., 1А7, 1А35, 1Б5-
6, 1Б7, 2Б7, 2Г4, 2Г5,
3А18, 3А22, 3Б9, 5/6А8-
9, 5/6А19, 5/6Б4, 5/6Б11,
5/6Б17, 7/8А12, 7/8Б6
 Леонардо да Винчи, 7/8А15
 Леонов Л.М., 7/8Б3
 Леонтович В., 5/6А8
 Леонтьев К., 2А8, 2А9
 Лепин Н., 7/8Б2
 Лепорская А.А., 2В3
 Лермонтов М., 7/8А16, 7/8Б7
 Лерт Р., 1А6, 1А23, 1В3, 1В4,
7/8А24
 Лесниченко Н., 1А29, 2А15
 Лешин Е., 2В8
 Либединская А.А., 2Г2, 2Г5
 Лившиц Б., 5/6А36,
Лилль Р. де, 3А13
 Лильбок К., 3А30, 3В3
 Лимонов Э., 2В4, 3А26
 Линдберг Ч., 3А13
 Линецкий М., 5/6А22
 Линкольн А., 3А13
 Линтов М., 1В3
 Липинский А., 2Г1
 Липкин С., 2В2, 3Б5
 Лис Б., 7/8А4
 Лиснянская И., 2Б4, 2В2, 3Б5
 Лист Ф., 3А13
 Литвин, 5/6Б1
 Литвинов М.М., 2Г5,
Литвинов П., 3Б9, 7/8А29
 Лихачев Д.С., 2А1
 Лиходеев Л., 5/6А30
 Лиятов М., 3В1
 Лобачевский Н.И., 2Б1, 7/8Б7
 Логунов А.А., 5/6Б6
 Ломакин П., 7/8А3
 Ломоносов М., 3Б5, 5/6Б12,
7/8Б7
 Лондон А., 5/6А32, 5/6Б9
 Лопе де Вега, 7/8А11
 Лосев А.Ф., 2А28
 Лосский Н., 1А1, 2Б3
 Лост Г., 2Г5
 Лошонци Г., 2А19
 Лузин, 2Б8
 Лука (Войно-Ясенецкий), 2Г5
 Лукач Д., 2А19
 Лукиан, 7/8А11
 Лукин С., 3В4
 Лукшайте С., 2А1
 Лукьяненко (з/к), 5/6А34, 5/6Б1
 Лукьяненко Л., 1А8, 1В8
 Луначарский А.В., 1А35
 Лунев Н.Р., 2Г4
 Лунц Л., 1В7, 5/6А31
 Луцик М.Ю., 3В2
 Лысенко Т.Д., 2А13, 7/8А14
 Львов А., 7/8А17
 Любарский К.А., 2Г3, 3А34
 Любищев, 3А28
 Лютер М., 7/8А16
 Ляпунов А., 2Б8
 Магомст, 7/8А16
 Мадиссон Т., 7/8А32
 Мазуров, 1Б8
 Макаров, 2Г4
 Макеева В., 7/8А20
 Макнамара, 2А20
 Максимов В.Е., 1Б6, 2А17,
3А27, 3Б9, 4А1, 5/6А31,
7/8Б1
 Максимов Г., 2Г3
 Максудов, 3А4, 5/6Б9, 5/6Б11
 Малаховская Н. Л., 2Б6, 2В6,
2В7, 5/6А29
 Малевич К., 1А23, 3А31
 Маленков Г.М., 3А14, 5/6А32,
7/8А14
 Малешевская Г., 7/8А24
 Малиновский Р.Я., 1Б4
 Мальков М.Г., 2А15, 2Г4
 Маляревский С., 7/8А21
 Мамай, 1Б5
 Мамонова Т., 5/6А29

- Мандельштам Н.Я., 2Б3, 2Г1,
7/8А26
- Мандельштам О.Э., 1А29, 1Б4,
1Б5, 2Г2, 2Г4, 2Г5,
3В3, 5/6А39, 5/6Б15
- Мандельштам Р., 1А29
- Манфред А. З., 5/6А39
- Мао-Цзе-Дун, 1Б5, 1Б7, 5/6Б17
- Марамзин, 3А7, 7/8Б1
- Марат Ж.П., 3А13
- Марголин Ю., 3А22
- Маргулис (подельник Сланско-
го), 5/6А32
- Маргулис С.С., 2Г2, 2Г5
- Маргулис Э.Э., 2Г4
- Маркадзе Ж.К., 1В6
- Маркизова Э.А., 2Г4
- Марков О., 2Г1
- Маркс К., 1А1, 1А19, 1Б5,
1Б6, 2А4, 2А22, 2Б1,
3А9, 5/6А22, 5/6Б17,
7/8А11, 7/8Б6
- Маркузе, 3А34
- Мартынов Л., 1А12
- Мартынов М., 1Б5, 2В4
- Марченко А., 1А5, 1В3, 2Г3,
3Б9, 5/6Б1
- Марше Ж., 5/6Б19
- Масарик, 3А13
- Маслов А., 3А31
- Маслов Г., 3А31
- Маслов С., 2А26, 2В3;
с.м. Шагин С.
- Матвеев, 2А15
- Махадеви, 2В4
- Махно Н., 7/8А12
- Маховиков И., 5/6Б10
- Ма-хун, 3А5
- Мачеевский Я., 7/8Б3
- Машеров, 7/8А18
- Маяковский В., 1А23, 2Г4,
5/6А36, 5/6Б8
- Мдивани И., 2Г2
- Медведев Ж., 7/8Б1
- Медведев М., 2А17
- Медведев Р., 1Б8, 1В3, 1В4,
2А14, 2Б3, 3А14, 5/6Б13,
- 7/8Б1
- Медведский Л.А., 2Г4
- Медынский Г., 5/6А30
- Меерсон-Аксенов И., 2А5, 5/6Б14
- Мейендорф И., 1А2
- Мейер А.А., 2Г4
- Мейер Ю., 5/6А31
- Мейеров Я., 2Г3
- Мейерхольд В.Э., 7/8Б8
- Мейланов В., 5/6Б1
- Мейман Н., 1А11, 1Б1, 3В2
- Меллер Г.Д., 2Г4
- Мельчук И.А., 2Г2, 2Г5
- Менделеев Д.И., 2Б1, 7/8Б7,
5/6Б11
- Мень А., 3А18
- Мераи Т., 3А16
- Мережковский Д., 2А30, 7/8А16
- Меркулов, 3А14
- Метсалу Э., 7/8А32
- Мечников И.И., 2Б1
- Мещанинов Д., 7/8А3
- Мизякин А., 5/6Б1
- Микоян А.И., 3А14, 5/6А31,
5/6А38
- Милош Ч., 7/8А32, 7/8Б3
- Милюков П.Н., 2Б7
- Милютин, 3Б2
- Мини Дж., 7/8А23
- Минин Д., 2Г3,
- Минин К., 7/8Б7
- Минц И.И., 5/6А38
- Миронов Н.Р., 5/6А38
- Миронов Ф.К., 1А41
- Миттеран Ф., 5/6Б19, 7/8А24
- Михайлов Б., 7/8А26
- Михайлов В., 5/6А31
- Михайлов М., 5/6Б14
- Михайлов Р., 2Г3
- Михалков С., 3Б5
- Мицкевич А., 7/8Б3
- Молино Т. де, 7/8А11

- Молотов В.М., 2Б2, 2Г4, 2Г5,
3А14, 5/6А37, 5/6Б11,
7/8А14
- Молчалин, 1Б5
- Монастырский А., 2А34
- Мондейл У., 2А1
- Моро, 1Б8
- Морозов М.А., 2А15, 7/8А23
- Морская М., 2В1
- Московит А. (И.Ефимов), 3А28
«Метаполитика», 1Б10, 7/8А11
- Мотев И., 2Г3
- Моцарт В.А., 3А13
- Мочар, 5/6Б12
- Мрожек С., 2В4
- Муссолини, 1Б6, 2Б7, 3А13,
7/8Б6
- Наан Г., 5/6А12
- Набоков В., 2В7, 3А29, 3Б3,
3Б8, 3В3, 7/8А28
- Навои, 3Б5
- Нагель М., 1В7
- Нагле И., 7/8А24
- Нагловский А.Д., 7/8А12
- Надвоицкий Л., 2Г1, 2Г4
- Надь Ж.Л., 2А19, 3А13
- Назарян, 3В2
- Наполеон, 7/8А16
- Наполеон III, 3А13
- Наровчатов, 3А28а
- Нахамкин Э., 3А27
- Нахимов П.С., 1Б5, 7/8Б7
- Неврозов Л., 3А11
- Неизвестный Э., 3А27, 7/8А14,
7/8А15
- Некипелов В., 1Б1, 1В1, 2А17,
2В1, 3А6, 3В2, 5/6Б1,
7/8А1
- Некрасов В., 1А11, 5/6А10,
5/6А31, 5/6Б13, 7/8Б1
- Некрасов Вс., 1В6, 2В7, 3Б7
- Некрасов Н.А., 5/6Б13
- Некрич А.М., 2Г5, 5/6А11,
5/6Б9, 7/8Б1
- Нелидов, 5/6Б14
- Немцова, 2Г5
- Нестеровский В., 1А31
- Нестор Л.П. (Р.И.Пименов),
2Б7, 2Г1 2Г2 2Г3 2Г4
2Г5, 3А14, 7/8А14
- Нетер, 2Б8
- Нехемьев Э., 1А25
- Нечаев В., 2А31, 5/6А31
- Нийтсоо В., 7/8А32
- Никитин В., 2Г5
- Никитин Н., 2В5
- Николаев Е., 2А15
- Николаев Л., 5/6А38
- Николаев Ю., 3А32
- Николаевский Б., 3А14, 7/8А12
- Николаевский В., 3В1
- Николай Второй, 5/6А12
- Николай Первый, 1А36, 2А8,
5/6Б5, 7/8А12
- Никсон Р., 1Б8
- Нил Сорский, 1А2
- Нилус С., 7/8А16
- Ницше Ф., 2А7, 5/6Б17, 7/8А15
- Новиков А., 2Г5
- Новиков Ю., 1А31, 2В4
- Новодворская В., 2А15
- Новожилов В.В., 3Г3
- Новоселов, 3А20
- Ной И., 3В2
- Нудель И., 1В8
- Овчинников Ю., 2Г3
- Огородников А., 1А32, 1В2,
7/8А1
- Огурцов И., 1В2, 2А16, 3В9,
5/6Б1
- Одоевский В.Ф., 5/6А2
- Ожиганов А., 2В3
- Озолис В., 1Б4, 3А9, 3Б2
- Ойстрах Д., 5/6А38
- Окуджава Б., 2Б6
- Окунев А., 2Б8
- Окунев Я., 2В8
- Оланский, 3А14
- Олейников Н., 1А29
- Олицкая, 2Б3
- Орвелл Дж., 3А28
- Оржоникидзе Г.К., 1А35, 5/6Б11
- Орлов В.М., 5/6Б10

- Орлов Ю., 1А21, 1В3, 1В8,
 2А15, 2А18, 2В1, 3В2,
 5/6В1, 5/6В3, 7/8А1
 Орлова Р., 5/6В1, 7/8А29
 Орловский Э., 3А8, 3В2, 5/6А31,
 5/6В4, 7/8А4, 7/8А19,
 7/8А25, 7/8В3, 7/8В10
 Осенка Я., 3Г4
 Осипов, 1В6, 2А16
 Осипов В., 7/8А26
 Осипов Е., 2Г1, 2Г4
 Осипов Н.И., 3Б4
 Осипова Л.Т., 3Б4
 Осипова Т., 1В1, 3В2, 5/6В1
 Островский А.Н., 7/8В8
 Острякина Л.Ф., 2Г4
 Осьмеркин С., 2В5
 Оуэн Д., 5/6А10
 Охупкин О., 1А32, 1В2, 1В2
 Павел I, 7/8А10
 Павлинчук, 3Б3
 Павлов И.П., 2В1
 Павлович, 2Г4
 Павловский Г., 5/6В3, 5/6Г1
 Павлушкин, 3А31
 Пазухин В., 5/6А29
 Пазухин Е. А., 1В6, 2В7
 Пайестка Ю., 7/8А24
 Пайлодзе, 3В2
 Пайпс Р., 5/6А8, 5/6В14
 Палехова Т., 1В3
 Палиевский П., 1А23
 Панин Н., 7/8А10
 Панитков Н., 2А34
 Пантелеева Л., 2Г3
 Парамонов Б., 5/6А18
 Парвус, 1В5, 5/6А36
 Парницкий Т., 7/8В3
 Парсон, 7/8А8
 Паскаль, 1А10, 3В2
 Пастернак Б.Л., 1А29, 2Г2,
 2Г5, 3В5, 5/6В12, 5/6В15,
 7/8А12, 7/8А14, 7/8В7
 Пастернак З.Н., 2Г5
 Пастухов В.Н., 5/6В6
 Патоличев, 3А14
 Пашнин Е., 1В1
 Паюсалу А., 7/8А32
 Пеккер (Слутковская) О., 2А31
 Пеккер М., 2А31
 Пельше А.Я., 1В8
 Пеньковская А., 7/8А4
 Перельгин, 5/6В1
 Перельман В., 3А23, 7/8В1
 Песков Н., 2Г1, 2Г4
 Петр Первый, 1А33, 1В5, 2А5,
 2В3, 2В7, 3А18, 3В2,
 7/8В7
 Петраченков Ю., 2В4
 Петрова П.П., 2Г4
 Петровский И. П., 2В8
 Петровых М., 1А29
 Петухов, 2Г4
 Петэн-Лаваль, 7/8А16
 Пешкова Е.П., 2Г1, 2Г4
 Пигулевская Н.В., 2Г4
 Пий XII, 5/6А23
 Пикассо, 3А20, 5/6А30, 7/8А26
 Пикуль В., 3А13
 Пиль, 3В2
 Пильняк, 1В4
 Пильняк Б.П., 2Г4, 7/8В1
 Пименов Р.И.,
 см. Нестор Л.П.
 Пименова В.А., 7/8А14
 Пиночет, 3В9
 Пирогов С., 5/6А5
 Писарев, 5/6В14
 Платон, 5/6А15, 5/6В17, 7/8А27
 Платонов А., 2В7, 5/6А39,
 7/8В1
 Плахоткин, 7/8А21
 Плутарх, 7/8А11
 Плющ Л., 3А7, 5/6В14, 7/8В1
 Подгорный, 1В8
 Подгурский Т., 5/6А5
 Подрабинец А.П., 1В2, 1В3
 1В8, 3А6, 7/8А20
 Подрабинец К.П., 1А22, 1В3
 Подрабинец П.А., 1В4, 3В1,
 3Г5
 Подъяпольский Г., 2А1, 3В9,
 5/6А31, 5/6А32
 Пожарский Д., 7/8В7

- Поздняков А., 7/8A24
 Покровский О.В., 2B5
 Полетаев, 3A31
 Поликанов С., 1B1
 Половцева К.А., 2Г4
 Полушкин А., 3B3
 Полуэктова Л., 1A6
 Польский В., 3A25
 Полянский, 1B8
 Помазов В., 1B1
 Померанц Г., 1B5, 1B4, 2A5,
 2A26, 3A28, 3B1, 5/6B14,
 5/6Г4, 7/8A9, 7/8A11
 Помпиду, 1B8
 Пономарев Б.Н., 1B8, 5/6B14,
 7/8A18
 Пономаренко, 3A14
 Понтрягин Л.С., 2B8
 Попков, 3A14
 Поплавский, 7/8A24
 Попов А.С., 7/8B7
 Попов Е., 2A32, 2B2, 3B5
 Попов Н., 2Г1
 Поповский М., 2A13, 2Г2, 7/8B1
 Пореш В., 1B2, 2B7, 7/8A1
 Поскребышев, 3A14
 Посохин, 1B6
 Постышев, 2Г3
 Пот П., 5/6B3 5/6B4
 Прат Н., 2A8, 3A15
 Пригов Д., 2B7
 Присыпко Н., 5/6A26
 Прокофьев А., 2Г5
 Просвиряков Г.А., 2Г4
 Прыжов П., 1A18, 1B3, 3B1
 Прянишников, 5/6B1
 Птоломей, 7/8A11
 Пугачев Е., 7/8B7
 Путинцев Ф. М., 2Г2
 Путрамент Е., 7/8B3
 Пушкин А.С., 1A31, 2A22,
 3A29, 3B8, 3B9, 5/6B12,
 7/8B1, 7/8B7
 «Медный всадник», 1A33
 Пывел, 5/6A32
 Пыжов П., 1B3
 Пыхьяла И., 7/8A32
 Пяст В., 1A29
 Пятецкий-Шапиро И.И., 2A24
 Пяткус А., 1B1, 1B8, 5/6B1
 Рабинович А., 2B7
 Рабле Ф., 1B10
 Радек К.Б., 2Г5
 Радищев А.Н., 1B5
 Радов А., 7/8A2
 Разин С., 7/8B7
 Раймон Ж., 5/6B19
 Ракитин В., 2B2
 Раковский М., 7/8A24
 Ракоши М., 2A19
 Ракша, 3B2
 Рамзин, 1A35
 Распутин В.Г., 7/8B7
 Рассыпинский, 2Г4
 Растин П., 2A14, 2B1
 Раудуве П., 5/6A23
 Рацес, 2Г4
 Ревзин, 7/8A9
 Регельсон Л., 1A9, 1A32, 5/6B1,
 7/8A1, 7/8A23
 Редлих Р., 3B1, 3B3, 3B4
 Рейман М., 7/8A13
 Рейн Е., 1A29, 2B2, 3B5, 3B6
 Рейцин, 5/6A32
 Рекунков А.М., 5/6B1
 Рембо А., 1A31
 Ремизов А.М., 1A23, 7/8A28
 Ренан Э., 5/6B12
 Репин И.Е., 7/8B7
 Рерих Н., 3A18
 Ржевский Л.Д., 3B4
 Риббентроп И., 7/8A14
 Риберу, 7/8A11
 Рильке Р.М., 5/6B15
 Родионов Ф.Е., 3A14
 Родос, 2Г4
 Рождественский Вс., 1A29, 5/6A39
 Розанов В.В., 2B8, 3A19, 5/6B14,
 5/6B15, 7/8B2
 Розин А., 2B3
 Розовский М., 2B2
 Рокоссовский К.К., 7/8B7
 Роллан Р., 3A13
 Романов Г.В., 1B8, 7/8A18

- Романова В., 5/6Б1, 7/8А3
 Романовы, 1В7, 5/6Б13
 Ронкин В.Е., 2Г4
 Ронкин Х., 5/6А14
 Ростин П., 3В10
 Ростислав Галецкий, 5/6А26
 Ростопчина Е.П., 1В3
 Ростропович М., 2А17
 Рубинштейн Л., 1В5, 1В6
 Рубинштейн Н., 1А12, 7/8Б1
 Рублев А., 5/6Б8
 Руденко М., 1В3, 5/6Б1, 7/8А1
 Рузвельт Т., 3А13
 Рузвельт Ф., 3А13, 5/6А10
 Рунов А.Ф., 7/8А20, 7/8А21
 Русаков, 7/8А18
 Русанов, 1Б5
 Руссо Ж.Ж., 5/6А9
 Рыбак Г., 2В1
 Рыбаков В., 5/6А31, 7/8Б1
 Рыжов В., 2Г2 2Г3
 Рыков А.И., 1А35, 7/8А12, 7/8А13
 Рымкевич А., 7/8Б3
 Рябов, 7/8А18
 Савицкий, 2Г4
 Сазонова А., 2В5
 Сакерин Е., 3В3
 Салова, 7/8А3
 Салтыков-Щедрин М.Е., 3Б9
 Самарин А.Д., 2Г3
 Самарина-Чернышева Е.А., 2Г3
 Самодуров Л.С., 2Б2
 Самойлов Д., 1А29
 Самойлов Л., 5/6А26
 Санагин В.С., 2Г4
 Сандауэр А., 7/8Б3
 Сандомирская О.У., 2Г4
 Салгир Г., 2В2
 Салиэт И.И., 3А2
 Саснаускас, 5/6Б1
 Сахаров А.Д., 1Б5, 1Б6, 1Б8 2А1 2А2 2А3, 2А16, 2Б1, 2Б3, 2Г3, 3А6, 3Б9, 5/6А1, 5/6А33
 высылка, 5/6Б1, 7/8А1, 7/8А3, 7/8А22, 7/8Б1, 7/8Б2, 7/8Б4, 7/8Б5
 Сверстюк Е., 3А17
 Светлов К., 3Г1
 Светлов М., 1В6
 Светов Ф., 1В1, 5/6Б1
 Светоний, 7/8А11
 Северянин И., 1А29, 5/6А36
 Седов А., 1В3
 Седых А., 3А24
 Седякин А.И., 5/6Б10
 Селюцкий, 2Г2
 Семенов, 2Г4
 Семенов А., 2В4, 2В6
 Семенов-Тянь-Шанский Л.Д., 2А30, 2В4, 2В5
 Сен-Симон К.А. де Р., 1Б5
 Серафим, о., см. Батюков С.М.
 Серафим Саровский, 7/8А16
 Сервантес М. де, 7/8А11
 Сергеев Л., 2А15
 Сергеев Ю., 1А8
 Сергей Радонежский, 5/6Б8, 7/8А16
 Сергей Старгородский, 1А9, 5/6А25
 Серебров Ф., 2В1, 3А6
 Сибелиус Я., 3А13
 Сикорский, 5/6Б8
 Сименон Ж., 2Б7
 Симон, 5/6А32
 Симонов В., 3В4
 Синявский А. Д., 1Б4, 2А22, 2Г4, 3Б9, 4Б1, 7/8А31, 7/8Б1
 Сирин Ефрем, 7/8А16
 Сичко В., 7/8А20
 Сичко П., 7/8А20
 Сичко С., 7/8А20
 Скворский В., 2А15, 7/8Б1
 Скиф Р., 1В5, 2В3, 2В4, 3А31, 3В3
 Скобелев, 2А8
 Скоропадский, 2А10
 Скрипникова А.П., 2Г1, 2Г4
 Скуратов М., 3А14, 3Б9

- Скуро М., 5/6A19
 Сланский Р., 5/6A32
 Слепак В., 1B1, 1B8
 Слепак М., 1B8
 Слонимский М., 2Г5
 Случевский К., 3B5
 Смирнов А.П., 2Г4
 Смирнов В., 2Г2
 Смирнов В.И., 2B8
 Смит А., 5/6A27
 Смит Х., 1B3
 Смолянская А.Л., 7/8A24
 Смирковский, 5/6A32
 Сокирко В. В., 1B4, 3B1,
 3Г1, 3Г4, 3Г5, 5/6B1,
 5/6Г4, 5/6Г5, 5/6Г6,
 5/6Г8;
 см. Буржуадемов К.
 Соколов И.З., 5/6B6
 Соколова Г., 5/6A12
 Соколова С., 5/6A29
 Соколовская, 2Г4
 Соколовский И.Л., 2Г4
 Сократ, 1A30
 Солженицын А.И., 1A19, 1B6-
 1B8, 2A7, 2A17, 2B3,
 3B3, 3B1, 5/6A13, 5/6A16,
 5/6A17, 5/6B13, 7/8A3,
 7/8A14, 7/8A26, 7/8A32,
 7/8B1
 «Август 1914-го», 1B5
 «Архипелаг ГУЛАГ», 2B2,
 2Г4, 3B9, 5/6A10, 7/8A24
 «В круге первом», 1B5
 гарвардская речь, 2A4, 3B2,
 5/6A2, 7/8A6
 «Жить не по лжи», 1B5,
 1B10, 5/6B14
 «Из-под глыб», 5/6B14,
 7/8B2
 «Ленин в Цюрихе», 1B5,
 7/8A12
 «Письмо вождям», 1A23,
 1B5, 1B7, 1B8
 «Раскаяние и самоограни-
 чение как категории
 национальной жизни»,
 1B5, 5/6B11
 русский шовинизм, 1B5,
 1B7, 2A8, 2A16, 7/8A6
 воспоминания Копелева о
 С., 5/6A35.
 Соловьев В., 2B8, 3A18, 3A19,
 7/8A16
 Сологуб Ф., 1A29, 7/8A16
 Соломенцов, 7/8A18
 Солоухин В., 1B6, 5/6B8
 Сорокин В., 5/6Г1 5/6Г2
 Сорокин Г.Э., 2Г3
 Соснора В., 1A29
 Сорокина С., 5/6Г1
 Софроний, 3B4
 Софронов А., 3B9
 Сохнут, 3A25
 Спекторский С., 2B7, 3A14,
 7/8A11, 7/8A12, 7/8A14
 Спиноза Б., 1A25
 Спиридонова М.А., 2B2
 Сталин И.В., 1A15, 1A23, 1A35,
 1B4-Б8, 2B3, 2Г1, 3B9,
 5/6A19, 5/6A32, 5/6A37,
 5/6B6, 5/6B17, 5/6B18,
 7/8A6, 7/8A12, 7/8A14,
 7/8B1, 7/8B7
 культ личности, 1A15, 1A35,
 5/6A25
 письмо Л.Брик С., 2Г2,
 2Г4
 разговор с Б.Пастернаком,
 2Г5
 С. и счастливое детство,
 2Г4
 смерть С., 3A14
 Станиславский К.С., 7/8B8
 Старокотлицкая Л., 2Г4
 Стеклов, 2B8
 Степун, 3B9
 Стивенсон Э., 2A20
 Стогов Н., 2Г1, 2Г4
 Столыпин П.А., 3B2, 5/6A9,
 7/8B7

- Стравинский И., 5/6Б8
 Стратоновский, 1Б2, 2В3
 Стрельникова Л., 5/6А26
 Строкатова Н., 1В1
 Струве Н., 5/6А2
 Струве П. Б., 1А26, 5/6А8,
 7/8Б2
 Стырикович М.А., 2Г3
 Суворов А.В., 1Б5, 7/8Б7
 Суицидов И., 2В6, 7/8А27
 Сулимов В.Д., 2Г4
 Сун Ян-сен, 1Б7
 Суперфин Г.Г., 2Г4
 Сусанин И., 7/8Б7
 Суслов М.А., 1Б8, 2Б7, 3А14,
 7/8А18
 Суханов, 2Б7
 Сухотин А.Н., 7/8А16
 Сысоев Вяч., 7/8А21
 Сытникова Л., 5/6А26
 Таиров, 7/8Б8
 Талейран Ш.М., 3Б9
 Тамарин П., 1В3
 Тамаркин Я., 2Б8
 Тамонис М., 2А1
 Тан У., 2А20
 Тао-Юань-мин, 1Б5
 Таратут И., 3В4
 Тарле Е.В., 2Г4
 Тарсис В., 2А17
 Тацит К., 7/8А11
 Твардовский А.Т., 2А14, 3А28а,
 5/6Г2
 Тейнхма Ю., 7/8Б3
 Терешкова В., 7/8Б7
 Терляцкас А., 4Б1, 5/6А23,
 5/6Б1, 5/6Б3
 Терновский Л., 1А7, 3А6, 5/6Б1,
 7/8А1, 7/8Б1
 Тетерятников В., 1А35
 Тигане Р., 7/8А32
 Тиль Т.И., 2Г2 2Г3
 Тиняков А., 1А29
 Тихий Й, 3В1, 5/6Б1
 Тихомиров Л., 7/8А16
 Тихон, патриарх, 1А9, 1А15
 Тихонов А.Н., 2Б8
 Тихонов Н., 2Г5, 5/6А39
 Тихонов Н.А., 7/8А18
 Тищенко И., 5/6А29
 Ткачев, 7/8А12
 Тодд Э., 3Г5
 Тойнби А.Дж., 1Б5, 3А28, 7/8А9
 Толстой А.К., 3Б9, 7/8Б10
 Толстой А.Н., 2Г5, 7/8Б3
 Толстой Л., 2А30, 2В6, 3А18,
 3Б8, 5/6А2, 5/6Б13
 Томич Т., 1В3
 Тонких В., 3Г2
 Тооминг Х., 7/8А32
 Тревор-Ропер Х., 5/6А10
 Трифионов Ю., 1А41
 Тростников В., 2А25, 2В2, 3В2
 Трофимов (следователь), 2Г4
 Трофимов Г., 3В1
 Троицкий Л.Д., 1Б5, 1Б6, 2Б7,
 3А34, 7/8А12
 Трюдо, 1Б8
 Тувим Ю., 5/6Б12
 Тулкин Г.И., 5/6Б11
 Туран А., 5/6Б19
 Туровский М., 3В4
 Турчин В., 1А6, 1А10, 3А28,
 3Б3, 7/8А11
 Тухачевский М.Н., 5/6Б7
 Тэсс Т., 5/6А30
 Тюрин А.Н., 2А24
 Тютчев Ф. И., 1Б5
 Уборевич И.П., 5/6Б10
 Уитман У., 5/6А29
 Ульянов П.Л., 1Б9
 Урланис, 5/6Б9
 Усатюк, 2Г4
 Усова Е.И., 2Г4
 Успенский П.Д., 2В5
 Успенский Я., 2Б8
 Устинов Д.Ф., 1Б8
 Ухтомский А.А.,
 см. Андрей, еп.
 Ушаков Ф.Ф., 7/8Б7
 Уэльс Г., 2А11
 Фальконе Э.М., 1Б5
 Фегелин Э., 3В4
 Федоренко Н.Т., 2Г4, 5/6А31

- Федорова-Бузырева Н., 1В1
 Федосеев А., 2А18
 Федотов Г.П., 1А32, 3В9, 5/6А18
 Федько И.Ф., 5/6В10
 Фейхтвангер Л., 7/8А16
 Феллани О., 7/8А32
 Фигнер В.Н., 2Г3, 2Г4
 Фил Д., 5/6А21
 Филимонов В., 1В6
 Филиппов В., 5/6А31
 Филиппов З., 1А4
 Филонов Л., 2В1
 Филонов П.Н., 2В3, 3В3
 Фирдоуси, 3В5
 Фитл, 5/6А32
 Фихте И.Г., 2А8, 5/6В17
 Фиш Д., 2В8, 3В4
 Фишбах Т., 7/8А4
 Фишер Л., 7/8А12
 Фишер Р., 5/6А37
 Флаттеров И., 2Г2
 Флоренский, 3А20
 Фонченков В., 7/8А23
 Форд Дж., 1В8
 Фрадис, 2В6
 Франк, 5/6А32
 Франклин Б., 3А13
 Франко Б.Ф., 5/6В5
 Франс А., 3А13, 3В5, 7/8В2
 Фрейд З., 2А27, 5/6А30
 Фрейка, 5/6А32
 Фрейман Г. А., 1В9, 1В7
 Фрид В.С., 2Г4
 Фридрих II, 3А13
 Фрицман М., 1В7
 Фрунзе М.В., 5/6В7
 Фульштинский Л., 3Г5
 Фумук, 5/6А34
 Фурцева Е.А., 1В8, 7/8А15
 Фурье Ш., 1В5
 Фуше, 3В9
 Фын Юй-сян, 1В7
 Хабаров Е.П., 1В7
 Хавкин В., 2А13
 Хазаз Х., 1А25
 Хайбулин В., 1А6
 Хайдеггер М., 2А27
 Хайду, 5/6А32
 Хаксли О., 3А28
 Халепский И.А., 5/6В10
 Харди Т., 5/6В15
 Харитонов И.С., 2Г4
 Хармс Д., 3В1, 5/6Г3
 Хахаев С.Д., 2Г4
 Хват А.Г., 2А13
 Хейфер Дж., 1В3
 Хейфиц М., 2А22а
 Хингли Р., 3А10
 Хлебников В., 5/6А36
 Ходорович С., 1В1, 4В1
 Хомяков А.С., 3В5
 Хохлов Р.М., 7/8В7
 Хохлушкин И.Н., 4В1
 Храбровицкий А.В., 2Г2
 Хрущев Н.С., 1В8, 2А13, 2А20,
 3А14, 5/6А11, 5/6А19,
 5/6А31, 5/6А38, 7/8А15
 «Мемуары», 1В7, 7/8А14
 Хуа Го-фен, 1В8
 Хуан Карлос Бурбон, 5/6В5
 Царнис М., 1В7
 Цветаева М.И., 1А23, 1А29,
 1В4, 2В3, 5/6А29, 5/6В15,
 7/8А28
 Цвигун, 5/6В1
 Цезарь Борджиа, 7/8А15
 Целков С., 3А27
 Цизин Ю.С., 2Г4
 Цирюльников С., 5/6А20
 Чаадаев П.Я., 5/6В3
 Чайковский П.И., 7/8В7
 Чалидзе В.Н., 2А17, 3В9, 3Г2,
 3Г3, 5/6В13, 7/8А6,
 7/8А14
 Чан-Кай-ши, 1В7
 Чапаев В.И., 5/6А16
 Чаплин Ч., 2В5
 Чеботарь-Ткач А.А., 2Г4
 Чекрыгин В.П., 1А34, 1В2
 Черемухин С., 3В2
 Черненко К.У., 1В8, 5/6А19,
 5/6А31
 Чернеховская Е., 2В3
 Черниченко Ю., 3Г2, 7/8А2

- Чернов, 2Б7
 Чернов В.М., 7/8А12
 Черновол В., 1В1
 Чернышевский Н., 1Б5, 7/8Б7
 Черчилль У., 5/6А10
 Чесноков, 3А14
 Чесноков Д., 5/6А38
 Честертон Г., 1А3
 Чехов А.П., 7/8А15, 7/8Б2
 Чжан Сюэ-лян, 1Б7
 Чжу Де, 1Б7
 Чиркова Е.В., 2Г4
 Чичерин, 7/8А12
 Чичибабин Б., 2Б9, 2В1
 Чуковская Л.К., 3Б9
 Чуковский К.И., 2Г2 2Г3, 2Г5
 Чуковский Н.К., 5/6А39
 Чухонцев О., 3А28а
 Шагал М., 1А20, 1А23, 5/6Б12
 Шагин С., 2Б5, 5/6Б16;
 см. Маслов С.
 Шаклеин В., 7/8А3
 Шаламов В.Т., 3Б9, 3Б10, 7/8А28,
 7/8Б1
 Шаляпин Ф.И., 7/8А28
 Шамонова Т., 5/6А29
 Шапиро М.Л., 2Г1, 2Г4
 Шапиро Ф., 2Г2
 Шапошников Б.М., 5/6Б10
 Шаратов, 2А8
 Шарден, 3А28
 Шаталов, 3В2
 Шатравка А., 7/8А21
 Шафаревич И.Р., 2А16, 2А24,
 3А3, 3А9, 3А28, 3Б9,
 5/6Б13, 5/6Б14
 «Социализм», 2А4, 5/6А18
 Шахадеви, 5/6А29
 Шаховская З., 7/8Б1
 Шваб, 5/6А32
 Шварц Евг., 1Б2, 2Г3
 Шварц Елена, 2А29, 2В4, 3В4,
 5/6А29
 Шварцман, 2Г4
 Шеварнадзе Э., 7/8А18
 Шевченко Т., 3А17
 Шевырев, 5/6А2
- Шеель, 1Б8
 Шейкнер М., 1В6
 Шекспир, 3Б5, 5/6А30
 Шелепин А. Н., 1Б8, 7/8А15
 Шелест, 1Б8
 Шелков В. А., 5/6Б1, 5/6Б2,
 7/8А1
 Шемшединова Е., 2Г4
 Шемякин М., 2В3, 3А27
 Шепилов Д.Т., 5/6А31
 Шер А.Б., 2Г4
 Шестов Л., 1Б2, 3А20, 3Б5,
 5/6Б15
 Шефф С., 2В3
 Шибаев А.И., 5/6Б6
 Шиллер Ф., 2А8, 2Б6
 Шиманов Г. И., 1Б6, 2А9,
 5/6А30, 7/8А30
 Шипков П.А. (о.Петр), 2Г5
 Ширанский, 5/6Б1
 Ширков В., 7/8А21
 Ширшов А.Н., 1Б9
 Шифрин А., 2Г1, 2Г4, 5/6А31
 Шифферс Е.Л., 1Б6, 3В4
 Сиханович, 7/8А3
 Шкраба Я.И., 2А1
 Шкуро А.Г., 5/6А10
 Шлейермахер Ф., 2А8
 Шлинг, 5/6А32
 Шмидт, 1Б8
 Шнеерсон З.М., 2А11
 Шолом Алейхем, 1А25
 Шолохов М.А., 7/8Б3
 Шостакович Д., 1А11
 Шпенглер О., 2А4, 3А28, 7/8А9
 Шпитальников, 5/6А39
 Шпрингер А., 3Б9
 Шрагин Б., 5/6Б13, 5/6Б14
 Шрейдер А., 2Г4
 Штейнберг М., 2Г1, 2Г4
 Штейнгауз Ю., 1В7
 Штейнзалц А., 1А25
 Штирнер, 5/6А30
 Штраус Ф.И., 3Б9
 Штреземан, 3А13
 Штурман Д., 3А14
 Шукшин В., 3Б5

- Шульман. М.Б., 2Г1, 2Г4
Щавей Я., 7/8Б3
Щаранский А., 1А21, 1В1, 1В8,
2А15, 7/8А1
Щеглов А., 1В1
Щербинский, 7/8А18
Эйдельман Н., 5/6Б8
Эйзенштейн С., 4А1
Эйлер, 5/6Б12
Эйнштейн А., 1А25, 3А13,
5/6Б12
Эйхман, 5/6А13
Элиот Т.С., 7/8Б3
Элкинс Э., 1В7
Элленштейн Ж., 5/6Б18, 5/6Б19
Эллинс Г., 3В3
Эллюль Ж., 7/8А27
Эпиктет, 7/8А11
Эпикур, 1В5
Эренбург И., 1В4, 7/8А14
Эрн, 3А20
Эррио, 3А13
Эткинд Е., 5/6Б14, 7/8Б1
Ювенал, 3А17, 7/8А11
Юденич Н.Н., 3А4
Юдин, 3А14
Юлин П., 2В1
Юнг К. Г., 2В4, 7/8А27, 7/8Б2
Юрий Долгорукий, 7/8Б7
Юрчик М., 7/8А4
Юхновец Ю., 7/8А3
Яблонский С.В., 1В9
Яблонский Х., 7/8В3
Яблочкина А.А., 2Г4
Яворский, 2Г4
Ягельский М., 7/8А4
Якир И.Э., 1В5, 5/6Б10
Якобсон А., 1В4, 3В9
Яковлев А.В., 2А1
Яковлев Н.Н., 3А13
Якорева А., 2А15
Якубович, 5/6А32
Якунин Глеб, 1А6, 1А15, 1А32,
4Б1, 5/6А25, 5/6А26,
5/6Б1, 5/6Б3, 5/6Г7,
7/8А1
Янкелевич Е., 2А1
Янков В., 5/6А3
Янов А., 2А8, 2А9, 3А28,
7/8А10, 7/8А11, 7/8А30,
7/8Б1
Янов В.В., 2Г2, 2Г5
Янушкевич Е., 2В3
Яньков Г., 7/8А20, 7/8А21
Ярушевич Н., 1А15, 5/6А25
Ясевич О.И., 2Г1, 2Г4
Ясперс К., 3Г5
Яхимович И., 3Б9

Указатель периодических изданий

Жирным шрифтом приводятся номера тех статей «Суммы», в которых реферируются материалы данного периодического издания. В Указателе сохраняется русская транслитерация названий иноязычных журналов, принятая в рукописях «Суммы».

- «22», **2A8, 2A21, 2A22a, 2B2, 2B3, 3A21, 3B9, 3B10, 5/6A6, 5/6A17, 5/6A34, 7/8A10**
- «37», **1B2, 2A7, 2A27, 2A34, 2B6, 2B6-7, 3B7, 3B4, 4B7, 5/6A40, 7/8A30**
- «XX век», 7/8B1
- «Аполлон-77», 5/6A40
- «Баптистский вестник», 5/6B2
- «Безбожник», 5/6A30
- «Белая книга», 1A12
- «Вестник истины», 5/6B2
- «Вестник русского христианского движения», **1A1-3, 1A26, 2A4-5, 2A6, 3A2, 5/6A2, 5/6A7-9, 7/8B1**
- «Вестник Спасения», 5/6B2
- «Вехи», 2B3
- «Вече», 1B6-7
- «Вечерняя Москва», 1A39
- «В защиту экономических свобод», **3B1, 3Г1-7**
- «Вокруг проекта Конституции», **1A4-8**
- «Время и мы», **3A11, 3A15, 3A23-25, 5/6A20, 5/6A35, 5/6A40, 7/8A7, 7/8A15, 7/8A17, 7/8A29, 7/8B1**
- «Голос», 1B2
- «Гоминдан», 1B7
- «Грани», 2A6, 7/8B1
- «Грацие», 2A3
- «Гудок», 1A39
- «Диалог», **5/6B1, 7/8A30**
- «Домашняя беседа», 7/8A16
- «Евреи в СССР», **1A40, 1B9, 1B7/8, 3A19, 3B5, 5/6A21-22, 5/6A40**
- «Женщина и Россия», **4B9, 5/6A29**
- «Жиче Варшава», 7/8A4, 7/8B3
- «Запис», 7/8B1
- «Знак», 7/8B3
- «Известия», 1A39, 5/6A30, 5/6B1, 7/8A4
- «Информасьон», 2A16
- «Информационные бюллетени Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях», **3A6, 7/8A20, 7/8A21**
- «Информационный бюллетень Свободного межпрофессионального объединения трудящихся», 7/8A22-24
- «Квант», 1B9
- «Ковчег», **3A9, 3A26, 3B6, 7/8B1**
- «Колокол», 3B9
- «Комсомольская правда», 3B1, 5/6A30

- «Континент», 1А10-11, 2А2-3, 2А16, 2А18-19а, 3А5, 3А7, 3А10, 3А12, 3А16, 3А29, 5/6А1, 5/6А3, 5/6А10, 5/6А18, 5/6А23-24, 7/8Б1
- «Красная звезда», 5/6Б10
- «Лепта», 1Б2
- «ЛЕФ», 3А28а
- «Литературная россия», 3Б5
- «Литературная газета», 1А32, 1Б2, 3Б1, 3Б5, 3Г1, 5/6А30, 5/6Б4, 7/8А2, 7/8Б1
- «Майя», 7/8В9
- «Математическая энциклопедия», 2А24
- «Математический сборник», 2А24
- «Метрополь», 2А25, 2Б4-5, 2В2, 2А32
- «Монд», 5/6Б19
- «Московский литератор», 3Б5
- «Нива», 7/8А28
- «Новая культура», 2А19
- «Новое Русское Слово», 3А24, 7/8А6
- «Новый журнал», 7/8Б1
- «Новый колокол», 3Б9
- «Новый мир», 1Б4, 2А14, 3Б9, 5/6Г2
- «Notices AMS», 2А24
- «Нуфель Обсервер», 5/6Б19
- «Община», 1А32-34, 1В2
- «Память», 2А10-13, 2Б2-3, 2В1, 2Г1-5, 3А28
- «Правда», 2Б1, 3А14, 3Б1, 5/6Б9, 5/6Г5
- «Перспективы», 7/8А25
- «Поиски», 1А17-24, 1А27-29, 1А37-39, 1А41, 1Б1, 1Б3-5, 1В3-4, 2А14, 2А17, 2А31, 2Б2-3, 2Б9, 2В1, 3В1, 4В3-4, 5/6А27, 5/6Б1, 5/6Г1-4, 7/8А31
- «Поиски и размышления», 7/8А1, 7/8А31, 7/8Б1-В8
- «Политыка», 7/8А25
- «Прибавления к распространению свободных мыслей и новостей в Эстонии», 7/8А32
- «Пшекруй», 7/8А25
- «Рабочий путь», 2Б7
- «Роботник», 5/6А4-5
- «Родина», 7/8А32
- «Русская мысль», 5/6А31, 7/8Б1
- «Русское возрождение», 1А14-16, 1Б7, 5/6А25
- «Северная почта», 4В8
- «Синтаксис», 1А12, 1А13, 2А6, 2А9, 2А22, 3А28, 7/8А13, 7/8А26, 7/8А28, 7/8Б1, 7/8Б2
- «Современные записки», 7/8Б1
- «Социалистический вестник», 2Г5, 3А14
- «Тарбут - Культура», 1А25
- «Твурчосць», 7/8Б3
- «Третья волна», 3А27, 7/8Б1
- «Трибуну люду», 7/8А4, 7/8А22
- «Тувгодник Повшехны», 7/8Б3
- «Успехи мат. наук», 2Б8
- «Фолькише Беобахтер», 5/6Б9
- «Франкфуртер Алгемайне Цайтунг», 3А3
- «Фри трейд юнион ньюз», 7/8А23
- «Хайим», 5/6В2-3
- «Хроника текущих событий», 1А12, 1А20, 1Б1, 1В8, 1В3, 3А1, 3А3, 3А34, 3Б9-10, 3В2, 4В1-2, 5/6Б1-2, 5/6Б13, 5/6Г2, 5/6Г4-5, 5/6Г8
- «Часы», 1А23, 1А30, 1А31, 1Б2, 2А26, 2А28-30, 2В3-5, 3А29а, 3А30-31, 3В3, 4В5, 4В6, 5/6А40, 7/8А27
- «Штандар молодых», 7/8А4
- «Эхо», 7/8Б1
- «Юманите», 5/6Б19

Тематический указатель

- Авангард, 1А23, 7/8А26
современный, 1А30, 3А31,
7/8А27
- Адвентисты, 3В2, 4В1, 4В2,
5/6А26, 5/6Б1,
5/6Б2, 7/8А22
- Amnesty International*, 1Б1,
2А1, 3Б3, 5/6Б1
- Амнистия политических
заключенных, 1А8,
1А21, 1Б1, 2А1,
5/6Б1, 7/8А4
- Анархизм, 2А7, 2Б2, 3А7,
3А10
- Антанта, 1Б5
- Антикоммунизм, 1Б5, 7/8Б1
- Антисемитизм, 1А23, 1А26,
1А40, 2А10-11, 2А22,
2А22а, 2А23, 2В8,
3А18, 3А19, 3А24,
3Б7, 3Б9, 5/6А21,
5/6А23, 5/6А32,
5/6Б8, 5/6Б12,
5/6Б13, 7/8А16-17
в науке, 1Б9, 2А24, 2В8
при поступлении в вузы,
1Б9, 2А24, 3В2
- Антифашизм, 1Б5
- Антихрист, 2А27
- Апофатизм, 1А10
- Архитектура, 1А15, 1А3,
1А33, 2А26
- Аскетизм, 2А27
- Атеизм, 1А7, 3Б5, 5/6А24,
5/6Б16
в Израиле, 1А25
- Баптисты, 1А27, 2А1, 3В2,
4В1, 5/6А26, 5/6Б2,
7/8А20
- Белая армия, 1Б5, 2А10, 3Б2,
5/6А8
- Бог
и индивидуум, 1А1, 1А31,
2А32, 5/6Б2, 7/8Б2
и история, 1А2, 1А10,
3А3, 3Б3
и общество, 2А1, 2А4,
2Б5, 3А28а, 5/6Б17
потеря в современном
мире, 1Б5, 3Б5, 3Б7,
4А1, 5/6А24
- Большевизм, 1Б5, 1Б6, 2А10,
2Б2, 2Б7, 3Б9,
5/6А7, 5/6А8,
7/8А12, 7/8Б6
- Бонапартизм, 1Б4
- Бюрократия, 1А18, 1А35,
2А19, 2Б1, 2Г5,
3А12, 3А24, 5/6А12,
5/6А16, 7/8А1,
7/8Б6
- Верующие,
см. Права верующих
- Взрыв в московском метро,
2А1, 3В1
- ВКПб, 1А35, 1А40, 5/6Б11,
7/8А14

- Власти,
с.м. Советское руководство
- Военная служба, 1А7, 1А22,
1Б8, 3Б1
- Возрождение,
с.м. Ренессанс
- Возрождение России, 1А16,
1А32, 1Б6, 2А6,
2А22, 3А2, 5/6Б7,
5/6Б8, 7/8А6, 7/8Б1
- «Возрожденцы», 1Б6
- Волонтаризм, 2Б1, 7/8А25
- Воспитание, 1А7, 2А14
идеологическое, 2Б1,
5/6Б9
- «Враги народа», 1А18, 3Б4,
5/6Б1, 7/8Б2,
7/8Б10
- ВСХСОН (Всесоюзный
социал-христианский
союз освобождения
народа), 1Б6
- Выборы, 2А17, 1А24, 5/6Б6,
7/8А19
- Геноцид, 1Б5, 1Б7, 3Б5,
5/6А1, 5/6А23,
5/6Б1, 7/8Б6
- Гласность, 1А4, 1Б1, 2А1,
2А15, 2А24, 3А1,
3А8, 4Б1, 5/6А26,
5/6Б13, 5/6Г3,
7/8А1
- Гностицизм, 1Б5
- ГПУ, 2Б2, 5/6А38
- Гражданство, 2А17, 3А25
израильское, 3А25
советское, 1А6, 1А7,
1А18, 1Б2
лишение, 1А7, 2А17
отказ от, 7/8А20
- Грамотность всеобщая, 1Б10
- ГУЛАГ, 1Б5, 5/6А18, 5/6А31,
5/6Б13
- Гуманизм, 1Б1, 2А4, 5/6А34,
5/6Б8
пролетарский, 1Б5
соцгуманизм, 1А35, 3Б4
- Декабристы, 1Б5, 2А7, 7/8Б7
- «Декларация прав человека»,
1Б1, 2Б1, 3Б1,
5/6Б1, 7/8А11
- Демократическое движение,
1А21, 1А39, 1Б1,
1Б4, 2А1, 3А1, 3А5,
3А34, 3Б3, 3Б9, 4Б1,
5/6А1, 5/6А3,
5/6А26, 5/6Б1,
5/6Г7, 7/8А6,
7/8А24
с.м. Диссиденты, Права
человека
- Демократизация в СССР, 1Б1,
2А1, 2Б7, 3А9, 3А15,
3Б3, 5/6А6, 7/8Б6
- Демократия, 1А1, 1А6, 1А26,
1Б5, 1Б10, 2А1,
2А16, 2А19, 2Б1,
3А29, 5/6А3
невозможность в России,
1Б6, 2А4, 7/8А6
- Деникинцы, 2А10, 2А11
- Депортация народов (1943-44),
5/6А11
- Дефицит, 1Б4, 3Г1, 7/8А4,
7/8А8, 7/8А25
- Диссиденты, 1А23, 1Б5, 1Б8,
1Б10, 2А6, 2А14,
2А22, 2Б1, 2Б3, 3А1,
3А3, 3А7, 3А8, 3А9,
3А26, 3Б3, 4Б1,
5/6А16, 5/6А19,
5/6Г6, 5/6Г7, 7/8А3,
7/8А5, 7/8А13
- Догматизм, 1А1, 1А10
- Доносы, 2А13, 2Б2, 2Б8,
5/6А4
- Допросы, 1А32, 2А15, 2Б9,
3А22
- Еврейство, 2А8, 2Б2, 3А21,
5/6Б2, 5/6Б3;
с.м. Антисемитизм,
Израиль, Эмиграция

- история и национальные черты, 1A25, 1A26, 1B5, 3A18, 5/6A22
- отношение к, 1B6, 2A22, 3A19, 7/8A6, 7/8A16
- и арабы, 2A21, 3A24, 5/6A21, 5/6A34
- и русская революция, 1A26, 1A40, 1B5, 1B6, 2A22, 3A4, 3B9, 5/6B12
- Еврокоммунизм, 1B3, 2A19a
- Европеизм, 1A25, 2B5
- Забастовки, 2A18, 2B1, 3B1, 5/6A1, 5/6A5, 7/8A4
- Законность, 1B6, 3B9, 4B1, 5/6A1, 7/8A13, 5/6A13
- нарушения, 1B9, 2A1, 3A5, 3A8, 3B2, 5/6A11, 5/6B1
- Законодательство, о культурах, 1A7, 1A25, 5/6B2
- о смертной казни, 1A13
- об окружающей среде, 7/8A8
- о выборах, 7/8A19
- экономическое, 3B1, 5/6A4, 7/8A4, 7/8A25
- реформы, 2A4, 5/6B4
- Запад, общественность, 1B1, 2A1, 4B1, 5/6B1, 7/8A7, 7/8A8, 7/8A24
- научно-технические достижения, 1A35, 2B1
- прогрессивная интеллигенция, 1B10, 2B1, 5/6A18, 5/6B1, 5/6B17
- предоставление кредитов, 2A1, 5/6B9
- публикации на З., 1A37, 2B2
- роль в борьбе с тоталитаризмом, 1A15, 1B4, 1B5, 2A1, 3A7, 7/8A1, 7/8A6
- свободная пресса, 1B4, 2A4, 3B9
- СССР как угроза для З., 1A19, 2A2, 3A10, 5/6A1, 7/8A7
- «тлетворное влияние и аморальная сущность», 1B6, 2A4, 2A7, 2A8, 5/6A2
- Западничество, 1A1, 1B6, 2A5, 2A6, 2A8, 3A3, 5/6B14, 7/8B1, 7/8B2
- Иерархичность общества, 1A24, 2B1, 3B3
- Избиения, 1A32, 2A1, 2A30
- Импрессионизм, 1A34
- Индуизм, 3A18, 3B5
- Индустриализация, 1A35, 1B5, 1B10
- Интеллигенция, 1B4, 2A6, 2A8, 2A10, 2A14, 2A19, 2A19a, 2A30, 2B3, 3A9, 3A17, 3B3, 3B9, 3B9, 4B1, 5/6A8, 5/6A12, 5/6A14, 5/6A33, 7/8A5, 7/8A6, 7/8B2
- техническая, 1A35, 5/6A5
- Интернационализм, 1B5, 1B6, 2A10, 5/6B7, 7/8A26
- Ислам, 3B5, 3B9, 7/8A7, 7/8A16
- Иудаизм, 1A25, 1A26, 1B5, 2B7, 3A18, 3B9, 5/6A22, 7/8A17
- Кантианство, 1A1
- Капитализм, 1A1, 1B5, 1B6, 2A1, 2A10, 3A9, 5/6A33, 5/6B17, 7/8A5

- Католицизм, 1Б6, 1В2, 3А33,
5/6А23, 5/6А30
- КГБ, 1А6, 1А18, 1Б4, 1В8,
1В2, 2А16, 2Г5, 3А5,
3А21, 3А26, 4Б1,
5/6А31, 5/6Б1,
5/6Б2, 5/6Б4, 5/6Г1,
5/6Г3, 7/8А3, 7/8А6,
7/8А20, 7/8А22,
7/8Б5;
- с.м. Репрессии в СССР
- Колхозы, 3А32, 3Б1, 7/8А5
упразднение, 1А4, 1Б6,
7/8А2
- Коминтерн, 1Б7, 5/6Б11,
5/6Б18
- Коммунизм, 3А2, 5/6Б19,
7/8А26
- с.м. Антикоммунизм,
Советская
политическая система
и космополитизм, 1Б6
и религия, 1А6, 2А10
как «мировое зло», 1Б5,
3Б9, 7/8А6
- Конституция, 1Б9, 2А15,
2А17, 3Б1, 4Б1,
7/8Б7
- критика проекта, 1А4,
1А6, 1А7, 1А8, 1А18,
3А8
- польская, 7/8А4
- конституционный суд,
1А4
- Конфискации,
литературы, 1А5, 1А7
личного имущества, 1В1,
5/6Г1
- Концлагеря, 1Б4, 1Б5, 1Б10,
1В2, 2А16, 2Б1, 2Б9,
2Г4, 3А4, 3А5, 3А22,
3Б10, 5/6А23,
5/6А34, 7/8А6;
- с.м. ГУЛАГ
- Коррупция, 1Б4 1Б8, 5/6А19,
5/6А27, 7/8А22,
7/8Б6
- Космополитизм, 1Б5, 1Б6,
3А14
- КПСС, 1А6, 1А7, 1А18, 1Б4,
1Б7, 2А12, 2Б7, 3А8,
3Б3, 7/8А5
- Красная армия, 1Б5, 1В2,
5/6А23, 5/6Б10
- Кредиты,
с.м. Запад
- Крепостничество, 2А5, 3Б1,
5А8, 7/8А11
- Крестьянские восстания, 1Б5,
2Б2
- Кубизм, 1А34, 3А20
- Культ личности, 1А35, 1Б4,
1Б8, 5/6Б16
- ЛГУ, 1Б9
- Ленинизм, 1А1, 1Б5, 1Б7,
2А19а, 3А15, 7/8А12
- Либерализм, 1А1, 1А21, 1А35,
1Б4, 1Б6, 2А7,
2А19а, 2А27, 3Б1,
3Б9, 5/6А9, 5/6Б5,
5/6Б13, 7/8А6,
7/8А30, 7/8Б1
- Литература, 1А30, 1А31, 1Б5,
3Б5, 5/6Б15, 3Б9
- наследие, 1А29, 1Б4, 2Г4
- Марксизм, 1А1, 1Б5, 1Б6,
1Б7, 2А6, 2А7, 3А9,
3А15, 3А18, 3Б7,
5/6А17, 5/6Б4,
5/6Б19, 7/8А7,
7/8А11, 7/8Б6
- ленинизм, 3Б3, 5/6А19,
5/6Б7
- религиозные черты, 1А1,
3Б4, 3Б9
- Масонство, 3А13, 3Б7, 7/8А16
- Математика, положение в,
1Б9, 2А24, 2Б8, 3В2
- Материализм, 1А25, 5/6А26
- МВД, 1Б8, 5/6А38, 5/6Б1,
7/8В4
- МГУ, 1Б9, 2А24, 2Б8, 3Б9,
3В2, 3В4, 5/6Б6

- Меньшивизм, 1Б5, 2А22, 2Б2,
 2Г4, 5/6А32, 7/8А12,
 7/8А13
- Мессианизм, 2А6, 2А8,
 5/6А25, 5/6Б3,
 7/8Б2
- Местоблюстительство, 1А9
- Монотеизм, 1Б5
- Наркомпрос, 1А35
- Народное искусство, 1А36
- Натурализм, 1А34
- Национализм, 1Б8, 2А10,
 3А24, 7/8А30
- русский, 1А2, 1А23, 1Б6,
 1Б7, 2А8, 2А9,
 5/6А6, 7/8А6,
 7/8А26
- и Солженицын, 1Б5, 2А8
- Нетерпимость, 1Б1, 1Б5, 1Б9,
 3А18, 3А28, 3Б9,
 5/6А9, 5/6Б8, 7/8Б6
- Нигилизм, 1Б6, 1Б2, 2А7,
 2А31, 2Б5, 3А28а
- Нищезанство, 1А1, 1А31,
 5/6А30
- НКВД, 1А35, 2А13, 2Г4, 3А22
- Нонконформизм, 2А31
- судьба авторов, 1А31,
 1А39, 7/8А21
- выставки независимых
 художников, 1Б2,
 3А30, 3А31
- Образование, 1А35, 1Б9,
 7/8Б7;
- см. МГУ, Еврейство
- Общественное мнение, 1А31,
 1А32, 1Б2, 5/6Б7,
 7/8А24, 7/8Б1
- Общественность, 1А32, 1Б1,
 2Б8, 3А2, 5/6Б1,
 5/6Г1, 7/8А8
- Общество,
 и личность, 1А1, 1А2,
 1А6, 1Б10, 2А4,
 2А27, 3Б2, 5/6А8,
 5/6А14, 5/6А15,
 5/6Б3, 7/8Б2, 7/8Б6
- советское, 1А18, 1А22,
 1А23, 1А35, 1Б1,
 2А1, 2Б1, 3Б1, 3Б4,
 5/6А7, 5/6А16,
 7/8А1, 7/8А5
- развитие, 1Б10, 2А1, 3Б3,
 5/6Б17, 7/8А11
- Обыски, 1А5, 1Б2, 2А10,
 2А15, 2Б2, 2Б7, 3Б1,
 5/6А33, 5/6Г1,
 5/6Г3, 7/8А21,
 7/8А22
- Оккультизм, 1А1
- Олигархия, 1Б10, 3А9
- Олимпиада-80, 2А15, 3А1,
 5/6Б1
- ООН, 1А13, 3А22, 3Б1, 4Б1,
 5/6Б1, 5/6Б11,
 7/8А5, 7/8Б6
- Панславянизм, 1А1, 1Б6,
 5/6А25
- Партия,
 см. КПСС, ВКП(б)
- Патриархия Московская,
 1А15, 1Б6, 5/6А25
- Патриотизм, 1Б5, 1Б9
- Петлюровцы, 2А10
- Плюрализм, 2А19а, 3Б9, 4Б1,
 5/6А1, 5/6Б1, 5/6Б5,
 5/6Б17, 7/8А7,
 7/8Б6
- Политические убийства, 1А11,
 1А15, 1Б2, 2А1
- Потери населения, 3А4, 5/6Б9
- Почвенники, 1А1, 1А23, 3А3,
 5/6Б7, 7/8А24,
 7/8Б2
- Права человека, 1А1, 1А6,
 3Б1, 3Б3, 5/6А1,
 5/6Г7, 7/8А6
- см. «Декларация прав
 человека»,
 Демократическое
 движение

- защита, 1А21, 1Б1, 1Б4,
1Б8, 2А1, 2А3, 2А7,
2А15, 3А1, 4Б1,
5/6Б1, 7/8Б4
- права верующих, 1А7,
1А8, 1А32, 3В2,
5/6А26
- права женщин, 5/6А29
- права солдат, 1А22
- права поставленных на
психиатрический
учет, 7/8А23
- права рабочих, 1А20,
3Б1, 4Б1, 7/8А4;
см. Забастовки,
Профсоюзы, «Хартия
прав рабочих»
- Правка редакторская, 1А33,
2Г5, 7/8А28
- Правозащитники,
см. Диссиденты
- Православие, 1А1, 1А2, 1А6,
1А15, 2А27, 2А30
как творческая сила
русской истории,
1А14, 1А31, 3А3
и национализм, 1Б5, 1Б6,
5/6А6, 7/8А16
- Просвещение французское,
1Б5, 3А15, 3В7
- Прослушивание, 1А5, 2А15,
5/6Б2
- Протестантизм, 1Б6
- Профсоюзы, 3Б1, 5/6А4,
5/6А5, 5/6Б5,
5/6Б13, 7/8А4,
7/8А25
- Публичное благо, 1А19, 1Б5
- Психиатрические репрессии,
1А27, 1А32, 1В2,
2А15, 2В1, 3А5, 3А6,
3В2, 4Б1, 5/6А26,
5/6А33, 5/6Б9,
7/8А20, 7/8А23,
7/8Б1
- Психоанализ, 2А27, 3А29,
3Б7, 7/8Б6
- Пытки, 1А22, 2А1, 3Б1, 3Б2,
7/8Б6
- Разоружение, переговоры о,
2А1, 7/8А1
- Разрядка, 2А1, 7/8А23
- Реализм, 1А1, 1А34, 7/8Б1,
7/8Б8
- Революция, 2А26, 3Б2, 7/8А12
Великая Французская,
1Б4, 2А7, 5/6А13,
5/6Б17, 7/8А11,
7/8А16
Октябрьская, 1А35 1Б5
1Б6 1Б10, 2А19а,
2Б1, 2Б7, 3А4, 5А8
Первая русская (1905),
2А30, 2Б1
Февральская, 3А2
- Религия, 1А1, 1А10, 1А25,
5/6Б16
см. Права верующих
в советских условиях,
1А6, 1А7, 1А8, 1А32,
5/6А30, 5/6Б2
и психоанализ, 2А27
- Ренессанс, 1Б5, 3А20, 5/6Б15,
5/6Б17
- Репрессии, 3Б2, 5/6Б16
в СССР, 1А32, 1Б1, 2А1,
2А17, 2Б1, 2Г4, 3А1,
3А4, 3А6, 3Б5, 4Б1,
5/6А16, 5/6Б1,
5/6Б4, 5/6Б10,
7/8А7
см. Депортация народов,
Доносы, Допросы,
Избиения,
Конфискации, Обыски,
Прослушивание,
Психиатрические
репрессии, Пытки,
Террор
при Керенском, 2Б7
николаевские, 1А36
- Римский клуб, 2А4

- Русская идея, 1Б5, 1Б6, 2А8
3А3, 3А10, 3А18,
5/6А2, 5/6Б7, 5/6Б8,
5/6Б11, 7/8А6,
7/8А26
- Русь (допетровская Россия),
1Б5, 1Б7, 2А5, 3А18,
5/6Б8, 7/8А16,
7/8А17, 7/8Б10
- Самиздат, 1А12, 1А23, 1А39,
1Б4, 1Б8, 2А33, 2Б2,
2Б3, 2В1, 2Г4, 3А2,
3А26, 3А34, 3Б1,
3Б9, 5/6А13, 5/6А28,
5/6Б2, 5/6Б13,
5/6Г2, 5/6Г7,
7/8А10, 7/8А21,
7/8Б1
- Самобытность, 1А23, 1А25,
1Б6, 2А8, 5/6А2,
5/6А9
- Самодержавие, 1А2, 1А33,
1Б5, 1Б10, 2А5,
2А10, 2А11, 3А17,
5/6А8, 5/6Б5,
5/6Б13, 7/8А12
- Святое Писание, 1А1, 1А5,
5/6А22, 5/6А25,
5/6Б2, 7/8Б2, 7/8Б4,
7/8Б7
- Символизм, 1А34
- Сионизм, 1А40, 1Б5, 1Б6, 1Б8
2А21, 2Б3, 2Б8,
3А14, 3А22, 3А25,
3Б9, 5/6А21, 5/6Б12,
7/8А7
- Славянофильство, 1А1, 1А25,
1Б5, 2А6, 2А8, 2А27,
2Б3, 3А29, 5/6А7,
5/6Б14
- Смертная казнь, 1А13, 5/6Б1
- СМОТ (Свободное
межпрофессиональное
объединение
трудящихся), 2А15
- Советская политическая
система, 1Б4, 2А4,
5/6Б19, 7/8А6
улучшение, 1Б4, 2А14,
5/6Б13, 7/8Б1
- Советское руководство, 1А41,
1Б4, 1Б5, 1Б8, 3А9,
7/8А5, 7/8А6,
7/8А15, 7/8А18
- Советско-китайские
отношения, 1Б6,
1Б8, 5-6А31
- Солидарность, 7-8А4, 7-8А22,
7-8А32
- Соцлагерь, 2А1, 2А19, 3А16,
5/6А3, 5/6Б1, 5/6Б7,
5/6Б8, 7/8А4, 7/8Б6,
7/8Б7
- Социализм, 1А19, 1Б5, 2А10,
2А12, 2А19, 2Б1,
2Б2, 3А9, 3Б1, 3Б3,
5/6А7, 5/6А18,
5/6А33, 5/6Б4,
5/6Б9, 5/6Б17,
5/6Б18, 7/8А13,
7/8Б6
как политэкономическое
учение, 2А3, 2А18,
5/6А14, 5/6А27,
7/8А5, 7/8А25
- Соцреализм, 2А22, 2А28, 2Б6,
3А16, 7/8А26
- Сталинизм, 1А1, 1А19, 1А23,
1Б4, 1Б5, 2А31, 2Б1,
2Б2, 3А15, 3Б4, 3Б9,
5/6А16, 5/6А17,
5/6Б18, 5/6Г6,
7/8Б1, 7/8Б2
- Старообрядцы, 1А33, 1А36,
3А18.
- Структурализм, 3Б7
- Судопроизводство, 1А8, 1Б4,
5/6А32
- Суд Линча, 2А10
- Сухой закон, 2А19
- Татарское иго орда, 1Б5, 3А18,
3А21, 5/6Б11, 7/8А6,
7/8А9, 7/8А10

- Террор, 1А35, 1В10, 2В1, 3А9,
4Б1, 5/6А1, 5/6А8,
5/6Б2, 5/6Б16,
7/8А12
во время Гражданской
войны, 2А10, 2А12
в Израиле, 2А21
якобинский, 1В4, 5/6Б17
с.м. Политические
убийства
- Толстовство, 2Г5, 7/8А16
- Тоталитаризм, 1А19, 2А3,
2А16, 3Б3, 5/6А3,
5/6А5, 5/6Б5, 5/6Б7,
5/6Б13, 5/6Б17,
7/8Б1
идейный союз с, 1А23,
3А15, 7/8А13
наступление, 2А1, 5/6А1
социалистический, 2Б1,
3А10
- Троцкизм, 1Б7, 5/6А7, 5/6А32
- Униаты, 5/6А25
- Фанатизм, 1Б5, 1В3, 7/8Б2,
7/8Б6
- Фашизм, 1А19, 1А39, 1Б6,
2А3, 3А13, 3Б10,
5/6А25, 5/6Б5,
5/6Б9
с.м. Антифашизм
православный, 2А22
- Футуризм, 1А34, 5/6А36
- Хасидизм, 1В7, 3А31
«Хартия прав рабочих»,
5/6А4, 5/6А5
- Хельсинкская группа,
армянская, 7/8А21
московская, 7/8А24 1А21,
1Б1, 1В4, 3А6, 3А7,
3Б1, 3В2, 5/6А26,
5/6Б1
украинская, 7/8А20
- Хельсинкские соглашения,
1А21, 1Б8, 1В1, 2А1,
3А7, 3А8, 5/6А26,
5/6Б4, 7/8А4, 7/8Б7
- Царство Божье, 1А1, 1А2
- Цензура, 1Б4, 2А22а, 2А27,
2Б2, 2Б8, 3А15,
3А21, 7/8А4, 7/8А8,
7/8А16, 7/8Б1
с.м. Правка редакторская
- Церковь,
с.м. Православие,
Патриархия
в эмиграции, 1А9
сохранение в советских
условиях, 1А7, 1А9,
1Б6, 2Б2
- ЦРУ, 2А20, 3А11, 7/8А3
- Частная собственность, 1А35,
1Б6, 2А18, 3Б1,
5/6А9, 5/6А14,
7/8А11
- Частное предпринимательство,
1Б8, 2Б1, 3Б1, 3Г2,
7/8А11
- ЧК, 1Б5, 2А10, 2Б2, 2Г5,
7/8А13
- Шовинизм, 1А23, 1Б5, 2А30,
3А14, 5/6Б12, 7/8А5,
7/8А17, 7/8А26,
7/8Б2, 7/8Б7
- Экология, 7/8А8
- Экспрессионизм, 3А27
- Экуменизм, 1Б6, 3А33, 3Б5
- Эмиграция,
право на, 1А7, 2А1, 2А15,
2А24, 3А3, 3А7,
5/6А1, 5/6Б1, 5/6Б4,
5/6Г7, 7/8А1, 7/8А6,
7/8А14, 7/8Б5
вынужденная, 1Б1, 1Б2,
1Б4, 2А13, 2Б3, 3А4,
3А7
впечатления от русской,
1А20, 2Б9, 3А26,
7/8А6, 7/8А28,
7/8Б1
третья, 3А2, 3А23, 3А24,
3А29а, 5/6А28

еврейская, 1Б4, 1Б6, 1Б8,
1Б9, 2А21, 3А24,
3А25, 3Б9, 5/6Б4,
5/6Б6, 7/8Б1

Ядерная энергия,

Ядерное оружие, 1Б4,
1Б10

Ядерная война, 1Б10,
5/6А1, 5/6Б1

Ядерная энергетика, 2А2,
7/8А1

Краткий хронологический указатель

- 1905* Первая русская революция – 2А30, 2Б1
- 1914* Первая мировая война – 1Б4, 1Б5, 2А10, 7/8А16
- 1917* Февральская революция – 3А2
- 1917* Октябрьская революция – 1А35 1Б5 1Б6 1Б10, 2А19а, 2Б1, 2Б7, 3А4, 5/6А8
- 1918-1920* Гражданская война – 1Б5, 2А10, 2Г5, 3А4, 3А20, 5/6А8
- 1917-1918* Поместный собор – 1А9
- 1920* Указ патриарха Тихона о самоуправлении епархий – 1А9
- 1921* НЭП – 1Б4, 5/6А39, 5/6Б9, 7/8А12, 7/8А13
- 1925, 18.6* Послание Тихона – 1А15
- 1927, 29.7* Декларация о легализации РПЦ – 1А15
- 1928* Шахтинское дело – 1А35, 7/8А13
- 1929* «сплошная коллективизация» – 3Б9, 7/8А22
- 1930* «Дело» Промпартии – 1А35
- 1930* Интервью митр. Сергия («впервые применен принцип лжи во имя спасения церкви») – 1А15
- 1933* Приход к власти Гитлера, расцвет немецкого фашизма – 1Б5, 2А1, 3А13
- 1935* Мао избран председателем КПК – 1Б7
- 1936-1937* Истребление китайцев на Дальнем Востоке – 1Б7
- 1936-1938* Ежовщина – 1А35, 2Б2, 3А4, 5/6А32, 5/6Б10, 7/8А3
- 1939-1940* Советско-финская война – 7/8А14
- 1940* Расстрел польских офицеров в Катынском лесу – 1А15

- 1941-1945** Великая Отечественная война – 1А15, 1А20, 1А35, 1Б4, 2Б2, 2Г5, 3А27, 3Б5, 3Б10, 5/6Б11, 7/8А6
- потери населения – 3А4
- 1941, 29/30.09 массовые расстрелы в Бабьем Яру – 1А11
- 1943-1944 депортации народов Северного Кавказа, калмыков, татар – 3Б5, 3Б9, 5/6А11
- 1944-1945 выдача союзниками советских и российских граждан, захваченных или освобожденных в течение войны, Советскому Союзу – 5-6А10
- 1945 оккупация Манчжурии советскими войсками – 1Б7
- 1952** Расстрел крупнейших еврейских писателей – 1А40
- 1953** Дело «врачей-вредителей» – 3А14, 5/6Б7
- 05.03 смерть Сталина – 1А17 3А14, 5/6А25
- 17.06 Восстание в Берлине – 3А12
- 1955** Варшавский пакт – 2А19
- 1956** «Оттепель» – 1Б4, 2Г4, 5/6А11, 5/6А33
- XX съезд КПСС – 1Б8, 3А14, 5/6А11, 5/6А38
- Советская интервенция в Венгрии – 2А19, 3А16, 3Б10
- 1962** Кубинский ракетный кризис – 2А20
- 1964** Крушение Хрущева и «отказ от разоблачения культа личности» – 1Б4, 2А13, 2Б2
- 1965** Суд над Синявским и Даниэлем – 1Б4
- 1965** «Резня, остановившая распространение коммунизма в Индонезии» – 1Б5
- 1968, 30.04** Первый номер «Хроники текущих событий», начало Демократического движения – 1Б1 1Б4, 3Б9 2А1, 3А1, 3А5, 4Б1
- 1968** Пражская весна – 1Б5, 3Б9
- 08 Ввод советских войск в Чехословакию – 1Б4 1Б5 2А1, 3А16, 3Б2, 3Б9, 3Б10
- 25.08 Демонстрация в защиту Чехословакии – 1А20, 3Б9, 4Б1, 7/8А29
- 1969** Основана Инициативная группа по защите прав человека – 2А1
- 1969-1974** «Триумфальное шествие нашей политпсихиатрии» – 1А27, см. Психиатрические репрессии
- 1970** Закрытие «Нового мира» Твардовского – 1Б4
- 1977** Организовано Русское освободительное движение – 1Б7
- 1977** Принятие брежневской конституции – см. Конституция

Топографический указатель

- Австрия, 2А2, 2А8, 5/6Б4
Адрианополь, 2А8
Азербайджан, 1Б6, 5/6Б9
Албания, 5/6А32
Алжир, 1Б5
Англия (Великобритания),
1Б8, 2А18, 2А20,
3Б2, 5/6А10, 5/6А12,
5/6Б4, 7/8А8
Арабы, 2А8, 2А21
Армяне, 2А22а, 5/6Б9, 5/6Б11
Афганистан, 2А8, 5/6А4,
5/6Б1, 5/6Г8, 7/8А7
Афины, 2А8
Бабий Яр, 1А11
Балканы, 1А2
Белград, 3А7, 5/6Б8
Берлин, 2А20, 3А12
Бессарабия, 5/6Б11
Болгария, 2А8, 3А14, 5/6А32,
5/6Б9
Брюгге, 1А3
Будапешт, 2А8
Буддизм, 2А27, 3А18, 3Б5,
7/8А16
Бухара, 2А8
Бухарест, 2А8
Варшава, 3А22, 5/6А4, 7/8А4,
7/8Б3
Ватикан, 5/6А23, 5/6А25
Вена, 3А25
Венгрия, 2А8, 2А19, 3А14,
3А16, 3Г2, 5/6А32,
5/6Б4, 5/6Б9
Венецианская республика,
1Б10, 7/8А11
Византия, 1А2, 7/8А9, 7/8А17
Вильнюс, 3А22, 7/8Б3
Владимир, 2Б3, 3А5
Выгорецкая область, 1А36
Вьетнам Северный, 1Б5, 1Б7,
1Б8
Вьетнам Южный, 3А23, 7/8Б7
Гарвардский у-т, 2А3
Гаррисберг, 2А2
Гвинея, 2А20
Гданьск, 7/8А4, 7/8А21,
7/8А25
ГДР, 2А19а, 2А20
Германия, 2А8, 2А17, 2Б7,
3А18, 3Б1, 5/6Б8,
5/6Б9, 5/6Б11,
7/8А11
Голанские высоты, 1Б5
Горький, 5/6Б1
Греция, 2А8, 7/8А7, 7/8А11
Грузия, 1Б5, 3А14, 5/6Б11
Данциг, 2А8
Египет, 5/6А20
Израиль, 1А25, 1Б6, 1Б9,
2А21, 3А23, 3А24,
3А25, 3Б9, 5/6А20,
5/6Б4, 5/6Б12
Индия, 3А18, 3Б1
Индонезия, 1Б5
Иран, 5/6Г1
Испания, 5/6А32, 7/8А6,
7/8А7, 7/8А11
Италия, 1Б2, 2А19а, 3А25,
5/6Б4, 5/6Б19,
7/8А7
Кавказ Северный, 5/6А11,
5/6Б7, 5/6Б11
Казахстан, 5/6Б7
Калмыкия, 5/6А11, 5/6Б8
Камбоджа, 1Б8, 3А23

- Катинский лес, 1А15
 Кенгир, 5/6А4
 Киев, 1В2, 7/8А17
 Киевско-Печерская лавра, 1В2
 Китай, 1В5, 1В6, 1В8, 1В10,
 2А4, 2В3, 3А18,
 3А23, 5/6А31, 5/6В4,
 7/8А7, 7/8А16
 Колумбийский ун-т, 3А23
 Колыма, 5/6А1, 5/6А38
 Константинополь, 5/6А25
 Корея Сев., 5/6В4, 5/6В9
 Крымские татары, 1А8, 3В5,
 3В2, 5/6А11, 5/6Б1,
 5/6Б8
 Куба, 2А20, 5/6В1, 7/8А7
 Латвия, 5/6Б11, 7/8А14
 Ливан, 3А18
 Ливия, 3А26, 5/6Б5
 Литва, 2В2, 3А4, 3В2, 5/6А23,
 5/6А26, 5/6В9,
 5/6В11, 7/8А14,
 7/8Б3
 Любавич, 2А11
 Манчжурия, 1В7
 Марфинская шарашка, 5/6А35
 Монголия, 1В7
 Мордовские лагеря, 5/6А34
 Немцы Поволжья, 5/6А11
 Нидерланды, 7/8А11
 Нью-Йорк, 3А27, 7/8А8,
 7/8Б1
 Омск, 5/6А11
 Освенцим, 5/6А1
 Палестина, 2А8, 3А18, 3А26,
 5/6А20
 Париж, 5/6А16, 5/6Б8
 Персия, 2А8
 Печорлаг, 3А22
 Полтава, 2А10
 Польша, Царство польское,
 1В5, 2А8, 2А19,
 2А19а, 2А22, 3А14,
 3А17, 3В9, 5/6А4,
 5/6А5, 5/6А24,
 5/6В9, 5/6Б11,
 7/8А4, 7/8А7,
- 7/8А14, 7/8А25,
 7/8Б1, 7/8Б3, 7/8Б6,
 7/8Б10
 «Солидарность», 7/8А4,
 7/8А22, 7/8А32
 Прага, 5/6А10, 5/6Б8, 3В4
 Пражская весна, 1В5
 Пруссия, 2А8
 Рим, 1В5, 3А20, 5/6А23
 Древний, 3А18, 7/8А9,
 7/8А11
 Ростов, 1В2
 Ростов Великий, 2В3
 Румыния, 2А8, 5/6В9, 5/6Б11
 Саар, 2В2
 Сенегал, 2А20
 Сербо-Хорватия, 2А8
 Сибирь, 1В5, 2В2, 2В3, 2Г5,
 3В10, 5/6Б7, 7/8А8,
 7/8А22, 7/8Б7
 София, 2А8
 СССР, 1А6, 1А18, 1А35, 1В5,
 1В10, 2А1, 2А2, 2А3,
 2А16, 2А17, 2А19а,
 2А20, 2В1, 2В7,
 3А14, 3В1, 3В3, 3В4,
 4В1, 5/6А1, 5/6А7,
 5/6Б1, 5/6Б11,
 5/6Б18, 5/6Г5,
 7/8А8, 7/8Б6
 Суздаль, 2В3
 США, 1В5, 1В6, 1В7, 1В8,
 1В10, 2А2, 2А4,
 2А20, 3А11, 3А23,
 3А24, 3А25, 3А26,
 5/6А1, 5/6А18,
 5/6А20, 7/8А6,
 7/8А8
 Сычевская спецпсихбольница,
 2А15
 Таджикистан, 1В6
 Тайвань, 7/8А6
 Тарту, 3А31
 Тегеран, 5/6Б1, 5/6Г1
 Трансильвания, 3А16
 Трофимовск, 2В2
 Туркестан, 1В7

- Туркменистан, 1Б6
Турция, 1А2, 2А20, 3Б2,
7/8А11
Узбекистан, 1Б6
Украина, 2А10, 2А24, 3А4,
3А17, 3А29, 5/6Б1,
5/6Б9, 5/6Б11
выход из СССР, 1А8, 1Б6
«младшие родственники»
России, 1Б5, 3А17
Финляндия, 5/6Б11, 7/8А14
Флоренция, 3А20
Франция, 1Б5, 2А8, 2А20,
5/6А12, 5/6А32,
5/6Б9, 7/8А7,
7/8А16
фр. коммунисты, 5/6Б18,
5/6Б19
ФРГ, 2А20, 7/8А8
Хазары, 7/8А9, 7/8А17,
7/8Б10
Хара-Хорум, 5/6Б7, 5/6Б9
Хива, 2А8
Цюрих, 1Б5
Чехословакия (Чехия), 1Б4,
1Б2, 2А8, 2А17,
3А14, 3Б2, 3Б9,
5/6А13, 5/6А32,
5/6Б9
Чечня, 3Б5, 5/6А11, 5/6Б8,
5/6Б9
Шведы, 1Б5, 2А2, 5/6Б4
Швейцария, 7/8А25
Шотландия, 7/8А16
Щецина, 7/8А4
Эльба, 1Б5
Эстония, 3А4, 3А30, 3А31
5/6А12, 5/6Б11,
7/8А32
Югославия, 1Б4, 5/6А32,
5/6Б9
экономика, 1А4, 2Б1,
7/8А4, 7/8А5
Япония, 1Б7, 2А2, 3А4,
5/6А31, 5/6Б9,
5/6Б11

Содержание

А.Вершик. «Сумма» – за свободную мысль	5
В.Долинин. «Сумма» в контексте самиздата	23
Е.Маслова. О Сергее и Нине Масловых (Не говори: «Забыл он осторожность»...)	31
Номер 1 (1979)	39
А. Рефераты и выписки	43
1А1. К 30-летию со дня смерти Н.А.Бердяева	43
1А2. И.Мейендорф. Церковь, общество, культура в православном церковном предании	45
1А3. Г.Честертон. Башня. Дорога к звездам	46
1А4. З.Филлипов. Необходимый минимум	47
1А5. Л.Богораз, А.Марченко. Письмо в газету	47
1А6. «Вокруг проекта Конституции», 2	48
1А7. «Вокруг проекта Конституции», 3	49
1А8. «Вокруг проекта Конституции», 4	50
1А9. Л.Регельсон. Трагедия Русской Церкви	51
1А10. Два письма о Высшей Цели и Великой Эво- люции	52
1А11. Н.Мейман. Монумент у Бабьего Яра	53
1А12. Н.Рубинштейн. Когда труба трубила о походе...	54
1А13. Л.Копелев. О смертной казни	55
1А14. «Русское возрождение». Задачи журнала	55
1А15. Г.Якунин. Московская патриархия и «культ личности»	55
1А16. Дм.Дудко. Стихи о России	56
1А17. «Поиски». Приглашение	57
1А18. П.Прыжов. Третья сила	58
1А19. Б.-А.Леви. Варварство с человеческим лицом	59
1А20. Н.Б. Письма в Гоморру	60

1A21. Фарс в Люблино (к «суду» над Ю.Орловым)	61
1A22. К.Подрабинек. Несчастные	62
1A23. Р.Лерт. Высказанное и недосказанное	63
1A24. Навстречу выборам	64
1A25. Есть ли у евреев история?	65
1A26. П.Струве. Изнутри	67
1A27. В.Гершуни. Суперэпус	68
1A28. В.Гершуни. Словосвязь. Сверлибр	69
1A29. По страницам «Голоса»	70
1A30. Присуждение премии Андрея Белого	70
1A31. Послесловие Ю.Новикова к стихам В.Нестеровского	71
1A32. «Община»	73
1A33. Д.Андреев. Ленинградский апокалипсис	75
1A34. В.П.Чекрыгин. О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства	76
1A35. К.Е.Бейлз. Технология и общество при Ленине и Сталине	77
1A36. В.Тетерятников. Старообрядцы – создатели русского народного искусства	81
1A37. Памяти ушедших. Юрий Домбровский	82
1A38. Ю.Домбровский. Из эпилога к роману «Факультет ненужных вещей»	82
1A39. Памяти Миши Байтальского	83
1A40. М.Домальский. Рыцари полуправды	83
1A41. М.Байтальский. Отцы, дети и, вероятно, внуки	84
Б. Точки зрения. Рецензии	85
1Б1. Десять лет «Хронике текущих событий»	85
1Б2. Резюме. Накануне 79-го	86
1Б3. Г.Алексеев. Стихи	88
1Б4. В.Озолис. Вопросы и ответы	89
1Б5. Г.Померанц. Сон о справедливом возмездии	92
1Б6. Дж.Дэнлоп. Национально-религиозное возрождение в современной России	103
1Б7. Л.Копелев. Ложь победима только правдой	107
1Б8. С.Шагин. Уважаемые товарищи по крови!	112
1Б9. Г.А.Фрейман. Оказывается, я еврей	115
1Б10. В.Л. Что такое «ведение»?	118

В. Содержание свежих номеров	123
1В1. «Калуга»	123
1В2-3. «Поиски», 1/2	124
1В4. «Поиски», 3	124
1В5. «Часы», 15	125
1В6. «37»	126
1В7. «Евреи в СССР». 18	126
1В8. «Хроника текущих событий», 50	127
Номер 2 (1979)	129
А. Рефераты и выписки	133
2А1. А.Сахаров. Тревога и надежда	133
2А2. А.Сахаров. Ядерная энергетика и свобода Запада	136
2А3. А.Сахаров. Интервью журналу «Грации»	137
2А4. А.Солженицын. Речь в Гарвардском университете	137
2А5. И.Дубровский. «Новые интеллигенты» о Московском Царстве. В.Борисов. В поисках пропавшей истории	139
2А6. Л.Ладов. Несколько мыслей о России	140
2А7. Два письма о либерализме	141
2А8. А.Янов. Судьба русской идеи	143
2А9. А.Янов. Идеальное государство Г.Шиманова	145
2А10. В.Г.Короленко. Из дневников 1917-1921	145
2А11. Два письма В.Г.Короленко А.М.Горькому	148
2А12. Неопубликованное интервью В.Г.Короленко	149
2А13. М.Поповский. Дело Вавилова	149
2А14. П.Растин. Неполитические письма	150
2А15. Информация о СМОТ	151
2А16. Б.Вайль. Оппозиция в СССР	154
2А17. В.Некипелов. Мысли о гражданстве	154
2А18. А.Федосеев. Почему вы не должны быть социалистом	156
2А19. В.Ворошильский. Венгерский дневник	156
2А19а. Э.Беттица. Еврокоммунизм и Грамши	158
2А20. Р.Кеннеди. 13 дней. Кубинский ракетный кризис	159
2А21. Ф.Дюрренматт. Взаимосвязи	160
2А22. О.Дмитриев. Не называя имен. А.Синявский. Называя имена.	161
2А22а. А.Воронель. Трагическая бестактность	162

2А23. М. Домальский. Русские евреи вчера и сегодня	163
2А24. Ситуация в советской математике	164
2А25. В. Тростников. Страницы из дневника	166
2А26. С. Маслов. О корреляции «состояние общества – художественный стиль»	167
2А27. Т. Горичева. Психоанализ и аскеза	168
2А28. Б. Иванов. Каноническое и неканоническое искусство	169
2А29. Н. Ефимова. Восьмерка Логоса (о поэзии Елены Шварц)	171
2А30. Л. Семенов-Тянь-Шанский. Записки	171
2А31. Нравственное значение неофициальной культуры	172
2А32. «Метрополь»	173
2А33. «Голос»	174
2А34. Коллективные действия-постановки	174

Б. Точки зрения. Рецензии **177**

2Б1. Ю. Орлов. Возможен ли социализм не тоталитарного типа?	177
2Б2. Представляем сборники «Память»	185
2Б2'. Гр. Байда. Память и мы	186
2Б3. Р. Блехман. Беспамятство...	190
2Б4. И. Лиснянская. В Гегарде	192
2Б5. Л. Баткин. Неуютность культуры	192
2Б6. Н. Малаховская. Три песни	196
2Б7. Л. П. Нестор. Не читайте этой книги!	198
2Б8. А. Кратов. Давно известный математик	204
2Б9. Б. Чичибабин. Стихи	207

В. Содержание свежих номеров **211**

2В1. «Поиски», 4, 1978	211
2В2. «Метрополь»	212
2В3. «Часы», 16	212
2В4. «Часы», 17	213
2В5. «Часы», 18	213
2В6. «37», 16	214
2В7. «37», 17	214
2В8. «Евреи в СССР», 19	215

Г. Приложение: «Память» (Исторический сборник)	217
2Г1. «Память», 1	217
2Г2. «Память», 2	218
2Г3. «Память», 3	219
2Г4. «Память», 1: Аннотации	220
2Г5. «Память», 2: Аннотации	224
Номер 3 (1979)	227
А. Рефераты и выписки	231
ЗА1. А.Сахаров. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе	231
ЗА2. А.Солженицын. Интервью с И.И.Сапиезом	232
ЗА3. И.Шафаревич. Интервью корреспонденту газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung»	233
ЗА4. Максудов. Динамика потерь населения СССР в первой половине XX века	234
ЗА5. В.Буковский. . . . И возвращается ветер	236
ЗА6. Информационные Бюллетени Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях	237
ЗА7. П.Григоренко. Интервью журналу «Континент»	239
ЗА8. Э.Орловский. К проекту Конституции	240
ЗА9. А.Ласков. По ту сторону марксизма	241
ЗА10. В.Краснов. Русский склад ума или западное состояние умов?	242
ЗА11. Л.Неврозов. Что знает западная разведка о России	243
ЗА12. Памятник в честь русских воинов.	244
ЗА13. Ж.Л.Надь. Массонство в XX веке	244
ЗА14. А.Авторханов. Загадка смерти Сталина	245
ЗА15. Н.Прат. Сталинизм с человеческим лицом. Д.Штурман. «Оппозиция Ее Величества»	247
ЗА16. Т.Мераи. Догмы и табу	248
ЗА17. Е.Сверстюк. Собор у риштования	249
ЗА18. Христианская чума	250
ЗА19. Е.Левин. Владимир Соловьев против антисемитизма. О Василии Васильевиче Розанове	252
ЗА20. Е.Герцык. Воспоминания.	253
ЗА21. И.Гарик. Еврейские дацзыбао, «Москва-Иерусалим»	254
ЗА22. М.Бегин. В белые ночи	256

3А23. В.Перельман. Третья эмиграция и джунгли свободы	258
3А24. А.Седых. Новые эмигранты в Америке	258
3А25. В.Польский. Неизбежное гражданство или свобода выбора	260
3А26. Э.Лимонов. Это я – Эдичка.	261
3А27. В.Максимов. М.Барышников. Два предисловия к каталогу	263
3А28. Ю.Вишневская. О памяти	264
3А29. В.Набоков. О Гоголе	265
3А28а. Н.Коржавин. «Добро не может быть старо»	266
3А29а. С.Довлатов. Невидимая книга	266
3А30. К.Лильбок. 14 лет назад	267
3А31. Хроника	268
3А32. Ю.Николаев. Шабашники	269
3А33. Альманах «Призыв»	269
3А34. Информационный бюллетень – Краткие новости	270

Б. Точки зрения. Рецензии **271**

3Б1. Права человека и социально-экономические права	271
3Б2. В.Озолис. Личность, государство и революция	279
3Б3. Обсуждение «Инерции страха» В.Турчина	284
3Б4. Л.П.Нестор. Рецензия на книгу Р.Редлиха «Сталинщина как духовный феномен»	289
3Б5. С.Липкин. Открытое письмо	291
3Б6. Е.Рейн. Десять лет спустя	296
3Б7. Всеволод Некрасов	297
3Б8. В.Лакшин. Мовизма осень золотая	304
3Б9. Л.Копелев. Советский литератор на Диком Западе	307
3Б9'. М.Б. Альянс антимеритов?	312
3Б10. П.Ростин. Я – антифашист	315

В. Содержание свежих номеров **317**

3В1. «Поиски», 5	317
3В2. «Хроника текущих событий», 51	318
3В3. «Часы», 19	319
3В4. «37», 18	320
3В5. «Евреи в СССР», 20	320

Г. Приложение	
«В защиту экономических свобод»: содержание выпусков 1–7	323
3Г1. Выпуск 1, 1978	323
3Г2. Выпуск 2, 1978	323
3Г3. Выпуск 3, 1979	324
3Г4. Выпуск 4, 1979	324
3Г5. Выпуск 5, 1979	325
3Г6. Выпуск 6, 1979	325
3Г7. Выпуск 7, 1979	325
Номер 4 (1979)	327
А. Рефераты и выписки	329
4А1. Ко второй годовщине смерти Александра Галича	329
Б. Точки зрения. Рецензии	331
4Б1. К аресту Татьяны Великановой	331
В. Содержание свежих номеров	339
4В1. «Хроника текущих событий», 52	339
4В2. «Хроника текущих событий», 53	340
4В3. «Поиски», 6	341
4В4. «Поиски», 7	341
4В5. «Часы», 20	342
4В6. «Часы», 21	343
4В7. «37», 19	344
4В8. «Северная почта», 1/2	344
4В9. «Женщина и Россия», 1	345
Приложение	
Указатель авторов 1–4 выпусков	347
Номер 5-6 (1980)	355
А. Рефераты и выписки	357
5/6А1. А.Сахаров. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе	357
5/6А2. Н.Струве. О Гарвардской речи А. Солжени- цына	358
5/6А3. В.Янков. О возможном смысле демократи- ческого движения	359

5/6A4. Хартия прав рабочих	360
5/6A5. Т.Подгурский. Польский рабочий класс в борьбе за демократию	361
5/6A6. М.Джилас. Россия демократическая, но и русская,	364
5/6A7. А.Безансон. Россия и Советский Союз	364
5/6A8. Р.Пайпс. П.Б.Струве о русской революции	366
5/6A9. И.Иловайская. «История либерализма в Рос- сии» Виктора Леонтовича	368
5/6A10. Н.Беттел. Последняя тайна	369
5/6A11. А.Некрич. Наказанные народы	372
5/6A12. Г.Наан. Власть и дух	373
5/6A13. В.Белоградский. Литература как критика банального зла	375
5/6A14. Ронкин, Хахаев. Прошлое и будущее соци- ализма	377
5/6A15. С.Левин. Социализм?	378
5/6A16. А.А.Зиновьев. За что боролись, на то и напоролись	379
5/6A17. А.Зиновьев. О Сталине и сталинизме	381
5/6A18. Б.Парамонов. Америка в тени Джонстауна	382
5/6A19. А.Авторханов. Сила и бессилие Брежнева .	383
5/6A20. С.Цирюльников. Ближневосточный мир: реалии и прогнозы	385
5/6A21. Д.Фил. Немного статистики	386
5/6A22. М.Линецкий. Карл Маркс и евреи	387
5/6A23. А.Терляцкас. Еще раз о евреях и литовцах	388
5/6A24. Нация – религия – миссия – ответственность	390
5/6A25. Г.Якунин. Московская патриархия и «культ личности»	391
5/6A26. Декларация Адвентистов Седьмого Дня . .	393
5/6A27. А.Кузнецов. Бедность народов	394
5-6A28. Вс.Захаров. Размышления об эмиграции . .	396
5/6A29. Альманах «Женщина и Россия»	398
5/6A30. Г.И.Шиманов. Трактат о любви	400
5/6A31. Э.Орловский. О газете «Русская мысль» . .	403
5/6A32. А.Лондон. Воспоминания	406
5/6A33.. Г.Подъяпольский. О времени и о себе	408
5/6A34. Э.Кузнецов. Лагерные дневники	409
5/6A35. Л.Копелев. Солженицын на шарашке	410
5/6A36. Б.Лившиц. Полутораглазый стрелец	411
5/6A37. М.Ботвинник. К достижению цели	412

5/6А38. А.В.Антонов-Овсеенко. Портрет тирана . . .	414
5/6А39. К.Вагинов. Козлиная песнь	415
5/6А40. Л.Аронзон. Избранное	417
Б.Рецензии. Точки зрения	419
5/6Б1. К высылке Андрея Сахарова	419
5/6Б2. Издания Евангельских Христиан-Баптистов	430
5/6Б3. М.Гефтер, Г.Павловский. Накануне...	434
5/6Б4. Э.Орловский. Автоинтервью	439
5/6Б5. П.Р. Терминология	443
5/6Б6. Абсолютно все «за»	445
5/6Б7. Первая задача	448
5/6Б8. О почве, нации и совести	451
5/6Б9. Запретная аналогия	453
5/6Б10. И.Маховиков. Личный счет – 15 миллионов	456
5/6Б11. Максудов. История с географией	458
5/6Б12. Я принимаю участие в научном споре...	464
5/6Б13. Правая, левая...	467
5/6Б14. Три сборника	470
5/6Б15. И.Бродский. Поэт и проза	475
5/6Б16. С.Шагин. «Все равно проклятое вертится»	475
5/6Б17. А.Глюксман. Отцы-мыслители. Б.-А.Леви. Варварство с человеческим лицом	476
5/6Б18. Ж.Элленштейн. История сталинского феномена	480
5/6Б19. Дискуссия по поводу союза левых сил во Франции	483
В. Содержание свежих номеров	489
5/6В1. «Диалог»	489
5/6В2. «Хайим», 1	489
5/6В3. «Хайим», 2	489
Г. Приложение	491
5/6Г1. «Поиски» и иранский кризис	491
5/6Г2. Обращение журнала «Поиски»	492
5/6Г3. В защиту Валерия Абрамкина	495
5/6Г4. Г.Померанц. Мой собеседник Виктор Сокирко	496
5/6Г5. В.Сокирко. Экономика 1990 года	497
5/6Г5(6). В.Сокирко. О союзе между сталинистами и диссидентами	498
5/6Г6(7). К.Буржуадемов. К вопросу о диссидентской этике	498

5/6Г7(8). В.Сокирко. Письма	500
Номер 7-8 (1981-2)	501
А. Рефераты и выписки	505
7/8А1. А.Сахаров. Тревожное время	505
7/8А2. А.Радов. Щекинский парадокс. Л.Иванов. Слово о русском льне. Ю.Андреев. Характеры и обстоятельства. А.Радов. Иск	507
7/8А3. Л.Колосов, Дм.Мещанинов. Прозрение . . .	510
7/8А4. Непосредственные итоги польского Августа	512
7/8А5. А.Н. Наши пути	528
7/8А6. В.Чалидзе. Хомейнизм или национал-коммунизм	532
7/8А7. А.Зиновьев. О коммунизме, о Западе и о себе	535
7/8А8. Б.Комаров. Уничтожение природы	538
7/8А9. Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера земли	548
7/8А10. А.Янов. Реквием екатерининской России	551
7/8А11. А.Московит. Метаполитика	553
7/8А12. Л.Фишер. Жизнь Ленина	559
7/8А13. М.Рейман. Бухарин и альтернативы советского развития	563
7/8А14. Н.Хрущев. Воспоминания	563
7/8А15. Э.Неизвестный. Мой диалог с Хрущевым	567
7/8А16. С.Нилус. Близ есть, при дверях	569
7/8А17. А.Львов. Гости или древнейшие обитатели?	576
7/8А18. Э.Орловский. Изменения в иерархии советского руководства	576
7/8А19. Э.Орловский. Заметки об избирательной кампании 1980 года	577
7/8А20. Использование психиатрии в политических целях. Информационный бюллетень 18	579
7/8А21. Использование психиатрии в политических целях. Информационный бюллетень 19	580
7/8А22. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень 15	582
7/8А23. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень 16	583
7/8А24. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень 17	585
7/8А25. Интервью Юзефа Пайестки	588
7/8А26. Б.Михайлов. На выставке Ильи Глазунова. И.Голомшток. Феномен Глазунова	593

7/8A27. И.Суицидов. Вещи, говорящие о самих себе	595
7/8A28. М.Розанова. На разных языках	597
7/8A29. Р.Орлова. Мы не хуже Горация	598
7/8A30. Диалог	598
7/8A31. «Поиски и размышления»	598
7/8A32. «Прибавления к распространению свободных мыслей и новостей в Эстонии»	599
Б. Точки зрения. Рецензии	605
7/8B1. А.Дравич. Зарубежная Россия	605
7/8B2. Н.Лепин. Парафразы и памятования	613
7/8B3. По поводу присуждения Нобелевской премии Ч.Милошу	622
7/8B4. В связи с 60-летием А.Д.Сахарова	629
7/8B5. По поводу голодовки	631
7/8B6. В.Л. Возможен ли «хороший социализм»?	633
7/8B7. М.Н.С. Немного о первокурснике	640
7/8B8. Речь В.Э.Мейерхольда 15.05.1939	644
7/8B9. Л.Копелев. Стихи молодых	646
7/8B10. Современные сказки	647
В. Содержание свежих номеров	657
7/8B1. «Поиски и размышления», 9	657
7/8B2. «Поиски и размышления», 10	658
7/8B3. «Поиски и размышления», 11	658
7/8B4. «Поиски и размышления», 12	658
7/8B5. «Поиски и размышления», 13	659
7/8B6. «Поиски и размышления», 14	659
7/8B7. «Поиски и размышления», 15	660
7/8B8. «Поиски и размышления», 16	660
7/8B9. Майя. Литературный альманах	661
Приложения	664
Авторы журнала «Сумма» и их псевдонимы	664
Биографические данные авторов «Суммы». <i>Сост. А.М.Вершик, В.Э.Долгинин</i>	665
Именной указатель. Сост. Б.Маслов	672
Указатель периодических изданий. Сост. Б.Маслов	692
Тематический указатель. Сост. Б.Маслов	694
Краткий хронологический указатель. Сост. Б.Маслов	703
Топографический указатель. Сост. Б.Маслов	705

С89 **«Сумма» – за свободную мысль** СПб.: «Издательство журнала “Звезда”», 2002. – 720 с.
ISBN 5-94214-040-5

В этой книге воспроизведен полный текст самиздатского журнала «Сумма», выходившего подпольно в Ленинграде в 79-82 гг. Читатель найдет в этом издании самые разнообразные материалы о политической и культурной жизни страны тех лет – дискуссии и рефераты, написанные различными авторами, объединенными стремлением к независимости и свободной мысли.

ББК 84Р7

«Сумма» – за свободную мысль
редактор А. Вершик

Художник В. Гусаков
Компьютерный набор Е. Досова
Оригинал-макет Е. Маслова, М. Горбульский
Корректор Л. Комарова
Фотографии на развороте Б. Шварцман

Издательская лицензия N 02412 от 20 июля 2000 г.
Подписано к печати 25.05.2002 . Формат 60 × 88^{1/16}
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 45.
Тираж 700 экз. Заказ № 138.

ООО «Издательство журнала “Звезда”»,
191186, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 20.

Отдел реализации (812) 273-76-92
Отпечатано в типографии ООО «ИПК «Бионт».
199026, С.-Петербург, Средний пр.ВО., д.86
тел. 322 - 68 - 43

В 1979-1982 годах небольшая группа ленинградских и московских интеллигентов подпольно выпускала машинописный журнал «Сумма». Целью его издания было распространение правдивой информации о политических, культурных и других событиях в стране. На страницах «Суммы» реферировались материалы из неподцензурных журналов и сборников, выходивших нелегально в СССР, а также западные издания, дискутировался широкий круг вопросов, волновавших интеллигенцию в те годы. Журнал «Сумма», как и другие самиздатские издания, является свидетельством существования в стране свободной общественной мысли, пробивавшейся и развивавшейся вопреки всем запретам и тотальной цензуре.

В эту книгу вошли почти без изменений все восемь номеров журнала «Сумма» и небольшой справочный материал. Книга адресована всем, кто интересуется историей и развитием общественной мысли в России во второй половине XX века.

From 1979 to 1982 a small group of Leningrad and Moscow intellectuals published an underground type-written review called *Summa* (Latin for *sum*). Its purpose was to spread truthful information on political, cultural and other events in the country. Issues of *Summa* contained reviews of materials from non-censored journals and collections published illegally in the USSR, and also of Western publications, discussing a wide range of questions which were a matter of concern to the intelligentsia in those years. The *Summa* journal, like other samizdat publications, is testimony to the existence of free social thought in the country, breaking through and gathering strength despite total censorship and all kinds of impediments.

This book includes all eight issues of *Summa* with practically no alterations, as well as brief information material. The book is intended for all who are interested in the history and development of social thought in Russia in the second half of the 20th century.